

PRO

PATRIA

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

PRO

PATRIA

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Виталий Третьяков

НАУКА БЫТЬ

РОССИЕЙ

**Наши национальные интересы и пути их
реализации**

МОСКВА

Издательство **Русский Миръ** 2007

УДК 32(470+571)"19/20 ББК 66.2(2Рос) Т66

Серия основана в 2006 году

Художник *А. Ю. Никулин*

© Третьяков В.Т., 2007

© Никулин А.Ю., худож. оформление, 2007

© Русскій міръ, 2007 ISBN 978-5-89577-109-9

© Политический класс, фотопортрет, 2007

Электронное оглавление

Электронное оглавление	4
Введение	6
Как управлять Россией (теория и практика руссогогики)	6
Раздел 0. ДВЕ ФАНТАЗИИ ВРЕМЁН РАСЦВЕТА И ЗАКАТА ЕЛЬЦИНИЗМА	12
Президент. Моя борьба	12
Разговор Березовского с Путиным	16
Раздел 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ: КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ	23
Двор плюс Аппарат	23
1996-й. Конец России? (6)	24
Победа коммунистов	26
Сталин — это наше всё	28
Голиаф и Левиафан	29
Власть, общество и интеллигенция в современной России	32
Идеальное государство	39
Презумпция номенклатурности	40
Раздел 2. 1991-2007: ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИКА В ЕЁ ВАЖНЕЙШИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ	43
После путча, накануне реформы	43
Государственный переворот в СССР	49
Агония политического режима очевидна	51
О «демократическом» лозунге «поражения собственной армии и собственного правительства»	55
1	55
2	56
3	57
4	57
5	58
6	59
7	60
9	62
«Обогащайся!» и «Выживай!»	63
Вопрос о власти (1)	64
Вопрос о власти (2)	66
Альтернатива мифу	69
Молчание элит	71
Бремя всевластия	74
Раздел 3. Моя история РОССИИ. ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОБЫТИЯХ И ПЕРСОНАЖАХ	81
Апология Горбачёва, или Эпитафия перестройке	81
Первый год президента Бориса Ельцина	84
Правила установки памятников	90
Уроки Сталина	90
Тезисы о перестройке,	92
Россия без истории	95
Государственный недопереворот	97
4 ноября. От легализации к канонизации	98
Who is mister Brezhnev?	101
Ельцин умер. Ельцин всё ещё жив	102
Раздел 4. СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ	104
Что происходит в России и почему?	104
Президентский императив: от конфронтации к партнёрству	109
1996-й. Конец России? (9)	115
К России людей и людям России	116
Развалится ли Россия?	120
I	120
II	121

III	Объективные и субъективные факторы, значимые для восстановления большой России в начале XX века и сегодня	122
IV	Диагноз: управляемая демократия	126
	Россия: последний прыжок в будущее	128
	Бесхребетная Россия	134
	Угрозы и вызовы, брошенные России	149
	Суверенная демократия	150
	Дефицит идеологии и поиск стратегии	152
	Суверенная демократия как историческая судьба России	154
	Крушение СССР и возрождение России	155
	Чертёж Суркова	167
Раздел 5. КАЗУС ПУТИНА. АНТИЕЛЬЦИН		175
	Вся правда о Путине	175
	Разговор Голиафа с Левиафаном	177
	Режим Путина и Россия (1)	180
	Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?	183
	Большая статья о Путине и о России	184
	Публичный политик № 1	189
	Why do we need mr. Putin? (1)	190
	Why do we need mr. Putin? (2)	192
	Императивы Путина	194
	Либеральный консерватор	199
	Инаугурационное	206
	Выбор Путина как выбор России	214
	Нужен ли нам Путин после 2008 года?	221
Раздел 6. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ И В СВОЁМ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОКРУЖЕНИИ		236
	Чечня, Белоруссия, НАТО, Украина	236
	Прекрасен их союз?	240
	Зачем нам СНГ?	241
	Что России нужно от США?	244
	Гипотеза о большом треугольнике	248
	Тлеющая «Европа»	253
	Естественная роль	255
	Русская Азия	256
	Наш домашний «диктатор», или Суверенные неконформисты	258
	Россия — Украина: разорванный договор	260
	Встречи в верхах и низкие истины	263
	Диссидент Путин	266
	Зачем Россия остаётся в ОБСЕ?	266
Раздел 7. ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА		270
	Новый европейский завет	270
	Евроатлантический союз	275
	Записки о Евросоюзах	276
Раздел 8. РАЗНОЕ, НО ВАЖНОЕ		284
	Об идее разрушения мавзолея	284
	Загадка экстремизма	285
	Внимание, опасность!	286
	Русский Кавказ	287
	Порядок или Марс?	289
	Терроризм как оружие массового уничтожения	290
	Террористический рейх	292
	Дело и тело Ленина	295
	Заметки на нетрадиционно-сексуальную тему	296
Содержание		298

Введение

Как управлять Россией (теория и практика руссогогики)

Идея подготовки и выпуска этой книги принадлежит издательству «Русский мир», за что я приношу ему искреннюю благодарность. Сразу по двум причинам.

Первая очевидна — инициатива издательства позволила этой книге появиться.

Важнее, однако, вторая причина. В последние годы вышли три сборника моих статей. Один — избранное, но очень полное избранное из того, что я публиковал в «Независимой газете» с 1999-го по 2001 год. Два других сборника — статьи, написанные для «Российской газеты» за время ведения в ней моей авторской колонки (2002-2005 гг.).

Но эти сборники не включали то, что я писал для других изданий, а главное — в них чисто журналистские, актуальные, откликающиеся на текущие события комментарии были перемешаны с текстами концептуальными, фундаментальными (по крайней мере, фундаментальными по затронутым в них проблемам), теоретическими, да простится мне это определение. И таким образом эти теоретические тексты исчезали, часто даже из моей памяти, за лесом злободневной публицистики и аналитики.

Издательство «Русский мир» вознамерилось издать сборник как раз моих «теоретических работ» — именно так прозвучало предложение. То, что таких работ у меня довольно много, я знал. Но я не был уверен в том, что и по отдельности, и в сумме своей они достаточно содержательны для того, чтобы переиздавать их (некоторые — спустя

5

более десяти лет после того, как они были написаны) с претензией именно на теоретическое целое, на концептуальную аналитику, на то, что написанное в разное время журналистом, а не профессиональным философом или политологом суть написанное надолго и имеет не тактический, а стратегический интерес.

Впрочем, я давно уже руководствуюсь не мною придуманным правилом, распространяющимся не только на войну, но также и на политику вообще и политическую стратегию в особенности — и то, и другое слишком важные вещи, чтобы доверять их только профессиональным политикам и профессиональным политическим стратегам. Кстати, где в России последние?

Словом, пролистывая свои старые и почти или совсем забытые работы, перечитывая те из них, которые могли претендовать на «теоретичность», я очень быстро убедился, что предложение «Русского мира» не только лестно для меня как для политического журналиста-аналитика, но и вполне оправдано. Мне действительно, говорю это без ложной и без не ложной скромности, есть что предъявить просвещенной, в том числе и более меня просвещенной, публике в качестве пусть своего, но теоретического видения и истории, и политики, и национальных интересов, и будущего России (и не её одной будущего). Поэтому я не только согласился, но и без всякого душевного или интеллектуального трепета взялся за составление этого сборника.

Первоначально, всё-таки пытаюсь умерить свои авторские амбиции, я решил назвать эту книгу *«Искусство быть Россией»*. Исходя опять же из двух соображений.

Во-первых, способность быть такой страной, как Россия, это, безусловно, искусство, требующее наличия соответствующих талантов (а в идеале — гениальности) у тех, кто ею управляет. Считаю это утверждение аксиомой, а потому продолжать не буду.

Во-вторых, как мне казалось, я всё-таки не достаточно подготовлен для того, чтобы излагать, даже в своей версии, науку бытия России и правления в ней, а потому следовало бы ограничиться лишь «искусством», то есть чем-то более неопределённым и эфемерным, менее уловимым и не требу-

6

ющим точных характеристик и строгих формулировок. Но перечитанные мною мои собственные тексты, во всяком случае — некоторые места из них, а также то, что предложенные мною когда-то идеи годы спустя воплотились и продолжают воплощаться в реальную политическую практику, убедили меня: эта книга должна и имеет право называться *«Наука быть Россией»*.

В связи с этим утверждением смело отсылаю сомневающегося читателя к практически любому тексту из четвёртого раздела этой книги, поименованного *«Стратегия для России»*. То, что там написано, и то, что там предложено, иногда полностью, иногда частично (но очень большими частями) составляет суть политики и стратегии сегодняшнего руководства России. А иному, я теперь в этом уверен, ещё предстоит воплотиться и в то, и в другое. Просто ещё не пришло время, не вызрели условия, не отобилизовались соответствующие ресурсы — кадровые, политические, интеллектуальные, ресурсы воли и просто физических возможностей. Ибо ясно, что одно дело предлагать правильные решения, а другое — воплощать их в жизнь тогда, когда ты, находясь на властной позиции, точно так же, как «какой-нибудь Третьяков», или даже лучше его, знаешь, что нужно сделать, но, в отличие от тех, кто не находится на вершине (но всё равно — внутри) властвующей бюрократии, понимаешь: сделать-то надо, но пока невозможно.

Как-то, отвечая на вопрос журналиста, где кончается власть президента России, я ответил (совершенно спонтанно): там, где кончается его физическое тело. Это был очень точный ответ.

Каждый начальник знает пределы своих возможностей в управлении другими. Не знают этого, как правило, те, кто наблюдает за таким начальником со стороны. Но я к их числу давно уже не отношусь. К числу тех наблюдателей, которые не умеют — или не желают — поставить себя на место начальника и хотя бы мысленно принять вместо него решение, которое считают правильным, предвидя при этом все

последствия принятия такого решения. Всё-таки я уже давно, с 1989 года, слежу за российской (тогда ещё советской) политикой, описываю и анализирую её, знал и

7

знаю практически всех (за очень редкими исключениями) её самых главных и просто главных игроков, как публичных, так и скрытых от глаз и ушей и широкой, и узкой общественности, знаю в том числе лично, некоторых — очень близко.

Между прочим, своим студентам я всегда советую, прежде чем писать статью о, например, неправильном, по их мнению, решении или действии президента, поставить себя на место этого президента и спрогнозировать, позволяют ли ему обстоятельства принять решение правильное, будет ли оно реализовано его подчиненными, а если будет, то в каком виде и к каким последствиям приведёт. И только после этого, если первоначальный позыв к критике не исчезнет, садиться за бумагу или компьютер. Совет просто золотой — жаль, что редко кто им в журналистике пользуется. Но я сам по крайней мере пытаюсь.

Теперь хочу быстро пробежаться по тому, как составлен этот сборник, сделав необходимые, как мне кажется, пояснения.

Начну с названия этого введения, точнее, с последнего слова в нём — с термина, который, надеюсь, войдет в политический лексикон тех, кто изучает нашу страну. Этот термин я придумал тогда, когда составлял этот сборник, а потому нигде, далее этого введения, обнаружить его в книге не удастся. И придумал (что было результатом специального интеллектуального усилия, а не случайного озарения) не просто так, а с умыслом. Ибо надо же было придать всему комплексу отобранных мною статей характер обобщения и синтеза.

Как легко догадаться, *руссогогика* означает *управление Россией*, что, на мой взгляд, является отдельной областью человеческого знания, особой (специальной) наукой. Успешная *руссогогическая* деятельность требует, и я в этом глубоко убеждён, не только овладения этой наукой теоретически и определённой практики — всегда весьма ограниченной, ибо, что понятно, лишь единицы из десятков миллионов жителей страны имеют возможность систематически практиковаться в области *руссогогики*. А в полном объёме овладеть ею практически может в каждый отдельно взятый момент вообще только один человек — тот, кто возглавляет Россию. Сегодня его должностное положение определено так — Президент Российской Федерации.

8

Фактически это самая редкая профессия в нашей стране, как, впрочем, и в любой другой. Не уверен, что самая сложная, но точно — самая уникальная. Кроме всего прочего, ещё и потому, что вступают в эту должность, то есть в реальную профессиональную деятельность, всегда те, кто ранее ею никогда не занимался. (Монархические времена, когда наследников престола специально готовили к их будущей «работе», давно прошли.) То есть к управлению Россией всякий раз приходит, строго говоря, неопит, ученик, стажёр — и лишь со временем, но уже наделав достаточно ошибок, он в достаточной мере научается быть тем, кем уже давно является. К сожалению, это случается далеко не всегда, а главное — ошибки и провалы этого неопита становятся провалами всей страны, всей нации. И изменить здесь ничего невозможно.

Так вот, вернусь к брошенной выше и не доведённой до конца своей мысли: успешная *руссогогическая* деятельность требует не только хорошей теоретической подготовки, не только серьёзной практики, но и искусства, то есть того, что, во-первых, может компенсировать пробелы теоретической подготовки или практического опыта, а во-вторых, придать блеск (не столько внешний, разумеется, хотя и он — дело не лишнее) проведению в жизнь тактических, оперативных и стратегических интересов России как нации, страны и государства.

Вопросы *руссогогики* кажутся мне настолько важными, возможно, определяюще важными для нашей политики и — шире — нашей жизни вообще, что, придумав этот термин, я вновь решил сменить название книги на *«Руссогогику, или Науку и искусство управления Россией»*. После некоторых раздумий я всё-таки отказался от этого намерения — но не в принципе, а только применительно к вопросу о названии.

Итак, тематика и проблематика этого сборника мною продекларированы и разъяснены, что, помимо прочего, позволяет читателю понять, почему те или иные тексты в неё включены, в частности, почему включены некоторые достаточно короткие (то есть, по внешним признакам, «нетеоретические») статьи. Теперь перейду к описанию того, как и почему эти тексты в корпусе книги сгруппированы.

9

В книге девять разделов, причем первый пронумерован цифрой «0», а все последующие имеют нормальную последовательную нумерацию. Ноль выбран мною для «оцифровки» первого раздела не оригинальничая ради, а по весьма содержательным резонам.

Раздел назван *«Две фантазии времён расцвета и заката ель-цинизма»* и действительно включает в себя всего два текста. Первый (*«Президент. Моя борьба»*) написан в самом начале 1995 года, второй (*«Разговор Березовского с Путиным»*) — в мае 2001-го. Оба текста являются памфлетами (я сам, правда, предпочитаю называть их политическими фантазиями), один из которых сатирически, а второй вполне серьёзно, но путём описания события, возможно, вообще не имевшего места в жизни, препарируют режим власти Бориса Ельцина.

Памфлетно-фантастическая форма позволила мне показать (и думаю, не совсем безуспешно) не просто недостатки этого режима, а, так сказать, *анатомию антируссогогики, или руссогогики наоборот*, — извращённую систему правления Россией. Это, конечно, самая «ненаучная» часть книги. Поэтому я и вынес

её за пределы общей нумерации разделов, но поставил в самое начало сборника — дабы сразу и концентрированно дать контрастный фон для тех позитивных установок, которые предлагаются мною в основном корпусе книги.

Последующие разделы (с 1-го по 8-й) выстроены на основе понятной логики. Тексты, написанные в разное время, по разным поводам и для разных изданий, сгруппированы в этих разделах по проблемно-тематическому принципу. При этом я основывался как на объективной значимости проблем, так и на собственном представлении об их приоритетности.

В разделе первом описывается политический режим России в его постоянных и переменных составляющих. При этом я руководствуюсь двумя принципиальными для меня соображениями.

Во-первых, тем, что многие и позитивные, и негативные характеристики этого режима (может быть, лучше в данном случае было бы сказать — власти) остаются неизменными на протяжении, как минимум, последних двух веков, то есть, упрощённо говоря, были и остаются прежними и при царях,

10

и при коммунистах, и при демократах. С этим согласны многие, но только я, в отличие от этих многих, не впадаю в истерику по поводу такого постоянства, а просто отношу его к генетическим качествам русской власти и системы взаимоотношений власти и общества в России.

Эти генетические качества могут нравиться или не нравиться, иногда их нужно исправлять или корректировать, а порой и нет, но главное — их невозможно, тем более стремительно, в одночасье, отменить. А потому профессиональный *руссогог* (правитель России) обязан их знать и, принимая свои решения, учитывать, а не сетовать, какая неподходящая для реализации его прекрасных замыслов страна ему досталась. Последнее — непрофессионально и просто непристойно. Не нравятся эта страна, этот народ, это общество — покинь свой пост и ищи политического счастья в других палестинах. Это, кстати, относится не только к главам государства, но и вообще ко всем крупным политикам и чиновникам, обретающимся на отечественной ниве.

Во-вторых, я вообще исхожу из того, что Российская империя, Советский Союз и нынешняя Российская Федерация — это не только одна и та же страна (часто звучащее сегодня утверждение обратного для меня просто абсурдно), но и одно и то же государство, в котором, естественно, сменялись властные системы и политические режимы, но при этом неизменным оставался (и остается до сих пор) правящий (что важно — владетельно-властный) класс. Это класс бюрократии. Только в Российской империи этот класс был дворянско-бюрократическим, в Советском Союзе — партийно-бюрократическим, а в нынешней прото- и квазидемократической России — олигархо-бюрократическим.

Во втором разделе книги собраны статьи, откликающиеся на некоторые очень важные события новейшей политической истории России, причём, как правило, события, являющиеся, как принято сегодня выражаться, точками исторических бифуркаций (или, более по-русски, развилки). Естественно, что тексты для этого (как, впрочем, и других разделов) отобраны только такие, в которых теоретическое начало преобладает над собственно журналистским, злободневным, пусть даже комментарийным.

11

Этот раздел важен прежде всего потому, что за последние 15-17 лет Россия в который уже раз прошла по тем же камням, на которых в прошлом не раз кровавила и свои ноги, и свою душу.

Более чем естественно следует за этим третий раздел, озаглавленный внешне несколько претенциозно, но в реальности лишь фиксирующий своим названием то, что я не являюсь профессиональным историком: *«Моя история России. Холодная гражданская война в событиях и персонажах»*.

Дело в том, что я давно уже пришёл к убеждению, что весь XX век наша страна живёт в условиях гражданской войны, то есть борьбы разных слоев и групп общества по поводу власти и собственности. Эта война имела горячие стадии (известные три революции начала века, собственно Гражданская война 1918-20-х годов, сталинские репрессии, расстрел демонстрации в Новочеркасске в 1962 году, август 1991-го и октябрь 1993 года, две чеченские кампании конца века), а в промежутках, естественно, охлаждалась до почти незаметного противоборства внутриэлитных группировок или власти и общества. И сегодня из состояния этой гражданской войны (в её холодной стадии) мы не вышли, ибо некоторые социальные группы считают нынешнюю власть нелегитимной и уж точно очень многие не признают законность приобретения собственности теми, кто ею сегодня владеет.

Ярким внешним проявлением продолжающейся холодной гражданской войны стали постоянно разгорающиеся споры о том, кому нужно сегодня устанавливать памятники, а чьи памятники надо непременно снести. И, конечно, наличие у нас по-прежнему двух историй — красной и белой (тогда как в реальности-то у России в XX веке, естественно, была одна история) — есть очевиднейшее (по крайней мере для меня) доказательство неизжитости до сих пор не только синдрома гражданской войны внутри каждого из нас, но и самой гражданской войны как длящегося с начала прошлого века события. Гигантский, но, увы, не окончательный шаг на пути к прекращению этой войны был сделан в мае 2007 года. Разумеется, я имею в виду подписание акта о каноническом общении между Русской православной церковью и Русской православной церковью за рубежом. Надо думать, однако, что фи-

12

нал этого трагического раскола русского общества и русской истории мы увидим лишь тогда, когда по смерти сегодняшних собственников механизм наследования окончательно легитимизирует в глазах общества нынешние состояния и их будущих владельцев.

Четвёртый раздел («*Стратегия для России*») прост по названию, но по сути он самый главный в этой книге. И поэтому я хочу обратить на него особое внимание читателя.

В этом разделе в основном собраны тексты, которые я писал и печатал, прямо и специально обращаясь к президентам России или от их имени — к мыслящему сословию нашей страны. Именно в этих текстах сформулированы те стратегические (и неизбежно предшествующие им в реальной политике оперативные, а иногда и тактические) цели и установки, которые я считал и считаю абсолютно приоритетными и императивными для нашей страны и, соответственно, для тех, кто её возглавляет. Перечитав эти тексты сейчас, летом 2007 года (некоторые спустя более чем десять лет после того, как они были написаны), я мало что могу к ним добавить и почти ничего не убавил бы. Собственно, и переиздаются они мною в первозданном виде.

Наверное, это самые амбициозные мои тексты, но от этих амбиций я отказываться не собираюсь. Видимо, надо объяснить почему.

Во-первых, потому что я считаю эти тексты правильными.

Во-вторых, потому что я не находил у других авторов (из тех, кого успевал читать, разумеется) всей необходимой и достаточной суммы ясно и правильно (на мой взгляд правильно) зафиксированных стратегических национальных интересов России и описания путей и механизмов реализации этих интересов. Если бы кто-то сделал это раньше и лучше меня и я бы об этом узнал, то, конечно, не стал бы тратить так много бумаги на изложение собственных на сей счёт взглядов, а ограничился бы пропагандой и прямой рекламой взглядов чужих. Что, кстати, тоже всегда с охотой делаю. Самый свежий пример этого, нашедший отражение и в этой книге (конкретно — как раз в четвёртом разделе), — концепция *суверенной демократии*, не мною придуманная, но мною

13

поддержанная и, тшусь надеждой, отчасти и мною продвинутая вперёд и в интеллектуальном, и в собственно пропагандистском плане.

Я, безусловно, испытываю авторскую гордость за то, что введенный мною в начале 2000 года термин «*управляемая демократия*» не только прижился и стал популярным (даже расхожим), но просто считается теперь лучшей и всеобъемлющей политической характеристикой нынешнего политического режима и всей системы власти в России. Правда, я пытался придать этому определению скорее позитивное, чем негативное значение: авторитарно подправляемое и направляемое движение от квазидемократии к демократии полноценной. А используется оно чаще в значении скорее негативном: спекулятивная или манипулятивная демократия, — причём почему-то только по отношению к России, хотя в таком понимании этот термин вполне можно распространить и на зрелые демократические режимы ряда стран Запада, не говоря уже о Востоке Европы.

Однако авторское тщеславие это одно, а национальные интересы России и правильное их понимание — совсем другое. И гораздо более значимое для меня. Поэтому в меру своих скромных сил за концепцию *суверенной демократии* я буду интеллектуально сражаться так, как будто она принадлежит мне лично. Что, собственно, так и есть, потому что если она интеллектуально состоятельна и адекватна любимой мною России, то это и моя концепция тоже.

Отсюда третье объяснение того, почему я был столь амбициозен в своих теоретических текстах и не намерен отказываться от этого впредь. Когда ты видишь, как кощунственно-примитивно описывают столь сложный объект анализа, каковым является Россия; когда слышишь, какие упрощённо-стандартизированные, да ещё и до последней буквы заёмные рецепты развития ей предлагают; когда понимаешь, что делают это к тому же исходя из совершенно эгоистических, порой просто алчных побуждений, а иногда и в силу банального невежества, всегда падкого до подражания чужим образцам, амбиции разгораются сами собой. Да простится мне такой почти античный пафос, но я не могу выносить этого ни интеллектуально, ни сентиментально, ни морально.

14

Между прочим, за такую же амбициозность, если я правильно понимаю эту политическую фигуру, ценю я и президента Путина, статьи о котором собраны в пятом разделе книги. Всех трёх президентов СССР/России я знаю и знал лично (в разной степени, конечно). Обо всех много (по объёму) и часто писал. Но именно Владимир Путин заслужил в такой книге, как эта, отдельного раздела. Глубоко уважаемый мною и высоко чтимый по-человечески Михаил Горбачёв — нет. Потому что, начав великое дело, он проиграл его Ельцину. Ельцин — нет по понятным причинам. А Путин — да. И именно потому, что он стал Антиельциным, то есть человеком, интеллектуально, сентиментально и морально, а в итоге и политически не смирившимся с унижением России периода 90-х годов, вырвавшим нашу страну из этого унижения, за которым могло последовать её уничтожение или, что даже ещё хуже, безвольное исчезновение-самораспад.

Безусловно, на сегодняшний день я считаю Владимира Путина наиболее близким к оптимуму (или эталону) образцом современного *руссогога*. И этим, в конечном итоге, определяется то, что статьи о нём собраны в отдельный раздел данной книги.

Статейный состав шестого раздела не нуждается в особых пояснениях — это тексты, посвящённые проблемам внешней политики России, прежде всего на постсоветском пространстве и во взаимоотношениях с США и Евросоюзом.

А вот к седьмому разделу я вновь хотел бы привлечь внимание читателя. Здесь опять разыгрывает свою партию моя авторская амбициозность, ибо этот раздел посвящен разрабатываемой мною концепции Евроатлантической цивилизации, включающей три субъекта — ЕС, США и Россию, или

Западноевропейские Соединённые Штаты, Североамериканские Соединённые Штаты и Восточноевропейские Соединённые Штаты, или Западноевропейский Союз, Североамериканский Союз и Российский (Восточноевропейский) Союз. Я глубоко убеждён в том, что только осознание этого единства приведёт, во-первых, к выживанию нашей (евроатлантической, или христианской) цивилизации, во-вторых, что не менее важно, к продлению её глобального лидерства за пределами первой половины XXI века.

15

В последнем, восьмом, разделе собраны, как и обозначено в его названии, разные, но важные, по моему мнению, тексты, не нашедшие себе определённого места в предшествующих разделах. Тематика, соответственно, разнообразна, но в любом случае не легковесна с точки зрения национальных интересов России: терроризм, экстремизм, проблемы Русского Кавказа, судьба Мавзолея и тела Ленина, экспансия культа сексуальных меньшинств. Всё это тоже вполне теоретические вопросы, хотя решать их пытаются чаще всего сугубо практически, руководствуясь политической конъюнктурой, а то и просто заёмной модой или заёмной же политкорректностью.

Теперь несколько чисто технических пояснений.

Внутри разделов тексты размещены хронологически, по времени их выхода в свет.

Выделение курсивом названия тех или иных моих статей означает, что эти статьи содержатся в данном сборнике.

Цифры в скобках, которыми заканчиваются названия некоторых статей, означают, что под этим названием я публиковал серию текстов, последовательно нумеруя каждую следующую статью. В том случае, когда в данной книге печатаются отдельные статьи из той или иной серии, я оставлял в неизменности их порядковый номер (как и было при первой публикации). Но если для сборника я отбирал всю серию статей, то нумерация мною изымалась. И, таким образом, в книге оказывался интегральный текст всей серии, просто разбитый на пронумерованные соответствующим образом части.

Абсолютное большинство текстов печатается именно в том виде, в котором они были в своё время напечатаны. Конечно, в некоторых местах я исправил пропущенные ранее ошибки или внёс легкую литературную правку, но содержательных изменений и корректировок не делал. Даже в том случае, если на данную проблему сегодня смотрю несколько иначе. Впрочем, и поводов для таких изменений особенно не находилось.

В некоторых статьях убраны незначительные по объёму пассажи, иногда — отдельные фразы. Но исключительно в тех случаях, когда эти пассажи или фразы связаны с незначительными для общего содержания данной книги фактами,

16

именами или событиями, упоминание о которых сегодня потребовало бы подробных пояснений для читателя, не так хорошо, как очевидцы тех событий, знакомого с ними. Совсем очистить тексты от фактологической злободневности того времени, когда эти тексты были написаны, мне, конечно, не удалось — всё-таки не надо забывать, что я журналист и сочинял свои статьи, в основном откликаясь на конкретные события, а не философствовал в монашеском скиту или в академической келье.

Наконец, не более трёх-четырёх текстов сокращены значительно. Но и в этом случае исключительно по тем же основаниям, что перечислены в предыдущем абзаце. Всякое смысловое переписывание моих статей задним числом для меня исключено в принципе.

Внимательный читатель (надеюсь, такой найдётся) может заметить, что в статьях, датированных началом 90-х годов, я предстаю несколько большим «демократом», «либералом» и «западником», чем сегодня. Не стану этого отрицать. Более того, сам обращаю на это внимание того, кто возьмёт в руки данную книгу. Но долгих объяснений по этому поводу давать не намерен, тем более — не стану оправдываться.

Да, в чём-то взгляды мои изменились, но не очень существенно, ибо я всегда исходил из приоритета отстаивания национальных интересов России в таком виде, в котором я эти интересы понимал и принимал. И в этом смысле я не колебался вместе с линией партии — это партия в конце концов доколебалась до того, что казалось и кажется правильным мне. Не потому, что я самый умный, а просто потому, что я всегда старался быть объективным, но главное — стоял на фундаменте того, что как раз и является национальными интересами нашей страны. А эти интересы объективны и могут лишь неправильно нами трактоваться или интерпретироваться. А вот в наших «демократах», «либералах» и «западниках» я действительно разочаровался — и по делам их, и по словам. И, конечно, я разочаровался в самом Западе, оказавшемся далеко не таким альтруистичным, как мне представлялось в наши «розовые демократические времена» конца 80-х — начала 90-х годов.

Нельзя завершать введение к собственной книге ни печальным, ни смешным, а посему после воспоминания о «ро-

17

зовых временах» я обязан дописать, как минимум, еще один абзац. И, конечно, он должен касаться *руссогозики* и *руссогогов*. Пожалуй, я сделаю вот что. Закончу это введение вопреки канону, а именно — посвящением, которое, если автор на него решается, полагается помещать сразу после названия книги. Я же завершу им введение к данному сборнику — хотя бы потому, что не до конца уверен, что все, кому это посвящение адресовано, будут его достойны. Но, тем не менее — с надеждой: *Посвящая будущим президентам России.*

Виталий ТРЕТЬЯКОВ 1 августа 2007 г.

Раздел 0. ДВЕ ФАНТАЗИИ ВРЕМЁН РАСЦВЕТА И ЗАКАТА ЕЛЬЦИНИЗМА

19

Президент. Моя борьба

Ненаписанные наброски будущей книги

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 12.01.1995

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга писалась ещё в бытность мою первым секретарём обкома. Я попытался обобщить в ней все добытые собственным опытом знания, полезные для всякого, кто хочет стать начальником — например, всенародно избранным президентом, или, добившись этой цели, оставаться им.

О СЧАСТЬЕ

Человеку, богатому талантами, широтой души или ещё какими-либо незаурядными качествами, можно быть счастливым, оставаясь подчинённым или даже не подчиняясь никому, но никем и не командуя. Того же, кто лишён всех этих излишеств, больше мешающих, чем помогающих выживанию, сделать вполне счастливым может только власть.

ОБ ОБЪЁМЕ СЧАСТЬЯ (ВЛАСТИ)

Все удовольствия надоедают. Некоторых из них неизбежно лишаешься с возрастом. Всеми ими могут пользоваться и другие. Только власть хороша и в малом объеме, и в своём абсолюте — когда ты безраздельно царишь над целой страной. Успешное движение от малой власти к абсолютной само по себе является счастьем, ибо здесь всегда есть проигравшие. А когда ты достигаешь самого верха, проигравшими становятся все, кроме тебя.

Делать то, что хочешь, невзирая на желание или нежелание других, разве это не счастье? Тем более в старости. Когда всех иных удовольствий ты уже вкусил.

20

ТРУДНО ЛИ ОВЛАДЕТЬ ВЛАСТЬЮ ?

Нет. Нужно лишь поставить эту цель и делать всё ради её достижения. Гораздо труднее удержаться у власти, особенно там, где ты уже подобрался к самой вершине. Но и это по силам человеку, который руководствуется несколькими несложными правилами. Но следовать им нужно неукоснительно.

У ВЛАСТИ ВСЕГДА ЕСТЬ ОДИН ХОЗЯИН

Можно завести свою семью, не разрушив чужую. Можно построить дом для себя, не отбирая жилище у соседа. Власть не бывает ничьей — у нее всегда есть хозяин. Следовательно, главное правило достижения власти — готовность отнять ее у того, кто ею уже обладал.

ВЛАСТЬ НЕ ОТДАЮТ ДОБРОВОЛЬНО

Да, это так. Поэтому ты должен быть готов к борьбе.

ВЛАСТЬ НА ВРЕМЯ - ЭТО НЕ ВЛАСТЬ

Пока ты движешься от малой власти к большей, ты все равно у власти. Но на самой вершине власть уже нельзя обменять на большую — её можно только потерять. Кем-то, не понимающим сути власти, придуманы выборы, с помощью которых отбирают власть у тех, кто её однажды достиг. Эта система хороша на нижних ступенях лестницы, так как создает дополнительную возможность двигаться вверх. Но она глупа и несправедлива на самом верху, ибо тот, кто достиг вершины, уже доказал своё преимущество перед всеми остальными. Конечно, подчинённые могут изменить своё отношение к тому, за кого они голосовали или кого поддерживали иным способом. Но подчиняться своим подчинённым — значит, не обладать властью. Следовательно, выбора здесь нет, а есть техническая задачка, имеющая много способов решения.

КАК ДОСТИЧЬ ВЕРШИНЫ?

Это — главная проблема. Тут есть несколько правил, подходящих, кстати, для овладения любым постом — от прораба на стройке до главы государства.

21

Первое. Чем слабее тот, кто выше тебя, тем сильнее ты. Ослабляй того, кто выше.

Второе. Не можешь свалить начальника сам — дай это сделать другим, а сам лишь вовремя возникни в нужном месте. В междоусобице почти всегда побеждают не те, кто борется друг с другом, а третий. Им должен быть ты.

Третье. Не можешь отнять всю власть сразу — отбирай её частями: однажды твоя доля перевесит то, что осталось у бывшего хозяина.

Четвёртое. Но если не получается отобрать часть власти над целым — расколи целое на части, а затем объяви свою часть целым.

Пятое (и последнее). Ни один бой нельзя выиграть в одиночку, тем более что твой хозяин пока обладает большей властью. Всегда у тебя должны быть союзники, опора, материал для восхождения вверх, горючее для твоего взлёта. Окружение.

ОБ ОКРУЖЕНИИ (1)

Горячее сгорает — не жалею о нём.

ОБ ОКРУЖЕНИИ (2)

Но горячее не должно сгорать до конца, ибо борьба за власть постоянна. Кроме того, некоторые компоненты горячего могут обеспечить несколько этапов взлёта. Итак, часть горячего сгорает, часть остается в запасе. Сгоревшее заменяется новыми компонентами.

ОБ ОКРУЖЕНИИ (3)

Власть всегда висит в воздухе, ибо большинство подчиненных не любят начальника тем сильнее, чем выше он сидит. Поэтому твоё окружение — это не только те, кто вокруг тебя. Это и те, кого ты оставил там, внизу. Ближнее окружение должно быть хитрым. Дальнее — жадным (они поддерживают твою власть в обмен на право брать собственность). А между ними (среднее окружение) — умные. Недостаточно жадные, чтобы быть внизу. И недостаточно хитрые, чтобы быть рядом с тобой. Словом, это люди, которых ты демонстрируешь

22

миру, дабы не раздражать без нужды тех, кто сам себя считает умным, то есть так называемых людей с принципами.

ОБ ОПАСНЫХ ЛЮДЯХ

Умные и принципиальные (моральные) — самые опасные для тебя люди. Поэтому меньшую их часть нужно держать при себе, а большую — в чёрном теле. И главное — не мешать им говорить (об этом смотри ниже).

ОБ ОКРУЖЕНИИ (4)

Используй честолюбцев и обиженных прежней властью, особенно среди интеллигенции и чиновников. Никогда не опирайся на первых лиц, но всегда на их замов. У всякого начальника есть хотя бы один зам, готовый в любой момент предать шефа. А для гарантии — пусть замов будет больше. У подчинённых тебе начальников. И как можно меньше у тебя самого.

ОБ ОКРУЖЕНИИ (5)

Главная власть — в столице. А главные искатели власти — в провинции. Провинциалы — твоя опора на все времена. Чтобы возвыситься над бывшими коллегами, а тем более над столичными штучками, они готовы уничтожить пол-Москвы. Это то, что нужно всегда, ибо в столице, где ты борешься за власть или защищаешь её, всегда есть что уничтожить.

ЕЩЁ О ЗАМАХ

У твоих врагов тоже есть замы — не стесняйся переманивать их. Предатели служат вернее, потому что не за совесть, а за страх. Да и держать в руках их проще.

О СОПЕРНИКАХ (ВРАГАХ)

Это все, кто выше тебя; все, кто ниже; все, кто рядом или равен тебе. Нельзя обладать властью, не имея врагов. Жизнь начальника — жизнь во вражьем стане. Исключений нет. А если есть, то для пользы дела их сподручнее таковыми не считать.

23

ОСОБЫЙ СОРТ ВРАГОВ

Сами по себе это не соперники, а лишь бульон, в котором соперники рождаются. Эти враги — избиратели или просто народ (население, массы). Сделать их соратниками надолго невозможно, дорого и не нужно. Но иногда иметь их друзьями (соратниками) необходимо.

О ТАКТИКЕ

Считается, что необходимо скрывать свои планы от соперников, а делиться ими — со своими соратниками. Нет ничего более далёкого от истины. Ибо соратники — это, как правило, твои главные соперники. Кроме того, ничто так не деморализует оппозицию и сочувствующих ей, как неожиданное раскрытие твоих истинных планов, которые твои враги считают секретными.

Во-первых, недовольные сразу начинают суетиться и делать ошибки, которые потом и послужат тебе поводом для того, чтобы раздавить этих недовольных. Во-вторых, пять-шесть слабонервных в твоём окружении сразу же проявят своё малодушие — а с ними нужно расстаться ещё до начала дела.

В-третьих, если по каким-либо причинам ты потом сам откажешься от задуманного, это всегда можно выдать за учёт общественного мнения.

В-четвёртых, часто вслед за этим и делать-то ничего не надо — большинство понимает, что к чему, и сразу начинает вести себя так, как нужно.

ЧУЖИЕ ГРЕХИ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОТЁМКАМИ

Нет человека без грехов — и не надо избавлять людей от этого полезного для начальника качества. Необходимо лишь наладить должный учёт этих грехов и время от времени напоминать о них самим грешникам.

ВРАГ СТАНОВИТСЯ ДРУГОМ

Обещай всем, что они хотят, особенно перед решающими для тебя событиями.

24

О БЕЗВРЕДНОСТИ ОБЕЩАНИЙ

Не стесняйся в обещаниях — спросить всё равно будет нельзя. Пока идёшь к власти, идиоту понятно, что ты не можешь выполнить обещанного, а как станешь начальником — кто побоится спросить, кто сам за тебя объяснит, почему обещанное невозможно, а иных и слушать нечего — всё равно ничего не

сделают.

О ВРЕДЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Никогда не ставь профессионалов на ключевые посты. Профессионал не зависит от начальника, а дилетант, даже своенравный, быстро становится заложником своих ошибок. Тебе лишь остаётся вести реестр этих ошибок (что, кстати, не обязательно делать самому — это охотно сделает пресса).

О ПОЛЬЗЕ СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ

Кстати, глуп тот, кто ограничивает свободу прессы. Во-первых, это не нравится Западу. А во-вторых, только свободная пресса позволяет знать всё о своих противниках, включая и то, чего они сами о себе не знают. Да и интеллигенции приятно, что можно писать всё что угодно — это помогает ей оправдать любую власть.

КЛЮЧЕВОЙ АФОРИЗМ

Лучший твой друг — не твой друг, а враг твоих соперников или твоих друзей.

О СТРАТЕГИИ

Трудно руководить в спокойной обстановке — тогда все требуют отчёта в добрых делах, а власти никто не боится. В случае же беспокойствия, смуты и всякого безобразия начальнику легко и вольготно. Из двух зол (здесь уже не до добрых дел) он всегда может выбрать то, что назовёт меньшим, а страх перед властью возрастает полезным для неё объёмом и образом.

25

КСТАТИ, НО ОЧЕНЬ ВАЖНО

Твой неотразимый аргумент — я вынужден был выбрать меньшее из двух зол.

ГЛАС НАРОДА - СЕБЕ НА ПОЛЬЗУ

Вот важное правило: выполняй требования общественного мнения (коли очень просят), но тогда, когда сделаешь своё дело, и сделаешь так, как тебе выгодно. И пусть чаще просят (слушай, не отказывай!) — значит, ещё бояться, то есть слушаются.

О ПРЕСС-СЕКРЕТАРЯХ И ИНЫХ

Делай, что хочешь, - всегда найдутся те, кто любой твой шаг выдаст за верх государственной мудрости.

О ПОМОЩНИКАХ

Имей побольше помощников (на всякий чих и на всякое дело) — и пусть говорят, что хотят. Если скажут умно — твоя заслуга; если глупо — на них же и свалишь вину.

О ПОЛЬЗЕ СЛУХОВ

Большой начальник велик не делами, а великими слухами о нем. Чем больше слухов, тем лучше. Исчез на две недели -так с облегчением вздохнут, когда вновь появишься. Всякую малость о себе раздувай в слух, а не заглашай.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО

Великие (начальники) срама не имут.

О ЛОЗУНГАХ

Бери у каждого всё, что нравится людям, и приписывай себе. Вчера ты был антикоммунистом, сегодня можешь быть коммунистом. Что делать, раз народ требует.

26

О КОНСТРУКЦИИ КОМАНДЫ

Не окружай себя единомышленниками — они легко сговорятся друг с другом. Команда должна быть сборной солянкой (это в случае чего можно назвать и коалицией), тогда всякий овощ может быть представлен миру в нужное время как доказательство истинности твоих намерений. Каких? А тех, что от тебя будут требовать продемонстрировать.

БОГАТСТВО РОССИИ ТЕБЕ НЕБЕСПОЛЕЗНО

В этом и есть главная тяжесть власти: всегда выглядеть так, каким тебя хотят видеть. Ну так для этого нужно иметь балаган побольше, а кормить их всё равно не из своего кармана — Россия страна богатая, не какая-то там Бельгия или Швейцария.

О РАБОТЕ С ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

И другими. Не жалей орденов, званий, премий, не забывай и о привилегиях (на этом триста лет правила Романовы да семьдесят лет коммунисты — неужели на одного тебя не хватит?). Но это всё для мелкой шушеры. Тем, кто покрупней, сейчас нужна собственность. Воронства на Руси всё равно не изживёшь, а собственность (особенно если назвать её частной) — это и Западу приятно, и человека делает куда более сговорчивым. Но собственность в первую голову давай не всем, начинай с верхушки — пока она не насытится, тебя в обиду не даст: а вдруг следующий таким щедрым не будет?

СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ

Свои грехи приписывай своим соперникам. Их добродетели объявляй фальшивыми.

О ПОЛЬЗЕ УКАЗОВ

Дураки думают, что дело в исполнении указов. Если б все указы исполнялись, то после первой сотни все бы забыли о начальнике, да он и в самом деле стал бы ненужным. Искусство правления состоит в том, чтобы всякий указ требовал десятка других, — тогда нужен будет и тот, кто указы издаёт.

27

УКАЗЫ НЕИСПОЛНЯЕМЫЕ И НЕИСПОЛНИМЫЕ

Полезен только неисполняемый указ. Во-первых, он даёт возможность выпускать новые указы. Во-

вторых, легко наказывать его составителей. А с помощью неисполнимого указа, наоборот, легче снимать с должности исполнителей.

ЭТИ УКАЗЫ ДОЛЖНЫ ИСПОЛНЯТЬСЯ

1. Об охране начальника.
2. О знаках отличия высшего начальника.
3. О персональных назначениях.

О ЗАКОНАХ

То же, что и об указах.

О КОНСТИТУЦИИ

Содержание её не важно, а потому может быть любым. В той малой части, где оно важно, должны быть зафиксированы права начальника без всяких изъятий, противоречащих данным правилам.

РАБОТА С КАДРАМИ

Если дважды заставишь человека сделать то, чего он не хочет, он становится либо твоим кровным соратником, либо кровным врагом. В любом случае — он у тебя в руках.

И. О. — КЛЮЧ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

К сожалению, невозможно всех подчинённых сделать исполняющими обязанности. Но к этому нужно стремиться как

к идеалу.

О НАРУШЕНИЯХ

Полезно, чтобы подчинённые нарушали законы, а не указы. Но исполнение законов подчинёнными всегда менее полезно для начальника, чем неисполнение. Чтобы облегчить

28

подчинённым эту задачу, законы необходимы неясные и противоречивые.

По возможности переноси все, что можно, против назначенного тобою срока — ожидание подчинённых рождает в них растерянность и страх. А однажды сдержанное тобою обещание на этом фоне будет представляться чуть ли не победой над тобой. Но нет ничего полезнее для начальника, чем такие иллюзорные победы подчинённых.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Перед каждой решающей схваткой встречайся с общественностью. Пусть через два-три дня почувствует свою сопричастность великим делам.

О ПРИВИЛЕГИЯХ

Самое умное изобретение большевиков. Никогда никого из бывших соратников не лишай привилегий до конца — даже за самую тонкую нить удобно дергать. Но и соперника, как только окреп, сразу подключай к привилегиям.

КАК ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЕ

Выслушай всех. Задумайся надолго. Сделай так, как считаешь нужным.

МОЖНО ЛИ МЕНЯТЬ СВОИ РЕШЕНИЯ?

Лучше не менять. Но если приходится, скажи громко: «Ошибся, ребята». Вот радости будет многим! От этой радости они сами столько ошибок сотворят, что позже всё равно сделаешь по-своему.

А МОЖНО ЛИ ПОЗВОЛЯТЬ ВЛИЯТЬ НА СЕБЯ?

Конечно. В любом вопросе. Кроме главного — твоей власти.

ОБ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ДРУГИХ

Никогда не делай только то, что требуют твои соперники. Это признак слабости. Но не делай постоянно и того, что

29

требуют твои сторонники — ты станешь от них зависимым. Делай то одно, то другое. В результате всякий останется с надеждой получить когда-нибудь своё, а твои соперники никогда не соединятся с твоими сторонниками.

О ВРЕДЕ РЕФОРМ

Главный их вред состоит в том, что, начав однажды, их нужно продолжать и особенно — что-то сообщать об их результатах народу. Это обременительно.

О ПОЛЬЗЕ РЕФОРМ

Однако реформы всё же нужны. Объявление реформ свидетельствует об активности власти, напоминает людям, что начальство заботится о них. Кроме того, в ходе всякой реформы появляются дополнительные возможности устранения одних и выдвижения других.

Ничто лучше реформ не способствует открытию новых синекур, необходимых для новой расстановки нужных людей.

НУЖНЫЕ ЛЮДИ

Сегодня нужен один — завтра другой. Не пренебрегай никем, кроме тех, чьё место ты занял.

НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ

Те, кто особенно активно набивается тебе в соратники и союзники. Не разочаровывай их, даже обнадёживай легонько, но не люби.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

А что хочешь.

НА КОГО ОПИРАТЬСЯ?

На тех, кто без тебя лишится всего.

30

ШАПКА МОНОМАХА НЕ ТЯЖЕЛА, А ПОЛЕЗНА

Шапка Мономаха хороша не тем, что дорого стоит, а тем, что ею венчали на власть. Да будь это хоть кепка — главное, чтобы лежала в Кремле, а ты сидел рядом. Власть — это не то, что заставляет всех жить так, как ты хочешь (не получится, даже в какой-нибудь бригаде строителей всегда найдётся чудак, которого терпеть не можешь, а уволить — сил нет). Власть — это то, что тебе позволяет жить так, как хочешь ты, и делать то, что ты считаешь нужным. И это единственный рецепт её (власти) достижения. Делай с другими то, что полезно для тебя. И однажды увидишь, что ты на вершине, а те, кто рассуждал о морали, демократии и всякой там чуши, — либо твои подчинённые, либо враги. А это — одно и то же. В этом-то — главный секрет власти.

ГЛАВНОЕ ПРАВИЛО

Сделай сегодня так, чтобы завтра остаться у власти. Придёт завтра — поступай согласно этому же правилу.

31

Разговор Березовского с Путиным

Политический сон в майскую (2001 года) ночь

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 18.05.2001

Мне редко в последние годы снятся сны, но тут на днях приснился. Почему приснился, а главное — почему столь странный, ума не приложу. Я, собственно, и не прикладывал, а просто, учитывая общественную значимость данного сновидения (бывает и такое), проснувшись, перенёс его на бумагу. Ничего не добавляя и, подчеркну это особо, не убавляя. Два необходимых уточнения. Где и при каких обстоятельствах происходило то, что мне приснилось, неясно: кроме слов в моей памяти осталось лишь весьма неопределённого вида, но явно бюрократическое помещение, по которому изредка перемещались, а чаще сидели друг против друга, разделённые большим столом, собеседники. Один из них, когда говорил, всей грудью наваливался на столешницу, а другой сидел по большей части откинувшись на спинку кресла. Второе уточнение принципиально: в моём сне собеседники обращались друг к другу по именам и были на «ты». В печатной версии сна я решил заменить эту, возможно и реальную для жизни, взаимную фамильярность политкорректным обращением на «вы» и по имени-отчеству, а заодно изъять и все крепкие выражения, которыми активно пользовались оба «героя» моего сна (последнее обстоятельство, естественно, сделало речь собеседников менее узнаваемой).

Более мне добавить нечего, разве только то, что никаких комментариев к записи этого сновидения я делать пока не намерен, хотя мне и есть что сказать по поводу того, что напечатано ниже.

32

Березовский. Давно не виделись, Владимир Владимирович. Надо бы поговорить.

Путин. Да не о чем нам говорить, Борис Абрамович. Разве что вы хотите о чём-то меня попросить.

Березовский. Просить мне вас не о чем, да и не хочется, а вот расспросить, задать вам несколько вопросов хотел бы. Впрочем, как пойдёт разговор — может быть, и просьба будет.

Путин. Лучше бы с неё начать и на том закончить, но раз уж мы оказались в этой странной для каждого из нас теперь компании, то давайте ваши вопросы. Только не смешивайте их с вашими же на них ответами, если хотите получать мои. А то ведь я вас знаю — вы себя считаете самым умным.

Березовский. Так вы меня из-за этого в Россию не пускаете?

Путин. Вот видите — я же предупреждал: у вас первый же вопрос уже с готовым ответом.

Березовский. Владимир Владимирович, я здесь для серьёзного разговора, а не для обмена колкостями. Вы ведёте Россию к катастрофе, а из-за того, что я единственный человек, который осмеливается вам об этом говорить, что, конечно, — я понимаю — неприятно, вы хотите лишить меня возможности не только действовать, чтобы предотвратить это, но и не хотите даже слушать, даже понять те очевидные вещи, о которых я говорю.

Путин. Ну и что это за очевидные вещи?

Березовский. Вы разрушили всё, точнее почти всё, что было сделано Ельциным для того, чтобы Россия стала свободной, а значит, и процветающей страной.

Путин. Я разрушил? А что было разрушать-то? Что было? Нищий народ. Развалившаяся армия. Границы, через которые только ленивый не вёз, что хотел, а вывозили всё, что плохо лежит. А плохо лежало всё. Налоги не собирали. Пенсии не платили. Людей убивали и похищали. Ни внешней политики, ни внутренней. Мало того что с Чечней справиться не могли, так и вся Россия все больше на Чечню походила. Что было разрушать, Борис Абрамович? Разве что власть олигархов — так об этом никто, кроме вас самих, не жалеет. Вас никто не жалеет, Борис Абрамович.

Березовский. Вы же не маргинал, Владимир Владимирович, а президент. В ваших руках судьба страны, а вы рассуждаете, как те, кто голосует за Зюганова.

33

Путин. Так рассуждает народ...

Березовский. Это я уже слышал: «Возможно, мы с народом ошибаемся». Не возможно, а точно.

Сталинский гимн приняли — это же надо было до такого додуматься! Со сталинистами будете демократию строить?

Путин. Гимн к демократии отношения не имеет. Это история наша. Герб царский, гимн советский, флаг демократический. Целая история, никаких провалов. Единство нации нам необходимо, а не война всех против всех, бедных против богатых.

Березовский. Значит, раз бедных большинство, демократию и рынок будете по их разумению конструировать? С опорой на неудачников?

Путин. А что, неудачники не в счёт? Вы же сами говорите, что их большинство. А если именно они и голосуют на выборах? Как их игнорировать? Да и не они неудачники, а реформы у нас были неудачные.

Березовский. Во многом неудачные, но всё-таки реформы. Ельцин жестоко учил, но учил. И лучший урок в августе 1998 года дал. Бросил всех в воду — выплывайте. Умеешь плавать, не умеешь — спасайся как можешь. Жестоко, но эффективно. Миллионы ведь выплыли — на них опираться нужно.

Путин. Это раз хорошо, а каждый день так учить не будешь. Сломаешь народ, а скорее — он тебя сломает, снесёт вместе с Кремлем после одного-двух таких уроков.

Березовский. Не снесёт. В России народ никогда на власть не пойдёт, если власть знает, что делает, если не стесняется быть сильной и даже жестокой, когда нужно, если это на пользу стране.

Путин. А кто знает, что нужно стране? Почему вы думаете, что я не знаю, а вы знаете?

Березовский. Потому что есть, во-первых, вещи элементарно очевидные, а во-вторых, я это доказал. И в 96-м году, когда мои друзья олигархи уже начали Зюганову деньги на выборы давать, уже стали с ним договариваться. И в 99-м, когда пол-Кремля уже бегали к Лужкову и Примакову, когда все считали, что ОВР победит и сделать ничего невозможно.

Путин. Не все бегали и не все так считали.

Березовский. Да, вы не бегали. А остальные — почти все. А разве не смеялись большинство над «Единством», разве не говорили, что невозможно за три месяца раскрутить тех, кто

34

разобьет ОВР? Разве большинство верили мне тогда? Большинство смирились. Вот кто такие большинство.

Путин. Все это понятно и известно. Но к сегодняшнему дню уже не имеет прямого отношения. Придумывать «Единство» нужно было как раз потому, что не было порядка в стране, не было власти нормальной, не было нормальных реформ. А теперь всё это возникает или уже возникло. Благодаря тому, что за год сделано.

Березовский. Что сделано? Разрушены, почти разрушены — чуть-чуть осталось — все основы демократии. Всё, что вроде бы беспомощный и недалёкий Ельцин создал.

Путин. Да не демократию я собираюсь строить, а Россию восстанавливать. Если не будет России, какая нам разница, демократия здесь или недемократия. С меня как с президента главный спрос — будет ли сильная Россия, будет ли она вообще. А вот если будет, то будет в ней и демократия.

Березовский. Нет, наоборот. Не будет у нас демократии, не будет и сильной России. Вообще не будет. Советский Союз был в сто раз сильнее, а и тот рухнул без демократии, без рынка.

Путин. Да есть у нас рынок. Есть демократия. Плохая еще, но есть. Ну так не при мне её начали плохо строить.

Березовский. Да, начали при Ельцине. Начали плохо, но заложили фундамент, базисные вещи. А сейчас хорошо делают, но разрушают именно их — хорошо разрушают.

Путин. Что разрушили? Скажите наконец.

Березовский. Свободу слова — раз. Совет Федерации — два. Выборность губернаторов фактически отменили — три. Разделение властей — тоже ликвидировали. Все теперь Кремлю подчиняются. Крупный бизнес фактически огосударствили. Это же всё основа гражданского общества. Это то, от чего независимость людей от государства рождается.

Путин. Отвечаю по пунктам. Свободу слова у нас никто не отменял. Её порой даже больше чем нужно — особенно у некоторых. Совет Федерации просто реформируется — нельзя было держать в верхней палате тех, кто мало того что в своих регионах порядка навести не может, но еще и страну на части разрывает. Совет Федерации работать должен, а не палки в колеса нам вставлять, вынимая их только в обмен на то, что новый кусок из Центра вырвут. Регионы должны своей силой страну укреплять, а не ослаблять. Губернаторы и так все федеральные ведомства на местах под себя подмяли, так

35

им ещё и Москву отдать? Это демократия или диктатура? Да ещё тех, кто и сам-то неизвестно под кем ходит.

Выборность ничью никто не отменял, а то, что снять губернатора можно, так нельзя же, чтоб они никого и ничего не боялись. Демократия — это когда они от избирателей зависят, хотя бы их бояться. Пока не научатся — пусть бояться Кремля. Не ликвидировали разделение властей, а наладили их сотрудничество. Да и какие у нас были власти. Разве судебная была независимой? Только сейчас её делаем такой. А бизнес — не при Ельцине — он больше властью, по крайней мере в Центре, рулить не будет.

Березовский. Да вы всё о сиюминутных моментах, а я о фундаментальных. Без свободы слова демократии нет в принципе. Федеративное устройство — это единственное спасение для России. Центр не может всё решать — зачем ему брать на себя то, чем должны заниматься регионы? Выгнав губернаторов из Совета Федерации, вы не их власти над Кремлём лишили, а под собой опору выбили — без губернаторов вы

всё равно никуда не денетесь, а против себя настроили. Они молчат, но злобу затаили. При первом удобном случае отомстят. По полной программе. Но этим можно было бы пренебречь, да ради чего?! Ради унитарного государства, которое всё равно уже не возродишь! У губернаторов ведь сегодня не только власть в регионах, но они и крупнейшие собственники там. Они — реальная сила, с которой нужно договариваться, а не бороться. Это та элита, которая уже научилась управлять страной в рыночных условиях, а вы всех их — в сторону, отбираете то, что им Ельцин дал.

Путин. Власть от собственности отделять нужно. Раз собственность отобрать не можем, надо власть ограничить. Тем более что сверх того, что им Ельцин дал, они ещё вдесятеро взяли.

Березовский. А кто народом будет управлять — Кремль напрямую? Пока цены на нефть высокие, проблемы нет. А как упадут? Власть у губернаторов отняли, налоги отняли. Они же всё потом на Москву свалят.

Путин. Не свалят. Если у Москвы и сила будет, и деньги — не свалят.

Березовский. Деньги должны быть в регионах.

Путин. Что-то не слишком много народу доставалось, когда они в регионах были.

36

Березовский. Но зато губернатор был заинтересован, чтобы в регионе было спокойствие.

Путин. Спокойствие мы их при Ельцине видели. Людей против Центра настраивали, а потом этим же недовольством в Совете Федерации Кремль и правительство шантажировали.

Березовский. Но это всё равно были сильные политики. Они и помочь могли. Кроме того, их народ избрал. А теперь зачем избиратели на выборы пойдут, если Москва всё равно того, кого они избрали, снять может? Голосовать не будут.

Путин. Уже сколько выборов прошло — участие нормальное. Избиратели на это не ориентируются, а те, что ориентируются, только рады. Раньше никакой надежды не было, а теперь хоть на Москву есть. Руцкого вон отстранили — что, народ переживал?

Березовский. У Руцкого опоры настоящей не было. А Наздратенко до сих пор ситуацию в крае контролирует.

Путин. Всюду легко не бывает.

Березовский. А Шаймиев, а Рахимов?

Путин. Их никто снимать и не собирается. Но и они не в безвоздушном пространстве живут: будет шестьдесят лояльных губернаторов — остальные присмирят. А пока им дали возможность на третий срок пойти, чтоб не особо волновались.

Березовский. Опять глупость — сменяемость обязательно должна быть.

Путин. Это не глупость, а тактика. Что-то у вас не получается, Борис Абрамович. То не трогай губернаторов, то сменяемость.

Березовский. Тактика не должна стратегию ломать. Вы не только самостоятельности регионы лишили, но и своих представителей над ними поставили. На семь частей Россия и развалится. Как раз по вашим федеральным округам.

Путин. Почему на семь? Из чего это следует? Если будет разваливаться, то почему по границам округов, а не областей или республик? Что, Северо-Запад объявит, что выходит из состава России? С какой стати? Или Северный Кавказ? Краснодарский край вместе с Чечней?

И федерация здесь ни при чём. Просто управляемость страной нужно было наладить, федеральных чиновников на местах из-под губернаторов вывести, силовые структуры из-под их влияния убрать.

37

По вашей логике и военные округа надо отменить: вдруг по ним страна развалится? Это несерьёзно.

Березовский. Не хотите вы понять, что свободу нужно людям и регионам давать, а не отбирать у них то, что есть.

Путин. Какую свободу? Свободу федеральные законы нарушать?

Березовский. Люди нормально живут не по федеральным законам, а по законам рынка и демократии, когда знают, что на себя главная надежда, а не на государство.

Путин. Допустим, в России без надежды на государство и веры в него большинство жить не умеет, да и не хочет. Пока отучишь, много воды утечёт. Но главное — разве я мешаю людям жить самостоятельно? Пусть живут, кто умеет. А остальным пока помогать надо.

Березовский. Мешаете, Владимир Владимирович, мешаете. Демократии нет без оппозиции, а где она у вас?

Путин. Я-то чем виноват, что её нет? Кто «Яблоку» мешает быть оппозиционным, если у них силы есть? Нет, «Яблоку» способно быть лишь клубом правозащитников, к которым вы, кстати, в последнее время тяготеете. СПС хочет быть правой оппозицией — пусть будет. Так они до сих пор не могут решить, кто у них главный оппозиционер. Коммунисты, и мы это вновь видим, вполне оппозиционны. Из ОВРа, что ли, мне оппозицию растить? Коль они сами готовы под Кремль лечь. Губернаторы ваши оппозиция? Так что ж они в прошлом году даже вякать не осмеливались против федеральной реформы, пока вы не выступили? Да и после вашего письма не больно многие решились вас поддержать.

Березовский. Это правда — все они оказались слабаками. Все, включая реформаторов. Но ведь им не помогать нужно было тонуть в этом болоте, а по крайней мере не добивать тех, кто способен мыслить самостоятельно.

Путин. Мыслить я им не запрещал, а по вашей же теории, кто смелый — пусть сам выплывает.

Березовский. И поэтому вы лишили оппозицию НТВ — единственного места, вокруг которого она могла формироваться.

Путин. Вокруг НТВ или вокруг Гусинского? Неужели вы думаете, что ваш приятель дал бы им использовать себя, а не сам бы их использовал.

38

Березовский. Это так, но, во-первых, НТВ, даже работая на интересы Гусинского, все равно было единственным телеканалом, представляющим другую, пусть ангажированную, но не государством ангажированную, позицию, то есть объективно — оппозицию. Отсюда и то, что НТВ в этих условиях было фундаментальным фактором свободы слова в России. Наконец, оно давало опору «Яблоку», которое, несмотря на анемичность Явлинского, все-таки ближе других стояло к превращению в оппозиционную силу.

Путин. НТВ — это Гусинский, а для него интересов России не существует. Если есть у него интересы, то почему-то они в последние годы странным образом всегда совпадали с интересами тех, кто с Россией борется. И отдавать под это фактически подаренный указом президента общенациональный телеэфир я не собираюсь. Не делал бы долгов — было бы, возможно, легче сохранить за собой НТВ. Я думаю, и вы, Борис Абрамович, была бы у вас такая возможность, воспользовались тем, что он подставился.

Березовский. Только не в сегодняшних обстоятельствах. А потом — вы глава государства, а не конкурент Гусинскому по бизнесу.

Путин. А он бы с главой государства за власть не тягался. По бизнесу он пусть с ОПР борется, а не с Кремлем.

Березовский. Вы бы с Гусинским за НТВ и без долгов разобрались. Знаю ваши гэбистские штучки.

Путин. Если даже и гэбистские, то нечего бизнесу со спецслужбами и государством воевать. Это ни в одной стране мира не позволено.

Березовский. Да там спецслужбы под гражданским контролем.

Путин. Там и бизнес под гражданским контролем. Ни в одной крупной стране бизнес-корпорация с государством не воюет, а если начинает сдурить воевать, то проигрывает. Не может быть бизнеса, который против интересов своей страны выступает. А если есть — это уже политика. С политикой политическими методами и боремся.

Березовский. Вот я и говорю, что вы к диктатуре идёте. Какая разница, что у Гусинского бизнес, если на нём единственная оппозиция в стране держалась. А вы её ликвидиро-

39

вали. Дальше — диктатура, современная, конечно, почти благопристойная.

Путин. Если кто к этому и ведёт, то такие люди, как Гусинский и вы. Занимались бы просто бизнесом, вот НТВ и сохранилось бы.

Березовский. Крупный бизнес по определению не может стоять вне политики. Тем более когда строится демократия, без которой крупному бизнесу жизни нет.

Путин. Вне политики крупный бизнес стоять не может, но и подминать политику под себя никто и нигде, что в США, что в Западной Европе, ему не позволяет. А уж тем более открыто грозить главе государства. Делать президентов Гусинский не будет. А если хочет — пусть потренируется сначала на Израиле. Если дадут.

И вы, Борис Абрамович, — больше президентов делать не будете. Потому и отобрали у вас ОПР, а у Гусинского — НТВ, чтобы даже соблазна не было. Вам же спокойнее жить.

Березовский. А кто будет делать президентов? Само государство? Это и есть диктатура.

Путин. Я же не виноват, что партий нет. Постепенно создадим.

Березовский. Это из «Единства» вашего?

Путин. Скорее вашего. Правда, в прошлом. Из «Единства», из чего же ещё?

Березовский. Да это же насквозь бюрократическая структура. И к тому же безыдейная.

Путин. Такую вы создали. Сначала укрепим партию, потом и идеология, и избиратели нарастут. Если не рождается многопартийной системы снизу, будем создавать сверху. Нет же демократии без партий. КПРФ слева уже есть, справа — СПС с «Яблоком» или без него. На правом центре — «Единство» и «Отечество—Вся Россия». И всякая мелочь вокруг. Ради демократии стараемся.

Березовский. Не ради демократии, а ради диктатуры. Вы обречены на неё, иначе вас не будет.

Путин. Куда же я денусь?

Березовский. Вас свергнут те, кому ваш экономический либерализм не нужен. Ваши же друзья-чекисты.

Путин. Это вряд ли. Кроме того, почему вы думаете, что им экономический либерализм не нужен?

40

Березовский. Потому что они не сумеют в нём в конкурентной борьбе победить.

Путин. Научатся постепенно. Но я никак не пойму, что вы от меня, Борис Абрамович, хотите. Я к вам, что ли, в президенты набивался? Это вы меня уговаривали.

Березовский. Да, был грех. Но, во-первых, выбора не было. А во-вторых, так мы с вами не договаривались.

Путин. То есть вы хотели, чтобы я из Кремля к вам каждый день за советами ездил? Но так же не бывает в политике. Или тогда не того нашли, кто вам был нужен.

Березовский. А культ личности зачем раздуваете? Дураки ваши стараются, а вы их молчанием своим поощряете.

Путин. Я ничего не раздуваю, но и запрещения во все концы рассылать не собираюсь. А кроме того, раз к власти в целом уважения пока нет, пусть народ хотя бы президента уважает. Что в этом плохого, тем более — что за дело. Мне же стыдиться перед народом нечего — делаю то, что стране нужно. Патернализм, к которому народ привык, указом не отменишь. А кому не нужен он — пусть самостоятельно живёт. Как вы.

Березовский. За пределами страны?

Путин. Не надо против политики государства выступать.

Березовский. Государства или президента?

Путин. А это в России почти одно и то же. И долго ещё так будет. Если бы ваши нынешние друзья в 99-м Ельцина свалили, какой бы он ни был, лучше бы для России было?

Березовский. В 99-м мы с вами слом демократии не планировали.

Путин. А что планировали? Свободное волеизъявление нищих избирателей? Зачем тогда «Единство» раскручивали? Зачем Доренко ко мне водили?

Березовский. Тогда это было нужно. Примаков с Лужковым все бы коммунистам сдали.

Путин. А сейчас нужен авторитет президента. Чтобы, кстати, и реформы радикальные проводить. На чьём авторитете их проводить — на вашем, Борис Абрамович?

Березовский. Рейтинг выше политики? Или даже вместо политики. Нет же её у вас.

Путин. Если нет, с чем вы боретесь тогда? Не вместо и не выше политики, а ради нее. Рейтинг — это рычаг, кото-

41

рым можно поднять любую реформу. Ибо вашими и ваших друзей стараниями теперь какую реформу ни объяви, ей всё равно с самого начала верить не будут, а поддерживать — тем более. Политическая стабильность, авторитет президента, сотрудничество исполнительной власти и законодательной, поддержка СМИ — без этого реформ не будет больше. Устал народ.

Березовский. Не о том вы говорите. Не поддержка СМИ, а свободные СМИ.

Путин. От меня свободные или от вас с Гусинским?

Березовский. От вас, конечно, от государства. Мы с Гусинским в этом смысле меньшее зло.

Путин. А в других смыслах? Тоже меньшее? Вы такой демократ, Борис Абрамович, что я бы вас взял наших губернаторов демократии учить. Только не в Москве — тут они все демократы, а у них в территориях. Да боюсь, вы не согласитесь свободную от них прессу в краях и областях учреждать. Вы все за самостоятельность и самоуправляемость территорий, а действовать предпочитаете в Москве, осаждая Кремль.

Березовский. Гражданское общество и должно осаждать власть.

Путин. Не повезло нам с вами, Борис Абрамович, в России правовое государство раньше гражданского общества нужно создавать. Ибо пока дождётся гражданского общества, чтобы наоборот, либо распадётся страна, либо государство опять авторитарным станет. Не там вы видите опасность, где она лежит.

Березовский. Но оппозиция-то вам нужна — в правовом и демократическом государстве.

Путин. Нужно немного. Как же без оппозиции...

Березовский. Вот я и хочу создать сильную оппозиционную партию. Я же вам говорил, что денег мне не нужно, постов не нужно. Мне, кстати, легче, чем Гусинскому. Он за свои деньги воевал, а я фактически сейчас борюсь за чистую идею.

Путин. Так создавайте партию, если есть из чего.

Березовский. Но мне для этого нужно быть в России. Это серьёзное и кропотливое дело.

42

Путин. Борис Абрамович, не надо вам в Россию. Вы вот всё утверждаете — основная ваша гипотеза, — что Путин скоро рухнет. А как это может быть? Два варианта: либо революция, либо государственный переворот. Революция может сейчас возникнуть?

Березовский. Нет.

Путин. А нужна она России? Если даже Путин плохой?

Березовский. Нет.

Путин. Значит, остается дворцовый переворот. В этом, получается, ваша надежда. Если логически рассуждать дальше: вы человек активный, без дела сидеть не можете. Вернётесь — у вас соблазн будет либо на меня закулисно давить, либо меня раздавить. Первое не удастся — только народ зря смущать будете. Второе — для вас же лучше, если мы вас от сего соблазна уберём. Целее будете.

Березовский. То есть вы пойдете на всё?

Путин. Если вы пойдете на всё, то и нам придётся.

Березовский. А почему обязательно переворот? Я вернусь, создам оппозицию, на выборах посмотрим, кто сильнее. Знаете, что создам — за три месяца мы же «Единство» создали и раскрутили в 99-м. Боитесь, что создам.

Путин. Не боюсь. Во-первых, что вы без общенационального телеэфира сделаете? Да и без денег, которых вас тоже легко лишить.

Березовский. С помощью прокуратуры?

Путин. И с её помощью тоже — на войне как на войне. А во-вторых, народ за вами не пойдёт.

Березовский. Ваш народ — не пойдёт. Но есть интеллигенция, есть губернаторы, есть те, кто в 98-м

выплыл самостоятельно, а при вас погибнет.

Путин. Народ в России один — и он, Борис Абрамович, не с вами. И интеллигенция вам что-то не слишком доверяет: вы ей деньги даёте, а она ещё обсуждает, хорошо ли ей у вас деньги брать. Причём публично.

Березовский. Но и вам они не доверяют. Не верят. Будем здесь на равных.

Путин. На равных мы не будем, ибо мы уже не на равных. Ваша интеллигенция та же, что ко мне ходит. Вам одно говорит, мне — другое. Где она искренней — откуда вам знать? Губернаторы — об этом и говорить не стоит.

43

Березовский. Так чего же вы боитесь?

Путин. Не нужно губернаторов смущать — им работать надо на страну, своими территориями заниматься, а не в большую политику играть. И интеллигенции надо на хлеб себе зарабатывать и обществу служить. А тем, кто в 98-м выплыл, мы и сами поможем. Налоги вот либерализовали до предела. Пусть работают, богатеют.

Березовский. Но это вам так кажется, а я попробую иначе. Если не получится у меня с сильной оппозицией, создам хоть какую-то — всё равно она стране нужна. Вам же помощь, раз вы за демократию.

Путин. За желание помочь спасибо, но мы и сами справимся. И оппозиция будет — на вас свет клином не сошёлся.

Березовский. Но почему вы меня права лишаете в этом участвовать?

Путин. Видите ли, Борис Абрамович, вам нужна оппозиция, которая непременно победит на выборах. Из правозащитников и «Триумфа» вы такую не сделаете. Следовательно, неминуемо пойдёте к губернаторам. Среди них демократов — два с половиной человека. И те едва держатся на своих местах. А вам нужны люди с административным ресурсом, с голосами избирателей. То есть сотрудничать с вами станут только отъявленные деспоты. Потому вместо демократической правой оппозиции вы создадите реакционно-правую. А народу это не нужно. Вы часть той силы, что, думая, что созидает добро, вечно творит зло.

Березовский. Я часть той силы, что, творя зло, создает добро. Умные же люди говорят: Березовский плохой, но России нужен.

Путин. Говорят, но не все. И не все умные. Хотя, собственно, всё, что вы говорите, правильно. Почти всё. Мы же почти одинаковый диагноз ставим — на 80 или 90 процентов одинаковый. А методы лечения у нас немного разные. Но президентом, вам за это тоже спасибо, избрали меня. Так что не мешайте мне лечить болезни согласно моему разумению.

Березовский. А где альтернативность?

Путин. А не вы ли в 96-м убеждали других, что альтернативы нет? Может, и сейчас такое же время? И кроме того, как утверждал ваш выдвиженец Лебедь, двое пернатых в одной

44

берлоге не живут. А вы ведь даже не на часть, а на всю берлогу претендуете.

Березовский. Но это же недемократично.

Путин. А кто вам сказал, что мы в России уже демократию построили? У нас переходный период. Вот когда построим демократию до конца, тогда милости просим.

Березовский. Значит, вы всё-таки меня боитесь. Не верите в свою силу. Не любите, когда вам говорят о ваших ошибках. Значит, тут либо слабость ваша как политика, либо что-то личное.

Путин. Слабый я политик или сильный — вскрытие ещё покажет. Тем более что срок вы мне отмерили до конца года. Скоро увидим. А что касается личного, то считайте как хотите. Разговор этот пустой, и пора его заканчивать.

Березовский. Значит, будем бороться, Владимир Владимирович.

Путин. Значит, будем, если вы упорствуете.

Березовский. А сотрудничество, как в 99-м, ради общих целей, раз они у нас, как вы сами сказали, совпадают?

Путин. Только на моих условиях, да вы их не выдержите.

Березовский. Почему на ваших?

Путин. Потому что — с вашей помощью — меня избрали президентом, но избрали не тринадцать олигархов, а народ. И не потому, что вы меня раскрутили — это было, как вы любите выражаться, необходимое, но не достаточное условие — а потому, что я делал то, что хочет народ. Между народом и Березовским я выбираю народ.

Березовский. Но это стратегически неверно.

Путин. Ваша гипотеза рассмотрена и отвергнута теми же, с кем вы в своё время работали.

Березовский. Но они же идиоты!

Путин. Борис Абрамович, что вы от меня хотите? Нужно было лучше выбирать себе друзей. Или предвидеть последствия, если вы такой умный.

Березовский. Я не прощаюсь, Владимир Владимирович. И остаюсь при своём мнении.

Путин. Последнее похвально — другие и этим похвастаться не могут. Но ваше мнение уже не имеет никакого значения.

45

Березовский. Имеет, ещё как имеет.

Путин. Я о себе говорю. О себе с народом. Возможно, мы ошибаемся. А вы доказывайте это — на ТВ-6. Может, у вас получится. А может, у нас с народом. Извините, у меня встреча с «представителями делового сообщества». Я и так уже опаздываю. Привет от вас передать? Там ведь много ваших хороших знакомых.

Березовский. Я и сам с ними часто вижуся.

Путин. Я знаю, Борис Абрамович. Они же свободные люди...

46

Раздел 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ: КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ

47

Двор плюс Аппарат

К вопросу о том, какое государство строится в России

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 25.12.1993

Последняя пресс-конференция Бориса Ельцина и серия его недавних указов, касающаяся реорганизации важных государственных служб (госбезопасности, телерадиосистемы), окончательно определили, каким будет государственное устройство России в ближайшие десятилетия. Если, конечно, всё задуманное удастся.

Во-первых, фактически восстанавливается классическая советская система централизованного управления жизнью страны и общества. Правительство, сформированное так или иначе по отраслевому принципу, руководит всем, чем можно руководить, и контролирует все остальное, что действует как самостоятельные рыночные или коммерческие структуры. Само правительство, важнейшие политические и силовые министерства, верхушку судебных и правоохранительных органов, а также поведение всех высших чиновников, депутатов парламента и крупнейших свободных предпринимателей контролирует аналог бывшего ЦК КПСС — Администрация президента, в которой есть своё «Политбюро» (группа наиболее приближённых к президенту лиц).

Во-вторых, восстанавливается и традиционный самодержавный механизм управления страной, включающий особые элементы царского быта, общения с народом и проведения политики как непосредственно, так и через раздачу привилегий, льгот, sinecur, должностей и т. п. Уже есть личная гвардия президента (президентский Кремлёвский полк), есть министерство двора (Управление делами, ведающее зданиями, по-

48

местьями, угожьями, выездом — автомашинами и самолетами), есть третье отделение личной Его Императорского Величества Канцелярии (президентская служба безопасности) и т. д.

Создание президентской партии должно обеспечить нужную монарху-президенту идеологию чиновничества, сформировать его социальную и политическую базу, но не в обществе, а во всевластном Аппарате, продолжающем функционировать на всей территории страны. Конечная цель создания такой партии — обеспечить престолонаследие по воле ныне царствующего монарха, а не в силу превратностей выборов и других непредсказуемых, хотя и необходимых для соблюдения декора демократических механизмов.

Конечно, престолонаследие будет династическим не в физиологическом смысле слова, а в политическом: наследников будет поставлять не царствующий дом, а властвующий Двор через президентскую партию и Аппарат.

Ещё одна задача Двора — контролировать раздел колоссальных богатств России и бывшей (и нынешней) госсобственности в интересах своих членов, а также лояльных Двору чиновников и коммерсантов.

В силу самой сути этого механизма (если, конечно, всё пойдёт, как задумано) на президентские выборы 1996 года может быть выставлена всего одна кандидатура — Бориса Николаевича Ельцина (как это обеспечить и провести через парламент — вопрос технический) — или другого, но тоже одного кандидата. Или двух-трёх, но на таких условиях, когда очевидно, кто победит. Пока Двор не разделит всю собственность по нужным ему правилам, пока он не будет уверен, что новый президент не ликвидирует сам Двор, как Ельцин КГБ, у России не будет нового президента.

По сути, Борис Ельцин поступил так же, как большевики, которые сначала разрушили старую систему управления, а потом, поняв, что демократически они не в состоянии и управлять страной, и оставаться у власти, не деля её с другими, восстановили централистское самодержавное государство. И даже в ещё более жестких формах.

Разумеется, конец XX века — это не его начало даже в России. Потому, например, императорский Двор не имел своих структур, контролирующих СМИ. А современный Двор сразу обзавёлся ими. Конечно, нынешние «демократы» (в этом

49

смысле — точно в кавычках) не настолько большевики, чтобы ликвидировать рынок. Они пытаются его в своих интересах создать. Но к проблеме политической демократии это не имеет отношения, ибо полная политическая демократия меняет конкретных носителей власти помимо, а чаще всего и против их воли. Экономическая свобода, но под нашим контролем, — вот их лозунг, находящий оправдание в том, что полная свобода есть анархия (что правда). Неправда в том, что мера неполноты свободы должна быть равной для всех. Это есть демократия. Но это не есть возможность властвовать, сколько хочешь, и брать, сколько унесёшь.

Итак, создаётся помесь Двора с Аппаратом — худший симбиоз из всех возможных, ибо неизбежный произвол Двора не гасит произвол Аппарата, а умножается на него.

Взгляните на текст Конституции с этой точки зрения, взгляните на нашу историю последних полутора лет, проанализируйте политические шаги президента за осень — начало зимы. Всё, абсолютно всё подтверждает эту тенденцию. И особенно — персональные назначения и смещения. (Фаворитизм — непремный атрибут жизни Двора.)

В чём объективное оправдание этой тенденции? Только в том, что волею судьбы пришедшие к власти люди не умеют управлять демократически и не умеют демократически решать проблемы.

Оправдать же пытаются тем, что такая форма правления исторически свойственна России. Была — в своё время. Но исчерпала себя национальным крахом сначала в 1917-м, а затем в 1991 году. Всё. Двойной крах одной и той же модели в одной стране. Разве это не лучшее доказательство порочности модели, неприемлемости её для России XX века? Безусловное и лучшее доказательство. Однако модель восстанавливается в третий раз. И в третий раз она рухнет.

Значит ли это, что модель недееспособна вовсе? Конечно, нет. Некоторые проблемы она позволяет решить. Особенно, если будет использоваться в крайнем варианте — в варианте Жириновского. Надежды Егора Гайдара, что с помощью этой модели можно и настоящие реформы проводить, и свободы сохранить, либо иллюзия, либо самообман, либо обман. Тем более что неизбежный и непремный элемент этой модели — ложь и дворцовые перевороты. Однажды Егор Гайдар уже пал жертвой такого переворота. Что ж, он испытает это

50

удовольствие ещё раз. Обязательно. В награду за то, что между демократией и рынком выбрал только рынок. Хотя сам может и заблуждаться на сей счет.

Кстати, боюсь что КГБ (МБ) ликвидирован не столько за то, что оставался слишком сильным и мог самостоятельно возродить политический сыск против демократически настроенных граждан страны. Но, главным образом, за то, что его не смогла полностью подчинить себе новая власть, прекрасно понимающая, что в неподконтрольных ей до конца системах копится информация о новых хозяевах страны. Я бы только радовался, если бы КГБ был распущен демократическим режимом, хотя даже ему сыск необходим. Но недемократический режим просто желает иметь это оружие только в своих руках.

51

1996-й. Конец России? (6)

Криминал — вынужденный способ решения проблем в неразумном государстве
НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 26.10.1994

На днях министр внутренних дел Виктор Ерин сообщил о том, что то ли уровень преступности в России перестал расти, то ли темпы роста этого уровня снизились. Короче говоря, радостная весть.

На мой взгляд, ничего радостного в ней нет. Мы просто почти дошли до максимального, так сказать физиологического, предела криминализации общества. Дальше и можно было бы, да дети от рождения до 10 лет не убивают, дряхлые старики — тоже. Ну и, конечно, есть во всяком обществе, видимо, природой избранная часть граждан, которых заставить совершить преступление просто нельзя. Даже под дулом автомата они не станут воровать и убивать других. Природа просто застраховалась от самопожирания общества, так как, если все в нём станут убийцами и насильниками, общество исчезнет в течение одного поколения.

Можно, конечно, поздравить друг друга с тем, что мы в этом смысле уже на дне ямы и теперь путь может быть только один — наверх. Хотя ведь существует и возможность для перехода и через этот порог — гражданская война. А это — уже возведённая в политический ранг борьба разных частей общества на самоуничтожение.

Так что под одним колодезцем есть другой. И стенка, разделяющая их, достаточно тонкая.

В XX веке Россия дважды ступала на этот путь. Первый раз — в 1918 году (точнее, конечно, в 1917-м), что и известно под классическим названием «гражданская война». Закончилась она более или менее благополучно (общество не ис-

52

чезло вовсе) просто потому, что вооружённые силы одной из враждующих партий были оттеснены за пределы страны. Но тогда существовала иная геополитическая ситуация (завершение мировой войны с соответствующим переделом границ и привычкой к переброске массы вооружённых людей с территории одного государства в другое). Кроме того, международные нормы и контроль общественности за решениями правительств были не таковы, как сегодня, когда вряд ли какая-либо страна, особенно Запада, согласится принять у себя армию проигравших.

Второй раз предельной криминализации Россия (СССР) достигла в годы ГУЛАГа. Фактически ГУЛАГ — это резервация, созданная победившей стороной для той части проигравших в гражданской войне, кто не смог или не захотел покинуть родину, плюс, конечно, для потенциальных, по мнению режима, симпатизантов проигравших. Здесь в качестве главного преступника, или «авторитета авторитетов», выступило само государство, заставившее всех остальных подчиниться себе и тем самым снизить уровень противостояния режиму, то есть уровень криминализации общества. Но и ГУЛАГ, как всякая искусственная

и противоречащая нормальной природе человека и общества система, рано или поздно должен был либо гуманизироваться, либо рухнуть. Что и произошло.

Как видно сегодня, содержание реформ и почти полная некомпетентность и безответственность их проведения подвели Россию к тому, что разрешиться криминальный конфликт может либо гражданской войной, либо созданием нового ГУЛАГа, либо тем третьим путём, который даст стране шанс на выживание. Что это за третий путь?

Представим себе тихий городской микрорайон, состоящий из нескольких жилых многоэтажек и громадного универсама, заваленного товарами.

Однажды жители микрорайона узнают, что универсам, принадлежавший как бы всем и где все за свои деньги, заработанные официально, могли получить некоторую долю товаров, стал ничьим. Что делают законопослушные граждане? Именно то, что сделало большинство граждан России. Они спокойно продолжают жить и работать, слушая сообщения новых начальников, распоряжающихся от имени общества (или государства) этим универсамом. А начальники говорят:

53

граждане, оставайтесь спокойны. Раньше это была не ваша собственность, а злых гениев — СССР и КПСС. А теперь мы постепенно сделаем так, что каждый получит свою часть товара. И вы сможете начать новую жизнь, вложив этот товар в своё дело.

Граждане остаются спокойными. Сидят дома. Ничего не воруют. Никого не грабят. Универсам не трогают. И даже ходят туда за покупками, удивляясь, правда, почему это вдруг цены в универсаме подскочили в тысячу раз.

Но через пару дней они узнают, что один из отделов универсама стал собственностью лица или фирмы Х. Другой — лица Y. Новые начальники объявили центральную секцию своей собственностью. А на выданные гражданам свидетельства об их новом социальном статусе собственников (ваучеры) эти граждане могут получить во владение разве что скрепку с доски объявлений в универсаме.

Понятно, что менее устойчивая и законопослушная часть граждан уже потянулась, кто по ночам, а кто и днем, с фомками, ломиками, пистолетами, автоматами, поодиночке и сплочёнными в группы, с пачками наворованных денег или предварительно скупленных ваучеров брать оставшееся или отнимать уже кем-то захваченное в универсаме.

Конечно, не все. Самые честные (законопослушные), а по версии власти — самые непредприимчивые (то есть не готовые к новой жизни), по-прежнему сидят дома, смотрят в ещё работающий старый телевизор и обсуждают — что там ещё в универсаме осталось и как хорошо живут те, кто сумел переступить через закон и уже получить свою часть, заодно прихватив и их, законопослушных и непредприимчивых, части. Рождаются зависть и злоба — гроздя гнева, по выражению Стейнбека. Появляется идеология мести и реванша, появляются идеологи, кандидаты в депутаты и в президенты. Суть идеологии проста — вернуть отобранное и наказать обидчиков. А так как репрессивные силы нового государства, обслуживая новую государственную идеологию, встают на защиту новых собственников и новых начальников, то у них нет уже ни сил, ни желания защищать обычные нормы правопорядка, которые позволяют даже в благополучном районе города прогуляться ночью одному и без пистолета в кармане.

К сожалению, говорухинская «великая криминальная революция» не преувеличение и не метафора. А точная форму-

54

ла для определения, конечно, не всей, но одной из частей новой российской официальной идеологии.

Порочность этой идеологии не в разделе когда-то общей или государственной собственности и даже не в разделе её. А в методах и этапах её осуществления.

Метод практически один: кто первый схватит, тот и собственник.

Этапы таковы: сначала захватить собственность, затем выпустить закон, ограждающий права новых собственников от претензий конкурентов и всяких там непредприимчивых.

Оправдание новой идеологии: детям нынешних экспроприаторов, во-первых, нечего будет экспроприировать, и поэтому они займутся созидательным приумножением своей собственности; во-вторых, к тому времени будут созданы и все необходимые законы, которые не позволят что-либо экспроприировать.

Так оно и будет. Но на пути к светлой цели нужно пережить (в физическом и политическом смысле) три неприятности. Первую — борьбу за выживание непредприимчивых. Вторую — борьбу предприимчивых, но претендующих на один и тот же кусок. И (на закуску) третью — реакцию детей непредприимчивых, подросших обзлёнными, обделёнными и с напутствием родителей: не живи честно и законопослушно — не выживешь.

Утешать себя тем, что в проигрыше пока остаются самые бесталанные, можно. Но при этом надо учесть, что их созидательная сила в массе, может быть, и невелика, зато разрушительная — более чем достаточна. А от нового государства они получили пока только одно: indulgence на нарушение законов.

Как реально повернуть процесс криминализации общества вспять? Возможны только два способа.

Первый. Вернуться к проблеме раздела собственности и выработать новый алгоритм её решения.

Второй. Поменять местами этапы раздела — сначала принять консенсусом выработанные правила раздела, затем — сам раздел.

В реальности необходимо сочетание этих двух путей. Иначе придётся, что уже делается, создавать

на основе МВД новую — внутреннюю армию. Но скорее всего, ибо это невозможно, использовать классическую армию для решения внутренних проблем.

55

Криминал — лишь способ решения всех этих противоречий. Подмена разумного решения, которого общество ждёт от государства, незаконным «творчеством масс».

Даже тысяча Ериных, выстроенных в одну шеренгу, не остановят преступность. Либо государство будет защищать всех своих граждан, либо оно вынуждено будет защищаться от них (или от их части).

56

Победа коммунистов

Пять предательств русской интеллигенции, создавших возможность того, что это может случиться

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 14.10.1998

У многих сейчас дрожат коленки. Многих охватывает чувство паники. Короче говоря, многие боятся — страх этот выливается на страницы некоторых газет и журналов, замечен по вибрации голосов некоторых телеведущих, политологов, политиков, бизнесменов и, конечно, чиновников. Но боятся эти люди не краха государства или развала страны, даже не диктатуры как таковой, ибо как раз сильную власть, железную руку и близкого себе по духу президента-диктатора эти люди не только не боятся, а, напротив, ждут как мессию. Боятся они левых вообще, а коммунистов в частности и особенно.

Безоснователен ли этот страх? В смысле возможности и реальности прихода левых к власти — да. Более того, продолжаю и настаиваю: несмотря на многочисленные утверждения не менее многочисленных политологов, социологов и политиков, претендентом №1 на победу на президентских выборах являются не Лужков и Лебедь, а именно Зюганов. Исходя из реалий сегодняшнего дня — безусловное лидерство в первом туре и гораздо более предпочтительные, чем у других, шансы на победу во втором. Да в общем-то это понимают или интуитивно предчувствуют почти все, кто вслух утверждает прямо противоположное.

Что же касается оценки того, хорош или плох будет для большинства населения страны возврат к власти коммунистов, то это вопрос спорный. Я, например, считаю, что тактически, если сохранятся демократические институты, прежде всего выборы, хотя бы в их нынешнем виде, и свобода частной собственности не будет сведена к ирра-

57

циональному минимуму начала 80-х годов (а скорее всего, сохранится и то, и другое), то ничего страшного для страны в целом не случится. То есть, конечно, это далекий от идеала вариант, но гораздо лучше любой диктатуры, а тем более приближающегося каждый день хаоса. Стратегически, конечно, для страны достаточно бесперспективно, если коммунисты продержатся у власти более чем одну легислатуру и маятник вновь не качнется вправо (вопрос о том, что есть в точном смысле левое, а что — правое, оставлю в стороне; я пользуюсь привычной, расхожей терминологией).

С одной стороны, я уверен, что коммунисты лучше тогда, когда они находятся в оппозиции. Но с другой — умные коммунисты для меня, безусловно, предпочтительней глупого и алчного демократа (по самоназванию). А демократы, или, как они ещё любят себя называть, либералы, на нашей почве почему-то произрастают как раз в массе своей именно этого сорта — тупые и алчные. С третьей стороны, власть, как нам теперь известно, быстро развращает всех. Во всяком случае, в этом смысле «демократы» наши лишились своей либеральной и демократической невинности ничуть не менее стремительно, чем когда-то коммунисты своей заботы о счастье народном. Да и в умении врать российские демократы давно уже превзошли коммунистов (во всяком случае, коммунистов послесталинских времен). Опять же очевидно, что коммунисты завели Россию (под названием СССР) к концу 80-х в окончательный тупик. Но, правда, и демократы-либералы достигли того же — только в более сжатые исторические сроки.

Словом, вопрос тут сложный, без поллитры, как говорят на Руси, не разберёшься. В данной статье я разбираться в этом вопросе, имеющем, вообще-то говоря, точный ответ (кстати, лежащий на поверхности), не собираюсь.

Лично я, чтобы расставить некоторые точки над *i*, современных русских коммунистов не боюсь.

Но данная моя статья в своей основной теме вообще-то не о коммунистах и коммунизме, а о вине русской либеральной интеллигенции (в иной терминологии — российской интеллектуально-политической элиты). А именно — вине за то, что коммунисты вернутся к власти, если они вернутся (а это далеко не исключено).

В рамках данной статьи я принимаю утверждение о том, что возвращение коммунистов к власти в России есть абсолютное зло.

58

Но в чём причины победы (если она случится) этого абсолютного зла? Я утверждаю, что крах либерально-демократических реформ в экономике и политике, запрограммировавший возвращение власти в руки коммунистов, если и когда это случится, является, помимо прочего, прямым следствием пяти предательств русской интеллигенции (может быть, даже в первую очередь следствием именно этого, а всё остальное — второстепенно).

Прежде чем я перечислю эти пять предательств, замечу, что, конечно, их совершила не только

русская интеллигенция, а и другие слои населения. Но, во-первых, давайте сначала оценим свою вину, а не вину «народа» или «номенклатуры». А во-вторых, и «народ», и «номенклатура» почти никогда не говорят сами: чаще всего за них в России говорит интеллигенция. А очень часто не только за них, но и вместо них.

Итак, вот они, пять предательств русской интеллигенции, в результате которых коммунисты могут вернуться к власти в России.

Первое. В 1991 году русская интеллигенция предала свою страну, называвшуюся тогда Советский Союз, и все народы этой страны, даже не назвав в декабре свержение законного президента СССР свержением, а ликвидацию СССР — государственным переворотом.

Второе. В 1993 году русская интеллигенция предала идею демократии, не назвав незаконный разгон и расстрел законно избранного парламента страны государственным переворотом.

Третье. В 1996 году русская интеллигенция предала опять же идею демократии как свободного волеизлияния народа и либерализма как наличия альтернатив, выступив под единым знаменем безальтернативности кандидата, уже очевидно олицетворявшего экономический и политический тупик.

Четвёртое. Каждодневно в период с начала кооперативного движения и по 17 августа 1998 года русская интеллигенция предавала самоё себя, интеллектуально обслуживая власть во всех её изгибах, включая самые похотливые, за мзду, невеликую по меркам власти, но великую в сравнении с уровнем жизни народа. Так русская интеллигенция предала свободу мысли ради куска хлеба и участия во власти.

Пятое. Русская интеллигенция предала великую русскую идею — идею социальной справедливости, то есть левую

59

идею. Да, утопизм этой идеи очевиден, но этот утопизм и моральный идеализм приверженцев утопии о социальной справедливости до сих пор были квинтэссенцией менталитета дворянской, разночинной и советской интеллигенции. Грубее говоря, русская интеллигенция предала свой народ, отделив свою сытость от его сытости, более того — закрыв глаза на нищету народа.

Совершенно было и шестое предательство, но уже в «своём кругу»: верхушка интеллигенции предала многомиллионную массу интеллигенции — учителей, библиотекарей, врачей, преподавателей вузов и учёных, отделив себя как «элику культуры» от своих собратьев имущественно.

Суммирую: русская интеллигенция возжелала стать: 1) средним классом, живущим лучше, чем плебс, нужды которого её перестали волновать; 2) наставницей новой номенклатуры, идейно управляющим классом, стоящим за спиной, а не в оппозиции к властно-управляющему классу; 3) оставаясь при этом рассадником свободомыслия — правда, в пределах, не ограничивающих её возможность быть сытой и идейно властвующей.

Очевидно, что совместить все три качества одновременно, то есть в буквальном смысле слова и интеллектуальную и свободомыслящую невинность соблюсти, и капитал и власть приобрести, оказалось невозможно. Русская интеллигенция (в верхушечной, то есть самой громкоговорящей, представленной в СМИ своей части) возжелала быть и сытой, и свободной одновременно, но так, чтобы свобода эта не поднималась до критики власти, кормящей только интеллигенцию, но не кормящей народ. Вожделенная ставка оказалась битой. Сначала рухнула правда, потом сытость. Теперь интеллигенция может лишиться и свободы, от которой сама и отказалась.

Пять предательств русской интеллигенции — это ещё не полный, хотя и фундаментальный список. Но и в нём есть краеугольный камень — предательство левой идеи, то есть идеи социальной справедливости в условиях России (в других странах «социальная справедливость» понимается не совсем так, как у нас, и существует в несколько иных формах). Причем левая идея была предана современной русской интеллигенцией задолго до того, как реально заработали механизмы социальной справедливости, функционирующие на основе правой идеи.

60

Именно потому коммунисты и могут вернуться к власти, что, по крайней мере на словах (а часто и на деле), они не отреклись от левой идеи. Даже если коммунисты сделали это только из конъюнктурно-прагматических соображений, ради сохранения социальной базы — что из того? У нашей интеллигенции — вы слышите корень «интеллект» в этом слове? — не хватило ума, о совести я и не говорю, и на это.

Русская интеллигенция в лице своей верхушки оказалась вторым по алчности классом России после криминалитета, вторым по сервильности после чиновничества и вторым по властолюбию после номенклатуры. Вечно вторая. Во всем — вторая.

Я не осуждаю её — нельзя осуждать больного за поставленный ему диагноз. Я просто удивляюсь, на какие мелкие монеты и как стремительно были разменены свободомыслие и интеллектуальные ценности. Даже такую непреходящую ценность, как свобода слова, разменяла на деньги в России интеллигенция в последние годы, а сохранили эту свободу (правда, из прагматических соображений) власть и оппозиция (по своей линии).

Именно нынешняя русская интеллигенция, легшая под новую номенклатуру без всяких репрессий, через которые прошла русская интеллигенция в 20-30-е годы, приведёт к власти в России коммунистов. И, уверяю вас, в Президентском совете Геннадия Зюганова, если он захочет, будет немало тех, кто поносит коммунистов сегодня.

Что делать? Недавно в одном эзотерическом собрании мне приходилось отвечать на этот вопрос в контексте подобного разговора. Я сказал, осознавая всю тяжесть последствий этого для себя, так: интеллектуально-политической элите надо вернуться к левой идее для того, чтобы не отдавать её на откуп

одним коммунистам. Здесь, как и в иных сферах, опасна именно монополия. Более того, я бросил лозунг: «Вступайте в КПРФ!» Но не когда коммунисты придут к власти, а сейчас, когда возвращение их кандидата в Кремль вероятно, но не гарантировано. Несмотря на то, что интеллигенция любит гарантии.

Лично я в КПРФ вступать ни ныне, ни тогда, когда и если коммунисты вернутся к власти, не собираюсь. По простой причине: я демократ и либерал, хотя и не антикоммунист. Но многим русским интеллигентам или — это всё-таки точнее —

61

представителям российской интеллектуально-политической элиты вступить в КПРФ было бы очень полезно.

Р. С. Я сам, несмотря на свою самоуверенность, не вполне безгрешен во всём том, над чем предлагаю задуматься другим.

Р. Р. С. Я пошутил. Не пугайтесь так сильно. Коммунисты власть себе не вернут. А то ещё кто-то из «властителей дум» помрёт с испугу или действительно побежит записываться в КПРФ.

62

Сталин — это наше всё

Русское реформаторство как диктатура

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 22.12.1999

С одной стороны — ровно девять лет с момента выхода первого номера «Независимой газеты». С другой — что гораздо более значимо для страны, всего мира, XX века, а пожалуй, и всего второго тысячелетия — в этот день 120 лет назад, согласно официальной историографии, родился Иосиф Виссарионович Джугашвили, вошедший во всемирную историю под именем Сталин.

Кажется, всё банальное и всё оригинальное, что могло быть у нас в стране о Сталине написано и напечатано, уже и написано, и опубликовано. Кажется, нам уже больше нечего сказать о нём. Или — о Нём, как написал бы кто-либо другой, а может, и я, но в другое время.

Между прочим, именно товарищ Сталин разработал наши привычные юбилейные каноны, согласно которым «круглые» даты, юбилеи отсчитываются не десятками лет, а двадцатью пятью годами. Поэтому по Сталину — 120 лет не слишком значимая дата, а вот 125 — это настоящий юбилей.

Кстати, мы даже не замечаем, как много в нашей повседневной жизни, не говоря уже о политической и государственной, осталось того, что придумано и разработано лично Сталиным или под его личным руководством. О мелочах быта говорить не буду, а вот, например, такое понятие и явление, как правительственная трасса. А на Ближней сталинской даче (Волынское) до сих пор кремлёвскими экспертами разрабатываются проекты реформ и проекты президентских посланий Федеральному собранию. А главное, ко-

63

нечно: вся наша номенклатурно-бюрократическая система скроена по-прежнему по сталинской колодке. Наш чиновник — генетический сталинец, хотя может быть и антисталинистом в душе.

Москва, архитектурная и политическая, — вообще город Сталина.

Последнее время, правда, от многого начали отходить, так сказать, оттаивать.

* * *

Кто же он, Иосиф Джугашвили-Сталин? Безусловно, это один из величайших политиков мира в XX веке, и кажется, этого не отрицают на Западе.

Сталин, безусловно, диктатор, причем кровавый.

Между этими двумя полюсами (а полюса ли это?) — истина.

Моя задача не открывать её, ибо не под силу.

Моя цель — сделать несколько юбилейных штрихов.

* * *

Я задаюсь вопросом: если бы Пётр Великий, фигура, безусловно, исполинская и традиционно положительная и в писаной русской истории, и в фольклоре (где, правда, в некоторых сусеках существует и образ Петра-Антихриста), так вот — если бы Пётр Великий встал из гроба и оглянул нашу историю от сегодняшних дней назад, кого бы он мог назвать своим настоящим и полноправным наследником?

Ответ очевиден. Только Сталина.

Ибо именно Сталин воплотил в жизнь как геополитические, так и индустриальные заветы Петра Великого. Более того — даже превзошел их.

Правда, Сталин не внедрил, как мечтал Пётр, западного образа жизни в России. Но ведь и у Петра не всё получалось.

А кто из них был большим диктатором, ещё можно поспорить. Александр Пушкин, например, написал на сей счёт «Медного всадника».

Кстати, мне всегда было смешно видеть на эмблеме очевидно антисталинского «Демократического выбора России» (кто не помнит, это партия Гайдара) того самого Медного всадника, то есть конную статую императора-диктатора. «Демвыбор России» отвергает, естественно, и империю, и диктатуру. Но эмблему-то не я им выбирал.

64

Пётр Великий был ещё реформатор и западник. А если и диктатор, то просвещённый. А разве Сталин не был реформатором? Разве не был просвещённым? Кто ещё из правителей России в XX веке мог весьма профессионально рецензировать произведения литературы, кинематографии, театра, архитектуры, музыки? Кто мог даже направлять ход искусства? Конечно, в рамках определённой идеологии. Но профессионально. Кто? Вот Пётр Великий мог. А в XX веке? Даже Ленин, будучи куда как образованней Сталина, не мог и опасался.

Сталин в отличие от Петра не западник. Просто потому, что он, с одной стороны, верил в Россию как особую цивилизацию, был, так сказать, неформальным или пролетарским византийцем, а с другой — сам собирався цивилизовать весь мир на советско-коммунистический манер.

Сталин фактически восстановил и империю, и монархию (последнюю, правда, не в качестве наследственной). Страна, государство и реформы для Сталина были как ценности выше населения, людей, отдельного человека. Стоп! Здесь пора переходить к современности. Ибо в России так было всегда: и до Сталина, и после него, вплоть до наших дней: люди — лишь сырьё, материал, топливо для реформ. И потому они должны терпеть и ждать.

В моей вчерашней статье я утверждал, что на думских выборах 19 декабря 1999 года Россия выбрала прагматиков. Если отжать в прагматике всё личностно-человеческое, то классическим типом прагматика — Великого и Ужасного — будет Сталин.

Сталинские черты я вижу в двух главных прагматиках сегодняшней России: в Чубайсе и Березовском. Естественно, в Гайдаре. Безусловно, в Путине. Очевидно — в Ельцине. Даже в Примакове. Само собой — в Лужкове (нет в нём, правда, сталинской аскезы и сталинского эстетического вкуса). О Шаймиеве и Рахимове я уже не говорю. В Кириенко проглядывают сталинские черты. В Никите Михалкове. В Зюганове.

Вот в Анпилове ничего сталинского нет. В Явлинском, кроме партийного культа личности, ничего. В Горбачеве — очень мало.

Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик, рассматривающий государство как доверенную ему историей, Лениным, революцией геополитиче-

65

скую систему, нуждающуюся в совершенствовании до уровня государства идеального, где счастье государства равно счастью людей.

Что такое наши реформаторы, как не разного калибра Сталины?

Что такое все оставившие след в истории так называемые великие люди, как не Сталины?

Разница в одном: некоторые, единицы, в какой-то момент личной диктатуры переходят к устройству гражданского общества, которое смогло бы функционировать после них. Большинство этого не делают.

Сталин — наше всё. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры, политической в том числе.

Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи. Он же был прагматик.

Просвещённый чекист Владимир Путин, просвещённый жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещённый олигарх Борис Березовский — вот три лика Сталина сегодня. Сталина как квинтэссенции русского прагматизма и квинтэссенции русского реформаторства — жестокого, бесчеловечного, насильственного. Редко эффективного, чаще — неудачного.

Главное — вовремя остановиться.

Сталин создал идеальную монархию, но из двух её возможных плодов — номенклатурно-чиновнического класса и гражданского общества — сумел породить только первый. В этом его ограниченность. Его проклятие.

Не ругайте Сталина те, кто, не сделав больше страшного, не сделал и больше славного и особенно доброго. А если ругаете, то представьте себя сидящим в Кремле: не выйдет ли из вас более Ужасный, но менее Великий Сталин?

66

Голиаф и Левиафан

Личная власть и бюрократия в России в свете борьбы нового президента за выживание (своё и страны)

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 01.06.2000

Ничто в России не дают так легко, как власть личную.

Ничто не завоевывается так тяжело, как власть реальная.

Ибо реальная власть в России всегда у бюрократии (исторически меняющихся названий у неё много — правящий класс, аппарат, номенклатура, федеральные и региональные олигополии). А личная власть ради соблюдения политических приличий на части (формально, юридически, публично и гласно) не делится, по традиции отдаётся одному.

Далее начинается борьба Левиафана (бюрократии) с Голиафом (вождём — царем, генсеком, президентом). И до сих пор победа практически всегда (за одним и то неполным исключением) была за Левиафаном.

Случайно в XX веке высшую власть в России получили: Николай II, Брежнев, Черненко, Путин. Приложив некоторые (иногда очень большие) либо интеллектуальные, либо аппаратные усилия, но только в условиях исторических переломов или общественных катаклизмов (а это тоже своего рода случай), власть получили (отчасти взяли) Ленин, Сталин, Хрущёв, Горбачёв. Несколько особняком, но в этом же ряду — Ельцин. Его к власти (как во многом и Ленина) привел народ. Правда, Ельцин не отличался ленинским интеллектуализмом, но зато потом, получив власть, проявил сталинскую аппаратную хватку.

Но бюрократии (правлящему классу) проиграли все. Ленин и Андропов — физически (точ-

67

нее — физиологически). Брежнева, Черненко и Ельцина аппарат просто подчинил себе (Черненко и не сопротивлялся). Хрущёва и Горбачёва бюрократия свергла. И Ельцина свергла бы (уже готовилась свергнуть), если бы он не захотел уйти сам (правда, на чрезвычайно выгодных для себя условиях).

Один Сталин сопротивлялся бюрократии до конца. Но и он, во-первых, всё-таки сам стал рабом Аппарата. Правда, рабом, который силой вырвал у Аппарата право пускать Аппарату же кровь. Это — во-вторых. Универсальный рецепт победы (если кто-то хочет считать Сталина всё-таки победителем бюрократии) состоял лишь в одном: периодически он уничтожал тех, вокруг кого персонально периодически же вызревала и выкристаллизовывалась мощь аппарата. Ельцин, как стихийный приверженец западной идеологии «права и свободы человека», не уничтожал, а лишь как минимум отправлял в отставку, не мешая кормиться с аппаратного (государственного) стола, как максимум — сам раздавая кормления.

Оттого и аппарат был к нему милостив, гуманностью ответил на гуманность.

И то сказать — ещё до 53-го стреляли. За сорок лет, до казуса октября 93-го, когда часть аппарата всерьёз задумала лишить Голиафа личной власти, цивилизовались почти до предела — даже не сажали. Правда, и Горбачев не сажал, а в конце 91-го и стрелять не решился (хотя юридически право имел). Но это просто издержки университетского образования. Словом, прогресс.

Теперь и вождя избирают, а не назначают, как раньше. Некоторые, естественно, оспорят этот вывод, основываясь как раз на выборах Путина в 2000 году и Ельцина в 1996-м, но не все же язы сводимы одномоментно, отвечу я, не вдаваясь в суть соответствующих предвыборных коллизий. Вождя избирают, но проблема иллюзорности личной власти и неравнозначности ей власти реальной осталась. Выражаясь по-современному, — конфликт интересов.

И всё это новый и молодой президент Владимир Путин знает (или чувствует), как и свою оказию, а многое прошло и на его глазах (от Брежнева и до него самого, Путина).

И что же Путину с этим знанием делать? Выбросить из окошка Теремного дворца на Соборную площадь?

Нет, коли стал президентом, с этим знанием надо жить, жить и работать. Непременно работать. Ибо иначе будет ли-

68

бо хрущёвско-горбачёвский, либо брежневско-ельцинский вариант.

Сталинского уже нельзя. Остается андроповский (в смягчённом варианте). Тем более что Юрий Владимирович, можно сказать, сослуживец и даже старший по званию и должности.

Это всё присказка.

Резюмировать её можно так: перед каждым высшим руководителем России стоял и до сих пор стоит один не вполне государственный, можно даже сказать, вполне приватный вопрос: он ли победит Левиафана (Аппарат), Левиафан ли победит его?

Как мог ответить Путин? Молодой, решительный и в делах государственных (Чечня), и в аппаратных (Скуратов)?

Только так, как он, видимо, и решил ответить: подчинить себе Аппарат.

Разве не ясно это было раньше — вспоминаю я, извините, опять свою статью *«Вся правда о Путине»*.

Признаюсь, и у меня позже были колебания (статья «Путин — слабый президент?»). Но ВВП их быстро развеял. Может, ещё и не сильный, но слабым быть не хочет.

Но это всё присказка.

А теперь сказка.

СЕМЬ ПРОКУРАТОРОВ

Помимо личных проблем во власти, у Путина есть, естественно, проблемы и государственные, общенациональные. Он хочет видеть Россию вновь великой страной, нацией и государством.

Может ли он добиться этой цели, не овладев аппаратом, не подчинив его себе? Нет.

Может ли он добиться этого, получив в наследство от Ельцина то, что получил — не только семибоярщину, но ещё и 89-баронщину (не говоря о всех других бедах и развалинах)? Тоже нет.

Должен ли он не загубить демократию вместе с бюрократией? Должен. И хочет. Сможет ли — отдельный вопрос, во многом открытый.

Как Ельцин захватывал личную власть? Он разрушал и дестабилизировал советскую бюрократию (потом, правда, она

69

быстро реанимировалась в виде российской — с чертами ельцинизма на лице).

Может ли Путин воспользоваться для закрепления своей случайно и от бюрократии доставшейся

ему власти тем же способом — разрушая отечественную бюрократию? Нет. Так он разрушит государство, а с ним и страну. Но Путин не Ельцин.

Может ли Путин, минуя бюрократию, опереться непосредственно на народ? Мог бы, если бы в России была предреволюционная ситуация (на манер 1991 года) или наблюдалось бы гражданское общество (на манер года эдак 2015-го).

И тогда Путин и в своих личных целях (победить бюрократию персонально), и в интересах общенациональных (не дать бюрократам разорвать Россию на части) решает взять бюрократию в железные тиски снаружи. Ибо не имеет сил подорвать её быстро (через экономические и нормально демократические реформы) изнутри.

Он, Путин, назначает семь прокураторов, наделяя их властью, покрывающей сверху власть 89 губернаторов и субпрезидентов, — на настоящий момент единственных реальных диктаторов России. Сам же Путин пока диктатор потенциальный.

То, что семь из кремлевского ларца, почти одинаковых с лица, будут никакими не генерал-губернаторами, то есть управленцами, а именно прокураторами соответствующих территорий (федеральных и военных округов), по-моему, уже очевидно. Парадокс в том, что Путин, для того чтобы победить бюрократию, создает супербюрократию.

Миссия прокураторов, огрубляя, — не только довести власть Кремля до субъектов Федерации, но и изъять часть власти у губернаторов и субпрезидентов, для политеса бросив им временно некоторое отпускное — см. соответствующие путинские законопроекты. Потом отпускное либо заберут назад (в Кремль), либо отдадут населению (избирателям).

В первом случае мы получим авторитаризм, бесперспективный в современном мире, в том числе и в России. Во втором — демократию. С сохранением, между прочим, страны.

Куда дальше пойдёт Путин (на втором этапе своих реформ)? Это зависит и от того, победит ли он на первом этапе. Если проиграет — то точно падёт в авторитаризм. Если победит, то не обязательно пойдёт к демократии (тут прав Березовский). Но не обязательно и к недемократии.

70

ТРИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Допустим, что Путин — ставленник Семьи. Что он от неё зависим. Это похоже на правду, как и то, что он об этом знает и этой зависимостью тяготится. Не может не тяготиться.

Допустим, Путину не дали сформировать полностью то правительство, которое он хотел.

Допустим также, что он не смог заменить и главу своей администрации, то есть Волошина, оставив в своём тылу ещё одно протоправительство — подчинённый Волошину аппарат президентской администрации.

Что делает Путин? Он создаёт третье параллельное правительство в виде Совета безопасности, секретарём которого является его личный друг Сергей Иванов, в который входят силовые министры, напрямую подчиняющиеся президенту. Наконец, он собирается ввести в Совет безопасности и всю семью прокураторов, своих личных ставленников, пять из которых — либо генералы чеченской войны, либо его друзья по ФСБ.

Это резервное и личное правительство, которое станет главным, как только представится удобный случай. А точнее говоря, оно позволит Путину однажды сформировать своё официальное правительство.

Удачный случай — это либо победа путинского плана реформы управления (мягкий вариант, безболезненный). Либо это поражение путинского плана. Тогда — жёсткий вариант.

Мягкий вариант (максимум демократии, экономический либерализм, но единое государство) приведёт к замене официального правительства, видимо, уже осенью.

Жёсткий вариант (в случае поражения) может наступить сразу вслед за поражением, то есть уже летом. Но может быть отложен и до следующей попытки слома хребта российской бюрократии.

Может ли Путин, ломая хребет бюрократии, по неосторожности или по неумению сломать и хребет молодой российской демократии? Может — опять прав *Березовский*. В чём Березовский не прав, так это в том случае, когда он предполагает, что Путин хочет сломать хребет демократии сознательно.

Я как-то уже писал, что категорический императив Путина — сильная, единая и процветающая Россия как страна, на-

71

ция и государство. Но именно в такой последовательности: сначала должна быть страна Россия (категорический императив первого порядка), а в ней должна быть демократия (категорический императив второго порядка). Или, если хотите, первое условие — необходимое, второе — достаточное.

Как соединить клещи путинской прокураторской антидиктаторской супербюрократии с мягким пока телом гражданского общества, местного самоуправления, выборности, демократических принципов современной России — это большой вопрос.

КАЗУС БЕРЕЗОВСКОГО

В своём открытом письме Путину Борис Березовский совершенно справедливо указывает на многие изъяны плана политических реформ, предложенного президентом (не один Березовский на них указал, но его голос прозвучал громче и сенсационнее других). Сделал ли Березовский это из общедемократических соображений или из эгоистически-олигархических — вопрос второй и даже десятый. Свидетельствует ли это о том, выпал ли Березовский из Семьи, раскололась ли Семья или Путин вышел из-под контроля Семьи, — важно, интересно, но тоже не главное.

Но на опасности (реальные) Березовский указывает правильно. Я уже писал, что предложенная Путиным схема формирования Совета Федерации — абсурдна, сюрреалистична и вообще неработоспособна. Если только то, что предложил Путин (в этом и некоторых иных случаях) не та самая белая собачка в углу полотна, которая нарисована специально, чтобы, будучи убранный по требованию цензуры Госдумы и Совета Федерации, она помогла появлению картины на выставке.

А вот логику путинских предложений Березовский отвергает зря. Есть общественная дилемма, а есть внутри неё и с ней связанная личная дилемма всякого высшего руководителя в России. И перед ней тоже стоит Путин: если он не победит, то проиграет. Его проигрыш — точно плохо (для него и для страны, особенно при наличии чеченского синдрома и Чечни как проблемы). А дальше — вторая, общественная дилемма, на которую раздваивается победа: авторитаризм и демократия.

Но авторитаризм, как мы видим из присказки, результативен в России только в сталинском варианте (а сегодня он

72

возможен лишь теоретически). Следовательно, Путин неизбежно, сделав авторитарный шаг, должен будет сделать два демократических. Иначе он проиграет навсегда. И олигархический анархо-демократизм Ельцина окажется чуть ли не идеалом демократии в нашей стране. То есть просто все скажут: Путин погубил демократию в России. И страну не сохранил.

А всё дело в том, что эти две цели (сохранение России и демократии в ней) можно достичь только одновременно, а никак не поврозь. Если даже в своем сознании ты ранжируешь их последовательно и предел допустимого прочерчен: управляемая демократия — уже не авторитаризм, хотя еще и не вполне демократия.

Подтолкнуть Путина к чистому авторитаризму — мечта российского Левиафана. Тут-то и будет отсечена голова Голиафа. Каким-нибудь Давидом. Правда, не столь кротким душевно, как библейский.

73

Власть, общество и интеллигенция в современной России

Что «лучшие люди страны» ждут от власти, а что власть — от «лучших людей страны»

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 17.01.2001

Миновал год с небольшим с того дня, как Владимир Путин занял главный кабинет Московского Кремля.

И если сначала это было результатом единоличного решения первого президента России Бориса Ельцина, то затем, голосованием 26 марта 2000 года, этот выбор поддержали и сами избиратели, тот самый народ, который, согласно Конституции, является единственным источником власти в нашей стране.

А ведь, казалось бы, этого не могло произойти. Непопулярность практически всех действий и решений центральной власти ещё в середине 1999 года была столь велика, что результат на выборах того, кого сама эта власть предлагала, должен был если не стремиться к нулю, то уж во всяком случае не быть победным.

Прямолинейное мышление диктовало именно такой прогноз развития событий. Однако этого не случилось. Почему?

Часто говорят об административном ресурсе, о «партии власти», об усталости от Ельцина, о второй чеченской войне, по мнению многих, катапультировавшей Путина в президентское кресло. Естественно, говорят и о тоске общества (некоторые уточняют — народа) по порядку и сильной руке.

Словом, все причины выбора сводят к «негативу», к тому, что нужно скрывать, чего принято стесняться либо к непросвещённости основной «массы избирателей», которые предпочли авторитаризм свободе, а застой — реформам. Здесь я

74

ни с кем не буду спорить, но не потому, что нет ответов на все эти вопросы, а потому, что тема моей сегодняшней статьи несколько иная. Хотя, раскрыв эту тему в тех аспектах, которые мне представляются сейчас наиболее существенными и злободневными, косвенно я отвечу и на вопросы, звучащие иногда как упреки или даже обвинения, бросаемые нынешней российской власти.

Однако сделаю это не ради защиты власти. И даже не ради объяснения логики её действий. Цель моя — существенно, я бы даже сказал — фундаментально, иная.

Существует ли проблема конфликта интересов по линии власть — народ? Да, конечно.

Существует ли проблема конфликта интересов по линии, в русской транскрипции, власть — интеллигенция? Отрицать это — значит отрицать всю русскую историю, по крайней мере XIX—XX веков.

А существует ли конфликт интересов в паре народ — интеллигенция? Здесь уже ответ не столь категорически однозначен. Но даже если придерживаться, в общем-то, классового подхода, суть которого в определении интеллигенции как мыслящей, или передовой (не ретроградски же мыслящей, то есть всё равно получается — передовой), части общества, то конфликт непременно вырисовывается. Хотя бы как конфликт нового и старого, что многие считают конфликтом хорошего с плохим.

Таким образом, как ни крути, имеем мы в нашей сегодняшней России треугольник конфликтов: власть — народ (избиратели) — интеллигенция. Но треугольник не равносторонний, а, по крайней мере,

равнобедренный.

Власть нравится народу. Народ нравится власти. Так утверждает Путин (по свидетельству Сергея Доренко), да и сам президент (например, во фразе: «Возможно, мы с народом ошиблись»).

А интеллигенции не нравится ни Путин, ни народ (по крайней мере, тем, что он Путина поддерживает).

Конечно, Путин (и народ) не нравятся не всей интеллигенции, а лишь её передовой части (то есть передовой части передовой же части общества, то есть передовой во второй степени).

75

И, естественно, Путину не нравится не вся интеллигенция, а только «передовая часть во второй степени» (назовём её Интеллигенция-2).

Но я огрубляю условия нашей задачи (то бишь конфликта) — для лексического удобства. Поэтому всюду, где ниже я буду употреблять термин «интеллигенция», его надо понимать именно в значении И-2.

Замечу, однако, что именно интеллигенция-2 считает себя собственно интеллигенцией и мыслящими людьми. А тех, кто не И-2, кем-то или чем-то иным.

Также замечу, что среди И-2 есть еще И-3. Это те из И-2, кто говорят от имени всей И-2, и говорят в основном по телевидению.

Еще замечу, что описанный мною треугольник конфликтов вполне доказал свою реальность в дискуссии вокруг нового (старого) гимна России, к чему я ещё вернусь.

Наконец, последнее предварительное замечание.

Хотя данная статья задумывалась мною давно, окончательным побудительным мотивом к её написанию стала неожиданно бурная реакция (по крайней мере, в Интернете) на мой текст из предновогоднего номера «НГ», текст, озаглавленный *«Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?»* В почти что двухстах только интернет-откликах на него я получил как благодарности (восторженные и осторожные — «цинично, но правда»), так и отповеди (насмешливые, например, несколько банальное «Васисуалий Лоханкин», и разящие в самое сердце — «подлец»).

А ведь в статье про «милых» речь как раз и шла о самом что ни на есть интеллигентском вопросе: о морали и политике (кстати, в последний абзац той статьи вкралась забавная опечатка: вместо «проповедь имморализма» напечатано «проповедь империализма» — а ведь это далеко не всегда синонимы).

Словом, тема «мораль и политика», читай «интеллигенция и власть», сегодня — это блокбастер (так или примерно так наша И-3 и выражается). То есть И-3 и даже И-2, а может, и вообще И-1 эту тему «хавают» (как опять же выражается наша И-3, беря всё лучшее и из русского, и из английского, то есть Шекспирова, языков).

Смачная тема, сказал бы я.

76

* * *

В начале статьи я не случайно вспомнил о выборах и о предвыборных и поствыборных упрёках в адрес центральной власти.

Если раньше, год назад, эти упрёки, а особенно их алогичность и порой неполную искренность можно было отнести на счёт естественных пропагандистских приемов, используемых во всякой предвыборной борьбе, то сегодня они, как мне кажется, свидетельствуют о куда более серьёзных вещах — о непонимании частью интеллигенции реальных проблем, стоящих перед Россией, а следовательно, и перед её народом и избранной им властью, отсюда — и непонимание мотивов и содержания конкретных действий власти, неверная, а то и предвзятая их трактовка.

Но это ещё не всё. Может быть, ещё более серьёзная проблема мне видится в другом. Интеллигенция, точнее та её часть, которая, будучи фаворитами СМИ, говорит от имени всей интеллигенции, а то и от имени всего общества, не имея, правда, при этом должным образом оформленных верительных грамот, не понимает и не хочет понимать того, что ждёт общество от самой интеллигенции. Ждёт именно сегодня, когда необходимо, наконец, переломить большинство негативных тенденций в развитии страны.

Для чего нужно действовать, работать, дело делать, а не только бесконечно обсуждать, чем плох был режим коммунистов, чем — режим Ельцина, чем теперь плох режим Путина.

Моя статья не претендует на всеохватность. Тем более что вопрос о русской интеллигенции — один из главных «проклятых вопросов» России последних двух веков. Естественно, обо всем я сказать не смогу.

Есть и другая опасность — и я ее вижу. Как это кто-либо осмеливается судить и оценивать интеллигенцию, да еще в её святом негодовании поступками власти?! Не стану напоминать, что наша интеллигенция очень даже умеет, когда ей выгодно, с властью сосуществовать и власть обслуживать. Допустим, этого не было — особенно у тех, кто сегодня выводит своё «диссидентство» даже не от академика Сахарова, а едва ли не от Марфы Посадницы и декабристов. Но почему же не судить?

77

Разве лишь потому, что к голосу интеллигенции надо только прислушиваться, ему надо внимать, в лучшем случае — ему надо верить. Но спорить, не соглашаться, а тем более игнорировать её, интеллигенции, слова недопустимо.

Кто завёл такой порядок на Руси, не знаю. Сдаётся мне, что сама русская интеллигенция. Но в этом случае порядок — в отличие от многих случаев, когда как раз порядка-то нам и не хватает, — действует неукоснительно. У меня даже сложилось впечатление, что последние два-три века власть в России

постоянно пребывает в страхе перед «судом интеллигенции» и оттого и не делает многое из того, что надо бы и что та же самая интеллигенция от неё требует.

Только давайте не путать «голос общественности», «голос общества» с «голосом интеллигенции». К голосу и суду общества российская власть как раз традиционно мало прислушивается, зато перед «голосом интеллигенции» трепещет.

А ведь он часто не является даже и просто голосом всей интеллигенции, а лишь малой, я бы сказал — телевизионной, её части. Вообще в последнее время кажется, что интеллигент — это тот, кого показывают, дав соответствующие титры, телеканалы. Если ты не на экране, то вроде бы и не интеллигент, а так — в лучшем случае «россиянин».

Статью свою я назвал намеренно неправильно «Власть, общество и интеллигенция...» Интеллигенция как социальная группа — всего лишь часть общества, но с большой охотой себя из него выделяющая. Выделяла до Октября 17-го года, но ещё активнее стала выделять — после него, в советские времена. В Советском Союзе интеллигенция была канонизирована, обожествлялась ничуть не меньше Ленина. И, кажется, сама поверила в своё божественное происхождение.

И я бы поверил, особенно сейчас, когда власть больше чем когда-либо нуждается в советах умных, знающих не только истину, но и исключительно моральные пути её достижения людей. Да советы эти — прямо противоположные. К кому прислушаться?

Одни интеллигентные люди советуют, например, реструктурировать РАО «ЕЭС России» «по Чубайсу». Другие, не менее интеллигентные, утверждают, что «по Чубайсу» не только не нужно, но и категорически нельзя. Как быть, чтобы и самому остаться интеллигентным, и дело правильно сделать?

78

По-моему, надо сделать так, как советуют настоящие специалисты в этой сфере, и уж интеллигенты ли они при этом или нет — дело второстепенное. Так же как и то, правые они или левые, демократы или ортодоксы-коммунисты.

Интеллигентность — это не профессия. Если даже включает в себя (а ведь включает, если судить по нашим дискуссиям) такое качество, как искусство давать советы всем и по любому поводу.

Пример с РАО «ЕЭС России» неудачен? Согласен, что не во всем удачен, но в главном — удачен. В ответе на вопрос: к кому прислушиваться?

Возьму более удачную тему. Настолько удачную, что мало кто из — позволю себе прямо, необходимую в откровенном разговоре, — патентованных и просто телевизионно-знаменитых интеллигентов по этой теме не высказался.

Тему гимна России.

Не буду говорить о моём, в частности, предпочтении музыки Александрова. Поговорим немного об аргументах тех, кто был против этого решения.

Почти всегда первым звучал аргумент: я под эту музыку не встану. Казалось бы, аргумент свободного человека. Только что делать со свободой тех, кто именно под эту музыку и хочет вставать с места?

Следующий аргумент: у меня этот гимн ассоциируется со сталинизмом. А что делать с теми десятками миллионов стариков, в сознании которых этот гимн ассоциируется с регулярно выплачиваемой пенсией, на которую можно нормально жить? Нормально в том смысле, что не голодать и не собирать старьё по помойкам.

Гимн, конечно, выше колбасы. Особенно когда колбаса есть в твоём холодильнике. Как и сам холодильник.

Конечно, эти миллионы стариков-пенсионеров не интеллигенты, не «мыслящая часть» общества, может быть, даже сталинисты. Но коль скоро мы, интеллигенты, демократы, мыслящие антисталинисты, своими реформами им пока даже того, что у них было «при коммунистах», не обеспечили, может быть, дадим им хотя бы гимн? Будучи интеллигентными гуманистами.

Следующий аргумент: опросы показывают, что за музыку Александрова большинство, но не абсолютное, а относительное. Но за «Патриотическую песню» Глинки вообще

79

меньшинство; следовательно, «против нее» (по логике тех, кто этим аргументом пользуется) большинство не только абсолютное, но даже подавляющее.

Или нужно было вынести вопрос о гимне на референдум, и у кого-то есть сомнения в том, каков был бы результат? Ведь пенсионеры-то голосовать придут, а молодежь — вряд ли.

Ещё один аргумент: демократия — это не только когда решение выносится голосами большинства, но и учёт мнения меньшинства. Правильно. Только как в этом случае его учесть? Три куплета спеть под Александрова, а один под Глинку?

Возмущение не обязано быть технологичным, а вот совет, тем более от мыслящего человека, должен быть технологичен непременно.

Дискуссия о гимне, проведённая силами интеллигенции на страницах газет и с экранов телевизоров, в некоторых своих аспектах поразила меня именно тем, в чём некоторые интеллигенты обвиняют власть. Своей недемократичностью, нетерпимостью к чужому мнению и далеко не интеллигентными приёмами полемики. Например, один противник гимна Александрова сказал буквально следующее: единственное, что хорошего сделала Россия в XX веке (имеется в виду советский период), — это победа над фашизмом.

Вы слышите — единственное хорошее!

Если бы в споре со своими учёными коллегами этот господин сказал такое, его подняли бы на смех как просто необразованного человека. А перед многомиллионной аудиторией — сойдёт!

Возможно, этот господин выразился столь неграмотно и непристойно в пылу полемики. Но, кажется, и в пылу полемики интеллигент должен оставаться интеллигентом. И хотя бы не врать.

* * *

Наша интеллигенция вообще не чурается непотребных слов — теперь уже и в широкой аудитории. В связи с этим хотел бы заметить вот что: к месту сказанные, даже публично, эти слова бывают очень даже полезны.

Когда вы в темном дворе встречаетесь с хулиганом (даже прежним, советским, не говоря уже о нынешних отможенных), вести с ним интеллигентный разговор вам будет крайне

80

затруднительно, если не вообще бесперспективно. А вот парой-тройкой крепких выражений делу своего спасения, может быть, и поспособствуете.

Больше года назад, когда Владимира Путина в десятый или двадцатый раз журналисты спросили, не слишком ли он неинтеллигентно ведёт себя с террористами, Путин сказал: «Если в туалете террористов застанем, то и в сортире будем мочить!»

Неинтеллигентно? Согласен. Только, кажется, после этих слов дело-то и пошло. А до того всё ещё некоторые, включая самих террористов, считали, что Россия по-прежнему будет подставлять вторую щеку после того, как ей ударили по первой, а, найдя террориста, сначала сдаст его в руки правозащитников и лишь потом, если они разрешат, возможно, осмелится отдать под суд.

В последнее время опять громко зазвучали требования отдельных телевизионных интеллигентов (сколько, кстати, их у нас — сотня наберётся?) к России и её властям: покаяться за содеянное.

Грехов в нашей прежней и нынешней жизни было много. И преступлений хватало. Так что покаяться есть за что. Не этим ли, впрочем, занимаемся мы, как минимум, с появления на наших экранах фильма «Покаяние»?

Каемся перед Западом. Перед Востоком. Перед Югом. Перед Севером (Крайним). Перед народами Западной и Восточной Европы, Центральной Азии и Азии вообще, Дальнего Востока, Африки. Перед странами Балтии, СНГ, перед репрессированными народами и не репрессированными. Перед всеми.

Иногда — если почитать наши газеты, до сих пор практически каждый день выходящие с покаянными статьями, — Россия в вине перед всем миром.

Точка зрения, прямо говоря, несколько странная, но по-своему заслуживающая не уважения, конечно (кто же будет уважать того, кто буквально во всем и перед всеми виноват), но снисхождения. И ведь заметим, что власть кремлёвская никому ни в чем ни раскаиваться, ни каяться не запрещала. Процесс идёт своим естественным путем.

Что же до требования к нынешнему президенту России покаяться в грехах тех, кто до него занимал пост главы государства, и извиниться перед всеми, кого обидело российское государство, то я бы предпочел, чтобы он сначала сделал что-

81

либо существенное на этом посту, а уж затем, когда ему лично будет чем гордиться, подумал и о публичном покаянии. А то как-то неинтеллигентно будет, едва войдя в Кремль, не наладив ещё настоящего дела в стране, извиняться за предшественников, каждый из которых что-нибудь да сделал не только для своей страны, но и для многих других.

Представим себе такую ситуацию. Взрослый сын, получив из рук отошедшего от дел отца полуразрушенный дом, вместо того, чтобы заняться его срочным ремонтом, а ещё лучше — капитальной перестройкой, выйдет на площадь и станет всем рассказывать: дед у меня был кровопийцей, дядя — пьяницей, бабка — гулящая, прадеды — убийцы, да и вся семья наша — вертеп преступлений и разврата. Если даже это правда, что ещё надо доказать, то и в этом случае не выкинет ли в общем-то нормальная, хоть и не очень благополучная семья нового своего главу из дома?

Сначала сделай лучше других — потом и суди, и кайся за них. А пока не сделал — работай.

* * *

Я уже сказал, что власти вроде бы полезно прислушиваться к советам интеллигенции. Да и прислушивается по мере сил. Как и все, чиновники, включая высших, одних газет за последние десять лет прочитали тонны. Газет тонны, а наиболее активных в них авторов из интеллигенции — сотня-две. Всех уже по фамилиям и именам знаем.

И вот, прислушиваясь к голосу «мыслящей части общества», что могли понять чиновники? Что в 1991 году Борис Ельцин — надежда демократии, а в 1992-м — её губитель, в сентябре—октябре 1993-го — опять отец, в 1994—1995-м — опять губитель, в 1996-м — спаситель, в 1998-м и особенно 1999-м — вновь губитель. А теперь, оказывается, «путинский режим» не то что хуже «ельцинского», а и вообще — то ли диктатура, то ли деспотия.

А может, нужно просто год-другой подождать, глядишь — новый взгляд на «путинский режим» и появится? Тем более что пишут эти статьи примерно одни и те же люди, а писать им, несмотря на «деспотию» и «диктатуру», никто не запрещает. Просто пишут, что думают. В каждый конкретный момент.

Есть ли у нашей мыслящей части общества один ответ хоть на один вопрос? Не два, не три, не четыре, да еще меняющихся, как минимум, раз в год-полтора, а один?

82

Ведь решения-то нельзя принимать в пяти вариантах и на полтора года.
Нужно выбрать одно. И надолго.

В конце 1999-го — начале 2000 года такое решение российское общество приняло. То, что имя этого решения Путин — историческая случайность. Но то, что этот Путин или кто-то другой, кто бы на его месте оказался, должен делать, — это закономерность. Даже ошибок ему суждено сделать мало, ибо всё, что можно было сделать ошибочного, мы в предшествующие 15 лет сделали. Наряду, естественно, со многим хорошим. Но не настолько хорошим, чтобы еще 15 лет вести дискуссии о тонкостях сочетания рынка и демократии с национальными особенностями России.

На сегодняшний день наши национальные особенности следующие: 1) рынок есть, а материального процветания у большинства граждан общества нет; 2) демократия есть, а порядка в стране нет; 3) всеми советами, данными «мыслящими людьми» и с Запада, и внутри страны, воспользовались, а толку мало.

Может быть, мы просто мало работали и много делили и говорили все это время?

* * *

И так перейдя уже пределы допустимого по отношению к нашей интеллигенции, не могу не назвать того, в чём она остается последовательной. Всего лишь в трёх вещах.

Во-первых, в постоянных требованиях денег у власти.

Во-вторых, в постоянном недовольстве народом (при царе, при большевиках, при демократах тоже).

В-третьих, в преклонении перед богатством, роскошью, большими деньгами.

В совокупности это приводит к тому, что, когда интеллигенция обеспечена сама, о нищете народа она не вспоминает, но, когда её достаток падает ниже желаемого уровня, она тут же начинает жалеть народ.

Над «глупым народом», поверившим в «МММ», интеллигенция публично подсмеивалась, а вот когда разорился банк «Чара» с деньгами «мыслящих людей», мы и слышали вопль «русской интеллигенции» о мерзавцах — строителях финансовых пирамид.

83

* * *

Свобода слова, которую никто ни у кого отбирать не намерен (да это и невозможно в век Интернета, этой глобальной кухни советского интеллигента 70—80-х), сыграла с нашей интеллигенцией злую шутку. Даже не одну, а целых четыре, если учесть, что помножена эта свобода слова оказалась на всеохватывающее влияние современных СМИ.

Во-первых, свобода фактически, а не только юридически сняла всю цензуру, даже цензуру профессионализма, благоразумия и морали, со всего того, что содержится в головах всех, кто хочет что-либо сказать. Наверное, никогда мы не слышали столько умных слов, равно как и столько глупых, но затверженных в качестве «умных» авторитетом свободы слова и публичности.

Во-вторых, многократно размножившиеся, во все проникающие и всюду достигающие свободные СМИ приучили интеллигенцию к тому, что раскрытие пороков общества и особенно пороков власти перед многомиллионной аудиторией (фактически — сразу перед всем обществом) есть самый эффективный способ их искоренения. Если бы русские разночинцы в XIX веке могли выступать по телевизору, то они ни за что не пошли бы в народ.

В-третьих, произошло, я бы сказал, «классовое» разделение интеллигенции на «настоящую» — ту, что выступает с экранов телевизоров, и «ненастоящую» — ту, что такой возможности не имеет. Вторая оказалась брошена в общее горнило реформ — нищенствует вместе с остальным народом. Первая — через СМИ и дикий рынок фактически слилась с властью, став одним из отрядов бюрократии. Она продолжает говорить от имени народа, зная его давно уже только по репортажам тех самых СМИ, со страниц и экранов которых выступает.

Наконец, четвёртая злая шутка, которую сыграла современная свобода слова с нашей интеллигенцией, это девальвация авторитета интеллигенции, если не её самой как значимой социальной группы. СМИ вольно или невольно раскрывают пороки не только власти, но и самой интеллигенции. Трудно ведь поверить в искренность обличения того или иного решения власти человеком, которого миллионы телезрителей почти каждый день видят в телепрограммах сидящим рядом с властью, пьющим вместе с властью, отдыха-

84

ющим вместе с властью, словом, как принято говорить сейчас, — тусующимся вместе с властью.

Трудно поверить в искренность слов о преимуществе демократии, произносимых человеком, который в неполитической передаче рассуждает о том, что если главный режиссер в театре не диктатор, то хорошего театра не будет.

Трудно поверить в искренность человека, вчера игравшего роль Ленина, а сегодня Ленина обличающего.

Наконец, трудно, когда всё это слышишь, читаешь и видишь, поверить, что свободы слова нет, особенно когда это утверждают те, кто все это говорит, пишет и показывает.

И интеллигенция, по-моему, попала во все эти капканы, но их не замечает — или пытается не заметить. В Советском Союзе была официальная религия — марксизм-ленинизм, а для неверующих в него неофициальная — то, о чем говорила интеллигенция, всегда что-то добавлявшая к марксизму-ленинизму и что-то отнимавшая от него. А сейчас нет официальной идеологии (религии) вообще, реальная религия возрождается для всех, кто этого желает, свободные СМИ демонстрируют все возможные идеологии, но главным образом — квазиидеологии (включая самое отпетое мракобесие и самые пошлые банальности и

непристойности). Соответственно, и интеллигенция, как самая идеологизированная часть общества, раздробилась (подобно Союзу писателей), потеряла свою пусть противоречивую, но монолитность. Там, где есть многопартийность, — нет интеллигенции. Там есть только оппозиция.

Но оппозиция — это не интеллектуальная и тем более не моральная категория.

К оппозиции прислушиваются, но всегда помнят, что её главная цель — взять власть.

Но если есть оппозиция, есть и те, кто власть поддерживает. Следовательно, если есть интеллигенция оппозиционная, есть интеллигенция и в рядах партии власти, то есть та интеллигенция, которая разрабатывает идеологию и этику того политического направления, которое избрала данная власть.

* * *

А каково же направление данной политической власти, появившейся в ответ на вызовы, брошенные народу России на рубеже 1999-2000 годов?

85

Это направление очевидно. И не только из путинских деклараций, но уже и из многих дел.

Государство либо есть, либо его нет. Все, что в промежутке, — это распад государства. Следовательно, государство должно быть восстановлено.

Если интеллигенция мыслит себя как альтернатива государственности, то это либо заблуждение (может ли существовать русская интеллигенция без государства Россия?), либо просто иной взгляд на форму государства, то есть оппозиция.

Население страны должно быть обеспеченным. Выбор экономической модели процветания в принципе уже сделан — рыночная экономика. Конкретная форма рынка — предмет дискуссий специалистов, помноженный на оформление законодательным путём, прописанным в Конституции.

Воздействовать на эти решения, если ты не находишься в правительстве или Думе, можно путём забастовок или выступлений в СМИ. И тот, и другой путь не запрещён. Но и то и другое — это конкретная политическая деятельность, которая может корректировать поведение власти либо массовостью, либо аргументами — но отнюдь не голым пафосом и накалом телевыступлений. Никто не обязан говорить то, что нужно власти, имеющей мандат от народа, но никто не обязан действовать так, как говорит кто-то, властью не облечённый.

История страны не Священное писание, но и не набор газетных вырезок последней недели (или даже последнего десятилетия). Тем более что всякий историк — видимо, интеллигент, но не всякий интеллигент — историк.

Ничего Путин, как я его понимаю, не хочет нового — лишь то, что является константами во всякой стабильной стране, во всяком процветающем государстве, во всякой уважающей себя нации.

Инакомыслия — сколько угодно. Но в границах закона, оформляющего демократическим путём национальные интересы страны и общества.

Наконец, профессиональные вопросы решают профессионалы, политический окрас которых разумной власти не столь уж и важен. Сто звезд Голливуда никогда не оказывали никакого влияния на деятельность правительства США и не претендовали на какое-либо политическое влияние. А сто на-

86

родных артистов в России до сих пор остаются политической силой. Может быть, поэтому американское кино заполонило наши экраны, а наше американские — нет.

Политика в России тоже, наконец, стала профессией. Миссия этой профессии — управлять жизнью страны, если даже в ней есть «мыслящие люди», которым подобает брать на себя лишь роль экспертов, но только там, где они экспертами являются. А во всем остальном — это просто граждане, чаще других показываемые по телевидению. Кто в этой схеме является «лучшими людьми», а кто нет — каждый волен судить сам. Но если это действительно лучшие люди, они, на мой взгляд, должны бы лучше других делать своё дело, видя границу того, где кончается их профессионализм и начинается их дилетантство, столь дорого стоящее обществу.

Революция, которая совершилась в нашей стране в 1991 году, была, видимо, как раз революцией дилетантов. Хотя и очень «интеллигентных». Не исключая, что последнее лишь усилило их нежелание признать свой дилетантизм.

* * *

Когда говоришь об интеллигенции, всегда рискуешь быть неправильно понятым именно ею.

Тот, кто воспримет эти заметки как свидетельство нелюбви к интеллигенции или третирование её, может, конечно, оставаться при своём мнении, но цель моя всё-таки другая. Не ругать (или хвалить интеллигенцию), а показать, что в современном обществе не только она имеет право говорить от имени общества. И самому обществу есть что сказать.

Ведь что такое, если называть вещи своими именами, наша интеллигенция? Точнее, кем она претендует быть?

- 1) Быть умнее других (народа и власти).
- 2) Быть честнее других (народа и власти).
- 3) Быть моральнее других (народа и власти).
- 4) Быть воспитаннее других (народа и власти).

То есть интеллигенция — это не власть и не народ. Наверное, это так и было в XIX-м и отчасти в XX веке. По той причине, что гражданского общества в России не было, но нужда в нем чувствовалась. И слова, а также поведение интеллигентной части общества восполняли этот вакуум. На уровне слов и

поведения, гораздо реже — на уровне дел.

А когда, в результате, кстати, реформ последних 15 лет, гражданское общество стало появляться, когда инакомыс-

87

лие из подвига превратилось в норму, разномыслие вообще вошло в привычку, специальные знания стали важнее и прибыльней, чем знания всего обо всем, когда целовать ручку даме или подавать ей пальто научились и чиновники, и банкиры, и даже бандиты, интеллигенции осталось говорить только от своего собственного имени. Но это слишком «примитивно», «не универсально», непривычно. Особенно когда за спиной два века монополии на образование, воспитание и фронду.

Но монополия вместе с биполярным миром двух русских супердержав — власти и интеллигенции, рухнула. Заговорило всё общество. Лезть в общий разговор с мыслями, отражающими лишь твои собственные интересы, интеллигенции как-то непривычно (да и стесняется она сказать, что есть у неё личные интересы). А вот продолжать вещать от имени всего общества — это дело и приличное, и привычное.

Больше всех призывавшая к демократии и конкуренции интеллигенция больше других оказалась к ним реально нетерпима.

Интеллигенция за свободные выборы. Но если избиратель проголосовал «не так», то плох оказывается избиратель. Интеллигенция за независимый суд. Но если суд вынес не такое, какое она хотела, решение, то суд плох, подкуплен и коррумпирован. Если другая газета не пишет то же, что твоя, то эта газета ангажирована.

Что собственно нового открыла нам наша интеллигенция в последние годы? То, что живем мы хуже, чем на Западе, потому что работаем хуже, чем на Западе, и работаем хуже, чем на Западе, потому что живем хуже, чем там.

Так-то оно так. Но только разве из этого умозаключения можно вывести что-то большее, чем столь же банальное: народ плох, власть дурна и воровата, стране мешают дураки и плохие дороги? Когда-то это воспринималось как откровение, но от мыслящей части общества сегодня хотелось бы чего-то более свежего, более конкретного, более инструментального.

В гражданском обществе интеллигенция, проделавшая огромную очистительную работу в нашей истории, исчезает, точнее — уходит в небольшую отведённую ей нишу. Из института, хотя бы морально стоявшего и над властью, и над народом, то есть над всем обществом, она становится лишь час-

88

тью этого общества (частично — частью власти, частично — частью народа). Это — роль не исключительная, но вполне достойная, ничем не хуже, чем роли, отведённые другим. Правда, и не лучше. Но на то и демократия.

Свобода — неприятная вещь. Она нивелирует исключительность, во всяком случае — исключительность классовую, сословную.

Интеллигенция родилась в России как аристократия духа. Такой она оставалась и в советской России, где аристократии крови и собственности были ликвидированы, но зато остались более и менее свободные сословия — артисты, писатели, художники, ученые-гуманитарии. А с ними сохранилось и место для аристократии духа.

А теперь — свобода и демократия для всех. Для аристократии, для «лучших людей» то есть, места не осталось.

Спасибо русской интеллигенции! Она сделала своё благородное дело — доказала власти, что все люди равны и свободны от рождения. Этими «всеми» должны теперь стать и «лучшие люди». Не Россия для интеллигенции, а интеллигенция для России. Не общество для интеллигенции, а интеллигенция для общества и в содружестве-конкуренции со всеми остальными его социальными группами. Простой, хоть и печальный для некоторых вывод.

* * *

Не обойтись без заключения.

Вполне сознательно иду на обвинения в «путинизме». Ведь даже при малейшем желании прочесть данную статью как «Гимн власти» или «Гимн Путину» — это легко сделать. Исполать вам, как любил выражаться Феликс Феодосиевич Кузнецов во времена оны...

Пишешь статью *«Диагноз: управляемая демократия»*. Тебе говорят — это ты не диагноз ставишь, а яд прописываешь. Бесполезно спорить.

Все же напомним, что ещё в декабре 1999 года в статье *«Сталин - это наше всё»* я написал, что отчётливо вижу черты Сталина в Путине, Березовском и Чубайсе. Правда, какие конкретно черты, не уточнял.

Да и о самом Путине писал я уже много — и ещё напишу. Он далеко не ангел. Особенно по отношению к тому, что ему активно (порой немотивированно с точки зрения других) не нравится.

89

Но не о Путине сегодня речь.

Правильно сказано, что в России две напасти: внизу власть тьмы (сегодня, кстати, больше, чем в последние годы Советской власти), сверху — тьма власти. Но есть и третья напасть — власть интеллигенции и над низом, и над верхом. Власть, ещё более безответственная по отношению и к верху, и к низу, и к самой себе. Власть публичного слова, по-прежнему выдаваемого за откровение, но давно уже ставшего

банальностью.

Если не так, ответьте: что нового открыла русская интеллигенция миру или хотя бы только России в последние 15 лет XX века?

Ни-че-го. При этом напоминаю, что речь идёт об И-2.

Р. С. А между прочим, интеллигенция в настоящем смысле слова (не выродившаяся в богему) в России ещё осталась. И историческую миссию свою она ещё отрабатывает: мыслить больше и критичней, чем власть; быть либеральней, чем власть; быть справедливей, чем власть; больше думать об обществе, чем власть. Это парадокс? Нет. Просто власть во всем этом у нас ещё не обогнала интеллигенцию. Хотя стремительно настигает.

Самое смешное, что один из синонимов слова «интеллигент» — «левый». Ведь интеллигенция всегда была и будет за социальную справедливость, то есть, извините, за народ. Правая интеллигенция — это оксюморон, как жареный лёд. И вот здесь парадокс наблюдается. От имени интеллигенции у нас чаще всего говорят правые. Оттого и получается — чепуха. Или фальшиво. Или неискренне.

90

Идеальное государство

Это и есть политический проект Владимира Путина на следующий президентский срок

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 19.02. 2004

Программное (предвыборное) выступление Владимира Путина, прозвучавшее на прошлой неделе, — интереснейший политический документ. Интереснейший и характернейший для России.

Слово, которое употребляется в нем очень часто, — «государство». Причём не только в смысле «аппарат управления или правления», но и как синоним слова «страна» и даже слова «общество». Это приводит к определённым смысловым казусам. Например, в финальной части выступления, части, которую можно назвать гимном демократии и под которой должен подписаться каждый русский (да и не русский тоже) либерал, появилась несколько странная для всего контекста фраза: «Только свободный человек способен обеспечить рост экономики, процветание государства». Для истинного либерала, а эту часть текста, безусловно, писал истинный либерал, «процветание государства», даже добытое усилиями свободного человека, нонсенс. Ибо государство есть то, что противостоит и свободе, и человеку и, уж конечно, не должно процветать. Впрочем, ясно, что слово «государство» употребляется здесь в смысле «Россия» или «страна». Тем более что несколько ранее сам Владимир Путин говорит, что основной целью действий власти станет «повышение качества жизни людей», а отнюдь не «процветание власти».

Но эта лингвистическая путаница, из-за которой всякий раз нужно на иной манер расшифровывать смысл слова «государство», следствие

91

не небрежности, а в общем-то самой фундаментальной российской политической традиции, имя которой — этатизм. То есть идеология, абсолютизирующая роль государства в обществе и предполагающая самое широкое и активное вмешательство государства в жизнь общества. Причём считается, что это вмешательство является неизбежным и позитивным, ибо иначе страна распадётся (худший вариант) или в обществе приостановится прогресс.

И надо признать, что исторический опыт России последнего столетия прямо подтверждает этот вывод. Ослабление государства, даже когда оно сопровождалось повышением активности общества и прогрессом в экономике и культуре, раз за разом приводило страну к военным и политическим катастрофам или к распаду: Русско-японская война, революция 1905 года, неудачи в Первой мировой войне, обе революции 1917 года, события 1990—1991 годов и, наконец, период президентства Бориса Ельцина. Собственно, на примере этого периода Путин и зафиксировал эту тенденцию. Отметив, что в начале 90-х годов российское общество сделало, как он выразился, «бесповоротный выбор в пользу свободы», Владимир Путин прямо указывает на постоянно воспроизводящуюся в нашей истории коллизию (как демократия — так развал): «Но какую цену мы вынуждены были заплатить за это? Деструктивные процессы разложения государственности при развале Советского Союза перекинулись — и это можно и необходимо было предвидеть — на саму Российскую Федерацию».

Ложная это коллизия или реальная, а если реальная, то чем она вызвана (эгоизмом ли правящих классов, отсутствием ли демократических традиций, неготовностью ли населения к свободе, или ещё чем), можно спорить.

Но нельзя спорить с тем, пройдя через серию трагичных событий XX-го, даже и XIX веков, русское общество, его правящий класс в большинстве своём пришли к однозначному выводу, практически — к аксиоме: пять—десять лет свободы, не успевая создать в России стабильную демократию, успевают привести страну к хаосу, развалу, отторжению от неё территорий и усилению её зависимости от других крупных субъектов мировой политики. Повторяю, может быть, это и ложный вывод, но, поскольку в его истинность верит Россия, он становится фактом и краеугольным камнем рус-

92

ской политики — как только она выходит из оцепенения, порождаемого у неё свободой. Вот почему парадоксально (на взгляд европейского либерала) построенное выступление Путина является совершенно

естественным и логичным для русского политического ума.

Итак, Путин начинает с того, что граждане России в начале 90-х сделали окончательный выбор в пользу свободы. Далее он описывает катастрофу, к которой эта свобода привела. Ещё далее — рассказывает о том, как за счёт усиления государственной власти (а не наращивания свободы) катастрофа была отодвинута, более того — начался подъём. И наконец, по пунктам расписывает план построения свободного и демократического общества, которое только и может обеспечить процветание нации. Причём подразумевается, что именно власть (государство) будет строить и демократию, и свободу, ибо само общество (без сильного государства) с этой задачей не справилось.

Можно вспомнить, что в классическом марксизме-ленинизме существовал догмат о постепенном отмирании государства по мере построения коммунизма. Но, взявшись за реальное управление страной, да ещё в условиях, как тогда говорилось, «враждебного окружения», лидеры большевиков скоро не только отказались от этого постулата, но и заменили его прямо противоположным — об усилении роли государства по мере движения к желаемой цели. По крайней мере до тех пор, пока, во-первых, не исчезнут основные центры капитализма, а во-вторых, пока не будут созданы основы коммунистического (то есть негосударственного) самоуправления.

Исторический отсыл к практике СССР (в свете нынешней моды на безыдейность) обычно выглядит у нас как желание скомпрометировать нынешнюю власть. Но в данном случае это не так. Ибо если обратиться к более далёким историческим примерам, то окажется, что практический большевизм лишь воспроизвёл представление, например, Гоббса о государстве как преодолении естественного состояния человеческого общества (война всех против всех, что мы, безусловно, видели в СССР/России в 1989—1999 годах). И идею Гегеля о государстве как воплощении морали и всеобщего закона, восстанавливающих единство, нарушенное борьбой индивидов и групп.

93

Совершенно справедливо замечание, исходящее из уст как русских либералов, так в общем-то и вообще всех трезвомыслящих людей, что Российское государство менее всего приспособлено к выполнению столь благородной миссии и что часто оно занимается прямо противоположным.

Но дело в том, что сегодня, как и почти всегда в России, иного инструмента, кроме государства, в руках у общества нет.

Кто может объяснить, почему, например, в СССР существовали мощные профсоюзы, которые всё-таки защищали права наёмных работников, хотя этим вполне (при монополизме той системы) могло бы заниматься какое-нибудь министерство труда или даже один из отделов ЦК КПСС? И почему за пятнадцать лет стихийного рынка, когда наёмные работники реально нуждались в защите своих интересов, ничего подобного по масштабам системе советских профсоюзов не было ни создано, ни воссоздано самодеятельностью масс? Что же говорить о гораздо более сложных образованиях и институтах: партиях, гражданском обществе и т. п. Они также не возникли.

Я пытаюсь объяснить логику президентской предвыборной программы (да и политику Путина), но не оправдать её. Её оправдывает, точнее — мотивирует ход нашей жизни в последние пятнадцать лет.

В чем же главная слабость этого проекта? Конечно, в том, что фактически Владимир Путин провозгласил цель создания идеального государства, которое своими руками создает гражданско-политическую систему, которая, в свою очередь, полностью отрицает традиционное Российское государство. Это очень похоже на утопию.

Но, кажется, именно в утопии и верит Россия. Она верила (в том числе самыми просвещёнными своими умами) в утопию несамовластного самодержавия, в утопию коммунизма, в утопию демократической демократии. И во всём обманулась. Что же остается ей — кроме веры в утопию идеального государства! Тем более что государство всё-таки всегда (до сих пор) оставалось самым грамотным политическим институтом России и очень часто, но не всегда, — наименее алчным. И всегда сохраняло целостность страны, а это — особая ценность для русских. На веру народа в государство и опирается политический проект Владимира Путина, предложенный им на следующее четырёхлетие.

94

Презумпция номенклатурности

Об одном из главных зол русской политической системы

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 21.10. 2004

Как-то я спросил Михаила Горбачёва, на какой срок нахождения у власти он рассчитывал, когда стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, то есть фактическим главой страны. Лет на пятнадцать, ответил Михаил Сергеевич.

В реальности, как известно, власть в руках Горбачёва находилась шесть с половиной лет, причём в последние год или даже два — стремительно утекая.

Абсолютное большинство наших чиновников, от низшего до самого высокого уровня, даже теоретически не понимают и тем более психологически не воспринимают скоротечность или, по крайней мере, конечность своего пребывания во власти. Они не умеют, да и не хотят строить свою работу и жизнь так, чтобы через четыре, восемь, максимум двенадцать лет покинуть свой пост, оставив после себя завершённые реформы, добрую память и неразворованную казну.

Отчасти это политико-психологическое наследие сословных традиций самодержавия, в ещё большей степени — традиций советской номенклатурной системы. Как известно, в номенклатуру в советские времена было трудно проникнуть, но почти невозможно было из неё выпасть. При соблюдении правил игры, разумеется. Как говорят в криминальном мире, структурно очень схожем с бюрократическим, вход — рубль, выход — два.

Презумпция номенклатурности, то есть несменяемости, закреплённая множеством старых советских и новых рыночных привилегий, до сих пор царящая практически на всём постсоветском пространстве (кроме Прибалтики), доминирует

95

в психологии как назначаемых чиновников, так и (что поразительно) избранных депутатов, мэров, губернаторов, президентов. Эта психология и приводит к тому, что начатые в России дела редко когда заканчиваются в назначенный срок. Что почти никогда вовремя не выполняются обещания, особенно данные подчинённым или обществу. Что вышестоящих начальников нижестоящие нагло и беззастенчиво обманывают, а те, даже догадываясь об этом, а часто и зная наверняка, не решаются выгнать лжецов с работы. В худшем (в худшем!) случае перемещают на чуть менее значимые посты. А для тех, кто в силу неизбежных условностей современной России всё-таки должен покинуть чиновничий пост, создаются (за государственный счёт, разумеется, то есть за счёт налогоплательщиков) синекуры — политические, финансовые, научные, общественные и тому подобные фонды, институты, корпорации, банки, ассоциации и прочая и прочая.

Модернизация российской номенклатуры (бюрократуры) пока заметна только в одном — наиболее дальновидные и располагающие соответствующими постами чиновники и народные избранники, не доверяя свою судьбу только государству бюрократов, сами (но за наш счёт) готовят себе запасные аэродромы, а главное — копят деньги, получаемые, естественно, не в кассах госучреждений.

В результате на значительную часть этих чиновников компромат скапливается автоматически, просто как неизбежный продукт их деятельности, а они, осознавая это, вынуждены (о, страдальцы!) и дальше тянуть свой срок пребывания на госслужбе, ещё меньше занимаясь своими служебными обязанностями и ещё больше — сокрытием и запутыванием своих закулисных дел. Ибо отставка приводит к открытию дел уголовных.

Конечно, в деятельности назначенных или избранных госслужащих есть и немало других мотивов, в том числе и весьма благородных, но ведь все-таки не случайно, что, пожалуй, ни один из высших чиновников России последних 15—20 лет не может похвастаться тем, что довел до конца хоть одно реально значимое масштабное дело или реформу. Им никогда не хватает времени, ибо они привыкли работать вечно!

Из многих фундаментальных составляющих демократии, по моему глубокому убеждению, самым актуальным и самым до сих пор невостребованным в России является не выбор

96

ность и не разделение властей, а ограничение сроков пребывания у власти, прямо не рождающее ответственность (временщик часто крадёт даже больше), но создающее психологический и политический фундамент ответственности.

Мое крайне критическое, если не сказать сильнее — прямо негативное отношение к Ельцину во многом нивелировано как раз тем, что он — неважно по каким причинам — всё-таки покинул Кремль в 1999 году.

Безусловно, есть реформы, которые требуют для своего свершения десятилетий. Есть законное желание, что в частном бизнесе, что в политическом управлении, передать дело в руки близкого тебе по духу преемника. Есть, наконец, переходные политические режимы, которые в случае изъятия, особенно чисто демократическим путём, возглавляющих их авторитарных личностей, рушатся, погружая в хаос или даже гражданскую войну соответствующие страны, — сейчас в Ираке мы видим пример такого рода. Но всё это (и многое другое) не отменяет необходимости ликвидации презумпции номенклатурности, ибо без этого нельзя даже теоретически добиться того, чтобы человек довершал то, что начал, в срок своего пребывания во власти.

В конкретных условиях сегодняшней России это, например, означает, что сменяемость кадров важнее их выборности. Или что срок пребывания во власти глав регионов должен быть меньше, чем срок пребывания на своём посту главы государства (при том, что и этот срок должен быть конечен). Противоположное могут позволить себе только развитые и стабильные демократии.

Только оказавшись вне власти, человек по-настоящему начинает ценить свободу, гражданские права, чужие интересы и многое другое. Ответственная (во всех смыслах) оппозиция в России возникнет лишь тогда, когда вне власти окажутся те, кто когда-то властью располагал.

Я не знаю ни одного человека, который, придя во власть, стал более демократичен, чем был до того. Зато встречал десятки людей, которые, выйдя из-за Кремлевской стены и иных мест средоточия власти, где были принципиальными автократорами, превратились в самых заядлых, порой даже оголтелых демократов. Без всякой психотерапии, минимальной, считай, ценой — ценой потери власти.

Недавно меня поправили, справедливо указав, что и я, и все остальные знаем в России одного человека, который, по-

97

лучив власть, стал большим демократом, чем был до того. Это — уже упоминавшийся мною Михаил Горбачёв.

Это правда. Но именно по этой причине у Горбачёва власть и отобрали.

Авторитаризм есть подкладка современной демократии, но всё-таки не её лицевая ткань.

Сейчас все гадают — кто победит на президентских выборах в США? У меня есть точный ответ. Тот, кого выберет американский политический класс, а не тот, кого хочет американский народ. Если бы я был американистом, я бы назвал и имя — без всяких социологических опросов.

И в этом нет разницы между США и Белоруссией, Францией и Россией. Разница в том, с помощью каких механизмов реализуются интересы политического класса. У нас это административный ресурс, в так называемых цивилизованных странах — более тонкие и скрытые от широкой публики механизмы.

И разница, конечно, в самом политическом классе, в его качестве и качествах — но это отдельная тема.

Однако разница и в том, что американскому президенту на все его достижения и злодеяния отводятся только восемь лет. И он об этом знает — даже если это меньше, чем ему нужно для того, чтобы осчастливить свою страну и всё человечество.

98

Раздел 2. 1991-2007: ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИКА В ЕЁ ВАЖНЕЙШИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

99

После путча, накануне реформы

Настоящее и перспективы России

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 23.10.1991

Происходящее сегодня в нашей стране: в постперестроечной России, а шире — в СССР (ибо все-таки, несмотря на разрушение этого государственного образования, Союз до сих пор по многим параметрам существует) — казалось бы, плохо поддаётся целостному восприятию и пониманию. Причин тому много, но они представляют скорее академический, чем практический интерес.

Практический интерес сводится к выяснению, по существу, очень немногих вопросов: что происходит? в каком направлении развиваются события? катастрофично или нет это развитие для людей, населяющих страну (как бы она ни называлась и какие бы географические очертания ни имела)?

ГДЕ ЦАРИТ СМУТА

На все эти вопросы, на мой взгляд, всё-таки можно дать достаточно ясные ответы. При этом главной проблемой является даже не сложность или трагичность происходящего, а то, насколько наши (советские и российские) политики способны эти процессы осознать, дабы выработать и провести в жизнь линию, не противостоящую объективному ходу событий, а использующую этот ход в интересах стабилизации конструктивных, исторически «выгодных» тенденций. Ответ на этот вопрос пока, к сожалению, если судить по шагам этих политиков, во многом должен быть отрицательным. Одни не могут понять происходящего, другие не хотят, третьи преследуют лишь свой личный интерес. Это, собственно говоря, тоже одна из тенденций нашего сегодняшнего развития: смута царит не в головах простых людей, ибо их интересы и поступки всё равно усредняются историей, всё равно детерминируются реальными, а не вымышленными обстоятельствами, а в головах тех, кто имеет возможность принимать решения, определяющие жизнь миллионов других людей, — в головах политиков.

Всё, что происходит у нас сегодня, можно свести к нескольким достаточно чётким тенденциям, игнорировать которые, конечно, можно (чем до сих пор и занимались наши политики), но, если ориентироваться на выживание людей, населяющих территорию бывшего СССР, всё-таки не стоит.

РАСПАД ИМПЕРИИ

Даже нет смысла тратить слова на доказательство реальности этой тенденции. Достаточно указать, что события последних лет должны были бы убедить самых зашоренных империалист-коммунистов, что процесс этот столь же неизбежен, как и наступление дня после ночи. Сколько усилий было предпринято ради сохранения Эстонии, Литвы и Латвии в Союзе — этих микроскопических (по его масштабам) образований! Не удалось. Зато бездумная, а временами и безумная политика по сдерживанию этого процесса лишь ускорила распад Союза в целом, внеся в него хаос и, как следствие, опасность насильственно-военного, а не естественно-исторического распада.

Близлежащей к этой тенденции (в общем-то не опасной, а лишь становящейся опасной при глупости политического поведения лидеров) является тенденция роста национального самоопределения («вплоть до отделения») всех, даже и не помышлявших об этом раньше народов.

ЗАПАД И МЫ

В связи с этими двумя тенденциями необходимо сделать одно отступление. Совсем не нужно думать, что только советские политики так «глупы», чтобы не видеть очевидного. Столь же «глупыми» оказался и целый ряд западных политиков. Почему? Потому, что обе тенденции, проявившиеся

101

вдруг (?) на столь грандиозном геополитическом пространстве после сорока лет стабильности, конечно, пугают своей непривычностью, необходимостью менять отточенные до деталей стереотипы и человеческого, и политического, и даже просто дипломатического поведения. Стабильный Запад не хочет чужой нестабильности просто потому, что она покушается на его покой.

Кроме того, для Запада — наиболее спокойной и процветающей части мира — происходящее в СССР тревожно не только само по себе, но и тем, что указывает по крайней мере ещё на два столь же громадных региона, где в более или менее отдалённом будущем, возможно, случится то же самое: на Китай и Индию.

«САМОЕДСТВО»

Пока не заметно, чтобы тенденция «самоедства», расцветшая при коммунистическом режиме, а возможно, им и порождённая (бездумное и беспощадное пожирание обществом-государством самого себя, природы, своих граждан — вплоть до геноцида), ослабевала. Видимо, у нас это одна из самых стойких, если не самая стойкая, негативных тенденций, ибо как иначе можно объяснить приближение к грани нищеты одной из богатейших стран мира? СССР — грандиознейшее в мире кладбище омертвевшего труда, полигон незавершённого строительства — от детского сада во дворе вашего дома до самого коммунизма.

В каком-то смысле «самоедской» была и перестройка. Обратим внимание, как хаотично создавалось новое — всякое новое. Только в сфере политического устройства были созданы за шесть с небольшим лет: съезды народных депутатов, новые верховные советы, президентские и вице-президентские институты, советы безопасности и президентские советы, кабинеты министров, координационные и межгосударственные комитеты, муниципалитеты и мэрии, конституционные надзоры, госссоветы и т. д. и т. п. По существу, ни одного рационального, оптимального, продуманного хотя бы на два-три года вперёд шага. Ничто, что было создано в первые годы перестройки, не сохранилось жизнеспособным до её пятилетия. В любой иной стране, кроме таких же гигантских империй, полный крах и разорение наступили бы

102

уже на шестом месяце подобных экспериментов. Мы выдержали шесть лет и, судя по всему, вынуждены будем нести на себе это бремя ещё столько же — до тех пор, пока не усилятся до сопоставимых с «самоедством» масштабов две позитивные тенденции (о которых речь пойдёт ниже) и пока нынешнее поколение политиков не переместится на пенсию.

РЫНОК ЖИЛ, РЫНОК ЖИВ, РЫНОК БУДЕТ ЖИТЬ

Первая позитивная тенденция — возрождение, и стремительное, нормального рынка. Я не экономист и не собираюсь вторгаться на чужую территорию. Однако для меня, как для потребителя, совершенно очевидно, что даже Сталин не сумел победить рынок и рыночные отношения, даже режим его личной власти кормился с рыночного стола. Рынок легальный или нелегальный, бюрократический или мафиозный — не важно. Он кормил нас, он единственный, кто сохранил физическую жизнь людям этой страны. Чтобы набрать новую силу в борьбе с рынком, понадобилась передышка, глоток рыночной экономической свободы. А она, единожды вырвавшись из-под пресса, разметала в клочья и сам режим, и власть господствовавшей антирыночной партии, и политику собственного выживания этой партии — политику перестройки.

Реформы Рыжкова, Павлова, Явлинского, Силаева, Сабурова, Абалкина, Аганбегяна — какая нам, по историческому счёту, разница? Выход всё равно один, и он содержится в каждой из этих реформ, от самых ублюдочных до самых радикальных, — рынок.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Другая позитивная тенденция: становление гражданского общества. Оно существует даже в тюрьме, даже в концлагере, даже в марксистско-ленинской партии, даже в казарме. Ибо гражданское общество есть желание и способность человека (людей) жить вне решений власти. Если бы все решения власти всегда выполнялись, нашей страны точно уже давно бы не было. Но эти решения не выполнялись, потому что принципы гражданской жизни столь же неизбывны в обществе, как и рыночной жизни в экономике этого общества. При любом режиме.

103

Сегодня гражданское общество нарастает у нас лавинообразно. Путч 19 августа не удался потому, что, даже пообещав людям порядок, еду и 15 соток земли на нос (вперед, к рынку — через путч!), хунта не обещала свободы выбора каждому (принцип гражданского общества) вне зависимости от решений Политбюро, самой хунты или Президентского совета. Гражданское общество в нашей стране ещё позволяет нам быть равнодушными к тому, в каком персональном составе правительство сидит на шее гражданского общества. Но оно уже столь сильно, что мы смогли выдержать шесть лет перестроечного безвластия или власть сменяющих друг друга экономически импотентных правительств.

Конечно, в структуре нашего гражданского общества очень, если не чрезмерно, сильна до сих пор корпоративно-мафиозная, клановая составляющая. Судя по всему, с этой составляющей мы войдём и в новую экономику, и в новую политику — вообще в XXI век. Здесь нас ждут и опасности: борьба кланов за экономику или чисто политическую власть, возможность срастания одного из кланов с государством (большевистская партия-государство). Но и эти опасности никогда не смогут реализоваться в полной мере, ибо смерть гражданского общества может наступить лишь со смертью общества вообще.

АКТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ПОЛИТИКИ

На эти общие тенденции, которые — учитывая их или нет — всё равно пробьют себе дорогу, накладываются более конкретные и более злободневные факторы.

Таких факторов много. Я перечислю наиболее важные из них.

ФАКТОР АРМИИ

С этим фактором в последние месяцы произошли прямо-таки чудесные превращения. Ещё два-три месяца назад армия в общественном сознании (я говорю преимущественно о сознании жителей России) воспринималась почти однозначно как реакционная сила, страж старого режима и т. п. Сегодня, смыв почти все свои грехи в три августовских дня, армия превратилась в глазах общества в демократический институт

104

(или, во всяком случае, в институт, стоящий на страже демократии). Если предположить (чисто теоретически), что армия захотела бы сегодня взять власть в стране (ради того, чтобы предотвратить её движение к катастрофе), реакция общественного мнения на это была бы отнюдь не такой, как до путча.

Армию возглавили новые, явно более молодые, более образованные, более демократичные, но, может быть, и более амбициозные генералы. В какой-то степени Ельцин обязан им своей властью, а Горбачёв — сохранением пока власти Центра и постом президента.

Захочет ли новая армия дальнейшего сужения своей мощи (в том числе и территориального)?

Поверит ли она в то, что новые власти сумеют подготовить ей достаточно почётный и материально обеспеченный отход с территорий других республик в Россию (тем более что перед глазами явно неудачный в этом смысле опыт союзного руководства по отношению к выходу из Восточной Европы)? До какой грани вообще распространяется демократизм всякого военного руководства, если обстоятельства вынуждают его сокращать сферу своего влияния, оставлять привычные геостратегические позиции? Ответы на эти вопросы не вполне ясны. Зато ясно одно: армия стала в определенном смысле даже более мощной, чем до путча, политической силой.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ (ИЛИ ИСЛАМСКИЙ) ФАКТОР

Совершенно очевидно, что отныне исторические пути России и бывших республик советской Средней Азии расходятся. Это было бы даже и не очень опасно (есть же успокоительная мысль: сегодня уйдут, завтра, когда «новый Союз» окрепнет и разбогатеет, вернутся), если бы они уходили в никуда. Но они уходят к своим южным соседям, родственным им по крови и по религии. Противостояние ислама и христианства, придушенное коммунизмом, обнажается. В России Русская Православная Церковь всё очевиднее претендует на роль государственной церкви — пусть даже неофициально. Следовательно, именно ей российское руководство попытается открыть миссионерские пути на юг, где в качестве заложников любой ошибки в межнациональных или межгосударственных отношениях остаются миллионы русских и

105

украинцев (как, впрочем, и миллионы мусульман на территории России).

Как скоро сложатся чисто исламские режимы в бывших советских среднеазиатских республиках? В течение месяцев? Или в течение лет, когда их нынешние лидеры, связанные привычками и личными связями с Москвой, не имеющие опыта самостоятельных действий на международной арене, уступят место более молодым, не привыкшим платить хотя бы символическую «дань» лояльности Москве? Рано или поздно это произойдёт. Евразийская конфедерация — слишком необычное для современной истории образование. Никакой опыт ЕЭС (Европейского экономического сообщества — так тогда назывался нынешний Евросоюз. — *В. Т., примечание 2007 г.*) здесь не поможет (в ЕЭС собраны страны по существу одной культурной и религиозной традиции).

НОМЕНКЛАТУРА

В стране в целом никакого революционного перехода власти от одного слоя людей к другому не произошло. Власть переходила эволюционно, и, по мере её перехода, вслед за властью, уходили «в демократы» либо менее закомплексованные, либо более решительные, либо более прагматичные «старые» руководители. Сколько бы ни говорили о Движении демократических реформ как о демократическом движении, оно все равно остается номенклатурным. «Запасной аэродром» для КПСС, которым КПСС не сумела воспользоваться, стал переходным мостиком между старым и новым руководством. По этому мосту шныряет очень много людей. Кого-то и не пускают на него, но таких единицы. А ведь ДДР — лишь столичная часть номенклатурного айсберга, самая демократичная и цивилизованная.

Российская власть создала и иные переходные мостики. Все это и человечески, и политически понятно. Даже демократически настроенные богатые никогда не захотят стать бедными. Однажды вкусив власть, даже демократ в квадрате уже никогда не захочет от власти отказаться.

Номенклатурный перелив власти страшен не сам по себе (по мере созревания гражданского общества он и вообще-то безразличен абсолютному большинству людей), а потому, что тянет за собой старые структуры, старые методы, старых

106

людей с их старыми приспешниками. Он тянет в новое старый непрофессионализм.

Учитывая прошлую коррумпированность наших властных структур, безусловно возросшую за годы перестройки (хотя бы по охвату числа представителей власти, ибо институтов власти сегодня гораздо больше, чем в доперестроечное время), можно предположить, что за номенклатурой потянется её тень — структуры мафиозные. Чем дольше будет продолжаться экономическая нерешительность руководства, тем больший сектор экономики будет монополизирован тайно. Тем больше, кстати, оснований подозревать, что нерешительность эта не случайна.

Борьба между исполнительной (на верхнем уровне — президентской) властью и законодательной (парламентской и местным самоуправлением) сегодня у нас в большинстве случаев является лишь внешним проявлением борьбы новой номенклатуры, занявшей главным образом вершины исполнительной власти, и старой, осевшей в Советах всех уровней. То, что новая номенклатура пытается третировать законодательную власть, очевидно. Последняя, в свою очередь, платит ей всё большей и большей ненавистью. Противостояние опасное и абсолютно не уравновешенное третьей властью — судебной, независимость которой пока чисто декларативна.

ФАКТОР НЕПАРТИЙНОСТИ

Никакой единой демократической (равно как и недемократической) партии в России создать невозможно, даже если эта партия назовет себя движением. В полиэтнической стране это невозможно и по причине невозможности существования сколь-либо единой «многонациональной» идеологии.

Следовательно, партийная борьба в настоящем смысле слова будет вестись лишь в период предвыборных кампаний. И, следовательно, получившие власть демократы вынуждены будут опираться на наиболее дисциплинированные структуры государственного аппарата: исполнительную власть и военные институты.

ПРАВАЯ ОПАСНОСТЬ

В принципе в России всё же возможно создание по крайней мере двух мощных (по численности) партий: русской на-

107

ционалистической (противостоящей «иногородцам») и партии бедноты (особенно если реформы будут по-прежнему оттягиваться или, начавшись, пойдут слишком уж неудачно). Социальная база обеих партий по существу одна и та же. По сути это будет постепенная (или стремительная) фашизация народно-митингового движения. Пока этот сценарий представляется всё ещё крайне маловероятным, ибо сугубо негативные его элементы, знакомые всем в России по коммунистическому режиму, слишком свежи в памяти. К тому же появление сколь-нибудь значимого движения такого рода, и этого не могут не понимать влиятельные политики, сразу же обострит внутрироссийские межнациональные проблемы, что приведёт к резкой дестабилизации в республике и на её границах.

КОМПЛЕКС БЕДНОСТИ

Вслед за номенклатурой переходит из старого в новое и фактор бедности (комплекс бедности). И опять со своей тенью — завистью. Яростная борьба, которая идёт сейчас вокруг награбленного ранее государством-партией, плодит не только новых бедняков, но и новую зависть и старых, и новых бедняков к богатым. Маргинальный слой бедняков в нашей стране не является, собственно говоря, маргинальным. Маргиналы у нас скорее (по своей пропорции в обществе) богатые. Это противостояние будет длиться до тех пор, пока соотношение тех и других не поменяется местами.

УГРОЗА ГОЛОДА И ХОЛОДА

Относительно голода, судя по комментариям экспертов, можно сказать, что реально такой угрозы пока не существует. Холод — при суровой зиме и изношенности наших теплокоммуникаций — куда более реальная опасность в тех или иных регионах. Бунты на этой почве могут быть только локальными и, несмотря на всю свою непредсказуемость, в политическом смысле не очень серьёзными.

Чисто психологически, тем не менее, обе угрозы могут сильно влиять на умы как политиков, так и общественное мнение вообще. Разумеется, это влияние в основном негативное.

108

СПЕЦСЛУЖБЫ

Та решительность, с которой после путча разрушается КГБ, означает только одно: с тайной властью этой организации решено покончить раз и навсегда. Возникает, однако, вопрос: разрушают ли КГБ только для того, чтобы уничтожить «врага демократии», или ещё и для того, чтобы ослабить удачливого конкурента? Версия о том, что ГРУ (или МО в целом) в дни путча выиграло у КГБ, не кажется такой уж фантастичной. Вакуум тайной власти секретных служб, к которой наше руководство слишком привыкло за 74 года (до августа 1991-го, когда чуть было не пострадало от этой власти само), может быть заполнен весьма быстро. В этой связи из всех назначений, проведённых в последнее время, безусловно, самыми удачными нужно признать назначения Бакатина и Примакова на руководство бывшей контрразведкой и разведкой КГБ, а Мурашова и Савостьянова — на посты руководителей Московского УВД и Московского КГБ. Только такие, сверхрешительные (при всей их спорности) шаги могут гарантировать нас от возрождения тайной власти в стране.

Но и здесь остаются вопросы. Кто всё-таки получит (в результате, видимо, закулисной борьбы) реальную власть над архивами КГБ? Кто сможет или не сможет с их помощью шантажировать тех многих, кого можно этими документами шантажировать?

В любом случае фактор спецслужб будет играть более чем существенную роль в политике ближайшего времени.

«ЗОЛОТО КПСС»

Можно предположить, что таким же по значимости может оказаться и фактор «золота партии», если оно имеется в достаточно больших количествах (а сомневаться в этом более чем наивно). Как бы далеко и хорошо оно ни было запрятано, всегда останется соблазн вернуть его стране (цель демократов) или руководству (цель любого политика, желающего сохранить свою власть в обременённой колоссальным товарным дефицитом стране). Какие драмы могут разыграться под поверхностью нашей политической жизни (а может быть, и на поверхности, да только мы этого не заметим, ища в событиях чисто политический смысл), остаётся только до-

109

гадываться. Выпрыгивающие один за другим из квартир в присутствии своих семей работники ЦК КПСС — не лучшее ли тому доказательство?

ФАКТОР ЗАПАДА

В принципе я уже описал его в начале этой статьи. По внешней видимости западные политики в отношении Союза, России сейчас — сама любезность, только и думают, как бы ловчее помочь нам. Думают, конечно. И в частности, потому, что очень боятся того, что может у нас случиться. Гражданская (или межнациональная) война в Югославии застигла Запад врасплох. Хотя впервые за послевоенные годы конфликт такого масштаба идёт всего в сотнях километров от границ крупнейших западноевропейских стран, эти страны словно не верят происходящему. Так ли будет, если нечто подобное случится в России или между Россией и какой-либо из бывших союзных республик?

Недавно я разговаривал с одним очень видным американским экспертом, который прямо заявил: «Если подобное случится, мы просто умоем руки. Мы отгородимся от вас любым количеством оружия, мы будем готовы нажать на ядерную кнопку первыми, лишь бы кто-либо из ваших враждующих политиков не

сделал это раньше».

Следовательно, игра Запада с нами в ближайшее время не будет до конца однозначной. В конечном итоге Западу будет более близок не самый большой демократ в этой стране, а тот, кто надёжнее других гарантирует, что наши внутренние дразги не дадут ядерных выбросов.

Не может не беспокоить Запад и перспектива образования мощного исламского блока, по мере того как бывшие советские среднеазиатские республики и Азербайджан будут всё больше переориентироваться в своей политике с северного направления на южное.

УКРАИНА

По моему глубокому убеждению, лишь исключительно неумелая и в принципе ошибочная политика Горбачёва привела к нынешнему, хаотическому распаду Союза. Не станем сейчас обсуждать, вёл ли эту политику Горбачёв самостоятельно или

110

под давлением каких-то сил — это отдельная тема. Но средства достижения цели были явно негодными. Накануне президентских выборов в России к этой политике Горбачёва подключился и Ельцин. Весь Новоогаревский процесс, на мой взгляд, был потерян для страны временем. Это доказал путч. Это доказало и то, что сразу после путча, воспользовавшись грубейшей ошибкой нового российского руководства (заявление пресс-секретаря президента России о возможных территориальных претензиях к другим, кроме балтийских, республикам), Украина открыто порвала свою «генетическую» и, казалось, естественную связь с Россией. Союз без Украины, конечно же, меньший нонсенс, чем Союз без России, но лишь мизерно меньший. По существу заложена основа для глубокого конфликта между двумя крупнейшими государствами региона и, между прочим, Европы. Если верно сообщение «Московских новостей», сделанное на прошлой неделе (правда, госсекретарь России генерал Кобец его опроверг), что в Москве рассматривался вариант ядерного столкновения России с Украиной, то это ярчайшее, хотя и не главное тому доказательство. В ближайшее время фактор Украины, по отношению к которой ещё полгода назад я, например, ставил 9 против 1, что она не уйдёт из Союза, превратился в почти равный по своей «тяжести» среднеазиатскому.

ФАКТОР РОССИИ

У этого фактора две составляющих — внешняя и внутренняя.

Внешняя сводится к проблеме «правопреемственности России» по отношению к Союзу, точнее говоря, к тому, как эту правопреемственность понимать. Если в том смысле, как, судя по всему, понимают некоторые российские государственные мужи: был Союз — стала Россия, а все, кто отделился, — нечто новое, мировой политике и нам, России, неизвестное, — то тогда можно ждать только новых ссор. Тем более что лидеры России так долго пытались доказать другим республикам, что упаси бог воспринимать её, Россию, как Центр.

Но может быть и другое понимание «правопреемственности». На мой взгляд, и логичное, и единственно возможное: Россия как центральная, «срединная» часть сначала Россий-

111

ской империи, а затем и империи Советский Союз, то есть, строго говоря, всё-таки метрополия. И тогда «правопреемственность» является «всего лишь» отсутствием права России самой покидать Союз, обязанностью России своей мощью и своей связью с прошлым и нынешним Центром стабилизировать хаотичный распад Союза, ввести его в рамки цивилизованности, переговорности, взаимных уступок (но без претензий на чужие, пусть есть основания и для причисления их к своим, земли). Создавшая империю Россия должна её «мягко» распустить, оставив все бывшие «колонии» (не бывшие, разумеется, колониями в чистом виде) дружественными себе государствами с (по возможности) демократическими режимами. В этом ответственность России и перед внешним миром, и перед своими собственными гражданами.

Внутренняя составляющая фактора России также двоична: собственно внутренняя политика и решение межнациональных отношений на территории уже самой РСФСР.

По первому пункту можно сказать только одно: ясная, чёткая, пусть даже не вполне оптимальная внутренняя политика — особенно в экономической области — способна достаточно быстро стабилизировать ситуацию в России, а следовательно — во всем регионе бывшего СССР.

Внутринациональные проблемы России, особенно на Северном Кавказе, будут обостряться. Причём тем больше, чем дольше станет продолжаться непонятное лавирование на союзном уровне. Хотя бы из этих соображений стоило быстрее решиться на ясные шаги в отношении Союза — нельзя же иметь два фронта межнациональных проблем: внутри и вокруг себя, тем более что по некоторым направлениям они вообще могут сомкнуться. Довести Россию до нынешнего состояния Союза не так уж сложно — на этот путь мы уже вступили, — стоит лишь повторить ошибки Горбачёва, а именно: не принявшись серьёзно за экономические реформы, сколачивать «новый» Союз — Россию или новую Россию вне Союза.

КАЗАХСТАН

Стабильность на Украине, стабильность в России и стабильность в Казахстане — вот гарантия «мягкого» перерож-

112

дения бывшего СССР в новый Союз; а если и не в союз, но просто в дружественное сообщество расположенных рядом республик, то от этого никому не будет хуже. Учитывая остроту среднеазиатского фактора, Казахстан (население которого в значительной части является русским), который вместе с Россией стратегически «нависает» над «советским» Среднеазиатским регионом, — это ключевой форпост

российской внешней политики.

ФАКТОР ГОРБАЧЁВА

Он так же, как и фактор России, существует в двух ипостасях. Во-первых, обращенный к внешнему миру, в основном к Западу. До сих пор это существенная, хотя и всё менее важная сама по себе ипостась.

Во-вторых, Горбачёв внутри страны. Здесь ситуация также достаточно ясная. Если бы республики были способны быстро договориться друг с другом, пост Президента СССР и занимающий его человек были бы не нужны. Но сегодня Горбачёв нужен довольно многим. Во-первых, республикам — пока они не договорились. Во-вторых, тем же республикам, если они всё-таки оставят некоторое подобие старого Центра (к чему сейчас идёт дело): лучше, если его будет возглавлять человек, не представляющий интересы ни одной из них, а Горбачёв — такая фигура (на роль представителя России он, конечно, претендовать уже не может). В-третьих, Горбачёв нужен Ельцину (который не хочет «возглавлять» процесс окончательного развала Союза). В-четвёртых, Горбачёв нужен союзной демократической номенклатуре, которая до путча боролась за власть с реакционной частью своего слоя. Наконец, Горбачёв нужен самому себе — он не хочет уходить с политической арены. И с этим желанием — особенно при авторитете Горбачёва на Западе — приходится считаться.

Впрочем, внешняя и внутренняя составляющие фактора Горбачёва смыкаются по крайней мере в одном. Сколь бы ни была эфемерна его власть как Президента СССР, она включает в себя одну отнюдь не эфемерную функцию — Главнокомандующего Вооружёнными силами страны, контролирующего советскую ядерную кнопку. Это — главный козырь Горбачёва сегодня.

113

ЕЛЬЦИН

Пока Ельцину нет достойных соперников на политическом олимпе России. Он первый в её истории всенародно избранный президент. Он является символом борьбы с властью КПСС и Центра. Он — персональное воплощение победы демократов над путчистами. У него по-прежнему очень высокая (на порядок выше, чем у других) популярность в народе (в России). Следовательно, в ближайшее время реальная борьба за власть в этой республике будет вестись не против Ельцина, а за влияние на него.

Однако Ельцин, продемонстрировавший лучшие качества политика в борьбе за власть (при том, что эта борьба отвечала и интересам общества в целом), до сих пор не может продемонстрировать таких же качеств в роли политика, находящегося у власти. Как реформатор он пока лишь немногим превзошёл Горбачёва. Россия, как и Союз до того, так и не приступила к решению двух главных проблем: экономическим реформам и «замораживанию» межнациональных конфликтов. Вся борьба ведётся в чисто политической (притом всё чаще в закулисной) сфере. Кроме того, многие опасаются «великодержавных наклонностей» Ельцина, которые могут проявиться под давлением на него определённых групп. Наконец, несмотря на то, что самостоятельность Ельцина как политика, по-видимому, достаточно велика, круг его советников так же неясен, как это было раньше и с Горбачёвым.

СОЮЗ ЕЛЬЦИНА И ГОРБАЧЁВА

Безусловно, этот союз заключён с обеих сторон, но особенно со стороны Ельцина, как тактический (для Горбачёва просто не было выхода). Может ли он перерасти в стратегический союз? Это маловероятно. Противостояние Горбачёва и Ельцина в период с осени 1987 года до зимы 1991-го слишком свежо в памяти всех, включая и их самих. Сильной России, равно как и другим республикам, если они будут сильны, Центр во главе с активным президентом не нужен. Кроме того, команды, окружающие двух президентов, рано или поздно начнут конфликтовать друг с другом (ибо речь идёт о сохранении их у реальной власти), что, естественно, не будет улучшать отношений Ельцина и Горбачёва.

114

Когда вновь возникнет открытая (или полуоткрытая) конфронтация, покажет время. Возможно, очень скоро. Пока же Горбачёв, выжидая во внутренних делах и позволяя Ельцину делать здесь ошибки, вновь наращивает свою активность на внешней арене, потихоньку восстанавливая свой авторитет.

КАТАСТРОФИЧЕН ЛИ ХОД СОБЫТИЙ?

Поскольку процесс распада Союза является естественным, ничего катастрофического не происходит. Если учесть, что на этот процесс накладывается крайне неудачная политика наших лидеров, то призрак катастрофы будет уже реальным. Однако нарастание подспудных позитивных тенденций — становления гражданского общества и рыночных структур — опять отодвигает катастрофический исход процесса в область чисто теоретическую. Тем более что Россия — очень богатая в природном отношении страна со слишком привычным к лишениям населением.

Следовательно, всё упирается в политику, в субъективную составляющую общественного процесса. Именно здесь лежит главная опасность движения к реальной катастрофе.

СНАЧАЛА СТАБИЛЬНОСТЬ, ПОТОМ ДОГОВОРЫ

По существу, нашим лидерам нужно решить всего лишь две проблемы: экономическую — дать наконец толчок настоящим радикальным реформам. И межнациональную — заморозить (хотя бы) межнациональные конфликты в СССР в целом и особенно в России, не допуская их перерастания в новые «карабахи».

Союзное «допутчевое» руководство не сумело сделать ни того, ни другого. Сегодняшнее союзное руководство — не более чем декорации, волею судеб оставшиеся от бывшего величия империи. Единственной недекорационной частью союзной структуры является армия. На нынешний момент это явно стабилизирующий фактор. На него лишь необходимо опереться умной экономической политике. Какой

должна быть эта политика? Программ реформ много (или мало, ибо никто ещё до сих пор внятно не объяснил их отличий). Но очевидно, что наиболее эффективными будут те реформы, которые дадут возможность свободно работать на зем-

115

ле (хоть колхозами, если свободно, если они способны работать свободно) и предоставят свободу промышленной деятельности. Политик, желающий выигрыша себе и стране, должен руководствоваться этими и только этими целями. Всё остальное — воистину от лукавого. Пока же преобладают политические игры вокруг сохранения Союза, каких-то его «пространств», собственной и групповой политической власти. Эти процессы неизбежны, но как раз их-то можно пустить на самотек. К сожалению, мы уже пошли по пути заключения всякого рода новых договоров и соглашений, когда можно было бы ограничиться крайне лапидарным сводом «правил поведения в переходный период»: сохранение функций союзного МИДа и Министерства обороны — при невмешательстве последнего в политические процессы; замораживание территориальных споров; фиксированные платежи в «общесоюзный» бюджет; сохранение единых транспортных систем и систем связи; единая — или, наоборот, неединая — валюта; переговоры о «разделе» золотого и инвалютного запасов страны при установлении жесткого совместного контроля за сохранностью и расходом этих запасов; наверное, что-то ещё, о чём сподручнее судить прежде всего политикам — не экономистам, ибо экономисты, каждый со своим расчётом, каждый со своей концепцией, никогда здесь не придут к согласию. Бессмысленно надеяться, что какие-либо компромиссные, многократно согласованные документы будут выполняться всеми, кто их подписал. Договор выполняется лишь тогда, когда он фиксирует некоторую стабильность, некий статус-кво, уже наступивший к моменту подписания договора. В ином случае, а мы имеем как раз иной, договор начнёт нарушаться ещё до того, как высохнут чернила, которыми поставлены подписи.

Более того, внутренние политические игры в самих республиках отнюдь не закончены: договор, удовлетворяющий того, кто сегодня его подписал, завтра не будет удовлетворять либо его самого, либо того, кто придёт ему на смену. Одну из таких игр мы уже видели в связи с подписью Сабурова при первоначальном визировании экономического соглашения. Украина и Азербайджан, поставившие в Алма-Ате свои подписи, спустя лишь несколько недель отказались сделать это в Москве. Думаю, что и другие республики пошли на подписание в Москве главным образом для того, чтобы подписать

116

хоть что-либо, чтобы «отвязаться» от надоевшего им Центра, чтобы перестать терять время на многосторонние изматывающие переговоры и перейти к своим более конкретным либо политическим, либо экономическим делам.

Что такое Московское (оно же Алма-Атинское) соглашение? Разве что-то большее, чем хорошая политическая мина при плохой экономической игре?

ПОВТОРИТ ЛИ РОССИЯ ПУТЬ СССР?

В России пока неизвестно ни имя премьер-министра, ни — главное — в урезанном или полном виде благословит Ельцин программу экономических реформ. Если программа будет хороша, если она радикально и полно начнёт воплощаться в жизнь в ближайшие недели, решение Ельцина перенести выборы глав местной администрации с конца этого года на следующий абсолютно верно. И тогда за два-три года мы действительно обновимся. Если нет, то нам остается только вновь пытаться найти в политике выход из экономического тупика. Тогда, конечно, все на выборы! Надо же будет чем-то отвлечь народ от обещанных, но так и не дарованных ему экономических свобод.

Как в перестройке, так и в постперестройке борются два подхода — номенклатурный и свободный, ставящий под сомнение личное пребывание у власти тех, кто перестройку и постперестройку начал.

Но боюсь, мы получим гибрид — очередной плод «коллективного разума» и компромиссов. Опыт и шести лет перестройки, и двух месяцев после путча показывает, что наша политическая среда не родила пока ещё такого лидера, который бы имел смелость и умение окончательно и резко порвать с прошлым. Если он всё-таки существует, наша единственная надежда в том, что Ельцин знает этого человека и решится сделать его премьер-министром.

Иначе Россия в точности повторит опыт СССР. Собственно, уже повторяет.

117

Государственный переворот в СССР

Лучше называть вещи своими именами, тогда не будет иллюзий у одних и соблазна выдавать чёрное за белое у других

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 19.12.1991

То, что происходит сейчас на территории большей части бывшего СССР, безусловно, является государственным переворотом. Совершают его демократические или демократическим образом избранные органы власти республик — прежде всего России.

В самих словах «государственный переворот» ничего страшного нет. Не могут они рассматриваться и как обвинение — во всяком случае, до той поры, пока смена власти или политического режима не повлекла за собой изменений, трансформирующих демократическое устройство общества и политической системы в тоталитарное.

Конечно, с точки зрения предшествующего законодательства даже демократический государственный переворот может рассматриваться как преступление — особенно если в этом законодательстве не предусмотрено демократических же форм передачи власти от одной партии к другой и демократических методов трансформации самого режима. Бывает и обратная ситуация: государственный переворот начинается с вполне законного прихода к власти (например, путем всеобщих выборов) сил, вводящих затем авторитарный режим правления вместо демократического.

Страны с давней демократической традицией застраховали себя от всех этих опасностей, разработав и отладив многочисленными реформами соответствующие политические механизмы. У нас всего этого не было ни до перестройки,

118

ни после того, как она создала громоздкую и абсолютно неэффективную систему властных институтов, механически смешав старое с новым. Это противоречие вылилось в ряд коллизий, пиками которых стали и августовский путч, и декабрьский государственный переворот.

В результате последнего окончательно рухнула империя и образовались независимые государства. Ликвидированы или почти ликвидированы центральные органы власти и управления, а те, что сохранились в силу их обязательности для всякого государства (армия, силы внешней и внутренней безопасности, репрессивные органы, научные центры, системы здравоохранения и образования, банки и т. п.), переведены — часто без согласия и центральной власти, и тех, кто эти органы возглавлял, — под контроль республик. Наконец, фактически отобрана вся полнота власти у официального главы прежнего государства — Президента СССР. И тоже без его согласия. Всё это — безусловные признаки государственного переворота, наиболее отчётливо проявившиеся, естественно, в России, прежние государственные контуры которой практически совпадали с контурами Союза.

Но декабрьский государственный переворот имеет и ряд отчётливо демократических признаков. Во-первых, он был бескровным и фактически ненасильственным, мирным.

Во-вторых, он произошёл при молчаливой поддержке большинства населения.

В-третьих, он зафиксировал реальности, по пути которых всё равно шла страна (в частности — распад Союза).

В-четвёртых, он не нарушил (дополнительно) никаких политических прав и свобод человека, кроме тех, что и так до того нарушались.

В-пятых, он был признан мировым сообществом как демократический, несмотря на все свои издержки и неприятные проблемы типа неясности ситуации с тем, кто контролирует и будет контролировать ядерное оружие на территории бывшего СССР.

Наконец, он создал — в виде СНГ — перспективу (хоть и не вполне пока очевидную) предотвращения хаотического распада старого государства.

Всяческие нарушения всяческих противоречивших друг другу и политическим реальностям конституций, законов и договоров, разумеется, были. Не могли не быть.

119

Были и такие неприятные моменты, как ликвидация союзного государства лишь частью субъектов этого союза, «отобрание» власти у официально признанного президента и «экспроприация экспроприаторов». Всё это не может вызвать радости, но ещё меньше радости вызывала недееспособность прежних институтов, заполнявших ключевые ниши государственно-властных структур.

Президент СССР Михаил Горбачёв смирился с реальностью. Более того, он принял хоть и неприятное для себя, но, безусловно, правильное решение — постепенно отдавать то, что у него отбирают, не делая при этом «резких движений». Очень существенно, что Президент СССР согласился взять свою долю ответственности за этот переходный период — это делает государственный переворот более конституционным, чем он есть на самом деле, «смягчает» жесткие коллизии перехода власти.

Теперь, когда государственный переворот завершается (его растянутость во времени, кстати, также снижает остроту политического противостояния), на первый план выходят иные, но очень важные вопросы.

Будет ли сохранено необходимое единство участников переворота (республик в рамках СНГ, их лидеров — в персональном союзе друг с другом)?

Как быстро будут созданы или воссозданы в точном смысле слова демократические институты и механизмы?

Последует ли за государственным политическим переворотом «переворот экономический» — тот, что обеспечит решение экономических проблем всех республик?

Не возникнет ли у новых руководителей новых государств привычка решать все свои проблемы, в том числе и проблемы оппозиции, силовыми методами?

Выдержат ли новые власти и созданные ими структуры весь груз проблем, который практически в одночасье ляжет на их плечи?

Выдержит ли концепция СНГ и особенно её реализация в жизнь всю остроту межнациональных конфликтов, погубивших в конечном итоге СССР?

Большевики в своё время не дали хороших ответов на аналогичные вопросы. В результате их государственный переворот хоть и длился семьдесят четыре года, но закончился поражением.

Агония политического режима очевидна

Только новые выборы и новое правительство могут спасти страну от последствий самопожирания властей

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 11.08.1993

Я никого и ни в чём не обвиняю — я просто описываю реальное положение страны и власти в ней. Для того, чтобы подтолкнуть её — власть — к выбору правильного решения.

ПОВСЕМЕСТНЫЙ И БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ КРИЗИС

Продолжаются и нарастают развал экономики, обнищание значительной части населения, рост цен, коррупция и уличная преступность, терроризм, упадок науки, здравоохранения, всей социальной и технической инфраструктуры страны, отток квалифицированных кадров за рубеж, растёт смертность и падает рождаемость...

Несмотря на многие позитивные плоды реформы во всех областях, до сих пор не решены фундаментальные вопросы: нет равного для всех права на собственность — её захватывают сильнее. Это касается не только земли, недвижимости и производственных объектов, но даже и личных квартир граждан...

Снизу доверху ни одно из государственных учреждений не функционирует нормально. Все государственные структуры воюют друг с другом, а чаще всего ещё и внутри себя. Расколот Верховный Совет, расколото правительство, расколот аппарат президента, расколот Конституционный суд. Идёт война политических сил за места, приносящие больше власти и возможности использовать эту власть во благо себе, а не стране, не избирателям. Идёт персональная борьба политиков

121

всех уровней, методы и формы этой борьбы всё чаще вызывают либо омерзение, либо горькую усмешку: ничего святого...

Ни один из основных институтов власти не является независимым, больше того — ни один не является властным в настоящем смысле слова. Все ветви власти деградируют, ни одна из них не готова сотрудничать с другими, ни одна не способна реализовывать свои даже хорошие решения, ни одна не контролирует ситуацию в стране ни полностью, ни частично, по существу — не контролирует никак...

Нет и не предвидится взаимопонимания между центральными властями и так называемыми субъектами Федерации. И здесь у каждого в лучшем случае своя, а чаще — ещё и двойная игра. Центру не верят, его не уважают, его даже не боятся...

Ни один из ныне действующих политиков России не может похвастаться тем, что сегодня он произносит те же слова и отстаивает те же идеи, что вчера...

Ни одна из нынешних ветвей власти в Москве не способна решать межэтнические конфликты — в результате российский Северный Кавказ фактически превратился в район перманентных боевых действий. Тень гражданской войны, всё уплотняясь, встаёт над Россией.

Нет осознанной, ясной, стабильной и последовательной политики в отношениях с республиками, входившими ранее в СССР.

Чрезвычайно низко упал международный авторитет России, поддерживаемый пока скорее по инерции, чем благодаря её движению вперёд, ибо нет движения, а есть дрейф — хаотичный, часто бессмысленный, очень часто — опасный.

Враждующие партии и институты власти утверждают, что отстаивают свободу слова и печати. На самом же деле борются за свой контроль над газетами, радио, в первую очередь — над телевидением. Население опять в силу этого лишилось возможности получать объективную информацию, питается скорее слухами, домыслами и «демократической» и «антидемократической» пропагандой.

Никто не может быть уверен в том, что завтра не будет отменено любое решение, принятое сегодня, а некомпетентность в принятии самих решений достигла уровня, даже не снившегося большевикам — тоже не большим поклонникам профессионализма во всем, кроме «делания революций».

122

Сводить всю эту трагически опасную ситуацию только к борьбе «рыночных» и «антирыночных» сил, к противостоянию «реформаторов» и «антиреформаторов», к схватке «демократов» и «красно-коричневой оппозиции» неумно, нечестно и бессмысленно. Всё сложнее, гораздо сложнее, настолько сложнее, что ныне находящиеся у власти люди в силу многих причин не способны с этой сложностью справиться. Их беспомощность оправдывает то, что им выпал тяжёлый жребий руководить Россией в один из самых кризисных периодов её истории. Но позволить им, даже учитывая их немалые заслуги, довести нынешний кризис до катастрофы мы не можем.

Решение уйти от власти в каком-то смысле мужественней, чем даже решение эту власть взять. Сегодня требуется такое мужество. Те, кто проявят его, останутся в истории незапятнанными.

О БОЛЕЗНИ ПРЕЗИДЕНТА: МНИМОЙ И РЕАЛЬНОЙ

Президент не болен. Если это так, то суета его окружения и совершенно абсурдные попытки оправдать его молчание либо хаотические, судорожные решения способны доказать только прямо противоположное.

Я знаю, что реальная политика на многих уровнях уже сегодня строится из предположения о болезни. Уже многие «на всякий случай» записываются в очередь на приём к Руцкому.

Ельцинисты говорят: Руцкой — страшный человек. Не страшнее ли неизвестность, блуждание в потёмках, построение политических расчетов на зыбкой почве тезиса «а вдруг?».

Нужны либо веские доказательства нормального состояния президента, либо честность. Я понимаю, что страх сковывает разум нынешних власть имущих, но не страшнее ли то, к чему они ведут страну своим молчанием?

Два вывода следуют отсюда.

Первый. Придётся исходить из худшей гипотезы.

Второй. Тем более следует позаботиться о консолидации, о создании нового, стабильного и работоспособного правительства, о том, чтобы обеспечить плавность и бескризисность перехода.

123

Позаботьтесь хоть раз не о себе лично, позаботьтесь хотя бы о том, чтобы в обмен на мирную передачу власти другим людям (но не другим институтам) получить гарантии собственной безопасности. Не доводите дело до того, что вам останется один выход — пойти на провокацию и кровопролитие, чтобы спасти себя.

ГДЕ ВЫХОД?

Необходимы как можно более быстрые демократические и законные перевыборы парламента и президента, а затем и местных органов власти. Проведение выборов не должно нарушить тот хрупкий баланс сил, который ещё существует, то есть стабильность в стране. Это возможно только при определённых согласованных действиях нынешних ответственных политиков и государственных деятелей России. Сценарий этих действий, на мой взгляд, неизбежно сводился бы к следующему.

Президент, отбрасывая тупиковый путь конституционной реформы, законный механизм реализации которой будет заблокирован парламентом:

во-первых, отказывается от конфронтации;

во-вторых, первым делает шаг навстречу оппозиции, беря тем самым инициативу в свои руки по настоящему;

в-третьих, отказывается от явно «конфронтационных» фигур в своем окружении.

Президент предлагает парламенту последовательно следующие варианты компромисса.

Первый. Парламентские выборы осенью этого года, президентские — через шесть месяцев, дабы обеспечить преемственность политического процесса в стране. Очевидно, что парламент отвергнет этот путь, хотя он оптимален для страны.

Второй вариант (если будет отвергнут первый). Парламентские и президентские выборы проводятся одновременно, в конце осени. Вообще говоря, этот вариант гораздо хуже первого, но и он — выход из положения.

Поскольку, к сожалению, и президент, и депутаты в равной степени не желают досрочных выборов (каждый для себя), прорвать этот замкнутый порочный круг может ещё более радикальная инициатива, в обмен на которую президент

124

может потребовать от парламента ещё более существенных уступок в другом: сначала президентские выборы, а через шесть месяцев, но обязательно, парламентские. Это *третий вариант*.

Президент может пойти на эту внешне невыгодную для себя уступку по ряду причин. Во-первых, чем раньше проводятся выборы президента, тем больше шансов у Ельцина сохранить за собой этот пост. Во-вторых, у него больше шансов быть переизбранным на второй срок, чем у большинства членов нынешнего парламента. В-третьих, за это можно получить действительно существенные уступки по составу коалиционного кабинета на оставшееся время. В-четвёртых, если сохраняется пост вице-президента (в необходимости чего лично я по ряду причин сомневаюсь), то Ельцин сможет подобрать себе такую «пару», которая обеспечит в случае необходимости максимальную преемственность его курса и не даст в обиду его политических соратников.

Конституционный процесс, ставший полем конфронтации, необходимо продолжать, соединив Конституционное совещание и Конституционную комиссию в единое целое, работающее на перспективу как Конституционное собрание. Народные депутаты, не переизбранные на второй срок, остаются в рядах этого собрания, которое решением нового парламента может быть конституировано в Учредительное собрание.

Что даёт этот вариант? Только то, что ни один из начавшихся процессов не блокируется и не разрушается нынешним противостоянием властей и не прекращается с выборами новых политических фигур. Реализация любого из перечисленных сценариев является необходимым, но не достаточным условием гражданского замирения в стране в сегодняшний, может быть, наиболее драматический период её современной (считая от 1985 года) истории.

КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Достаточным условием будет создание наконец, с годичным опозданием, коалиционного правительства, но настоящего, а не нынешнего, которое только неумелые пропагандисты из околуправительственных кругов пытаются выдать за коалиционное.

125

Все битвы между парламентом и президентом идут вокруг реальной политики правительства, реальных действий отдельных министров и воюющих друг с другом внутриправительственных партий.

Коалиционное правительство (то же — правительство общественного согласия) необходимо не

потому, что оно будет проводить экономическую реформу и одновременно управлять страной и её экономикой лучше, чем «правительство единомышленников». Конечно, нет. А потому, что оно: 1) будет способно принимать только те решения, которые могут быть выполнены, то есть выполняются; 2) не будет «самопожирать» себя; 3) будет элементом общественного и политического согласия, а не бильярдным шаром на поле парламента-президентского противостояния.

В принципе создание такого правительства и само по себе оздоровило бы обстановку в стране даже без проведения досрочных выборов. А в лучшем варианте его создание позволило бы и вообще не торопиться с выборами, но, конечно, в этом случае оно должно быть готово к уходу в отставку в полном составе в любой кризисный момент. Сегодня в России как раз такой момент, но многие члены правительства столь упорны в своём нежелании покинуть министерские кабинеты, что невольно на ум приходит мысль о том, что останавливают их именно опасения сесть на скамью подсудимых.

Правительство безусловно (и конституционно) более связано с президентом, чем с парламентом, а потому создание коалиционного правительства должно начаться с отказа президента от тех фигур в правительстве и президентском аппарате, которые явно мешают самой возможности примирения с парламентом и представляют сомнительную ценность как специалисты.

Это в первую очередь, конечно, *Михаил Полторанин* и *Владимир Шумейко*. Их личная проблема, чем они будут заниматься после отставки, но то, что их отставка неизбежна, если говорить о решении проблемы всерьёз, однозначно. Если они считают себя фигурами, равными Гайдари, то судьба их не внушает опасений — не пропал же Егор Тимурович, не канул в небытие после ухода из правительства. Если они до Гайдара недотянули — значит, им не повезло. Общественность же не волнуется, где будет работать Третьяков, когда его выгонят с работы.

126

Следующие претенденты — при всём моем уважении к ним — *Сергей Филатов* и *Вячеслав Костиков*, защищающий в последнее время президента почему-то со страниц бульварных газет. Далее идут более мелкие фигуры, в основном радикал-демократы: *П. Филиппов*, *Л. Пономарёв*, *С. Юшенков* и прочие. Эти не подходят для дела по причине своей полной р-р-революционности.

Четвёртый уровень отставников — провинциальные хозяйственники полубрежневской заправки, оказавшиеся в правительстве, которые не плохи за забором железного занавеса, но при частых выездах по работе и без оной за пределы страны могут скорее развеселить иностранных собеседников, чем даже напугать. А уж лучше пусть нас боятся, чем над нами смеются. Имена этих людей очевидны, не требуется большого ума, чтобы их вычислить.

Наконец, сам премьер-министр. Он в настоящий момент не является (не смог стать) фигурой, равновеликой в политическом отношении своей должности. Именно на это и рассчитывал Ельцин, делая в декабре прошлого года выбор не в пользу Скокова, но это был дурной расчёт. Впрочем, если *Виктору Черномырдину* дать настоящую власть над всем правительством, а не только над его аграрно-топливной частью, то, может быть, дело повернулось бы иначе. Но чего не получилось, то уж не исправишь. Премьер должен быть фигурой в первую очередь политической, хотя, конечно, и не профаном в экономике.

Итак, первый принцип формирования нового кабинета — отсечение заведомо лишнего.

Второй принцип — собственно коалиционность, сочетающая в себе баланс портфелей и людей, представляющих силы, вступившие в коалицию.

Третий принцип. Коалиционное правительство должно обеспечить преемственность политики кабинета по отношению не только к гайдаровским реформам, но и (sic!) к политике советского периода. Кроме того, это должно быть правительство профессионалов (политиком, по большому счету, позволено быть лишь премьер-министру).

Премьер-министр. В настоящее время в России существует четыре человека, способных собрать правительственную команду и известных в мире. Это *Аркадий Вольский*, *Григорий Явлинский*, *Егор Гайдар* и *Юрий Скоков*.

127

Очевидно, что последняя кандидатура неприемлема для президента, предпоследняя — для парламента. Следовательно, выбор должен пасть либо на Вольского, либо на Явлинского.

Число вице-премьеров должно быть сведено к разумному минимуму. Очевидно, что Ельцин, с одной стороны, должен отстаивать кандидатуры вице-премьера, отвечающего в целом за экономическую реформу (например, *Егора Гайдара*); министра финансов, который будет как цепной пес сидеть на охране бюджета; министра приватизации (*Анатолий Чубайс*); министра аграрной реформы.

Из нынешнего кабинета в правительстве должны остаться ещё два «ельциниста»: министр обороны *Павел Грачёв* (не нужно трогать военных, это особая корпорация, тем более что они никогда не пойдут против стабильной и понятной власти); министр иностранных дел *Андрей Козырев* (нельзя пугать зарубежных партнеров, особенно западных, резкой сменой на этом посту. В крайнем случае, смена должна быть «мягкой» — на карьерного, авторитетного, известного в мире дипломата типа *Александра Бессмертных*).

Чтобы сохранить эти две фигуры (Грачёва и Козырева) в составе правительства, Ельцин, естественно, должен принести равнозначную жертву. А именно: согласиться на назначение министрами внутренних дел и безопасности лиц, предложенных партнерами по коалиции. Например, восстановить Виктора Баранникова на посту министра безопасности.

Кроме того, безусловно, необходимо отделить классическую дипломатию от «новой», то есть

сделать то, что опять же предлагалось сделать давно, — ввести пост госсекретаря по делам Содружества и стран бывшего СССР. Введение такого поста означает не умаление, а, напротив, усугубление веса новых государств. Весь дипломатический этикет, разумеется, должен вестись по каналам МИДа, но политика в отношении этих стран должна вырабатываться особым правительственным органом, возглавить который мог бы *Николай Гончар*, весьма активно действующий в последнее время на этом поприще «на общественных началах». Госсекретарем по делам Федерации мог бы стать *Сергей Шахрай*, в последнее время явно выравнивающийся от «радикальности» к «норме». Впрочем, не исключено, что Шахраем тоже придется пожертвовать.

128

Вне всякого сомнения, должен быть назначен новый глава телерадиокомпании «Останкино».

Любой неангажированный авторитетный профессионал «из недр» самого телецентра с успехом и к общему удовольствию заменит здесь В. Брагина.

Остальные посты, если вернуться непосредственно к правительству, должны быть на консенсусной основе разделены между представителями политического центра и «мягкой» оппозиции. Неплохо, кстати, сделать министром труда какого-нибудь молодого выходца из профсоюзных верхов, например, *Игоря Юргенса*. Во всяком случае, кандидатуры на отраслевые министерские посты должны подбираться по чисто профессиональному признаку, но с учётом интересов таких мощных парламентских фракций, как «Смена — новая политика», «Аграрный союз» и т. п.

Безусловно необходимым является возвращение вице-президента Александра Руцкого в официальную консолидированную политику. В какой сфере? Прежде всего — в сфере официального представительства России. Во-вторых, в области таких важнейших общенациональных программ, как экология, здравоохранение, пенсионное и другое социальное обеспечение. В-третьих, в сфере координации взаимоотношений правительства и партий.

КАК ДОЛЖНО СОЗДАВАТЬСЯ КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

В условиях России идея общенациональности «круглого стола» нереалистична. Для страны такого масштаба, такого социального и этнического разнообразия «стол» этот должен состоять не менее чем из двухсот — трёхсот человек, т. е. быть парламентом. Поэтому, видимо, этапы создания правительства могут быть следующими.

Первый этап. Под наблюдением представителей Конституционного суда, Верховного суда и Высшего арбитражного суда России собираются рабочие группы, представляющие интересы президента, Верховного Совета и нынешнего правительства России. В их состав должны быть включены люди, сами не претендующие на занятие каких-либо постов, но имеющие письменные полномочия вести соответствующие переговоры от Бориса Ельцина, Совета министров и Вер-

129

ховного Совета. Они обмениваются списком кандидатов в состав правительства, выделяют ключевые и второстепенные посты в кабинете, намечают возможные кандидатуры на пост премьер-министра. Результаты этой работы на первом этапе не оглашаются.

Второй этап. Под наблюдением председателей Конституционного суда, Верховного суда и Высшего арбитражного суда встречаются гг. Ельцин, Хасбулатов, Черномырдин, Руцкой. Консенсусом они принимают решение по кандидатуре или кандидатурам премьер-министра и утверждают список министерских постов, назначение на которые требует консенсусного решения участников коалиции. Результаты этих договоренностей оглашаются.

Третий этап. Кандидат (или кандидаты) на пост премьер-министра, консультируясь с основными политическими силами и движениями, формируют списки кабинета. Результаты работы оглашаются.

Четвёртый этап. Новая «встреча в верхах» с участием кандидата в премьер-министры, если он один, или поочередным участием всех кандидатов в премьер-министры. В результате либо «вчерне» утверждается состав кабинета, либо делается окончательный выбор в пользу одного из кандидатов на пост главы правительства. В последнем случае результаты переговоров оглашаются.

Пятый этап. Окончательное согласование состава кабинета путём взаимных консультаций, проводимых кандидатом в премьер-министры. Результаты работы не оглашаются.

Шестой этап. Завершающая «встреча в верхах», но уже без участия нынешнего премьер-министра. Утверждается состав правительства, который заверяется подписями всех участников встречи, включая наблюдателей.

После этого состав правительства выносится от имени президента на утверждение Верховного Совета (или специально собранного съезда народных депутатов).

Разумеется, началу переговоров должны предшествовать публичные письменные декларации президента, председателя ВС, вице-президента и нынешнего премьер-министра о том, что они согласны: а) участвовать в создании коалиционного правительства; б) признать механизм такого создания; в) добиться скорейшего (в течение месяца) положительного результата путём взаимных уступок; г) признать авторитет

130

наблюдателей и их право оглашать факты непринципиальной неуступчивости участников переговоров. Кроме того, председатель ВС должен заявить о своей готовности действовать не от себя лично, а от имени коллегиального органа, который он представляет, в целях безусловного обеспечения большинства голосов при утверждении нового состава правительства в парламенте.

Наконец, должно подразумеваться, что и само коалиционное правительство будет действовать

солидарно, то есть в случае разногласий в нём (или с президентом, или с парламентом) само уйдёт в отставку.

Участники переговоров должны также публично заявить о том, что, если им не удастся договориться о создании коалиционного правительства в течение ближайшего месяца, они подадут в отставку все вместе — вчетвером (то есть включая вице-президента).

Таким образом, при удачном развитии событий к концу сентября Россия может иметь реальное правительство общественного согласия, которое сложит свои полномочия лишь перед новым составом парламента, а, скорее всего, если будет действовать разумно — после избрания нового президента. Если даже парламентские и президентские выборы в ближайшее время не состоятся, будет выработан механизм формирования правительства, реально ответственного перед всеми ветвями власти и, следовательно, перед гражданами.

* * *

Конечно, предложенный путь — лишь один (правда, как мне кажется, более реальный, чем то, что мы наблюдаем сейчас) из возможных вариантов выведения России из агонии, в которую загнали её пожирающие друг друга и самих себя властные (а на самом деле безвластные) институты: парламент, правительство, президент и подчинённые ему структуры.

Не я один озабочен тем, как избежать самого трагического. Родилась идея так называемого «Нового гражданского союза», собираются подписи под соответствующим воззванием. Когда (когда?) воззвание будет обнародовано, многих удивит список лиц, его подписавших. Кроме того, президенту передали сходные с моими предложения несколько трезвомыслящих его советников.

131

Но что воззвания, что предложения! И на Конституционном совещании собрались, казалось бы, авторитетные (в большинстве своём) люди, способные к созданию единого проекта, удовлетворяющего всех. Что в результате?

Деклараций было уже немало, все понимают, что дальше так нельзя, — и всё так же катится дальше.

Предложенная мною схема, наверное, может быть заменена на куда более удачную. Но всё останется схемой и декларацией, если основные действующие лица без понуканий вооружённых людей не согласятся действовать:

- 1) на главном направлении;
- 2) хотя бы на время — вместе;
- 3) максимально конкретно, то есть создавая правительство, а не текст, чего никто на Руси не умел делать лучше писателей;
- 4) максимально гласно, публично.

В этой публичности и есть главное преимущество предложенного мною варианта. А уж договориться не сажать друг друга после отставок можно и закулисно. Это небольшой грех в сравнении с тем, что берут сегодня на себя облечённые властью люди, не делающие ничего, чтобы спасти Россию и её граждан.

132

О «демократическом» лозунге «поражения собственной армии и собственного правительства»

Мифология чеченской войны и её влияние на перспективы развития событий в России

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 23, 24, 27, 28, 31.08; 03, 05, 06, 07.09.1996

1.

Российское общественное мнение, во всяком случае в лице тех, кто его представляет, по вопросу о чеченском кризисе и способах выхода из него совершенно дезориентировано. И это нетрудно подтвердить тем набором лозунгов, которые звучат со всех демократических трибун, а особенно — фактическим смыслом этих лозунгов.

По сути, единственно бесспорный лозунг «Войну надо остановить» всё чаще и чаще расшифровывается прогрессивной российской общественностью как следующая система подлозунгов и утверждений:

- вывести все федеральные войска из Чечни (не говоря, правда, на какой именно рубеж);
- предоставить народу Чечни право самоопределения вплоть до отделения от России (кого включает этот «народ» и о какой территориально Чечне идёт речь, не уточняется);
- безумные, бездарные и преступные генералы (определение «русские» не приводится, но ясно, что говорят так не о чеченцах) убивают и мирных жителей (чеченцев и русских), и собственных солдат; напротив, умные (и в психиатрическом, и в интеллектуальном смысле) и гуманные чеченские полевые командиры и их военно-политические руководители мало того, что борются за святое дело независимости Чечни, так ещё попутно и спасают от ужасов войны мирных жителей

133

(всех национальностей) и крайне деликатны в отношении захваченных в плен российских солдат;

— России эта война невыгодна ни экономически, ни политически, а следовательно, выход из неё под любым предлогом и на любых условиях — благо;

— выгодна же эта война только «партии войны» в Москве (но не в Чечне), теневым и преступным российским группировкам, если и связанным с чеченцами, то, скорее, с теми, кто окружает ставленника Кремля Завгаева;

— Российское государство руками российской армии и внутренних войск проводит политику геноцида чеченского народа.

Если принять всю эту систему утверждений и подлозунгов за чистую монету, то совершенно справедливый и, повторяю, бесспорный для любого нормального человека генеральный лозунг «Прекратить войну в Чечне!» в нынешних условиях легко трансформируется в лозунг «поражения собственной армии и собственного правительства» в этой войне. Причём те, кто доходит до прямого или почти прямого артикулирования этого лозунга, делают два существенных уточнения: во-первых, не только российские генералы, но и российское правительство (по крайней мере, в отношении Чечни) бездарно, а следовательно, не заслуживает лучшей участи; во-вторых, поражение российской армии и российского правительства в Чечне не будет поражением России.

Оспаривать первое уточнение (на счёт бездарности правительства) я не стану за абсолютной невозможностью как-либо опровергнуть его, а вот всё остальное — на мой взгляд — является не только порочной, но и опасной мифологией, развившейся в наших головах, конечно, не столько благодаря мастерству г-на Удугова, дифирамбы которому уже пропели публично все российские военачальники (что, с их стороны, не что иное, как глупость и безответственность), сколько благодаря неоднозначности истории и нынешнего положения российско-чеченского политического и военного противостояния.

Сейчас, когда чеченская война действительно достигла максимума негативного политического влияния на события в Москве и России в целом (для меня шокирующим стало вчерашнее утверждение г-на Черномырдина о «политической стабильности в стране»), когда президент страны очевидно

134

не может или не хочет брать на себя ответственность за решение этой проблемы и вообще неизвестно, в какой форме дееспособности находится, когда, соответственно, все нижестоящие чиновники думают о том, во что выльется для них лично обострение кризиса не в Чечне, а в Москве, стоит подробно разобраться во всей очерченной мною мифологии, ибо её развитие в практические действия явно представляет угрозу не для правительства России, что меня, например, мало волнует, а для армии, страны и общества.

Итак, стоит ли тем, кто называет себя демократами, а особенно просто нормальным людям, свалив всю вину за происходящее на Москву, выступать за независимость и свободу благородных чеченских борцов с агрессивным российским монстром под лозунгом «поражения собственной армии и собственного правительства»?

2.

Лично я отвергаю этот «демократический» лозунг и практически всю подпирющую его мифологию по многим причинам. И первая, внешне, казалось бы, сугубо субъективная, тоже должна быть названа.

Я отвергаю «пораженчество» по эстетическо-логическим основаниям, суть которых в следующем: наиболее яркими (по именам и произносимым словам) апологетами этого лозунга в стане демократов являются те люди, которые в сентябре—октябре 1993 года не только подстрекали к крови в Москве, но и приветствовали её. Эстетическая часть понятна, но есть и логика. Если эти люди, имена которых гораздо известнее, чем моё, уверяли себя (это бы ладно), всех (а это уже непростительно) и особенно власть исполнительную (а это уже соучастие), что разгон Верховного Совета и даже расстрел (пусть только здания) парламента в центре Москвы есть благо если не по факту, то по последствиям, а блага не получилось, в чём сами эти люди теперь признаются, то почему кто-то должен верить в их сегодняшние (применительно к ситуации Чечня — Россия) доводы? А если они опять ошибаются?

И опять же, по логике, почему стрельба по госучреждению, окружённому жилыми домами, в Москве — это хорошо? А то же, но в Грозном, плохо? Только потому, что в Москве в основном русские, а в Грозном в основном чеченцы?

135

Кстати, если бы какой-нибудь яркий коммунист Анпилов вкупе с губернатором какой-нибудь русской области России, проголосовавшей 3 июля за Зюганова, объявили — на основе воли избирателей — об отделении от некоммунистической страны, выкинули бы всех активных противников этой идеи из своего региона (заодно захватив их квартиры), а центральная власть послала бы в эту область полицейские и неполицейские силы «усмирить» бунтовщиков, то разве не приветствовали бы эту акцию те, кто стоит сейчас в Москве за безоговорочный вывод федеральных войск из Чечни?

Между тем, хотел бы пунктиром обозначить (а частично и напомнить) свою позицию по чеченской проблеме. Осенью 1991 года, когда все это только начиналось, была опубликована моя статья «Вторая Кавказская война?». Основной мыслью статьи было следующее: хорош или плох Дудаев, но президент России теперь обязан встретиться с ним как с лидером (президентом) Чечни и найти решение возникшей опасной коллизии. (Как мало, кстати, знал тогда я, да и все, о реальных механизмах, приведших летчика Дудаева к президентскому креслу в Грозном.)

В конце 1994 года была опубликована моя статья «Чеченские тезисы», которую редко кого хвалящая Мария Васильевна Розанова (известно как относящаяся к Кремлю, к Ельцину) не то что похвалила, но даже и перепечатала в своем «Синтаксисе».

Более того, я и сейчас считаю, что если кто и имел право отделяться от России, называвшейся СССР, то Чечня стоит в этом списке под № 1. Даже раньше Прибалтики, переданной Российской империи по договору шведами навечно. Раньше Украины, соединившейся (если не нравится слово «воссоединившейся») с Россией более трёхсот лет назад и не под влиянием вооружённой борьбы только. Раньше Грузии, вообще вошедшей в состав России по Георгиевскому трактату абсолютно добровольно, без всякого (тем более военного) понукания со стороны Петербурга.

Чечня же, будучи к тому времени уже фактическим анклавом в пределах российской территории, была завоевана Россией последней и только во второй половине XIX века. И никакого добровольного вхождения. Только силой оружия. Это бесспорно.

Однако, ликвидировав столь бездумно в 1991 году Советский Союз, люди, к этому причастные (из России), думали

136

о чём-нибудь вообще? Думали, но в силу неширокого своего кругозора, особенно геополитического, о чём угодно, только не о том, что следующий шаг воспоследует непременно. Вопрос только в том — где? Но то, что уже на территории РСФСР, однозначно. И надо же было им помочь воцарению именно Дудаева и именно в самой слабой точке и так уже предельно ослабленного государственно-территориального образования.

От одного умного человека я услышал недавно в узком кругу версию, до которой сам никогда бы не додумался. Он, однако, высказал её как что-то не только очевидное, хотя и неприличное для публичного обсуждения. Вот эта версия: ну вы же знаете, зачем Москва ставила и вооружала Дудаева — для того, чтобы в случае чего пустить чеченцев на Гамсахурдиа. Отсюда дальше пошли и чеченские добровольцы в Абхазии, а затем — и проблема Чечни для России.

Вот только один пример, который я привожу по единственной причине, — для доказательства необходимости сначала шевелить мозгами, если они есть, а затем уже распоряжаться судьбами народов, в том числе и российского, и чеченского.

Чеченские руководители не могли не понимать, в чём они участвовали в 1991 году и позже и ответственность за последствия чего должны нести не только Москва и Россия, но и Грозный и Чечня.

3.

Третья статья из серии «О "демократическом" лозунге "поражения собственной армии и собственного правительства"» пишется, казалось бы, в самый не подходящий момент для тех, кто имеет самонадеянность оспаривать этот лозунг. Во-первых, крайне полезные миротворческие действия Александра Лебеда позволили замирить конфликтующие стороны на какое-то время. Во-вторых, это замирение вроде бы снимает с повестки дня проблему чьей-либо победы или чьего-либо поражения, коль скоро стороны придерживаются военного перемирия и даже готовятся к перемирию политическому. О чём теперь говорить?

Между тем мы уже не раз видели в Чечне подобные ситуации. Последняя — накануне президентских выборов в Рос-

137

сии. И всякий раз перемирие «взрывалось» очередным, почти каждый раз ещё более кровавым обострением. Причём каждый раз стороны обвиняют друг друга в срыве договорённостей. Публично общественное мнение России, как правило, солидаризируется с позицией чеченцев: виноваты федералы.

Итак, перемирие в Грозном является фактом...

Однако дудаевцы хотят победы, полной победы для себя. Победы 1) военной и 2) политической, которая выражается в вынуждении федералов любыми методами согласиться на: 1) выход из Чечни; 2) установление административно-политического контроля над Чечней кого угодно, кроме федералов, ибо этот «кто угодно» неизбежно будет включать в себя и самих вооружённых сепаратистов; 3) закрепление этих двух факторов во времени и пространстве, дабы затем... А вот что затем?

И здесь мы неминуемо возвращаемся к вопросу о том, будет ли Чечня в составе России, или выйдет из неё сразу, или через серию промежуточных этапов, каждый из которых будет всё равно лишь этапом в достижении однозначно определённой цели?

4.

Ещё раз вернусь к мифологии чеченской войны. Чеченская война не по карману нынешней российской экономике. Насколько я понимаю, российская экономика до сих пор выдерживала войну, в которой за счёт российского бюджета снабжаются всем необходимым и федеральные силы, и чеченские боевики, а восстановление гражданских объектов возобновляется после каждого их разрушения. Если правительство России и командование федеральных сил обеспечат хотя бы сохранность оружия, боеприпасов, обмундирования и т. п. (что вообще-то входит в их служебные обязанности), то, может быть, помимо прочего, будет по карману?

Чеченцы имеют компромат такой силы на российских политиков и генералов, что одна угроза того,

что этот компромат будет обнародован, заставляет Москву продолжать войну.

Нет сомнения, что многие в российской столице сильно запачканы в чеченских делах, но почему же компромат всё

138

не появляется, хотя дудаевцы используют любую возможность, чтобы публично подставить и московских политиков, и российских генералов? Например, если чеченцы непричастны к покушению на генерала Романова, то, зная так много, они должны бы знать и об истинных заказчиках или хотя бы исполнителях этого покушения. Не использовать такой сильный козырь, чтобы окончательно деморализовать противника? И это при том, что деморализацией войск федералов сепаратисты занимаются целенаправленно и постоянно, намекая на взятки, продажность, коррумпированность. Однако никакого по-настоящему крупного, сенсационного компромата за полтора года военного противостояния так и не появилось. Скорее всего — не потому, что его нет в принципе. Вероятнее всего — потому, что вся крупная коррупционная деятельность, связанная с чеченской войной, не может иметь субъектами только российские структуры или только русских военных и политиков, но должна непременно включать и чеченцев, причём не только мелкую сошку. Следовательно, существующий компромат в случае публикации ударит и по федералам, и по идейным сепаратистам.

Россия без Чечни обойдется, а Чечня без России — нет. Это один из самых фантастических мифов, так как он ложен в самой предпосылке о возможности отделить Чечню от России. Да, конечно, юридически Чечня может выделиться из состава РФ, но фактически это будет означать только ликвидацию всякой правомочности России на выделившейся территории при сохранении всех остальных элементов симбиоза Россия — Чечня.

Разумеется, не будет перекрыта граница — ни для товаров, ни для идей, ни для людей (в том числе и вооружённых). Разумеется, чеченская диаспора не переберётся в независимую Чечню не то что из Москвы, но даже и из соседних, входящих в РФ, республик Северного Кавказа. Разумеется, не будет решён вопрос о разделе собственности, и всё, что останется на территории Чечни, будет приватизировано по факту, а не по каким-то законам. Всё это очевидно, как и то, что появление границы будет означать лишь появление теперь уже официальной линии для получения сверхприбыли на разнице цен.

Пока (до окончательного решения вопроса) необходим особый статус для Чечни.

139

В последние дни даже появилось словечко «протекторат», что, по сути, означает просто «защита». То есть Россия убирается из Чечни, но обязуется защищать её в случае нападения извне. Все известные мне проекты особого статуса Чечни в РФ означают то же самое: федеральная власть лишается каких-либо прав (экономических, законодательных, судебных и проч.) на всей территории «особого субъекта», но обязана защищать этот «особый субъект», если ему будет что-либо угрожать, причём решение о наличии таковой угрозы принимает, естественно, независимый Грозный, вызывая войска из Москвы, когда ему это понадобится, и посылая их вон, когда нужда в этом (по мнению Грозного) отпадёт. Лучше жизнь бывает только в раю.

Ещё один миф: чеченские боевики воюют лучше русских солдат, а чеченские полевые командиры руководят своими силами лучше российских генералов.

Даже для неспециалиста ясна колоссальная разница и управления, и боевого командования партизанскими отрядами и регулярными частями громадной армии. Если слон наступит на мышшь, он, конечно, раздавит её. Но слон не приспособлен для ловли и убийства мышшей, а потому он сколько угодно может топтать ногами в загоне. Для ловли мышшей существуют мышшеловки. Здесь очевидно интеллектуальное превосходство политических (не военных) руководителей Ичкерии над политическими руководителями России. Не в армии разлука, а в Кремле и Белом доме.

Ложность всех этих мифов (и ещё многих других) не означает, что стоит перевернуть их в противоположном направлении, например, заявить, что российские генералы лучше чеченских, и всё встанет на свои места. Не встанет, ибо и обратные мифы ложны. Порочно же то, что на этих мифах строится общественная пропаганда в пользу того или иного решения чеченской проблемы для России. Как бы не пришлось сторонникам «протектората» и «особого статуса» потом возмущаться — зачем это Кремль «протекторатствует» территории, которая, будучи субъектом международного права, делает в буквальном смысле всё что хочет. В ООН они, что ли, тогда будут жаловаться? Только на кого: на Кремль или на Чечню?

140

5.

Я сделал перерыв в публикации этих заметок всего в два дня, но как за столь короткий срок изменился тон «чеченских» комментариев многих СМИ, в первые дни готовых, казалось бы, целовать каждую букву соглашения, подписанного Лебедем и Масхадовым в Новых Атагах! Даже несмотря на очевидную радость от сбывшейся надежды на прекращение кровопролития, несмотря на очевидную и вполне объяснимую нелюбовь к Доку Завгаеву, несмотря на постоянное подозрение, что если кто и может сорвать перемирие, так это федералы (чего, однако, пока не случилось, хотя многим бы тогда стало легче, ибо оправдались бы их прогнозы и укрепилось моральное оправдание «пораженчества»), — даже несмотря на всё это, всё чаще проскальзывают скепсис, сомнения. Пока в малых дозах, но прорывается информация о том, что сепаратисты однозначно трактуют развод войск как свою победу над русскими, что они не очень

охотно покидают Грозный, а может, и вовсе не покидают (по крайней мере, все), что они создают кое-где подчинённые себе структуры исполнительной власти.

Одновременно оказывается, что готовится не только военное, но и политическое соглашение с Масхадовым и Яндарбиевым, выступающими теперь почему-то от имени то ли всего народа Чечни, то ли Чеченской Республики как субъекта РФ. Причём если сепаратистам текст этого соглашения, видимо, нравится, то российские граждане даже лишены удовольствия с ним ознакомиться. Наверное, по той причине, что могут помешать, в силу своей политической темноты, имперских инстинктов или общекультурной нецивилизованности, его подписанию. Правда, синклит из нескольких мудрецов под руководством Черномырдина всё-таки был допущен до текста соглашения и проекта Лебеда, но всем остальным придётся подождать. До подписания? До ратификации в Госдуме? Александр Лебедь, как всякий изощрённый дипломат, бережёт нервы партнеров по переговорам, но зато активно и публично чеховстит своих. Начав с генералов, теперь он добрался до Гайдара с Юшенковым. Для меня самого глубоко неприемлема позиция и Гайдара, и Юшенкова в чеченском вопросе, но, думаю, куда полезнее было бы Лебедю просветить своих заблудших сограждан относительно планов урегулирования, а не язвить сердца поклонников «Демвыбора».

141

Но самое поразительное, что российская демомифология чеченской войны продолжает здравствовать и будто бы испытывать ситуацию на прочность, лоббирует одну сторону, а именно чеченско-сепаратистскую, и унижает другую, а именно российскую. Например, в этот четверг «Общая газета» опубликовала текст заявления руководителей СМИ, составленный на прошлой неделе, до прошлой среды точно, ибо мне его прислали именно тогда. Я сделал в том тексте несколько существенных, для меня — императивных, поправок, согласившись поставить свою подпись лишь с их учётом. Но в опубликованном в «ОГ» тексте приведена только одна моя оговорка: вместо требования «немедленного и безоговорочного вывода всех федеральных войск из Чечни» — «немедленное, безоговорочное прекращение боевых действий с обеих сторон». Это требование уже реализовано, по счастью, усилиями Лебеда.

Но что значит «всех войск»? И внутренних войск тоже? А боевики могут остаться, причём с оружием? Кроме того, в тексте заявления осталось «безумство генералов». Ясно же всем, что имеются в виду российские генералы. Но почему нужно противостоять только этому безумству, а не одновременно и безумству полевых командиров? Или теракты в Буденновске, Кизляре, Первомайском — это верх гуманности и интеллекта? Или за давностью срока они не в счёт?

Ещё одно — похвальное, более того — жизненно (в физиологическом смысле) необходимое требование «вынудить власть прислушаться к общественному мнению». Но когда говорят «власть», то прочитывается однозначно: только российская, московская власть. Однако почему бы не вынудить сделать то же самое и политическую власть полевых командиров?

Не честнее ли сразу потребовать от Москвы именно того, что все мифологические лозунги в конечном счете предполагают: отдать территорию Чечни под власть вооружённых боевиков и, если они откажутся от двух мест в Совете Федерации, отпустить их с миром и с территорией? Зачем обманывать себя и других? Надо тогда и идти на манифестацию 5 сентября под лозунгом «За свободу Чечни от России».

Российскую армию мы вместе — чеченские боевики, российская власть и российская демократическая обществен-

142

ность — вынудили уйти оттуда, куда она не сама пришла. Российское правительство, наоборот, цело-целехонько, ни одного раненого или убитого, на том же рубеже, где было в декабре 1994 года, и почти в том же составе. Но выступаем-то мы по-прежнему не за смену правительства или администрации в Москве, а за поражение этого правительства. И уже не за прекращение войны, а за поражение собственной армии — безоговорочный её вывод из Чечни. Кстати, почему только из Чечни? Может, все субъекты Федерации выскажутся, в первую очередь приграничные: кому не нравится российская армия — пусть выматается из этого субъекта в другой, где пока ещё нравится. Безусловно, значительную часть наших генералов и политиков надо бы судить только за одно их отношение к солдатам и армии. Но даже и в самобичевании надо знать меру. Требуя отставки своего дурного правительства, но не заставляя его подписывать капитуляцию перед чужим или взбунтовавшимися и далеко не безгрешными вооружёнными людьми.

И всё-таки можно сколько угодно спорить о мифах и реалиях чеченской войны — одной истины здесь для всех нет. А вот о праве выхода Чечни боевиков или даже Чечни вообще из России договориться нужно. И прежде чем русским с чеченцами — русским между собой. Хотя бы для того, чтобы не получилось, как в своё время с прибалтами. Мы им помогали, думая об одном, — они нашу помощь принимали и использовали нас, думая о другом. А потом не то что спасибо не сказали, а ещё и лишили большую часть оставшихся в независимой Балтии русских гражданских прав.

Итак, всё-таки: вперёд к свободе Чечни от России?

6.

На сегодняшний день стала, наконец, проясняться картина новой ситуации в чечено-российском конфликте, что связано как с реальными событиями на территории Чечни, так и с появлением текстов, подписанных Александром Лебедем и Асланом Масхадовым.

Итак, мы имеем: 1) реальное прекращение военных действий; 2) вывод значительной части

федеральных войск из мест, где эти военные действия велись; 3) очевидное политическое и вооружённое (но не боевое) господство сепарати-

143

стов во многих районах Чечни и конкретно — в её столице; 4) оттеснение на обочину промосковских властей Чечни, но пока не ясно, насколько радикальное; 5) номинальное присутствие представителей Москвы в Чечне (в рамках совместных комендатур); 6) политические тексты за подписью Лебеда и Масхадова, полномочия которых на подписание такого рода текстов могут быть легко оспорены.

Нельзя не признать, что Александр Лебедь блестяще выполнил свою миссию, достигнув максимум возможного. Нет контроля над Чечней, но нет и войны, а полного контроля не было и раньше. Политические соглашения составлены так, что каждая из сторон может трактовать их в свою пользу, сепаратисты — с большей очевидностью. Но без согласия Москвы на «сепаратистскую» трактовку последняя может быть оспорена не только юридически, но и вновь вооружённым путём.

Следовательно, Лебеда нужно поблагодарить и поручить ему вернуться к исполнению постоянных обязанностей секретаря Совета безопасности и помощника президента, оставив его, естественно, членом, а кое-где и главой многочисленных комиссий по Чечне. Теперь в дело должны вступить другие люди, но, естественно, не те, кто реально руководил боевыми действиями против боевиков (что, кстати, всегда умело делали чеченцы: у них больницы и роддома захватывали одни, а переговоры с федералами вели другие).

Что делать с армией — в морально-политическом, а не в военно-политическом аспекте (куда и до какого предела её выводить — это связано с проблемой Чечни в целом)? Конечно, нужно максимально сгладить для армии негативные последствия оставления территории под фактическим контролем противника. За кем осталась территория — это ведь один из показателей военной победы или поражения. Но, по сути, боевики остались там, где остались, просто потому, что они там живут. Так вот, главнокомандующий должен принять парад подразделений, вышедших из Грозного и с гор, наградить достойно всех командиров и всех рядовых — орденами, медалями, отпусками, льготами, чинами, досрочным увольнением в запас и прочее. Это минимум, а хорошо бы дать что-то ещё, то есть максимум.

Что делать с Чечней? А вот этот вопрос остаётся для внутрироссийской дискуссии — не общенародной по форме, но

144

по сути, ибо по-прежнему альтернатива известна: либо независимость Чечни, либо — что угодно, но только не независимость. Если первое, то масхадовско-лебедевские документы трактуются одним образом, если второе — абсолютно другим. Сами тексты это позволяют. Нельзя только одного: не иметь никакой линии или менять её в зависимости от времени года.

То, что чеченцы-сепаратисты постараются выжать максимум из ситуации, очевидно. Например, Грозный восстанавливается из российского бюджета, да ещё и российскими строителями, а мы пока вроде бы совместно правим в Чечне. А как восстановят, тут и референдум с отделением подоспеет.

Но это, впрочем, тема отдельной, последней моей статьи в этой серии. А пока же самое разумное исходить из следующих посылов:

- территория Чечни была и остаётся частью неделимой России со всеми вытекающими отсюда последствиями;
- административно-политическая власть на этой территории не может и не должна принадлежать никому монополично;
- суды шариата и прочие «элементы независимости» — не более чем уважаемые центральной властью этнические традиции образа жизни, а не нормы права;
- есть оружие — нет переговоров ни к 2001, ни к 3001 году: мир установлен не для подготовки к очередной войне, а для жизни и работы;
- подразумевается обоюдная ответственность за кровопролития 1994—1996 годов;
- реальное соотношение политических сил и симпатий выявляется и признаётся только тогда, когда оно не поддерживается ничьими штыками;
- нынешний фактический статус Чечни есть не переход к независимости, а переход от войны к миру: чем больше симптомов сохранения Чечни в России, тем больше денег на восстановление;
- всякое вмешательство извне — незаконно;
- нежелание одних интегрироваться в политико-административные структуры России не может являться тормозом для других.

145

7.

Теперь стоит проанализировать, к чему приведёт отделение Чечни от России. Я, естественно, регистрирую возможные последствия отделения, исходя из интересов России, а не чьих-либо иных.

Первое. Будет нарушена территориальная целостность страны, что даже при самых благоприятных условиях не может не таить угрозы цепной реакции распада. По своему формальному административному статусу и по историческим претензиям к центральной власти Чечня в рамках России не уникальна. Если можно ей, то можно и другим.

Второе последствие есть не простое продолжение первого, а самостоятельный негативный фактор. Отделение Чечни откроет вторую волну распада России за кратчайший исторический период (первая волна — 1990—1991 годов, когда Российское государство носило официальное название СССР).

Третье. Россия, потерявшая власть над регионом Кавказа в целом, теряет и власть над частью своего Северного Кавказа.

Четвёртое. Образуется почти сплошная дуга мусульманских государств, выходящая одним своим концом непосредственно к этнически русским территориям: Турция, Иран — Азербайджан — российский Дагестан — Чечня.

Пятое. Как я уже писал, никаким отделением реального симбиоза Россия—Чечня не ликвидировать, если только: 1) не отгородить Чечню абсолютно контролируемой границей; 2) не переселить основную массу чеченцев из России, в первую очередь — из Москвы, Ингушетии, Дагестана. Первое невозможно, второе негуманно и недемократично.

Криминальная составляющая нынешнего режима «чеченской независимости» не требует доказательств. Власть в официально независимой Чечне, естественно, перейдёт в руки тех, кто её завоевал, — людей, чьей профессией стала война, а отнюдь не государственное и экономическое строительство. Под боком у России окажется режим, родившийся с оружием в руках. Вместо внутренней нестабильности Россия получит внешнюю.

Шестое. Режим чеченской независимости будет безусловно религиозным и скорее всего — этнократическим. То есть всем русским придётся покинуть Чечню.

146

Седьмое. Не имея внутреннего потенциала для развития экономики, независимая Чечня сможет выживать за счёт комбинации всего лишь нескольких, сугубо внешних источников, а именно:

- 1) легальные зарубежные инвестиции исламских стран с большой чеченской диаспорой;
- 2) легальные инвестиции российских чеченцев;
- 3) нелегальные инвестиции российских чеченцев;
- 4) материальные претензии к России, которые, естественно, сразу же возникнут;
- 5) экономическая экспансия одного из исламских государств.

Восьмое. Христианские Армения и Грузия будут практически отрезаны от России, и это автоматически заставит их начать стремительную (и так, впрочем, уже наблюдающуюся) переориентацию на южные и восточные региональные «сверхдержавы», в первую очередь — на Турцию. Россия полностью потеряет влияние в Закавказье и Черноморском регионе. Ни Грузии, ни Армении уже не будет никакого резона оставаться в СНГ. Скорее всего, из СНГ выйдет и Азербайджан. После того как Россия была отброшена с Запада (прежде всего благодаря отделению Украины), она будет отброшена с Чёрного моря, то есть с европейского юга. Очевидно, что последующим этапом станет её отбрасывание с азиатского юга — СНГ рухнет и на этом фланге, рассыпавшись окончательно.

Девятое. Потенциальная, а во многом и реальная угроза «маленькой» северокавказской или даже общекавказской войны.

Десятое. Безусловное свержение нынешнего режима в России, в лучшем случае с помощью демократических выборов, но скорее всего — путём военного переворота, в котором на сей раз российская армия примет участие с удовольствием (имея на то основания).

Одиннадцатое. В глазах общества найдут окончательное оправдание терроризм и вооружённая борьба с любой властью, включая центральную, ибо в конечном итоге так можно добиться всего, а добившись, оставить в прошлом все свои грехи и преступления.

Двенадцатое. Чечня не едина в порыве сбросить «путы» России и не едина вообще. Это будет страна гражданской войны на границе России.

147

Это далеко не все, а только самые очевидные и масштабные негативные последствия. Откровенно говоря, я не вижу ни одного позитивного последствия отделения Чечни для России, хотя кто-то, видимо, прозорливей меня в этом вопросе. Но даже я прозорлив настолько, чтобы увидеть, что и существование Чечни в России является громадной проблемой, с последствиями по преимуществу тоже отрицательными. Но в том-то и суть проблемы Чечни, что отделение её от России не снимет негативных составляющих коллизии «Чечня в России», но прибавит к ним и все негативные последствия выделения Чечни (особенно так, как это происходит с 1991 года и по нынешний день).

В этом месте я намеревался поставить точку в серии «О "демократическом" лозунге "поражения собственного правительства и армии"», но остаются ещё некоторые вопросы, которых непременно нужно коснуться, тем более что их продолжают эксплуатировать.

Кстати, всё сказанное мною не означает, что к варианту отделения Чечни не надо готовиться. При этом, однако, не стоит некоторым сторонникам этого варианта в Москве забывать, что Чечня уйдёт из России, только прихватив с собой нынешнее правительство и нынешнего президента, которые остались у власти не без участия этих самых сторонников отделения. Следовательно, и политическая судьба «московских сепаратистов» висит на той же ниточке. Правда, они говорят, что готовы пожертвовать собой ради истины и справедливости. По большому счёту в последние годы совокупно — не замечал. А вот что Россией готовы пожертвовать — это очевидно. Ранее — ради правительства и президента. Ныне — ради Чечни, как её понимают даже не все чеченцы. Временами обидно, что Чечня не граничит непосредственно с Московской областью. Как бы много метаморфоз мы в этом случае увидели.

8.

Всего о чеченской проблеме и формах её бытования в общественной и политической мысли России не скажешь. Это, впрочем, не страшно: основная дискуссия ещё впереди. И, судя по всему, это будет первая

по-настоящему откровенная публичная дискуссия в русском обществе XX века начиная с
148

1917 года. Поэтому я и хочу высказать ещё несколько отрывочных мыслей относительно фактов и мифов, которые в этой дискуссии будут использованы как аргументы.

Чечне не повезло. Имея гораздо больше других исторических прав на выход из России, она в силу географических, геополитических и иных причин опоздала. Украина и иные бывшие союзные республики унесли чеченскую независимость с собой.

Обрётённая Чечнёй независимость, если это случится, не выгодна не только России. Крым на Украине, Нагорный Карабах в Азербайджане, Абхазия в Грузии (и это ещё не всё) уйдут из ныне определённых им государственных границ — некоторые в Россию.

Бесчестен миф о геноциде, якобы творимом Россией и её армией в Чечне. Да, российская армия, как всякая воюющая армия, убивала в Чечне. Но не по этническому признаку, а тех, кто ей сопротивлялся. Это, разумеется, были в основном чеченцы.

Чеченская война началась как гражданская в рамках России и, поддерживаемая и из Чечни, и из Москвы, кое в чём оставалась таковой до последних дней. Но с лета 1994 года, с Будённовска, она, продолжая оставаться частично гражданской, превратилась и в войну с чужим государством, которым уже всерьёз захотели стать многие из боевиков и их политическое руководство. Поэтому, кстати, особенно аморально требование поражения собственной армии.

Уроки чеченской войны должны заставить Москву понять, что создание что экономических, что политических оффшорных зон в регионах компактного проживания национальных меньшинств на границах России есть в лучшем случае авантюра, в худшем — государственное преступление.

Не осознаваемым пока до конца позитивным следствием действий Лебеда является не только прекращение кровопролития, но и вывод из войны собственно армии (в отличие от внутренних войск). Даже в случае возобновления вооружённых столкновений ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в них вновь приняли участие войска Министерства обороны.

Омерзителен миф об особых зверских наклонностях российских военных, чему противостояло якобы особое благородство и чуть ли не гуманизм боевиков. Гуманных методов

149

ведения войны нет — гуманисты вообще не воюют, а оказавшись на войне, звереют и гуманисты. Другое дело, что всё это время действия российских военных находились под тройным контролем: и международной общественности (не всегда политически бесстрашной), и чеченских боевиков, и российской общественности. И это как раз хорошо. Плохо, что такого же тройного контроля не было за действиями боевиков. Кроме того, российское общественное мнение заняло вообще уникальную позицию: оно требовало от генералов вести войну так, чтобы не гибли ни российские солдаты, ни чеченские боевики, ни мирные жители (последнее — безусловно, справедливо). Но как обеспечить одновременно и первое, и второе? Российские генералы, боясь убивать боевиков, и особенно мирных жителей, теряли своих, а боясь потерять своих, убивали боевиков вместе с теми, кто их хоть отдалённо напоминал.

Нельзя принимать военно-психологические хитрости за благородство. Благородно ли захватить больницу, заставляя больных бояться освобождения (естественно, вооружённого) больше, чем плена? И если гуманностью считается то, что беременных женщин отпускают, а просто больных женщин удерживают, то это, конечно, гуманизм террориста, а не нормального человека и не нормального солдата.

Пропагандировавшаяся особая честность боевиков никак не согласуется с ожившим (и теперь вновь исчезнувшим куда-то) Салманом Радиевым, клявшимся на Коране, что Дудаев жив. А чуть ли не легендарное бескорыстие боевиков опровергается хотя бы тем, что всем главным редакторам Москвы известны суммы, которые требовались, чтобы журналист мог дойти до одного из лидеров сепаратистов и взять у него интервью. Это — если интервью нужно газете. Если боевикам — вопрос решался иначе. А скупка российских военнопленных по сёлам, дабы потом получить за них выкуп у федералов, с рекламой «товара» на видеокассетах? Я не говорю о том, что русские лучше чеченцев. Я говорю лишь о том, что почти два года наши солдаты и генералы воевали в условиях, когда пославшее их решение своих политиков, оставшихся на постах, общество через российские СМИ утверждало, что русские солдаты и генералы как люди хуже чеченцев. Я вообще удивляюсь, что армия выдержала это.

Абстрактно — почти все россияне, а практически — многие выступали вообще против войны, которая велась в 1994—

150

1996 годах. Но звучало это чаще как протест против войны России с Чечнёй, но не Чечни с Россией. Это самый сложный вопрос, но он, по существу, сводится к ответственности не армии, а тех российских и чеченских политиков, которые в 1990—1991-м, а затем в 1992—1994-м создали чеченскую проблему и, не сумев её решить политически, с конца 1994 года окончательно свалили всю ответственность на военных, в первую очередь российских. И эта схема заработала: российское общество постоянно третировало своих военных, лишь время от времени обращаясь к ответственности своих политиков и чеченских боевиков и практически никогда — к ответственности чеченских политиков.

9.

Да, российское общество не хотело этой войны. Да, российские генералы не были на высоте во всём, что касается заботы о собственном солдате (что, впрочем, дало им для этого правительство?). Да,

воровство в армии и в стране (включая Чечню), падение морали и нищета достигли такого предела, что незаметно стало загнать своему военному противнику партию боеприпасов. Но ведь это неизбежно, если Россию рушили руки самих российских политиков.

Но даже в этих условиях *нормальный гражданин не может и не должен никогда требовать поражения своей армии (если только она не уничтожает непосредственно и целенаправленно именно мирное население противоборствующей стороны). Он не должен выступать за поражение своего правительства, даже если оно полностью безответственно по отношению к армии и в чём-то виновно в создании условий или развязывании самой войны. Ибо с того момента, как армия вступила в первый бой, правительство - самое бездарное - олицетворяет для армии страну, родину, общество. А вот требовать смещения, отставки всех своих бездарных политиков оптом и в розницу - президента, премьера, членов правительства, военных и силовых министров, проворовавшихся генералов - и добиваться замены их на людей, которые смогут решить проблему политически, вывести страну из войны без материальных, территориальных, моральных потерь, можно, нужно и должно.*

В этом, собственно, и вся разница, определяющая политическую и человеческую аморальность якобы демократического лозунга «поражения собственной армии и собственного правительства» в чеченской войне. Иной подход есть

151

просто соучастие в убийстве солдат своей страны. И он тоже может быть чьей-либо принципиальной позицией. Но тогда, во-первых, эту позицию нужно защищать, встав в ряды воюющих по другую от своих солдат линию фронта, а во-вторых, не стоит рассчитывать, что в следующий раз, когда вооруженный враг твоей армии покажется врагом и тебе самому, эта армия станет защищать тебя и твою семью. У армии тоже есть коллективная память.

В ближайшие недели, если вооруженный конфликт, будем надеяться, не возобновится, мы увидим намётки того, каким реально независимым соседом России может стать Чечня сама по себе и какие негативные последствия из перечисленных мною в одной из предыдущих статей могут начать реализовываться. И скоро всем нам — только не надо сваливать решение этой проблемы на чеченцев, даже таких цивилизованных, как Масхадов, — и предстоит сделать выбор: да или нет. Никаких «да-да-нет-да» здесь не получится. Эти игрушки придётся оставить для внутренней борьбы за власть. Речь пойдёт о судьбе России. Либо «да» — с ответственностью за последствия. Либо «нет» — с тем же самым.

Будем колебаться, отвечать многословно — определённый ответ всё равно найдётся. Правда, дадим его уже не мы. И необязательно чеченцы. Могут дать и в Москве, но не мы — не общество. Или даже не в Москве и не в Грозном. Неужели неясно: либо этот ответ даст Россия, либо дадут за неё. А если часть России не подчинится этому решению? Шутки в сторону, господа! Или вы ждёте, когда вам отчеркнут коридор по двум параллелям, по которому позволят летать российским самолетам? Думаете, кого-то пугает ваша ядерная кнопка? Ведь все знают, что русские действительно гуманисты: они всё равно на неё никогда не нажмут. Они умеют долбать лишь своих — преимущественно простых граждан. И преимущественно этим занимаются наши политики — гуманисты по отношению ко всем, кроме своего народа.

Возможно, дальнейший распад России — веяние времени, неумолимых законов истории или ещё чего-либо объективного. Но выбор всё равно есть: либо ты лично подталкиваешь Россию по этому пути в спину, либо взираешь равнодушно, либо сопротивляешься этому хотя бы политически. Вот и вся моральная проблема в оценке лозунга «поражения собственной армии и собственного правительства» в Чечне. И

152

хитрыми афоризмами типа «Освободив других, мы сами станем свободней» ничего не добьешься. Многих уже освободили. Результат? Освободим, наконец, себя, а затем займёмся чужой свободой. Когда-нибудь Россия займётся этим?

153

«Обогащайся!» и «Выживай!»

В уходящем году незаметно, но окончательно сформировалась новая идеология новой России

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 31.12.1996

Заканчивается очередной крайне тяжелый для нашей страны год. Он отмечен известными всем событиями: выборы президента, окончание чеченской войны, формирование несколько обновлённого правительства... Внешне всё вроде бы благопристойно, тем более что удивить жителей России теперь трудно — все свыклись с тем, что помощи никому и ни от кого ждать не приходится: каждый за себя, каждый против всех. Классический социал-дарвинизм стал законом жизни, и, несмотря на красивые дискуссии о необходимости новой российской идеологии, незаметно (вне дискуссий и до них) она уже родилась. Идеология эта проста, физиологична, а в связи с классовым расслоением и двоична. Для одних — «Обогащайся!». Для других — «Выживай!». Для многих оба лозунга объединены: «Обогащайся, чтобы выжить!».

Нельзя сказать, что эта философия, этот стиль и образ жизни, поведение, диктуемое этой идеологией, абсолютно негативны или асоциальны. Они создают общественное богатство из суммы индивидуальных, они минимизируют иждивенчество, пассивность, безответственность. Но альтруизмом и

высокой моралью здесь и не пахнет. Эгоизм как движущая сила прогресса — Россия, наконец, встала на этот путь, не заказанный никому, но не слишком перспективный для тех, кто ступил на него позже других. А главное, терроризм, преступность, коррупция, катастрофическое социальное расслоение, нищета тех, кто в одночасье оказался на нижних этажах социаль-

154

ной иерархии, десятилетиями существовавшей на основе других ценностей и приоритетов, — всё это тоже производные самореализации новой российской идеологии.

Сама Россия в нынешнем её геополитическом положении тоже сверзилась с верхней ступеньки мировой иерархии, тоже борется за выживание в джунглях мировой атлантической цивилизации, подмываемой волнами двух океанов — исламского и конфуцианско-буддийского. Атлантические джунгли, правда, имеют внешний вид довольно ухоженного парка с разбросанными тут и там беседками и гротами с изысканными надписями «Атлантическая солидарность», «Права человека», «Открытое общество», «Демократия» и т. д. и т. п. Забежишь в грот или в беседку — уютно, светло, даже безопасно. Но стоит шагнуть за порог, на парковую мураву, как услышишь рык каких-то вроде бы уже и вымерших (по теории) динозавров и саблезубых тигров. А рядом с райскими птицами порхают в ветвях хищные птеродактили. Да и сама мурава вдруг оказывается всего лишь кочкой в топком болоте.

Выживай, Россия, и обогащайся! Иного, как говорили прорабы перестройки отвратительно плохого в идеально хорошее, не дано. А коли выживешь, да если ещё и обогатишься, то образуется досуг. Дабы поразмышлять о принципах, о морали, о духовности.

Выживай, Россия! Обогащайся! С Новым тебя годом на этом тернистом пути!

155

Вопрос о власти (1)

Не о персоналиях нужно думать, а о механизме

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 10.07.1998

Нынешние финансовый и политический кризисы, усугубляющие друг друга, — это ещё полбеды. Беда в том, что Россия — на грани социального взрыва, в политическом обиходе называемого в зависимости от пристрастий конкретного аналитика либо революцией, либо массовыми беспорядками.

Надежды на то, что «рассосётся» или обойдётся, практически нет. Ибо не обошлось ни в 1991-м, ни в 1993 годах. Но в 1991-м энергия разрушения ушла в распад СССР, и к тому же были (безосновательные, как выяснилось позднее) надежды на новое российское руководство. Они погасили потенциал социального взрыва.

В 1993-м же году под нынешней властью была довольно значительная социальная база и достаточная, как оказалось, консолидированность новой политической элиты. Ничего подобного не наблюдается сейчас. Напротив, все социальные и политические показатели прямо противоположные — по знаку и по массе. Так что не пронесёт.

Конечно, энергия опять может уйти в разрушение страны, теперь уже России в её нынешних границах. Но, во-первых, и это катастрофический исход. А во-вторых, нет даже призрачной общенациональной народной цели-надежды, каковая имела в 1991-м. Общество пойдёт стенка на стенку. То есть неминуема гражданская война, которая, помимо прочего, чревата для страны с ядерным оружием и атомными электростанциями иностранной оккупацией.

Кроме того, в России сегодня нет репрессивного аппарата, способного не то что остановить

156

в зародыше, но даже ограничить кровопролитие. Равным образом нет репрессивного аппарата, способного зажать страну в тисках бескровной или малокровной диктатуры. Ни левой, ни, тем более, правой. Ни олигархической, ни коммунистической, ни президентской, ни военной.

Я представляю, какое недовольство вызвала в верхах позавчерашняя публикация в «НГ» о возможном госперевороте. Печально, ибо это недовольство есть свидетельство страусиной политики. А также свидетельство вообще близорукой политики правящей группировки, предполагающей, что главная и единственная опасность для неё исходит от конкурирующей или обладающей большей политической волей партии внутри этой группировки. Глубокое, трагическое заблуждение. Дворцовый переворот, если он случится, будет лишь попыткой превентивных действий по упреждению социального взрыва, а не низвержением одной группы внутри партии власти ради воцарения другой. Этот этап мы уже давно (сначала весной, а затем летом 1996 года) прошли.

Коротко говоря, дворцовый переворот не случится, если социальный взрыв перестанет быть реальной угрозой и страна сумеет, пусть в экономическом и политическом анабиозе, доползти до очередных парламентских и президентских выборов. Но последнее как раз и маловероятно (я бы даже утверждал: практически невероятно). Раз власти не нравятся предупреждения о возможной локальной опасности (а народу, в конце концов, всё равно, какая группировка будет властвовать, если сам народ остается голодным), то придётся объяснить, как избежать главной, действительно общенациональной опасности, а именно: массовых беспорядков, ведущих к геополитической и национальной катастрофе, в условиях которой ни одна группировка вообще не сможет гарантировать себе не то что захват власти, но даже и физическое своё выживание. И спасение не в упреждающих дворцовых переворотах (тем более что сделавший первый шаг проиграет непременно, а плодами его активности воспользуется кто-то другой).

Спасение — в нахождении эффективного законного механизма перехода власти в форс-мажорных обстоятельствах, а конкретно — в обеспечении проведения демократических (иное не спасёт ситуацию) внеочередных парламентских и президентских выборов в условиях, когда массы народа уже вышли на улицы и призрачный социальный поря-

157

док (в котором ещё возможно проведение выборов) стремительно заменяется реальными гражданскими беспорядками. В этих условиях, естественно, обычные, предусмотренные Конституцией и нынешними избирательными законами механизмы работать не будут, так как политический, а тем более социальный форс-мажор в них не предусмотрен.

Такой механизм можно и нужно (ввиду приближающегося социального взрыва) создать. Он должен быть следующим.

В стране учреждается Временный Государственный Совет (ВГС), единственной целью которого является обеспечение проведения в России законных и свободных парламентских и президентских выборов. Естественно, что в условиях разворачивающегося социального взрыва они должны быть совмещены во времени, но проводиться — на основе действующего законодательства.

ВГС создается законными властными институтами страны и включает в себя представителей значимых федеральных структур и сил (федеральных не по юридическому статусу, а по реальному весу). Состав ВГС должен быть работоспособным, т. е. не превышать 25—30 членов.

В обязательном порядке в него входят:

председатели обеих палат Федерального собрания, председатели Конституционного, Верховного и Арбитражного судов, генеральный прокурор, председатель Центризбиркома;

председатель правительства, министр юстиции, министр иностранных дел, председатель Центробанка;

лидеры четырёх фракций Государственной Думы;

один (только один) представитель финансово-промышленного капитала (в просторечии — олигархов), избранный самими лидерами русского бизнеса;

представители регионов страны (Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Центрального региона, Севера России), избранные из числа членов Совета Федерации;

непартийные представители вышедшего на улицы или бастующего населения, скорее всего — профсоюзные лидеры (не более трёх);

президент России — при наличии его письменного, юридически заверенного отказа от выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, а в случае отсутствия такого

158

документа — глава администрации президента России, представляющий в ВГС персональные интересы президента.

Совершенно исключено вхождение в ВГС руководителей силовых министерств и спецслужб, а также лидеров религиозных конфессий.

ВГС избирает своего председателя, которым не может быть ни президент РФ, ни председатель правительства, ибо председатель ВГС сразу же занимает в государственной иерархии второе место: ниже президента РФ (с правом исполнения его обязанностей в случае отставки последнего), но выше премьер-министра, исполняющего отныне технические, но не политические функции.

Председатель ВГС при вступлении в должность дает письменное, юридически заверенное обязательство не выставлять свою кандидатуру ни на парламентских, ни тем более на президентских выборах.

ВГС принимает свои решения только и исключительно в связи с обеспечением всех необходимых условий для проведения в сжатые (не более трёх месяцев) сроки парламентских и президентских выборов. Однако для реализации этой единственной своей функции он имеет: 1) право вето на решения любых должностных лиц (включая президента РФ) и органов власти, мешающих проведению свободных демократических выборов; 2) право временного изменения избирательного законодательства (в процедурной, но не в сущностной его части).

ВГС может назначить нового премьер-министра и при действующем президенте РФ помимо воли последнего, если замена главы правительства является единственной возможностью сохранения в должности самого президента РФ, ибо это единственная фигура, которую ВГС не только не может сместить с должности, но и, напротив, сохранение которой в должности до выборов является обязанностью ВГС. Временный государственный совет, однако, не может воспрепятствовать президенту подать в отставку. Кроме того, с момента конституирования ВГС и вплоть до выборов нового президента и парламента приостанавливаются любые процедуры импичмента президента.

ВГС также имеет право — в случае досрочной отставки президента — назначать и отправлять в отставку премьер-министра без утверждения этих решений Госдумой.

159

ВГС сдает свои полномочия и самораспускается сразу же после вступления в должность нового президента России.

Члены ВГС, выдвинувшие свою кандидатуру в президенты России, с момента выдвижения, оставаясь членами ВГС, теряют право решающего голоса в нём, ограничиваясь правом совещательного голоса.

Все иные институты государственной власти с момента конституирования ВГС отказываются от тех своих прав, которые ограничивают полную свободу действий ВГС в рамках его компетенции. Главное из этих прав — назначение в случае необходимости досрочных парламентских и президентских выборов.

Кроме того, на всё время действия ВГС вплоть до дня выборов объявляется внеочередная непрерывно длящаяся сессия Государственной Думы (с правом проведения любого количества пленарных заседаний любой продолжительности). Совет Федерации в это время работает по графику, самим им для себя установленному.

Когда нужно создавать Временный Государственный Совет? Желательно уже завтра, с тем чтобы он начал полновластно функционировать в любой момент, который сам определит как необходимый для предотвращения социального взрыва в стране. Напоминаю, что не позднее чем через три месяца после начала его работы должны состояться парламентские и президентские выборы.

Кто составит аппарат ВГС? Где будет штаб-квартира ВГС? Временный Государственный Совет имеет две штаб-квартиры — в Совете Федерации (основная) и Госдуме (резервная). Аппараты обеих палат являются аппаратами ВГС.

Кто должен возглавлять ВГС? Имеются две наиболее оптимальные кандидатуры на этот пост — Евгений Примаков и Егор Строев. В свете глобальной международной важности происходящих в России событий наиболее предпочтительной фигурой представляется Евгений Примаков, не имеющий к тому же президентских амбиций.

Кто может быть главой правительства страны в случае отставки нынешнего главы правительства? Безусловно, на сегодняшний день это только Виктор Черномырдин. Не будем забывать, что главная и единственная по сути миссия ВГС — сохранить социальную и политическую стабильность в России на весь период подготовки и проведения внеочередных выборов.

160

Можно ли не создавать ВГС? Можно, но тогда никто в России и в мире не сможет гарантировать, что в ближайшие дни, недели или месяцы наша страна не взорвётся изнутри.

Кто должен создавать ВГС и как его конституировать? Естественно, что идеальным было бы согласованное решение президента, обеих палат парламента и председателей Конституционного и Верховного судов. Однако ключевым в этой комбинации является всё-таки решение законодательной ветви власти при согласии с этим хотя бы ещё одной ветви (либо судебной, либо президентской).

Только такой (или примерно такой, с очень незначительными отклонениями) механизм обеспечения законного перехода власти в России может гарантированно спасти страну от катастрофы. Вопрос не в том, воспользуется ли нынешняя власть этим механизмом. Рано или поздно попытается воспользоваться, ибо иного пути нет (если только нынешняя власть не состоит из самоубийц). Вопрос в том, будет ли это рано, т. е. вовремя, или поздно, т. е. тогда, когда никакие механизмы уже никого не спасут.

И самое последнее — то, над чем ломают голову лидеры (и по их заданию и аналитики) различных конкурирующих, чтобы не сказать враждующих, группировок и сил: а кто следующий президент? Скажите, кто президент, а тогда мы дадим ответ на все остальные вопросы, — это порочная постановка вопроса. Главное сегодня (в том числе и для конкретных политических сил и групп) не в том, кто будет избран, а будет ли он избран законно. Ибо любой, самый желанный кому-то, но незаконно избранный или назначенный президент не продержится в Кремле больше трёх месяцев. А скорее всего, и до выборов-то в этом случае дело не дойдёт. Это — константа. Всё остальное — величины переменные, причём очень переменные. И те, кто верит в победу Лужкова, и те, кто уверен в Лебеде, и те, кто ставит на Зюганова или Ельцина, могут просчитаться по-крупному: вместо выборов или иной формы их воцарения случится нечто иное. Что именно — ясно уже всем.

161

Вопрос о власти (2)

Когда власть валяется на земле

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 24.07.1998

Наделав достаточно шума, моя первая статья под этим названием произвела, как представляется, не только приписываемый ей злокачественный, но и доброкачественный эффект. Например, один умный и остроумный российский политик заметил, что теперь благодаря этой статье Госсовет, к счастью, никогда уже не будет создан. Я не уверен, что этот остроумец прав, ибо идея Госсовета (или иного органа с такими же функциями) не есть плод фантазии моей, Березовского, Юмашева или кого-либо ещё конкретно. И тем более это не какое-то политическое русское «ноу-хау» конца XX века. Сходные политические коллизии (а мировой политике уже несколько тысячелетий) рожают сходные сценарии выхода из них и соответственно сходные политические органы и механизмы. Так что ВГС (Временный Госсовет) под тем или иным названием обязательно возникнет, если сохранятся те тенденции политического развития России, которые махровым цветом расцветают сейчас.

Я, однако, имею в виду другой доброкачественный эффект статьи «Вопрос о власти»: она заострила внимание политического сообщества на нескольких чрезвычайно злободневных для сегодняшней России проблемах. Настолько злободневных, что без их решения и России-то никакой может не остаться.

Но всё-таки сегодня в головах людей царит такая сумятица (причём, что самое трагическое, в

головах членов правительства тоже), что некоторые позиции стоит уточнить. Когда видишь, что вице-премьер правительства России Олег

162

Сысуев всерьёз предлагает всей стране «скинуться» на стариков пенсионеров, обосновывая введение незаконным путем повышенных отчислений в Пенсионный фонд, то понимаешь, что финиш, или, как говорят сейчас, абзац, ожидает нас не через месяцы, а буквально через дни или недели. А если при этом учесть, что президент страны в отпуске спокойно ловит рыбу, то уже кажется, что финиш-то мы давным-давно проскочили — просто пока не заметили.

Однако прежде чем перейти к уточнению некоторых позиций, без которых нам не понять, где мы всё-таки находимся и как в таких обстоятельствах поступать, я хотел бы отреагировать на очень интересную статью Андраника Миграняна из вчерашнего номера «НГ». А точнее говоря, оспорить логику его рассуждений в нескольких ключевых пунктах.

Андраник Мигранян, безусловно, прав, когда проводит аналогию между 1917-м и нынешним годом и акцентирует внимание на фундаментальной связи судьбы монархии и судьбы института президентства с целостностью России. Действительно, ныне этот институт, как когда-то монархия, является почти единственным и уж точно стержневым государственным институтом, гарантирующим сохранение территориальной целостности страны. И по одной этой причине его не только опасно, но и категорически недопустимо ликвидировать. Однако не стоит забывать, что это наиболее персонифицированный институт государственной власти, т. е. эффективность его прямо и непосредственно зависит от личности того, кто занимает высший государственный пост в стране.

Сентиментальные чувства, вызванные в обществе похоронами останков царских детей, не должны заслонять важнейшей проблемы, в рамках которой Россия движется по порочному кругу уже третий раз подряд в этом веке. Что делать, если сначала Царский дом, затем КПСС, а ныне институт президентства, являясь государствообразующими, функционируют из рук вон плохо и даже деструктивно для России, а носители центральной власти в рамках этих институтов явно не справляются со своими обязанностями, более того — по сути их персональная деятельность ведёт к отрицательному отношению общества к самим этим институтам. Вот неразрешимый парадокс России XX века. Причём если можно было говорить, что монархия в начале XX века и КПСС к концу его в силу «исторической усталости» не отвечали вызовам време-

163

ни, то президентская власть в России исторически молода, однако по содержанию своих конкретных действий выглядит не менее дряхлой, чем предшествующие ей. Коротко говоря, что делать, когда институт президентства хорош, а президент плох, но освободить свой пост он не желает? Вот откуда произрастают все новомодные сценарии решения этой проблемы, включая и модель Временного Госсвета, ибо уже третий раз за сто лет Россия попадает в одну и ту же историческую западню. И основная ответственность здесь, конечно, лежит не на обществе в целом, а на конкретных людях: императоре Николае II, политбюро ЦК КПСС и лично генсеке Горбачёве, на президенте Ельцине. Если бы монархия справилась со стоящими перед Россией в начале XX века национальными задачами, она бы не рухнула.

Единственное, что может сказать в данном случае Борис Ельцин, он уже сказал: «Если я уйду, вы все передерётесь». Но это означает только одно: за годы своего президентства он не сделал ничего для укрепления России как государства, а не России как объекта своего личного правления.

Вот ещё несколько логических и конкретно политических неувязок во вчерашней статье Андраника Миграняна.

Мигранян утверждает: либо олигархи навяжут президенту, правительству и обществу правила игры, либо правительство навяжет правила игры олигархам и обществу. Первое — плохо, второе — хорошо. Но, во-первых, нынешнее правительство есть правительство главного (хотя и неформального) олигарха (сюзерена олигархов) Ельцина. А во-вторых, навязывать правила игры в демократическом обществе имеет право только парламент, а не зависящее от воли одного человека правительство. Иначе это уже чистая монархия, со всеми вытекающими отсюда (см. историю Николая II) последствиями.

Вообще проблема России сейчас не в олигархах главным образом, ибо они лишь наиболее активные (после госчиновников и некоторых публичных политиков) игроки на политическом поле — в силу своих материальных возможностей и выгодной Кремлю, особенно в 1996 году, близости к власти. Проблема России — в её президенте, как в 1917 году — в царе, а в 1990-1991 годы — в КПСС и генсеке.

Отсюда: выход нужно искать не в «отлучении президента», если только он не ведёт порочную для страны политику, и не

164

в усилении правительства (если оно не представляет основные силы общества, а оно у нас их не представляет), а в ликвидации раскола между исполнительной и законодательной властями. Фундаментальная же причина нынешнего положения дел, естественно, в абсолютном и неоспоримом теперь крахе реформ. Были бы удачные (для народа) реформы, Россия, как любая иная страна, вытерпела бы и КПСС, и президента Ельцина.

И теперь я подхожу к той проблеме, которая концентрированно, но вполне чётко по формулировкам излагалась в статье о ВГС.

Какие сценарии развития событий возможны в нынешней России и какие приемлемы для неё (дабы страна, а не личная власть кого-либо, включая и олигархов, не рухнула)?

Вот они:

1. «Стабилизация кризиса». Речь идёт о нормальном и законном способе выхода из кризиса, что обеспечивается проведением парламентских и президентских выборов в отведённые им сроки, а именно в 1999-м и 2000 годах. При этом нынешний президент должен однозначно и определённо освободить предвыборное поле, а правительство должно быть сильным политически. Это возможно только при возвращении на должность премьера Виктора Черномырдина, несмотря на все его очевидные и хорошо известные недостатки. Да, не будет экономического подъёма (так его в любом случае не будет). Но будет политическая стабильность, позволяющая всем силам и обществу в целом законным путём решить свои политические проблемы и отыграть свои политические интересы на выборах 1999-2000 годов.

Все иные сценарии являются способами форсированного развития событий с малыми шансами на успех (для общества).

2. Третья попытка экономического роста с целью спасения президента Ельцина (в том числе и для выборов-2000) на основе формулы «сильное правительство — слабый президент».

2.1. Сохранение Кириенко во главе правительства наряду с усилением кабинета. Это кажется совсем фантастическим. Кроме того, в случае непредсказуемого развития событий «силовики» и большинство региональных лидеров просто перестанут подчиняться Сергею Владиленовичу.

165

2.2. «Сильное правительство» во главе с Чубайсом. Прямой путь к социальному взрыву.

2.3. «Сильное правительство» во главе с Лужковым или Лебедем. Абсолютно авторитарный режим (даже в сравнении с нынешним). Усиление войны олигархов и как результат — либо социальный взрыв, либо приближение к диктатуре с, естественно, полной недемократичностью парламентских и президентских выборов или даже отменой таковых.

3. «Левое правительство» (т. е. правительство думского большинства) при нынешнем президенте. Вариант сценариев 2.2 и 2.3, но с другим идеологическим знаком.

4. «Новое правительство» (не коммунистическое, но и не радикал-либеральное). Об этом чуть ниже.

5. Непредсказуемое развитие событий (массы бунтуют, верхи идут к диктатуре, но место диктатора оспаривают несколько кандидатов, ввергая страну в междоусобную политическую войну; президент ради сохранения своего поста пассивно соглашается на этот вариант). Крайне опасный вариант. Вполне, к сожалению, реальный. Прямо вытекает из сценария сохранения правительства Кириенко. Единственная преграда на пути такого развития событий — создание Временного Госсовета или любого иного органа такого типа на основе общественного консенсуса, прежде всего — среди ответственных слоёв элиты.

6. «Мобилизационная модель». Новая Кавказская война. Последствия для демократии и экономики, даже в случае военного успеха, очевидны.

7. Классический дворцовый переворот — в связи с пассивностью, нерешительностью и безответственностью президента и отказом его от принятия требований времени. (Не надо обольщаться якобы проявившимся в связи с захоронением царских останков «политическим ресурсом» Бориса Ельцина. Это ресурс должности, а не человека, её занимающего. Накануне своего отречения Николай II тоже был фигурой № 1 в России, а осенью 1991 года Михаил Горбачёв даже наносил государственные визиты в зарубежные страны как президент СССР). В этом случае — полная делегитимизация власти, диктатура, распад страны, возможно — гражданская война, оккупация российских ядерных объектов вооружёнными силами Запада.

Всё. Иных вариантов нет.

166

Совершенно очевидно, что наиболее вероятными являются самые плохие сценарии, а наиболее приемлемыми — только два (1 и 4) в сочетании с созданием «ВГС» (на всякий случай). О возвращении Черномырдина я уже говорил. Рассмотрим сценарий 4, обозначенный мною как «новое правительство».

В этом сценарии в слове «новое» заключён такой смысл: не Кириенко и не Чубайс, не коммунисты, не Лужков и не Лебедь, не Черномырдин. То есть люди, максимально не связанные с бездарной государственной политикой последнего времени. Кандидаты на роль главы этого правительства должны: 1) быть экономически грамотными; 2) обладать максимально возможным политическим либо общественным авторитетом; 3) пользоваться авторитетом за рубежом; 4) желательно не представлять никакую олигархическую группу; 5) иметь какую-то опору в парламенте (либо в Думе, либо в Совете Федерации); 6) быть сильными политическими фигурами, т. е. уметь подчинять себе властные вертикали страны. Только вокруг такого политика сплотятся элита и все основные СМИ. Только ему они будут помогать.

События последних дней и даже часов — поведение рынков, не поднявшихся после предоставления кредитов России; покушение на Масхадова; неспособность правительства выплатить зарплаты бюджетникам и пенсии; отпускная расслабленность президента — всё это вместе подтверждает: мы стремительно летим к краю пропасти. И скоро не мы будем выбирать сценарии, а события, стихийно разворачивающиеся по одному из них, будут выбирать персонажей для своей реализации. Естественно, наиболее авторитарных.

Всё же размышления о том, какую политическую фигуру нужно сконструировать на выборах 2000 года, сегодня от лукавого. До 2000 года, возможно, России и уж точно нынешнему режиму не дожить.

По сути, уже сегодня власть в России валяется на земле. Поэтому и вопрос о власти — главный.

167

Альтернатива мифу

Какой договор о согласии нам реально нужен?

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 17.03.1999

Не раз я уже выступал я против бесполезной и бесперспективной затеи, именуемой разработкой, согласованием и подписанием некоего Заявления «Об укреплении гражданского мира и политической стабильности», пик активной работы над которым и пропагандирования какового приходится на эти дни. На те же самые, кстати, дни, когда мало кто уже решается сказать, что это Заявление (в девичестве бывшее всё-таки Договором, но то девичество давно пролетело) может оказать хоть какое-либо реальное влияние на поведение основных политических сил и фигур России.

Не стану повторять свои аргументы против сотворения этого очередного и в очередной раз бесполезного мифа, одних успокаивающего, другим дающего возможность заполнить рабочее время, третьим — замаскировать реальные тактические и стратегические манёвры в предвыборный период. Достаточно полно эти аргументы изложены в моей статье «Повестка дня для России сегодня: пункт 1-й, и главный». Отмечу лишь ещё раз, что великомученическое Заявление декларирует (под видом гарантии) стабильность и гражданский мир до выборов, тогда как гарантии (причём не декларативные и не мифические) необходимы нам, стране России и ее гражданам, главным образом во время выборов, между парламентскими и президентскими выборами и после них.

Политическая близорукость наших политиков — вообще их генетическое свойство. Вооружившись им за отсутствием других интеллекту-

168

альных качеств, они строили демократию и проводили реформы сначала в СССР, а потом в его остатке — в Российской Федерации. С результатами известными, в том числе и им самим. Но не менять же из-за каких-то там «результатов» привычный образ мысли и действия. Поразительно, но даже инстинкт самосохранения у них давно атрофировался. Иначе с чего бы так упорно толочь воду в ступе такому числу государственных, судя по окладам и машинам с мигалками, мужей?

Я не обольщаюсь — плетью обуха, как известно, не перешибёшь. Однако и пассивно наблюдать за эпидемией политического помешательства одних и цинизма других не хочется.

Вот почему я предлагаю свой проект Договора о политическом и общественном согласии (см. ниже его полное название, каждое слово в котором значимо). Конечно, это не оптимальный вариант текста (я не юрист и не практикующий политик), но за что я ручаюсь, так это за то, что в моём проекте содержатся все необходимые элементы, и дух, и буква того Договора, который действительно нужен России и её гражданам (включая, кстати, и самих политиков) сегодня, завтра и послезавтра (после выборов).

Сварганить и даже подписать Заявление (нечто вроде любовной записки), разумеется, легче, чем подготовить юридически, политически и морально обязывающий всех к сохранению гражданского мира Договор (в данном метафорическом ряду — брачный контракт). Потому первым и балуются восьмиклассники, а вторым — взрослые люди. Может, они найдутся в нашей политике? Во всяком случае, я знаю, что по крайней мере ещё один проект, аналогичный моему по смыслу и, видимо, во многом по содержанию, уже месяц как написан и обретается в недрах предвыборного штаба одного из ведущих политиков страны. Но идти против течения у нас не принято, особенно если это течение осенено именами президента и премьера.

Я, однако, в президенты не собираюсь, и мне тянуть не резон. Тем более что время уходит стремительно, безвозвратно. Вот мой проект. Счастлив буду, если им или хотя бы его идеей воспользуются.

Но вряд ли...

169

ПРОЕКТ

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОГОВОР О ПОЛИТИЧЕСКОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОГЛАСИИ И УСЛОВИЯХ СОХРАНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО МИРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преамбула

Мы, участники настоящего Договора, ставим свои подписи под ним, осознавая всю глубину политической и гражданской ответственности каждого из нас и представляемых нами государственных институтов, политических партий и движений, общественных сил перед будущим России и её многонационального народа за сохранение гражданского мира, общественно-политической стабильности и демократической и законной преемственности государственной власти в стране.

Основная часть

Статья 1. Историческая необходимость заключения между всеми нами настоящего Договора и беспрекословного соблюдения всех накладываемых им на нас обязательств определяется следующими фундаментальными, не зависящими от наших политических и идейных разногласий обстоятельствами:

— Россия находится в жесточайшем экономическом, финансовом, политическом и социальном кризисе;

— дискуссии об ответственности тех или иных личностей, общественных групп или политических движений за этот кризис имеют смысл только в том случае, если Россия не исчезнет как единое и самостоятельное государство, что и является высшим смыслом и целью нашего объединения под сенью Закона и данного Договора;

— несмотря на драматический, а временами и трагический опыт последних восьми лет, не всё из этого опыта является отрицательным, и именно это даёт всем нам шанс не только на выживание России, но и перспективу решения проблем страны в, возможно, уже недалёком будущем;

— то конкретно и неоспоримо позитивное, что даёт нам такой шанс, — это возможность мирного, свободного и законного волеизъявления избирателей, граждан России, их стремление, право и возможность отдать свои голоса на

ближайших парламентских и президентских выборах за тех, кому они больше доверяют будущее своей страны, лишь малой частью которой являемся все мы, несмотря на занимаемые нами посты и должности.

Статья 2. Смирняя свои политические амбиции и разногласия перед лицом высших национальных интересов России и волею её на-

170

рода, мы добровольно берём на себя следующие Обязательства, отказ от выполнения которых любым из нас должен рассматриваться гражданами России как преступление против страны и её народа.

Мы обязуемся:

Обязательство 1-е. Не участвовать самим и не способствовать другим в любом ином переходе власти от одних политических сил к другим, а равно и в сохранении этой власти у тех, кто ныне ею обладает, кроме как посредством свободных демократических парламентских и президентских выборов на основе ныне действующего законодательства.

Обязательство 2-е. Признать любые результаты свободных и демократических выборов, проведённых на основе ныне действующего законодательства, — как парламентских, так и президентских.

Обязательство 3-е. В целях исключения любых сомнений в достоверности результатов парламентских и президентских выборов ввести в состав Центральной избирательной комиссии России с правом совещательного голоса по одному представителю от всех участвующих в парламентских выборах партий и движений, а на президентских выборах — от каждого зарегистрированного кандидата в президенты.

Обязательство 4-е. В случае победы любого из нас или представленных нами партий и движений на парламентских и президентских выборах мы исключаем для себя даже посредством легальных законодательных инициатив и действий отказ от нынешних демократических основ государственного строя в России, то есть не станем покушаться в целом и в частностях на нормы, зафиксированные в первой и второй главах ныне действующей Конституции (статьи 1—64), и в первую очередь на:

— демократическое правовое государство с республиканской формой правления;
— все гражданские права и свободы, в частности, свободу слова, печати и свободу получения информации и на запрет цензуры;

- систему разделения властей;
- идеологическое многообразие;
- многопартийность;
- многообразие форм собственности, включая частную собственность;
- демократическую систему выборов.

Обязательство 5-е. Не привлекать силовые структуры и спецслужбы для какого-либо воздействия на избирателей и участвующих в выборах политиков, партий и движений как до, так и после выборов.

Обязательство 6-е. Не использовать победу на выборах, какой бы убедительной она ни была, в целях классовой, социальной, национальной, идеологической или имущественной мести, что не ис-

171

ключает преследования по закону тех, кто совершил предусмотренные в законе преступления.

Обязательство 1-е. Не инициировать никаким образом, включая и предусмотренных законом, изменений в Конституции до дня вступления в должность следующего президента России.

Обязательство 8-е. Включать наши предложения по изменению Конституции в наши предвыборные программы в качестве обязательной их составляющей, с тем чтобы вернуться к вынесению этих предложений законным путём на референдум только после завершения президентских выборов.

Обязательство 9-е. Обеспечить преемственность российской государственной власти и всех обязательств Российского государства, как международных, так и внутренних, после очередных парламентских и президентских выборов.

Обязательство 10-е. Обеспечить свободное, включая отказ от их обязательной перерегистрации, функционирование всех легальных политических сил, партий и движений после завершения выборов, в том числе и путём участия в следующих вслед за выборами 1999—2000 года парламентских, президентских и местных выборах.

Обязательство 11-е. Сохранить в неизменности систему формирования правительства в период между ближайшими парламентскими и президентскими выборами на основе Конституции 1993 года, что не исключает формирования правительства на основе парламентского большинства (однопартийного или коалиционного).

Обязательство 12-е. Отказаться от любых форм массового протеста в период со дня подписания данного Договора его первыми участниками, за исключением предусмотренных законом.

Обязательство 13-е. Не создавать новых межгосударственных, надгосударственных или государственных структур и постов, способных привести к изменению конституционных сроков или конституционной системы проведения парламентских и президентских выборов.

Обязательство 14-е. Не производить действий, способных без особых на то оснований сдвинуть сроки проведения парламентских и президентских выборов, за исключением форс-мажорных обстоятельств, изложенных в статье 92 Конституции России.

Обязательство 15-е. Признать единственными толкователями данного Договора и Третейским судом по оценке соблюдения либо нарушения его подписавшими сторонами две независимые друг от друга Инстанции, принимающие решения внутри себя большинством голосов, а совместно (окончательное решение) консенсусом, а именно: Конституционный суд России и Конвент бывших глав государства и правительства СССР/России. Для реализации этого Обязательства принять в течение ближайших 15 дней соответствующий конституционный закон Российской Федерации.

172

Примечание к Обязательству 15-му. В Конвент бывших глав государства и правительства СССР/России войдут, при их согласии, М. Горбачёв, Н. Рыжков, В. Павлов, И. Силаев, В. Черномырдин, С. Кириенко.

Статья 3. Мы осознаём, что добровольно взятые нами на себя Обязательства накладывают определённые ограничения на нашу повседневную политическую и общественную деятельность, однако они:

- во-первых, отвечают общим национальным интересам России и всех её граждан;
- во-вторых, не умаляют нашей свободы ведения предвыборной борьбы, пропаганды и агитации во всех легальных формах;

в-третьих, имеют единственной целью сохранение гражданского мира, общественной и политической стабильности России как в период до ближайших парламентских и президентских выборов, так и во время их проведения и особенно после объявления их результатов.

Статья 4. Как свободные граждане свободной и демократической России и ответственные политики, подписывая настоящий Договор, мы гарантируем соблюдение всех без исключения его статей в отдельности и в их совокупности своим персональным политическим авторитетом, авторитетом государственных и общественных институтов, которые мы возглавляем или представляем, а также своей личной гражданской и человеческой честью.

Статья 5. Нарушение данного Договора, от кого бы оно ни исходило, если на таковое укажет Третейский суд, станет для нас поводом единственно к тому, чтобы исправить это нарушение, но не к выходу из Договора. Нас никто не принуждает к участию в этом Договоре, и ничто и никто не может заставить нарушить его преднамеренно, осознанно или грубо, а также выйти из него без того, чтобы не нанести непоправимый ущерб России, её гражданам и нашей собственной чести и политической репутации.

Статья 6. Наши подписи ставятся под Договором до полного окончания срока его действия и не подлежат отзыву ни при каких условиях или обстоятельствах.

Статья 7. Если вопреки взятым нами на себя добровольно по этому Договору Обязательствам мы нарушим его и либо не исправим это нарушение по указанию Третейского суда, либо, в противоречии со статьей 6, откажемся словом или действием от своей подписи под этим Договором, то уже сегодня мы призываем наших сторонников, членов и сторонников наших партий и движений, а также всех избирателей не голосовать за нас ни на парламентских, ни на президентских, ни на каких-либо иных выборах, как ближайших, так и последующих.

Статья 8. Если нарушения, аналогичные тем, что описаны в статье 7 настоящего Договора, мы совершим после нашей победы

173

на ближайших парламентских или президентских выборах и это определит Третейский суд, мы заранее передаём ему все необходимые полномочия для назначения досрочных парламентских и/или президентских выборов. Указы о назначении таких выборов (без конкретных дат) должны быть подписаны новым президентом России сразу же вслед за принесением присяги при вступлении в должность и сданы на хранение в Конституционный суд и членам Конвента бывших глав государства и правительства СССР/России.

Статья 9. Настоящий Договор подтверждается соответствующими Указом президента России, Постановлениями нынешней и новой Государственной Думы, Постановлением Совета Федерации, Постановлением правительства России, Постановлением Конституционного суда России.

Статья 10. Настоящий Договор действует с момента его подписания и на срок два года после вступления в должность следующего президента России или после первого дня работы следующей Государственной Думы в зависимости от того, какая из дат наступает позднее.

Подписи:

Президент России, Председатель правительства, Председатель Совета Федерации, Председатель Государственной Думы, Председатель Конституционного суда, Председатель Верховного суда, Председатель Арбитражного суда, Генеральный прокурор, Председатель Центризбиркома.

Министр юстиции, министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр обороны, директор ФСБ, директор ФАПСИ, председатель Центрального банка.

Лидеры фракций и депутатских групп Государственной Думы второго созыва: КПРФ, НДР, «Яблоко», ЛДПР, «Народовластие», «Российские регионы», Аграрная партия.

Лидеры партий, общественно-политических движений и избирательных блоков, участвующих в парламентских выборах 1999 года... Кандидаты на пост президента России...

Лидеры общественных и профессиональных организаций...

Главы конфессий...

Члены Конституционного суда...

Члены Конвента бывших глав государства и правительства СССР/России...

174

Молчание элит

Меньше всего Россия сегодня заинтересована в потрясениях. А более всего — в скорейшем окончании холодной гражданской войны

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, №38, 17-23.09. 2003

Глеб Павловский ударил в набат. Обнаруженная им в Кремле, в президентском аппарате, оппозиция, обозначенная политологом как Группа (расшифровывается: «группа С.Пугачева— И.Сечина— В.Иванова») и названная «меньшинством», нынешним летом (цитирую) «перешла к активным действиям по «переустройству» российской экономики и политики, включая президентский уровень». Главная из уже осуществленных операций Группы — атака на ЮКОС. Далее Глеб Павловский со свойственным ему в минуты опасности педантизмом перечисляет 5 целей Группы и 4 угрозы, которые она несёт власти.

Суть целей лучше всего раскрывает следующая синтетическая формулировка: «формирование новой «левопопулистской» идеологической платформы власти, опирающейся на упрощённое и превращённое в идеологию православие, ориентация на «массы бюджетников» и антиолигархически настроенный средний и малый бизнес», а практически — отъём силовыми методами собственности у олигархов ельцинского призыва, сильный госконтроль над бизнесом, превращение силовиков в главную и единственную опору президента.

Угрозы: нарастание хаоса в политической организации общества, срыв победы «Единой России» на думских выборах и как следствие этого — «неконсолидированная Дума», превращение президента в заложника политики Группы с дальнейшим навязыванием ему неконституционной коренной реформы государства на «экстремистский манер».

175

Единственный поименованный политический клиент Группы — Народная партия Райкова, хотя Павловский просматривает идеологию «меньшинства» в «программах ряда политических партий».

Поскольку дело нешуточное (от политического хаоса и передела собственности к ползучему перевороту), Глеб Павловский обнародовал свою служебную Аналитическую записку, названную им *«О негативных последствиях «летнего наступления» оппозиционного курсу президента РФ меньшинства»*, адресованную как минимум Александру Волошину, но скорее всего — самому Владимиру Путину. Более того, политолог постарался привлечь к своей записке максимальное внимание СМИ, политических экспертов и политиков.

Я готов согласиться почти со всем в том, как описывает Глеб Павловский ситуацию, но вот с его анализом, выводами и рекомендациями должен поспорить. Как раз в рамках той публичной дискуссии вокруг действий Группы, к которой сам Глеб Олегович и призывает. Но прежде хочу обратить внимание заинтересованных лиц на ряд странностей. А среди них — на главную: набат Павловского публичного резонанса в политических кругах не вызвал.

А ведь в драматически описанном Глебом Павловским алармистском сценарии пострадавшей стороной (помимо общества в целом) будут конкретно: 1) все партии, более либеральные, чем Народная партия Райкова, включая ЕР, СПС и «Яблоко»; 2) все нынешние олигархи и другие крупные собственники; 3) все более или менее известные СМИ, кроме газет «Завтра», «Правда» и «Советская Россия».

Поразительно, но факт: ни один крупный бизнесмен, ни один партийный лидер, ни один руководитель ни одного значимого СМИ за две недели, прошедшие со дня обнародования Аналитической записки, не отреагировал публично на призыв Павловского. СМИ даже не удосужились (за редкими исключениями) передать аудитории его тревогу. А не замечать слова Глеба Павловского наши СМИ не привыкли. Да и о деле ЮКОСа, от которого отталкивается анализ политолога, рассказывали все. Поэтому, отбросив как фантастическую гипотезу о том, что слов Глеба Павловского не заметили, ответим на вопрос: почему публичная реакция на тревогу ньюсмейкера № 1 в российской политологии близка к нулевой?

Есть три варианта ответа на этот вопрос.

176

Первый: анализ Павловского признан абсолютно неправильным, а его тревога — необоснованной.

Второй: бизнесмены, политические лидеры и СМИ настолько запуганы властью (то есть Кремлём), что не решаются не то что обсуждать открыто ситуацию, проанализированную Павловским, но даже информировать о ней публику.

Третий: большинство бизнесменов, политиков, СМИ поддерживают Группу, которую политолог определил как «меньшинство», а потому и не хотят привлекать внимание общества к опасностям, исходящим от этого «меньшинства», уже являющегося большинством.

Первый вариант должен отпасть — в политологических кругах, отражающих и мнения значимых групп влияния, многие (правда, не все) признали выступление Павловского архиважным, справедливым и крайне своевременным.

Третий вариант ответа обесмысливает борьбу с угрозами, исходящими от «меньшинства», да и саму постановку вопроса. Раз «меньшинство» в большинстве, то оно уже победило.

Остаётся второй вариант. Но по нему получается, что демократическая власть (которой противостоит недемократическое «меньшинство») столь авторитарна, что даже те, кто её поддерживает, боятся заявить о грядущей опасности, ибо сама власть запретила им говорить что-либо выходящее за рамки «теории политической стабильности».

Что-то здесь не связывается.

Но ведь ответ-то всё-таки должен быть. Где он?

Я думаю, в несоответствии правильного описания ситуации Глебом Павловским и неправильной формы изложения этого описания, в конфликте содержания и стиля месседжа политолога. С анализом согласны, трагизма проповеди по этому поводу не разделяют.

Взглянем на ситуацию, описанную Павловским, как на форсмажорную и аномальную с другой стороны. Тогда, по-моему, всё встанет на свои места.

Если исходить из того, что в России уже (или почти) сложилась стабильная демократическая политическая система с чёткой общенациональной идеологией и не менее стабильная рыночная экономическая система, то действия Группы выглядят по крайней мере странно и уж точно выламываются из правил игры. Но если допущение о сложности и тем более стабильности нашей политической и экономической

177

системы снять, что, на мой взгляд, гораздо ближе к реальности, то никому и никакие действия не заказаны.

Если быть реалистом, то надо признать, что до сих пор ни вопрос о власти, ни вопрос о собственности в России не решены окончательно. А когда внутри одной нации, одной страны, одного общества продолжается борьба (не только парламентская) за власть и борьба (не только конкурентная) за собственность, то это состояние называется гражданской войной. Я утверждал не раз и продолжаю утверждать, что с конца 80-х годов Россия живёт в условиях холодной гражданской войны, не закончившейся до сих пор. А в этом случае ни дело ЮКОСа, ни другие подобные инциденты не только не исключены, а, напротив, закономерны. И странно не то, что атака на ЮКОС и те методы, которыми она велась, случилась. Странно было бы, если бы она не случилась. Более того, с абсолютной уверенностью

можно прогнозировать, что подобные атаки — на ЮКОС или кого-либо другого — будут продолжаться. Равным образом будет политически оспариваться и сама власть, ибо, строго говоря, всё ещё можно повернуть назад. Не на 180 градусов, конечно, а на 100-120 или даже 150. Есть социальная база (обездоленные реформами или не вписавшиеся в них десятки миллионов людей), есть, соответственно, политические силы, отражающие их интересы или использующие недовольство этих десятков миллионов в своих интересах. Традиционные политические силы — КПРФ. Но и новые, модернистские — Народная партия Райкова, например. Вполне естественно, что в этих условиях расколотые и гораздо более ожесточённо, чем простые граждане, воюющие за собственность и власть элиты пытаются взять себе сверх того, что имеют.

Как заканчиваются гражданские войны? Есть пять вариантов исхода.

1. В ходе борьбы побеждает одна из сторон — та, на чьей стороне в конечном итоге поддержка большинства населения.

2. Те, кто находится в данный момент у рычагов формальной власти (в чьих руках, упрощённо говоря, Кремль и столица), побеждают не силовым путём, а путём удачно проведённых реформ: большинство населения удовлетворяется новой властью и той частью собственности, которая досталась ему.

178

3. Нестабильная стабильность (статус-кво) переходит в стабильную стабильность путем легализации собственности через институт наследования. При этом, естественно, проблема удержания власти остаётся.

Три перечисленных варианта — это, так сказать, объективные, естественно-исторические формы исхода, одна из главных характеристик которых — длительность (срок жизни двух-трёх поколений). Но всё может решиться и раньше, причём даже с исходом, который в этот момент не поддерживает большинство населения. Тут скрыты ещё два варианта.

4. Диктатура — силовое навязывание власти и раздела собственности теми, кто их на настоящий момент имеет.

5. Появление политического гения, создающего конструкцию, которая уже сегодня конституирует то, к чему естественно — историческим путём — общество придёт только через десятилетия.

И диктатор, и политический гений — это не только отдельно взятые лидеры. Это, помимо лидеров, ещё и элитные группы, на которые они могут опереться, а желательно — и поддерживающие лично этих лидеров или их идеи и действия значимые слои населения.

Молчание элит (политиков, бизнесменов, редакторов общенациональных СМИ) в ответ на набат Павловского, конечно же, может быть объяснено ещё одной причиной, ранее мною не упомянутой. Элиты не знают (или не уверены, что знают точно), а что думает лидер, президент. В конце концов, чины кремлёвской администрации, занесённые Глебом Павловским в Группу, назначены самим Владимиром Путиным. Да и Народная партия получила добро на свою сверхактивность и соответствующие ресурсы не без его ведома. И это как минимум.

А почему молчит президент? Стоит разобрать варианты ответов и на этот вопрос. Ведь опять же трудно предположить, что он не в курсе того, что происходит, или что у него нет возможности, не вступая в публичную полемику по поставленной Глебом Павловским проблеме, дать внятный сигнал тем, кого Глеб Олегович называет «авантюристами, прикрывающимися именем президента» и «попавшими под контроль финансовых спекулянтов».

Вот, на выбор, несколько предположений о причинах молчания президента.

179

Первое: он согласен с позицией и действиями Группы. Второе: он не видит серьёзной опасности в этих действиях. Третье: это избранная им форма реализации известной политической схемы сдержек и противовесов. Четвёртое: он хотел бы изменить ситуацию, но не знает, как это сделать. Пятое: он ждёт естественного исхода развития событий — пусть победит сильнейший, на него и можно будет опереться в той политике, которую Путин собирается проводить после своей победы на мартовских выборах. Шестое: он готовится к радикальному обновлению не только правительства, но и своей администрации после выборов, а для этого ему нужно, чтобы враждующие элитные группировки взаимно ослабили друг друга — это даст ему большую свободу кадрового манёвра. Седьмое: он не верит в победу «Единой России» на выборах и не хочет ставить свой результат на президентских выборах в зависимость от достаточно неопределённого пока результата ЕР на выборах думских. Восьмое: прекрасно понимая бюрократическую сущность «Единой России», он не хочет попасть под контроль не только самой бюрократии, но и созданного ею партийного механизма. Это только основные варианты.

Что-то ведь молчание президента значит.

Вот, например, в подтверждение одного из предположений вполне конкретная проблема. Уверен, крайне остро стоящая перед Путиным и как президентом, и как человеком. В своей Аналитической записке Глеб Павловский пишет, что основная идеология Группы («построение государственно-ориентированного капитализма на базе упрощённой для массового потребления православной идеологии» — здесь, кстати, замечу, что любая религиозная доктрина априори предназначена для массового потребления), эта основная идеология «дополнилась более актуальным для 2003 года революционным призывом к смене всех элит — в экономике, региональной и федеральной политике».

Я не знаю, как насчёт революционного призыва (что, впрочем, весьма обычно для гражданской войны), но проблема нормальной и регулярной ротации региональных элит, в первую очередь — собственно

глав субъектов Федерации, является острой и актуальнейшей для России последних лет. Разве не её пытался решить Путин своей не совсем удачной реформой Совета Федерации, но вынужден был отступить назад?

180

Здесь, между прочим, законы демократической политики и демократической (то есть рыночной) экономики расходятся. Частная собственность без права наследования — блеф или миф. А демократическая власть — блеф или миф как раз при наличии права наследования, без регулярной и императивной сменяемости первых лиц. И не нашлось ещё в России человека (со времен падения самодержавия), который бы сумел эту проблему решить иначе, чем путём революций, госпереворотов и репрессий. Может, Путин озабочен именно этим, а потому и не равнодушен ко всему, что ослабляет зависимость и его, президента, и тем более общества от Кощеев Бессмертных российской политики?

Словом, гипотез и предположений можно выдвинуть много. Но, по-моему, ясно одно. До тех пор, пока так или иначе вопрос о власти и собственности в России не будет фундаментально решён, внутренние идейные и безыдейные диссиденты, меньшевики, большевики, авантюристы, кланы и группы будут вновь и вновь появляться у трона. Простите, у президентского кабинета. Дашь по рукам одной группе — появится другая. Свернёшь шею ей — народится третья.

В чём абсолютно прав Глеб Павловский, так это в том, что «системная оппозиция, фактически создавшая параллельный центр власти», не должна присутствовать в Кремле. Это нонсенс. Но раз она там присутствует (а как раз это утверждает сам Павловский), то значит — и это точный диагноз — вся наша политическая система по-прежнему глубоко несовершенна, перевернута по отношению к норме с ног на голову, лошадиные дозы цезаризма в ней по-прежнему лишь слегка разбавлены гомеопатическими дозами демократизма.

Как поменять пропорции — хотя бы до нынешних американских, где тоже ведь нарастают естественные для всех империй тенденции неоцезаризма? Вот в чём вопрос.

Заговоры, госперевороты и даже революции — это всего лишь сжатые во времени сгустки гражданской войны. Холодная гражданская война, конечно, куда лучше, чем горячая. Одно в ней хуже: во время холодной гражданской войны элиты молчат. И это длит холодную гражданскую войну даже сверх её естественных сроков.

Безусловно, меньше всего Россия сегодня заинтересована в потрясениях. А более всего — в скорейшем окончании этой войны.

181

Но добиться того и другого можно не заклинаниями. И даже не изгнанием нарушителей конвенции из Кремля. На их место придут другие. И даже в случае убедительной победы на выборах «Единой России». Она ведь далеко не такая единая, как называется.

Да, нарушители конвенции налицо. А где прочесть текст самой конвенции? Глеб Павловский ссылается на выступления президента Путина. Но разные представители элит вычитывают из этих выступлений разное, порой прямо противоположное.

Содержание конвенции — вот ключевая проблема.

182

Бремя всевластия

Владимир Путин после победы его партии

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 11.12.2003

Во многих, слишком многих комментариях результаты думских выборов, состоявшихся 7 декабря, оцениваются как сенсационные.

Это настолько удивительно, что невольно приходят на память слова, написанные 20 лет назад, в 1983 году, одним очень известным тогда человеком: «Мы плохо знаем страну, в которой живём».

Привожу эту цитату, рискуя вызвать восторг одних и проклятия других. Но ведь лучше не скажешь.

Автор приведённых слов — генеральный секретарь ЦК КПСС, а до того — председатель КГБ СССР Юрий Андропов. Между прочим, если бы эти слова были написаны не им, а любым другим человеком в СССР, их бы сочли диссидентскими.

Диагноз Юрия Андропова оказался точным. Менее чем через 10 лет после публикации его статьи в журнале «Коммунист», в которой содержалось это диссидентское утверждение, страна рухнула. Одна из главных субъективных причин краха СССР — как раз это незнание.

Считать сенсационными результаты выборов в Думу могут только те люди (просто люди, эксперты, политики — неважно), которые не знают Россию и совершенно инопланетным взглядом оценивают все то, что происходило в ней в последние 12 лет.

СЕДЬМОДЕКАБРЬСКАЯ ДУМА КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ОБЩЕСТВА

В идеале (или в оптимуме) парламент своим составом должен представлять все значимые

183

общественно-политические или идейно-политические силы общества в их реальном численном соотношении. И седьмодекабрьская Дума именно этому критерию полностью соответствует.

Главной политической силой России (и главным субъектом российской политики), её правящим

классом является бюрократия (иное название — просто «власть»). И партия власти «Единая Россия» имеет в Думе половину депутатских мандатов.

Второй по суммарной численности пакет думских мандатов, правда, разбросанных по разным партиям, — у национал-державников (или государственников): это и часть «Единой России», и часть КПрФ, и часть ЛДПР, и, наконец, собственно национал-державническая партия (блок) «Родина».

Державничество — первая по значимости политическая идеология, объединяющая десятки миллионов людей в современной России. Но организационно она менее оформлена, чем бюрократия (или бюрократическая идеология, суть которой: наш интерес — наша власть), потому и не смогла собрать всех своих последователей под одной партийной крышей. Впрочем, если бы предвыборная кампания длилась не месяц, а месяца три и «Родине» была бы передана хотя бы десятая часть информационного ресурса, выделенного «Единой России», ещё неизвестно, кто бы стал главным победителем выборов.

Третья по реальной мощи идейно-политическая сила в России — коммунистическая, представленная, естественно, КПрФ. Из-за грубейших ошибок в стратегии и тактике то ли всей верхушки КПрФ, то ли лично Геннадия Зюганова от коммунистического электората удалось отколоть значительную часть державников (так сложился блок «Родина»). Результат КПрФ упал вдвое (в сравнении с предыдущими выборами), но место в парламенте ей всё равно было забронировано.

ЛДПР — несколько искусственная, сложенная лишь благодаря личным талантам Владимира Жириновского партия, надстроенная не над протестным электоратом, как ошибочно считают — протестного электората у нас гораздо больше, чем участвует в выборах. Часть этого электората находится, например, в КПрФ. А ЛДПР — это то же державничество, но только безыдейное, не знающее, какую экономическую модель нужно выбрать.

184

В этой связи, кстати, можно сказать, что все четыре партии, прошедшие в Думу, — это державнические партии, ибо державничество — абсолютно доминирующая идеология в современной России.

Но как раз экономическая составляющая державничества у четырёх партий-победительниц разная.

Итак, ЛДПР — безыдейное державничество: держава (империя) первична — экономический базис любой.

«Единая Россия» — державничество плюс наша власть плюс наш капитализм (тоже не слишком идейно).

КПрФ — державничество плюс социалистический капитализм (советского типа).

«Родина» — национал-капитализм (то есть капитализм не транснациональных корпораций, а наших, отечественных, а потому и социально-ответственных). Идеологии национального капитализма не чужда и «Единая Россия», просто там неизбежно превалирует акцент на сохранение своей власти.

Между прочим, в 1994 году победу национал-капитализма в России предсказывал в своей статье, которая так и называлась «Национал-капитализм», известный русский националист Александр Севастьянов. Как в воду глядел.

А где же остальные?

А остальных так мало в обществе, что и места в Думе им не нашлось.

Иных классов, кроме правящего, у нас нет. Нет и их представительства в парламенте. Миф о среднем классе, который, по оценкам некоторых социологов, политологов и экономистов, составляет чуть ли не 25 процентов трудоспособного населения страны, есть, а самого среднего класса — нет.

Есть наиболее богатая часть правящего класса, ориентированная не на этатизм, а на либерализм и индивидуализм, она и дала результат СПС — меньше 5 процентов. Почему раньше было больше? Потому что раньше (в 1999-м, когда уже был СПС, и ещё раньше, когда либералы выступали под иными торговыми марками) либералы-избиратели знали, что либералы-политики входят в правящий класс и пользуются там большим влиянием. С 2000-го по 2003 год ощущение того, что знание это соответствует реальности, стало истончаться. В 2003 году так считали уже только тугодумы. Арест Ходорковского открыл глаза и им.

Поэтому либералы-прагматики (то есть бизнесмены) переметнулись на сторону власти. И за СПС проголосовали толь-

185

ко либералы-идеалисты, то есть нищие либералы (такие тоже есть).

«Яблоко» — партия русских интеллигентов, на каждых последующих выборах в Думу теряло по одному проценту электората. В 1999 году оно подошло к результату в 5,5 или 5,6 процента, точно не помню. Соответственно, в 2003 году результат должен был быть 4,5 процента. Так и случилось. Просто потому, что современное российское общество в отличие от прежнего, советского интеллигенцию ни как класс, ни как социальную прослойку не воспроизводит. Электорат «Яблока» просто вымирал.

Такой профессионально-социальный слой, как российское крестьянство, — единственный из профессиональных слоев, с которым систематически, пусть не очень хорошо, работают партийные и квазипартийные структуры, мог бы дать аграриям полноценную фракцию в Думе — как это один раз уже было, в 1993 году. Но у Аграрной партии Михаила Лапшина часть электората отобрало проединороссовское Российское аграрное движение.

Более никаких иных хоть в какой-то степени структурированных общественно-значимых групп, слоев, классов в российском обществе нет. Следовательно, нет и партий, набирающих больше 4 процентов голосов избирателей. Следовательно, нет и не может быть их представительства в парламенте (ни реального,

ни потенциального).

НЕ НОВЫЕ РУССКИЕ, А НОВЫЕ ПРИМАТЫ

12 лет экономических и политических реформ так и не создали нового (в смысле — современного) российского общества. Мы видим лишь остатки советских ещё классов и социальных слоев: бюрократия, бюджетники, интеллигенция — и приматов из «общества будущего»: челночники, палаточники, олигархи, легализовавшийся криминалитет и прочее. Но приматы не есть существа общественные, тем более политические. Приматы бродят стаями и подчиняются либо тому, кто кормит, либо тому, кто сильнее. Сегодня сильнее власть и жажда нового обретения державы (раз уж достойной зарплаты и пенсии всё равно не дождёшься).

Редакция газеты «Коммерсант» очень гордится тем, что в её недрах родился термин «новые русские». Термин хорош,

186

но, к сожалению, к жизни не приложим. Никаких «новых русских» нет (по крайней мере среди тех, кого ими именует «Коммерсант»), что доказывается, кстати, и описанием самим «Коммерсантом» стиля жизни этих «новых русских». Есть новые приматы — единственное пока массовое человеческое достижение реформ.

А «новыми русскими», кстати, точнее было бы назвать лидеров блока «Родина».

САМОУБИЙСТВО ЛИБЕРАЛОВ

По подсчётам социологов и политтехнологов, электоральная база либеральных реформаторов в начале 90-х годов составляла 30 процентов избирателей России, а к 2003 году она сузилась до 5 процентов.

Происками коммунистов, бюрократов, реваншистов, националистов и прочих такое сужение электоральной базы либералов объяснить нельзя. Его можно объяснить только тем, что либерал-реформаторы, составлявшие основу правительств Гайдара, Черномырдина и Кириенко, проводили такие реформы, которые уничтожали электорат либералов и расширяли сверх всякой меры электорат державников, государственников, этатистов, патерналистов, империалистов, антирыночников, словом, кого угодно, но только не либералов. Это объективная составляющая самоубийства наших либерал-реформаторов.

Субъективная составляющая в том, что даже в 2003 году, даже за неделю до думских выборов либерал-реформаторы из СПС всё ещё объясняли избирателям, что они, во-первых, часть власти (то, что это не так, уже знали их потенциальные избиратели из предпринимательской среды), а во-вторых, что своими реформами они осчастливили российское общество (а в это не могли поверить склонные к либерализму потенциальные избиратели СПС из непредпринимательской среды). Лидеры СПС целых три недели из самой ответственной части предвыборной кампании оперировали лозунгами, в которые верили уже только они сами. И лишь в последние дни, почувствовав, что летят в пропасть, поменяли лозунги и забили тревогу: наступает национал-социализм!

Ну, допустим, и лозунг сомнительный. А главное — разве можно напугать каким-то неведомым национал-социализмом

187

российских избирателей, переживших годы либеральных реформ?!

А как же свободный бизнес? Почему он не откликнулся на алармизм лидеров СПС? Просто потому, что никакого свободного бизнеса в годы ельцинских «либеральных» реформ создано не было. Лидеры СПС кричали в пустоту.

Политическое самоубийство конкретных лидеров русского либерализма дело печальное, но не трагическое. Но похоже, что они выжгли (может быть, на время) всю территорию русского либерализма. А вот это стало бы трагедией.

Надеюсь, что это не так. Надеюсь, что, впервые оказавшись в реальной оппозиции (вне комфорта думских кабинетов, думской трибуны и думской неприкосновенности), наши либералы сделают три ответственных шага:

1. Сменяют лидеров, а главное — весь аппарат своей партии, включая аппарат интеллектуальный;
2. Выставляют кандидата от либеральных сил на президентские выборы 2004 года;
3. Не сбегут за границу, чем опровергнут хотя бы один аргумент из тех, которыми клеймят их конкуренты.

Справедливости ради нужно сказать и вот ещё что. В экстазе борьбы за суперрезультат для «Единой России» Кремль не учел, что у региональных баронов свой счёт к лидерам СПС и «Яблока» конкретно и русским либералам и демократам вообще. А административный ресурс, строго говоря, находится в руках Кремля (в его руках скорее информационный ресурс), а в руках как раз глав субъектов Федерации. И получив команду «не поддерживать», региональные бароны решили отомстить либералам и демократам по полной программе, проще говоря, выражаясь языком «новых русских», «замочить» их. Что и было сделано.

ПОДАРОК ДЛЯ ПУТИНА

Принято считать, что Дума, которую мы получили, есть лучший подарок для президента Владимира Путина. Я очень и очень в этом сомневаюсь.

Монополизм власти есть не подарок и не благо (диктаторами от хорошей жизни не становятся), а тяжелейшее бремя.

Давайте посмотрим, какие политические тенденции, зафиксированные и выборами 7 декабря, получил Владимир Путин к окончанию первого срока своего правления.

Первую мы уже зафиксировали: государственничество пухнет и ширится — либерализм хиреет. Но видеть в этом чью-либо злую волю, Кремля например, просто смешно. Лучше взглянуть правде в глаза. За 12 лет существования в России либерализма как политического течения и конкретной политики он почти полностью дискредитировал себя в глазах большей части избирателей.

Государственничество, державничество, или — на западный манер — этатизм, напротив, набирали силу. И как практическая альтернатива либерализму, так и не сумевшему решить экономические проблемы страны, а главное — дать нечто значимое большей части населения, и как политико-психологическая опора для тех, кого скорее шокировали и раздражали, чем радовали, проявления русского либерализма, часто столь же бессмысленного и беспощадного, как и русский бунт.

Вторая тенденция, ярко проявившая себя в политическом цикле 2000-2003 годов, — дряхление, казалось бы, совсем не старой элиты, пришедшей к власти вместе и вслед за Ельциным. Ни новых идей, ни новой политики, ни новых людей. На либеральном и демократическом фланге — вообще ни одной новой крупной фигуры. Ни одной.

Третья тенденция — громаднейшая по значению, и я не раз об этом писал и говорил. Два главных политических вопроса, вопрос о власти и вопрос о собственности, так до конца и не решены в ходе политических и экономических реформ 90-х годов. Лично я придерживаюсь того мнения, что эта нерешённость фиксирует продолжение в России холодной (латентной) гражданской войны, что объясняет очень многие эксцессы последнего времени. Дело ЮКОСа, например.

А там, где не решены эти вопросы — нет настоящей политической стабильности, нет единства элиты внутри себя и единства элиты и общества. Это — четвёртая тенденция. В России по-прежнему нет общественного договора — свода писаных или неписаных пунктов общественного согласия, затрагивающих основные аспекты социального устройства в реалиях рыночной экономики и политического плюрализма. Общество одновременно и расколото на просоветских традиционалистов и рыночных модернистов, и вообще атомизировано до местами почти полного распада. Война всех против всех и каждого против каждого — вот закон сегодняшней жизни России, вот закон жизни её элиты.

Пятая тенденция — продолжающаяся неопределённость того, какой политический режим формируется в России. Никто с точностью не может сказать, останется ли в ближайшие десять лет Россия президентской республикой или станет парламентской, какие партии в ней сохранятся, а какие исчезнут, каковы будут отношения центра и регионов.

Наконец, шестая тенденция, кажущаяся многим несущественной, но большинством ощущаемая (пусть не осознаваемая) как колоссальная проблема. Это тенденция продолжающейся геостратегической неопределённости. Новая (уменьшенная в размерах) Россия так и не нашла своей самоидентификации. Страна без естественных границ и с границами незащищёнными. Разделённая нация. Страна с по-прежнему глобальными претензиями, но далеко не глобальными возможностями. Не вполне Европа, но безусловно — не Азия. И даже — в силу указанного выше — не совсем Россия.

Это главные, но отнюдь не все тенденции, то есть растянутые во времени и нерешённые или плохо решённые проблемы, которые автоматически задают повестку дня для следующего четырёхлетия власти Владимира Путина. Но главных пунктов в этой повестке три: проблема либерализма, проблема модернизации и проблема сохранения власти. Вокруг этих трёх пунктов и будет крутиться вся внутренняя политика Путина в 2004-2007 годах.

ВСЕВЛАСТИЕ И БЕССИЛИЕ

Думские выборы завершились. Представим, что думает Владимир Путин, анализируя их результаты.

Левые (КПРФ) — по-прежнему значимая сила. Особенно если найдут в себе силы модернизироваться.

Либералы слабы как никогда. А потому частью растеряны, частью озлоблены, частью напуганы. В общем — деморализованы, а потому способны на любые глупости.

Так называемые центристы, а точнее — управляемые державники, имеют большинство в Думе. Казалось бы, желанный результат достигнут. Но радости нет.

Настоящей партией «партию победителей» назвать нельзя. Поэтому и бессмысленно строить на основе её доминирования в Думе игру в двухпартийную политику. А однопартийная политика — это вся ответственность на президенте.

Более того, эта партия опасна, ибо не чем иным, кроме как партией бюрократии, она не является. А бюрократия, и это Путин прекрасно понимает, главное зло России и главный враг того, кто во главе России стоит. Можно строить любые вертикали власти, но бюрократия всё равно выхватит эти вертикали из рук президента. Можно быть либералом, можно — консерватором, можно — социалистом. Бюрократия всё равно будет пропускать сквозь себя только такие решения президента, которые выгодны ей.

А теперь своими собственными руками президент ещё и создал бюрократии политическую и партийную легитимность, дал рычаги воздействия на законотворческий процесс.

Сформировать правительство на основе этой партии? Не будет никакого движения вперёд. Сформировать беспартийное правительство? Значит, противопоставить это правительство «партии победителей» и опять мучительно из Кремля руководить проводкой каждого из нужных законов. Зачем

тогда нужно было затевать всю эту историю с партией власти?

А ведь нужно проводить зачистку губернаторов, явно засидевшихся на своих местах. Но все они — творцы успеха партии власти на выборах. И каждый попытается если и не сохранить своё место, то хотя бы оставить своего наследника на нём, продолжая контролировать из закулисья положение дел в своих регионах.

Словом, как ни крути, опять нет иного выхода, кроме усиления президентской власти и использования внеправовых мер борьбы с непокорными. И это в тот момент, когда в руках, казалось бы, вся власть, когда конкурентов нет и самое время заняться решением важнейших проблем страны, дабы, помимо прочего, оставить по себе добрую память в российской истории.

Что же теперь, когда вроде бы всё у тебя в руках, а государственный механизм всё так же неэффективен и неподконтролен, делать?

ПРОБЛЕМА ЛИБЕРАЛИЗМА

Уничтожив либералов как политический класс, в первую

очередь за счёт их собственного самоуничтожения, Владимир Путин оказывается перед тем, что он сам становится

191

главным и единственным либералом во власти. Как отстаивать рыночные принципы, когда с одной стороны — коммунисты и державники, ратующие в лучшем случае за госкапитализм, а с другой стороны — центристы, желающие госкапитализма с олигархической добавкой, ибо их собственные богатства находятся внутри этих олигархических структур?

Надо начинать войну с губернаторами, держателями контрольных пакетов акций в тех крупнейших структурах, которые остались после разгрома и усмирения олигархов общероссийских. Но на кого опереться? Не на КПРФ же?

Общеземельных олигархов не интересовал мелкий и средний бизнес — основа нормальной рыночной экономики, просто потому, что они делали деньги на другом. Они не помогали становлению этого бизнеса, но не убивали его. Олигархи региональные не столь равнодушны к этой материи. Для них средний и мелкий бизнес — конкурент. Они равнодушны к нему. Они его ненавидят (если он не под их контролем) и уничтожают.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ

Россия отстаёт. Удвоение ВВП или утроение проблемы не решает. Нет инвестиций в производственную и инновационную сферы. Сырьевым олигархам эти инвестиции были не нужны, но и региональные олигархи — тоже в основном сырьевые. В природных богатствах, контролируемых ими, ключ их могущества и процветания. Но они не только являются партией власти, они — сама власть в регионах. Отобрав ресурсы на модернизацию у них гораздо сложнее, чем у федеральных олигархов, ресурсы которых идут на поддержание федерального бюджета со всеми его колоссальными расходами, так до сих пор и не покрывающими нужды страны.

Следовательно, остаётся традиционный вариант российской модернизации (Пётр Великий, Екатерина, Александр II, большевики) — за счёт народа. Но взять-то с него нечего. И где вообще этот план модернизации — с целями, приоритетами, механизмами, теми же ресурсами? Кто его читал?

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ

Она, как всегда, сводится к двум аспектам. Её не хватает в пространстве и во времени.

192

Партия власти, являющаяся партией власти бюрократии, а не партией власти президента, создаёт больше проблем, чем решает. Следовательно, для того, чтобы решить проблемы второй президентской легислатуры Путина, нужно эту партию власти либо разрушить, либо авторитарно возглавить (а дадут ли это сделать — ведь это та же проблема, что и управляемость бюрократии в стране в целом). Во всяком случае мало шансов на то, что удастся наложить налог на модернизацию на членов партии победителей, реально не подчинив их себе. А сразу же сделать это не удастся.

Но это можно попытаться сделать постепенно, для чего необходим резерв времени, явно превосходящий отведённые Конституцией четыре года президентства.

Словом, важнейшей проблемой второго президентства Владимира Путина автоматически становится проблема увеличения этого срока. Естественно, на вполне законных основаниях, без нарушения Конституции.

Со стопроцентной уверенностью можно сказать, что проблема легитимного продления пребывания Путина у власти станет одной из главных забот если и не его самого, то по крайней мере его команды. И причин тому, помимо той, что я уже назвал, много, всех и не перечислишь.

КАК ОСТАВИТЬ ПУТИНА У ВЛАСТИ?

Есть пять наиболее целесообразных и реальных сценариев решения этой задачи, и сегодня трудно сказать, какой из них будет выбран. Многое будет зависеть как раз от того, как сложатся реальные, а не официальные взаимоотношения Путина и «Единой России» после выборов 7 декабря и 14 марта.

А СЦЕНАРИИ ТАКОВЫ

Первый. Через референдум внести поправку в Конституцию, увеличивающую срок пребывания Президента у власти с четырёх лет до семи-восьми. При нынешней популярности Путина и отсутствии хоть какой-то альтернативной фигуры это наиболее простой способ, но он создаёт прецедент изменения Конституции, чего многие боятся, да и сам президент уже успел отвергнуть.

Второй сценарий. Он хорошо известен, ибо описывался ещё в ельцинские времена и связан с созданием нового Союзного государства (России и Белоруссии или в более крупном масштабе). В принципе это идеальный вариант, хотя и требующий для своей реализации решения очень многих сложных проблем. В любом случае, и не только по этой причине, политика интеграции постсоветского пространства во второй срок путинского президентства будет резко активизирована.

Третий сценарий. Превращение де-факто или даже де-юре России из президентской республики в парламентскую. Вот, строго говоря, для чего нужна «Единая Россия» как партия, обладающая большинством в Госдуме. Для реализации этого сценария, кроме партии власти, нужны ещё несколько элементов: управляемость Совета Федерации (наличествует), Конституционного суда (спорный вопрос), неамбициозный и верный наследник на посту президента в 2008 году (техническая на сегодняшний день проблема, хотя лично я предвижу, что к 2007 году в России непременно появятся две-три абсолютно новых сильных харизматических фигуры как претенденты на пост президента — слева и справа).

По этому сценарию Путин передаёт президентскую власть своему человеку, который не сопротивляется тому, чтобы реальная власть в стране перешла к главе правительства, которым становится Путин. А главой правительства, по Конституции, можно быть сколь угодно долгий срок.

Такое продление власти можно осуществить и без изменения Конституции.

Четвёртый сценарий. Более жёсткий вариант третьего. Россия остаётся президентской республикой, но только президент (что требует изменения Конституции) избирается не прямым всенародным голосованием, а парламентом. Этот сценарий маловероятен, ибо слишком недемократичен.

Пятый сценарий. Его я подробно описывал год назад в большой статье, посвящённой 50-летию Путина. Коротко говоря, он сводится к следующему.

В ходе второго срока президентства Путин начинает «официально» возглавлять партию власти. Эта партия приводит к власти в 2008 году слабого или неамбициозного политика, но формирует сильное правительство во главе с Путиным. К выборам 2012 года (тогда ему будет всего лишь 59 лет)

глава правительства становится главным кандидатом на пост президента, а Конституция России не запрещает повторного избрания на президентский пост после перерыва. Этот сценарий требует того, чтобы фактически уже с 15 марта 2004 года Владимир Путин лично и каждодневно занимался делами «Единой России», превращая эту партию из номинально своей в реально свою.

НЕДОРЕФОРМИРОВАННАЯ РОССИЯ

Проблема власти — слишком серьёзна, чтобы её мог игнорировать человек, находящийся у власти. Совершенно очевидно, что при всех успехах первого путинского четырёхлетия за второе он не сможет и не успеет решить всех фундаментальных проблем, которые стоят перед Россией сегодня. Преемник в России — это всегда смена курса (это происходит не только с 1917 года, но фактически от Петра Великого). Наша Россия (при всей моей любви к ней) — это перманентно недоделанная (изящнее — недореформированная) страна, поэтому столь понятно подсознательное стремление правящего класса всякий раз длить до бесконечности пребывание на высшем посту того, кто его занимает.

Ельцин, сделав полушаг вперёд, решил продлить себя не в самом себе (возможно, потому, что уже не чувствовал силы), а в преемнике.

Как решит эту проблему гораздо более молодой Путин?

И только ли от него будет зависеть его решение?

Монолитность рядов победителей, как правило, сохраняется только до первых кадровых назначений. Удовлетворить запросы всех, не обидеть никого просто невозможно. Многопартийность хороша уже тем, что даже личные склоки объективизирует в политическую борьбу. Монопартийность и политическую борьбу превращает в аппаратные склоки. А кроме того, вне конкурентной среды, не опасаясь критики и разоблачений оппозиции, партия власти начинает, особенно если возникают сложные проблемы, которые она не способна решить, просто обманывать лидера. А он лишается возможности наказывать обманщиков, ибо всякое наказание становится дискредитацией собственной партии. С зауживностью зубной боли возникает тоска по мощной легальной оппозиции. Не может же её заменить одна Генеральная прокуратура.

Но главное — получившие всё чаще всего предпочитают вообще останавливать реформы. Ибо всякие реформы — это, как правило, начало отстранения от власти тех, кто их затеивает и ведёт. Если кому-то в нашем правящем классе это неизвестно по мировому опыту, то история Горбачёва и русских либералов 90-х годов всеми глубоко прочувствована.

Ситуация, в которой оказался Путин, внешне столь благополучная, требует от него и его команды интеллектуального прорыва такой мощи и целеустремленности, какой не создашь простым вращением властных механизмов. По сути, нужна интеллектуальная революция. Единственная из всех революций, которая пока так и не случилась в России в конце XX века и начале века XXI-го.

Раньше для того, чтобы избраться в российскую Думу, нужно было ругать коммунистов. Теперь успех приносит клеймение и коммунистов, и либералов. Если к 2007 году к ним добавятся ещё и державники, то более клеймить будет некого. И соответственно некого в пятую Думу будет избирать.

Мы имеем последний шанс — либо плод демократии в России всё-таки созреет, либо опять сгниёт. Согласитесь, есть причины быть неравнодушным и к делам севедекабрьской Думы, и к политическому

процессу в нашей стране вообще. Можно сказать — впереди решающее четырёхлетие.
196

Раздел 3. Моя история РОССИИ. ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОБЫТИЯХ И ПЕРСОНАЖАХ

197

Апология Горбачёва, или Эпитафия перестройке

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 12.03.1991

Приближается шестая годовщина начала перестройки — политики реформирования советского общества, провозглашённой Михаилом Горбачёвым и проводившейся под его руководством. Сегодня эта политика исчерпала себя, но её позитивный итог всё-таки столь велик, что не может быть сведён на нет даже самыми трагическими и кровавыми её ошибками.

Необходимость «инвентаризации» положительных результатов перестройки диктуется тем, что игнорирование благ, принесённых ею, неизбежно обернётся злом реакционной постперестройки. Волею политических судеб мы переходим от одной стадии реформ к другой под президентской властью того самого Михаила Горбачёва, чья хаотическая перестройка оказалась теперь исчерпанной. Но Горбачёв остаётся пока тем политиком, от личной воли которого во многом будет зависеть содержание постперестройки. И на эту волю необходимо влиять в интересах резкого повышения демократического градуса грядущего политического процесса. Необходимо сделать так, чтобы занявший в последнее время «охранительную» и недвусмысленно консервативную позицию Горбачёв стал если и не поборником радикально-демократической постперестройки, то хотя бы лояльным ей руководителем высшей власти в стране. Это трудно, ибо битва демократов и консерваторов «за Горбачёва» на сегодняшний день окончилась победой последних. Причин тому много, но я хочу поговорить о другом, хочу выйти из сложившейся по иронии судьбы временной и вынужденной «ан-

тигорбачёвской коалиции» реакционеров и демократов, объединившихся в критике Горбачёва. Это стоит сделать потому, что такая «консолидация» — плохая основа для борьбы за демократическую постперестройку, кто бы её ни возглавил.

Всё, о чём я скажу ниже, не может быть поставлено в прямую заслугу одному Горбачёву. Разумеется, далеко не всё, к чему он привёл страну, является результатом задуманной им перестройки. Но зато несомненно, что это является результатом начатой и проводившейся им политики. Когда совершается преступление, то вопрос о наличии или отсутствии умысла является, безусловно, решающим. Когда же совершается благое деяние, то соответствие результата замыслу исполнителя, право же, достаточно второстепенно. Во всяком случае, куда важнее проблема средств и издержек. Издержек, кровавых и бессмысленных, было более чем достаточно. Что касается средств, то они были в целом вполне приемлемыми.

Для меня очевидно, что политику перестройки можно было вести разумнее, успешнее, радикальнее, быстрее, демократичнее, чем это делал Горбачёв. Но здесь уже ничего не изменишь.

Изменить можно будущее, но не прошлое. Наше будущее — это постперестройка. И мы должны быть к ней готовы лучше, чем были готовы к перестройке.

Я задумал «Апологию Горбачёва» как «эпитафию» его предшествовавшей политике, «эпитафию перестройке». По законам жанра эта эпитафия должна соответствовать мудрому латинскому «De mortuis aut bene, aut nihil».

Победы перестройки, естественно, нельзя ставить в заслугу лично и одному Горбачёву. Разумеется, и хрущёвская «оттепель», и даже брежневский застой готовили их. Страна была беременна перестройкой, а Горбачёв только принял роды и руководил воспитанием младенца первые шесть лет. Но важно отметить, что именно Горбачёв, а не КПСС, которая сразу же попыталась записаться в матери к новорожденной политике. Кроме того, Горбачёв имел возможность задушить младенца в колыбели, однако не сделал этого. Более того — помог ему встать на ноги и развить в себе самостоятельный характер. Если склоняться к афоризмам, то этим можно было бы и исчерпать «Апологию Горбачёва». Но одни и те же афоризмы часто используются для оправдания прямо противоположных политических доктрин. Поэтому всё-таки — «Апо-

199

логия политики Горбачёва в её международной и внутренней, разрушительной и созидательной ипостасях, или Горбачёв как предтеча демократической постперестройки.

ПОЗИТИВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

1. Политикой перестройки Горбачёв нанёс сокрушительный и едва ли не смертельный удар по тоталитаризму, оплотом которого до 1985 года оставался СССР. Крах многочисленных, но более мелких тоталитарных режимов как в «лагере социализма», так и вне его, наблюдавшийся в последовавшие за 1985-м годы, был в значительной, если не в решающей степени следствием отказа Горбачёва от тоталитаризма внутри СССР.

2. Развал мирового коммунистического движения, существовавшего в последние десятилетия в тоталитарных или близких к тоталитарным формам.

3. Вывод «революционного терроризма» из-под опеки Москвы и создание тем самым возможности

для объединения усилий всех стран в борьбе с международным и национальным терроризмом.

4. Освобождение Восточной Европы от советской оккупации.

5. Снижение военного противостояния в мире и Европе.

6. Прекращение одной из самых постыдных и бесславных войн в истории страны — войны в Афганистане.

7. Воссоединение Германии, то есть решение советско-германского вопроса и германского вопроса как источников напряжённости в Европе.

8. Возрождение веры Запада в возможность демократического развития СССР, о чём в предшествующие перестройке годы говорили лишь крайне немногочисленные и наиболее изощрённые советологи. Политика Запада стала строиться на основе «презумпции неагрессивности» СССР, что резко ослабило напряжённость, по крайней мере в Европе.

9. Восстановление добрососедских отношений с «восточным гигантом» — Китаем.

10. Возвращение России и остальных республик, входящих в СССР на его европейской территории, в лоно западной, а шире — и мировой цивилизации, что безусловно — особенно в перспективе — укрепляет эту цивилизацию.

200

11. Воссоединение народов СССР с диаспорой, что может быть расценено как шаг одновременно и к человеческому, и к экономическому, и к политическому объединению мира.

12. Отказ от сопротивления «бархатным» (в разной степени) революциям в Восточной Европе, а в иных случаях и поощрение таких революций создало на западных границах СССР цепь дружественных режимов, а в перспективе, вероятно, и союзнических государств.

13. В целом — укрепление международной безопасности как СССР в целом, так и входивших в него суверенных республик.

ВНУТРЕННИЕ ПОЗИТИВНЫЕ РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

14. Разрушение основ тоталитарной системы в СССР до такой степени, что восстановление в стране тоталитаризма уже просто невозможно.

15. Разрушение КПСС как партии «заговорщического», «нелегального» типа, властвовавшей над страной «из подполья» через разветвлённую сеть легальных репрессивных, властных, политических, пропагандистских и даже специальных медицинских структур.

16. Ослабление самих репрессивных структур в той их части, в которой они обслуживали тоталитаризм и коммунистический монополизм.

17. Ликвидация империи, восстановленной после падения царизма Лениным и укреплённой Сталиным. Ослабление имперского мышления в обывденном и особенно в политическом сознании.

18. Начало разрушения системы и структур экономического государственного монополизма.

19. Отказ от наиболее одиозных догматов марксизма-ленинизма, в первую очередь — от классовой борьбы и диктатуры люмпенизированных слоев населения. Разрушение соответствующих политических, профессиональных и пропагандистских структур.

20. Не отказавшись полностью от системы вождизма в партии, Горбачёв всё-таки ликвидировал структуры и привычки, формирующие систему обязательного «культа личности» генсека КПСС.

201

21. Действуя методом проб и ошибок, Горбачёв исчерпал «ускоренческие», экстенсивные, вяло-реформаторские, декоративные методы перестройки. Все они продемонстрировали свою неэффективность, а потому могут быть отброшены за ненадобностью, но без упрека в том, что не были испробованы.

ВНУТРЕННИЕ ПОЗИТИВНЫЕ СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

22. Горбачёв дал импульс новому динамичному развитию страны, импульс такой силы, который не может сравниться ни с хрущёвской «оттепелью», ни с экономическими реформами брежневского периода.

23. Непрерывающиеся, пусть и хаотичные реформы создали в обществе инерцию реформаторства, которая уже сегодня достаточно успешно противостоит инерции монопольно-партийной командно-административной системы.

24. Перестройка дала такой объём прав и свобод, которого никогда не имели советские люди за всю историю коммунистической власти в стране.

25. Гласность при этом переросла в свободу слова и печати, хотя монополизм официальных органов информации всё ещё существует.

26. Воссоздана свобода совести.

27. Родилась и легализовалась оппозиция — важнейший политический и социальный институт, борьбе с которым большевики посвятили себя практически со следующего, после захвата власти, дня.

28. Кадровое обновление. Серией «чисток», а затем и демократических выборов, что уже отличается от большевистских методов, к руководству различными социальными институтами были приведены новые, а часто и молодые люди, не связанные со старыми структурами или оппозиционные им. Эти новые кадры — реформаторы по своей личной судьбе.

29. Сближение власти с интеллигенцией, со специалистами, чего не могли и не хотели сделать ни Хрущёв, ни Брежнев, как люди низкой культуры, лишённые привычки к получению образования и, соответственно, лишённые какого-либо пиетета перед культурой и знаниями.

30. Сближение политики с народом. Рождение самого понятия «популизм» даже в негативном смысле (как заигрыва-

ние перед избирателями) — лучший признак этого. При Сталине, Хрущёве, Брежневе, Андропове ни одному человеку, рассчитывающему сделать политическую карьеру, и в голову бы не пришло учитывать интересы избирателей, ибо кадровый отбор шёл лишь по линии лояльности по отношению к вышестоящим.

31. Созидательный путь перестройки был если и не лучшим, то и не худшим в смысле использования насилия. Никогда прежде система так не боялась обнаружить свою причастность к кровопролитиям. Даже самый «цивилизованный» из предшествовавших непосредственно Горбачёву лидеров — Андропов — начал свои реформы с «закручивания гаек», с попытки восстановить «железную дисциплину».

32. Стремление к честной политической борьбе. Разумеется, на этом пути сделаны только первые шаги, но такие шаги, сделать которые даже не приходило в голову кому-либо из предшественников Горбачёва. В результате мы получили систему, в которой политическая лож не перестала быть оружием, но зато теперь эта лож становится очевидной сразу же, как только к ней прибегают.

33. Помимо оппозиции Горбачёв создал в собственном окружении тех, кто, придя ему на смену, неизбежно более или менее последовательно продолжит начатое им дело. Практически отпал риск того, что преемник Горбачёва повернёт развитие страны вспять. Сегодня есть по крайней мере четыре политические фигуры, которые могут составить альтернативу Горбачёву, — Ельцин, Лукьянов, Янаев, Павлов. Это отдельная и очень интересная тема, я собираюсь вернуться в специальной статье, а сегодня лишь зафиксирую её как факт.

34. Своим поведением Горбачёв очеловечил и демифологизировал образ руководителя, отказался от преследования других за критику собственных действий, слов и даже официальной политики. Критика превратилась из монопольного оружия власти во всеобщее достояние.

35. Возрождена система, при которой побеждённые политики не уходят в физическое и политическое небытие. Более того, они получают возможность вернуться на политическую арену даже и помимо воли властных структур. Этот путь уже прошли Ельцин и Алиев. Возможно, по нему пройдут и Лигачёв, и Шеварднадзе, и Александр Яковлев.

36. Горбачёв заставил номенклатуру публично бороться за сохранение своей власти, то есть практически подключил её к реформаторской деятельности, ибо публичная борьба даже за власть, даже за свои привилегии есть цивилизованный, а не заговорщический метод политического действия, что в конечном итоге работает на укрепление реформаторства.

37. Репрессивные органы переведены из категории всегда правых и всегда обвиняющих общество в каких-либо грехах в категорию критикуемых, «обороняющихся», то есть вынужденно подчинённых интересам общества, а не только собственным инстинктам и интересам.

38. Приостановлена распродажа страны, «самоедство» как неосознанная, но целенаправленная политика советского руководства всех уровней, включая высший государственный.

39. Перестройка вплотную подошла к передаче земли крестьянам.

40. Совершена настоящая культурная революция — сняты, наконец, практически все барьеры (кроме материальных) на пути «потребления» всего того, что составляет богатство отечественной и мировой культуры.

41. Перестройка реально освободила республики от диктата Центра. Даже при Хрущёве нельзя было и помыслить о том, чтобы Украина, Казахстан или Литва проводили сколь-нибудь самостоятельную экономическую или политическую линию. Всё республиканское «диссидентство» не выходило тогда за рамки развития национальных культур.

42. Горбачёв затвердил необходимость самосовершенствования политика, находящегося на высшей ступеньке власти в СССР. Все предшествовавшие Горбачёву руководители СССР «подгоняли» страну под себя. Горбачёв первым стал «подгонять» личное политическое поведение под процессы, идущие в стране.

43. Проложен путь политической и экономической либерализации, более необратимый, чем даже ленинский нэп, сокрушённый Сталиным.

44. Горбачёв подошёл вплотную к идее коалиционной власти, что является даже более важным, чем вынужденный и неискренний отказ КПСС от монополии на власть, шагом к настоящей политической реформе.

45. Горбачёв стал «заложником перестройки», то есть политиком, который, несмотря на все колебания, шарахання и

отходы назад, несмотря на то, что безусловно является и «заложником» старых структур и корпоративных связей, всё-таки лично и официально (как Президент СССР, а не генсек КПСС) превратился если и не в «ускорителя» прогресса, то определенно — в «тормоз» для регрессивного движения общества.

46. Огромная созидательная деятельность шести лет перестройки была, безусловно, и хаотичной, и избыточной, но зато теперь существуют как бы дублирующие системы, гарантирующие нас от возвращения назад. Кроме того, путём отсеечения «всего лишнего» из вновь созданного можно действительно построить демократическое правовое государство и возродить гражданское общество в стране. Наконец, за шесть лет «реформаторского хаоса» нами приобретён такой исторический опыт, который в иных условиях накапливался бы многие десятилетия.

О ПОСТПЕРЕСТРОЙКЕ И ЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ГОРБАЧЁВА

Думаю, что наличие политического честолюбия у Горбачёва не нуждается в доказательствах. В молодом, по коммунистическим стандартам, возрасте через активное экспериментирование в бесперспективной и неидеологической сфере жизни страны — сельском хозяйстве (эксперименты здесь особенно приветствовались, потому что даже «толстокожие» советские вожди чувствовали над собой дамоклов меч «продовольственной проблемы») — Горбачёв вошёл в советскую правящую элиту.

Честолюбие, помноженное на абсолютную власть в виде поста генсека ЦК КПСС, позволило Михаилу Горбачёву начать грандиозный эксперимент по превращению до зубов вооружённого колосса на глиняных ногах в современную цивилизованную сверхдержаву. Пока не удалось. Воспитанный на колхозном строе партаппаратчик стал лучшим министром иностранных дел среди всех президентов мира. Хуже обстоит дело с самым сельским хозяйством — здесь не с кем сесть за стол переговоров, некого поразить новым мышлением. Здесь просто нужно сдаться на милость победителя — свободного крестьянина, который затем по гроб жизни будет кормить побеждённого. Но Михаил Горбачёв не любит проигры-

205

вать, и поэтому ему труднее понять отечественных крестьян, чем иракского диктатора. Да, таковы позитивные результаты перестройки — все они имеют оборотную сторону, и на 46 тезисов «за» любой — в том числе и я — легко приведёт 146 «против». Но ведь шесть лет назад не было ни одного «за».

1991 год — год «смены вех». Политику перестройки будет постепенно вытеснять постперестройка. Она уже появилась и может обойтись без Михаила Горбачёва, тем более без генсека ЦК КПСС Горбачёва, что, кстати, по законам новой жизни не будет теперь означать финала его политической карьеры. Но кто бы ни шагнул в постперестройку официальным лидером страны, он должен сделать выбор, на что опереться — на 46 горбачёвских «за» или на 146 «против». История не простит лидеру постперестройки кровь и ошибки так легко, как прощала их первопроходцу Горбачеву. Заслужить «Апологию» в стране, живущей по законам демократии, пусть и молодой, многократно труднее, чем в тоталитарном обществе. Хотя бы потому, что диктаторы чаще всего правят долго, а потому легче «врастают» в историю. Демократические же, но бездарные президенты бесследно уходят в небытие. С помощью такого простого механизма, как президентские выборы. Этот механизм для того и придуман, чтобы избавлять общество от сидящих у него на шее глупцов и снобов. И Горбачёв такой механизм у нас создал.

206

Первый год президента Бориса Ельцина

Между реформами и реставрацией

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 11.06.1992

12 июня 1991 года Борис Ельцин был избран первым Президентом России (тогда ещё РСФСР). Он был избран в первом же туре голосования — вопреки прогнозам тех, кто по абсолютно непонятным причинам ещё верил в идею «нового Союза» и в Михаила Горбачёва как его лидера и координатора реформ в стране в целом. Победа Ельцина подвела черту под, как минимум, двумя историческими эпохами. Под существованием Российской империи (в последние 70 лет имевшей название СССР и находившейся под властью партийной коммунистической номенклатуры). И под существованием собственно советского коммунистического режима.

Именно в этом — главное значение того, что произошло год назад. Какие бы победы или, наоборот, беды ни последовали за этим событием, все они — ничтожно малы в сравнении с этим историческим поворотом. И все — лишь производное от него.

Единственным сравнимым по масштабу с 12 июня 1991 года событием было 11 марта 1985 года — день избрания Михаила Горбачёва генсеком ЦК КПСС. Соотношение между двумя датами и событиями — прямое, причинно-следственное. Без того, что произошло в марте 85-го, не было бы и того, что произошло в июне 91-го.

У 12 июня 1991-го есть свой исторический дубль — первая попытка выхода в новый исторический космос, попытка неудачная. Это 29 мая 1990 года — день избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР. Всё, что произошло между двумя этими датами, — отдельная тема, и сегодня я не буду её касаться.

207

ИНОГДА ИСТОРИЯ ОБРАТИМА

Разбираться в нашей исторической каббалистике — дело увлекательное и поучительное. Хотя и говорят, что история необратима (что в целом верно), а рассуждения о ней в сослагательном наклонении бессмысленны, смею утверждать, что случается и обратное. И это доказывается примером того, что мы пережили и уже стали забывать.

К концу дня 12 июня 1991 года крах СССР стал абсолютно, стопроцентно неизбежен. Все последующие, до официальной его (СССР) ликвидации, месяцы — не более чем агония с предрешённым концом. Был августовский путч или не был — не важно. Был бы подписан 20 августа новый Союзный договор или нет — важно в ещё меньшей степени. Более того, если бы даже Борис Ельцин скорострительно скончался утром 13 июня 1991 года (допущение, вполне извинительное при анализе действий политиков и политики такого уровня), ничего изменить уже было бы нельзя. Ибо это был как раз классический случай

того, что Михаил Горбачёв называл словами «процесс пошёл». И в этом, кстати, отличие 12 июня 1991 года от 11 марта 1985-го, ибо если бы 12 марта или даже апреля 1985-го скончался генсек, мы могли бы сегодня жить в прежней стране.

Поскольку необратимость исторических процессов набирает силу постепенно, не вдруг, то надо признать, что исторический шанс на сохранение СССР (безусловно, под другим названием и при другом режиме) как единой страны всё-таки был. И существовал этот шанс до 25 мая 1989 года — до того момента, как Ельцин снял свою кандидатуру из списка претендентов на пост Председателя Верховного Совета СССР (I съезд народных депутатов СССР). Если бы он не сделал этого, а Михаил Горбачёв выступил за его избрание и если бы избрание состоялось, то последующие годы могли бы быть (но необязательно, чтобы были) другими. И ещё короткое время после этого — примерно полгода до начала кампании по выборам народных депутатов РСФСР (в результате которой Ельцин возглавил Верховный Совет России) — существовала перспектива сохранения Союза как единого целого: если бы Горбачёв в этот период «назначил» Ельцина (в той или иной форме) своим официальным политическим преемником — «престолонаследником главы Союза ССР». Но и этого

208

не произошло. Такое же назначение, сделанное даже весной 1990-го, а уж тем более весной или летом (например, 11 июня) 1991 года, уже ничего бы не дало.

КАКОВА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕЛЬЦИНА ЗА РАЗВАЛ СССР?

Она равна нулю. Собственно, все предыдущие рассуждения и приведены мною для того, чтобы показать это.

Да, окончательный развал СССР случился тогда, когда Ельцин стал Президентом России и превратился в более сильную (в масштабах СССР) политическую фигуру, чем Михаил Горбачёв. Но это уже ничего не значило.

Да, Ельцин был одним из трёх участников формальной ликвидации СССР, участником государственного переворота, в результате которого Михаил Горбачёв более удачно и куда более безболезненно, чем в августе 1991-го, был отстранен от власти (которой, впрочем, тогда уже почти не имел — кроме ядерной кнопки, разумеется). Но и это уже мало что меняло в существе финала исторической драмы под названием «СССР».

К «беловежским» действиям Бориса Ельцина можно предъявить множество претензий, и действительно можно признать, что «Кравчук обхитрил Ельцина» и Россия слишком мало «взяла» (в гарантиях лояльности, в первую очередь) с отпущенных на волю «братских республик». Но обвинять врачей в том, что они зафиксировали на бумаге «летальный исход», нельзя. Союз уже был явно мёртв.

Равным образом абсолютно необоснованны все упреки Ельцину в «разгроме» или «запрете» КПСС. Она умерла ещё раньше СССР — умерла и исторически, и фактически. Упрёк здесь можно бросить лишь Горбачёву — почему он заметил (или признал?) это позже, чем всё остальное население СССР?

* * *

Сделанные замечания позволят мне дальше не останавливаться на пустых обвинениях, предъявляемых Ельцину по результатам первого года его президентства, и сосредоточиться на действительно существенных проблемах (в том числе ошибках и промахах) президента России.

209

И ВСЁ-ТАКИ СССР ЖИВ!

История состоит из парадоксов. История России — особенно. История Советской России — парадоксальна насквозь.

Взглянем на сегодняшнюю нашу (российскую) жизнь сквозь очки, пропускающие всё, кроме конкретного образа президента страны, и забудем о его имени. Забудем также о переменах в названии некоторых учреждений (например, вместо КГБ — МБ РФ). За этими незначительными и временами чисто визуальными исключениями всё остальное — как прежде. Те же президентские самолеты и автомобили; те же поездки за рубеж (например, на встречу с суровой «большой семеркой») на предмет поиска кредитов; те же приёмы в Кремле (и в тех же залах); тот же тон и пафос официальной информации и новостей Центрального (останкинского) телевидения (даже Российское телевидение почти все так же более оппозиционно, чем 1-й канал); во многом те же лица среди политической элиты, а порой и те же оппозиционеры (например, Юрий Афанасьев, с одной стороны, и Владимир Исаков — с другой)...

Нет, в России СССР не умер до конца. Он лишь скукожился до собственно российских границ. Уверен, с этим ощущением живут десятки миллионов людей.

Конечно, СССР умер (и гораздо ранее декабря 1991 года), но дело, если воспользоваться большевистской (то есть наиболее привычной нам) терминологией, его живёт. Живут созданные им психологическое, географическое, правовое, военное, экономическое, финансовое и все иные пространства. Даже и в совершенно точно отделившейся от СССР (и России) Балтии.

Нет никакого СНГ, и ещё вопрос, возникнет ли оно (это Содружество) в будущем. Есть некая аморфная структура с неким аморфным названием, фиксирующая неподвластные ей процессы завершения распада СССР. Геннадий Бурбулис, если я не ошибаюсь, признавался, что концепция СНГ так и была задумана ещё весной 1991 года. Если даже он выдает желаемое за действительное, а скорее всего, это не так, то всё равно — на сей раз диагноз поставлен точно. И вот это существенно. В том числе и для России. И для первого года правления её президента.

210

Ибо в новой России началась быстрая регенерация умерших в масштабах СССР механизмов, традиций, структур, политических персонажей. Не только в России, но я сейчас говорю о ней.

С осени 1991 года у нас начались и благополучно развиваются по сей день два до того противоположных в политическом отношении процесса: реформирование государственного режима и реставрация структур СССР.

Дурацкие, чтобы не сказать грубее, претензии вывести современную Россию прямо из Российской империи (пропустив стадию СССР) или из какой-нибудь западноевропейской (якобы прерванной революцией 1917 года) традиции не заслуживают серьезного разбора. При этом нужно учесть, что для меня, как и для большинства других жителей бывшего Советского Союза (и уж точно — для большинства жителей России), «СССР» не является исключительно ругательным словом.

Мне кажется, что в первые недели после августа 1991-го все мы (и Ельцин в том числе) просто не понимали, что реставрация произойдет и что это процесс объективный.

ЕЛЬЦИН - ГОРБАЧЁВ, РОССИЯ - СОЮЗ

История распада СССР очень хорошо нам знакома и по существу равна истории перестройки. Поэтому сравнение проблем нынешней России и проблем Союза 1985—1991 годов поможет уяснить, каков итог первого года президентства Бориса Ельцина. Для наглядности этого сравнения придется разместить основные проблемы двух государственных образований в таблице.

Можно спорить о корректности тех или иных оценок, но общий итог, на мой взгляд, всё-таки очевиден — он в пользу Ельцина. И определяется этот итог несколькими тенденциями.

Во-первых, распад Союза создал для России (российских властей, и прежде всего президента) ряд проблем, которых фактически просто не существовало для союзного президента (например, защита соотечественников за рубежом).

Во-вторых, России по наследству от Союза достались нерешённые и очень острые проблемы, обострившиеся ещё до ликвидации Союза: проблемы товарного дефицита, внешне-

211

го и внутреннего долга и проч. В этом же ряду стоят не упомянутые в таблице за их очевидностью проблемы: рост преступности, кризис здравоохранения, экологическое неблагополучие и проч.

В-третьих, ряд новых, не существовавших в Союзе проблем возник в России только и исключительно потому, что российское правительство всё-таки начало радикальную экономическую реформу, на которую так и не решилось союзное руководство.

Наконец, плохо или хорошо действовало союзное руководство, но оно действовало на основе семидесятилетней традиции своего существования, соответствующих институтов (включая партию и репрессивные органы), на базе традиций лояльности по отношению к существующей власти. Этого не было и не могло быть у России ни накануне августа 1991 года, ни после него, ни даже после ликвидации Союза.

Достаточно отлаженная система государственной власти, действовавшая в СССР до его ликвидации, пусть плохо, но действовавшая, распадавшаяся, но действовавшая, не была приспособлена для управления одной Россией, хотя и располагала всеми основными своими элементами на территории этой республики. Более того, она была настолько интернациональной (имперской), что не могла быть в неизменном виде перенесена на меньшее географическое пространство. Самые стабильные её элементы вообще были экстерриториальны по отношению к России, правопреемнице и наследнице СССР. Это система Министерства иностранных дел с сопосольствами за рубежом, Вооружённые Силы с зарубежными группировками войск, внешние спецслужбы (ярко выраженная экстерриториальность этих институтов, выходящая за пределы не только России, но и Союза, помогла оставить их в орбите Москвы). Таким образом, после ликвидации Союза и экспроприации Россией союзных структур часть из них сразу же стала не помощниками новой власти (как, например, МИД), а лишними элементами, устранение которых требовало дополнительных усилий.

Но, может быть, самое главное то, что смерть Союза и КПСС, давно уже неизбежная, всё-таки застала врасплох руководителей столь обширного государства, как Россия. Все давно мечтали о ликвидации КПСС, но формальное её устранение тут же обострило проблему управляемости государ-

212

ством. Строго говоря, Ельцину удобнее было бы не запрещать КПСС и РКП, а, поменяв Политбюро и первых секретарей на местах, заставить всю структуру работать на себя. Разумеется, это было бы неприемлемо политически и вряд ли реально практически. Но тогда бы по крайней мере сохранился тот костяк, хребет государственного управления, который единственный пронизывал всю Россию и при всей своей деморализованности всё-таки был более или менее един. Ибо дублировавшая партийную власть система Советов к тому времени уже была явно раздвоена внутри самой себя, и это объективно (в выборных органах должны быть фракции), а кроме того — ещё и нацелена на конкуренцию или даже соперничество с исполнительной властью.

Не случайно поэтому, что первыми же шагами Ельцина после августа 1991 года стало создание исполнительной вертикали власти, подчинённой ему (президенту) непосредственно либо политически (мэры), либо практически (главы администраций). Разумеется, это была попытка восстановить традиционную для всех географически протяжённых государств (а империй особенно) систему регионального единоначалия, подчинённого Центру. В императорской России это были генерал-губернаторы (то есть, как видно из самого названия, администраторы, объединяющие на данной территории верховную и гражданскую, и военную власть). Практически полными аналогами генерал-губернаторов были

в СССР первые секретари обкомов и крайкомов партии.

Но капитальная трудность для Ельцина заключалась в том, что он не просто восстанавливал управляемость страной, но и стремился создать демократический режим, то есть разделение властей на законодательную (в СССР управлявшуюся из Политбюро, а в конце — группой лиц вокруг А. Лукьянова), исполнительную и судебную (в СССР практически отсутствовавшую за исключением уголовного судопроизводства и некоторых гражданско-бытовых коллизий).

Ельцин оказался в ситуации Горбачёва наоборот. Горбачёв должен был отделять от сильной исполнительной власти сильную же представительную, а затем и судебную (до последней цели он так и не дошёл). А Ельцин ту же задачу должен был решать в обратном направлении. От сильной (в смысле оппозиционности старому режиму) парламентской власти (которую сам Ельцин в тот момент практически и воз-

213

главлял, ибо Руслана Хасбулатова как самостоятельной политической фигуры до конца 1991 года просто не существовало) отделить столь же сильную исполнительную и судебную власть.

С этой задачей за год своего президентства (а фактически меньше, ибо реальный отсчёт нужно вести с начала осени 1991 года, после возвращения президента с послепутчевого отдыха) Ельцин справился не лучшим образом. Во всяком случае здесь сразу же возникли такие конфликты, плоды которых мы пожинаем до сих пор и за развитием которых с интересом наблюдаем.

РЕСТАВРАЦИЯ

Помню, как многие объясняли какой-то высшей государственной мудростью или же особым желанием осенить своим авторитетом экономическую реформу решение Ельцина возглавить правительство. Не знаю, может быть, при обсуждении этой проблемы такие резоны и возникали, но объективно, разумеется, речь шла только и единственно о том, чтобы не создать в неокрепшей и не контролировавшейся вполне из Москвы российской многоцветной (в том числе и этнически) демократии ещё один центр власти. Ельцину уже не нужен был и парламент с его главой, тем более было опасно добавлять к этому самостоятельно действующий и неподотчётный президенту (кроме определения стратегии реформы) Кабинет министров. Сходные коллизии возникли всюду, где конкретно решалась проблема власти, в частности — в Москве и Ленинграде.

Самое неприятное в парламентской системе послепутчевой России составляло не то, что она оппонировала или составляла какую-то конкуренцию президенту. А то, что в этой структуре (равно как и ниже, в структурах местных Советов) коммунисты, будто бы устранённые с политической сцены запретом компартии, получили вполне легальную и безопасную (в силу своей парламентской неприкосновенности) трибуну для борьбы с новой властью. И здесь Ельцин вновь оказался в ситуации Горбачёва, у которого в Верховном Совете СССР возникла оппозиция и справа, и слева. Разумеется, двухпартийная система (одна оппозиция) во многом более стабильна, чем трёхпартийная. Оттого-то и выступает сегод-

214

ня Руслан Хасбулатов полным аналогом Анатолия Лукьянова, хотя в интимных своих политических намерениях это, может быть, и разные люди.

Словом, поскольку объективно ход событий поставил Ельцина в такие условия, а его демократизм не только как бывшего первого секретаря обкома КПСС, но и как всякого человека, оказавшегося на посту руководителя, имеет пределы, чрезвычайно быстро стали восстанавливаться авторитарные методы руководства (со свойственными им шараханьями из крайности в крайность), и вообще «гидра союзного централизма» стала регенерироваться на российских просторах. Этому более чем достаточно доказательств даже на чисто лексическом уровне. Проанализируйте названия и тексты последних указов президента и постановлений правительства, которое он возглавляет. Всё привычные по старым временам формулировки: «О мерах по дальнейшему...», «Об ускорении...», «Об обеспечении сохранения...» и т. д. и т. п.

Крайне недальновидно было бы на основе всего сказанного сделать вывод о том, что Борис Ельцин медленно (или быстро), но верно дрейфует в сторону установления личной или президентской диктатуры. Все каламбуры насчет «царя Бориса» или «генсека тов. Ельцина Бориса Николаевича» забавны, но вызваны лишь нашей привычкой воспринимать будущее через привычные стереотипы прошлой жизни. На самом же деле за последний год Россия продвинулась в будущее. И продвинулась очень далеко. Особенно если учесть ту анархию государственной власти и управления, которые царили в ней эти двенадцать месяцев и которые в определённом смысле на порядок превосходили анархию последних месяцев в Союзе ССР.

КАК ОЦЕНИТЬ УСПЕХИ И НЕУДАЧИ?

Легче всего это сделать, обрисовав то, что необходимо России для нормального развития, и сравнив затем это желаемое с действительностью.

1. Сильная демократическая государственная система, основанная на разделении властей. Некий более высокий статус исполнительной власти, скорее всего необходимый в переходный период, особенно в такой географически протяжённой, как Россия, стране, может реализовываться, но

215

только и исключительно в соревновании с представительной властью. Судебная власть должна быть незыблема и беспрекословно авторитетна. Исполнительная власть должна всегда склонять голову перед судебной.

2. Стабильность на внешних границах. Единственным и бесспорным направлением внешней политики России сегодня должно быть обеспечение стабильности или по крайней мере статус-кво на её

внешних границах. Все территориальные споры, претензии и участие в тех или иных «нероссийских» конфликтах должны быть исключены до момента возникновения прочной внутренней стабильности.

3. Трудность решения данной проблемы особенно велика, если учесть, что столь же важным приоритетом должна быть защита прав русского (или желающего быть российским) населения на территориях других республик.

4. Безусловная радикализация экономической реформы. Величайшим достижением российского руководства в сравнении с союзным стало то, что Ельцин начал реформу, о которой целых шесть с половиной лет лишь говорили союзные руководители. Несмотря на все ошибки, просчёты, дело сдвинуто с мёртвой точки. Хороши все шаги, в том числе и компромиссные, которые ведут к раскручиванию, а не сворачиванию реформы.

5. Масштабная децентрализация власти (в первую очередь экономической, но и административной тоже) в Федерации. Не лозунги оппозиционной борьбы «берите, сколько проглотите», а чёткая программа децентрализации. Например, создание крупного регионального центра власти для Сибири и Дальнего Востока с соответствующими конституционными ограничениями. Страна логично делится на «две части»: до Урала и за ним. Это деление необходимо зафиксировать по всем параметрам, кроме конституционных основ.

6. Внутренняя стабильность, в том числе и в межнациональном отношении. Лидеров национальных движений нужно пытаться включать в существующие государственные структуры, а не изолировать их, усиливая оппозицию.

7. Решение вопроса о частной собственности на землю.

8. Создание цивилизованной системы преемственности в политике. Одной из главных ошибок Горбачёва было то, что он не смог (а скорее всего, и не хотел) «воспитать» при себе своего преемника по тому политическому курсу, который

216

был избран. Система регулярных и регулирующих политическую жизнь общества выборов в России начнёт эффективно действовать не скоро. Мы даже не дожили до вторых таких выборов. Её нужно подстраховывать, продублировать выдвижением фигуры, привлекательный образ которой будет гарантировать общество от психологических и политических напряжений, вызываемых такими, например, «мелочами», как «слухи о здоровье» президента России, основанные на мнимом или реальном докладе, сделанном в своё время КГБ для президента СССР.

9. Отказ от политики мелких пропагандистских ходов типа «суда над КПСС», «выговоров Горбачёву» за те или иные произнесённые им слова и т. п. Да, всё это отвлекает от размышлений о промахах власти, отвлекает и силы оппозиции от борьбы с властью, но одновременно и дискредитирует эту власть, как всякая социальная и политическая демагогия.

10. Опора на социальных союзников, а следовательно — поиск их. Я не знаю сейчас ни одной социальной группы в стране, которая могла бы быть зачислена в однозначные союзники президента. Происходят постоянные «ссоры» то с одними, то с другими. Горбачёв окончательно проиграл тогда, когда от него отвернулась интеллигенция. Нынешняя интеллигенция далеко не в восторге от нынешнего Ельцина (и я выражаюсь ещё мягко). Пока, к сожалению, вся политика в этой области идёт в традиционном направлении — поиск врагов. Смешно бороться с КПСС или коммунистами — они никогда уже не возродятся в этой стране. Нужно искать и создавать себе союзников. Только не среди маргиналов. Последнее очень легко, но зато и очень опасно для страны.

11. Формулирование четкой, ясной и короткой президентской программы действий (будем надеяться, что именно её попытается заложить Ельцин в основные тезисы Конституции для голосования на референдуме). Пока такая программа отсутствует.

12. Последнее. Жизнь президента и его ближайшего окружения должна быть публичной. Люди должны знать не по слухам, а точно, с кем советуется президент по тому или иному вопросу. Коль скоро система привилегий сохранилась практически полностью (и, видимо, это было неизбежно), она должна быть введена под максимальный контроль гласного закона. Большевиков, помимо прочего, погубила их страсть к тайнам и секретам.

217

ИТОГ

Прошедший год Ельцина-президента был весьма и весьма неплох. Много было сделано или начато так, как нужно. Но это многое мизерно в сравнении с тем, что нужно и, может быть, можно было сделать. Оправданий для всего несделанного и сделанного неправильно много: развал Союза, начало «с чистого листа», политическая неопытность, неизбежность внутренних интриг и необходимости закрывать глаза на «грехи» или ошибки соратников по политической борьбе.

Но есть и грубейшие промахи, которых могло не быть. Наиболее яркий пример — конфликт с Украиной. Начавшийся с неуклюжего заявления бывшего пресс-секретаря президента Павла Воцанова, этот конфликт, скорее всего, был неизбежен, но тогда тем более необходимо было не брать инициативу в нём на себя. К грубым ошибкам отнёс бы я и долгое пренебрежение настойчивым стремлением Назарбаева пойти на прочнейший союз с Россией. Может быть, только усилиям самого Назарбаева мы обязаны тем, что этот союз всё-таки вырисовывается.

Из перечисленных задач, требующих незамедлительного решения, к большинству Ельцин только подступает. И то неизвестно, с какими намерениями.

Вообще отсутствие ясности в действиях президента — само по себе является серьёзнейшим минусом его политики. Многие считают, что эта неясность на самом деле означает внутреннюю неготовность Ельцина к настоящим реформам, по причине чего в ближайшее время эти реформы вообще будут свёрнуты. В доказательство приводится «самый серьёзный правительственный кризис» за время существования независимой России.

Кризис, безусловно, налицо. Но это должно было рано или поздно случиться. Ельцин не может не понимать (а в Мюнхене и Вашингтоне ему разъяснят дополнительно), что помощь и кредиты в Россию пойдут только под пару Ельцин — Гайдар, что другой такой пары пока не видно. Можно, конечно, ждать, когда проявится реформаторский настрой, например, правительства Ельцина — Явлинского или Ельцина - Вольского. Но темп будет утерян. Ведь приостановить реформу при имеющемся уже уровне цен означает только одно — расписаться в ошибочности всего, что сделано за последние полгода.

218

Ельцину не удалось за прошедший год построить здание новой политической системы. Если не удастся достроить и здание экономической реформы, дело будет совсем плохо. Неизбежно лучший шаг здесь, на мой взгляд, сделать Гайдара полноправным премьер-министром.

Три главные опасности подстерегали Ельцина в первые двенадцать месяцев его президентства. Сделать ставку на российский национализм. Вернуться к реставрации партийно-советского строя (под видом президентско-советского). Не начать, а начав — не решиться довести до завершения экономическую реформу. Первой опасности он избежал. Со второй совладал лишь наполовину. Третья опасность подстерегает за углом. Если она реализуется, дела Ельцина и России плохи.

Второй год президентства всегда на порядок труднее первого. Костюмированные балы на макетах баррикад вокруг Белого дома вещь красивая, но по существу бесполезная, ибо не может длиться весь президентский срок.

219

Проблемы	СССР (1985-1991)		Россия (1991-1992)	
	Наличие или отсутствие	Как решалась	Наличие или отсутствие	Как решалась
1	2	3	4	5
Сохранение международного статуса	Не было	-	Есть	Хорошо
Внешние границы	Не было	-	Есть	Удовлетворительно
Внутренние границы (опасность распада)	Очень острая	Плохо	Есть	Удовлетворительно
Вооружённые силы	Не было	-	Есть	Удовлетворительно
Межнациональные конфликты	Была	Плохо	Есть	Неудовлетворительно
Конфликты с окружающими государствами	Не было	-	Есть	Неудовлетворительно
Конфликты в прилегающих государствах, угрожающие внутренней стабильности	Не было	-	Есть	Плохо
1	2	3	4	5
Реформирование политического режима	Была	Плохо	Есть	Неудовлетворительно
Внутренняя оппозиция	Была	Плохо	Есть	Удовлетворительно
Реформирование экономики	Была	Плохо	Есть	Удовлетворительно
Опасность социального взрыва, связанного с падением уровня жизни	Почти не было		Есть	Неудовлетворительно
Политические свободы	Была	Плохо	Есть	Хорошо
Внешний долг	Была	Плохо	Есть	Неудовлетворительно
Внутренний долг	Была	Плохо	Есть	Плохо
Экономические свободы	Была	Плохо	Есть	Удовлетворительно(?)
Создание собственных государственных структур	Не было		Есть	Неудовлетворительно
Опасность массовой безработицы	Не было	—	Есть	Плохо
Товарный дефицит	Была	Плохо	Есть	Плохо
Частная собственность	Была	Плохо	Есть	Неудовлетворительно

Действенность законов, эффективность исполнительной власти	Была	Плохо	Есть	Плохо
Защита соотечественников, находящихся за рубежом	Не было		Есть	Плохо
Госсобственность за рубежом	Не было		Есть	Неудовлетворительно
Сохранение лидерства (в том числе в реформах) в своём регионе (б. СССР)	Не было		Есть	Неудовлетворительно (?)

220

	1	2	3	4	5
Разделение властей	Была	Плохо	Есть	Удовлетворительно	
Политические союзники президента	Была	Плохо	Есть	Плохо	
Популярность президента	Была	Плохо	Есть	Удовлетворительно	

221

Правила установки памятников

Почему Лужков не попал в историю?

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 18.09.2002

Самый мягкий эпитет, которым можно охарактеризовать предложение Юрия Лужкова о восстановлении в Москве памятника Дзержинскому, — нелепое. И не только потому, что московский мэр создал проблему на совершенно ровном месте. И даже не потому, что он политически подставился для ударов со всех сторон. Но и потому, что Юрий Михайлович, вернись времена Феликса Эдмундовича, наверняка оказался бы в камере ОГПУ. Ведь как ни рассматривай политическую фигуру московского мэра, не то что на болыпевику-ленинца, но даже на меньшевика или эсера он не тянет. В лучшем случае кадет, а скорее — октябрист, то есть очевидный клиент Железного Феликса. Но дело, впрочем, не в этом. Если сам Лужков поставил крест на своей политической карьере, то нам-то что о ней беспокоиться. Мэры приходят и уходят, проблема памятников, однако, остается. И вот по этой проблеме хотелось бы высказать несколько не вполне оригинальных предложений.

Первое. Не надо ни при каких режимах ставить памятники на площадях ни белым, ни красным, ни царским, ни советским, ни демократическим министрам внутренних дел, руководителям системы политического сыска, тайной полиции и т. п. Люди, которые в разное время и при разных режимах занимали эти посты, творили и полезные для общества дела, и — неизбежно — такие, за которые памятники не ставят. Просто потому, что эти люди (сами-то они это понимали) возглавляли репрессивные органы государства.

222

Если хотите, заступая на свой пост, они собственной рукой вычёркивали себя из списка тех, кому полагается памятник.

Второе. Всем, кто в России принимает решения о возведении памятников, неплохо бы знать, что, по крайней мере, в 1918—1920 годах в нашей стране шла Гражданская война. То есть граждане одной страны убивали друг друга. А посему до тех пор, пока жива о той войне историческая память, а она жива, ибо не об эпохе Ивана Грозного речь и даже не о пугачёвском бунте, — до тех пор лишь возрождению фантома этой войны способствуют предложения «демократов» ставить памятники белым генералам и коммунистов — возводить монументы генералам красным.

Третье. И красные, и белые генералы, инициаторы и красного, и белого террора, полководцы и красных, и белых политических армий могут и даже должны быть увековечены в бронзе или камне не то что на Лубянской, но даже и на Красной (если позволят архитекторы) площади Москвы — в назидание потомкам. Но это должен быть памятник Гражданской войне начала XX века в России. Многофигурный памятник: и Дзержинский и Колчак, и Троцкий и Деникин, и Антонов и Тухачевский, и Савинков и Крыленко... И так далее и так далее — насколько хватит места и материала.

Это же так ясно...

Может быть, найдётся наконец в России влиятельный политик, который добьётся, чтобы именно этим, единственно возможным способом была наконец остановлена гражданская война в стране. Хотя бы гражданская война памятников.

223

Уроки Сталина

Сталинизм как наш исторический опыт

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 06.03.2003

В эти дни, когда исполнилось 50 лет со дня смерти советского диктатора, имя и образ его не сходят со страниц и экранов российских СМИ. Это не удивительно.

Удивительно то, что и вне каких-либо дат Иосиф Виссарионович Джугашвили — Сталин является самым упоминаемым в российских СМИ историческим деятелем. Культ его личности, умело сконструированный им самим, реально существовавший в СССР (и не только) при его жизни, развенчанный Хрущёвым и осуждённый правящей партией в 1956 году, тем не менее жив и, *очевидно, будет* жить. По крайней мере до тех пор, пока история человечества будет развиваться в рамках нынешних цивилизационных норм, одна из которых, признаемся в этом честно, культ силы, культ победителя.

Можно издеваться над поклонниками Сталина, можно по их поводу иронизировать, но культ личности Сталина будет в обозримом будущем реальным и актуальным историческим, общественным, психологическим и политическим феноменом России.

Причём если надежды на возрождение величия и мощи России не оправдаются, культ личности Сталина будет только нарастать. Однако даже если Россия восстановит своё былое могущество, этот культ не угаснет, а лишь объективируется, станет менее экзотичным, но отнюдь не менее мощным. Ибо не может быть общество равнодушным к тому, кто, даже сквозь кровь, вознёс это общество на вершину человеческой истории, истории, замешанной на крови и си-

224

ле, истории, законом которой является формула: победителей не судят.

Никогда ни один народ не сможет (до сих пор не смог) вычеркнуть из своей памяти гордость за тех злодеев, тиранов, диктаторов, которые обеспечили этим народам либо их независимость, либо их господство над остальным миром. Сталин сумел добиться и того и другого: победа над Гитлером и владение половиной мира (продолжавшееся ещё почти сорок лет после его смерти).

Жертвы не берутся историей в расчёт. История субъективна, как оказывается. Объективно только настоящее. Хотя принято считать, что дело обстоит наоборот.

Вот, кстати, почему президенты США от Рузвельта до того, при котором рухнет глобальный гегемонизм Америки, останутся в истории этой страны как титаны, и каждый кроваво уничтоженный ими Ирак ляжет камнем в постамент памятника им.

Лучшие умы человечества пытались найти выход из этого парадокса человеческой истории, отчётливо сформулированного Марксом («Насилие — повивальная бабка истории»). Суть парадокса: прогресс и, что самое поразительное, гуманизм нарастают только либо на крови, либо вослед крови.

Как внедрять гуманизм гуманными методами? На этот вопрос не дали ответа ни философия, ни политика, ни история.

Что можно попытаться?

Можно пытаться извлекать уроки из истории, уроки того конструктивного, созидательного, что несут обществам диктаторы-победители. И второе: уроки того негативного, что не даёт права диктатурам, вынесшим свои народы и страны на самые вершины могущества, оставаться ни вечными, ни неподсудными разуму и эмоциям (хотя сама история, повторяю, победителей не судит).

В чём состоят эти уроки Сталина? Чем могут и должны воспользоваться современные российские политики из наследия Сталина, не отплевываясь от него, не отрекаясь, не игнорируя, а усваивая и используя это наследие?

Урок 1-й. Умение ставить стратегические цели для страны и, соответственно, для своей политики, цели, выходящие за пределы и своей легитимной власти, и даже своей физической жизни.

225

Сталин ставил пять таких целей и в общем-то всех их достиг.

Это: 1) модернизация России, отставшей от Запада в своем индустриальном развитии, как он говорил, на 50-100 лет. Черчилль отметил, что Сталин добился этой цели, ибо принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой;

2) победа в неизбежно грядущей войне;

3) сохранение целостности страны и создание блока союзнических государств, дополнительно оберегающих эту целостность;

4) приоритет развития образования и науки;

5) максимальное освоение природного потенциала страны, использование в первую очередь собственных, а не заемных ресурсов.

Урок 2-й. Правитель, что либерал, что диктатор, должен быть просвещённым. В жизни общества нет неважных или мало важных компонентов. Верховная власть не может быть успешной для себя самой, а главное — для страны, если она занимается только политикой, только промышленностью, только военным делом, игнорируя науку, культуру, язык.

Безусловно, Сталин, и в этом одна из главных составляющих его величия, был одним из самых просвещённых правителей всех времен и народов, несмотря даже на значительную культурологическую и идеологическую однобокость своей просвещённости.

Урок 3-й. Нации нужна идеология. Причём не только слабым — для них идеология просто опора. Но и сильным — их активность идеология направляет в нужное нации русло, консолидирует, делает из них элиту (марксистским языком выражаясь, передовой отряд) нации.

Это не все, но три главных, на мой взгляд, позитивных уроков Сталина.

А вот негативные, не менее актуальные для сегодняшней России.

Урок 4-й. Всё тотальное, даже просвещённо тотальное, даже конструктивно используемое тотальное, рано или поздно становится тоталитарным.

Урок 5-й. Тотальность преходяща— плюрализм вечен и бесконечен. Даже конструктивный и просвещённый тоталитаризм зиждется на искусном выборе необходимого сегодня ограниченного набора из множества свободно рождённых,
226

свободно развивающихся и свободно множащихся идей и людей. Полностью отрицающий свободу тоталитаризм начинает рушиться с того момента, как только он теряет свой естественный фундамент в виде свободного желания людей носить его на себе в виде добровольно избранного бремени.

Урок 6-й. Модернизация может сжигать в своей топке что угодно, но только не жизни людей той нации, которую ты модернизируешь. Зазор между началом реформ и плодами, которые эти реформы приносят населению, не может быть слишком большим. Видимо, это максимум 5-6 лет.

Урок 7-й. Бремя реформ должно равномерно распределяться на все слои общества, а не только на его низшую часть. Иначе народ остановит даже самые умные и самые рациональные реформы.

Урок 8-й. Бюрократия может быть инициатором и мотором реформ (модернизации), но никогда— их базой, их органической средой. Этим для реформ может стать только народ, только всё общество.

Урок 9-й. Управлять бюрократией на порядок сложнее, чем народом. Даже кровавые чистки не позволили Сталину подчинить себе бюрократию. Он стоял во главе неё, но где-то с середины своего правления превратился в её заложника и по сути — подручного.

Урок 10-й. Использование худших инстинктов человека — очень эффективный способ властвования, но всегда оборачивающийся тем, что обозляет людей против того, кто эти инстинкты использовал. И чем эффективнее использовал, тем больше обозляет. Первым диктатора ещё при жизни или сразу после смерти топчет его ближайшее окружение. Иезуит может воспитать в подчинённых только иезуитство. Хотя и с искренностью в большой политике тоже делать нечего.

Можно было бы множить и множить уроки Сталина, но и сказанного, кажется, достаточно для того, чтобы поразмышлять над некоторыми проблемами сегодняшней России. Через призму сталинизма — нашего исторического опыта.

Тезисы о перестройке,

или Вопросы, на которые мы так и не ответили

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 11.03.2005

Перестройка, то есть политический процесс, формальный отсчёт которого ведётся от времени прихода к власти в качестве генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва (11 марта 1985 года), является одной из двух самых глубоких трансформаций России в XX веке. Причём так же, как и события, связанные с Октябрьской революцией 1917 года и воцарением большевиков, перестройка стала не только политическим, пусть и очень значительным событием, но и цивилизационным переломом.

Достаточно напомнить о том, что большевистская революция фактически отменила (хотя, разумеется, и не до конца, ибо это было в принципе невозможно) частную собственность, а перестройка, наоборот, восстановила её.

Поэтому как невозможно в одном тексте изложить или даже просто перечислить все содержательные составляющие политического процесса, открытого событиями в Петрограде 24 и 25 октября 1917 года, так же нереально пытаться за один присест раскрыть многомерное и разноплановое содержание того, что мы называем горбачёвской перестройкой.

Вот почему я сознательно избираю для изложения того, что считаю наиболее значимым или наиболее примечательным в перестройке, форму тезисов.

1. Игнорирование, видимо, вполне сознательное и намеренное, нынешней российской властью двадцатилетнего юбилея прихода к руководству страной Михаила Горбачёва (если только ситуация не изменится в ближайшие недели, че-

му видимых признаков пока не наблюдается) демонстрирует желание отделить политические процессы, шедшие в Большой России, то есть СССР, в 1985-1991 годах, то есть перестройку, от того, что происходит сейчас, психологически и политически понятное, исторически является, безусловно, неправомерным и абсурдным. Нынешняя Россия во всей совокупности своих проблем и борющихся в ней тенденций есть очевидный плод перестройки, а идущие в ней процессы, как политические, так и общественные, являются перестроечными (в широком содержательном, а не узкокалендарном смысле, разумеется). Более того, определённая хаотичность нынешней политики, лишь несколько менее значительная, чем, собственно, в период собственно «перестройки», подтверждает это генетическое родство.

2. В этой связи, но не только в этой, сразу же нужно зафиксировать фундаментальный порок перестройки как политики — её инициаторы и лидеры не имели ни ясно продуманного, ни чётко сформулированного, ни судя по всему, вообще никакого стратегического плана реформ. Более того, они не умели правильно прогнозировать реакцию общества на свои действия, а, столкнувшись с этой реакцией, не смогли адекватно её оценить и соответственно этой оценке скорректировать ход реформ. В результате перестроечные процессы быстро приобрели прямо хаотичный характер, что в конечном итоге и привело к распаду СССР и смене формального лидера реформ.

3. Отсутствие стратегии, без сомнения, является виной инициаторов (или инициатора) перестройки.

А вот относительно возможности прогнозирования реакции общества на развернувшиеся реформы и возможности оперативной и адекватной корректировки политики вопрос остается открытым. Не исключено, что таковое в принципе было невозможно в столь большой (гигантской) и сложной стране, как Советский Союз. Хотя некоторые моменты, безусловно, прогнозированию поддавались. Например, попытка республик Прибалтики при малейшей демократизации избирательного процесса отделиться от СССР, по крайней мере некоторые межнациональные конфликты, появление внесистемной оппозиции (в национальных республиках определённо), появление революционистского крыла в рядах московской интеллигенции и альтернативного Горбачёву политического лидера и прочее.

229

4. Возможность прогнозирования подтверждается и тем, что реакцию Запада на перестройку Горбачёв угадывал правильно. По крайней мере, на первом этапе. Но, скорее всего, это было всё-таки угадывание, ибо Горбачёв, видимо, совершенно не предполагал, что Запад будет целенаправленно работать на развал СССР, а с определённого момента делает ставку не на самого генсека, а на его главного оппонента, каковым весьма скоро стал Ельцин. Отсутствие же стратегии перестройки, безусловно, проявило себя и на международной арене. Политика Горбачёва фундаментальным образом повлияла на дела в мире, изменила, причём в положительную сторону, судьбы десятков стран и народов, но привела к распаду СССР и крушению всей системы его союзнических отношений с другими странами, что, конечно, не входило в планы генсека. Более того, Горбачёв фактически свернул боевые действия Москвы в холодной войне с Западом, явно рассчитывая на адекватные шаги последнего, а этого не случилось. И в результате Запад выиграл эту войну по всем стратегическим направлениям. В этом — одна из главных причин того, почему невозможно (по крайней мере при жизни нынешнего поколения) представить себе всенародное празднование юбилея перестройки в России. Несмотря на многие положительные последствия политики Горбачёва для страны в целом и её правящего класса в частности.

5. Немаловажным, а может быть, даже фундаментальным фактором, который не учитывается критиками Михаила Горбачёва и, конечно, не достаточно учитывался им самим, было следующее. Лишь формально Горбачёв начал политическую демократизацию в одной стране — в СССР. Фактически же — сразу в двух с половиной десятках стран: в 15 республиках Советского Союза и в почти десятке стран — членов СЭВ и Организации Варшавского договора (а заодно и в тогдашнем Афганистане). Строго говоря, невозможно представить, что нашёлся бы в мире какой-либо политик, который сумел бы провести радикальные реформы на географических пространствах такого масштаба и при таком страновом, национальном, конфессиональном, этнопсихологическом разнообразии в оптимальном, то есть без существенных негативных последствий, режиме.

Да можно ли было даже теоретически, не говоря уже о практике, разработать стратегию эволюционной демократизации такого гигантского и многосоставного объекта?

230

6. Проблема, однако, состоит в том, что инициировал перестройку (то есть, проще говоря, политическую демократизацию) лидер СССР, многие народы которого в конечном итоге от реформ более всего пострадали, русский политик, чьи действия вольно или невольно спровоцировали распад Большой России, лидер коммунистической партии, в результате перестройки потерявшей власть, престиж, собственную идеологию и саму партию, лидер одной из двух супердержав, перестройкой убитой. То есть формально все признаки не только поражения, но катастрофического поражения, краха, глобальной (пусть полуглобальной) трагедии налицо.

7. Конечно, свою лепту в принижении перестройки сыграл Запад, откровенно смаковавший провалы политики Горбачёва, радовавшийся отступлению и ослаблению России, обманывавший в своих интересах СССР и Горбачёва при каждом удобном случае, провоцировавший антироссийские, а порой и антирусские настроения, алчущий победы над ослабшим гигантом и методично добивавшийся победы в холодной войне, которую Михаил Горбачёв уже перестал вести. Мне не раз приходилось участвовать в международных дискуссиях о перестройке. И я всегда поражался откровенности американцев, большинство из которых главной, а по сути и единственной заслугой Горбачёва (о других американцы либо не упоминают вовсе, либо говорят скорговоркой) провозглашают исключительно разрушение СССР. Западные европейцы в этом смысле то ли более деликатны, то ли менее искренны.

8. Серьезные аналитики, безусловно, должны начинать реестр достижений и провалов перестройки с достижений, список которых довольно внушителен, хотя и не однозначен. И первое, на что они обязаны указать, так это на то, что действительно процесс демократизации СССР и всего социалистического лагеря начал русский, лидер СССР (якобы «империи зла»), более того — лидер КПСС. Конечно, под влиянием многих обстоятельств, ну так кто из политиков действует не под влиянием обстоятельств? То, что обстоятельства эти к моменту прихода к власти Горбачёва не только созрели, но и перзрели, хорошо известно. Пример Андропова (но не только этот пример) доказывает, что необходимость глубоких перемен осознавалась по крайней мере некоторыми членами самого высокого советского и коммунистического ру-

231

ководства. Не говоря уже о многочисленных представителях интеллектуальной элиты и многих так называемых простых гражданах. Но начал реальное государственное движение к демократизации, причем фактически с первых часов пребывания у власти, именно Горбачёв.

И, кстати, многие официальные руководители стран — сателлитов СССР сопротивлялись его реформам, выступали против них. Этот факт до сих пор пытаются игнорировать и на Западе, и в самих

бывших социалистических странах.

Наиболее характерен (я бы сказал, карикатурен) пример г-на Валенсы, заслуги которого как оппозиционера никто никогда не преуменьшал, но который с маниакальной регулярностью, в том числе и в присутствии Горбачёва, отводит последнему меньшую роль в развитии демократических процессов на Востоке Европы, чем не только Папе Римскому Иоанну Павлу II, но и самому себе.

9. Всё-таки стоит напомнить то, что, пусть в неоптимальной и незаконченной форме, принесла перестройка обществу (не стану говорить о стране, ибо здесь всё гораздо сложнее):

- демократизацию как таковую, во всех аспектах;
- возвращение института частной собственности;
- свободу слова;
- гласность, постепенно перешедшую в свободу печати;
- легальную оппозицию;
- фактическое завершение уголовного преследования как инакомыслящих, так и инакодействующих;
- отказ от догматики;
- свободу отправления религиозных культов;
- свободу политического выбора;
- свободу любого выбора, в том числе и свободу выступления против власти либо поддержки её;
- альтернативные выборы;
- свободный парламент (настолько свободный, что фактически он сразу же стал отбирать власть у самого Горбачёва);
- свободу самоопределения народов и целых стран;
- снятие угрозы глобальной ядерной войны и прямого военного конфликта между СССР и Западом.

Этот список можно продолжать, но и перечисленного, думаю, достаточно. Сам Горбачёв в последнее время настаивает на том, что он вывел страну из сталинизма (здесь явное

232

преувеличение, ибо сталинизма как такового к началу перестройки уже не было) и освободил общество от страха. С последним можно согласиться, хотя, как выяснилось довольно скоро, свобода от страха перед государством обернулась рождением множества других страхов, увы, не менее существенных — во всяком случае, для некоторых (очень многих) людей.

10. Но в целом, дав начало многим, а фактически всем позитивным тенденциям, действие которых мы наблюдаем до сих пор, перестройка как политика Горбачёва и его команды в период с 1985 по 1991 год потерпела поражение. Увы, иного вывода сделать нельзя. Бесспорен успех перестройки как политического начала перехода от идейного и государственного авторитаризма (не тоталитаризма, конечно). Но столь же бесспорно и её тактическое и политическое поражение (перехват власти Ельциным одно из многих тому доказательств), а также поражение стратегическое. Этот вывод нуждается в пояснении.

11. Горбачёв прав, когда говорит, что стратегический курс на демократизацию был верным. С этим нельзя спорить. Но если под стратегией иметь в виду не просто общий политический выбор, а конкретную стратегию реформ, учитывающую, в частности, соотношение издержек и результатов, то перестройка, безусловно, потерпела поражение.

а. Во-первых, если иметь в виду то, что Горбачёв (по сумме его выступлений и выступлений его ближайших соратников) видел целью перестройки формирование «социализма с человеческим лицом» (или гуманного демократического социализма), то эта цель не была достигнута.

б. Во-вторых, некоторые последствия (не буду употреблять слово «результаты») перестройки прямо противоположны целям, заявленным её инициатором и лидером. Прежде всего здесь надо назвать распад СССР. Но не только.

с. В-третьих, Россия всё-таки потерпела поражение в холодной войне, а этого не мог планировать инициатор перестройки (между прочим, по его собственному утверждению, «перестройки для страны и для всего мира»). Кроме того, Запад обманул Горбачёва, а это тоже поражение.

д. В-четвёртых, в результате перестройки мощь, вес и авторитет России в мире упали, а не возросли. Она стала более

233

зависимой от внешних факторов, менее самодержавной (не в монархическом смысле этого слова).

е. В-пятых, Горбачёв не только потерял власть, причём фактически с согласия народа, но и был свергнут. Его место занял не выбранный им преемник, а его прямой оппонент и конкурент, во многом усугубивший как раз негативные тенденции реформирования, хотя и не пресекший курса на неконкретную и хаотическую демократию.

ф. В-шестых, перестройка развивалась слишком хаотично, эклектично, последовательно непоследовательно, чтобы можно было говорить о какой-то стратегии как таковой. А раз не было стратегии, то и не могло быть её успеха.

г. Наконец, в-седьмых, меру успеха или неуспеха стратегии перестройки (даже при всех превратностях проведения её в жизнь) можно было бы оценить, если бы когда-либо и где-либо был изложен, пусть засекреченный, стратегический план перестройки, который сегодня можно было бы предъявить миру. Но такого плана нет.

12. Всё сказанное не умаляет исторической роли Михаила Горбачёва как политического лидера, сознательно выбравшего путь демократизации политической системы, не отвечавшей требованиям времени, возродившего в СССР некоторые цивилизационные и общечеловеческие ценности (рынок, частная собственность, роль денег, альтернативность, политические свободы и прочее), начавшего радикальную экономическую реформу, отказавшегося от кровавой борьбы за личную власть. Ведь до Горбачёва был Черненко, ни о чём подобном не думавший. Был Андропов, желавший реформ, но отнюдь не демократических. Было коллективное брежневское руководство, спокойно смотревшее, как великая страна всё больше и больше заходит в исторический, экономический, политический, идеологический, психологический тупик. Каждому из предшественников Горбачёва представлялся шанс начать то, что начал Горбачёв, в гораздо лучших условиях и обстоятельствах. Однако они не начали, а он — начал. В любом случае Михаил Горбачёв первопроходец.

13. Специалисты по транзитологии приведут множество примеров грубейших ошибок политики перестройки в целом, социопсихологи и политологи — примеры его личных

234

ошибок. Но я хочу поставить в этом тринадцатом тезисе о перестройке несколько вопросов, ответы на которые потребовали бы не менее, а может быть, и более пространный текст. Поэтому лишь вопросами я и ограничусь сегодня. Тем более что дискуссия о перестройке должна непрерывно нарастать в нашем интеллектуальном сообществе, а не сворачиваться из-за политической конъюнктуры или нашего неумения на эти вопросы откровенно и глубоко отвечать. Вот эти вопросы.

а. Может ли кто-либо сегодня сформулировать для обсуждения теоретически оптимальную стратегию реформирования Советского Союза, стратегию, хотя бы ретроспективно свободную от всех слабостей и дефектов горбачёвской перестройки?

б. Каково оптимальное в условиях реальной России (ещё сложнее — бывшего СССР) сочетание авторитарных и демократических методов демократического реформирования?

с. При каких условиях можно было бы с гарантией сохранить Советский Союз и в какой конфигурации?

д. Как в принципе можно оценить политику, результаты которой в основном положительны для других стран и во многом отрицательны для страны, в которой эта политика проводилась? Является ли общечеловеческий интерес более значимым для оценки национального политика, чем интересы его собственной страны?

е. Можно ли, допустимо ли вести честную международную политику, доверяя своим партнёрам и тем более конкурентам на международной арене так же, как себе? Совместима ли мораль с внешней политикой, всерьёз отстаивающей национальные интересы собственной страны?

ф. Можно ли было переиграть Запад на демократическом поле? Достижима ли эта цель вообще?

г. Один из самых интересных и важных вопросов: можно ли надолго вырвать инициативу у бюрократического класса России? Если да, то как это сделать без народной революции? Выдержал бы Советский Союз такую революцию? Насколько близки мы были к полномасштабной гражданской войне?

h. Последний и воистину провокационный вопрос: нужно ли слушаться русскую интеллигенцию при проведении любых реформ, тем более радикальных? Если нельзя, то как не-

235

репрессивными методами заставить её замолчать? Вообще — чем занять интеллигенцию во время реформ, тем более демократических?

14. Закончу всё-таки не тринадцатым тезисом. Мысленно, не для публики, отвечая на поставленные в предыдущем тезисе вопросы, я всякий раз вынужден давать ответы, которые принято называть циничными. И что нам тогда всем делать? Что делать-то?

236

Россия без истории

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 12.05.2005

Может ли страна, тем более большая страна, претендующая на особую роль в международных делах, абсолютную суверенность и взаимодействующая со всеми главными субъектами мировой политики, жить без истории?

Ответ очевиден: конечно, нет. Сама субъектность страны создается её историей.

Флаги, гимны, президенты и парламенты, даже армия, даже территория — все это, особенно территория, естественно, крайне важно, но не решает дело до конца. Два главных, решающих фактора — это народ и история его или, что еще лучше, его государственности, его страны.

Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия — все эти республики имеют и гимны с флагами, и политические институты, и вооружённые силы, и территорию, но международного признания как самостоятельные государства пока не получили. Абхазия — даже несмотря на то, что исторически государственностью обладала.

Сейчас эти непризнанные государства нарабатывают свою историю. Ей уже более 10 лет. Если они продержатся ещё лет 20, вопрос их государственной самостоятельности будет фактически, а скорее всего и юридически решён.

Еврейский народ потерял все составляющие своей государственности на целых два тысячелетия, но

сохранился сам и сохранил свою историю. Что и позволило ему возродить государство Израиль через такой колоссальный исторический срок.

237

Лидеры государств, образовавшихся в 1991 году из бывших союзных республик СССР, сразу же занялись созданием новых историй своих народов и своей государственности. И тем интенсивней, чем меньше на то было оснований и фактов.

Вот каково значение истории страны.

По мере приближения 60-летия Победы СССР, то есть Большой России, в Великой Отечественной войне постоянно на страницах печати, в теле- и радиоэфире, в выступлениях официальных лиц, политиков, просто более или менее представительных и компетентных глашатаев общественного мнения разных европейских стран звучали разные интерпретации некоторых фактов российской (включая советскую) и европейской истории.

Конъюнктурная политическая интерпретация истории — дело вполне привычное в межгосударственных отношениях. И удивляться здесь нечему. Естественно, нужно быть готовым, что кто-то попытается предъявить тебе всякого рода претензии, особенно в тот момент, когда ты ослаблен или кому-то так кажется. Такая готовность есть производное от общей компетентности и, я бы сказал, дипломатического искусства соответствующих чиновников и общественного мнения вообще. Однако ни компетентность, ни даже искусство её проявления не произрастают сами по себе, а лишь на основе объективного исторического знания и, что не менее важно, доктринальных установок национальной исторической школы. Упрощённо говоря — на основе концепции национальной истории.

Когда твою национальную историю (тем более такую сложную, как у России) оспаривают (в политически выгодном для себя ракурсе) другие — это, повторюсь, нормально. Когда в твоей собственной исторической науке ведутся острейшие дискуссии относительно разных исторических фактов и событий — это ещё более нормально, а кроме того — плодотворно.

Ненормально только не иметь никакой четкой концепции национальной истории. А это именно то, что мы наблюдаем сегодня в России.

Кто только не высказывался в самых массовых российских СМИ о предвоенном, военном и послевоенном периодах российской (советской) истории, кем только не демонстри-

238

ровался воистину беспредельный плюрализм оценок, интерпретаций, суждений и мифотворчества — журналистами, политиками, академиками от политики, писателями, но только (за редчайшими исключениями) не историками. Почему?

Видимо, как раз потому, что даже у людей, профессионально призванных хранить и развивать национальную писаную историю, нет того, что они должны хранить и развивать.

Зачем нам такие историки? И долго ли ещё стране жить без своей истории? И как учить тому, чего нет, новые поколения граждан России?

Общераспространённый курс российской истории XX века создается ныне средствами массовой информации, отечественными дилетантами и зарубежными профессионалами (часто хорошими специалистами, но крайне тенденциозно относящимися именно к российской истории в силу простой причины — Россия как субъект мировой политики почти всегда выступала конкурентом тех государств, исторические школы которых эти профессионалы представляют).

Прибалтийская этнократия, боящаяся самостоятельного голоса и активности русских в своих странах, а потому выдвигающая ныне претензии к России, не будь она столь алчна, неискренна и примитивна, могла бы составить в обоснование своих претензий целые тома из публикаций в современных российских СМИ, плюрализм которых в данном и многих иных вопросах ярко выделяется на фоне унылого единомыслия латышско-эстонско-литовского национализма.

Разумеется, России нет никакого резона опускаться до такого же провинциального единомыслия. Но и не иметь единой истории тоже нельзя. Тем более что прибалты — далеко не единственные и, пожалуй, ещё самые мелкотравчатые переписчики истории России. Просто самые крикливые в последние годы.

В России сегодня наблюдаются три «исторических школы». Первая — традиционная советская, или коммунистическая (красная). Вторая — белая, то есть традиционно антисоветская. Каждая из этих двух школ имеет свою правоту и свои достижения. Но беда в том, что ни одна из них не доминирует, они даже не конкурируют друг с другом и уж тем более не сотрудничают, а просто сосуществуют. В результате господствует третья школа — красно-белая, или бело-красная, то есть та, что эклектично вбирает в себя разрозненный и воль-

239

но интерпретируемый набор фактов и оценок (чаще всего заёмных) и от красных, и от белых.

Отдельной кафедрой в нашей исторической — чуть было не написал «науке», конечно же, в нашей исторической антинауке держится «школа покаяния». Суть учения этой школы — Россия должна покаяться во всем, что она совершила в истории, и перед всеми. Довольно смешная, хотя, впрочем, и довольно опасная школа.

Я не историк, но решусь высказать два, на мой взгляд, принципиальных соображения, касающихся этой темы.

Во-первых, мы нуждаемся в такой современной истории России, которая бы: (1) опиралась на лучшие достижения русской дореволюционной и советской исторической науки; (2) рассматривала историю

России как непрерывную (без якобы выпадения России из всемирного исторического процесса) и (3) как единую, то есть гражданская война как исторический факт не должна приводить к появлению двух отрицающих друг друга историй одной страны; (4) рассматривала историю России как Государства Российского и одновременно как русской (российской) цивилизации, породившей внутри себя не только саму Россию, но и ещё целый ряд государств и стран.

Во-вторых, пора бы уже государству, не дожидаясь, пока наши дипломированные историки сами поднимутся на сей подвиг, инициировать создание нового академического курса российской истории. Для чего необходимо собрать две-три группы учёных, установить им лет на пять вперёд министерские оклады и поручить этим группам на конкурентной основе создать свои исторические курсы. Это, конечно, не гарантирует нам появление выдающихся исторических трудов, но во всяком случае создаёт возможность их появления.

240

Государственный недопереворот

В августе 1991 года был совершён не один переворот, а два: первый — неудавшийся, второй — вполне успешный

МОСКОВСКИЕ новости, №31, 18-24.08.2006

Строго говоря, не знаю, что можно сказать нового об августовских событиях 1991 года. Я много раз писал о них — и тогда, в 91-м, и позже. За пятнадцать лет все оценки устоялись. Ушли в небытие и романтические иллюзии, и конъюнктурные политические резоны, но ничего существенно нового и неожиданного за последние годы об Августе 91-го с точки зрения фактографической мы не узнали.

То есть, по-прежнему не обладая всей полнотой информации, мы всё-таки приблизились к исторической правде. И она, как мне представляется, такова.

Так, как шла перестройка и вообще все горбачёвские экономические и политические реформы, ГКЧП в той или иной форме был неизбежен.

Самое правильное в нём — его название. В стране действительно было чрезвычайное положение: Союз, единое государство, на глазах разваливался, а в обществе сложилось полное впечатление, что центральная власть не может никак этому противостоять. Ведущиеся интенсивные переговоры президента СССР Михаила Горбачёва с главами союзных республик, и прежде всего с Борисом Ельциным (так называемый новоогаревский процесс), скорее, не препятствовали распаду, а приближали его — элиты на глазах общества вели какую-то двойную игру и то ли запутались в ней, то ли вообще сознательно играли друг против друга. При этом никаких внятных объяснений никто обществу не давал.

Такая ситуация, естественно, требовала чрезвычайных мер по выходу из этого очевидно чрез-

241

вычайного положения. Меры должно было предпринять государство — и тогда создание ГКЧП совершенно оправданно. Либо, если государственная власть не была единой, кто-то должен был обратиться напрямую к народу с просьбой о не формальной (весенний референдум о сохранении Союза), а фактической поддержке путём массовых манифестаций. Однако такого призыва не последовало.

Михаил Горбачёв утверждает, что если бы путчисты не выступили в Москве после его отъезда из столицы, то 20 августа был бы подписан новый союзный договор, и ситуация в стране постепенно вошла бы в нормальное русло. К сожалению, с этим трудно согласиться. Может быть, и так, но маловероятно. Скорее всего, судя по тогдашним тенденциям, этого бы не произошло. Разве что распад СССР был бы менее стремительным.

Итак, Народный комитет по чрезвычайному положению (НКЧП) никто сверху создавать не собирался, само население создать такой комитет не могло — по многим причинам, в частности потому, что элиты растаскивали народ в разные стороны. Но если представить, что население само приступило бы к созданию такого комитета (скорее, комитетов), это испугало бы элиты и начальство ещё больше, чем собственные склоки. Возможно, Михаил Горбачёв считал, что систему таких комитетов представляют собой «здоровые силы в КПСС» и в Советах всех уровней. Но тогда вопрос в том, кого он считал «здоровыми силами»: например, в рамках Российской Федерации — ортодоксальных коммунистов, искренне выступавших за сохранение Союза, или демократа Ельцина с его московскими и свердловскими радикал-демократами? А ведь были уже и чистые националисты, причём даже в России, не говоря уже о Прибалтике, Украине, Грузии, Среднеазиатских республиках.

Раз не мог возникнуть НКЧП, то ввиду угрозы распада страны неизбежно должен был возникнуть Государственный КЧП. Он и возник.

Другое дело, кто в него вошёл, каковы были личные, политические и организаторские качества этих людей, чем они руководствовались, насколько были популярны в народе.

События 19-21 августа показали, что это были не те люди, которые могли спасти страну, или, во всяком случае, народ не верил им, или не верил в то, что они спасут страну, или в

242

то, что они хотят её спасти, или не хотел уже спасения этой страны... Не берусь судить, что думал в тот момент «весь советский народ», но ясно одно: ГКЧПистам он верил ещё меньше, чем президенту СССР, а ему — меньше, чем президенту России.

Вот и весь политический расклад, приведший к стремительному краху ГКЧП, а затем и к отстранению Ельциным Горбачёва от власти в стране сначала номинально, а затем и фактически.

То есть в августе 1991 года произошёл не один государственный переворот, неудачный, а два: один неудачный (ГКЧП), второй удачный (Ельцин отнял власть у Горбачёва не в России только, а во всём СССР). Бюрократическое оформление результатов этого второго, удачного, госпереворота несколько отодвинулось во времени — до конца года, до подписания Беловежского соглашения о роспуске СССР и официального сложения Горбачёвым своих полномочий президента этой страны 25 декабря. Из-за этого временного разрыва и сложилось впечатление, закреплённое проельцинской историографией, что в августе произошёл «всего лишь» разгром путчистов, задумавших совершить государственный переворот.

Государственный переворот ГКЧП по всем показателям, и прежде всего по действиям самого ГКЧП, был недопереворотом. Им-то Горбачёва свергнуть не удалось. А вот ельцинский госпереворот был полным переворотом — он Горбачёва сверг.

Безусловно, сами события 19-21 августа носили ещё и характер демократической революции, но направленной не только против ГКЧП, но и против Горбачёва (при формальном его возвращении на пост президента СССР, за что народ вроде бы тоже выступал). А элиты многих союзных республик воспользовались событиями 19-21 августа и тем, как Ельцин принял Горбачёва в Москве после возвращения того из Фороса, для того чтобы совершить свои государственные перевороты — антимосковские и антироссийские. Иногда опираясь на свои демократические (точнее — националистические) революции, иногда имитируя их, иногда и вообще без оных.

Таким образом, после разгрома ГКЧП сохранение СССР было невозможным. В случае победы данного ГКЧП (но дан-

243

ный ГКЧП победить не мог) — тоже. Но и без возникновения данного ГКЧП — опять же невозможным. Хорошо, на 99 процентов невозможным.

Следовательно, на судьбу СССР как единой страны ГКЧП не повлиял совершенно. Это факт. Остальное — предмет политологических и исторических дискуссий.

Самое удивительное во всей этой истории, конечно, то, что Михаил Горбачёв решился покинуть Москву в этот период. Ведь так или иначе, но он был тогда самым информированным человеком страны. Можно только гадать, что было причиной отъезда президента СССР в отпуск: то ли его так ловко обманывали, то ли он так глубоко погрузился в самообман, то ли это была просто политическая усталость, когда плыть по течению кажется лучшим выходом из всех возможных.

В общем и целом, в историческом смысле три дня ГКЧП значат ровно столько, сколько значат три дня из по крайней мере пятисот с начала 1990 года и по конец августа 1991-го — менее одного процента.

Просто в эти три дня к политике напрямую приобщились несколько миллионов простых людей, отторгнутых от этой политики до 19 августа и вновь отведённых от неё элитами после «разгрома ГКЧП», которое логичнее было бы назвать его самообрушением.

244

4 ноября. От легализации к канонизации

Почему из пантеона отечественной истории Кремль выбрал именно Минина и Пожарского и события 1612 года

МОСКОВСКИЕ новости, №42, 03-09.11.2006

День народного единства, который нынешняя российская власть пытается конституировать в качестве главного национального праздника, пока не пользуется особым почтением среди самого народа и вызывает много споров и ещё больше скепсиса в политизированных (политических и околополитических) кругах.

И первое, и второе понятно и даже естественно.

Народ, широкие массы населения, общество или нация в целом принимают как праздник то, что очевидно и непреложно таковым для них и является, прежде всего эмоционально, а не рассудочно. А эмоционально то, что актуально. Сопереживать истории, тем более далекой (от событий 1612 года нас отделяют почти четыре века!), могут лишь особо изощрённые умы, до нюансов знакомые с сутью и значением того или иного исторического события, либо те, кто воспринимает любую историю как актуальную, то есть собственно политики.

Ясно, что большинство населения современной России, как и любой другой страны, ни к первой, ни ко второй категории не относится и относится не может.

Через пятнадцать — двадцать лет пафосных гуляний по случаю новообретённого праздника привычка его отмечать превратится в традицию, сама дата наберёт необходимую информационную, пусть несколько профанную, полноту и, возможно (но не обязательно), требуемую для обще-

245

национального торжества эмоциональную насыщенность. Время не только лечит (то есть уводит в небытие неприятное), но и превращает (точнее: легализует, затем конституирует и, наконец, канонизирует) миф (а всякий праздник — это миф о счастливом в конце концов прошлом) в актуальную реальность. 4 ноября просто не прошло ещё этого необходимого исторического пути, чтобы из президентско-

парламентского установления стать Праздником в точном смысле этого слова.

Исторически подкованные скептики обычно указывают на хронологические нестыковки, связанные с празднованием именно 4 ноября в XXI веке освобождения Москвы (Кремля) от иноземных войск..

(Кстати, поляки зря обижаются, они здесь вообще, строго говоря, ни при чём — просто попали под горячую руку русской истории. Дело не в том, что они — поляки. Дело в том, что казус с возможным пребыванием поляка на русском престоле стал бы первым случаем пребывания заёмного иноземца в качестве главы Русского государства во всей после-ордынкой, то есть абсолютно суверенной, истории России. Сподобился бы на это эфиоп или китаец — никто бы поляков и не вспомнил.)

Политически заострённые скептики, иронизируя над хронологическими нестыковками, не приемлют 4 ноября как общенациональный праздник по разным, в зависимости от своей идеологической ориентации, причинам. Коммунисты — потому, что 4-м ноября заменили 7-е ноября. Либералы — потому, что единственным праздником, с которым они бы согласились, исходя инициатива его учреждения даже и от Путина, было бы 21 или 22 августа (считая от 1991 года) или ельцинское 12 июня (от 1990 года). Наиболее уравновешенные политические скептики предпочли бы оставить главной общенациональной датой-торжеством 9 мая.

У всех свои резоны, причём небезосновательные.

9 мая под сомнение не ставится никем. А в сравнении с 4 ноября 9 мая, безусловно, не нуждается в какой-либо эмоциональной или информационной возгонке. В Дне Победы, однако, отсутствует тот политический смысл, который вкладывается сегодняшней властью в 4 ноября.

Августовские или июньская дата, разумеется, никакого единства сегодня создать не могут. А первоначальное назва-

246

ние праздника 12 июня — День независимости России — вообще для русского уха звучит как историко-политическая абракадабра. И таковой является, ибо независимость может возникать только у бывшей колонии.

Между прочим, 7 ноября, на мой взгляд, понижено в статусе и принижено и исторически, и политически, и эмоционально зря. То есть все мотивы этого совершенно ясны и имеют под собой рациональную основу, однако стоит ли деканонизировать собственную историю так яростно, как это делаем мы, большой вопрос. Тем более что эту деканонизацию с удовольствием и даже политическим сладострастием тут же подхватывают все и всегда многочисленные (как у всякого большого и исторически имперского государства), мягко выражаясь, оппоненты России.

Кстати, о 7 ноября нужно сказать особо. По двум причинам, каждая из которых имеет отношение и к новому празднику 4 ноября.

Первая причина формальная и связана с генезисом 7 ноября как праздника. То есть с тем путём, которым должно пройти и 4 ноября, чтобы однажды уравниваться с неформальным статусом 7 ноября в варианте 1967-го или 1977 годов, то есть в классическом советском варианте этого праздника.

Алогичность празднования 7 ноября очередной годовщины Великой ОКТЯБРЬСКОЙ социалистической революции лежит на поверхности (то есть просто зафиксирована в дате и названии праздника), однако эта очевидная алогичность никому не мешала и никого (за исключением мизерного меньшинства) не раздражала. Время и традиция празднования 7 ноября сняли и известную всем знакомым с историей проблему того, что как день Великой революции отмечалось то, что сами творцы и вожди этого события первоначально называли всего лишь Октябрьским переворотом. И ещё много каких исторических и политических «шероховатостей» сошло с даты и даже с событий 25 октября/7 ноября за время генезиса этого праздника.

Но — обратим на это внимание — помимо естественного хода событий и не всегда естественной шлифовки истории в трансформации даты 7 ноября принимали участие, без преувеличения, гении политики и культуры: Ленин, Сталин, Эйзенштейн, Пудовкин, братья Васильевы, Маяковский, Есенин, Горький (не без отходо в сторону и даже попятных

247

шагов), Мейерхольд и Таиров, почти весь русский художественный авангард — от поэтов, режиссеров и композиторов до скульпторов и архитекторов. И всё это были имена не только национальные, а международные, авторитета и уровня известности которых сегодня в России не имеет никто (как и само событие «Русская революция» и феномен «Советская Россия», сразу же приобретшие статус всемирного эксперимента). Найдутся ли сегодня у нас такие имена и такая интеллектуальная сила и политическая воля, чтобы «отшлифовать» сомнительную для одних и раздражающую других дату 4 ноября до нужного блеска? Вот в чём вопрос, как выражался реально пухлый датский принц, превратившись в поджарого шекспировского интеллектуала.

Вторая причина, по которой 4 ноября можно и нужно рассматривать на фоне 7 ноября, на мой взгляд, состоит в том, что однажды два эти праздника сольются в единую историко-политическую субстанцию, в Русский (Российский) праздничный кватрион (4-7 ноября), чему я вижу много оснований, заслуживающих отдельного перечисления и разбора. Надеюсь когда-нибудь в специальной работе подняться и до таких высот, а пока вернусь собственно к 4 ноября.

Этот день выбран как пока ещё прообраз будущего общенационального праздника Народного единства по причинам историческим, религиозным и политическим. Исторические причины и фабульно-хронологическая сторона истории — вещи разные, хотя и связанные. И календарные несуразности

отражения событий четырёхсотлетней давности малосущественны. Религиозная, а точнее — сакральная причина лежит абсолютно на поверхности и, кстати, снимает и аргументы исторических скептиков. Вот что прямо пишется о 4 ноября (по новому стилю) в официальном Православном церковном календаре: «Празднование Казанской иконе Божией Матери (в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.)». Думаю, добавлять к этой цитате ничего не нужно.

Остаются причины чисто политические. И они таковы. События, привязанные к дате 4 ноября, политически (но на историческом основании) раскладываются так:

— впервые в русской истории с момента выхода Руси из-под суверенитета Золотой Орды (по иной версии — из государственного симбиоза с Золотой Ордой) правящая элита попыталась отдать власть над страной и государством иноземцу;

248

— вследствие этого Россия фактически и почти юридически потеряла бы свой суверенитет (чего не случилось, когда в XVIII веке на русский престол тоже возводились иноземки, но совсем по иным основаниям);

— смута и неустроенность в Государстве Российском от такого в общем-то банального по меркам европейских политических традиций того времени (и даже более позднего) маневра не только не исчезли, а, напротив, усилились;

— то ли это, то ли одна лишь возможность утраты национальной (этнической, а в перспективе, вероятно, и конфессиональной) суверенности, то ли сочетание этих факторов настолько возмутило лучшую часть высшего сословия (элиты) России и её народные массы, что, соединившись воедино (князь Пожарский от элиты и гражданин Минин от народа как фигуры не столько исторические, сколько символические), они вместе изгнали иноземное войско из Кремля, из Москвы, из России, избрав себе (путём выборов в рамках сословной демократии) нового (русского и православного) царя (верховного правителя).

Ещё раз повторю, что этническая принадлежность иноземцев (поляки это или не поляки) в этой политической коллизии никакого значения не имела. Имело значение то, что это были не коренные жители России (утеря национального суверенитета), что они были представителями другой страны и иностранной династии (утеря государственного суверенитета), иной веры (угроза утери конфессионального суверенитета). В этих условиях был бы изгнан любой, кто воплощал все эти угрозы.

Для династии Романовых, получившей на триста лет власть в России, 1612-й и 1613 годы были, скорее, символами Единства их народа с Ними (абстрактно — с Властью).

Для современной российской власти 4 ноября (от 1612 года) — символ, существующий в трёх ипостасях: возврат не утрачивавшегося затем никогда надолго и тем более над всей страной суверенитета России; возврат этого суверенитета посредством единения народа и лучших представителей элиты, в том числе и властной; единство народа, нации, общества в целом — и по вертикали (выборы верховного правителя), и по горизонтали.

В первых двух ипостасях праздник 4 ноября исторически и политически безупречен. Эмоционального и информацион-

249

ного наполнения ему, как я уже говорил, не хватает. Но, между прочим, отчасти и сама нынешняя власть в этом виновата.

А вот третья ипостась 4 ноября является проблемной, причём очень и очень проблемной. Более того — конфликтной.

Верховного правителя (теперь уже президента) мы, конечно, избираем, и избираем абсолютно демократически. И он в данный короткий исторический период более чем популярен. Но в остальном никакого единства ни по вертикали, ни по горизонтали у нас в стране и в обществе нет. И в ближайшее время не предвидится. Более того, кое в чём неединство наше нарастает и обостряется.

А кроме того, нет единства и в понимании самой отечественной истории (по сути, у нас по-прежнему две истории — «белая» и «красная»), нет единства в понимании дня сегодняшнего (а внутри этого — нет даже единой морали, моралей у нас тоже, как минимум, две), нет единства и в понимании будущего. Вообще нет единства ни по одному более или менее существенному общественному вопросу, кроме самых банальных.

Из последнего печального факта и вытекают все те прямо и криво противоположные по лозунгам и идеям демонстрации, марши и манифестации, которые состоятся в Москве (и не только в Москве) 4 ноября — в день Народного единства. Демонстрации и марши разрозненности.

Мэр Москвы Юрий Лужков громогласно заявил, что какие-то из этих маршей он запретил. Но не в силах он запретить ни разномыслие, ни тем более — разрозненность. Да и не мэр Москвы является одним из немногих на сегодня символов единства России, единства её народа и народов. Кроме самой России и ещё некоторых её субстанциональных качеств и институциональных структур и систем единственным персональным воплощением единства страны является сегодня только президент Владимир Путин.

Мэры запрещают и разъединяют, а президент должен разрешать (в обоих смыслах этого слова), просвещать, соединять и умиротворять.

Вот почему я и считаю, что если есть серьёзные основания опасаться провокаций, стычек и прямых столкновений 4 ноября, то накануне, 3 ноября, Владимир Путин должен обратиться к стране и нации с соответствующими словами объединения и умиротворения.

250

Он должен обратиться к стране и нации и в том случае, если таких опасений нет. Ибо если даже нет опасений, то и единства тоже пока нет.

И так ещё десять, пятнадцать, двадцать лет должен обращаться к стране и нации каждый следующий её президент — до тех пор, пока единство не возродится (или не возникнет), пока словесная формула праздника не совпадёт с реальностью, пока День народного единства народом и народами России не будет канонизирован ментально и эмоционально. Проще говоря, не будет признан своим.

251

Who is mister Brezhnev?

МОСКОВСКИЕ новости, №48, 15-21.12.2006

Ровно 25 лет назад отечественные еженедельники, датированные так, как сегодняшние «МН», могли выйти с портретом только одного человека на обложке — как тогда писалось, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева. Ибо 19 декабря 1981 года ему исполнилось 75 лет.

Разумеется, тогда издания были не вольны в своём выборе: было не только ясно, кого помещать, но и какую конкретно фотографию.

Сегодня, 25 лет спустя, когда исполняется 100 лет со дня рождения Леонида Брежнева, уже по собственной воле мы сделали тот же выбор.

Правы ли мы, поступая так, будто выполняем решение уже не существующей высшей партийной инстанции? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно задаться другим вопросом: кто он — товарищ Брежнев? Или — в современной русской политической транскрипции: who is mister Brezhnev?

С 1964 года — первый, а с 1966-го и до своей кончины — Генеральный секретарь ЦК КПСС, то есть фактический глава советского Государства-Партии. С 1977 года (и тоже до смерти) — председатель Президиума Верховного Совета СССР, то есть уже и номинальный глава СССР. В XX веке больше Брежнева у руля высшей власти в стране находился только Сталин (и ещё Николай II, но это если учесть годы его правления и в самом конце XIX века). Уже немало для истории.

При Брежневе Россия-СССР достигла пика своего исторического могущества и глобального влияния, превратившись в одну из двух супер-

252

держав мира, достигнув военно-стратегического и ядерного паритета с США, став второй по масштабам экономикой планеты и лидером в освоении космического пространства, увеличив почти до четверти миллиарда своё население, и прочая и прочая.

В период правления Брежнева в нашей стране окрепло и возросло практически до общенациональных масштабов зародившееся при Хрущёве общество массового потребления, пусть даже с более низким, чем на Западе, уровнем личного потребления и при перманентном дефиците разных групп товаров. С массовым потреблением пришла, естественно, и массовая культура.

Брежневские почти два десятилетия — фактически самые мирные в истории страны в XX веке. Если бы не Афганистан, то на фоне потерь американцев во Вьетнаме (а только с США теперь сравнивала себя Россия-СССР) афганская война казалась почти минимальной платой за сверхдержавность. К тому же как раз в отношениях со второй глобальной сверхдержавой и с Западом вообще воцарились разрядка и «мирное сосуществование», а число «социалистических режимов» по всему миру, то есть теоретически потенциальных союзников СССР, постоянно росло. Тут тоже случались эксцессы, но разве международная политика бывает без них. Всё это вместе именовалось «мирным наступлением СССР», а сам Леонид Брежнев, после того как получил соответствующее воинское звание, именовался «маршалом мира». И в общем-то нет сомнения в том, что мира во всем мире он желал искренно и искренно же, хотя и при сохранении военно-стратегических позиций страны в мире, за мир боролся.

Короче говоря, золотым веком если и не всей российской истории, то её советского периода брежневские времена, безусловно, являлись. И если бы этот золотой век продлился дальше, то, конечно, презрительно-уничижительной клички «застой» брежневские времена не удостоились. Но они не продлились. И наименования застойных получили ещё при самом Брежневе.

100-летие Леонида Брежнева как одного из официальных лидеров страны не отметить нельзя — и не только потому, что мы сподобились так заплевать свою собственную историю (будто это недостаточно делают другие), что элемен-

253

тарная объективность выглядит почти как подвиг. 100-летие Брежнева нужно отметить (не в смысле — праздновать, хотя для десятков миллионов ныне живущих граждан России и других постсоветских стран тут есть что и отпраздновать), чтобы в очередной раз публично обсудить и усвоить уроки того, что мы приобрели и что потеряли именно в брежневскую эпоху, именно в этот «золотой век».

К сожалению, Брежнев не был не только великим политиком, но фактически он не был и политиком вообще. Он был, видимо, хорошим человеком и искусным аппаратчиком, но, конечно, ни в коей мере не соответствовал роли лидера страны-державы, во главе которой волей случая и номенклатурных интриг оказался. Он не был способен двинуть страну резко вперёд или совершить стремительный цивилизационный и идейный манёвр в сторону, ни даже отступить назад. Человек середины, точки покоя, лидер без осознания прошлого и тем более без предвидения будущего, то есть не лидер вовсе. Ни о какой стратегической линии

Брежнева и всего его руководства говорить просто не приходится. То небольшое стратегическое, что просматривается в действиях Брежнева и его команды (движение к военно-стратегическому паритету с США, освоение Сибири и космоса, развитие фундаментальной, но только естественной, науки и постоянное расширение системы высшего образования), — всё это продолжение импульсов, порождённых великими мыслителями и политиками царской и ранней советской России, но, конечно, не брежневским политбюро или их интеллектуальной службой.

Полторы сотни открытых инакомыслящих (диссидентов) своими словами и действиями поставили в тупик всю брежневскую систему (во всех её ипостасях — от политики до морали). Она не могла и не решалась ничего им возразить публично. А ведь были ещё, что гораздо важнее, сотни полторы, но уже миллионов, инакомыслящих, закрытых в своих семьях, в своих дружеских компаниях и в своих трудовых коллективах. Именно им проиграла брежневская система, а не тем, чьи имена занесены в официальную историю «протестного движения в СССР».

Серьёзный разговор о причинах крушения СССР как государства и советской политической системы (15-летие чего тоже приходится на эти дни), крушения системы по существу

254

брежневской, требует большего, чем может позволить себе еженедельник, пространства.

Поэтому позволю себе отослать заинтересованных читателей к моей статье «Крушение СССР и возрождение России» в декабрьском номере журнала «Политический класс», который вот-вот выйдет в свет. Здесь же только скажу, что, конечно, два главных кризиса взорвали Советский Союз — кризис идейный (гуманитарного, прежде всего политического, знания) и моральный кризис во взаимоотношении общества и власти (и это при том, что официальная — не путать с догматической — советская мораль была почти идеальной, во всяком случае — идеальной в смысле западноевропейского Просвещения). Надрыв советской экономики от гипертрофии ВПК был лишь следствием первого кризиса, а не первопричиной распада советской системы.

Так кто он — товарищ Брежнев? Человек покоя, политический Обломов, советский гедонист, гений (в этом единственном смысле) политкорректности (советской же).

В этом описании кого-то он очень сильно напоминает.

Кого-то из сегодняшних. Кого? Ну конечно, многих лидеров Евросоюза. Кого же еще! Унификация, плановость, неприятие интеллектуального инакомыслия, политкорректность, гедонизм... И так далее. Вплоть до мелочей. До доктрины «ограниченного суверенитета», например, до признания результатов только «правильных» выборов, до окостенения «единственно научной теории евроинтеграции», до «новой исторической общности — европейский народ», до Афганистана, наконец...

А что же мы, сегодняшняя, явно послебрежневская Россия? (Ельцин — лишь фарсовая эманация Леонида Ильича, так сказать, Обломов, которому приспичило выскочить на улицу.)

Россия сегодня — это единственный диссидент застойной (простите, стабильной) Европы, так сказать, коллективный Солженицын-Сахаров. Не случайно и борются с Россией как с диссидентом: высылают из страны (то есть из Европы — дескать, Россия не Европа), заказывают пропагандистские кампании в прессе с разоблачением «кровавого путинского режима», пугают Россией детей («перекроет вам газ»), подсылают к ней в подворотне мелких хулиганов, обретающихся на берегах Балтийского моря, сочиняют коллективные пись-

255

ма «интеллектуалов», клеймящих позором и нехорошими словами «политическую отщепенку Россию». Брежневизм в чистом виде, но, естественно, по-западноевропейски перелицованный.

Поэтому, надеюсь, и западноевропейские газеты выйдут 19 декабря с портретом Леонида Ильича на первых полосах. Он этого заслуживает.

256

Ельцин умер. Ельцин всё ещё жив

Август 91-го стал для него вершиной народной поддержки

МОСКОВСКИЕ новости, № 16, 27.04-03.05.2007

Борис Ельцин вошел в историю — эта одна из чаще всего звучащих в последние дни констатаций совершенно банальна и является просто фактом, хотя подаётся этот факт как оценка. Настоящая же оценка должна начинаться, как минимум, с перечисления того, за счёт каких своих действий или поступков тот или иной человек входит в историю.

В случае с Борисом Ельциным, на мой взгляд, это следующее.

В 1987-1991 годах он был символом и главным рупором практически общенародного желания покончить с прежней системой власти, управления, жизни, но покончить уже не по-горбачёвски, а более радикальными методами и темпами.

С 1989-го по 1991 год он имел настолько массовую поддержку общества, что это сделало его политической фигурой, равновеликой Михаилу Горбачёву, занимавшему три главных государственных поста — главы государства, главы правящей партии, главнокомандующего Вооружёнными силами страны. В результате Ельцин стал рассматриваться обществом как единственная реальная альтернатива Горбачёву. Общество жаждало победы Ельцина и желало поражения Горбачёва.

В августе 1991 года Борис Ельцин сплотил вокруг себя большинство нации в борьбе против ГКЧП, победа которого, как стало ясно уже при первом появлении членов ГКЧП на экране телевизоров, была и невозможна, и успокоения и расцвета страны не сулила.

Осенью 1991 года Ельцин резко омолодил кадровый состав руководства страной, отринув

257

тем самым советскую номенклатуру, уже бессильную что-либо сделать. Ельцин стимулировал переход от экономического хаоса к радикальным экономическим реформам. Это внесло определённую в дальнейшее развитие страны и в общем-то застabilизировало ситуацию, до того чреватую непредсказуемыми последствиями.

После ликвидации СССР, чему сам Ельцин, безусловно, способствовал, он постарался (и в целом это удалось) пресечь процесс дальнейшего распада страны.

В 1999 году Борис Ельцин сделал решающий политический выбор — назначил своим преемником почти во всём прямо противоположного ему Владимира Путина и загодя перевёл рычаги политической власти в стране на того, кто чуть позже станет вторым президентом России уже де-юре. Причём президентом, который вытащит страну из пропасти 90-х годов.

Конечно, не Борис Ельцин принёс стране свободу, демократию и рынок. Всё это появилось в стране при Горбачёве. Но Ельцин стал глашатаем свободы, демократии и рынка в тот момент, когда перестройка забила в предсмертных конвульсиях. Ельцин, в отличие от самого Горбачёва, сумел воспользоваться новыми, демократическими, правилами игры, возможностями, которые давала публичная политика и политическая конкуренция. Фактически Ельцин стал (ещё в СССР) первым легальным оппозиционным политиком и именно в этом качестве пришёл к высшей власти — правда, не через прямое (через выборы) соревнование с Горбачёвым. Впрочем, на это не решился сам Горбачёв.

Наконец, Борис Николаевич Ельцин — первый президент Российской Федерации. Одного этого достаточно, чтобы навсегда войти в историю и быть достойным высших государственных почестей после кончины.

Главное, однако, в следующем. Борис Ельцин умер. Но одновременно он всё ещё жив — для сотен миллионов граждан бывшего СССР и более всего — для граждан России, прочувствовавших «эпоху Ельцина» не теоретически, а собственной жизнью, собственными судьбами.

Эти сотни миллионов простых людей имеют право на собственную оценку деятельности Бориса Ельцина. И пока они не покинут этот мир сами, права на такую оценку их лишить никто не сможет.

258

Раздел 4. СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ

259

Что происходит в России и почему?

55 тезисов к монографии, которая не будет написана в XX веке

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 04.02.1994

Почти каждый день я встречаюсь с зарубежными дипломатами, политологами и журналистами. Будучи и сами людьми сведущими и компетентными, они тем не менее все задают и задают одни и те же вопросы, суть которых — в желании понять, что же происходит в России и почему *это* (не будем выражаться грубо) происходит. Не менее сотни раз за последний год я отвечал на такие вопросы, а в промежутках общался с умными (впрочем, не только) и могущественными людьми, с теми, кто руководит российской политикой, или делает вид, что руководит, или думает, что руководит.

В результате этого постоянного, прерывавшегося разве только ночами (политические сны мне, слава богу, пока еще не снятся) хаотического (по-журналистски), но всё-таки исключительно научного (хотя доказать я этого не могу) исследования я нашёл ответы на все вопросы. Не осталось ни одной тайны в современной российской действительности, которая бы не была для меня ясна как день. Этим своим знанием я хотел бы поделиться со всеми, кто сам ещё не проделал этот путь.

Но полный отчёт о выводах, к которым я пришёл, а также перечисление всех аргументов, обосновывающих эти выводы, и особенно примеров, иллюстрирующих логичность аргументов, может уместиться только в монографию объёмом не менее 40—50 печатных листов (то есть в 40—50 раз больше, чем набрано на газетной странице). Совершенно очевидно, что в XX веке уже никто (ни я, ни какой другой сумасшедший, кро-

260

ме крупных политиков, но верить им, как известно, нельзя) на создание такой монографии не отважится.

Поэтому я решил написать конспект этой монографии в виде тезисов, вложив в них всё, что можно и нужно сказать о России сегодня. Размер тезисов (дабы объять необъятное) я ограничил физически: каждый писался на бумажной карточке размером 8 на 12 сантиметров. Всё, что не входило в эти пределы, беспощадно отбрасывалось как лишнее и несущественное. Так сложился этот текст.

Его обязаны прочитать руководители России и других государств, дабы им стало стыдно за свои заблуждения (опять выберу мягкое слово), их учёные советники и консультанты (дабы ещё раз увериться в гениальной правоте Козьмы Пруtkова, отнёсшего их всех к семейству флюсов) и ученики средних школ (дабы понять, что их ждёт впереди, и не делать ошибок, уже сделанных их родителями). Все остальные и так знают то, о чем я пишу, а потому могут не тратить времени зря.

1. Политические конфликты и кризисы, включая локальные войны, в России (и в целом на пространстве бывшего СССР) не прекратятся по крайней мере до тех пор, пока не исчерпают себя шесть фундаментальных процессов, определяющих всё то, что называется политической борьбой (или в ином варианте: борьбой за реформы) на этом пространстве.

2. Первый и главный процесс — это раздел колоссальной собственности, освободившейся в результате распада прежнего государства СССР и краха КПСС. Второй процесс — поиск нового модуса vivendi между Россией и бывшими республиками, входившими в СССР. Третий — раздел властных полномочий между Москвой и регионами и особенно республиками, входящими в Россию. Четвёртый — раздел власти в Москве (то есть на вершине государственного аппарата) между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Пятый — нащупывание государством (и получение на то молчаливого согласия общества) эффективного баланса репрессивных и демократических методов решения межнациональных конфликтов (в первую очередь проблемы границ). Шестой — определение взаимоприемлемой черты, за которой вмешательство государства в частную жизнь людей не допускается.

261

3. Есть ещё один, внешний по отношению к России процесс, который тем не менее в существеннейшей степени сказывается на перспективе упрочения стабильности в стране. Мир, другие государства должны решить, какой они готовы принять новую Россию, какой политический, экономический и моральный вес позволено иметь отныне этой стране. Если этот вес, сколь бы малым он ни был, будет удовлетворять амбициям новой России, стабильность станет реальностью.

4. Так или иначе Россия (называй её хоть трижды демократической) является прямой и единственной наследницей как царской Российской империи, так и тоталитарно-коммунистического Советского Союза. Существуют лишь два вопроса, «стыковка» ответов на которые даст желаемую стабильность. Какую часть этого наследства желает и может оставить себе Россия? Какую часть этого наследства желает и может оставить России окружающий мир?

5. Бессмысленно и глупо рассматривать всё, что происходило с 1985 года в СССР, а затем и в России, как розыгрыш сценария, написанного на Западе и в интересах Запада. Если даже такой сценарий и существовал, в театре истории спектакль начинается только тогда, когда откладывать его больше нельзя.

Кроме того, в столь большой стране, как Россия, любой сценарий — не больше чем клочок бумаги, на котором проступает не то, что написано кем-то вовне её, а то, что проступает само собой. Другое дело, что обе надписи могут иногда совпадать.

6. Однако это не значит, что Запад полностью безгрешен в том, что ныне происходит в России. Безусловно, некоторые круги Запада (в том числе и политические) были заинтересованы в максимальном ослаблении России. Но если бы это была целенаправленная и тщательно спланированная политика, Запад был бы лучше подготовлен к проблемам, которые создал ему развал СССР.

7. Советский Союз до сих пор не умер окончательно и, возможно, идеальным решением проблемы «России в себе» и «России в мире» было бы восстановление СССР на новой основе. Если бы случилось это, большинство стран мира вздохнуло бы с облегчением. Однако идеальные решения всегда наименее реальны. Скорее всего, история всё-таки доведёт свой эксперимент до конца — хотя бы для того, чтобы подготовиться к тому, что может произойти в XXI веке с Китаем.

262

8. В силу многих (и прежде всего объективных) причин в том или ином виде перемены, аналогичные перестройке, обязательно бы начались в Советском Союзе в 80-е годы. К сожалению, к этому не был готов ни мир, ни само советское общество. Но самое главное, что по времени означенные события совпали с глубоким кризисом, начавшимся в мире в целом. Скорее всего, XXI век действительно выведет мировую цивилизацию на новую ступень, трансформирует реальную политическую карту мира (при сохранении традиционных границ) почти до неузнаваемости. К сожалению, Россия входит в XXI век без какой-либо осознанной стратегии и максимально ослабленной по всем направлениям.

9. Новизна мира в XXI веке будет носить радикальный характер, но не обязательно позитивный (с привычной сейчас точки зрения). Например, уже сегодня складывается впечатление, что российские и американские военные лучше понимают друг друга и больше готовы к сотрудничеству, чем российские военные и российские же политики. То же можно сказать о спецслужбах, о представителях крупного бизнеса и т. п. В этом смысле импотентность политической мысли и особенно воли у российского руководства более чем удручает.

10. В России никогда не возникнет сколько-нибудь мощной единой общенациональной партии, что националистической, что демократической. Даже мощных избирательных партий, типа демократов и республиканцев в США, в России скорее всего не будет. В России сейчас нет общенационального идеала, и успеет ли он сложиться, прежде чем государственные границы превратятся в условные, лишь историей освящённые линии, неизвестно.

11. Такой идеал может сложиться сегодня лишь на одной, к сожалению, сугубо негативной основе — на озабоченности судьбой русских (русскоязычных) в ближнем зарубежье. Если эта проблема не будет решена быстро, Россия продолжит проведение политики более имперской, чем хотелось бы.

12. Мощной общенациональной националистической партии в России не возникнет по многим причинам. Одна из них та, что русские в Москве, на Дальнем Востоке, на Севере, в Ставрополье и т. д. — это довольно разные люди. Хотя, безусловно, все — русские.

13. Сейчас в России формируется государственное устройство, максимально использующее механизмы и принципы

263

как централизованного царистского государства, так и централизованного коммунистического. Здесь ничего странного, ибо это привычно для нынешнего поколения российских политиков. Другое дело, что подобный механизм в XX веке дважды доказал свою несостоятельность. Нынешнее политическое руководство страны не понимает этого, а потому реставраторская тенденция нарастает и побеждает реформаторскую. Лишь серия спокойных (не кризисных) более или менее демократических президентских и парламентских выборов выведет на политическую сцену людей, которые переломят эту тенденцию.

14. В ближайшее время политика России по отношению к ближнему зарубежью неизбежно будет имперской. Важно осознать это (и вне России, и в ней) и разумно сдерживать этот объективный импульс, пока он не угаснет сам по себе.

15. Одним из главных пороков нынешних российских политиков является склонность к самообману. Ладно бы обман народа (это входит в арсенал любого политика), но самообман — верный показатель некомпетентности! Меня крайне удивляет, отчего такой умный человек, как Егор Гайдар, мог всерьёз рассчитывать на победу на парламентских выборах 12 декабря после всего того, что «его» реформа принесла избирателям, да ещё после чрезмерной своей активности в пропагандистском обеспечении расстрела Белого дома и оправдании этого шага. А ведь Егор Гайдар — один из самых молодых и демократически настроенных политиков России!

16. Ошибок у Ельцина и его окружения было много, причём с каждым днём всё больше и больше. Но главнейшая состоит в том, что он (или они) не понимают: если демократия объявлена, то власти должны играть в неё всерьёз. «Шутки» типа разгонов парламента, обманов с назначением президентских выборов и тому подобные эксперименты лишь ослабляют тех, кто ими увлекается. Далее можно сидеть только на штыках, что в современной России долго делать не удастся.

17. Гайдаровское поколение политиков (более молодое), к сожалению, этого тоже не понимает, но ельцинское не понимает даже и того, что сила президента не в максимальном собирании власти в своих руках, а в максимальном делегировании её разным демократическим институтам.

18. Судя по всему, важной субъективной составляющей судорожного хватания за власть нынешних

лидеров является

264

страх, что с их уходом миру будут представлены доказательства более чем неблагоприятной их деятельности «в личных интересах». Этот страх, может быть, и небезоснователен, но пока мы видим, как тщательно новая номенклатура хранит в тайне грехи старой. Так что опасения эти явно преувеличены: корпоративный интерес власти обеспечит по крайней мере личную неприкосновенность, хотя, скорее всего, кое-чем из полученного придётся поделиться. Но этот страх парализует политическую волю, а особенно демократические инстинкты и способность к логическому мышлению.

19. Маленький, но важный штрих. Советская (ныне российская) номенклатура крайне космополитична (в её верхнем слое активно работают на более чем ответственных постах украинцы, армяне, азербайджанцы, грузины и т. д.). Но политический антисемитизм наверху так же неизбежен, как и бытовой — внизу. Против любого претендента на пост президента, премьер-министра, спикера любой из палат парламента, руководителей Конституционного или Верховного судов, а также министров иностранных дел, обороны или внутренних дел «антисемитская карта» будет моментально разыграна, если к этому будут хоть малейшие основания.

20. Смешно, что люди, постоянно заглядывающие (якобы всерьёз) в опыт царской России, не понимают: российское общество и государство на десятилетия обречены оставаться и советскими, и социалистическими. Никакой новой власти не удастся отобрать у народа ни бесплатного образования, ни бесплатной медицины, ни многого другого, что дал ему социализм (реальный, утопический, рухнувший, обанкротившийся — называйте как угодно). Социальная и политическая змея никогда не меняет шкуру на абсолютно новую, тем более сразу. Если бы наши политики посмотрели на себя честно, они бы легко это поняли.

21. Армия. Даже средневековые князья понимали, что можно экономить на чём угодно, но не на армии. Российские политики этого не понимают. В результате армия фактически отпущена на «самокормление», чем она и занимается довольно успешно, приторговывая оружием направо и налево, создавая Кремлю, правительству и всему населению массу дополнительных проблем. И это в условиях, когда Россия вынуждена постоянно участвовать в локальных военных конфликтах и быть готовой к участию в настоящих (хотя и тоже локальных) войнах.

265

22. Ладно бы ещё деньги, сэкономленные на армии, были отданы наименее обеспеченным слоям населения. Но и этого не происходит. Вообще новая власть оказалась удивительно жестокой по отношению к народу (то есть избирателям). Безусловно, в XX веке население России второй раз испытывает на себе гнёт «социальных инженеров» — прямых наследников большевиков. Учитывая, сколь далеко в этом веке продвинулся западный мир, к которому собирается присоединиться нынешнее руководство России, как раз в сфере социального обеспечения населения, эта жестокость выглядит не только дремуче устаревшей чисто по-человечески, но и невыгодной прагматически. Экономическая жестокость в проведении реформ неизбежна и необходима, но экономическая жестокость лишь тормозит эти реформы и готовит базу для полного политического краха реформаторов (что уже и происходит).

23. Кого же кормит нынешняя власть? Прежде всего — самую себя. Безусловно, на этом этапе осуществилась мечта брежневской номенклатуры — работать как на Востоке, а зарабатывать и жить — как на Западе. Далее, власть кормит аппарат, раздув его до неприличных и прямо опасных размеров. Наконец, она кормит верхушку интеллигенции, интеллектуально-художественную пропагандистскую клаку. Более чем показательное сохранение такого явно советского института «подкупа» интеллигенции, как звания «народный артист» и т. п. Впрочем, это лишь ещё одно доказательство сохранения чисто государственнической (в противоположность демократической) линии в политике российских властей. Между прочим, скоро у нас появятся люди, именующие себя так: действительный государственный советник, народный артист Российской Федерации N. Вот он, симбиоз царской и советской России!

24. Россия ещё очень долго будет оставаться государством именно в большевистско-коммунистическом смысле этого слова. Но опасно не это, а то, что государственничество используется в первую очередь не там, где оно необходимо для сохранения государства, а там, где это нужно для сохранения власти конкретных людей или группы людей.

25. О проблеме борьбы за власть местных элит сказано очень много. И действительно, именно она формирует одну из основных линий политической напряжённости в России.

266

Центр (то есть московская бюрократия) скорее готов потерять территорию в целом, чем часть весьма символической власти над ней. Спасают дело только три фактора: во-первых, традиция существования в одном государстве; во-вторых, наличие армии и репрессивного аппарата, хотя и ослабленных, но всё-таки мощных благодаря усилиям, кстати, не нынешних демократических властей, а прежних — коммунистических; в-третьих, нежелание внешнего мира усугубить проблемы, которые он уже получил от распада СССР.

26. Особо ретивые и неумные идеологи новой власти проклинают власть прошлую (советскую и коммунистическую). А зря. Именно благодаря сепам, структурам, механизмам, созданным старой властью, страна ещё не взорвалась совсем, не разлетелась на куски в результате девяти лет реформ, девять десятых которых были неудачными, а половина — просто глупыми.

27. Отказ от института вице-президентства в новой Конституции лучше всего доказывает то, что

российская политика развивается исключительно методом проб и ошибок.

По многим причинам упразднение означенного института — действительно правильное (для России) решение. Но этот алгоритм тут же хотят перенести и в другую сферу, а именно — постепенно свести на нет и власть парламента. Чисто большевистская черта — устранять путём ликвидации с дороги любое препятствие, мешающее идти, в том числе и саму дорогу, ибо по ней нужно идти, что трудно.

28. В последние годы власти Брежнева советский социум был беремен гражданским обществом, не хватало двух-трёх крупных политических шагов, чтобы роды состоялись. И родился бы нормальный ребенок.

Но роды были искусственно ускорены (стимулированы) — в результате появился недоносок, к тому же с чертами и замашками хама. Воспитать из хама интеллигентного (в житейском смысле) человека — на это требуется время.

29. Смерть Черненко подвела черту под планомерным, упорядоченным пополнением Москвы провинциальными кадрами.

Далее на освобождающуюся от прежних номенклатурных и идеологических условностей имперскую столицу хлынули две нахлестнувшиеся друг на друга провинциальные кадровые волны: горбачёвская и (вслед за ней) ельцинская. Каж-

267

дая собиралась осесть в Кремле и вокруг него по традиции на десятилетия. Но не получилось. Не менее половины политических конфликтов в Москве вызвано враждой выходцев из этих двух волн (и их совместно — против следующих за ними политиков).

30. Комплекс выскочки, пришедшего завоевать Москву, при массовом приходе провинциальных политиков в столицу создал разрушительную активность огромной силы.

До 1985 года иногородние политические парвеню прибывали в Москву «мелкими сериями», а потому — даже ненавидя своих патронов — вынуждены были вживаться в Систему. Но затем это нашествие стало массовым. И провинциальные политики стали топтать всё, что было создано до них, а особенно прежних хозяев жизни, апофеозом чего стало унижение мертвых Ленина и Брежнева и живого Горбачёва, продолжающееся и сейчас.

31. Старая советская номенклатура выработала за 70 лет своего господства определённую политическую мораль, в значительной мере — не менее цивилизованную, чем на Западе.

В период 1990—1991 годов эта мораль, вместе с её носителями, ушла из политики. Новая российская номенклатура не имеет никакой политической морали, в этом смысле она и аморальна, и менее моральна, чем прежняя. Лишь индивидуальные человеческие качества (шаткая основа) страхуют пока от полного беспредела в этой сфере.

32. Нынешняя власть сохранила всю прежнюю систему привилегий (кроме продуктовых пайков, так как нужда в них отпала), в том числе главную из них — неподсудность при нарушении закона. В хрущёвские, брежневские, горбачёвские времена иногда возбуждались дела против крупных госфункционеров, хотя коррупции было меньше. За ельцинские годы — ни одного такого случая (кроме тех дел, которые использовались в борьбе с политическими противниками).

33. Отсутствие привычки к парламентаризму имеет то печальное следствие, что даже избранные в парламент люди с охотой бегут в президентско-правительственные структуры, подсознательно считая их настоящими государственными органами в отличие от «ненастоящих» — выборных.

Вместо того чтобы противостоять этой тенденции, укрепляя парламент (и тем самым разделяя властей), президент и его партия действовали в противоположном направлении.

268

Это одна из главнейших ошибок (чисто субъективных) новой власти.

34. Что же ищут политики в структурах исполнительной власти?

Разумеется, только одно — саму эту власть, в нынешних условиях кроме привычных атрибутов (хорошая зарплата, привилегии, гарантия карьеры и т. п.) дающую самое главное — возможность отхватить больший, чем другие, кусок собственности. Иногда это колоссальный кусок, неподъёмный для одного человека. Но всё равно — берут.

35. У новой власти много недостатков и грехов. Безусловно, одним из самых больших недостатков является неумение управлять людьми демократически (хотя именно это провозглашено как один из основных лозунгов), то есть в оппонировании им, и нежелание принимать их критику по крайней мере как информацию о состоянии управляемой системы. Грехом же является нежелание признать этот недостаток и исправлять его. Ещё большим грехом — умение и готовность уничтожать оппонента (даже если это народ в целом) морально, затем политически и, кажется, даже физически (схватка вокруг Белого дома).

36. Особый путь России состоит не в каком-то симбиозе западной и восточной модели, а в умении (или неумении) управлять огромной территорией, населённой очень разными народами, состоящей из разных климатических зон и т. д. Управлять Россией — это всё равно, что управлять всей Европой от Италии до Норвегии, от Гренландии (принадлежащей, как известно, Дании) до Чехии. По единому шаблону не удастся (и не удавалось) — нужно найти, наконец, эффективный многовариантный механизм. К этой проблеме ещё даже не подступила нынешняя власть.

37. Российские политики, занимающие государственные посты, к сожалению, не скоро отучатся от привычки нарушать законы. Поразительно, что за последние два года высшие должностные лица России, не уставшие требовать законопослушания от простых граждан и своих «братьев меньших» в аппарате,

регулярно и чаще всего целенаправленно нарушают все основополагающие законы, включая Конституцию. Это уже складывается в порочную традицию, которая трансформируется в ещё более опасную вещь — становление права (точнее говоря, произвола) политического победите-

269

ля переписывать законы по своему усмотрению и закреплять в этих новых законах свою победу.

38. Нынешняя власть абсолютно не готова к поражениям, а они неизбежны в политической борьбе. Первая её реакция на поражение — объявить его победой. Вторая — уничтожить или хотя бы дискредитировать победителя. Третья — ликвидировать механизм, с помощью которого оппонент пришёл к победе.

39. Эта тенденция проявляется и в экономике. Очевидные негативные последствия реформ объявляются их достоинствами, контроль над курсом доллара на Московской валютной бирже — контролем над инфляцией, контроль над инфляцией — контролем над ценами и т. п. Причём этот пропагандистский обман направляется как вниз (к народу), так и вверх (к президенту).

40. В столь вождистской (по историческим корням и по фактическому положению вещей сегодня) системе личность президента играет громадную роль. Безусловно, знания, возможности и политический кругозор Бориса Ельцина не соответствуют уровню и сложности проблем, которые необходимо решать сегодня главе государства в России. Следовательно, при нынешнем президенте коренного поворота к лучшему не произойдет.

41. Больше того, обладая огромной, хоть и неэффективной для решения действительно существенных проблем, властью, Ельцин формирует в Москве дворцово-аппаратную структуру, которая в худшем случае закрепится как государственная традиция, в лучшем — создаст громадные помехи для прогрессивных действий следующего, реально демократического президента.

42. Но есть ещё два порока у этой системы. Один связан с перспективой (хоть и не очень вероятной) прихода к власти человека типа Жириновского. Другой — с широкими возможностями для возрождения традиции дворцовых переворотов.

43. Если под слухами о неладах со здоровьем Бориса Ельцина лежат серьёзные основания (а в последние годы в СССР и России, к сожалению, все неприятные слухи подтверждаются), то мы, безусловно, переживём один или два таких переворота.

44. Судя по всему, не исключена и возможность рождения небывалой ранее в России традиции чисто военных перево-

270

ротов. Высший генералитет крайне не заинтересован в неизбежном (раньше или позже) ограничении своих привилегий и, конечно, потерял всякое уважение к политической власти. Кроме того, он фактически выведен из-под контроля правительства и парламента.

45. Раздел собственности в России не закончится миролюбиво, если удовлетворены будут только государство (и его чиновники) и крупные собственники. Если основное население страны, фактически только теряющее (особенно относительно богатеющих) в процессе реформ, не будет удовлетворено объёмом выделенной им собственности, то общество ждут новые потрясения. Этого не понимают реформаторы и особенно обезумевшие в раже разграбления общего достояния функционеры. Они не понимают, что ограбленный до нитки человек рано или поздно выйдет на улицу. К сожалению, нынешняя ваучерная приватизация идёт по этому пути — с её помощью ограблены уже все, кто продал свои ваучеры, и не менее половины остальных «прогорят», неудачно их вложив.

46. Глупо думать, что недостатки политики президента и его лично как человека не видят те, кто находится в разной степени близости от Бориса Ельцина, но фактически связал свою политическую судьбу с этим именем. И здесь действуют две разнонаправленные тенденции. Одни всё больше сплываются вокруг «хозяина», изолируя его от реальной жизни. Другие ищут персональную альтернативу нынешнему президенту, которую именно они приведут к власти. С весны прошлого года этим занимаются постоянно и целенаправленно. Так двор раскалывается на две враждующие «дворцовые» партии. И действительно, нечто вроде «завязок» потенциального дворцового переворота возникает постоянно.

47. Вокруг президента есть немало умных и честных людей (но, видимо, всё-таки меньшинство и не на главных ролях). Они пытаются минимально цивилизовать и демократизировать президентскую политику, ограничить масштабы негативной деятельности собственно президента и его окружения.

48. Вообще именно в такие периоды, как нынешний в России, особенно хорошо видно, как развращает власть большинство людей. Причём не только в исполнительных структурах. В старом Верховном Совете было ничуть не меньше дураков и мерзавцев, чем в правительстве и президентском

271

аппарате. Более того, в новом парламенте таких людей не меньше, чем в прошлом, а некоторых, с которыми я знаком лично (таких немало) или по их скрытым от публики поступкам, не стоило бы допускать до руководства ЖЭКом — не то что страной. Безусловно, в современных условиях невежде и негодяю прорваться на самый верх легче, чем в 60—70-е годы. Так закладываются будущие пороки власти в России.

49. Коррупционность госаппарата достигла абсолютного максимума (один мой знакомый, знающий толк в этих делах, сказал: только двум людям в Москве пока не определена цена). Чиновники жёстко контролируют ход реформ (и особенно приватизацию всего и вся), допуская к куску пирога только тех, кто способен и готов отблагодарить за это соответствующей мздой. Личный интерес, безусловно, превалирует над государственным (или общественным).

50. Для многих политиков и владельцев крупных состояний тот или иной поворот российской политики в буквальном смысле слова является вопросом жизни и смерти. Жёсткость и жестокость борьбы в этих условиях могут только нарастать.

51. Спецслужбы (особенно бывший КГБ), безусловно, составляют самостоятельную политическую силу, хотя и не решающую, но такую, иметь которую союзником жизненно важно, а противником — смертельно опасно. Именно этим, а не какими-то там «демократическими идеалами» объясняется политическая борьба, ведущаяся вокруг спецслужб. К тому же очевидно, что они слишком много знают и о грехах новой власти.

52. В поведении военных многое объясняется и тем, что в процессе ликвидации СССР власть фактически сняла с офицеров и генералов присягу. Второй раз эта операция была проведена 21 сентября—5 октября 1993 года. Восстановить уважение к политической гражданской власти в этом поколении военных, разумеется, уже не удастся.

53. Почему же Россия до сих пор не погибла? Ведь нет никаких причин, которые хотя бы заставляли ходить в ней трамвай. Однако они по-прежнему ходят. Тому много объяснений, но стоит назвать лишь несколько, отнеся их к мощным позитивным тенденциям, отчасти уравнивающим негативные. Правда, все эти позитивные тенденции нельзя поставить в заслугу нынешней власти.

272

Во-первых, большинство наших людей консервативны и терпеливы по своей природе. Чтобы заставить их взяться за оружие, нужно очень много невзгод и очень много ошибок политиков.

Во-вторых, в России существует традиция уважения государственной власти (любой, даже самозваной), ибо Россия действительно имеет традиции законопослушания, пусть не такие прочные, как на Западе, но очень давние.

В-третьих, Россию цементируют отколовшиеся от нас окраины, особенно те, где идут вооружённые конфликты. Это заставляет народ сохранять спокойствие, а московские власти — думать, стимулирует их активность.

В-четвёртых, спасают колоссальные природные богатства страны, а также её индустриальная мощь, созданная под руководством коммунистической власти.

54. Лучше всего демонстрирует отсутствие у президента (да и верховной власти в целом) четкого и ясного плана реформирования России то, что никто из рядовых (да, думаю, и нерядовых) граждан России такого плана никогда не читал. Конечно, можно предположить, что он существует, но секретен: мудрые кремлёвские стратеги хранят его в тайне и в тайне же совершенствуют свои далеко идущие расчёты. Однако стоит ли мифологизировать то, что на самом деле имеет простое объяснение: реформа делается по наитию, спонтанно, в зависимости от настроения, частных интересов, расстановки сил в текущем политическом противостоянии.

Уйдя в отставку, президенты пишут книги, дабы оправдать ошибки, неизбежные у любого политика. Находясь на своём посту, президенты (особенно в кризисные периоды) предлагают программы вывода страны из кризиса, а не мемуары. Где эта программа в России? Может быть, мы услышим её 18 февраля в президентском послании парламенту? Хотелось бы верить, но не верю...

55. Демократия в России победит окончательно только тогда, когда либо президент покинет Кремль, либо в нём разместится парламент. Власть одного человека над такой большой территорией, замкнутой крепостной стеной и наполненной сокровищами, принадлежащими всей нации, неизбежно трансформирует сознание нормального политика в манию величия и собственной безгрешности.

271

Президентский императив: от конфронтации к партнёрству

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию (мой проект)

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 18.02.1994

Уважаемые депутаты Совета Федерации и члены Государственной Думы!

Обращаясь к вам с первым ежегодным посланием, я, Президент Российской Федерации, учитывая присущее вам и особенно вашим и моим избирателям неизбывное чувство юмора, воздержусь от перечисления успехов президентской политики в 1993 году, равно как и политики правительства, сформированного назначенным мною главой кабинета. Ограничусь лишь констатацией того факта, что не всё, что можно было, разрушено, не всё уничтожено, не всё пришло в полный разор и беспорядок. Самое главное — граждане России, несмотря на тяжкое финансовое, экономическое и политическое бремя, которое возложили на них многочисленные и постоянно конфликтующие институты власти, до сих пор не пожелали какими-либо активными действиями смести с политической сцены всех, как избранных, так и назначенных, чиновников, проводящих в основном в собственных интересах то, что ныне называется реформами. Это главный, а практически и единственный позитивный итог прошедшего года, а шире — и всего исторического периода, начавшегося в августе 1991 года и вознесшего меня, крайне слабо подготовленного к этой миссии, на вершину государственной власти в России — стране с великим и трагическим прошлым, трагическим и ничтожным настоящим и пока ещё неизвестно каким будущим.

Сегодня очевидно, что все мы стоим перед лицом либо национальной катастрофы, либо

национального прозябания. Но вырваться за пределы этой жестокой дилеммы и можно, и должно. На мне как на президенте страны лежит в этом смысле особая ответственность, связанная прежде всего не с моим видением будущего России (здесь есть люди, видящие и дальше, и глубже, и яснее меня), а с необходимостью снятия с глаз власти шор, которые мешают ей и запрещают другим трезво оценить уже содеянное и извлечь из него необходимые, хотя и беспощадные для всех нас уроки.

Основываясь на этих трёх фундаментальных факторах (итогах моей политики в 1993 году, опасностях будущего и моей ответственности сегодня), я и предлагаю свою новую политическую программу на ближайший год и до июня 1996 года — до дня вторых президентских выборов в России. Я не навязываю в этой программе ни депутатам, избранным народом, ни самому народу своих представлений о том, какой будет Россия за этим порогом. Не в этом должны состоять моя цель и моя обязанность. Моя обязанность состоит сегодня главным образом в том, чтобы сохранить стабильность в стране, не позволив прервать ни объективной преемственности её исторического развития, ни хода тех реформ, которые желают и могут воспринять и провести граждане России.

И в этой связи я давно уже был обязан сказать о двух вещах. Сегодня, пусть с опозданием, я делаю это.

Первое. Я публично и торжественно обещаю вам и избирателям, всему населению России и всему миру (ибо судьба России неизбежно скажется на судьбе мира), что принял решение, не подлежащее пересмотру ни при каких обстоятельствах, — решение не выставлять свою кандидатуру на президентские выборы 1996 года, не переносить срок этих выборов по собственной воле и не поддерживать чью-либо инициативу о каком-либо пересмотре срока президентских выборов ни в ту, ни в другую сторону. Главная цель этого решения — открыть дорогу новому поколению политиков, более чем мы, первопроходцы реформ, осознающему интересы России в XXI веке.

И второе, о чём я должен сказать в начале своего послания, это о своём раскаянии в ошибках, совершённых мною за последние два с половиной года.

Первая ошибка — участие в ликвидации Советского Союза без санкции тогдашних депутатов и тем более избирателей,

граждан той страны. Особые мои извинения в этой связи — людям русским и считающим себя русскими, тем, кто в результате этой поспешной и во многом бессмысленной операции остался за пределами нынешней России — без прав, без материальной поддержки, без защиты, без надежды на скорое и беспроblemное возвращение на родину.

Вторая ошибка — беспощадность экономической реформы, и прежде всего — либерализации цен, уничтожившей достаток десятков миллионов семей. Я не обеспечил сохранности сбережений, которые граждане России честным трудом копили, отказывая себе во многом долгие годы.

Третье, в чём я хочу покаяться, это в нарушении Конституции, на которой я в 1991 году принес президентскую присягу.

Четвёртое — в ликвидации, а затем и расстреле из танков Верховного Совета, избранного народами России парламента. И особенно в жертвах с обеих сторон, принесенных на алтарь этого бессмысленного решения, поставившего страну на грань гражданской войны.

Пятое моё покаяние — в оскорбительной и глубоко несправедливой кличке «красно-коричневые», брошенной моими сотрудниками и сторонниками многим депутатам и их избирателям.

Шестая моя ошибка, в которой я тоже хотел бы покаяться, — вынесение на референдум и обеспечение принятия меньшинством избирателей текста Конституции, не утверждённого каким-либо собранием, уполномоченным на то (прямо или через своих представителей) избирателями.

Наконец, седьмой мой грех, в котором я должен покаяться, прежде чем перейти к основной части своего послания, состоит в отсутствии до сих пор ясного, чёткого, убедительного и получившего поддержку народных избранников всестороннего плана вывода страны из глубокого кризиса и стратегии как политических, так и экономических реформ.

Единственное, ради чего президенту стоит в такой ситуации оставаться президентом, так это ради исправления этих ошибок, по крайней мере тех, что ещё можно исправить. Как? Выработке ответа на этот вопрос я и хочу посвятить ближайший (а фактически предпоследний) год моего президентства — с вашей помощью, господа депутаты, конечно. И сегодняшнее моё послание содержит те выводы и предполо-

жения, которые я хотел бы обсудить с вами и после вашего одобрения начать реализовывать.

Моя нынешняя президентская программа состоит из нескольких пунктов, объективное содержательное значение которых неравноценно. Но важно понять, что в политическом и, может быть, даже в символическом смысле (а символы в государственной политике иногда даже важнее её содержания) значение этих как бы излишне частных и излишне конкретных пунктов программы ничуть не меньше, чем, например, прояснение наконец-то стратегии экономических реформ, ибо реализация именно этих пунктов, по моему убеждению, послужит консолидации общества — главной предпосылке успеха любых, самых радикальных изменений в стране.

1. Я объявляю о своём решении (и уверен, что депутаты, избранные народом, меня в этом поддержат) перенести официальную резиденцию Президента Российской Федерации из Московского Кремля, который наконец-то станет полностью открытым и доступным для всех, кому принадлежит эта

общенациональная историческая, культурная и материальная сокровищница.

Безусловно, президент России должен иметь достойную нашей истории, нашей государственной традиции и весу России в мире резиденцию. И безусловно, она должна находиться в центре Москвы, недалеко от Кремля, ибо проведение важнейших государственных церемоний немыслимо вне его стен. Есть здание, удовлетворяющее обоим этим требованиям. Это так называемый Пашков дом, возвышающийся, если уж говорить о величии власти, даже над Кремлём. Ныне Пашков дом принадлежит Государственной публичной библиотеке, известной всему миру как Библиотека им. Ленина, второму по богатству книжному собранию мира. У библиотеки нет средств на его реставрацию. Поэтому я и предлагаю к 1996 году за счёт средств администрации президента отреставрировать Пашков дом для использования в качестве официальной резиденции главы Российского государства, а Государственной библиотеке России передать весь комплекс зданий в Кремле, занятых ныне президентскими службами. По-моему, нет более справедливого и более отвечающего политическим и культурным целям нового российского государства решения сразу двух важнейших проблем.

277

2. Я прошу Федеральное собрание поддержать меня и в решении похоронить одного из величайших, хотя и кровавых, как часто, увы, было в нашей истории, государственных деятелей российского государства Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Мавзолее, построенном на Красной площади в его память и честь. Само здание Мавзолея, являющее собой архитектурный и исторический памятник России, объявляется неприкосновенным, не подлежащим переделкам. Одновременно прекращаются какие-либо захоронения в некрополе на Красной площади у Кремлевской стены, но сам некрополь также остается неприкосновенным, как всякое подобное место во всяком цивилизованном государстве.

3. У здания так называемого Белого дома на Краснопресненской набережной на средства, выделенные из бюджета администрации президента России, я предлагаю возвести памятник жертвам кровавых событий 3—4 октября 1993 года, а может быть, и жертвам всех гражданских войн и конфликтов в России в XX веке. Мне кажется, что именно у этого памятника и именно в этом месте будущие президенты новой России могли бы приносить свою президентскую клятву на верность Конституции.

Из своих личных средств я передаю (указывается сумма) рублей в фонд создания этого монумента нашего общего покаяния, раскаяния и примирения.

4. Приняв эти решения, ставящие точку в моём личном расчёте с прошлым, я могу перейти к тому, что необходимо заявить и для общего нашего примирения со всем и великим, и ужасным, что было в истории Российского государства, а именно: современная Российская Федерация является прямой наследницей Союза Советских Социалистических Республик и предшествовавшей ему Российской империи. Юридически этот факт непреложен и помимо нашего желания, мы же должны лишь признать, что настала пора прекратить осыпать проклятиями прошлое нашего государства, не забывая, однако, его кровавых страниц, но и не делая их (особенно это касается сегодня Советского Союза) единственным содержанием этой истории. Большая часть того, что сегодня нам предстоит максимально справедливо разделить на новой экономической основе между государством и группами граждан, создано в годы Советской власти и при господстве КПСС. Это была плохая власть (иначе бы она не рухнула), но

278

она, многое уничтожив, неизмеримо больше создала. Это не только наше наследие, но и наше общее наследство. Перестанем же проклинать тех, кто его нажил (тем более что сами мы ещё мало что создали и пока не осчастливили людей, как обещали), а давайте вместе подумаем, как распорядиться богатствами России лучше прежних хозяев.

5. Перед Россией как перед государством стоят несколько приоритетных и масштабных задач:

- завершение своего становления как суверенного по отношению к внешнему миру государства;
- определение судьбы людей, считающих себя гражданами России, но находящихся за её пределами;
- установление новой демократической государственно-политической системы;
- проведение радикальных рыночных реформ, реорганизующих систему собственности, производства, распределения, налогообложения, государственного экономического регулирования и финансовую систему;
- сохранение при этом внутренней стабильности государства и общества по всем направлениям, но не авторитарным, а тем более не репрессивным путём (за исключением, может быть, некоторых межэтнических конфликтов и роста преступности);
- сохранение целостности России;
- восстановление управляемости государства;
- становление гражданского общества, в максимальной степени выводящего повседневную жизнь людей из-под контроля государства и особенно из-под экономической зависимости от него;
- приостановление падения уровня жизни большинства граждан России и демографического вырождения нации;
- сохранение наибольшего числа социальных гарантий, полученных обществом при предшествующем режиме;
- перелом тенденции экономического спада и переход к экономическому росту.

Большинство этих задач невозможно решить в рамках оставшегося мне срока нахождения на посту президента. Следовательно, моя обязанность — сделать всё, чтобы не остановился ни один позитивный

процесс, чтобы воля отдельных лиц, групп или партий не навязала обществу схем, механизмов, институтов и самого государственного устрой-

279

ства, которые не соответствуют нормальным интересам большинства граждан и национальным интересам России в целом. И, наконец, не закрыть ни одной, пусть даже неразумной, на взгляд нынешней власти, альтернативы демократического развития.

6. Если в целом охарактеризовать основную линию президентской политики в ближайший период, которую, я надеюсь, поддержат и другие государственные институты, и политические силы общества, — это переход от стратегии социальной и политической конфронтации к стратегии и, что очень важно, повседневной тактике политического и социального партнерства и, я бы даже сказал, миротворчества.

7. В качестве первого шага, знаменующего это изменение президентской политики, я выношу на решение Федерального собрания предложение об объявлении политической амнистии подсудимым по делу ГКЧП и подследственным по делу о событиях 3—4 октября в Москве.

8. Из названных мною выше приоритетных задач, стоящих перед Россией, первые две всё-таки должны быть решены в кратчайшие сроки, ибо первая напрямую связана с национальной безопасностью страны, а вторая — с судьбой и безопасностью 25 миллионов её фактических граждан. Поэтому уже сегодня, несмотря на переходный характер нынешнего политического режима, их нужно решать, причём решать кардинально.

Решение первой задачи невозможно без определения цели и стратегии строительства нового российского государства как важного и крупного элемента международной системы. Здесь в принципе возможны пять альтернатив, и об этом необходимо заявить честно и открыто.

Первая альтернатива: Россия объявляет своей стратегической целью восстановление на новой основе единого Российского государства в прежних или близких к ним географических границах СССР.

Вторая альтернатива: признание бывших административных границ РСФСР в рамках СССР государственными границами новой России и, в этом случае, придание этим границам всех функций государственной границы, начиная с первой — непроницаемости её извне без воли уполномоченных на то органов Российской Федерации.

Третья альтернатива: признание бывших административных границ РСФСР основой государственной границы но-

280

вой России, но с восстановлением суверенитета России путём переговоров и на тех или иных условиях (включая обмен территориями и механизм кондоминиума — совместного владения) над некоторыми регионами других республик, выделившихся из СССР.

Четвёртая альтернатива: не пройдя ещё этапа полной суверенизации, сразу перейти к созданию по сути конфедеративного союза в составе некоторых республик бывшего СССР.

Наконец, пятая альтернатива: предложить желающим того республикам бывшего СССР войти в состав единого Российского государства на правах субъектов Федерации и на основе заключения специального, особого в каждом конкретном случае, двустороннего договора.

Вы прекрасно понимаете, что этот вопрос не может быть решён ни отдельно президентом, ни парламентом, ни даже всем народом России на референдуме, ибо в первых двух случаях это решение не будет учитывать волю избирателей, а в последнем может поставить власти России в сложнейшую ситуацию, когда они обязаны выполнять волю народа, но не могут этого сделать, ибо реализовать эту волю можно лишь путём военной агрессии против уже суверенных и признанных мировым сообществом государств.

Однако без откровенного ответа на поставленный вопрос мы не можем дальше формировать ни внешнюю, ни внутреннюю политику России, ибо, и это естественно, разные ответы на этот вопрос сегодня дают не только различные партии и общественные движения, как представленные, так и не представленные в парламенте, но и разные государственные учреждения России и даже разные должностные лица одного и того же учреждения из тех, кто в своей деятельности руководствуется различной трактовкой перспектив решения этой проблемы.

Не имея гласного ответа, мы испытываем сегодня разнонаправленное влияние очень реальных и очень могущественных негласных ответов. Закрывать далее на это глаза безответственно и прагматически неверно, ибо рождает как минимум хаос, непредсказуемость и безответственность многих действий, представляемых в качестве официальной государственной политики России.

Кто может ответить на этот вопрос? Видимо, Учредительное собрание, о созыве которого я скажу далее, как специаль-

281

ный орган, в принципе способный и полномочный решать такие вопросы.

9. Однако судьба как минимум 25 миллионов потенциальных российских граждан, сейчас находящихся за нынешними границами страны, столь сложна и, увы, чревата реальными опасностями, что не может оставить власти России безучастными.

Поэтому я предполагаю в ближайшее, при вашем согласии, время предпринять следующее: обратиться к государственным органам бывших республик СССР с предложением в течение года решить совместно со своими гражданами вопрос о добровольном вхождении в Российскую Федерацию на основе пятого варианта, изложенного в 8-м пункте моего послания, либо, в случае отказа решать этот вопрос или в случае отрицательного решения, приготовиться к тому, что ровно через год Россия примет на свою

территорию всех, кто считает себя гражданами России. К таковым, за пределами Российской Федерации, имеют право отнести себя все, имеющие в прежнем советском паспорте запись в графе национальность «русский» или иную, не совпадающую с государствообразующими национальностями выделившихся из СССР 14 государств, если на территории России живут представители этих иных национальностей. Кроме того, гражданами России из жителей бывших республик СССР имеют право быть признаны, по их желанию, все свободно говорящие по-русски. А также члены семей всех перечисленных категорий граждан бывшего СССР.

Наверное, эти критерии могут быть как-то уточнены, но не может больше продолжаться положение, когда фактические граждане России не имеют возможности жить в своей стране, не защищены ею и даже не имеют российского паспорта— документа, юридически свидетельствующего их статус.

10. В этой связи в течение ближайшего года будет осуществлена выдача паспортов граждан Российской Федерации всем, кто таковыми является или желает являться. До решения этой проблемы в новой Конституции устанавливается мораторий на признание двойного гражданства для граждан РФ, применительного к государствам, образовавшимся на месте бывшего СССР.

282

11. По моему заданию начинает разрабатываться и в течение года должна быть реализована программа подготовки массового переселения российских граждан и их семей из-за рубежей России. Переселение будет осуществляться полностью за счёт государства.

12. Ни один из сегодняшних государственных институтов России не может рассматриваться как неизменный, ибо законодательная база, включая нынешнюю Конституцию, на основе которых они создавались или существуют, принимались со многими юридическими и политическими погрешностями. Это, однако, не означает, что мы вступаем в новый этап ломки государства. Нет, мы вступаем в новый этап политических реформ, преемственных всему из прошлого, в том числе и недавнего, что не вызывает сомнения или не требует немедленного изменения.

Неизменными являются территориальная целостность и единство России, народовластие, осуществляемое через представительные органы, принцип разделения и независимости властей и незыблемость всех прав и свобод граждан.

Однако не снята задача общественного определения и законного юридического оформления самого государственного устройства России. Решить эту задачу способно только Учредительное (Конституционное) собрание, которое должно разработать проект новой Конституции страны и дать ответы на основные вопросы по формированию приоритетов государственной политики России на период разработки, принятия и ввода в действие новой Конституции.

К сожалению, сейчас нереально говорить о проведении специальных выборов депутатов Учредительного собрания. Поэтому наиболее приемлемым вариантом представляется следующий.

Число членов Учредительного собрания определяется в 200, из них:

— 50 человек избираются Государственной Думой;

— 50 человек — Советом Федерации;

— 50 человек назначаются президентом;

— 50 человек представляются партиями и общественными движениями, не прошедшими на выборах в Думу; профсоюзами, религиозными объединениями; наиболее авторитетными общественными и творческими союзами; научным сообществом; экологическими движениями.

283

Депутаты Учредительного собрания избираются весной 1994 года, собираются на своё первое заседание 12 июня этого года и работают в Кремле до полного выполнения своей миссии.

До начала работы Учредительного собрания я предлагаю объявить мораторий на принятие любых законов, изменяющих нынешнее политическое устройство в стране.

13. Решение о созыве Учредительного собрания не должно стать препятствием для осуществления текущей политической и хозяйственной деятельности, хотя нынешнее правительство и должно осознать свой переходный статус. Я же, как президент, собираюсь ещё до созыва Учредительного собрания восстановить полностью некоторые государственных институтов и конституционных принципов доступными мне средствами.

14. Прежде всего будет восстановлена независимость судебной власти, и в первую очередь Конституционного суда.

15. Будет реализован в полной мере принцип отделения церкви от государства, в частности, путём отказа от каких-либо государственных приоритетов в отношениях с той или иной конфессией, введением запрета на проведение каких-либо религиозных церемоний в государственных учреждениях, армии и внутренних войсках и запрета на участие должностных лиц государства в своем официальном статусе в церковных церемониях. Это касается всех федеральных должностных лиц.

16. Как президент, я отказываюсь от какого-либо вмешательства в политику правительства, кроме назначения и увольнения в отставку его главы. Вместе с тем я хочу указать на основные направления деятельности кабинета, которые должен обеспечить назначенный мною глава правительства. К тем, что с очевидностью относятся к компетенции правительства из списка, данного в пункте 5 этого послания, я бы добавил следующее:

— выработка предложений по радикальной налоговой реформе и стабильность налоговой системы;

— реформа программы приватизации;

- выработка программы борьбы с безработицей, определение программы общественных работ;
- разработка реальной и эффективной программы антимонопольной деятельности;

284

- восстановление нормальной деятельности системы здравоохранения;
- сохранение работоспособности и безопасности транспортной системы страны.

Правительство также должно обеспечить реальную независимость действий Центрального банка России.

Естественно, что в переходный период нынешнее правительство обязано не только сохранять государственную промышленность и сельское хозяйство от окончательного разрушения и обеспечивать структурную перестройку экономики, но и продолжать политику борьбы с инфляцией и минимизации дефицита государственного бюджета.

17. В целях помощи правительству совместно с Федеральным собранием и учитывая сложившуюся на сегодняшний день временную подчинённость ряда министерств непосредственно президенту, я, используя нынешние штаты моей администрации, даю указание подготовить к рассмотрению Федеральным собранием и, возможно, Учредительным собранием следующие президентские программы:

- сокращения госаппарата;
- борьбы с преступностью и коррупцией;
- развития ВПК и фундаментальных научных исследований;
- определения концепции национальных интересов России и стратегии её внешней политики;
- разработки концепции развития межнациональных отношений и разрешения межнациональных конфликтов;
- реформы армии и разработки новой военной доктрины России;
- реформы спецслужб и разработки концепции внутренней безопасности России;
- возвращения валютных средств граждан и организаций России в страну.

18. Перед президентом, равно как и парламентом страны, стоит вопрос о судьбе Федеративного договора, подписанного в 1992 году, но не вошедшего в нынешнюю Конституцию. На мой взгляд, это ещё один важный пункт повестки дня Учредительного собрания, а до его созыва должен сохраняться нынешний статус-кво в этой области.

285

19. Мне, как Президенту, вместе с парламентом и при консультациях с правительством необходимо обеспечить на ближайшие два-три года как минимум стабильные и ясные «правила игры» в сфере экономики, что послужит толчком к началу нормальной инвестиционной политики внутри страны. Кроме того, правительству, которое уже кое-что делает в этом направлении, необходимо усилить политику таких преференций честному и легальному национальному капиталу, которые бы помогли российским предпринимателям если не в ближайшем будущем, то к началу XXI века достойно и солидно, я бы даже сказал экономически агрессивно, выйти на международный уровень, проникнуть на рынки других стран, в том числе и западных.

Открытость российской экономики не должна быть односторонней, а сырьё и «серое вещество» не могут долго оставаться главными статьями нашего экспорта. Экспорт капитала, передовых технологий и промышленных изделий — вот цели, которые должна поставить перед собой российская экономика и обслуживающее её правительство, состоящее не из чиновников по руководству экономикой, а из чиновников по созданию условий для её расцвета и экспансии за пределы страны.

* * *

Опыт ликвидации парламентской власти и ограничения независимости судебной власти, проведённый в современной России по моей инициативе, оказался негативным. Не оправдались расчёты на то, что в результате этой операции страна будет более управляемой, правительство более компетентным и ответственным, а реформы более последовательными. Всего этого не случилось. Больше того, исполнительная власть в отсутствие оппонирующей ей и уравнивающей её парламентской власти сама разделилась на два враждующих лагеря, что не внесло ни ясности, ни эффективности в и без того хаотическую, аморфную и противоречивую внешнюю и внутреннюю политику государства.

Исходя из этого печального опыта, я заявляю, что Федеральное собрание в целом и каждая его палата в отдельности не должны ни испытывать опасения за свою судьбу, ни ждать, что президент и его правительство заключат тайный союз с одной из палат в ущерб нормальным контактам с другой.

286

Полноценный институт президентства в России не может существовать, если в ней не будет создан полноценный институт парламентаризма. Этот вывод является отныне императивом моей политики как президента, а дальнейшее пусть решит Учредительное собрание.

Нынешние руководители России, включая в первую очередь её президента и парламент (ибо правительство пока будет лишь техническим, хотя и профессионально независимым исполнителем нашей консолидированной воли), должны ясно видеть перед собой одну важную цель: сделать всё, что в их силах, чтобы подготовить нынешнюю Россию к вступлению в XXI век на равных с такими странами, как США, Япония, Германия, Франция, Великобритания. Мы обязаны не смотреть в прошлое, находя в нём только поводы для ссор и конфликтов, а заглядывать в будущее, осознавая преходящий характер и нынешнего политического режима, и нынешних политических недоразумений. А чтобы нынешние руководители, которых история неизбежно оставит в XX веке, не были отвергнуты и прокляты теми, кто придёт после нас

в будущем тысячелетии, сегодня нам необходимы:

Партнёрство вместо конфронтации,

Стабильность вместо революций,

Демократия вместо авторитаризма и Успехи вместо поражений.

287

1996-й. Конец России? (9)

Общее дело или единая цель?

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 23.11.1994

Поскольку общество по природе своей является совокупностью разнонаправленных эгоистических воль, оно повседневно взрывается миллионами микроконфликтов, наиболее массовые из которых образуют, например, феномен преступности. Время от времени в обществе возникают и конфликты среднего и даже макроуровня (массовые забастовки, промышленные региональные или национальные кризисы, революции и т. п.).

Микроконфликты могут стать детонаторами и общенациональных кризисов или даже политических переворотов. Если, например, в таком конфликте оказались лица, обладающие очень большой государственной или финансовой властью. Или если однотипные микроконфликты принимают характер общественной эпидемии (нынешняя волна преступности, более спокойный пример — трудовые конфликты, умножение которых может приводить к смене правительства или даже самой экономической политики). Совершенно очевидно, что российское общество испытывается сегодня на прочность практически всеми возможными типами конфликтов всех уровней.

В нормально функционирующем и стабильном обществе развитая государственная система, основанная на традициях, законах; специальных координирующих институтах, включая репрессивные; механизмах ротации лиц, находящихся у власти; механизмах неподконтрольного центральной власти самоуправления и т. п., гасит эти конфликты до, по крайней мере, того

288

предела, который не ставит под вопрос существование самого общества.

Однако для сложных обществ (полиэтнических, например, а также слишком больших по числу членов, расположенных на территориях со слишком разнообразными климатическими условиями, и т. п.), к которым, безусловно, относится Россия, помимо эффективно действующей исторически-государственной системы, требуются ещё и дополнительные скрепы. Наиболее отчётливый пример такой скрепы — патриотизм в момент иностранной вооружённой агрессии. Очень опасный в периоды мирной и стабильной жизни, он часто является единственным спасением в период вооружённого противостояния.

Как действует патриотизм? Очень просто. Перед лицом внешней угрозы стране в целом он на время делает для большинства населения несущественными все внутренние недостатки этого общества и особенно государства, управляющего людьми на основе традиций и того общественного договора, который чаще всего закрепляется в конституции.

Но и в мирное время общество нуждается в аналогичных скрепах, только не столь жёстких и жестоких, как патриотизм, ибо даже самое демократическое государственное устройство (в России отсутствующее) даже в самом простом обществе (Россия не такова) время от времени проявляет свои внутренние изъяны.

Тоталитарное общество находит такие скрепы прежде всего в государственной идеологии, то есть — в ЕДИНОЙ ЦЕЛИ. Идеология сродни патриотизму, но только перенесённому из экстремальных условий в мирную жизнь.

По большому счёту, каждое общество в чём-то тоталитарно. Но изощрённый тоталитаризм, смыкаясь с демократией, ставит во главу угла не будущее, а настоящие интересы, и не общества (а особенно не государства) в целом, а отдельных его членов, причём обязательно из разных социальных слоев. Безусловно, такая изощрённая тоталитарная идеология существует в США, где практически тотально защищены, например, свобода слова и право частной собственности. Причём, повторяю, для всех и не в будущем, а сегодня.

Но в отличие от общества единой цели (идеала, отнесённого в будущее, — коммунизм тому пример) нормально функционирующее общество постоянно порождает цепь

289

ОБЩИХ ДЕЛ — достаточно скоротечных (в смысле реализации) общих целей. Это как бы этапы реализации государственной идеологии, каждый из которых не отрицает самой конечной цели.

Коммунизм потерпел поражение не потому, что был плох сам по себе как единая цель, а потому, что в своём достижении требовал реализации отрицающих его промежуточных целей. Например, достижение всеобщего материального благосостояния через всеобщее уравнильное материальное неблагополучие. К той же единой цели американцы шли через постоянное накопление конкретного богатства конкретных людей.

Общее дело может выражаться и в очень конкретных вещах (строительство автомобильных дорог в Германии и тех же США), и в достаточно абстрактных (деголлевская цель сохранения исторической роли Франции на мировой арене, а особенно в Европе и Африке).

Ни одно, даже самое тоталитарное, общество не может быть долгое время настолько тоталитарным,

чтобы не порождать внутри себя достаточно нормальных — с точки зрения идеалов человеческой цивилизации — общих дел. Такие общие дела (сейчас бы их называли на американский манер общенациональными программами) существовали и в СССР. В конечном итоге именно они помогали выживать этому сложнейшему государству. Это и план ГОЭЛРО, и индустриализация, и создание действительно массовой системы образования, и космическая программа, и освоение целины как реакция на крах порочной по методам коллективизации, и хрущёвская программа строительства «пятиэтажек». Успех приходил там, где общее дело (общее, кстати, не только для людей, но и для государства и людей) не могло игнорировать самого человека. Нельзя было создать всеохватывающую систему образования, не обучая людей. Но можно было вводить коллективное хозяйство в деревне, изгоняя и уничтожая индивидуалов в сельском хозяйстве.

Горбачёв на излёте советской эпохи попытался реализовать три такие программы: 1) продовольственную; 2) антиалкогольную (чистый утопизм); 3) жилищную (каждой советской семье квартиру или дом к 2000 году — более чем в американском духе). Все они не увенчались успехом, и разбор причин этого — отдельная тема. Я же хочу сейчас сказать лишь о том, что такие общие дела должны существовать в

290

нормальном обществе. Более того, именно они позволяют создать нормальное общество. И следующее: только такие общие дела могут успешно заменять идеологию, которую так судорожно ищут нынешние правители России.

Но чем отличается общее дело от идеологии (единой цели)?

Во-первых, общее дело не может быть навязано людям (потому всеобщее образование подходит, а введение монархии или возвращение к всеобщей религиозности — нет).

Во-вторых, общее дело должно быть позитивным (борьба с преступностью необходима, но она не может быть нормальным заместителем идеологии).

В-третьих, общее дело должно быть реально осуществимо в обозримые исторические сроки (потому искоренение плохих дорог в России возможно как общее дело, а искоренение дураков — нет).

В-четвёртых, оно должно быть одинаково выгодно и обществу в целом, и государству, и отдельному человеку (по этой причине борьба с бюрократизмом не может быть общим делом — государство будет против, а строительство жилья — может).

В-пятых, общее дело должно затрагивать интересы очень многих людей, а не малой части их (лозунг «Обогащайтесь!» заработает у нас как позитивное общее дело лишь тогда, когда реально затронет возможностью своей реализации всех).

В-шестых, общее дело может основываться на возвращении к хорошему (или тому, что кажется хорошим) в прошлом. Восстановление СССР может быть общим делом (другой вопрос — нужно ли обществу такое общее дело), как для западных немцев было общим делом воссоединение Германии.

Причём надо отметить, что настоящее общее дело, на основе которого может возникнуть настоящая человеческая идеология, должно сочетать в себе все эти признаки или по крайней мере большинство из них. Менее всего подходит в качестве общего дела что угодно красивое, но абстрактное — из ряда «коммунизм», «капитализм», «гуманизм», «великая Россия», «супердержава» и проч.

Почему одни люди побеждают на президентских выборах, а другие проигрывают? Потому, что первые предлагают набор ОБЩИХ ДЕЛ и убеждают избирателей в своей способности их быстро реализовать, а вторые ставят ЕДИНЫЕ ЦЕЛИ, которые никогда не могут быть едиными для всех избирателей.

291

К России людей и людям России

(К России людей и людям России без старых ошибок и новых экспериментов)
Универсальная предвыборная программа кандидата на пост Президента Российской Федерации

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 18.05.1996

За месяц до выборов (поздновато) начали появляться несмелые всходы предвыборных платформ кандидатов в президенты. Правда, давно уже готова и опубликована платформа Зюганова как лидера КПРФ, но теперь он собирается скорректировать её под общую фирму объединённой оппозиции (левой). Несколько дней назад появился текст платформы (программы) Горбачёва — широкой публике пока практически неизвестный. Явлинский в своём втором письме к Ельцину, публикуемом сегодня в «НГ», изложил часть своей программы. Сам Ельцин в ряде публичных выступлений проговорил некоторые идеи и позиции президентской программы. Вот практически и всё.

Многие эксперты считают сильной (в смысле действенности) зюгановскую программу (на мой взгляд, это не так). Другие программы еще не успели стать предметом широкого обсуждения.

У меня есть слабость — писать тексты за тех, кто меня об этом не просит. Особенно если я чувствую, что у них не получается. Так был написан предлагаемый ниже вариант предвыборной программы кандидата в президенты демократического направления.

Чем отличается хорошая программа от плохой? Только одним. Хорошая программа полезна и

кандидату (его электорат растёт), и стране: реализация программы после победы приносит реальное благо стране и выполняема.

Следующий президент России должен решить всего лишь пять главных задач, стоящих перед

292

страной. Все остальные, исчисляемые десятками и сотнями, суть лишь конкретика, предмет оптимальных политических, социальных или производственных технологий, разрабатываемых и реализуемых профессионалами: правительством, парламентариями, руководителями банков, фирм, предприятий, лидерами и функционерами политических партий, руководителями региональных и муниципальных органов власти.

1. СТРАТЕГИЯ

Итак, на ближайшие четыре года таких целей или задач всего пять. Но это очень сложные и большие задачи. Зато успешное их решение приведёт к фундаментальным положительным изменениям в жизни общества.

Первая задача. В ближайшие четыре года нужно вести дела в стране так, чтобы сделать больше людей счастливыми и обеспеченными, чем несчастными и неимущими.

Вторая. Остановить — и на сей раз навсегда — всяческие эксперименты над Россией, её территорией, её народами, образом жизни её граждан.

Третья. Не прерывая реформ, ибо жизнь всех стран, а нашей особенно, нуждается в постоянном совершенствовании, обеспечить проведение реформ по-новому, то есть так, чтобы их результаты удовлетворяли не только реформаторов; чтобы плоды реформ доставались всем, а не только богатым; чтобы позитивные итоги реформ были очевидны и ощутимы без доказательств и заклинаний официальной пропаганды.

Четвёртая. Восстановить, возродить, реставрировать всё лучшее, что было, а оно там было, в советском обществе, в Советском Союзе, откуда родом новая Россия.

Пятая задача. Заставить работать государство и всех его многочисленных чиновников на общество, на людей.

Нетрудно заметить, что до сих пор всё было наоборот. В оправдание прежним руководителям России можно сказать только одно: и до них эти задачи либо не ставились вообще, либо если и ставились (как правило, частично), то не решались. За последние же пять лет Россия, несмотря на все пережитые ею трудности и все ошибки, сделанные теми, кто принимал в ней главные решения, сумела создать и сохранить:

— основные институты и свободы демократической системы;

293

— возможность развития этой системы в сторону укрепления гражданского общества и обслуживающего его государства;

— плюралистическую систему идей, мнений и оценок, позволяющих извлечь уроки из ошибок и выбрать оптимальный путь развития.

Как уже было сказано, все конкретные проблемы, стоящие перед страной, укладываются в пять общенациональных задач. Эти пять пунктов — альфа и омега президентской стратегии внешней и внутренней политики России. И, между прочим, не только на ближайшие четыре года, но и на первые десятилетия следующего века. Этими ориентирами смогут воспользоваться и будущие руководители страны. Успешная реализация этих целей не только позволит резко поднять качество жизни русских, россиян, но и даст позитивный импульс будущему, за порогом XX века, развитию страны, то есть обеспечит преемственность жизни и деятельности сегодняшних родителей — нынешних избирателей и их детей — избирателей будущих.

Кроме того, и это очень важно, эти пять общенациональных целей президентской программы гарантируют сохранение России неделимой, самостоятельной, независимой, свободной, самобытной, культурной, уважаемой миром великой страной русского и иных живущих в ней народов.

Суммируя, можно вывести следующий основной лозунг предвыборной платформы кандидата в президенты, являющегося разумным реформатором и истинным демократом:

Без старых ошибок и новых экспериментов - к России людей и людям России.

Прежние руководители СССР и России, прежние реформаторы и политики всё-таки пытались нащупать этот лозунг, эти цели, пути их воплощения в жизнь. Но не получилось. Была и есть великая и богатая страна. Был и есть самоотверженный и талантливый народ. Были и есть великие, повлиявшие на жизнь всего мира идеи и достижения. Но нет и не было настоящего счастья, благополучия, процветания всех граждан России. Почему? Потому, что мы хотели осчастливить сразу всех, но прежде всего других, ставя интересы свои, своей семьи, своего сословия, своей страны на второе место после интересов государства, всеобщего мира, стран, которым мы помогали. Так мы сначала боролись за коммунизм, потом так же мы боролись против коммунизма. За

294

коммунизм — ради счастья всего человечества. Против коммунизма — ради общечеловеческих ценностей, идеалов демократии, рыночных свобод. И в той, и в другой борьбе, принесшей немалые плоды другим, мы постоянно забывали о себе, о своих семьях, о своих гражданах, о своей стране. Отныне с этим должно быть покончено.

Не перед миром, не перед Западом, не перед Востоком, не перед международными организациями

или наднациональными институтами должен держать отчёт президент России. Он обязан работать на людей России, на процветание всех её сословий, на саму Россию. И только перед ними он должен отчитываться в сделанном. Президент России — это тот, кто исполняет волю русских, российских избирателей, каковой бы она ни была. Этому императиву должна подчиняться конкретная политика главы государства.

Как же необходимо действовать, чтобы наилучшим образом выполнить задачи, поставленные перед следующим президентом России не им самим, а её народом и её интересами?

2. ПОЛИТИКА

Так, как объективно строится жизнь всякого человека, который живёт интересами:

- самого себя, своей личности;
- своей семьи, своих детей и родителей;
- своего сословия, людей круга своего общения;
- места своего проживания, своего региона, своей республики;
- своей страны, России в целом.

От интересов отдельного человека к интересам России, а не наоборот — такова суть политики, которая должна осуществляться в рамках провозглашённых пяти общенациональных целей.

3. ЧЕЛОВЕК

Первое. Права и свободы человека неприкосновенны и будут соблюдаться.

Второе. Каждый вправе сам выбирать своё жизненное и профессиональное поприще. Государство не будет здесь никому и ничего навязывать.

295

Третье. Государство обязано обеспечивать каждого рабочим местом и обязывает работодателя, кем бы он ни был, гарантировать уровень заработка, минимально необходимый для того, что, по общепризнанным нормам, считается достатком.

Четвёртое. Экономическая, налоговая и социальная политика станет такой, чтобы в стране рос так называемый средний класс — основа общественной стабильности и гражданского порядка. Богатые люди не делают страну в целом богатой. Богатой её делает отсутствие нищих, обездоленных, бедных, низкооплачиваемых.

Пятое. Будут сохранены в её лучших образцах и как система отечественные культура, наука, образование, медицинское обеспечение, русский язык и иные национальные языки, традиции отечественного образа жизни. Лишь по уровню потребления Россия должна приблизиться к западному стандарту, не меняя своих ценностей, традиций и норм жизни.

Шестое. Государство не вправе вмешиваться в частные дела граждан. Практически нет таких государственных интересов, которые были бы выше интересов благополучия граждан страны. Произволу чиновников будет положен конец. Чиновник охраняет закон, а закон охраняет граждан.

Седьмое. Всякий человек, находящийся на государственной службе — от военной до судебной, от дипломатической до муниципальной, — при условии добросовестного исполнения своих обязанностей должен быть избавлен от соблазна служить кому-либо и чему-либо, кроме интересов граждан, охраняемых государством. Зарботок чиновников должен обеспечить господство именно этой нормы.

Восьмое. Здоровье и долголетие граждан должны стать основной ценностью Российского государства.

Девятое. Если что и нужно позаимствовать Российскому государству из западного, особенно американского опыта, так это заботу о своих гражданах за рубежом. Все русские, живущие за пределами России и желающие вернуться в неё, смогут это сделать с помощью и за счёт государства в ближайшие четыре года.

Десятое. Преступность — вот то, что повседневно мешает нормально жить человеку. Борьба с преступностью должна стать такой, чтобы за четыре года вывести эту проблему из списка тех, что наиболее всего беспокоят граждан страны.

296

4. СЕМЬЯ

Первое. Частная собственность возрождена в России не для того, чтобы доказать её большую эффективность перед коллективной или государственной, а прежде всего для того, чтобы человек и его семья имели своё семейное гнездо, свой дом или квартиру, всё то, что входит в понятие семейного благополучия. Без частной собственности семьи и её отдельных членов, защищаемой и охраняемой законом, самой семьи нет и быть не может.

Второе. В такой стране, как Россия, всякая семья, желающая иметь землю, может и будет её иметь.

Третье. Российская семья вновь должна стать многодетной.

Четвёртое. Обеспеченная семья — государственное достояние. Право наследования семейного имущества — основа общественного благополучия и гражданского спокойствия.

Пятое. Учитывая обширность территории России, цены на железнодорожные и авиабилеты, стоимость почтовых и иных услуг связи должны быть такими, чтобы не служить препятствием для общения родственников, живущих в разных концах страны.

5. СОСЛОВИЯ

Первое. Общество не может и не должно быть однородным. Каждое профессиональное, социальное, культурное или иное сословие, большое или малое, способствующее процветанию страны, её граждан, может рассчитывать на защиту своих законных интересов не только своими усилиями, но и со стороны

государства.

Второе. Не может и не должно быть лояльных обществу сословий, третируемых другими сословиями или государством.

Третье. Не должен быть допущен переход от классовой борьбы к войне сословий. Сословный плюрализм и сословная терпимость реальны лишь на основе возрождения среднего класса.

Четвёртое. Корпорации и партии, выражающие интересы сословий, должны быть представлены и в парламенте, и в исполнительских структурах.

297

Пятое. Конфессиональные и религиозные сословия, традиционные для России, не служат государству, но оберегаются им — в том числе и от экспансии аналогичных сословий зарубежного происхождения.

6. РЕГИОНЫ И СУБЪЕКТЫ ФЕДЕРАЦИИ

Первое. Россия многообразна и полиэтнична. Никто не вправе унифицировать жизнь людей, основанную на многовековых традициях, региональных и национальных особенностях.

Второе. Самоуправление — от местного до регионального, вписывающееся в общую концепцию демократической России, должно быть свободным и без всяких изъятий, помимо конституционных.

Третье. Нет страны без столицы, но столица всегда меньше страны. Москва не правит, провинция не подчиняется.

Четвёртое. Нет бедных и богатых регионов — есть части единой России, опекаемые столицей в большей или в меньшей степени. Больше помощи тем, кто слабее. Меньше опеки тем, кто сильнее.

Пятое. Внешняя открытость бессмысленна без внутренней. Гражданин России живёт, где хочет, а региональный патриотизм должен быть основан на процветании для всех, а не на изоляции от всех.

7. РОССИЯ

Первое. Территория России неприкосновенна и неделима.

Второе. Воссоединение России в рамках нового союза или конфедерации с теми, кто вслед за Белоруссией пожелает этого, позволит восстановить историческую справедливость по отношению ко всем, кто добровольно и по большей мере счастливо жил в пределах бывшей Российской империи и бывшего Советского Союза.

Третье. Тот, кто, не войдя добровольно в новый союз или конфедерацию с Россией, не будет сохранять с ней искренние хорошие отношения и не избегнет соблазна вступать в иные союзы или блоки, реально или потенциально враждебные России, не может рассчитывать на то, что Россия:

298

- забудет о своём историческом праве на определённые земли и территории;
- откажется от защиты прав и свобод своих соотечественников, исторически проживающих на территории стран, входивших когда-то в СССР;
- будет ограничивать финансовые и иные законные интересы российских предприятий, финансовых и промышленных групп на внешнем рынке.

Четвёртое. Народ России не останется разьединённым. Президент и государство обязаны решать эту проблему цивилизованным, мирным путём, но последовательно и непреклонно.

Пятое. Роль России в мире не может оставаться таковой, каковой она является сейчас. Никто не помешает демократической России играть в мире ту же по значению, хотя и иную по содержанию роль, которую она объективно наследует от России XIX века и Советского Союза.

Шестое. Новая Россия принимает все вызовы, бросаемые наступающим XXI веком, — военные, геополитические, цивилизационные, технологические, информационные. Все реформы, далее проводимые в России под руководством демократического президента, будут направлены на это. Страна Андрея Рублёва, Петра Великого, Михаила Ломоносова, Екатерины Великой, Александра Пушкина, Александра II, Петра Чайковского, Льва Толстого, Владимира Ленина, Михаила Шолохова, Георгия Жукова, Бориса Пастернака, Никиты Хрущёва, Юрия Гагарина, Михаила Горбачёва вновь займет подобающее ей место в мировой жизни и политике. Но только и прежде всего в интересах её собственных граждан.

8. ТАКТИКА

Можно провозгласить двадцать пять конкретных пунктов (лозунгов) предвыборной платформы, реализация которых начнется сразу же, на следующий день после вступления победившего кандидата в должность Президента Российской Федерации:

1. Низкие налоги — высокие доходы.
 2. Мир в Чечне и мир чеченцам.
 3. Новый Союз с новой Россией.
- 299
4. В XXI век — великой державой.
 5. Жизнь без страха, преступность — вне закона.
 6. Русские за рубежом — под защитой России.
 7. Право на собственность — право на жизнь.
 8. Чиновников меньше — порядка больше.
 9. От авторитаризма к демократии — и ни шагу назад.
 10. Не новые реформы, а реформы по-новому.
 11. Вместо экономической гражданской войны — социальный мир на базе процветания.

12. Антикоммунизм не станет идеологией России.
13. Внешний долг: предел роста, а не беспредельный рост.
14. Новая Конституция — для России XXI века.
15. Армия: без дедовщины, но с реформой и славой отцов.
16. Чёрное море: русский флот под российским флагом.
17. Таджикская граница: либо без крови, либо без России.
18. ВПК — новые деньги на новые технологии.
19. Дальний Восток: власть России, деньги из России.
20. Язык — русский, валюта — российская.
21. Правительство — профессиональное, политика — национальная.
22. Президент — над правительством, закон — над президентом.
23. Парламент суров, но это парламент.
24. Наследие Союза — не обуза, а багаж реформ.
25. Россия сосредоточивается — народ богатеет.

300

Развалится ли Россия?

Да, если и дальше русские политики будут столь же алчны и бездарны
 НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 09.12.1998

Развалится ли Россия? На этот печальный для всякого русского человека вопрос попросила меня дать ответ редакция итальянского журнала «Лимес». И, вынужден признать, вопрос небезоснователен. Хотя лично я, хочу сказать об этом сразу, отношу себя в смысле ответа на заданный вопрос скорее к оптимистам, чем к пессимистам. А точнее говоря, если так можно выразиться, к оптимистам-фаталистам.

Оптимизм мой базируется на историческом прецеденте — в 20-х годах этого века большевикам фактически удалось восстановить разрушенную было целостность России. А фатализм объясняется исторической же покорностью перед неизбежным. Причём наиболее неизбежным я считаю отнюдь не естественность умирания империй, а глупость и алчность российских политиков конца XX века. Именно этим последним фактором я объясняю если не на все сто, то по крайней мере на восемьдесят процентов крушение Советского Союза в 1991 году.

Вот уж по этой причине есть все основания быть отъявленным пессимистом, тем более что просветления в умах и действиях российских политиков не видно и до сих пор.

I

Итак, на вопрос «Развалится ли Россия?» я отвечаю: скорее нет, чем да. Причём вероятность её сохранения очень велика, даже несмотря на чудовищно бездарную политику последнего времени.

Прежде чем аргументировать свою позицию, я хотел бы зафиксировать ряд очевидных (на-

301

деюсь, не только для меня) тенденций, факторов и обстоятельств, осознание которых поможет анализу и прогнозу того, что нас скорее всего ждёт.

Первое. Царская (императорская), советская и нынешняя демократическая Россия — это одно и то же государство (то есть даже больше, чем одна и та же страна), лишь находящееся на разных стадиях развития.

Второе. Исторически, да и собственно научно, не совсем корректен вопрос: «Развалится ли Россия?» В правильной постановке этот вопрос должен звучать так: «Продолжится ли развал России, наиболее бурная стадия которого пришлась на 1991 год, до окончательного распада страны, до её исчезновения с политической карты мира как того, что на протяжении по крайней мере последних пятисот лет окружающие государства называли и считали «Россией?»

Третье. Россия (и под именем «Российская империя», и под названием «Советский Союз», и под нынешним названием «Российская Федерация») является не столько империей (хотя ряд имперских черт ей, безусловно, присущ), сколько уникальным и самодостаточным государственно-геополитическим образованием с собственными цивилизационными характеристиками, скорее европейскими, чем азиатскими, с явным и всё нарастающим (особенно в XIX—XX веках) доминированием европеизма, причём даже более в атлантической, чем в средиземноморской его форме.

Четвёртое. Крушение в 1991 году Советского Союза (а точнее, того, что я называю Большой Россией) не создало геополитической стабильности на постсоветском пространстве и шире — на всём Евразийском континенте, а потому неизбежно должно либо продолжиться (дальнейший распад), либо приостановиться и повернуть вспять, то есть привести к частичному, но значительному восстановлению Большой России.

Пятое. Незавершённость исторического геополитического процесса на пространстве Большой России (постсоветском пространстве) и, соответственно, сохранение потенциала для её дальнейшего распада либо, наоборот, воссоздания особенно ярко характеризуется рядом объективных и субъективных факторов, к числу важнейших из которых относятся:

— неготовность (на сегодняшний день) окружающего мира к полному распаду России (причём со

стороны Запада это

302

и объективная, и субъективная неготовность; исламский же мир, безусловно, готов к дальнейшему распаду России субъективно, но не объективно);

— искусственность или ярко ощущаемая ныне живущими поколениями людей несправедливость большинства границ, являющихся сегодня границами постсоветских государств;

— нестабильность всех азиатских и кавказских государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, сохраняющих своё территориальное, государственное и этническое единство лишь на основе: а) авторитарных или прямо диктаторских режимов, в них воцарившихся; б) традиций советского административного деления; в) нежелания России дестабилизировать ситуацию в данных регионах и её неспособности пока целенаправленной политикой «перекраивать» в свою пользу постсоветское пространство;

— справедливость определения почти всех образовавшихся на территории бывшего СССР новых государств как «микроимперий», сохраняющих внутри себя все характерные для империй тенденции если и не к полному распаду, то к длительному «полураспаду»;

— скрытые, а порой уже и явные претензии ряда бывших соседей СССР (Турция, Афганистан, Румыния, Китай, Германия) на подчинение себе частично или полностью некоторых государств-территорий на постсоветском пространстве;

— впервые в таких масштабах возникшая глобальная проблема разделённости русской нации, что рано или поздно потребует более «активной» государственной политики России по защите русских людей или русских территорий за рубежом;

— этнократический характер практически всех государств, возникших на территории бывшего СССР, исключая лишь саму Россию и Белоруссию, но включая даже такие внешне «цивилизованные», «европейские» государственные образования, как Литва, но особенно Эстония и Латвия;

— гражданская война в Таджикистане как наиболее явное проявление всех перечисленных тенденций нестабильности, уже существующих в горячей форме, — спусковой крючок для серии подобных войн по переделу всего территориального пространства бывшей советской Средней Азии (сюда входят, помимо самого Таджикистана, ещё и Туркмения, Узбекистан, Казахстан и Киргизия);

303

— неуспех экономических реформ практически во всех республиках бывшего СССР (кроме прибалтийских), что сделало большую часть их населения гораздо более обездоленными, чем это было в советское время.

Я перечислил не все даже самые существенные факторы, характеризующие незавершённость геополитических процессов на постсоветском пространстве. Не коснулся я собственно экономических и военных аспектов. А последние, например, очень важны: ведь ни одно государство на территории бывшего СССР, кроме России, не способно сейчас противостоять военной агрессии, если таковая случится. И слава богу, что эта опасность пока является латентной, неактуальной (впрочем, не всегда — пример Таджикистана или Азербайджана, не имеющего сил освободить юридически подчинённые ему 20% своей территории, занятых карабахскими формированиями, за спиной которых стоит Армения). Но даже и перечисленного достаточно, чтобы в свете интересующей нас проблемы осознать: весь путь территориальных изменений на постсоветском пространстве далеко ещё не пройден и в каком направлении лежит оставшаяся часть пути — вопрос сложный.

II

В первой части статьи я зафиксировал те исторические, политические и геополитические константы, которые, конечно, могут не восприниматься в качестве таковых другими наблюдателями и исследователями, но для моих дальнейших рассуждений являются крайне существенными. Теперь обратимся к истории.

В начале XX века Россия пережила практически аналогичную коллизию — полный распад страны на ещё более мелкие, чем сейчас, территориальные единицы. И тем не менее Россия восстановилась в ещё более могущественном и даже территориально более обширном (после Второй мировой войны) виде.

Конечно, история никогда не повторяется полностью, но в данном случае в негативном своём аспекте (характер распада, его масштабы и причины) совпадения слишком буквальны. Знакомые с историей или интересующиеся ею легко найдут подтверждающие это утверждение факты в российских

304

событиях 1917—1920 годов. Я же хочу найти ответ на вопрос: что позволило тогда воссоединить страну? И, соответственно, наличествуют ли сейчас аналогичные или схожие факторы, внушающие тот самый фаталистический оптимизм, о котором я сказал в самом начале статьи?

На мой взгляд, восстановлению единства Большой России (но уже под властью большевиков, а не царя) способствовали следующие объективные и субъективные факторы.

1. Исторические традиции совместного проживания, замешенные на преобладании коллективистских инстинктов и моделей поведения над индивидуалистическими.

2. Единое экономическое пространство.

3. Отсутствие у нерусских слоёв населения традиций собственного государственного устройства, а чаще всего и государствообразующих институтов как таковых.

4. Неуспех экономических преобразований внутри каждой из отделившихся территорий.
 5. Эгоизм местных политических и экономических элит, начавших не менее, а иногда даже более успешное, чем до того царизм, ограбление собственного «суверенного» населения.
 6. Недовольство проведением политики национального угнетения в образовавшихся «микроимпериях».
 7. Отсутствие ярко выраженных альтернатив внешней экономической помощи (если не Россия, то кто?).
 8. Иностранная интервенция, когда новые местные «суверенные» власти были в лучшем случае марионетками зарубежных держав.
 9. Легальность вооружённых форм восстановления власти центрального правительства в связи с тем, что распад страны начался в ходе Первой мировой войны и сопровождался военной интервенцией извне.
 10. Целенаправленная умная и жесткая, а временами жестокая политика большевиков по восстановлению единства страны.
 11. Наличие во главе большевистского руководства таких безусловно выдающихся политиков, как Ленин, а затем Сталин.
 12. Отказ большевиков от русской национальной идеи в пользу космополитической (интернациональной) идеи единства всех угнетённых масс без национальных и религиозных различий.
- 305**
13. Неструктурированность мирового (геополитического) порядка и, соответственно, наличие меньшего, чем сегодня, числа разного рода международных норм, ограничений и правил.
 14. Отсутствие доктрины прав и свобод человека как международно-правовой нормы.
 15. Отсутствие единого мирового информационного пространства, более мощного, чем национальное информационное пространство.
 16. Концептуальное лидерство большевиков в мире, предлагавших, по крайней мере внешне, более прогрессивную, чем реальность, идею социализма-коммунизма.
 17. Внутренние проблемы западного мира, связанные с завершением Первой мировой войны, преодолением разгули, внутренними революционными настроениями (например, в Германии).
 18. Умелое использование большевистской дипломатией противоречий между крупнейшими мировыми державами: США, Англией, Францией, Германией, Турцией и т. д.
 19. «Подпиравшие» русскую большевистскую революцию революционные события в Азии и на Востоке вообще, что, в конечном итоге, сделало для Европы более предпочтительным большевистскую стабилизацию России как барьера перед неконтролируемой революционной экспансией Востока.
 20. Озабоченность западных стран сохранением собственных традиционных колоний или перераспределением их в пользу победителей в Первой мировой войне.
 21. Жертвенность Москвы: все силы были брошены на сохранение и восстановление страны (Большой России).

Как видим, довольно много факторов, а я перечислил далеко не все, объективно и субъективно способствовали успеху политики большевиков по восстановлению целостности Большой России. Но даже при наличии этих факторов восстановление произошло не полностью (полностью и даже с избытком, правда, не всегда в форме прямого включения в СССР, это осуществил Сталин в ходе Второй мировой войны).

Так, из состава Большой России ушли:

— Польша, значительную часть своей истории существовавшая как самостоятельное государство и традиционно закрепившаяся в качестве таковой в европейском сознании;

306

— Финляндия, Литва, Эстония и Латвия (последние три Сталин затем вернул в состав СССР);

— Западная Украина и Молдавия (также возвращены затем Сталиным).

Кроме Польши, все остальные территориальные потери России можно было полностью отнести на счёт потерь в Первой мировой войне, проигранной конечно же царским правительством, а отнюдь не большевиками (у последних просто не хватило экономических и военных сил вернуть эти территории России сразу).

III

Посмотрим теперь, действуют ли вышеперечисленные факторы сейчас, а если да, то в какой мере. Для краткости сведу эту часть своих аргументов в таблицу.

Объективные и субъективные факторы, значимые для восстановления большой России в начале XX века и сегодня

Факторы	Действуют или нет?		Новые тенденции нынешнего этапа
	1918 г.	1998 г.	
1. Традиции совместного проживания	Да	Да	Резкое ослабление коллективизма

2. Единое экономическое пространство	Да	Да	
3. Отсутствие институтов собственного государства	Да	Нет	В большинстве постсоветских государств эти институты были созданы в эпоху СССР
4. Неудача экономических реформ	Да	Да	
5. Эгоизм местных элит	Да	Да	Значительно усилился
6. Недовольство национальным угнетением в «микроимпериях»	Да	Да	
7. Возможность альтернатив экономической помощи	Нет	Да	Хотя чаще такая помощь скорее виртуальна, чем реальна

307

Факторы	Действуют или нет?		Новые тенденции нынешнего этапа
	1918 г.	1998 г.	
8. Иностранная интервенция и марионеточные правительства	Да	Нет	Хотя есть фактор НАТО и ощущается психологическая либо политическая подчинённость Западу
9. Легальность вооружённых форм восстановления власти Москвы	Да	Нет	Даже на примере Чечни — собственного российского субъекта
10. Целенаправленная политика Москвы по восстановлению страны	Да	Нет	Хотя уровень жёсткости нынешних властей в определённом смысле ничуть не меньше, чем 80 лет назад
11. Политики масштаба Ленина или Сталина	Да	Нет	Катастрофический дефицит государственной мудрости
12. Идеи межнационального объединения у властных элит	Да	Нет	Хотя есть ощущения, что многое бы России простили, ведь она сильную и конструктивную объединительную политику
13. Ограничения, накладываемые международными нормами	Нет	Да	
14. Императивность доктрины прав человека	Нет	Да	
15. Мировое информационное пространство	Нет	Да	
16. Концептуальное лидерство Москвы в мире	Да	Нет	Тем не менее, многим жителям постсоветских стран нынешние преобразования по форме и сути представляются историческим движением назад (возвращением к социальной несправедливости)
17. Острые внутренние проблемы западного мира	Да	Нет	

308

Факторы	Действуют или нет?		Новые тенденции нынешнего этапа
	1918 г.	1998 г.	

18. Использование Россией противоречий между западными державами	Да	Нет	
19. Угроза Востока Западу	Да	Да	Эта угроза осознаётся сегодня всё больше, причём носит она не классово-революционный, а религиозный характер
20. «Занятость» Запада собственными проблемами	Да	Нет	Пока не играет даже второстепенной роли, хотя скоро станет актуальным для США
21. Жертвенность Москвы (российской элиты)	Да	Нет	

Теперь, чтобы почти арифметически (в рамках данной схемы, которая всё-таки, оставаясь схемой, очень хорошо отражает реальность) вывести итог моих рассуждений и получить ответ на поставленный в заголовке вопрос, достаточно просуммировать разные факторы, собранные в этой таблице.

Легко можем увидеть, что хотя внешний фон для воссоединения Большой России (на новых основаниях, разумеется) сегодня существенно хуже, чем в 1918—1920 годах (кроме разве что всё нарастающего фактора исламской угрозы Западу), объективно база для воссоздания страны не намного или даже вовсе не хуже. И всё сводится к катастрофическому дефициту умных и реально озабоченных судьбой России политиков как личностей и как лидеров функционирующих в обществе элитных групп. И действительно, что в горбачёвскую, что в ельцинскую эпохи были сделаны все возможные и невозможные ошибки, приведшие к развалу СССР, а теперь ведущие (эта тенденция ещё не пресечена) и к развалу Российской Федерации.

Правда, если горбачёвской элите можно было ссылаться на неизведанность путей демократизации и воссоздания рыночного хозяйства в стране, то ельцинисты, как представляется, шли по пути разрушения либо уже сознательно, либо

309

по глупости. Во всяком случае, мне ясно, что если грубейшей стратегической ошибкой Горбачёва (персонально и в государственном масштабе) стал отказ от назначения прямых президентских выборов (на которых он, кстати, скорее всего победил бы) и его согласие стать президентом лишь путём голосования на съезде народных депутатов СССР, то Ельцин вполне осознанно сверг (вместе с Кравчуком с Украины и Шушкевичем из Белоруссии) Горбачёва, который к тому моменту оставался в качестве президента СССР единственным зримым символом целостности страны.

Кстати, одной из причин поступков Ельцина, на мой взгляд, помимо неуёмной жажды власти и безграничной некомпетентности, был ещё и страх перед необходимостью управления громадной страной. Неумелый политик попытался упростить себе задачу, уменьшив территорию управляемого им государства. Но, как известно, не справился и с этим. Какой должна быть Россия (нынешняя), чтобы остаться сильным (то есть жизнеспособным) государством?

IV

Конечно, наивно и безответственно было бы утверждать, что СССР (Большая Россия) распался из-за злой воли или тупого безволия одного человека или даже группы людей.

Большая Россия — это сложное государственное образование, не государство-нация, а государство-цивилизация, действительно имперски-конфедеративно-федеративное по устройству, но без угнетения колоний метрополией, провинций — центром, а скорее, с излишне патерналистскими центральными органами власти. Это государство, управление которым требует большой искусности и большой политической воли, порой самоотдачи, а соблюдение интересов отдельных его составляющих и интересов страны в целом — учёта сложного баланса противоречий даже в собственно русской части её территории, протяжённость которой целых одиннадцать часовых поясов, то есть фактически — половина земного шара.

Веками территориальная целостность и стабильность страны поддерживались за счёт приращивания земель, когда внешние, пограничные конфликты трансформировались в чисто внутренние, ибо вместе с соответствующими земля-

310

ми уходили в глубь постоянно расширявшейся почти до конца XIX века страны.

Внутреннее устройство при этом было далеко от идеала и, к сожалению, больше базировалось на центристских и цезаристских принципах, чем на демократических и федеративных институтах. К началу XX века эта схема жизни государства в России изжила себя, чего не поняли ни царь, ни правящий в то время дворянско-бюрократический класс.

В XX веке, в эпоху Советского Союза, в силу ряда причин возникла новая система сохранения территориальной целостности Большой России — система, как я её называю, трёх обручей.

«Малую Россию» (её границы весьма приблизительны и размыты), то есть, условно говоря,

нынешнюю Российскую Федерацию, окружили республики, входившие в Советский Союз. Это — первый обруч.

Второй обруч — режимы-сателлиты, прямо зависящие от Москвы, в том числе (по ялтинской системе) и благодаря прямой договоренности о разделе сфер влияния со странами Запада. Это в первую очередь бывшие социалистические страны Восточной Европы; а также Монголия, Северный Вьетнам и Северная Корея — в Азии, и недолгое время там же — Китай; а также Куба в Западном полушарии.

Наконец, в 60-е годы возник целый ряд дружественных Москве режимов по всему миру, но особенно в Африке, в Латинской Америке, а также Индия — в Азии, которые вместе с коммунистическими партиями в Западной Европе составляли третье, внешнее кольцо, скрепляющее мощь и целостность Большой России.

Это была воистину глобальная, очень сложная система, равновесие внутри которой поддерживать было трудно и к тому же требовало больших материальных жертв со стороны народов, проживающих в СССР.

Россия в виде СССР захватила слишком большой кусок мира (едва ли не большую его часть, но не самую богатую и не лучшим способом устроенную) — проглотить и переварить его одной стране и одному режиму было невозможно.

Горбачёвская перестройка в её международном аспекте была добровольным (хотя отчасти и вынужденным) отходом с этих глобальных рубежей внутрь себя, в собственно Большую Россию. Но в силу ряда объективных причин, а также

311

ошибок советских политиков процесс пошел хаотично, а когда его стал целенаправленно подталкивать Запад — лавинообразно. Два внешних кольца обороны рухнули, но на этом дело не остановилось — начал рушиться сам СССР (Большая Россия), легитимность границ которого практически никто извне под сомнение не ставил (исключение — разве что позиция США по поводу трёх прибалтийских республик).

Но даже это не было бы особенно страшным, если бы внутри самого СССР административные границы к тому времени — а точнее говоря, в сталинско-хрущевский период — не были перекроены так, что вместе с территориями, отпавшими почти естественно, от собственно России не отошли и её исторические земли. Во всяком случае, те, которые были либо не завоеваны, а присоединены исключительно добровольно (например, Грузия), либо те, среди исторических претендентов на которые Россия явно стоит на первом месте (наиболее яркий пример — Крым, доставшийся Украине, но юрисдикцию над которым могла оспаривать у России лишь Турция — и то без больших оснований, но никак не Киев). Словом, крушение Большой России (Советского Союза) затронуло и Малую Россию (собственно Россию). И вот это создало исторический прецедент, обратный прецеденту 1918—1920-х годов и позволяющий ставить сегодня вопрос о возможности распада России как таковой. Ибо если ушли на Украину безусловно русский Крым и безусловно русская Новороссия, то почему должен остаться у неё безусловно прусский Кёнигсберг (Калининград)? И если ушла абсолютно добровольно присоединившаяся к России Грузия, то почему должна остаться безусловно завоёванная Чечня (кстати, фактически последнее существенное завоевание России XIX века)? Всего этого не понимали люди, крушившие Советский Союз (Большую Россию) в 1990—1991 годах в Москве, — Ельцин с его командой якобы демократов.

Итог случившегося — искусственность очертаний нынешних границ Российской Федерации. Причём если в одних местах они уходят далеко в глубь собственно русской территории (например, в Северном Казахстане, Крыму, Восточной Украине и т. д.), то в других — прибавляют ей лишку.

Что дальше? Я утверждаю, что в обозримом историческом будущем, исчисляющемся, конечно, не годами, но десятилетиями, территория нынешней России может быть уменьше-

312

на в одних местах, но увеличена в других. Снимет эту проблему восстановление в каких-то границах Большой России — в географических пределах той системы, которая ныне называется СНГ. На этот объективный процесс, более подводящий к возможности «восстановления СССР», чем к окончательному распаду России, накладывается другой — скорее субъективный. Суть его — в эффективности (а пока неэффективности) реформ в самой России, да и во всех слишком в этом смысле «русских» странах, созданных на месте бывшего СССР. Дело в том, что все реформы в них проводили ровно так, как они всегда проводились в России, а именно: за счёт населения в пользу правящего класса — бюрократии, номенклатуры, каковыми в царской России был дворянско-бюрократический класс, в Советской России — партийно-бюрократический класс, в нынешних постсоветских государствах — финансово-бюрократический класс.

Этот класс, не потерявший власти, но лишь видоизменившийся идеологически и омолодившийся персонально, есть причина всех бед Большой России и собственно России, а его деятельность — главная причина распада СССР в 1991 году и возможности распада нынешней России в ближайшем будущем. Образно говоря, Николай II, Брежнев и Ельцин — вот три фигуры, из-за которых страна уже дважды распадалась в XX веке и может распасться в третий раз (тогда, вероятно, уже окончательно).

К сожалению, как я уже отмечал, на политическом горизонте не видно личностей, способных осознать, правильно сформулировать и, главное, правильно решить проблему целостности России. Но я знаю также, что, во-первых, раз даже всё содеянное не уничтожило нашу страну окончательно, следовательно, есть нечто более могучее, чем глупость и безответственность политиков, а во-вторых, явно

намечается хотя бы поиск пути истинных, а не эфемерных или спекулятивных реформ, и искать эти пути вынужден сам правящий класс. В этом — надежда, не просчитываемая, впрочем, математически. Что нужно сделать для того, чтобы Россия не распалась, на мой взгляд, достаточно очевидно. Многие в той или иной форме перечислено в этой статье. Ряд проблем, очень важных, я не затронул вовсе. Как, например, решить проблему Чечни и Северного Кавказа в целом? Как создать русское субправительство для Сибири? И т. д. Но эти реше-

313

ния легко вычисляются, если возникает главное — серьезное понимание проблемы в целом и люди, готовые ответственно над этим работать. Но именно этого пока нам более всего не хватает. Время идёт, а таких людей — мизерно мало.

314

Диагноз: управляемая демократия

И объяснение диагноза всем тем, кто бьётся в истерике

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 13.01.2000

Юрий Лужков, запугавший осенью прошлого, 1999 года всю политологическую элиту страны своими рассуждениями о том, что «у нас не власть, у нас режим», сам того не подозревая, всё-таки поставил, хоть и неграмотно, один из фундаментальных вопросов сегодняшнего дня в России, ставший особо актуальным после артистичной отставки Бориса Ельцина. Конечно, придворные политологи ОВР, даже будучи грамотными специалистами, не решились поправить начальника, хотя бы объяснив ему, что «власть» и «режим» не только не понятия с противоположным знаком, но даже и вообще не понятия одного ряда.

Простое чувство родного (русского) языка, вполне адекватно передающего все понятия политики как науки, должно было бы подсказать мэру, что в выражениях «демократический режим» и «коррупцированная власть» положительная и, соответственно, отрицательная оценки заложены в определениях, а отнюдь не в определяемых словах. Более того, реален (и даже часто в жизни встречается) такой феномен, как «коррупцированная власть при демократическом режиме» (правда, в этом выражении слово «власть» тоже употребляется не в строго научном смысле).

Дело, однако, не в политологической неподкованности Юрия Лужкова и не в невозможности для его советников поправить шефа (явный признак деспотии в ОВР и в московской администрации, что, видимо, и имел в виду мэр, правда, адресуя это обвинение не режиму своей власти, а Кремлю). Дело в вопросе, волнующем сегодня,

315

после воцарения (пока ещё не через выборы) Путина, очень многих. Особенно — как всегда мятущуюся у нас между обожанием власти и страхом перед ней интеллигенцию.

На саму интеллигенцию в общем-то наплевать — она достаточно лабильна, чтобы подстроиться и под любую власть, и под любой режим. Но дело в том, что народ (общество) говорит своим голосом либо во время революций, либо в день выборов. Всё остальное время за него, а часто и вместо него говорит в России как раз интеллигенция (в последнее десятилетие ещё и СМИ, но и в них правит бал интеллигенция; а в последние годы ещё и социология, но и данные опросов комментируют, интерпретируют, а часто и программируют те же интеллигенты).

Итак, мятущаяся интеллигенция задаёт вопрос, точнее, целую пулемётную очередь вопросов: а мы уже в диктатуре или ещё только на пороге её? И как это так получилось — ведь мы же такие хорошие? И всё что нужно делали: коммунистов сбросили, за демократию выступали, Советы разогнали, за Ельцина голосовали, частную собственность отстаивали, с Западом советовались — даже в рот ему смотрели, ноги ему мыли и воду с них пили. Почему? За что? И что же такое у нас, в этой одуревшей (помните крик интеллигента в декабре 1993 года?) России получилось?

Мне представляется, ответ на этот вопрос (и на всю очередь этих вопросов) есть. Вполне чёткий. Не до конца оптимистический, ибо ещё многое не прояснилось в жизни. Но совсем не страшный. Более того — вполне обнадеживающий.

Но прежде чем попытаться дать ответ, я хотел бы понять, а почему, собственно, этот сыр-бор занялся минувшей осенью, а разгорелся сейчас? И в каком случае он бы не разгорелся?

Если судить не по внешним, а по сущностным признакам и типа власти, наличествующей в России, и политического режима, в форме которого эта власть реализуется, никакой разницы между Россией 1996 года и Россией 1999—2000 годов нет. Однако в 1996 году такого вопроса в виде массовой истерии не возникало.

Между 1996-м и 1999 годами разница есть, но она чисто внешняя, персонифицированно внешняя, я бы сказал. То есть, как я понимаю, вопроса, по мнению тех, кто его задаёт,

316

не возникло бы, если бы в более или менее полном комплекте случились одни события (список 1), а не случились бы другие (список 2). *Список 1.*

- 1) Ельцин ушёл бы в отставку не в декабре, а весной 1999 года.
- 2) Премьер-министром был бы не Путин, а Примаков.
- 3) На думских выборах победил бы не «Медведь», а ОВР.

- 4) «Главным олигархом» страны был бы не Березовский, а Лужков.
- 5) Гарантию победы на президентских выборах имел бы не Путин, а опять же Примаков.

Список 2. Естественно, всё наоборот (то, что получилось).

- 1) Не весной, а в декабре.
- 2) Не Примаков, а Путин.
- 3) Не ОВР, а «Медведь».
- 4) Не Лужков, а Березовский.
- 5) Не Примаков, а Путин.

Объясните, какая, в сущности, разница между этими двумя списками? Не для ОВР, Примакова и Лужкова, а для России, её народа, даже её правящего класса в целом? Ни-ка-кой!

Вот если бы в пунктах 2 и 5 обоих списков и в пункте 3 стоял вместо Примакова или Путина, к примеру, Зюганов, а вместо ОВР или «Медведя» — КПРФ, то разница была бы. А так: фундаментально — разница минимальная.

Теперь я, наконец, назову то, во что мы уже давно, а не только что, вошли. Это не диктатура, не деспотия. Это авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства.

Я, конечно, тоже, как и Лужков, не доктор политологии, и могу ошибиться в точности некоторых формулировок. Но, уверен, в целом и в сути не ошибаюсь.

Двумя словами я всё это вместе называю так: *управляемая демократия*.

В рамках этого определения разница между Россией 1992 года, Россией 1996 года и Россией 1999—2000 годов как раз есть.

В 1992 году в России была скорее просто протодемократия с элементами охлократии. В результате ельцинского госпере-

317

ворота 1993 года получилась слабоуправляемая демократия. А с момента отставки Примакова и особенно с назначением премьер-министром и и. о. президента Путина — сильно-управляемая демократия, или собственно управляемая (как сформировавшийся тип власти) демократия.

Хорошо это или плохо? Это лучше, чем деспотия (диктатура) и даже чем авторитаризм, но хуже, чем просто демократия.

Что победит? Пока неясно. Ибо управляемая демократия — это переходный этап от жесткой управляемости (диктатуры) к собственно демократии.

Но очевидно, что и исторический, и политический векторы пока по-прежнему направлены в сторону демократии. Впрочем, не просто очевидно, а и доказательно.

Вспомним некоторые этапы истории нашего парламентаризма.

В 1917 году большевики во главе с Лениным берут власть, имея собственный демократический лозунг «Вся власть Советам!», но не могут проигнорировать и не менее популярный в обществе лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Выборы в Учредительное собрание большевики, однако, проигрывают: у них нет большинства.

Что делает Ленин? Правильно. Незаконно распускает Учредительное собрание, а затем, подавляя сопротивление (в том числе и вооружённое) его сторонников, переходит к революционному террору.

В виде Советов в стране возникает управляемая демократия. Реальной, однако, демократия остаётся в партии, в частности — на съездах партии.

К власти приходит Сталин. При нём управляемая демократия в виде Советов становится квазидемократией, но в партии демократия остаётся. Тогда Сталин доведённым им до совершенства методом «Главное не как голосуют, а как считают голоса» превращает внутривнутрипартийную демократию в управляемую. А затем с помощью террора и её трансформирует в квазидемократию. Ещё один цикл истории российского парламентаризма завершён.

К власти приходит Горбачёв. Основной лозунг — одемокрачивание партии (возвращение к «ленинским нормам»), но главное вновь — «Вся власть Советам!» (подразумевается — а не КПСС).

Горбачёв не сумел и не успел одемократить партию, зато «Всю власть Советам» практически дал. В результате его за-

318

жали в клещи и свергли совместно неodemокраченная часть КПСС (ГКЧП) и переродившаяся в охлократию интеллигенции власть Советов во главе с Ельциным.

Горбачёв не смог перейти к управляемой демократии, что, в частности, советовал ему Андраник Мигранян, говоря о железной руке.

Воцарился Ельцин — лидер демократически-охлократического движения, существовавшего в рамках Советов. В ленинской, коммунистической форме! Но имеющей видимое преимущество в глазах Ельцина (и других): во-первых, Советы привели Ельцина к власти де-юре; во-вторых, Советы казались антиподом КПСС.

Наступила полная демократия. И перед Ельциным, как до того перед Сталиным, а до него — перед Лениным, и до них — перед Николаем II, встала всё та же проблема: парламентская демократия (царские Думы, Учредительное собрание, Советы, партийные съезды) мешают управлять тому человеку, который наделён высшей исполнительной властью в стране. Особенно если они (Советы, съезды партии) имеют

право этого человека снять с должности.

И Ельцин делает, лишь пару лет честно поборовшись с неуправляемой демократией, что? Правильно. То же, что царь с Думами, Ленин с Учредилкой, Сталин с Советами и съездами партии (Горбачёв вот не решился — и проиграл). Ельцин незаконно 1) отменяет действующую Конституцию; 2) распускает Съезд и Верховный Совет народных депутатов РСФСР; а поскольку часть депутатов этому противится, то и 3) расстреливает парламент.

Чем Ельцин лучше царя, Ленина, Сталина? Ничем. В этом.

Но дальше Ельцин совершает нечто новое в российской политической истории. Он делает шаг не в сторону диктатуры или деспотии. Он назначает выборы в Думу — в новый парламент. Имея целью (сознательной или подсознательной) установление управляемой демократии.

Гигантский шаг! С четвёртой, считая от императора, попытки, а с учётом «оттепели» Хрущева и политической перестройки Горбачёва — даже с шестой попытки.

Обо всём рассуждающая, но как всегда ничего не понимающая русская интеллигенция, естественно, опять миф приняла за реальность, а реальность (парламент с наличием в нём коммунистов, а не только себя) за миф.

319

В 1996 году, на президентских выборах, управляемость нашей демократии была продемонстрирована во всей красе. Проблема оказалась в другом: Ельцин был плохим управленцем. Он умел управлять демократией как управляемой, но не умел — как демократией. А главное — он плохо управлял страной.

Но демократического импульса не погасил, к деспотии не свернул. Несмотря на то, что сконструированная им управляемая демократия захотела его же и свергнуть (через процедуру импичмента).

И вот Ельцин, на излёте своей власти, наткнулся на Путина. Или ему подсунули Путина. Не важно.

Путин (вместе с Ельциным) разумно решил продлить жизнь управляемой демократии по крайней мере ещё на один срок.

Почему? Эгоистические мотивы, конечно, присутствовали. Но главное — опасение, разумное, обоснованное, что отход от управляемой демократии вернёт страну к охлократии (через изменение Конституции), к демократии неуправляемой, к анархии.

Управляемая демократия — это когда голосует народ, а люди, находящиеся у власти, чуть-чуть выбор народа корректируют. В чью пользу? В свою, разумеется.

Вот и всё.

Итак, управляемая демократия — это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом (точнее, обладающей властью частью этого класса). Это то, что есть у нас.

Авторитаризм — это сохранение некоторых демократических институтов, но безальтернативность выборов, оппозиция в политическом гетто, ограниченная свобода слова и печати, полностью карманный парламент. Этого у нас нет.

Деспотия (диктатура) — это не демократия, и демократические институты, если они сохраняются, то только в виде декорации; никаких свобод, никакой оппозиции, цензура, никакой многопартийности, несменяемость власти до смерти диктатора или до свержения его путём переворота или революции. Этого нет и в помине — ни в реальности, ни на горизонте.

320

Отсюда и вывод. Пока нет осязаемого перелома к отходу от управляемой демократии в сторону ни деспотии, ни тем более в сторону охлократии. Переход к полновесной демократии — не гарантирован, но процесс явно продолжает идти в этом направлении. И никаких, абсолютно никаких признаков иного нет.

Путин сломается. Его заставят. Его вынудят обстоятельства. Может быть. Но пока не сломался. Пока не заставили. А если обстоятельства — то это уже не Путин, это нечто исторически неизбежное.

Может быть, Путин лицемер и злодей? Может быть.

Может, он использует механизмы управляемой демократии лишь для 1) окончательной легитимизации своей власти через выборы 26 марта и 2) для возведения Ельцина на декоративный, но все-таки официальный престол главы Высшего Совета России и Белоруссии, а затем перейдёт к осуществлению своей (или чьей-то) главной цели — к установлению деспотии?

Может. Но зачем? Зачем, если управляемая демократия позволяет сделать всё, что необходимо России?

Зачем это Путину, если он знает, что диктатуру в России можно установить, но нельзя удержать более недели?

Подозревать Путина в худшем мы можем. Требовать гарантий от худшего — обязаны. Критиковать — призваны. Но трезво оценивать реальный ход реального исторического и политического процесса и его очевидное направление — тоже не мешало бы.

Хотя бы для того, чтобы не заходиться в истерику, а дело делать.

321

Россия: последний прыжок в будущее

Тезисы программы для нового президента страны

ПРЕАМБУЛА

Приход во второй раз к власти через демократические выборы высшего должностного лица России — событие, само по себе беспрецедентное в истории страны, по крайней мере формально фиксирует демократический импульс, если уже не тенденцию развития нашего общества и даже, что самое поразительное, государства.

В этом смысле появление нового президента кто бы им ни стал, можно оценивать как исключительно позитивное событие.

Однако количество и фундаментальность задач, которые непременно требуется решить уже в первые два года нового президентства, предъявляют экстраординарно высокие требования к содержанию, качеству, безошибочности и точности действий нового главы государства. Слишком много вызовов брошено сегодня России историей современного мира, нашей собственной историей. В том числе и историей последних 15 лет (перестройка и реформы).

В этих условиях сам президент (точнее: программа и методы его действий) должен стать не ещё одним вызовом для России, тем вызовом, который по принципу последней капли переполнит чашу, а напротив — ответом, причём непременно эффективным, на все остальные вызовы.

Фактически России предстоит совершить последнюю попытку прыжка в будущее, которая может быть либо удачной, либо нет. Промежуточных вариантов нет: отсутствие успеха будет означать поражение, скорее всего историческое и

322

окончательное. Нет резерва времени и на то, чтобы отложить эту последнюю попытку. Можно лишь тщательно к ней подготовиться, но даже в этом случае начинать действовать придётся сразу же после выборов, без раскачки и проволочек.

Предельный срок оглашения данной программы и кадрового манёвра в связи с ней — первые сто дней нахождения на своем посту нового президента России. Предельный срок начала её полномасштабной реализации по всем направлениям — конец 2001 года.

1. ТОЧКА СТАРТА (ГДЕ МЫ НАХОДИМСЯ)

1.1. Нужно трезво осознавать, что фактически мы имеем сложение, если не умножение проблем, приведших к краху и распаду Советского Союза, и проблем, возникших в ходе осуществления перестройки и реформ 1991-1999 годов. Это двойной ряд внутрисистемных, теперь уже собственно российских проблем — сумма кризисов, каждый из которых даже в отдельности представляет угрозу будущему страны.

1.2. Кроме того, открывшись миру, ступив на путь рыночной экономики и демократического устройства государства, мы получили и все вызовы, актуальные для западной цивилизации (от наркомании и терроризма до безработицы, нищеты и бездуховности).

Ситуация усугубляется тем, что сама западная цивилизация и её система ценностей, к которым Россия приобщилась в последние годы, находятся в глубоком историческом кризисе, не всеми, правда, пока осознаваемом, но уже многими ощущаемом. Всё было бы проще, если бы мы начали перестройку лет на 10 раньше.

1.3. Наконец, мы стоим и перед всеми вызовами, вообще брошенными человеческой цивилизацией ходом истории, то есть одновременно вынуждены отвечать и на стратегические вызовы человечеству и на, так сказать, тактические вызовы, брошенные собственно России.

1.4. Ещё одним вызовом для России является проблема утраты или возможного (либо невозможного) возвращения статуса великой державы.

1.5. Сугубо отрицательным фактором является массовое разочарование в результатах и перестройки, и реформ, что создаёт, мягко говоря, не лучшую психологическую базу для совершения последнего прыжка.

323

«Массовое разочарование» не означает «всеобщее», но приуменьшать значение этого фактора нельзя, более того — опасно.

Важно правильно оценить и парадоксальным образом возникший позитивный аспект этой проблемы. За 15 лет обществом, его политическими руководителями, правящим классом и политическими элитами совершены все мыслимые и немыслимые ошибки и даже преступления. Образно говоря, мы имеем полный каталог того, чего нельзя делать. Необходимо актуализировать этот отрицательный опыт, переведав его в позитивное русло: понять, что нужно делать, особенно что нужно делать непременно (императивы), что желательно (преференции), с какой скоростью и в какой последовательности.

1.6. Отсутствие того, что в СССР называлось общегосударственной идеологией, а ныне именуется национальной идеей, сколько бы над этими понятиями ни иронизировали, в условиях психологической нестабильности общества и деморализованности многих слоев населения, более того — в условиях фактически общенационального конфликта старой советской и новой «буржуазной» идеологии, этики и психологии, также является одним из вызовов для России.

1.7. Отдельно нужно отметить такой фактически традиционный для России, но особенно актуальный для нас сегодня вызов, как недоверие к власти, к её решениям, к отдельным, а точнее — ко всем её представителям, к высшим — особенно.

1.8. В этом же ряду стоит атомизированность общества, борьба всех против всех, когда люди не

видят и уже не хотят или даже не умеют видеть своих естественных союзников или путают их с «врагами».

1.9. Продолжается «холодная гражданская война» за раздел собственности, а отчасти и власти, хотя второй «фронт» нашей «холодной войны» (борьба за власть) вроде бы сворачивается. В разделе и переделе собственности до сих пор участвуют не менее 20-30 процентов самых активных членов общества (высший и средний класс), а затрагивают эти переделы всех до самых низов, в том числе и путём вовлечения в конфликты, даже вооружённые.

1.10. Огромное число граждан России постоянно терзаемы чувством исторической несправедливости того, что происходит и с ними лично, и со страной в целом.

324

Немало людей (в реальности — миллионы) охвачены алармистскими настроениями, связанными с ощущением «конца России», ощущением, основанным на 1) потерях территорий; 2) депопуляции (а это реальный вызов); 3) нищете (тоже реальный вызов); 4) росте преступности (вызов); 5) неудачах экономических реформ.

1.11. Свобода слова, свобода критики, полная открытость общества во всех направлениях, при всём благотворном влиянии этих факторов, тоже являются в наших условиях вызовом, ибо заставляют власть нервничать, шарахаться из стороны в сторону, бояться брать на себя ответственность.

1.12. Суммируя, можно сказать, что Россия в своей последней попытке прыжка в будущее должна суметь:

- перепрыгнуть пропасть своей собственной истории последних 15 лет;
- перепрыгнуть пропасть утерянного статуса великой державы: либо вернуть его, либо избавиться от комплекса переживаний в связи с этой утратой;
- окончательно «впрыгнуть» в западную цивилизацию;
- одновременно совершить вместе с Западом прыжок в информационное общество XXI века.

1.13. Гигантский прыжок (точнее, как мы видели, одномоментную серию прыжков) ни в коем случае нельзя путать с китайским (времен председателя Мао) «большим скачком», хотя цель, казалось бы, одна и та же. Прыжок, который стратегически необходимо совершить России, методологически должен состоять из широкого набора когда радикальных, а когда, напротив, консервативных политических, экономических, социальных и идеологических мер, объединённых единым алгоритмом действия («алгоритмом прыжка»). «Большой скачок» — это нечто иное, скорее напоминающее мобилизационную экономику и соответствующую политику, использующие ветхозаветные методы для решения современных проблем.

2. АЛГОРИТМ ПРЫЖКА (НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ)

2.1. Сегодня национальную идею, то есть совокупность целей, разделяемых абсолютным большинством населения страны, что создаёт возможность для единства действий всех групп, слоев, классов, политических сил общества и от-

325

дельных его членов, скорее всего, нельзя выразить в одной фразе — слишком многомерна сама Россия, разнообразны и многочисленны её проблемы, велики внутренние напряжения и многочисленны дробящие общество и государство конфликты.

Тем не менее верно поставленные цели, в совокупности составляющие национальную идею, являются по сути алгоритмом ответа на все вызовы, брошенные России, — алгоритмом её прыжка в будущее. И в этом смысле без формулировки основных составляющих этой идеи не обойтись.

2.2. Главные составляющие национальной идеи России сегодня:

- Россия вновь должна стать великой державой — патриотический и исторический инстинкт;
- богатство России — в совокупном богатстве каждого из её граждан (лозунг «Обогащайтесь, а государство вам поможет») — эгоистический инстинкт;
- плоды реформ для всех, а не только для избранных — инстинкт альтруистический и общественной справедливости;
- русских должно быть больше, Россия — дом для всех русских (лозунг «Возвращайтесь!») — инстинкт самосохранения;
- государство для людей, а не люди для государства — инстинкт свободы;
- если не сейчас, то уже никогда — мобилизационный инстинкт, инстинкт последнего шанса.

Тезис «Русских должно быть больше» не исключает, а в России и предполагает по принципу дополненности тезис о мирном сосуществовании православия и ислама. Эта идеологема требует отдельной проработки.

3. ДИАГНОЗ БОЛЕЗНИ (ОТ ЧЕГО НУЖНО УЙТИ)

3.1. Нынешнее переходное состояние государственно-политической системы России формально можно описать так:

- федеративное государство с президентской формой правления и режимом многопартийной электоратной демократии.

3.2. По существу же, если уточнить это определение реальными качественными характеристиками, мы получим нечто более конкретное и, увы, проблемное:

326

- слабофедеративное (с элементами конфедерации) государство с авторитарно-протодемократическим режимом, отягощённым номенклатурно-бюрократическим типом управления,

коррупционностью правящего класса, отсутствием местного самоуправления и наличием многосубъектности власти, сосредоточенной в руках региональных лидеров, правление которых на порядок менее демократично, чем режим центральной власти.

3.3. Иные значимые характеристики существующей государственно-политической системы следующие:

- квазимногопартийность;
- квазинезависимость судебной власти;
- слабость и неразвитость демократических институтов;
- отсутствие развитых институтов гражданского общества, а в отдельных регионах и полное их отсутствие с доминированием клановых, в том числе этноклановых, институтов и механизмом управления;
- наличие проблемы и комплекса разделённой нации, актуальных не только для русских, но и для некоторых других народов России;
- наличие мятежной, не до конца контролируемой федеральной властью, территории — одного из субъектов Федерации;
- отсутствие консенсуса как по проблеме федеративного устройства и взаимоотношениям по линии Центр — субъекты Федерации, так и по проблеме собственно государственно-политического устройства России, следствием и показателем чего являются постоянно возникающие дискуссии о необходимости пересмотра Федеративного договора и Конституции.

3.4. Таким образом, можно зафиксировать несколько существенных обобщающих характеристик России как страны, государства, нации и общества, наиболее актуальных в настоящий момент:

- переходный характер практически всех нынешних институтов и систем государства и общества, причём даже там, где переход этот объективно, казалось бы, уже закончен;
- продолжение процесса раздела и вторичных переделов собственности и власти;
- незавершённость всех реформ, даже разумных;

327

- наличие, хотя и в сильно ослабленном теперь виде, угрозы распада страны;
- присутствие новой кадровой волны, связанной с появлением нового главы государства, что всякий раз традиционно если и не дестабилизирует, то сильно возмущает состояние властной системы в стране, тем более что это уже четвёртая (путинская — после горбачёвской и двух ельцинских) за последние 15 лет массовая «чистка» кадров, каждый раз отбрасывающая предшествующие номенклатурные кадры на неподготовленные (за небольшим исключением) материально рубежи, то есть практически в оппозицию.

3.5. Несмотря на весьма уничижительные характеристики государственно-политического устройства и состояния общества в России, изложенные в данном и предыдущем разделах, к ним нельзя относиться только как к отрицательным, ибо в сравнении с двумя предшествующими политическими периодами (1991-1993 гг. и 1994-1998 гг.) налицо появление положительных тенденций, в частности, тенденции стабилизации государственного устройства и политической системы, а также движения через нынешний этап от анархо-демократических и олигархических форм к собственно демократическим. Вся проблема теперь в том, возобладает ли и закрепится ли эта тенденция. В этом, собственно, и состоит главный вызов для нового президента России и главный субъективный вызов России со стороны этого нового президента: сумеет ли он закончить реформы, завершить переходный период, ибо нельзя бесконечно жить «в переходе», причём завершить с позитивными для большинства членов общества результатами?

4. ИМПЕРАТИВ ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И РАЗВИЛКА РЕФОРМ (ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ)

4.1. Коротко говоря, главный императив политики нового президента в первые два года после выборов состоит в следующем:

- завершить переходный период развития страны от командной экономики к рыночной, от протодемократической политической системы к демократической, от безыдейного состояния общества к осознанной национальной сплочённо-

328

сти, от расхлябанного полудееспособного государства к сильному и целеустремленному.

4.2. Вполне очевидно, что романтический этап оценок и самооценок российской политической истории полностью исчерпал себя в ходе кампании по выборам в Государственную Думу в 1999 году. Поэтому никого не должно смущать, что в политическом смысле окно возможностей для действий нового президента и всего политического класса России на развилке реформ (2000-2001 гг.) ограничено двумя сценариями: движение вперёд (к полномасштабной демократии) либо через авторитаризм, либо через управляемую демократию. Первый путь предполагает абсолютное подчинение действий всех органов и институтов власти в стране президенту, что внешне проявится, во-первых, в превращении всех демократических институтов в декоративные, во-вторых, в ограничении некоторых свобод. Второй путь предполагает не замораживание деятельности демократических институтов и не ограничение некоторых политических и гражданских свобод, а всего лишь игнорирование главным институтом власти — президентом — слов и действий парламента, оппозиции, прессы, если президент сочтёт это необходимым в интересах развития страны, концентрированно выраженных в составляющих национальной идеи.

4.3. Очевидно, что психологически и политически предпочтительнее второй сценарий. Во-первых, он фактически уже реализуется, а потому не создаёт ощущения отката назад. Во-вторых, он не предполагает никаких, даже самых мягких репрессий, почти неизбежных при авторитаризме. В-третьих, он, напротив,

предполагает обязательную сменяемость власти, в том числе и самого президента, что 1) представляется абсолютно необходимым условием в свете традиций патологической безответственности российских политиков, 2) позволяет исправлять ошибки и 3) гарантирует общество от продления авторитаризма за временные рамки разумной необходимости. Наконец, реализация авторитарного сценария автоматически принудит президента к созданию таких репрессивных механизмов, которые потребуют фактически полной мобилизации всего властного ресурса по контролю за ними самими, что не только не позволит решить главные задачи, объективно стоящие перед новым президентом, но и

329

загонит его самого в ловушку деспотии, куда легко войти, но практически невозможно выйти без жертв и потерь даже самому деспоту (особенно в наше время).

4.4. Субъективно же новый президент стоит перед следующим выбором: либо он сумеет и ответить на вызовы для России, и сохранить в ней демократию, либо сделает первое без второго, что уже сомнительно; либо не сделает ни первого, ни второго.

Лишь в первом случае новый президент может рассчитывать на безусловно положительную оценку и современниками, и историей. Пример первого президента России доказывает это со всей очевидностью.

5. ИМПЕРАТИВЫ И ПРЕФЕРЕНЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ

5.1. Разделение перечисленных ниже позиций по категориям «императивы» и «преференции» (или, что одно и то же — необходимые условия и достаточные) не составляет особого труда при более подробном анализе политического, финансового, психологического (волевого), кадрового и других ресурсов новой власти. До получения точных результатов выборов 26 марта (тем более, если будет второй тур), нельзя объективно оценить объём кредита доверия, полученного новым президентом от общества. Например, борьба против «асимметричности» Федерации при результате 70% голосов и значительной явке избирателей является императивом, а при 55% — скорее преференцией.

Тем не менее личные предпочтения автора данного текста указаны в приводимом ниже списке с помощью очевидных символов, данных в скобках после каждой позиции: (И) и (П).

5.2. Ниже следует то, что не сможет обойти в своих действиях новый президент России, если он желает хоть какого-; то успеха своей политики, не говоря уже об успехе последней попытки прыжка России в будущее.

1) Удержать экономическую ситуацию хотя бы на нынешнем уровне в условиях продолжения военной операции в Чечне. (И)

2) Довести военную операцию в Чечне до логического, то есть победного, конца, не перейдя за границу приемлемых для общества жертв и издержек. (И)

330

3) Найти варианты политического решения чеченской проблемы. (И)

4) Не порушить демократические институты, уже существующие в обществе и государстве, несмотря на очевидное вступление России в режим действия управляемой демократии, более того, наращивать объёмы и сферу действий демократических тенденций. (И)

5) Разработать и начать реализовывать осмысленную и понятную одновременно и обществу в целом, и предпринимательским кругам экономическую политику, которая начнёт приносить осязаемые плоды обществу уже до начала 2001 года. (И)

6) Добиться, чтобы позитивные результаты этой экономической политики почувствовали наконец низшие или, по крайней мере, средние слои населения, не слишком, а желательно и вовсе не ущемляя законопослушные обеспеченные и сверхобеспеченные группы. (П)

7) Начать реальную борьбу с коррупцией, но не в виде «показательных процессов». (И)

8) Мирно, но решительно подавить региональный экономический сепаратизм. (П)

9) Реанимировать процесс интеграции в СНГ или, напротив, реформировать эту конструкцию, сделав её уже, но содержательнее. (П)

10) Найти решение проблемы долгов России Западу. (П)

11) Снять, даже в их виртуальности, проблемы конфронтации с Западом и «изоляции» России. (П)

12) Внести ясность в проблему Конституции, выбрав соответствующую стратегию и тактику: либо разового её изменения, либо улучшения и модернизации её на основе метода прецедента и поправок (второе предпочтительнее). (П)

13) Внести ясность в проблему и перспективы Российско-Белорусского Союза (желательно разумно форсировать объединение). (П)

14) Завершить первый этап военной реформы. (П)

15) Решить проблему материального обеспечения чиновников и реформирования аппарата (резко ослабить класс номенклатуры). (И)

16) Восстановить местное выборное самоуправление, сняв проблему разрыва между демократизмом Центра и авторитаризмом местных и региональных властей. (И)

331

17) Реформировать систему кадрового обновления исполнительной власти. (П)

18) Провести судебную реформу с целью конституирования судебной системы как независимой ветви власти. (И)

19) Сохранить систему независимых СМИ, резко ослабив подчинённость региональных средств массовой информации местным властям. (И)

20) Поддержать конкурентоспособность низового экономического демократизма и либерализма перед лицом укрепляющегося госкапитализма. (И)

21) Провести земельную и сельскохозяйственную реформы. (П)

22) Провести налоговую реформу, для чего создать техническое правительство, которое, пожертвовав, если нужно, собой, проведет радикальное снижение налогов. (И)

23) Создать субправительство для региона Сибири — Дальнего Востока, перенаправив инвестиционные и миграционные потоки (в том числе из стран СНГ) в этот регион. (И)

24) Объявить и начать реализовывать политику массового переселения русских из ближнего и дальнего зарубежья в Россию. (П)

25) Разработать стратегию вхождения России в систему мировой экономики и информатики (проблема глобализации). (И)

26) Снизить до допустимого уровня влияние силовых структур и специальных служб на политическую жизнь страны. (И)

27) Добиться реформирования Совета Федерации, разведя должности глав администраций и глав законодательных собраний регионов с должностями членов верхней палаты Федерального собрания. (И)

28) Разработать и начать реализовывать 10-15 общенациональных стратегических программ, предусматривающих сочетание крупномасштабных государственных и частных инвестиций. (И)

При царе строили Транссиб, при Советской власти — БАМ, гигантские плотины и ГЭС, научные города. Ныне не делается и, кажется, даже не замышляется ничего подобного.

Площадки для подобных проектов должны быть избраны исключительно в депрессивных регионах или охватывать

332

всю страну по линиям наиболее слабых или устаревших инфраструктур.

Очевидно, что в этот список должны попасть, с одной стороны:

— возобновление работ на БАМе;

— строительство автодорог;

— реанимация жизни наукоградов;

— общенациональная компьютеризация («Компьютер каждой семье к 2005 году»);

а с другой стороны:

— создание новых мегаполисов, например, на Северном Кавказе, как цивилизационных форпостов Центра на окраинах;

— развитие нескольких пионерных высокотехнологических проектов, рассчитанных на перспективу до 2050 года.

29) Перенос столицы России из Москвы на восток, ближе к Уралу. Помимо инвестиционного прорыва, это позволит решить и фундаментальную проблему Российского государства на протяжении всей его последней истории — резко ослабить мощь главного врага гражданского общества в стране, каковым является столичная (ныне московская) бюрократия. (И)

30) Разработать принципиально новый, рационально-эгоистический курс внешней политики. (И)

5.3. В данном документе не предполагалось раскрывать конкретное содержание действий президента по тем или иным направлениям, кроме тех, где это достаточно очевидно и неоспоримо.

6. ПРЕЗИДЕНТ И НАЦИЯ

6.1. Перед новым президентом стоит и проблема его взаимоотношений с обществом в целом и отдельными политическими и властными институтами. Либо он сохранит ельцинскую модель «царствовать, но не править», либо фактически станет главой исполнительной власти в стране, объединив власть президента и власть главы правительства.

6.2. Безусловно, новый президент не может и не должен наследовать ельцинский принцип правления.

6.3. Одновременно новый президент не имеет никакой нужды в фактическом объединении своего поста и поста гла-

333

вы правительства, ибо это чрезвычайно сузило бы его возможности и для политического, и для кадрового маневров. Другое дело, что правительство при новом президенте должно стать в первую очередь техническим, а не политическим органом.

6.4. Новый президент обязан удалиться на равное расстояние от всех лоббистских групп и групп влияния. В ином случае он вскоре потеряет и кредит доверия общества, и возможность эффективно действовать в интересах страны.

6.5. Абсолютно нецелесообразно участие президента в новом партстроительстве путём создания «партии власти» как противовеса КПРФ. Скорее всего, в России вообще сложится не двухпартийная, а трехпартийная система (например, на основе симпатий к трём первым номерам на выборах 26 марта).

Непосредственная включённость нового президента в «партию власти» чревата возникновением лишних и не нужных президенту обязательств перед различными представителями правящего класса.

6.6. Крайне неосмотрительной была бы такая трансформация Конституции, которая расширила бы властные полномочия президента либо увеличила бы срок его пребывания у власти. Второй президент России должен отдать долги власти обществу, а не брать у него новые кредиты доверия или властные полномочия в обмен на обещание будущих успехов.

6.7. По существу, деятельность второго президента России определит судьбу института президентства в стране. Неудачный опыт второго президента может стать финальной точкой в истории этого института.

Между тем институт президентства, несмотря на все проблемы, с ним связанные, является на сегодняшний день одним из главных в системе российской демократии (или протодемократии). Ликвидация этого института в результате неудачного опыта двух первых президентов ввергнет страну либо в «парламентскую анархию», либо в деспотию невыборного лица.

334

Бесхребетная Россия

Будущее Государства Российского как проблема

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС, №1,2, ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ 2005 ЧАСТЬ 1-я

Надо называть вещи своими именами: и коллективное, и индивидуальное сознание российской элиты охвачено смутным предощущением более или менее близкого конца России. Даже поверхностно анализируя сферы, формы и направления активности этой элиты, к иному выводу прийти нельзя. Расчёт на то, что в конечном итоге всё зависит не от элиты, а от народа, общественных масс, витальной силы нации, не должен никого успокаивать.

Во-первых, об уровне этой самой витальной силы мы мало что можем сказать определённого, особенно определённо позитивного. Во-вторых, Россия давно уже не та герметически замкнутая территория и страна, которая могла решать вопрос о своём собственном будущем, даже при наличии внешней интервенции (польской в XVII веке, наполеоновской — в начале и англофранцузской — в середине XIX века, многонациональной — в начале XX века и гитлеровской — в его середине), исключительно самостоятельно, то есть самодержавно — не в монархической парадигме, а в смысле абсолютной суверенности. И какое решение могут сегодня навязать народу и народам России наша элита и её региональные субстраты, даже и без всякого внешнего вмешательства, а просто по собственной инициативе или прихоти (или от испуга), предсказать трудно.

Словом, среди всех самых проклятых вопросов, которыми сегодня мучается всё менее и менее просвещённое русское общество, какие бы темы в философско-политических дискуссиях и декларациях, кухонных интеллигентских спорах

335

или светских словесных оргиях ни затрагивались, главным и первым является (в буквальном смысле слова) вопрос о конце России.

Личный выбор (кто бы и как бы на этот вопрос ни отвечал) сводится к в общем-то простейшей дилемме: смирился ли ты с предопределённостью ответа или готов сделать нечто, чтоб хотя бы попытаться преодолеть его. Но одной готовности недостаточно. Надо бы ещё приложить некоторое умение — о воле я уже не говорю.

В тенетах квазиполитики

Данная статья своим названием отсылает читателей к одному из самых известных произведений классика испанской (и европейской) политической мысли XX века Хосе Ортеги-и-Гассета, произведению, с предельной остротой и откровенностью поставившему вопрос о судьбе Испании, ответственности национальной элиты за эту судьбу, а главное — произведению, дававшему если и не план, то по крайней мере философию плана национальной стратегии Испании. Можно спорить о том, пошла ли реально Испания того времени по пути, предначертанному стратегией, предложенной Ортегой. Но вне дискуссий по крайней мере два факта. Первый: стратегия была предложена, общенациональные цели поставлены. Второй факт: Ортега дал точный и беспощадный диагноз состояния испанского общества 20-х годов прошлого века.

Я не философ, не историк, даже не политолог. Я журналист (правда, давно уже занимающийся политической аналитикой). И, естественно, я не собираюсь соревноваться с испанским классиком, выведшим эту страну из интеллектуального мрака. Моя статья пишется не как текст, параллельный «Бесхребетной Испании». Поэтому в ней не будет ни соответствующих аллюзий, ни прямых отсылок к оригиналу. Кроме одной и главной: лучшего определения, чем дал Ортега состоянию Испании в 20-е годы XX века — бесхребетная, — на мой взгляд, нельзя дать сегодняшней России.

Я утверждаю (только ли я?), что у сегодняшней России нет не только какой-либо, хоть самой приблизительной и предварительной, стратегии своего собственного существования (именно так!) и развития, но даже и обычной политики. Так-

336

тика — политическая и экономическая — вот предел нашей сегодняшней политической мысли, как теоретической (за редкими исключениями, касающимися отдельных думающих людей, но даже не групп и уж тем более не партий или чего-то подобного), так и инструментальной, то есть практикующей отдельные политические действия.

К стратегическим целям не могут быть отнесены в целом правильные, но совершенно не осмысленные и не разработанные лозунги о «возрождении величия России», о — более научное — «наращивании её международной субъектности», о «расширении её суверенитета», о «создании социального государства или общества социальной справедливости». Даже смешно, когда слышишь о последнем —

настолько реальная жизнь вопиет о прямо противоположном. Не менее абстрактны, а потому и практически бесполезны цели, которые в общем-то правильно заявляются либерально настроенными политиками: «построение рынка» (то же, что «введение колеса»), «построение процветающего демократического общества», «возвращение в лоно европейской цивилизации» и т. п.

Тактика, одна сплошная тактика, различающаяся лишь по двум основаниям. Первый вид нашей политической тактики — действовать так, как действовал бы в аналогичной ситуации Советский Союз, что, понятное дело, чаще всего невозможно. Ибо инвалид не способен жить и действовать так же, как полностью здоровый человек. Поэтому я и называю такую тактику инвалидной, или, солиднее, фантомной. Второй вид используемой в современной России тактики — чисто реактивный. Возникает проблема — на неё нужно как-то среагировать. Не важно — как, важно, чтобы была реакция, создающая ощущение внутреннего комфорта: мы среагировали, а могли бы и промолчать. Разновидностью реактивной тактики является служащая ей фоном и ещё более распространённая тактика сохранения статус-кво, сложившегося положения вещей. Проблемы, не встающие с предельной остротой, не решаются годами и уже десятилетиями: авось исчезнут сами собой. Но часто более десятилетия не решаются и острейшие проблемы — например, демографическая. Просто потому, что нет календарного события типа выборов, которое заставило бы ею заняться. И страна «потихоньку» (со скоростью около миллиона человек в год) вымирает.

337

Реактивная тактика в совокупности своих телодвижений напоминает более или менее осмысленную политику (если не вдумываться в её алогичность и эклектизм), но в реальности лишь выдувает пузырь квазиполитики, ибо совсем не иметь никакой политики или хотя бы её эрзаца такая большая страна, как Россия, и её правящий класс не могут.

Вот два, можно сказать, классических (классика, увы, может быть и дурной) примера. НАТО объявляет об очередном своём расширении — Россия не слишком решительно и только на словах возмущается. Происходит реальное расширение — Москва ворчит и на несколько месяцев сворачивает свою активность в рамках Совета Россия — НАТО. Далее всё сходит на нет.

Второй пример. Случаются очередные президентские выборы в какой-либо стране постсоветского пространства. Всякий раз Москва спохватывается в последний момент. За три-четыре месяца до дня голосования принимается решение о том, кого из кандидатов поддерживать. Поскольку стратегии и соответствующей диверсификации политики нет, то «кандидатом Москвы» почти всегда оказывается действующий президент или назначенный им наследник. Все силы бросаются на его поддержку, а он берёт и проигрывает. Реакция на проблему есть — результата (нужного) нет. В наиболее гротескных формах эта ситуация развивалась в ходе последней украинской эпопеи.

Более того, такая квазиполитика при отсутствующей стратегии приводит к парадоксально-печальному эффекту. В случае с Украиной (и не только с ней) этот эффект выражается такой формулой: с 1991 года и по 2004-й включительно украинская политика Москвы определялась в Киеве украинским руководством и проводилась в его интересах. Точнее даже — в интересах бывшего президента Украины г-на Кучмы, который в довершение всего сумел сдать навязанного им Москве кандидата и превратить антикучмовскую «оранжевую революцию» в антироссийскую, обеспечив своей семье богатство, а себе, как надеется, неприкосновенность и едва ли не лавры спасителя целостности Украины и политика, благодаря которому сохранился гражданский мир в стране. И всё — за счёт России, бросившей все свои ресурсы и весь свой престиж на благо победы кандидата, выдвинутого Кучмой и им же преданного. И это при том, что Россия, строго говоря,

338

вообще могла чисто дипломатическими шагами уничтожить Украину как единое государство и спровоцировать смещение любого украинского президента (другой вопрос, нужно ли было это делать, но я просто указываю на уровень зависимости Киева от Москвы).

На основе такой последовательно проводимой непоследовательной квазиполитики возникает и некоторое подобие стратегии, а точнее, конечно же, квазистратегия. Своё название эта «стратегия» заслуживает по многим основаниям. Во-первых, потому что просто не является нормальной и настоящей стратегией. Во-вторых, потому что рассчитана не более чем на три-четыре года вперед (в основном на срок очередной президентской или думской легислатуры, а часто — и на меньший). В-третьих (хотя и первых двух более чем достаточно), она сводится к тому, что на российском политическом жаргоне именуется «реформами», разбирать смысл которых часто невозможно за его неуловимостью, а содержание — за их полнейшей эклектичностью или безграмотностью. Если только под грамотными реформами не понимать простой перенос западных схем на российскую почву. Впрочем, если понимать смысл и содержание нынешних реформ так, то это, конечно, можно назвать стратегией.

Но тут возникают как минимум два вопроса. Первый: почему «западный перенос» осуществляется столь непоследовательно и с многочисленными отклонениями от оригинальных чертежей? (Ответ-то есть: оригинал не очень устраивает российскую элиту и особенно бюрократию.) Второй вопрос: а возможен ли в принципе этот «западный перенос» (если да, то почему до сих пор не осуществили?), и если вдруг он будет осуществлён, то что мы будем иметь в России (на территории России) как результат завершения этого переноса? Впрочем, чаще всего под прикрытием «реформ», в реальности очень нужных, мы видим не более чем реализацию корпоративных или личных эгоистических интересов тех, кто их разрабатывает и проталкивает, аккумулируя в своих руках средства, выделенные под эти «реформы». Печальная история с монетизацией льгот, вызвавшей активный протест вообще-то крайне пассивных пенсионеров России, —

самое последнее и яркое, но не единственное тому подтверждение.

Из поставленных мною вопросов совсем не следует, что я против перекройки России по западным лекалам. Я почти

339

за. Я только не вижу результата. Такого, который можно было бы хотя бы в первом приближении назвать позитивным, то есть отвечающим по крайней мере двум критериям: жизнь общества по большинству значимых параметров улучшается и будущее страны не вызывает опасений. Хотя бы у тех, кто реформы проводит. Первого просто не наблюдается. Вторая позиция возвращает нас к началу данной статьи: сама элита, то есть субъект реформ, не видит будущего для России, а потому и относится к её настоящему либо безответственно, либо потребительски, вызывая уже почти устоявшееся убеждение в её компрадорском характере.

Итак, дело в отсутствии стратегии, то есть видения перспективных целей, стоящих перед нацией и созданным ею государством, и подчинения текущей политики задачам реализации этих целей путём умных и продуманных тактических шагов.

Исключение

Здесь нужно признать, что при президенте Владимире Путине один реально стратегический замысел всё-таки реализуется — во всём комплексе правильно поставленной стратегической цели, соответствующей её достижению в политике и более или менее удачных тактических ходов. Речь идёт о Чечне. Анализ этой проблемы выходит за рамки данной статьи. Однако в связи с интересующей меня темой можно отметить четыре важных аспекта проблемы.

Главный состоит в том, что в 1999 году верхушка политического класса России осознала: дальнейшее развитие чеченской проблемы по неконтролируемому Москвой сценарию приведёт к началу второго после 1991 года распада России. Второго и, видимо, окончательного. Тогда и было принято стратегическое решение ликвидировать данную проблему путём сначала военной операции, а затем — политического урегулирования. Соответствующая политика, при всей спорности отдельных её составляющих, сложилась почти автоматически, ибо любая альтернативная линия фактически привела бы к поражению России. Тактические решения диктовались суммой всех обстоятельств и ограниченных (по счастью, не до последнего предела) возможностей страны, а также, уже к сожалению, эгоистическими интересами различных пред-

340

ставителей правящей элиты, чьи действия до сих пор размыкают в целом правильный стратегический выбор.

Дело, правда (и это второй аспект), облегчалось тем, что чеченская проблема, несмотря на всю свою сложность, была (если отбросить нюансы) локально очерченной территориально. Большинство же других проблем России «размазаны» по площади всей страны.

Третий аспект состоит в том, что президент Путин лично и, судя по всему, практически каждодневно контролировал по крайней мере неизменность стратегического и политического курсов страны на этом направлении, то есть за счёт собственных сверхусилий локально снял проблему «бесхребетности России».

Четвёртый же аспект свидетельствует о прямо противоположном. Даже в этом случае — проблема в самом буквальном смысле слова была жизненно важной для России, а президент жестко авторитарно и повседневно руководил её решением, имея в общем-то моральный мандат общества на свои действия, — даже при таких обстоятельствах значительная часть элиты если и не действиями, то своим бездействием фактически саботировала президентский курс, а диффузное состояние общественных интересов и страны в целом постоянно размывало фундамент общественной поддержки избранной стратегии и политики.

Чеченский пример — как раз тот случай, когда исключение лишь подтверждает правило сегодняшней бесхребетности России. И вся коллизия вокруг украинских выборов это со всей очевидностью продемонстрировала. В данном случае даже личное (как в случае с Чечнёй, хотя и на более коротком отрезке времени) участие президента Путина не спасло Россию от крупнейшего за последние 13 лет поражения на постсоветском пространстве. Поражения, к счастью, не стратегического, а лишь политического, но настолько глубокого, что избежать первого будет теперь гораздо сложнее.

И дело, конечно, не в сумме тактических или политических ошибок — хотя из-за их обилия президент просто обязан лишить постов и sinecur практически всех, кто к этому поражению причастен, да есть ли на кого менять? (Есть, утверждаю я в скобках и коротко, ибо и это — тема отдельной статьи.) Дело — в первую голову — в отсутствии правильно сформированных и сформулированных, а вслед за тем пу-

341

блично заявленных целей и стратегии России на постсоветском пространстве и в глобальном пространстве вообще.

Поэтому об этих целях, которые всегда имеют под собой два основания — позитивное (то, чего необходимо достичь) и негативное (то, чего непременно нужно избежать, пусть даже ценой жертв), и нужно поговорить подробно.

Марксовы пчёлы и русские политики

По совершенно справедливому утверждению Карла Маркса, самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что пчела строит свои соты инстинктивно, а архитектор — по заранее продуманному плану.

К сожалению, русские (или шире — российские) политики последнего времени совсем недалеко ушли от Марксовой пчелы и совсем не приблизились к даже плохим, то есть современным русским, архитекторам.

Планы-то они строят, но в основном личные, правда, искусно, как им кажется, выдают их за общественно значимые.

Но часть вины с них снимается объективными обстоятельствами, а именно тем, что главная проблема сегодняшней России состоит в отсутствии всех четырёх необходимых компонентов, создающих целостность (но не единообразие) общественной (включая политическую) мысли и морали: (1) метафизики — общеполитической теории (или идеологии), (2) единства исторического знания (или философии истории), (3) национальной идеи (целей) и (4) моральной доктрины.

В условиях этого философского (интеллектуального, морального и эстетического) вакуума сумма корпоративных и индивидуальных эгоизмов во всяком пункте российской территории, во всякой точке российской политики превышает общенациональный стратегический интерес, реально существующий, но интеллектуально не осмысленный, публично не отрефлексированный и вербально не сформулированный даже там, где он почти очевиден и устами отдельных политических мыслителей оглашён.

Бесхребетность современной России проявляется в том числе и в том, что её элита вообще и её политики в частности иногда стесняются, иногда боятся заявить от имени нации и от своего собственного имени вполне очевидные ве-

342

щи, втайне воспринимаемые и даже лелеемые ими как общенациональные стратегические интересы. И получается, что от имени нации в России чаще всего говорят маргинальные (хоть иногда даже и популярные) политики типа Жириновского, что провоцирует либо презрительные насмешки, либо деланный гнев многих контрагентов Москвы на международной арене. Особенно, естественно, тех, кто страдает разного рода комплексами и фобиями по отношению к России. У её же симпатизантов (порой хорошо скрывающих свои чувства) всё это вызывает сожаление и недоумение.

Такой застенчивой бесхребетностью совершенно не страдают западные политики, особенно американские — никто не может обойти официальных лидеров этих стран, тем более лидеров США, в обозначении стратегических целей и интересов возглавляемых ими наций. Разве что серьёзным экспертам позволяется предварительно отточить формулировки, в которых эти цели будут официально оглашены лидерами.

Более того, российская власть, действительно чрезмерно любящая секретность, причём часто не там, где её нужно бы соблюдать, страдает какой-то манией запрещать другим говорить то, что думает сама, и даже называть своим именем то, что она делает. Типичный пример — ситуация с так называемыми непризнанными государствами на постсоветском пространстве, о чём речь впереди.

Но главное, конечно, не в этом синдроме византизма, а в том, что сами стратегические интересы и цели по-прежнему не определены. И к ним наконец необходимо подойти вплотную — дабы с уровня пусть хорошей, но стесняющейся своих инстинктов пчелы подняться до уровня хотя бы плохого, но всё-таки рационально мыслящего и планирующего свою деятельность архитектора.

Что есть жизнь?

Жизнь любого организма, что биологического, что социального, являет собой, да простится мне этот трюизм, либо развитие, либо затухание, или умирание. Одним из наиболее ярких признаков развития, то есть восходящей линии жизни, социального организма всегда была и остается экспансия. Территориальная, культурная, экономическая, военная, цивилизационная.

343

Какой из видов экспансии демонстрирует сегодня Россия? Ответ на этот вопрос весьма прост и ещё более краток: никакой.

Между тем все три наиболее мощных и крупных государства сегодняшнего мира, кстати, вплотную примыкающих к России с запада, востока и юго-востока, а именно, Евросоюз, США и Китай, находятся в очевидной стадии экспансии, включая самые демонстративные её виды — территориальную и военную (последнее не касается — пока? — Китая). На юго-западе от России явный экспансионизм демонстрируют исламские фундаментализм и экстремизм, нашедшие даже плацдарм для своего продвижения на север на территории самой нынешней России — в Чечне. А в общем-то — фактически на всем российском (Северном) Кавказе. Только с севера, да и то, видимо, лишь потому, что он необитаем, на российское и околороссийское пространство никто не наступает, хотя и оно уже не полностью контролируется нашей страной, что было в советские годы, когда вся прилегающая к Азии и большая часть прилегающей к Европе арктической зоны вплоть до Северного полюса находилась под советской (то есть фактически российской) юрисдикцией (по крайней мере военной).

Можно объявлять геополитику бредом и лженаукой, а развивающиеся геополитические процессы неопасными для России, но не думать о том, к чему приведёт дальнейшее развитие этих тенденций, нельзя. Зафиксируем этот момент.

Внешняя экспансия — не единственное проявление восходящей линии жизни. Набравший некоторые оптимальные для своего существования размеры организм может проявлять свою витальную силу в виде «внутренней экспансии».

Об оптимальных размерах России

Прежде чем поговорить об экспансии этого рода, зададимся вопросом об оптимальных размерах

России: каковы они? Должны ли мы знать ответ на этот вопрос? Некоторые (и в самой России, и за её пределами) считают, что оптимум для нашей страны — это территория в границах нынешней европейской части РФ, то есть до Урала, но без Северного Кавказа и даже без Калмыкии и Астраханской области. И без Калининградской, само собой.

344

Другие (я в их числе) утверждают, что оптимальные размеры России, напротив, выходят за пределы нынешних границ РФ, порой — весьма значительно. Таких людей называют русскими империалистами, вкладывая в это определение исключительно негативный смысл.

Почему, однако, европейскими империалистами не называют (в том числе не называем и мы) лидеров Евросоюза, считающих, что практически все восточноевропейские страны должны войти в ЕС, и реально проводящих политику расширения Евросоюза на восток (то есть классическую территориальную экспансию)? Но не будем спорить о ярлыках. Которые, всё-таки замечу, никогда не навешиваются на друзей, но всегда на врагов или конкурентов. То есть из того факта, что Евросоюз называет вялые попытки России укрепить свое влияние и присутствие в постсоветском пространстве «империализмом», а Россия не характеризует так расширение ЕС на восток, становится совершенно ясным, что Брюссель рассматривает Россию как потенциального врага или реального конкурента, а Москва таковыми Евросоюз не считает. Но это к слову.

Представляется, что в разной степени, но обоснованными являются обе антагонистические позиции — и о превышении нынешней РФ оптимальных размеров России, и о том, что сегодняшняя Россия меньше своего естественно-исторического оптимума. Однако официальной и общепризнанной у нас почему-то считается самая ущербная и наименее мотивированная позиция: РФ и есть Россия. Отметим и этот факт как существенный, чтобы и к нему вернуться в своё время.

«Внутренняя экспансия»

«Внутренняя экспансия» как признак восходящей линии жизни общественного организма проявляется в освоении отвоеванного пространства и организации жизни внутри него, а также в оптимизации окружающего пространства — в создании или стимуляции возникновения дружественных или даже союзнических организмов. Таких, которые и сами не претендуют на вторжение на твою территорию, и не позволяют это сделать другим. С воистину пчелиным упорством именно этим занимаются и США, и Евросоюз. В последние годы — всё интенсивнее, ибо они стремятся заполнить раньше дру-

345

гих геополитический вакуум, образовавшийся после распада СССР (то есть Большой России) на востоке Европы, севере Африки, Ближнем Востоке, в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Занимается ли всем этим сегодня Россия? За небольшими исключениями — нет. То есть некоторые телодвижения внутри себя и в ближнем внешнем пространстве она, конечно, производит, но и то и другое считать более чем описанной ранее фантомной или реактивной тактикой нельзя.

Возьмём чисто внутренний аспект «внутренней экспансии», или самоорганизации и развития, — положение в Сибири и на российском Дальнем Востоке.

Если и в царские, и в советские времена население этих территорий постоянно росло, то в наши времена оно неуклонно уменьшается. Можно сколько угодно ругать и царей и коммунистов, но именно при их власти наблюдалось научное и промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока («внутренняя экспансия»), а ныне — лишь проедание того, что сделали оба «проклятых» режима.

Если кто-то может обнаружить признаки «внутренней экспансии» современной России в чём-то другом, то я хотел бы увидеть весь список, который, на мой взгляд, пока ограничивается всего четырьмя-пятью пунктами, а именно:

- возникновением и развитием банковского сектора экономики;
- развитием строительной индустрии, в том числе, что важно, индивидуального строительства (правда, почти исключительно за счёт недекларируемых, то есть формально нелегальных, доходов);
- развитием систем связи;
- развитием сферы услуг и торговли;
- автомобилизацией (в основном за счёт импорта).

При всей важности (инфраструктурности) пяти этих сфер, добавить шестой или седьмой пункты я, например, затрудняюсь. А если составить, что гораздо легче, список деградирующих или стагнирующих сфер нашей жизни и экономики, то он будет настолько длиннее, что вопрос о наличии «внутренней экспансии», например, в производственной сфере, науке и социальном обеспечении отпадёт сам собой.

Несколько более сложная (или, скорее, запутанная) картина в сфере общественно-политической, но и здесь, конечно, о «внутренней экспансии» всерьёз говорить пока невозможно.

346

Иерархии и сети

Мир иерархичен, общество тоже. Но прежде чем поговорить об иерархиях, кратко рассмотрим крайне модный сейчас вопрос об отношении иерархий и сетей. В общем-то сложные и жизнеспособные организмы (системы) гармонично сочетают в себе оба этих принципа. В иных случаях эффективней оказывается иерархический, в иных — сетевой. Иногда вопрос этой эффективности приобретает чрезвычайную остроту — когда в конкуренции или борьбе за один и тот же объект вождения иерархии сталкиваются с сетями.

Армия есть иерархия, партизаны — сетевики. Христианство (православие и католицизм) в основном

иерархично, ислам — это главным образом сетевая структура. Государство - иерархия, гражданское общество - конгломерат сетей.

В России мы видим полную эклектику и волюнтаризм в использовании обоих принципов.

Политический заказ на строительство гражданского общества существует и даже многократно продекларирован президентом Путиным, но строить его пытаются по иерархическому принципу.

Хорошо известно, что без местного самоуправления невозможно сколько-либо долгое и стабильное существование государств и обществ (стран). Вот почему жёстко тоталитарные режимы живут практически ровно столько, сколько развивается их внешняя военно-территориальная экспансия (когда внешняя цель системы подменяет внутреннюю и подавляет последнюю).

Местное самоуправление по природе своей сетевое и, становясь иерархичным, не укрепляет, а ослабляет общественно-политический режим страны. Российская бюрократия никак не хочет этого понять, хотя в общем-то развитие такого самоуправления и в её стратегических (не тактических, конечно) интересах, ибо не опирающаяся на местное самоуправление власть рано или поздно будет поставлена под внешний (чужой) контроль.

Неумение гармонично сочетать оба принципа построения большой системы крайне характерно для России, в том числе и современной. Это и есть вопрос создания современной

347

политической демократии, сочетающей в себе и собственно демократические (самоуправленческие) принципы, и авторитарные (иерархические), что в совокупности своей придаёт системе способность к адаптивности, умению быстро и гибко реагировать на изменение обстоятельств жизни, отвечать на вновь возникающие вызовы, противостоять новым угрозам. Можно прямо сказать, что зрелая демократия — это симбиоз иерархий и сетей, ибо иерархия без сетей есть диктатура, а сети без иерархии — анархия.

Все экспансионистски развивающиеся сегодня государства отвоёвывают новые пространства за счёт умелой работы в парадигме «иерархия — сеть». Таков Евросоюз, где сетевой принцип даже преобладает. Таковы США, где постепенно начинает доминировать иерархический алгоритм, что и является предупреждением о грядущем крахе американской мегаимперии. Но американцев спасает то, что поверх своей империи они создали превышающие её по масштабам глобальные сети в виде своих транснациональных корпораций, мировой долларовой финансовой системы, массовой культуры и т. п.

Таков и Китай, которому пока удаётся осмысленно-постепенно передавать часть контроля над своим внутренним пространством, в том числе и политическим, от иерархий сетям.

В России же иерархии не дают возможности расти социальным и политизированным сетям (местному самоуправлению в первую очередь, частным СМИ, независимым судам и т. п.), а потому-то у нас и расцветают сети асоциальные — прежде всего организованная преступность и коррупционные связи, в конечном итоге подчиняющие себе сами иерархии, то есть ту же бюрократию.

Союзники и враги

Теперь поговорим о внешних по отношению к России иерархиях.

Принципы деятельности больших субъектов международных отношений всегда отличаются от тех принципов, которыми они руководствуются в своей внутренней жизни, и всегда только в одну сторону — в сторону большего авторитаризма. Пожалуй, из крупных стран только современная Рос-

348

сия является в этом смысле исключением — её авторитарное начало направлено скорее вовнутрь, чем вовне, а демократическое — наоборот. Так как международные отношения анархичны по своей сути, каждый более или менее активный и мощный субъект этих отношений стремится к созданию и доминированию собственной иерархии.

Перед Россией, безусловно, стоит проблема создания такой собственной иерархии, историческими прообразами которой являются Российская империя и Советский Союз, чья каноническая территория (каноническая территория российской субцивилизации как части евроатлантической цивилизации) и есть естественная площадка для построения этой иерархии (или Российского союза).

Это естественное стремление России, однако, имеет несколько субъективных внешних ограничителей, главным из которых сегодня являются наши «друзья и стратегические партнеры» (иногда даже говорят — «союзники») — США и Евросоюз. Причём позиции Вашингтона и Брюсселя здесь различны.

Вашингтон просто предлагает Москве войти в американскую иерархию на примерно тех же принципах, на которых его тбилисские клиенты предлагают Сухуми вернуться «в лоно Грузии», — Россия получит максимально возможную автономию. Лучше и откровенней всего говорит об этом, естественно, Збигнев Бжезинский, которого сегодня на Западе модно поругивать, но по писаниям которого, прямо как по нотам, собственно, и развиваются американская и европейская политики.

В последней своей книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» Бжезинский настаивает на императивности дальнейшего расширения НАТО и Евросоюза на восток с обязательным включением в оба союза Украины (и большинства других бывших советских республик, расположенных в Европе и на Кавказе), какие бы сомнения и колебания ни вызывали эти планы у самого Евросоюза. Россия же просто должна признать неизбежность этого, зато в таком случае США, ЕС и НАТО помогут России удержать главную драгоценность её «имперского наследия» — богатейшую природными ресурсами Сибирь, которую, однако, Россия должна эксплуатировать вместе с Евросоюзом.

Сам Евросоюз не имеет пока планов автономизации России под юрисдикцией Брюсселя, но только

ввиду того, что

349

боится не справиться с такой большой автономией. Поэтому главной целью Брюсселя является максимальное (но закамуфлированное под что-то благопристойное) воспрепятствование реинтеграции постсоветского пространства под эгидой Москвы или даже просто вокруг неё и создание санитарного кордона между Россией и ЕС в виде Украины и Белоруссии. До тех пор, пока сам ЕС не будет готов к поглощению этих территорий.

Итак, США предлагают России войти в американскую иерархию в качестве «автономии», но с несколько меньшими правами, чем Евросоюз. В нашей политологии некоторое время назад довольно активно эта идея пропагандировалась в виде формулы — «младший партнёр Вашингтона». Особо пикантным здесь было слово «младший», ибо не уточнялось, является ли этот статус «младшинством» только по отношению к самим США или ещё и по отношению к ЕС.

Евросоюз ни автономии, ни своего протектората России не предлагает. Он только хочет, чтобы она (1) не расширялась, (2) снабжала «Европу» газом и нефтью и (3) прикрывала восток Евросоюза от угрозы «исламского терроризма», ведя при этом борьбу с этим терроризмом (4) под наблюдением ПАСЕ, ОБСЕ и прочих подотчётных Брюсселю структур, дабы не тревожить души европейских правозащитников и либералов, теряющих свою чувствительность при проведении военной операции НАТО против Сербии, но крайне переживающих «ужасы» русской военной операции против работорговцев и террористов в Чечне.

Неприкрытый цинизм американцев лично мне более симпатичен, чем внешне сокровенное двурушничество Брюсселя и Страсбурга, но России не подходит ни то ни другое.

В чём США и многие в Евросоюзе опять сходятся, так это в желании лишить Москву остатков глобального мышления, постоянно приучая Россию к мысли, что она теперь не более чем региональная держава.

Конечно, в европейской политике по отношению к России, точнее, в политике некоторых её стран (Германии, Италии, Испании, отчасти Франции) есть и более привлекательные для Москвы линии, но они погоды пока не делают.

В любом случае Россия должна сама сделать чёткий и публичный выбор. Либо она входит в чужие иерархии, оговаривая себе максимально выгодные условия и максимально

350

громкий титул (не «младший партнер», а «средний», не просто «стратегический союзник», а «стратегический союзник первой категории» и т. п.), либо — увы, иного не дано — надо вновь строить собственную иерархию.

А отсюда возникает и вопрос о союзниках и врагах (или «врагах», или потенциальных врагах, или странах, вызывающих обеспокоенность). Причём список союзников важнее списка врагов, ибо уничтожать даже врагов Россия не собирается, а вот консолидировать вокруг себя союзников обязана. Россия не может иметь союзника из чужой иерархии — просто потому, что хозяин (пусть лидер) той иерархии такого союзничества никогда не допустит.

Конечно, иерархии могут «дружить семьями». И если вашингтонская иерархия и московская станут союзниками (как в антигитлеровской войне), вассал союзного сюзерена станет и нашим союзником. Но если большого союзничества нет, то не может быть и малого.

Что не отрицает возможности тактического, в лучшем случае оперативного союзничества (которое сейчас в принципе мы и наблюдаем в отношениях между Россией, с одной стороны, США и ЕС, с другой), но безусловно предполагает конкуренцию, политическое и иное соперничество, борьбу ценностей.

Вхождение в разные иерархии означает, что специфические внутренние ценности у разных стран разные и ни одна из них не может навязывать свою систему специфических ценностей другим. Разумеется, при соблюдении общих цивилизационных принципов, совершенно очевидно единых для евроатлантической цивилизации, тремя главными субъектами которой являются Евросоюз, Россия и США, находящиеся в постоянном внутрицивилизационном соперничестве-сотрудничестве.

В Евросоюзе смертная казнь повсюду запрещена. В США во многих штатах разрешена (причём в формах, которые гуманными не назовёшь). Россия (ради членства в периферийных европейских организациях) смертную казнь фактически отменила. Кто в результате ближе друг к другу: русские к евросоюзникам или американцы? Ответ очевиден. Просто у американцев своя иерархия, у ЕС — своя (хотя это союзные иерархии). Зачем же России, не входя в иерархию ЕС, куда её и включать-то не хотят и боятся, принимать все правила внутренней жизни Евросоюза?

351

Но главное в построении собственной иерархии — это всё-таки вопрос о союзниках.

Все страны постсоветского пространства должны быть публично классифицированы Москвой как союзники либо несоюзники с точки зрения России. Некоторые должны быть поставлены перед выбором. Например, Украина, безусловный исторический и потенциальный союзник, которая тем не менее при двух своих первых президентах всячески тор мозила, а порой и подрывала все интеграционные (особенно политические) процессы на территории СНГ, прямо работая в этом плане против интересов и устремлений России.

Но послабления могут быть сделаны только для союзников, никак не для конкурентов, а тем более не для врагов (а тот, кто целенаправленно и постоянно ломает твои планы, не есть ни союзник, ни партнер, ни просто конкурент).

При распаде СССР возникли некоторые территориальные и пограничные вопросы и проблемы. Совершенно непонятно, зачем Россия, выступавшая против расширения НАТО, поспешила законодательно урегулировать эти вопросы и проблемы как раз с теми странами, которые первыми в НАТО и рвались. Верили в честное слово Запада? Это глупость. Под давлением Запада? Это понятно как резон, но что в конце концов Запад России сделал бы, если бы этого урегулирования не произошло? России в целом, а не отдельным её чиновникам, оставившим компрометирующие их следы в западных банках? Урегулировали в обмен на уступки? Какие конкретно? И что тогда было кричать о недовольстве расширением НАТО, когда сами этому способствовали?

Территориальные споры урегулировать надо и лучше их не иметь, чем иметь. Но вот ведь с Японией до сих пор держимся — аж 60 лет. И ничего страшного не случилось. Что же поспешили с государствами, мощь и значение которых не соизмеримы с японскими?

Никакой логики здесь нет. В лучшем случае — безответственность, непрофессионализм и, как сейчас выражаются, пофигизм (да не моя же это земля в Жуковке, в конце концов), в худшем — коррупция и предательство национальных интересов, на которые, впрочем, тоже сослаться нельзя, ибо, строго говоря, эти национальные интересы нигде официально не зафиксированы и уж тем более не приобрели статуса общенациональной или хотя бы общезелитной ценности, признанной на основе консенсуса.

352

Определение союзников и союзных (либо иных) иерархий — важнейший аспект превращения стратегических интересов в реальные политические декларации и тем более действия. И любая неясность, или недоговоренность, или несогласованность в этом вопросе и создают капканы, подобные тому, в который Москва (и уже не в первый раз с начала 1991 года) попала на Украине.

Зачем России Украина? (и: Зачем Украине Россия?)

Все крупнейшие государства или межгосударственные образования, расположенные вокруг России, находятся в последние годы, как я уже отмечал, в стадии весьма бурной экспансии. Россия же, напротив, последние полтора десятка лет только отступала.

Европейским и американским политикам стоит просто поставить себя на место политиков из Москвы, чтобы понять стратегические мотивы её инстинктивного (как у пчелы) желания консолидировать вокруг себя постсоветское пространство и иметь на этом пространстве дружественные и союзные себе, пусть и не очень демократические, режимы и пророссийски настроенных лидеров. Разве был бы спокоен (и бездействовал бы) Вашингтон, если бы антиамериканистами были президент Мексики и премьер-министр Канады, лидеры ключевых стран Евросоюза, если даже антиамериканизм лидеров Ирака и Ирана США не устраивал и не устраивает?

Это ведь только чужая экспансия воспринимается как опасность или по крайней мере вызов. Собственный же экспансионизм кажется всем, Брюсселю и Вашингтону в том числе, благом не только для себя, но и для других.

В последнее время на Западе много и справедливо говорят о «русском неоимпериализме». Отрицать его наличие (пока только на инстинктивном и реликтовом уровнях) глупо и противоестественно. Но ведь вся проблема не в том, что этот русский неоимпериализм наблюдается, а в том, что он сталкивается с «мягким неоимпериализмом» Евросоюза и «жестким неоимпериализмом» США, уже открыто претендующими на свержение президента союзной (!) России Белоруссии. Именно это порождает главные проблемы в отношениях Москвы с Западом и Запада с Москвой.

Однако нам нужно не столько объяснять всё это Западу, сколько осознать самим: а зачем нам нужно постсоветское

353

пространство, особенно некоторые его составляющие? И этот ответ легче всего получить на примере Украины.

Уже сегодня, а в будущем ещё с большей определённой ключевыми игроками глобальной политики могут быть только сверхгосударства и объединения государств. Они же, максимально сохранив собственный суверенитет, станут фактическими управляющими мира, или членами Совета директоров Земного шара.

Альтернатива здесь проста: либо ты входишь в этот Совет, либо ты подчиняешься его решениям. Россия, нравится это кому-либо или нет, исторически, психологически и политически не готова подчиняться. Она хочет занять своё место в этом Совете (тем более что фактически оно за ней зарезервировано), но не может действовать в одиночку. Хотя бы потому, что с Евросоюзом и США никакого искреннего союзничества по описанным выше причинам не намечается.

И Збигнев Бжезинский прав — без Украины занять это место России будет гораздо труднее, чем в союзе или даже в государственном единстве с ней.

Объединённая Европа и США не хотят понять и ещё одного важнейшего фактора. Сегодня русские — самая большая разделённая нация Старого Света. 25 миллионов русских в 1991 году оказались (и не по своей воле) за пределами России. Большая часть из них (20 миллионов) — на Украине.

И никто не сможет запретить России стремиться к воссоединению с этими соотечественниками, как никто не мог помешать немцам желать собственного воссоединения и в конечном итоге добиться его.

А до этого воссоединения Россия всегда будет игроком на украинском политическом поле — по меньшей мере в защите интересов русских граждан Украины.

Далее. После распада СССР сложилось так, что Украина владеет многими территориями,

являющимися историческими землями России (Крым и почти весь юго-восток Украины, которые, собственно, и голосовали за Януковича). Это пространства, превышающие территории целых западноевропейских государств. Единой украинской нации так пока и не сложилось (потому Украина и расколота пополам не столько политически, сколько этнически). А все скромные успехи на пути складывания украинской политической нации достигаются фактически искусственной украинизацией

354

(часто безуспешной) юго-востока и центра страны, попытками форсированного вытеснения русского языка и тому подобными «либеральными» и «демократическими» методами. Это вызывало и будет вызывать реакцию отторжения между северо-западом и юго-востоком Украины. Следовательно, на Украине всегда будут мощные политические и общественные движения, ориентированные на Россию.

Фактически Россия может расколоть Украину надвое — в буквальном смысле. Но Украина может расколоться надвое и сама. Если официальный Киев будет вести антироссийскую (в этническом, лингвистическом и иных аспектах) политику или поддерживать врагов и конкурентов России.

Одновременно Россия — единственный исторический гарант целостности современной украинской территории, ибо именно Россия собрала нынешние земли Украины в единое целое, земли, никогда ранее не входившие в состав украинского протогосударства, превратившегося в государство (не вполне пока состоявшееся) тоже только благодаря России. Россия отдавала Украине земли, отвоёванные Российским государством у Литвы, Польши, Османской и Австро-Венгерской империй. Более того, в советское время Москва передала Украине и собственно русские территории (тот самый юго-восток). А это как минимум свидетельствует, что Москва по отношению к Украине проводила в советское время политику не имперскую, а союзническую.

Всё это не забывается, не исчезнет по желанию кого бы то ни было в Киеве, Вашингтоне, Брюсселе или даже самой Москве.

Я уже не говорю об этническом родстве русских и украинцев, о десятках миллионов смешанных русско-украинских семей, о том, что русский всё равно остаётся самым распространённым и главным рабочим языком Украины, об инфраструктурной и технологической взаимозависимости.

Всё это — лишь часть ответов на вопрос: зачем Украина России? (Я, например, совсем не затронул военно-стратегический аспект проблемы.) Более того, это же — лишь часть ответов и на вопрос: зачем Россия Украине?

Да, западные украинцы, выходцы из земель, длительное время принадлежавших Австро-Венгрии, не любят русских, а порой и ненавидят их. Да, есть раскол Украины и по конфессиональному признаку — на православных и униатов. Но

355

тем более естественным является тяготение половины Украины (русской, русскоговорящей, православной, промышленной) к России.

Но каков наш ясный и публичный стратегический ответ на вызов этого тяготения? И на другие аналогичные вызовы на постсоветском пространстве? Поддержка карьеры Кучмы и неумение создать реально единое государство с Белоруссией?

* * *

Позитивное стратегическое целеполагание и целеполагание негативное (внятное определение угроз и вызовов) — всё это в сумме своей и есть интеллектуальная основа преодоления собственной бесхребетности. Во второй (заключительной) части статьи я постараюсь систематизировать и то и другое.

ЧАСТЬ 2-я

Современное идейное состояние России глубоко парадоксально. Оно сочетает в себе две прямо противоположные, причём скорее мистические, чем идеологические ипостаси: горделиво-оптимистическую и уничижительно-эсхатологическую. Первая предполагает грандиозное величие России, вторая — её полное ничтожество и, как следствие, неизбежный конец нашей страны.

Будущее Государства Российского как проблема

Это состояние не уникально. Как известно, примерно такая же идейная сумятица царила в России в начале XX века, во всяком случае, после неудач в ходе Первой мировой войны, а затем — в хаосе 1917 года.

То, что вскоре большевикам ценой невероятных жертв удалось сдёрнуть страну с пути, ведущего к национальной катастрофе, безусловно, является прецедентом, но отнюдь не гарантией благополучного исхода нынешнего кризиса. Если не вдаваться в обсуждение качества коммунистической идеи и методов и содержания её реализации, то сам факт наличия этой идеи и политической воли тех, кто ею руководствовался, сомнению не подлежит.

Ни того, ни другого мы не видим сейчас.

356

Причём большевистская идея (идеология) была почти совершенной в том смысле, что сочетала в себе обе необходимые для успеха составляющие: и внутреннее, и внешнее целеполагание. Это позволяло не только осуществлять и внутреннюю, и внешнюю экспансию, но и, что очень важно, почти автоматически создавать себе союзников и при решении внутренних задач, и при достижении внешних целей. Как раз с последним, с внешними союзниками и внутренними сторонниками стратегического курса — за его неясностью, сейчас у России совсем плохо.

Русская утопия

Россия — крайне идеологизированная страна, её государственный строй (в отличие от её

политических режимов) всегда был, по сути, идеократическим.

Это, конечно, отдельная большая и сложная тема, но представляется, что без новой русской утопии и нового русского мессианства (но не только их) мы не сможем избежать краха и исчезновения страны. Даже при наведении порядка во внутреннем устройстве России и повышении благосостояния её населения. Одно из главных актуальных доказательств этого — сугубая идеократичность двух наиболее экспансионистски развивающихся субъектов глобальной политики, то есть США и Евросоюза.

Современный русский историк и философ Виталий Аверьянов, наследуя идеям некоторых отечественных философов начала XX века, считает, что историческая миссия России остаётся той же, что была и прежде, — сдерживание и ограничение чужих экспансий, причём экспансий, направленных не только на нашу страну.

Военная история России это блестяще подтверждает, но, как мне кажется, сегодня этого явно недостаточно, по крайней мере для нас самих. Негативистское содержание такой миссии (ограничение чужой экспансии), с одной стороны, выгодно прежде всего не России, а всем остальным главным геополитическим игрокам — США, Евросоюзу, Китаю и Исламскому Субъекту мировой политики, каждый из которых и извлекает максимальную пользу из этой «миссии» России (и будущее Сибири здесь, конечно же, главная ставка). Сама же Россия, а тем более её население не получают от реализации этой миссии ничего, кроме мелких тактических пре-

357

имуществ, лишь оттягивающих решение (пусть неприятное) главного вопроса.

С другой стороны, такая миссия вновь и вновь требует жертв именно от народов России, прежде всего, естественно, от русского народа, что не может вызывать у нас энтузиазма и само по себе. А кроме того, не будет оценено и окружающими. Трижды за последние два века (наполеоновская война и две мировые) Россия, жертвуя своим населением и своими солдатами, останавливала экспансию трёх мировых агрессоров и спасала независимость практически всех европейских стран, всякий раз получая упреки в безжалостном использовании своих солдат не только от союзников, как правило, отсиживавшихся вне поля боя до последнего момента, но даже и от коллаборационистов и прямых соучастников агрессий. Кажется, осталась единственная страна, а именно Израиль, которая не заразилась этим мерзким комплексом циничной неблагодарности по отношению к России.

Так или иначе, у нас нет никаких — ни идеальных, ни практических — резонансов (да и ресурсов) к тому, чтобы положить несколько ближайших десятилетий нашего весьма проблемного и неясного по исходу существования на выполнение подобной миссии.

России нужна позитивная миссия для неё самой, миссия, воплощённая в позитивном идеале (русская утопия, или русская мечта) и в позитивной практической цели.

С утопией пока подождём, хотя кое-какие идеи на сей счёт и циркулируют в среде русских интеллектуалов. Для нас гораздо важнее сейчас (вообще и в силу конкретных исторических обстоятельств) «практический идеал», то есть позитивная практическая цель.

Стоит найти её, как сразу же, без всяких усилий, возникнут и национальная стратегия, и полномасштабная политика, и сумма необходимых и неизбежных тактических шагов и ходов по её воплощению. То есть всё то, чего мы сегодня не имеем.

Возникнет и объективное основание для консолидации политического класса России, её элит, её общества (консолидации внутри себя и с его элитами). Возникнет единая политическая воля русской нации как нерасчленённого, но сложного и плюралистического целого.

358

Великая Россия и её пигмеи

С приходом к власти Владимира Путина, безусловно, консолидировавшего нацию, но лишь по весьма простым, банальным и частью притворным основаниям, все вдруг заговорили о возрождении величия России.

Коммунисты никогда от этого лозунга не отступали. Жириновцы, надо отдать им должное, прямо-таки с ума сходили по этой идее и в ельцинские годы, хотя чаще дискредитировали её, чем реально защищали. Сразу же на платформе державничества, то есть и великой, и сильной России, родилась «Родина».

Как основу своей идеологии (ясной только в этом пункте) провозгласили возрождение величия России и «единороссы». Более того, часть классических русских либералов (то бишь не вполне либералов, но либеральными себя называющих), ещё в начале 90-х грезивших о «русском Пиночете», устами признанного эталона современного русского либерализма Анатолия Чубайса в конце 2003 года вообще выступила с концепцией русской либеральной империи, чей образ явно списан с Соединённых Штатов Америки, в силе и целеустремленности которых сомневаться не приходится.

Казалось бы, при такой почти всеобщей жажде порядка и сильной власти России ничего не стоило получить в короткие сроки и то, и другое. Однако ни того, ни другого мы так до сих пор и не имеем, хотя авторитарные тенденции в некоторых сферах политической и экономической жизни России очевидно нарастают.

Дело в том, что практически все — что либеральные, что нелиберальные — сторонники сильной власти в России желают иметь либерализм для себя, а сильную руку — для других, в первую очередь — для народа. Это в конечном итоге и является причиной тотальной социальной безответственности всех или почти всех социальных слоев и корпоративных сообществ России, что в сумме и создаёт эффект

бесхребетности при почти всенародном и всеэлитном поклонении идее порядка, сильного государства и возрождения былого величия. Пигмеи, действующие как пигмеи и по-пигмейски мыслящие, могут говорить и о величии, да выше от этого не станут.

Почему это происходит, разговор долгий, но в целом его можно свести к, в общем-то, универсальному объяснению: сумма индивидуальных и корпоративных эгоизмов совре-

359

менного российского общества намного превышает объём общенационального, консолидированного интереса.

Социальная ответственность и элиты, и государственных чиновников, и рядовых людей в такой обстановке сводится к пигмейскому минимуму, а если эту ответственность нужно проявить в целях демонстрации политической лояльности идее сильной России или её высшей власти, то эти проявления носят либо декларативный, либо спекулятивный характер.

Известная покупка яиц Фаберже, являющаяся лишь удачной формой тезаврирования собственного капитала, преподносится (но и воспринимается) как форма социальной ответственности бизнеса. Что добавила эта покупка современной России, понять абсолютно невозможно.

Для меня образцом социальной ответственности является пример известного западногерманского издателя Акселя Шпрингера, который, лично не смирившись с послевоенным разделением Германии, построил небоскрёб своего издательского дома в Западном Берлине прямо на границе с Берлином Восточным, дабы ежедневно напоминать отделённым немцам о существовании другой, «правильной» матери — Германии. Наверняка Акселю Шпрингеру было бы удобнее, да и дешевле, вести свой бизнес из какого-нибудь западногерманского города, но его социальная или, если хотите, национальная ответственность не позволила ему идти по пути максимизации прибыли и личного комфорта.

Если вспомнить, что ничего выше бензоколонки русским бизнесом в Калининградской области не построено, а центральную площадь самого Калининграда до сих пор украшают гигантские руины недостроенного при СССР здания обкома КПСС, то будущее этого края мне представляется вполне определённым.

В «низах» и средних слоях общества ситуация ничуть не лучше. Август и сентябрь прошлого года все российские СМИ, включая общенациональные телеканалы, почти ежедневно рассказывали о школьной реформе в Латвии, очевидно ущемляющей права русских школьников в этой стране. Тем не менее в России не состоялось ни одной студенческой или школьной демонстрации или митинга с целью хотя бы моральной поддержки сверстников-соотечественников за рубежом! И это — свободная молодёжь свободной России! И это — разделённая нация!

360

Дежурная демонстрация ЛДПР у латвийского посольства и акции революционистов-лимоновцев — вот и весь отклик неофициальной бесхребетной России на притеснения русских за рубежом.

И, в общем-то, это понятно. Цель воссоединения разделённой нации в национальной стратегии России (отсутствующей) не ставится. Защита соотечественников за рубежом находится на периферии российской внешней политики. Информация российских СМИ о жизни наших соотечественников в странах СНГ появляется лишь эпизодически и в основном такова, чтобы, не дай бог, не обидела местное начальство (если не брать случаи Латвии и изредка Эстонии да периоды политических кризисов типа последних украинских выборов).

Осознание угроз и вызовов порождает цели

Всё сказанное, а еще больше — несказанное, свидетельствует о том, что никакие самые правильные, но абстрактно поставленные цели, в понимании которых не соединяются все части нации, а к реализации которых все эти части не готовы, причём без понукания Кремля и прокуратуры, не заставят нас ни построить сильную и процветающую Россию, ни даже удвоить ВВП, ни просто ликвидировать массовую нищету и, например, позорную детскую беспризорность, и уж тем более не заставят нести во имя общего блага пропорциональные имеющемуся богатству жертвы.

Как получилось, что из общества производства без потребления мы сразу скакнули в общество потребления без производства, разбираться можно долго. Дело это увлекательное, но, к сожалению, не открывающее никаких перспектив, кроме дальнейшего разжигания классовых, сословных и даже частных эгоистических противоречий и конфликтов. По сути — продления холодной гражданской войны, войны если и не самих людей, то их эгоизмов.

Нам же нужна консолидированная национальная стратегия, которая в сегодняшнем состоянии России может быть образована только из суммы ответов на стоящие перед страной угрозы и вызовы. Но прежде чем давать ответы, нужно честно и громко огласить список этих угроз и вызовов. Причём без всякой оглядки на то, что корректно, а что нет, что

361

понравится соседям, Евросоюзу, США или инопланетянам, а что будет их раздражать.

Самое парадоксальное, что многое давно произнесено, многое постоянно обсуждается — в основном неофициально. Многое обсуждается в СМИ. Но ничто из этого многого не сложилось в официальную, документально зафиксированную или ментально принятую общенациональную стратегию. А ведь для её формулирования нужен не столько интеллектуальный прорыв (хотя и он тоже нужен), сколько политическая воля, позволяющая нации (устаи своих лидеров) сказать самой себе: (1) что если и дальше дело пойдёт так, как идёт сейчас, то России не будет; (2) что мы хотим выжить все вместе, а не только

каждый по отдельности; (3) что нам нужно что-то сделать (чем-то пожертвовав), чтобы случилось желаемое, а не возможное.

А далее — просто расставить приоритеты, сосредоточившись в первую очередь на том, без чего бессмысленно остальное. И реализовывать приоритетные цели бескомпромиссно, не отступая ни под давлением обстоятельств, ни из-за недовольства или противодействия других — враги эти другие или друзья, наши соотечественники или зарубежные доброхоты, постоянно объясняющие России, как нам нужно жить и что делать, чтобы «стать частью цивилизованного мира».

Меня просто поражают до сих пор ведущиеся споры и дискуссии: демократия нужна России или авторитаризм, либеральная экономика или государственное регулирование рынка, частные СМИ или государственные, сохранение прав меньшинств или их умаление и т. д. Ведь всё это споры о средствах достижения не сформулированных нацией в её единстве целей.

Пробный камень здесь — проблема Чечни. По одной логике — её отпускать нельзя, по другой — необходимо завтра же вывезти оттуда всех федералов, военных и гражданских, по третьей — во второй раз пригласить Масхадова в Кремль. Можно сделать всё, если знать, чего мы хотим.

Но если даже в таком очевидном случае, как чеченская проблема, о чём я уже писал в первой части этой статьи, общество не консолидировано в понимании национального интереса, что же говорить о менее определённых и совсем не сформулированных интересах и целях?..

362

Нынешних усилий президента Путина и отдельных членов его администрации (в широком смысле слова), довольно разношерстной, явно недостаточно, чтобы объединить нацию и заразить её тем позитивным практическим идеалом, который, в общем-то, и не сформулирован. Сумма практических действий Путина и его окружения, действий, направленных на реализацию этого невербализованного идеала, явно недостаточна для того, чтобы его достичь, или хотя бы для того, чтобы нация оценила серьёзность намерений кремлёвской команды. Более того, некоторые из этих действий кажутся странными, а порой и прямо противоположными тому, что необходимо делать, отсюда — то моральное и материальное мародерство, которое царит в элите, а под влиянием её и телевизионного продукта, ею изготавливаемого, — и в обществе в целом.

Национальная стратегия: угрозы, вызовы, цели

Несмотря на то, что я говорил о позитивном практическом идеале как основе формирования национальной стратегии современной России, он, к сожалению, как раз за отсутствием русской утопии и из-за нынешнего положения страны не может быть сформулирован как сумма исключительно позитивных целей, но лишь как совокупность (причём очень обширная) ответов на реальные угрозы, стоящие сегодня перед Россией, и вызовы, брошенные ей.

В следующем ниже списке, составленном мною достаточно упорядоченно (по мере снижения уровня опасности), я не делаю различия между угрозами (реальная опасность, не позволяющая медлить с ответом) и вызовами (потенциальная угроза, или проблема, которая превратится в угрозу, если её решение не будет найдено). Такое разделение необходимо, но на начальной стадии разговора этим можно пренебречь. Тем более что главная угроза является таковой без всяких оговорок и именно её нам нужно определить в первую очередь.

Сначала я приведу весь список самых существенных, на мой взгляд, угроз и вызовов, а затем сформулирую ответы, как они мне представляются, на некоторые из них.

Предварю список ещё одним общим замечанием, напомнив читателям подзаголовок данной статьи — «Будущее Го-

363

сударства Российского как проблема». Так вот, проблема состоит не в том, что это государство в будущем может быть слабым или сильным, демократическим или авторитарным, независимым или подчинённым, а в том, что его может не быть вовсе. И это надо не только осознать, но и на высшем официальном уровне признать. И главные предпосылки исчезновения России лежат не в международном терроризме или американском гегемонизме, а во вполне очевидной и неоднократно упоминавшейся и до меня тенденции вымирания нации.

Итак, каковы угрозы и вызовы, представляющие сегодня главную опасность для России? Для удобства восприятия я свёл весь их список в одну таблицу — см. страницы 373-375.

Наверняка я что-то упустил, но ведь каждый и сам может продолжить этот список. Однако впечатляющим является сам его объём. Думаю, и двадцати пунктов было бы достаточно, чтобы нация задумалась о своей судьбе, чтобы её лучшие умы день и ночь твердили о грядущей катастрофе, а политический класс страны принял бы самые жёсткие решения по своей внутренней мобилизации и разработал программу действий, направленных на предотвращение катастрофы.

Ничего подобного, кроме разрозненных восклицаний и идейно разбросанных проектов, мы не наблюдаем. Все, даже те, кто реально озабочен нынешним положением вещей, в конечном итоге предпочитают (или вынуждены?) решать проблемы личного выживания. В лучшем случае (который для нации оказывается худшим) — защищать групповые и корпоративные интересы.

Вертикаль власти есть, а хребта нации нет.

Возникнет ли?

Безусловно, если мы правильно сформулируем ответы на все вызовы и угрозы, начав, разумеется, с ответа на самую главную угрозу. И этот ответ есть естественная и единственно возможная национальная

идея России сегодня и на ближайшие десятилетия.

Национальная идея - умножение народа

То, что вымирание нации (страны) является самой главной угрозой для России, кажется, не требует доказательств. Однако бурные дискуссии у нас ведутся на любую иную тему,

364

но только не на эту. Мы спорим о неизбежности либо невозможности дрейфа страны к авторитаризму. О роли и месте олигархов (спецслужб, либералов, Русской Православной Церкви и т. д.) в нашей сегодняшней и будущей жизни. О том, нужна ли нам президентская или парламентская республика или сколько полноценных политических партий можно создать в России. Словом, о чём угодно, кроме как о том, а останутся ли через 50 лет в данной стране и на данной территории люди, которым результаты этих споров будут нужны.

Объяснений того, почему мы (и власть в том числе) закрываем глаза на эту проблему во всей её катастрофической остроте, много. Но к чему эти объяснения, если твой род пресекается?

Александр Солженицын был, безусловно, прав, когда ещё с десятилетие назад сформулировал национальную идею или цель России как сбережение народа. Сегодня ясно, что нужно говорить не о сбережении, а об умножении народа, поставив эту идею и цель во главу всех экономических, социальных, политических и иных стратегий и программ.

Собственно, иного вымирающая нация, если она не потеряла рассудок и инстинкт жизни, выбрать не может.

Рубрика «Само-державие», поставленная мною к данной статье, фиксирует, конечно же, не монархический, а, можно сказать, собственно онтологический аспект нынешней и имеющей тенденцию к будущности проблемы бесхребетности России: сами ли мы, нынешние народы России, будем держать эту территорию, а следовательно — и власть на ней? Или недорешённые нами тактические и оперативные вопросы станут решать другие люди, говорящие на другом языке и иначе выглядящие?

Надежды, впрочем, робкие, некоторых интеллектуалов, считающих, что можно будет и через пятьдесят, и через сто лет обеспечить властвование русской по крови и языку элиты над каким-то (но каким численно?) населением, живущим на данной территории, посредством чего само государство с названием Россия сохранится, по-моему, безосновательны. Витальная сила не может проявиться в интеллекте, угаснув телесно.

Умножение населения возможно только двумя способами (если отбросить пока ещё фантазии о клонировании человека), а именно — увеличением числа рождений и иммигра-

365

цией. Никаких дополнительных интеллектуальных поисков здесь вести не нужно. Интеллект, помноженный на политическую и физическую волю, нужно применить для выработки революционной во всех смыслах и детально проработанной стратегии умножения населения, ибо нам нужно не просто не допустить уменьшения числа граждан России до 100 миллионов к 2050 году, даже не сохранить нынешнюю численность населения, а как минимум увеличить её до 200 миллионов, а лучше — удвоить.

Достичь этого без революционных решений невозможно.

К сожалению, от наших демографов я не слышу никаких конкретных радикальных предложений на сей счёт — только паллиативы, позволяющие лишь притормозить процесс вымирания страны.

Поэтому решусь высказаться на сей счёт в предельно откровенной, возможно — шокирующе откровенной форме.

Начну, однако, с самого простого и банального — с иммиграционной политики.

Конечно же, её нужно поменять в корне, подчинив цели массового притока в Россию, особенно в Сибирь и на Дальний Восток, за ближайшие 10 лет не менее чем 10 миллионов русских, татар, украинцев, белорусов, армян, евреев не только из стран постсоветского пространства, но и из дальнего зарубежья.

Самые благоприятные условия переезда в Россию должны быть обеспечены: всем гражданам бывшего СССР, особенно молодым, и их детям; всем русским и вообще славянам со всего мира. Для этих категорий не должно быть никаких ограничений, кроме самых естественных проверок на отсутствие криминального прошлого (и то по ограниченному списку состава преступлений) и подписания простого документа на лояльность Российскому государству.

Невыходцы из бывшего СССР, не славяне и лица, не знающие русского языка, должны иметь возможность приехать на постоянное жительство в Россию с перспективой дальнейшего получения гражданства по ежегодно определяемым квотам для каждой страны происхождения.

Обязательное условие приезда — поселение в определённом государством регионе, но с предоставлением участка земли, жилья или средств на его строительство, места работы или кредита, необходимого для начала собственного дела, и т. п.

366

Всё это слишком очевидно, чтобы продолжать.

При этом, естественно, надо учесть, что и оголять полностью от русских и русскоговорящих страны постсоветского пространства не в интересах России. Поэтому масштабная иммиграционная стратегически выверенная политика должна сочетаться с политикой обширнейшей поддержки соотечественников, особенно старших возрастов, за рубежом.

Второе направление стратегии умножения народа связано не со стимулированием иммиграции в Россию, а с расширением самой страны, о чём подробнее я скажу ниже.

Наконец, стимулирование рождаемости, стержень новой демографической политики.

Если описанная мною иммиграционная политика не нова и многократно реализовывалась другими странами, в первую очередь США, Израилем, некоторыми странами, входящими в Евросоюз, то российская политика повышения (точнее — взрывного повышения) рождаемости должна быть действительно революционной, выходящей за рамки стереотипов современной либеральной евроатлантической цивилизации.

Прежде всего необходимо обеспечить жизнь и здоровье каждого зачатого и родившегося ребенка, а потому, как ни цинично это выглядит, нужно переориентировать вообще всю социальную политику с геронтологической стратегии на ювенальную. То есть деньги и силы надо вкладывать в первую очередь не в стариков, а в детей.

Необходимо запретить все аборт, кроме тех, что должны быть сделаны по сугубо и единственно медицинским показаниям. При этом нужно максимально, вплоть до возврата к смертной казни, ужесточить наказания за любое умерщвление детей.

Естественно, надо обеспечить полное материальное обеспечение жизни и развития детей, живущих в семьях с одним родителем, в бедных семьях, детей, вообще не имеющих родителей. Необходимо полностью снять материальный барьер как препятствие для появления ребенка.

Думаю, что и этого будет недостаточно, а потому нужно решиться на совершенно революционный шаг и либо официально ввести многоженство для всех граждан России и лиц, находящихся в России на постоянном жительстве, либо (проявив определённую хитрость) фактически снять все

367

препятствия для многоженства, обеспечив соответствующую моральную и, если надо, материальную поддержку детям, рождённым в таких браках, для чего необходимо радикально скорректировать образовательную, собственно педагогическую и, естественно, религиозную политику. (Здесь зафиксирую, что публично первым это предложил Владимир Жириновский, вообще часто, но не всегда говорящий очень правильные вещи, хотя и в скандальной форме.)

Институт классического (традиционного) моногамного брака всё равно в рамках евроатлантической цивилизации рушится. Причём рушит его наименее естественное проявление интимных связей людей — стремительно легализующиеся на Западе и абсурдные по сути своей однополые «браки». Нам необходимо пойти в прямо противоположном направлении: во-первых, физиологически естественном для людей как биологического вида; во-вторых, наблюдавшемся в истории человеческого рода; в-третьих, юридически существующем в некоторых странах и сегодня; в-четвёртых, фактически существующем в рамках современной евроатлантической цивилизации в двух видах — как несколько браков, последовательно заключаемых, и как юридически не оформленное сосуществование двух семей, объединённых одним супругом — отцом.

Скорее всего, человечество и так идёт к этому (культурно соответствующие табу уже сняты массовой культурой и современной рекламой, полностью эротизированными). Тот, кто первым сделает этот шаг осознанно, выиграет многократно — как всякий, кто открыл и первым успел воспользоваться неизвестным другим, но перспективным ноу-хау.

Тема эта, конечно, деликатная и требует отдельного разговора, который сейчас развивать я не буду. Но вполне очевидно, что иными способами предотвратить умирание русской (шире — российской) нации нам просто не удастся. Но ведь смирившись с этим, отказавшись снять явно угнетающие нас даже не цивилизационные, а лишь моральные, религиозные и юридические табу, мы поступим противоестественно в самом прямом и точном смысле этого слова, ибо биологическая цель всякого живого организма или сообщества организмов (рода, племени, народа, нации) — плодиться и размножаться, а не умирать.

Новая демографическая политика автоматически и совершенно логично выстраивает всю систему политических, эко-

368

номических, юридических и социальных решений. Приведу лишь несколько примеров.

Становится ясно, на что нужно тратить Стабилизационный фонд — не на поддержку пенсионеров, а на поддержку детей. Очевидно, как нужно использовать природную ренту — не вообще на что-то, а на пополнение накопительных счетов на каждого рождённого в стране ребенка. Социальная ответственность бизнеса наполняется вполне конкретным и уж точно не исключительно меценатским содержанием.

Реформы образования, социального обеспечения (ювенального), здравоохранения, жилищная реформа обретают одновременно и внутренний смысл, и внутреннюю логику.

Ясно, что государству необходимо иметь большой запас хороших земель для передачи их иммигрантам. Большой резерв жилищного фонда — для передачи ставшим совершеннолетними (кстати, возраст вступления в брак нужно снизить) детям, чьи родители не могут обеспечить им нормальное жилье за счёт своих средств.

Борьба с наркоманией приобретает важность, сопоставимую с поддержкой должной обороноспособности страны. Наркобизнес, напротив, превращается в абсолютное зло, требующее таких же методов уничтожения, как и несанкционированное производство и распространение ядерного оружия.

В данном аспекте отличную службу могла бы сослужить и, казалось бы, чисто политическая система фактического назначения губернаторов. Если только президент станет оценивать их деятельность не по уровню инфляции, объёму инвестиций, отсутствию забастовок и росту доходов населения в данном регионе, а в первую голову по главным критериям — росту населения региона, росту продолжительности

жизни этого населения, росту числа детей и уровню их здоровья, миграционной привлекательности региона.

Стратегия умножения народа — ключ к ответам на все остальные угрозы и вызовы, стоящие перед Россией, рецепт преодоления её бесхребетности.

Избранные ответы на избранные угрозы

Сказав о главном, в заключение коснусь, причём весьма бегло, некоторых других пунктов из предъявленного списка

369

в 55 угроз и вызовов для России (см. таблицу). Для того чтобы обозначить наиболее эффективные, на мой взгляд, способы противостояния этим угрозам, способы, которые непременно должны быть публично заявлены в национальной стратегии России на ближайшие 40-50 лет, разработка какой-либо есть прямая обязанность нынешнего президента России в её сегодняшнем положении.

Угроза стихийного распада страны (2) или насильственного отторжения отдельных её территорий (3) должны преодолеваются в первую очередь восстановлением Большой России как либо единого, либо конфедеративного государства (Российского Союза), включающего (на абсолютно добровольной основе, разумеется) ряд стран, ранее входивших в состав СССР.

Деграцию русского языка (18) и капитуляцию отечественной культуры перед массовой американской культурой (19) нельзя приостановить без ряда запретительных мер и квотирования поступления на отечественный рынок зарубежной культурной продукции, что вполне решительно делают некоторые зарубежные страны. Никакого отношения к возрождению института цензуры это не имеет.

Ещё более жёсткие, теперь уже прямо цензурные меры должны поставить заслон фактической пропаганде преступного образа жизни (20), ведущейся практически всеми телеканалами и массовой культурой, а также многими печатными СМИ.

Существование рубля как неполноценной валюты (26). Я не экономист, чтобы давать тут советы, но очевидно, что одним из основных показателей реальной независимости (суверенности) государства или союза государств всё больше и больше становится именно наличие не фиктивной, а полновесной национальной (союзной) валюты. Можно прямо утверждать, что если через 5-10 лет мы не будем иметь рубль как одну из мировых валют (или устойчивую тенденцию к этому), России как самодержавного государства скоро не будет.

Неестественные очертания нынешних границ России (30); разделённость русской нации (32); отсутствие собственной международной иерархии и неопределённость стратегических союзников (33); экспансия Евросоюза (41) — уточняю, что это не угроза, а вызов; отсутствие ясной политики по отношению к непризнанным государствам на постсовет-

370

ском пространстве (42) — ответы на все эти угрозы и вызовы сводятся к следующим пунктам, объединённым общей стратегией, которая должна быть провозглашена открыто и публично (тем более что элементы её всё равно, по счастью и естественным образом, проявляются):

— воссоздание единого или союзного государства (государства нового типа — как Евросоюз) — Российского Союза (РС) как дружественно-конкурентного глобального субъекта в рамках трёхсубъектной евроатлантической цивилизации (Евросоюз, США, Российский Союз);

— восстановление единства русской (российской) нации либо через создание Российского Союза, либо путём воссоединения с Российской Федерацией русских территорий, оставшихся в составе новых независимых государств, либо через стимулирование иммиграции жителей этих территорий в Россию, либо в совокупности этих мер;

— переход от модели СНГ к более жёсткой, более консолидированной, но и более узкой модели РС;

— признание права Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья на самостоятельное существование и готовность принять эти республики — при их законно и добровольно выраженном желании — либо в состав нынешней России, либо в состав Российского Союза;

— готовность выкупить территории этих республик у государств, под чьей формальной юрисдикцией они сейчас находятся.

В этом месте мне придётся сделать несколько оговорок.

В первой части статьи я уже писал, что считаю невозможным для России стесняться ярлыка «неоимпериалистичности» хотя бы по той причине, что стратегию точно такого же «неоимпериализма» (мирными средствами и на основе добровольности) проводит, например, Евросоюз. А США реализуют и вовсе не неоимпериалистическую, а классическую империалистическую политику.

Россия — в отличие, кстати, от многих других стран — имеет полное право на то, чтобы не руководствоваться нормой нерушимости границ. Ибо, во-первых, этот принцип был нарушен применительно к ней самой, когда она, существовавшая сначала в виде Российской империи, а затем Советского Союза, распалась в 1991 году. Ибо, во-вторых, Россия не препятствовала выходу бывших союзных республик из свое-

371

го состава (из состава Советского Союза, или Большой России). Ибо, в-третьих, за весь прошедший период Россия не пыталась насильственным путём воссоединиться с какими-либо своими бывшими частями и не намерена делать это впредь. Ибо, в-четвёртых, история человечества, включая современную историю, есть история рождений, соединений, распадов и даже исчезновений, наконец, объединений и воссоединений различных государств, и никакие запретительные нормы не могут эти процессы остановить. Так как это

является насилием, причём бесперспективным, над естественным ходом истории.

«Независимость» и коррумпированность судов (37) — очень важная и очень специфическая угроза, один из способов быстрого снятия которой состоит в массовом привлечении русскоговорящих выходцев из дальнего зарубежья, обладающих соответствующей квалификацией и принятых в российское гражданство, к исполнению судебных обязанностей.

Доминирование командно-административных методов управления над демократическими (40). Один из наиболее эффективных методов снятия этой проблемы — введение принципа обязательной ротации всех высших государственных чиновников в пределах оговоренных законом сроков (например, не более 5 лет пребывания в любой должности, кроме должностей, занимаемых в порядке установленных законом избирательных процедур). Другой эффективный метод — постепенное наращивание принципа выборности должностных лиц — начиная с местного самоуправления — и поэтапное (с интервалом в десять лет) вытеснение снизу вверх назначений выборами. Естественно, что выборность федерального парламента и федерального президента должна оставаться в нетронутым виде (при целесообразности увеличения числа легислатур одного лица в качестве президента до трёх сроков).

Несоответствие Конституции 1993 года политическим и иным реалиям России (52) — публичное растабуирование президентом темы возможности разработки и вынесения на референдум нового текста Конституции, но лишь в рамках официально провозглашённого и демократически одобренного нового стратегического курса России во всех его, а не только в формально-конституционных составляющих.

372

Завершу эту статью замечанием, касающимся и несовершенства нынешней Конституции, но напрямую относящимся к угрозе, обозначенной номером 11, а именно: продолжение холодной гражданской войны между квазибелыми и квазикрасными. Ответ на этот вызов, а точнее — на давно уже действующую угрозу, состоит в создании текста Общественного договора для России, в пакете с которым только и может разрабатываться новая Конституция. Кстати, такой Общественный договор станет ответом и ещё на целый ряд угроз и вызовов (2, 7, 10, 12, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 29 и т. д.).

Общественная палата, если таковая реально будет создана, должна бы заниматься не контролем неизвестно над кем (чего она не сможет эффективно делать, не имея на то конституционных, то есть законных, полномочий), а как раз разработкой этого Общественного договора, который концептуально и должен снять проблему бесхребетности России, одновременно юридически сформировав хребет нашей страны в новом тексте Конституции. Сняв тем самым проблему будущего Государства Российского и сделав это будущее реальностью.

Угрозы и вызовы, брошенные России

Самая главная угроза

1. Депопуляция, или вымирание населения России.

Главные угрозы и вызовы (остальные)

2. Стихийный распад страны.
3. Насильственное отторжение отдельных территорий.
4. Американский гегемонизм как инициатор и стимулятор неуправляемых вооружённых конфликтов на границах России и в близких к ней регионах.
5. Американский гегемонизм сам по себе.
6. Прямое геополитическое соперничество США и Китая.
7. Международный исламский терроризм.
8. Распространение оружия массового уничтожения.
9. Китайский экспансионизм.
10. Отсутствие единой морали.
11. Продолжение холодной гражданской войны между квазибелыми и квазикрасными.
12. Потеря контроля над собственными природными ресурсами.
13. Катастрофическое падение уровня здоровья населения.
14. Нищета и бедность большей части населения.
15. Превращение организованной преступности в один из

373

главных субъектов внутренней политики.

16. Варваризация всех форм общественной и приватной жизни.
17. Катастрофическое падение уровня образования населения.
18. Деградация русского языка.
19. Капитуляция отечественной культуры перед массовой американской культурой. Исчезновение высокой культуры.
20. Катастрофически высокий уровень преступности и распространения криминального стиля и образа жизни в реальности и в СМИ.
21. Наркомания и наркопреступность.
22. Отсутствие местного самоуправления.
23. Нестыковка православного и мусульманского образов жизни.
24. Чрезмерное социальное и имущественное расслоение.
25. Разрушение института классической (традиционной) семьи.
26. Существование рубля как неполноценной валюты. Долларизация экономики.
27. Превышение объемов теневой экономики и теневого финансового оборота над легальными.
28. Коррупция в правоохранительных органах.

29. Наличие многочисленных деспотических и феодальных режимов в субъектах Федерации.
30. Неестественные очертания нынешних границ России.
31. Бюрократия как правящий класс. Сращение власти и собственности.
32. Разделённость русской нации.
33. Отсутствие (или почти отсутствие) собственной международной иерархии, неопределённость потенциальных и реальных стратегических союзников.
34. Слабость вооружённых сил.
35. Технологическая отсталость.
36. Слабость и неразвитость гражданского общества.
37. Отсутствие независимости и коррумпированность судов.
38. Умаление института прав и свобод человека.
39. Квазидемократия. Отсутствие нормальных политических партий.
40. Доминирование авторитарно-командных методов управления над демократическими.
- Другие угрозы и вызовы*
41. Экспансия Евросоюза.
42. Отсутствие ясной политики по отношению к непризнанным государствам на постсоветском пространстве, желающим воссоединиться с Россией.
43. Неумение извлечь политическую и экономическую выгоду из торговли природными, как правило, невозобновляемыми ресурсами.
44. Отсутствие российских ТНК, числом и масштабами сопоставимых с западными.
45. Разрушение науки. Утечка мозгов.
46. Отсутствие понятной населению экономической и социальной политики, производным от чего является, в частности, общественная апатия.

374

47. Детская беспризорность.
48. Сохранение полномасштабной системы чиновничьих и иных должностных привилегий.
49. Неконсолидированность и эгоизм элит.
50. Экологическая проблема во всех своих составляющих.
51. Внутренний экстремизм, не только и не исключительно религиозный.
52. Несоответствие Конституции 1993 года политическим и иным реалиям России.
53. Разрушение системы международного мироустройства, фиксирующей привилегированный статус России, полученный в наследство от СССР.

Особые вызовы

54. Отсутствие идейного дуализма как движущей силы развития общества и политической системы. Наличие квазидуализмов «красные — белые», или «демократы — недемократы», или «западники — державники». В упрощённом политическом смысле — отсутствие сущностной системной оппозиции.
55. Отсутствие «русской утопии» как надсистемной глобальной цели или миссии.

375

Суверенная демократия

О политической философии Владимира Путина

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 28.04.2005

Нынешнее президентское послание Владимира Путина, безусловно, самое интересное из всех шести, им произнесённых.

И безусловно же, что это самое «философское» из его шести посланий.

Прежде чем разобрать составные части политической философии Владимира Путина, отмечу несколько важных моментов, по-моему, пока не оценённых комментаторами послания, в основном разбирающими его конъюнктурно-политические аспекты и противоречия между «правильными» тезисами Путина и «неправильными» действиями кремлёвской власти. Такая критика следует и справа, и слева. Во многом она справедлива, но требует отдельного разбора.

Итак, не о конъюнктурном.

Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано ещё при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется.

Далее. Владимир Путин почему-то счёл нужным сообщить, что данная «программа действий» является «нашей совместной программой на ближайшие десять лет».

Но ведь срок его президентства завершается в 2008 году, то есть через три года.

Не буду далее развивать цепь этих рассуждений, к которым можно присоединить ещё ряд аргументов, а также прямых и косвенных дока-

376

зательств того, что я готов утверждать. Перейду к самому утверждению: судя по всему, Владимир Путин уже принял решение продолжить своё лидерство в российской политике и за пределами 2008 года. В каком формальном статусе — отдельная тема. Но решение, повторюсь, судя по всему, принято.

Теперь, собственно, о политической философии Владимира Путина, проговоренной им пока тезисно, с пропусками некоторых существенных составляющих (случайно или специально сокрытыми), не до конца стратегически продуманной, почти совершенно не проработанной инструментально, но всё-таки

вполне определённой. Излагая эту философию, я буду максимально опираться на оригинальный путинский текст, специально отмечая собственные, то есть мои, ремарки, пояснения и расшифровки.

Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. В течение трёх столетий Россия развивалась вместе с другими европейскими народами и культурно, и политически, и общественно-граждански, в чём-то отставая, но в чём-то и опережая страны и народы «классической», то есть Западной, Европы.

Россия (русские) — одна из древнейших наций Европы, имеющая тысячелетнюю историю государственности.

Демократическая традиция есть не нечто привнесённое в Россию откуда-либо, а естественным путём и в определённый исторический момент возникающая в ней самая ценность, равно значимая в российском общественном сознании ещё двум ценностям — свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости.

Советский период не «черная дыра» в истории России, а Советский Союз не был «империей зла», скорее наоборот — это Путин говорит не прямо, а косвенно: крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, для российского народа оно стало настоящей драмой (перечисляются все основные составляющие этой драмы вплоть до хасавюртовской капитуляции и интервенции терроризма). Солдаты Великой Отечественной войны (то есть советские солдаты) — это солдаты свободы, которую они принесли не только своей стране, но и миру, избавив его от чело́веконенавистнической идеологии и тирании.

377

Молодая (новая) российская демократия является продолжением российской государственности, а не её крахом.

От советской системы по собственному выбору и желанию Россия перешла к новому этапу своего развития — строительству одновременно демократического, свободного (суверенного) и справедливого общества и государства. И они, российское общество и государство, сами будут определять сроки, этапы, условия и формы этого развития.

Суверенная (и справедливая) демократия России — вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в послании, но фактически всё его пронизывающая.

Слово «свобода», как правило, без дополнительных уточнений, в путинском тексте употребляется либо раздельно, либо даже слитно сразу в двух смыслах: как свобода человека внутри российского общества и как свобода (суверенность, независимость, самодержавность) России в мире, в том числе и перед лицом других крупных и крупнейших стран.

Современное российское общество должно быть свободным (открытым) как внутри себя, так и вовне, не теряя при этом ни своей самости, ни целостности своей территории.

Более того, цивилизаторская миссия российской нации как европейской на Евразийском континенте должна быть продолжена. Это, на мой взгляд, важнейший, хоть в данном послании и слишком скороговоркой произнесённый исторический и стратегический (в том числе и прогностический) тезис, прозвучавший из уст Владимира Путина.

Мы — свободная нация. Путин ещё раз, причём в самой афористичной форме, подтверждает принцип внешней и внутренней суверенности России.

Но реализация этой свободы возможна лишь в том случае, если мы будем сильными и успешными. Ни того, ни другого пока в достаточной степени не наблюдается. Это — следствие сложного хода исторического развития России и, в частности, событий конца 80—90-х годов XX века, приведших, помимо прочих бед, к деградации всех государственных и общественных институтов страны.

Политика стабилизации (первые годы путинского президентства — вплоть до нынешнего года) была реакцией на все эти беды и проблемы. Эта политика себя оправдала, но к настоящему времени исчерпала свои позитивные ресурсы. Не-

378

обходим новый курс — курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдельным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека.

Одно из главных препятствий на пути такого развития государства и общества — значительная часть российского чиновничества, понимающего государственную службу как разновидность личного и государственного бизнеса.

Простое решение этой проблемы невозможно, ибо тогда верх возьмет бюрократическая реакция. Путин не расшифровывает этот тезис, но, очевидно, имеет в виду две вещи. А именно то, что механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны — опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы. Речь, следовательно, идёт о возможности реинкарнации на новом этапе ГКЧП образца 1991 года как реакции на стремительно развивающийся тогда распад страны и общества.

Далее Путин решительно заявляет, что не позволит передать страну в руки неэффективной, да ещё и коррумпированной бюрократии.

Он ещё раз фиксирует приоритет либерального подхода в развитии экономики при сохранении

командных и владетельных высот государства (как представителя общества) в некоторых стратегически важных для безопасности страны (в том числе сырьевой и инфраструктурной) отраслях и сферах.

Очерчивая политические реформы (новую демократизацию), Путин ставит пока очень скромные цели, ещё раз объясняя (не прямо) эту скромность тем, что с учётом своей исторической, геополитической (sic!) и иной специфики Россия сама будет определять сроки и условия демократизации.

Несмотря на эту скромность, некоторые предложения Путина звучат почти сенсационно: плюрализация телевизионных СМИ, законодательное введение института парламентского расследования и пр. Впрочем, главной сенсацией будет то, если всё это будет реализовано.

379

Принципиальнейший (с моей точки зрения) момент — обращение президента к демографической проблеме. О ней он не говорил очень давно. И сейчас сказал ещё слишком общо, неконкретно и поставив опять же весьма скромную цель — стабилизация численности населения. Но тут, думаю, он опирался на слишком робкие, оппортунистические рецепты наших демографов. Тем не менее сам факт обращения президента к этой проблеме фундаментально значим.

Наконец, в финальной части послания Владимир Путин говорит о необходимости возрождения нравственности в российском обществе, беря за образцы её уровень и в царской России, и в Советском Союзе.

Этим, с одной стороны, ещё раз абсолютно правильно фиксируется идея непрерывности российской истории, а с другой — в политическую философию России, предлагаемую обществу, вводится абсолютно необходимая, но полностью игнорировавшаяся все последние пятнадцать лет её составляющая — этическая.

Нынешнее президентское послание писалось, насколько мне известно, в большой спешке. В этих условиях легче всего было наполнить его описанием текущих проблем (столь многочисленных), изложением достаточно банальных рецептов их решения, вообще свести к социально-экономической проблематике и описанию многочисленных тактических угроз. Но если в условиях цейтнота, то есть в какой-то степени инстинктивно, интуитивно, родился не конъюнктурно-прагматический, а философско-политический текст, значит, осмысление с нами происходящего и грядущего ощущается не только как стратегическая, но уже и как неотложно злободневная миссия власти. Это — самоценно. Это — доказательство того, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Это — успех всех тех, кто не давал последние годы власти заикнуться на переделах собственности и абстрактных рассуждениях о величии России.

Политическая философия Путина нуждается теперь в общенациональном обсуждении, ибо она, несмотря на свою концептуальную ценность, далеко не во всём безупречна и непротиворечива.

380

Дефицит идеологии и поиск стратегии

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №8, 10-16.03.2006

В двух последних номерах «МН» опубликовали стенограмму выступления Владислава Суркова перед слушателями центра партийной учёбы «Единой России» (выступление состоялось 7 февраля, а в конце февраля стенограмма была вывешена на сайте партии). Тем самым мы предали это выступление широкой огласке, ибо до нашей публикации, как показывает реакция читателей, с содержанием выступления не были знакомы даже многие эксперты и политики, не говоря уже о публике как таковой.

А между тем и в политизированных слоях общества, и в экспертных кругах постоянно идёт дискуссия о том, какова идеология «путинской России», доминирует ли в этой идеологии авторитаризм над демократией, или Кремль лишь авторитарно направляет страну по демократическому пути, или вообще в головах и словах политических руководителей России царит полная эклектика, а дела направляются эгоистическими интересами различных противоборствующих корпоративных группировок. Ясный ответ на все эти вопросы почерпнуть практически неоткуда. Сам Владимир Путин в своих как официальных выступлениях (послания Федеральному Собранию), так и свободных дискуссиях с журналистами бывает довольно противоречив. Во всяком случае, в такой оценке сходятся большинство экспертов. Более того, иногда эксперты оценивают тексты президента прямо противоположно. Например, на Западе Путина квалифицируют как сторонника возрождения имперского величия России, хотя и рыночника (но при государствен-

381

ном доминировании в экономике), а вот внутренняя оппозиция (кроме чисто либеральной), обвиняет его в постоянном «предательстве интересов Родины» и подыгрывании Западу вообще и Вашингтону в частности.

Строго говоря, Владимир Путин является не идеологом, а политическим руководителем России, к тому же лицом сугубо официальным, то есть он функционально не может быть абсолютно откровенным. Все же остальные высшие должностные лица путинской команды удивительно скупы как на слова вообще, так и особенно на участие в каких-либо публичных дискуссиях или спорах. Смело утверждать, что сей факт является политически глубоко порочным, ибо любое его объяснение не с лучшей стороны характеризует сложившуюся у нас правящую элиту. А таких объяснений может быть всего три, и каждое следующее хуже предыдущего. Либо представителям этой элиты нечего сказать. Либо они постоянно что-то от нас скрывают. Либо они боятся своего начальника.

Владислав Сурков, считающийся едва ли не главным серым кардиналом (есть, говорят, ещё два, но уже совсем молчаливые) внутренней политики России и модератором всех сопутствующих ей интриг, отвечающий к тому же за партийное строительство (незавидная, надо признать, доля), или, как я его называю, министр политических реформ в ранге заместителя главы Администрации президента, время от времени, но тоже нечасто, выступает публично или почти публично. И посему его тексты, как правило, очень идеологизированные и довольно откровенные, являются едва ли не единственным (после собственно президентских) источником наших знаний о той самой официальной идеологии России, дефицит которой все ощущают, и той самой национальной стратегии, поиски которой общество то ли ведёт, то ли постепенно о них узнаёт из редких откровений кремлёвских молчаливиков.

Итак, мы имеем пространное выступление Владислава Суркова, раскрывающее доктринальную суть того, что принято называть в Кремле же придуманным (или утверждённым) термином «суверенная демократия». Предлагаю вчитаться в текст этого выступления, прежде чем оценивать его, а главное — отрешиться от симпатий и антипатий к автору

382

выступления. Есть ли в этом выступлении что-то пугающее или отталкивающее?

Сам-то я отрешиться от аксиологического подхода не могу, ибо почти год назад заявил, что мне нравится и сам термин «суверенная демократия», и его содержание.

Во-первых, меня привлекает слово «демократия», и я абсолютно согласен с тем, что при объективном подходе мы вряд ли обнаружим где-либо в современном мире идеальное воплощение классического и, видимо, оставшегося в далеком прошлом (античном) народовластия. Поэтому требовать от демократически молодой России (тут я не согласен с г-ном Сурковым в том, что традиции демократии имеют у нас собственные глубокие корни, если, конечно, иметь в виду не общинную, то есть низовую, демократию, а государственное управление) большей античности, чем от Франции, Великобритании или США, просто нелепо.

Во-вторых, я абсолютно согласен, что заморское понятие «суверенитет», которое я предпочёл бы без всякой политкорректности именовать его русским аналогом «самодержавие», то есть желание и умение самим определять свою судьбу и нормы жизни в своём обществе, «самим себя держать», является самостоятельной и неизбежной политической ценностью русских как нации и России как страны.

В-третьих, доктрина «суверенной демократии», или, по-моему, «самодержавного самоуправления», совсем не свидетельствует о том, что в России должна и может быть построена какая-то особо специфическая демократия, отличающаяся от классических западных демократий полным отсутствием демократии, но зато полным присутствием авторитаризма. Просто российская демократия может быть построена теми темпами и в той мере, которые требуются для сохранения целостности нашей страны и материально, и политически комфортного пребывания в ней большинства её населения, которое к тому же надо бы резко умножить.

В-четвёртых, я не считаю, что суверенность есть синоним политической конкурентоспособности, но для такой большой страны, как Россия, к тому же привыкшей последние 500 лет самой определять свою судьбу, суверенность есть необходимое условие политической, экономической и культурной конкурентоспособности.

383

Зато, в-пятых, я абсолютно согласен и с Владиславом Сурковым, и с ранее его это заявившим Владимиром Путиным, и со всеми другими, кто говорил это до них обоих, что конкуренция, или, проще, борьба за выживание, есть закон межгосударственных и даже, увы, межнациональных отношений.

В-шестых, конечно же, совершенной утопией было бы требовать от любого президента России построения идеальной или приближающейся к какому-либо идеалу демократии в разваливающейся стране прежде, чем он эту страну не соберёт воедино. Такого президента просто свергли бы граждане России, если до того он бы не был свергнут её правящим классом. А уж принимать за образец демократии для России и в России или хотя бы за отправную точку и того, и другого ельцинский анархо-волюнтаризм (первый срок) и олигархо-бюрократизм (второй срок) смешно, а западноевропейский цивилизм — глупо (хотя последнее — хотелось бы).

В-седьмых, я почти полностью не согласен с Владиславом Сурковым в его оценке собственно партийно-политического расклада России, но, в отличие от него, я вообще не верю, что в нашей стране можно создать аналогичную что Германии, что Швеции, что Японии партийную систему. Правда, в мои служебные обязанности ни такая вера, ни тем более задача создания такой системы не входят. И в этом смысле я, конечно, более свободен, чем Владислав Сурков при всём его административном могуществе.

В-восьмых, и на этом я остановлюсь, меня смущает крайне упрощённая и явно полная многих умолчаний трактовка национальных проблем в России в выступлении г-на Суркова. Но я понимаю, что в трактовке этой, видимо, самой деликатной части национальной стратегии России Владислав Сурков при любом публичном выступлении (даже в самом узком кругу) не может забывать о своём официальном статусе.

Наконец, не могу не отметить и забавный (или печальный) финал выступления Владислава Суркова. Он убеждает партийный актив «Единой России» в том, что у данной партии есть идеология, и даже указывает, где её элементы можно найти. Такое внешнее и, видимо, вынужденное ориентирование партийцев начала XXI века в «трёх источниках и трёх составных частях» их собственного учения, на мой взгляд, напоминает одновременно и Сизифов труд, и гениальный ленинский ликбез. Можно ли таким

образом создать

384

новую элиту, о желанности появления которой говорит сам г-н Сурков? На этот вопрос я отвечаю скорее отрицательно. Ибо на одно его выступление приходится сотни часов вещания нашего телевидения и проходящих по его каналам прямо противоположных по идеологии и эстетике продуктов массовой культуры. Я уже не говорю о самой реальности, выживание, а тем более преуспевание в которой пока, увы, требует не совсем того или даже совсем не того, к чему призывает Владислав Сурков. И в этой ловушке плюрализма (отменять который тоже нельзя) мы так и будем крутиться ещё лет десять — пятнадцать.

И только к концу этого срока есть шанс получить естественно непротиворечивую генеральную линию не только для «Единой России», что меня волнует мало, но и для России вообще, что действительно важно.

385

Суверенная демократия как историческая судьба России

Из выступления в дискуссии «Суверенное государство в условиях глобализации»

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 06.09.2006

Почему доктрина «суверенной демократии» вызывает такое раздражение, такую яростную критику как за рубежом, так и у некоторых людей внутри России? По нескольким причинам.

Прежде всего потому, что эта доктрина, пусть находящаяся пока в эмбриональном состоянии, имеет потенциал национальной идеологии. А Россия со всеми её возможностями плюс отсутствовавшая до сих пор национальная идеология — в сумме это уже заявка на мировое лидерство.

Это позитивная идеология. Она не строится на голом отрицании марксизма. И это не заёмная идеология, она не калькирована с зарубежных образцов. Не многие способны на создание такой идеологии. Соответственно, те, кто на такое не способен, раздражены.

Это конкурентоспособная на мировом рынке идей идеология. А рынок этот, как известно, монополизирован западной, в первую очередь американской общественной мыслью, разрабатываемой конвейерным способом. Но доктрина «суверенной демократии» может использоваться не только Россией, она может привлечь и другие страны.

Наконец, эта доктрина предполагает, что судьбу России будет решать не кто-то извне и не кто-то один внутри самой России, а российское общество в целом суммой своих граждан, элит, социальных групп и слоёв.

Теперь поговорим о содержании самой доктрины, причём я в данном разговоре сделаю акцент на слове «суверенитет», оставив проблему демократии для отдельного разговора.

386

Всегда в человеческой истории, а ныне особенно, только меньшинство стран могут обладать самой возможностью иметь суверенитет, не формально-юридический, а сущностный, реальный. Россия к числу таких стран относится уже много веков, со времен выхода из-под юрисдикции Золотой Орды. Таких стран вообще считанные единицы.

Естественно, что страны, по сути никогда в своей истории полноценным суверенитетом не обладавшие, раздражены тем, что кто-то его имеет. Я их понимаю, но сделать ничего не могу.

Суверенная демократия — это не придумка Кремля, хотя сама формула изобретена там. Это — историческая судьба России, имеющая, между прочим, не только положительные, но и отрицательные стороны. Положительное то, что мы всегда (за короткими и редчайшими исключениями) решаем свою судьбу сами. Отрицательное в том, что одновременно это бремя — под крыло стран, обладающих максимальным суверенитетом, собираются другие страны и народы. И ты становишься ответственным и за них.

Но, может быть, легче без максимального суверенитета? Может, стоит от него отказаться? Нет. Дело в том, что безопасность, независимость и сама целостность таких крупнейших стран, как Россия, Китай, США, не могут быть обеспечены никем, кроме них самих. Это мелкие и средние страны могут сохранить свой малый суверенитет под защитой этих гигантов, но кто же даст гарантии безопасности и целостности России, если она сама их не обеспечит?

Высшая форма суверенности — это исторический статус союзообразующей страны. Россия именно такой всегда была и является сейчас. Никогда со времен выхода из-под Орды Россия не вступала в союз в подчинённом состоянии, но всегда была центром такого союза либо как минимум равноправным членом. В антифашистской коалиции СССР был по крайней мере равноправен США, а скорее всего даже доминировал в этой коалиции — пусть не по всем направлениям. И сегодня мы вновь видим, как под крыло России собираются другие страны и народы.

Наконец, опять поставим вопрос: не стоит ли, несмотря на всё перечисленное, отказаться от максимального объёма собственной суверенности, то есть стать такими, как большинство других? Тем более что, как я сказал, максимальный суверенитет это ещё и бремя.

387

Но этот вопрос даже не может обсуждаться, ибо наша максимальная суверенность — это наша

историческая традиция, наша историческая привычка, наш исторический генетический код. И отказаться от него так же невозможно, как поменять химический состав своей крови или свой биологический генетический код.

388

Крушение СССР и возрождение России

Две тенденции одного пятидесятилетия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС, № 12 (24), ДЕКАБРЬ 2006

Ровно 15 лет назад был юридически уничтожен Советский Союз — самая грандиозная, трагическая и одновременно героическая реинкарнация Российского государства за всю его более чем тысячелетнюю историю. Событиям декабря 1991 года, однако, предшествовали по крайней мере два с половиной года (с первого Съезда народных депутатов СССР) неуклонного и стремительного распада советского Государства-Партии, когда каждое последующее событие лишь приближало уже неизбежный финал.

Одновременно зарождалась нынешняя Российская Федерация (не путать с исторической Россией, лишь частью которой РФ является), внешне революционная и энергичная, реально — вялая, безвольная, без естественных границ и стратегических планов, страна-пораженец.

Крушение Советского Союза, безусловно, было поражением исторической России. Многие считали, многие надеялись, что последним и окончательным.

Но этого не произошло. Параллельно с проигрышем последних боев мы, оказывается, начали одерживать и победы, не ощущавшиеся и не осознававшиеся тогда прежде всего нами самими — начиналось возрождение России, шедшее, казалось, помимо воли её народов и точно вопреки действиям её тогдашних политиков.

Сложная диалектика этих двух процессов — крушения СССР и одновременного возрождения России — определяла собой весь событийный ряд 90-х годов. В принципе цивилизационно и метафизически Советский Союз не умер и до се-

389

годняшнего дня, ибо не погибла Большая Россия. Но к лету 1999 года и её историческая судьба повисла на волоске, так как встал вопрос о возможности дальнейшего существования Российской Федерации — самого значительного осколка Большой России.

С приходом к власти Владимира Путина процессы распада резко замедлились, а тенденции возрождения, напротив, начали набирать силу. И сегодня, в 15-ю годовщину юридического пересечения того и другого, есть смысл проанализировать как причины крушения СССР, так и путь возрождения России.

Именно этим двум темам и посвящена данная статья.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИЧИНЫ КРАХА СССР

В принципе сначала нужно было бы изложить моё представление о том, чем являлся Советский Союз, но это заняло бы очень много места. Поэтому, отметив, что политически СССР был Государством-Партией (фундаментальная характеристика, содержание которой я раскрывать здесь не буду), сразу же перейду к описанию некоторых причин распада этой структуры и того странового и цивилизационного субъекта, над которым эта политическая конструкция была надстроена. Вообще исчерпывающий список таких причин составить, наверное, невозможно — прежде всего потому, что неясно, где ставить точку и как избежать внесения в этот список спекулятивных позиций. Но это не значит, что не нужно пытаться такой список составлять и вести вокруг него дискуссии.

Я сегодня попытаюсь указать на некоторые, на мой взгляд, очень существенные, может быть — самые существенные, но редко упоминаемые причины крушения СССР, не сводящиеся к банальной политике или экономике. Причины краха Советского Союза не могли быть банальными, ибо сам он был слишком небанальной страной.

Чем оборачивались позитивные качества советского общества

К середине 70-х годов XX столетия советское общество было преимущественно городским и очень образованным.

390

Практически вся молодежь получала среднее общее образование, причём бесплатно. Бесплатным было и высшее образование. А с таким образованием, включая студентов, к середине 70-х в стране было несколько десятков миллионов человек, что равнялось населению крупного западноевропейского государства.

При этом общество было абсолютно секулярным, даже атеистическим. Права религиозных организаций были сильно ограничены, но сами они, по крайней мере относящиеся к традиционным религиям и представляющие мировые конфессии, как-то: православие, ислам, католицизм, иудаизм, буддизм, лютеранство и т. п., реально на территории Советского Союза присутствовали и функционировали. Религиозность не приветствовалась, но и не запрещалась категорически.

Безусловно, атеизм, то есть отрицание существования Бога, был доминирующей в обществе позицией, во всяком случае, у славянской части населения СССР — то есть у подавляющего большинства граждан. Получалось, что Советский Союз являлся страной, в которой в наибольшей степени реализовались идеи западноевропейского Просвещения, страной, где Разум в буквальном смысле слова был возведён на вершину иерархии ценностей. Правда, требовалось, чтобы проявления этого Разума, особенно в сфере

гуманитарного знания и общественного поведения, соответствовали довольно запутанным к тому времени догматам коммунистической идеологии.

Страна была полиэтнической — и это традиционное состояние России, под каким бы официальным названием она ни числилась на карте мира. Де-факто русский народ, а точнее, русско-украинско-белорусский, ибо большого различия между этими тремя народами традиционно не делалось, доминировал и численно, и политически, и граждански, ибо он всегда и везде был непременно включён в любые как общественные, так и экономические процессы, чего нельзя было сказать о многих других народах СССР. Однако юридически никаких преимуществ русские не имели. Более того — такие преимущества строго запрещались законом, равно как и любые проявления национальной розни или привилегии, основанные на национальной принадлежности.

Это не означает, что в жизни, особенно на бытовом уровне, ничего подобного не происходило, но проявления ксено-

391

фобии и любой иной неприязни на национальной почве являлись исключением, причём довольно редким.

Фактическое приоритетное положение русских как государствообразующей нации России-СССР микшировалось очень многими обстоятельствами — как традиционно присущими России, так и специально создававшимися коммунистической партией и государством, ибо интернационализм и дружба народов входили в число краеугольных камней как коммунистической идеологии, так и официальной и реальной внутренней и внешней политики СССР.

Межнациональные браки даже между представителями народов, исторически враждовавших друг с другом, например между армянами и азербайджанцами, были не исключением, а если и не нормой, то весьма распространённым явлением, особенно в городах. Межнациональная терпимость была впечатляющей.

СССР представлял собой союзное государство, и ещё четырнадцать наций кроме русских имели в составе СССР свои фактически национальные государства, непременно возглавлявшиеся на уровне всех трёх главных постов (партийного руководителя, а также глав законодательной и исполнительной властей) представителями титульной национальности. Среди этих союзных республик были такие, как, например, Казахстан, где русских было даже больше, чем казахов, однако и первый секретарь компартии Казахстана, и главы парламента и правительства данной республики являлись казахами. А в Армении, напротив, русских было очень мало (не более 2 процентов населения этой республики).

Кроме союзных республик аналогичные протогосударственные образования — так называемые автономные республики, области, округа — имели ещё около трёх десятков народов — больших и малых: татары, башкиры, дагестанцы, чеченцы и ингуши, осетины, евреи, якуты, буряты, калмыки и прочие.

Малые народы пользовались особой государственной опекой, во всяком случае, в смысле поддержания их культуры, языка, письменности, традиционных видов хозяйствования. Кроме того, представителям всех нерусских народов специально облегчался путь к получению высшего образования в ведущих университетских центрах, включая Москву. В этом смысле они обладали особыми по отношению к русским привилегиями. И сами русские к этому относились с пониманием.

392

Словом, новая историческая общность «советский народ» (этот термин появился как раз в 70-е годы) была не выдумкой советской пропаганды, а реальностью. Фактически СССР действовал как Соединённые Штаты Америки, пытаясь, и в общем-то небезуспешно, переплавить многонациональное население страны в единое целое. Однако существование и развитие в лоне Советского Союза национальных помимо русского государственных и протогосударственных образований и привело в конечном итоге к тому, что однажды, когда общесоюзные скрепы ослабли, так называемые новые независимые государства (бывшие союзные республики) появились на свет в совершенно готовом виде — как Афина из головы Зевса. Местным элитам не пришлось заниматься политическим строительством своих государств — за них и до них эти государства уже создал Советский Союз.

Следующая характеристика советского общества, которую необходимо отметить, фиксируется весьма редко. А она принципиальна, в частности, и по тем политическим последствиям, к которым её наличие привело в период горбачёвской перестройки и последующих реформ.

Советское общество к середине 70-х годов, а в некоторых своих составляющих уже и в 60-е годы, стало обществом массового потребления. Конечно, уровень потребления был ниже, чем в западных странах, а качество услуг и товаров — существенно ниже, но всё-таки все типичные черты потребительского общества (в данном случае я не вкладываю в это определение никакого отрицательного смысла, беру его, так сказать, в чисто социологическом виде) в СССР присутствовали. И это легко подтверждается цифрами и фактами.

Потребительский характер советского общества не декларировался официально, более того — он отрицался официальной идеологией, ибо потребление считалось пороком, причём пороком, присущим именно западному, капиталистическому обществу. Но в своей экономической и социальной политике и партия, и государство учитывали стремление людей ко всё возрастающему потреблению материальных благ. Тем более что в партийной догматике коммунизм определялся не только как бесклассовое общество, но и как общество всеобщего изобилия. Одновременно на страницах советских изданий на сей счёт велись весьма острые дискуссии: многие публицисты и социологи считали потре-

393

бительство (в словаре тех лет существовало ещё специальное определение этого феномена — «вещизм») политической и особенно общественной опасностью, ведущей к бездуховности, утрате морали и эгоизму. То есть по такому затрагивающему абсолютно всех граждан страны вопросу, как материальное потребление, фактически существовала полная идейная, а следовательно, и психологическая неразбериха: фундаментальная идеология вступала в противоречие с идеологией текущей, реальная жизнь и даже реальная государственная политика опровергала и то и другое. И это только один из примеров раздвоенности советского общественного сознания, раздвоенности, отражавшейся в головах сотен миллионов граждан СССР.

Между тем почти абсолютная занятость и стремительное накопление материальных благ сформировали в советском обществе средний класс, более или менее довольный своим положением, и это обеспечивало относительную, как оказалось позднее, — а тогда казалось, что абсолютную, — стабильность этого общества.

В советский средний класс входило не менее сотни миллионов человек. Это было всё чиновничество номенклатурного уровня (номенклатурный класс был правящим), почти вся интеллигенция, значительная часть рабочих (во всяком случае, все рабочие высшей и средней квалификации), работники успешно работающих совхозов и колхозов, работники сферы обслуживания (сервиса и торговли) — по крайней мере те, чья деятельность была связана с дефицитными товарами и услугами, а почти все товары и услуги были в дефиците, — весь высший и средний армейский состав, почти все работники науки и искусства. Это были люди, чьи официальные заработки, полагающиеся им социальные льготы и их неофициальные приработки обеспечивали явно безбедное существование их семьям, возможность приобретения квартир и дачных участков, имеющихся товаров длительного пользования (за исключением разве что автомобилей), ежегодного отдыха на морских или иных советских курортах, естественно, обучения детей в школах и вузах, медицинского обеспечения в рамках средних норм и т. п.

Правда, в стране существовал целый ряд так называемых депрессивных регионов, иногда довольно обширных, где уровень жизни или реальная занятость существенно отклонялись от нормы в худшую сторону.

394

Само собой, на всех угнетающе действовал хронический дефицит значительной части товаров и продуктов, особенно высококачественных и престижных, к приобретению которых с целью поддержания своего социального статуса всегда стремится средний класс, а также крайне узкий ассортимент этих товаров.

Советское общество 70-х давно уже не было таким закрытым, как в сталинские годы. Помимо тех, чья работа была связана с регулярными выездами за границу, а вместе с семьями это были сотни тысяч человек, ежегодно за рубежом в туристических поездках бывало ещё до миллиона рядовых граждан. Они видели, что товарное разнообразие за пределами СССР, особенно в западных странах, на порядки выше, чем в их собственной стране, а приобрести эти разнообразные товары и продукты могут люди, владеющие теми же профессиями, что и они. Это был ещё один удар по официальной коммунистической догматике, прокламирующей, что социализм обеспечивает материальное благополучие тех, кто трудится, лучше и полнее, чем капитализм.

Следующая характеристика советского общества в отличие от предыдущей, напротив, властью всячески пропагандировалась. Но в данном случае пропаганда основывалась на правде, хоть и, естественно, несколько однобоко поданной. Советское общество было обществом твёрдых социальных гарантий и реального равенства большинства людей, причём равенства, порой переходящего в свою отрицательную фазу — уравниловки. Но всё-таки это равенство существовало. У высшего слоя советского правящего (партийно-бюрократического) класса, конечно, были привилегии. Но, во-первых, отличия в уровне потребления высших и низших слоев общества не были не только запредельными, но даже и просто значительными. А во-вторых, многочисленные социальные лифты (два главных из которых — всеобщее среднее образование и бесплатное высшее, а также возможности для карьерного роста при активной работе в рядах действительно массовой компартии) позволяли почти каждому более или менее активному (но лояльному) молодому человеку рассчитывать на почти гарантированное попадание в средний класс.

Ещё раз вернусь к значительной внешней открытости советского общества 70-80-х годов. Конечно, не такой, как на

395

Западе, но, безусловно, и не такой ущербной, как принято об этом говорить и думать даже сегодня, когда многим из личных впечатлений хорошо известно, что западная открытость отнюдь не равнозначна высокой информированности, а тем более объективности представлений о других странах и народах.

Помимо поездок за рубеж хорошее представление о мире, искажённое, скорее, даже в сторону преувеличения достоинств западного образа жизни, чем их преуменьшения, давала переводная литература, издававшаяся массовым тиражом и, в общем-то, представлявшая произведения почти всех значительных зарубежных, особенно западных, авторов, прокат зарубежных фильмов, да и сами советские средства массовой информации, постоянно рассказывавшие о жизни на Западе, пусть и с критическим оттенком, но на основе богатого фактического материала, особенно, конечно, телевидение. Закадровый текст видеосюжетов мог быть сколь угодно пропагандистским («антибуржуазным»), но видеоряд-то советские

журналисты-международники давали реальный, а не ими придуманный.

Кроме того, как выяснилось позже, когда уже десятки миллионов граждан нашей страны смогли бывать за рубежом, советская международная журналистика, если отбросить не столь уж и многочисленные чисто пропагандистские сюжеты и тексты, давала довольно объективную картину жизни за рубежом — как в её негативных (они, конечно, педалировались), так и в позитивных составляющих.

Тем не менее в то время, не слишком доверяя отечественной пропаганде, десятки миллионов советских граждан регулярно слушали ведущиеся на языках народов СССР, в первую очередь на русском, передачи западных радиостанций.

Словом, ни о какой полной закрытости речи быть не может. А высокий уровень образованности советского населения, пусть в массе своей и не владевшего иностранными языками (но и тех, которые довольно свободно читали или говорили на английском, немецком или французском, насчитывалось несколько миллионов), пусть не в большинстве своем бывавшего за рубежом, автоматически создавал основательную информированность о реалиях зарубежной жизни. И уж, во всяком случае, хорошо известно, что осведомлённость о зарубежных странах у советских людей в среднем

396

была куда выше и разнообразнее, чем знания об СССР за рубежом.

В силу этого и многих других обстоятельств значительная часть жителей Советского Союза весьма критически относилась и к официальной советской пропаганде, и к реалиям самой советской действительности. Чаще всего это отношение не выражалось в публичных заявлениях и суждениях, но между собой люди, давно уже избавившиеся от страха сталинских времен, обсуждали всё, в том числе и превосходство западных стандартов жизни, вполне откровенно.

Словом, высокоурбанизированное, высокообразованное (а знания сами по себе рождают сомнения), довольно открытое советское общество, безусловно, испытывавшее дефицит вещей и политических свобод, не было ни однородным, ни зашоренным, ни однопланово идейно ориентированным. Не говоря уже о том, что внутри него постоянно велись разнообразные дискуссии, причём не только на кухнях, как принято думать, но и вполне публично, пусть с соблюдением (и то не всегда) рамок советской коммунистической догматики, а скорее — риторики.

На порядок более свободными, чем партийные органы, были органы комсомольские. Они, конечно, тоже были подчинены КПСС, но всё-таки молодёжный скепсис и молодёжное свободолобие весьма успешно соседствовали в них с коммунистической ортодоксией. Студенческие подразделения комсомола, особенно в таких крупных городах, как Москва и Ленинград, были ещё дальше от официальных догм и ритуальных речей, произносимых комсомольскими же функционерами в ходе официальных мероприятий. Кстати, комсомол, созданный как фактически партийная структура, призванная держать в рамках единой идеологии и политики юношей и девушек СССР, постепенно превратился фактически в министерство по делам молодёжи, которое, скорее, расширяло, чем сужало, сферу активности и кругозор молодых.

В СССР существовали многочисленные самостоятельные организации и движения, причём не только молодёжные, но и спортивные, туристические, культурные (как в узком кругу профессионалов высокого искусства, так и охватывающие самые широкие массы непрофессионалов), научные, литературные.

397

Словом, советское общество было слишком большим и разнообразным, чтобы его можно было даже при официальной власти КПСС, отнюдь не отличавшейся к тому времени особой тоталитарностью (скорее — мягкой авторитарностью), а уж тем более кровожадностью (за исключением отдельных случаев), заставить жить по одному шаблону и отказаться от естественных, тем более неявно политических форм самоорганизации и самостоятельности.

Всё сказанное позволяет утверждать, что в СССР к середине 70-х годов сложилось если и не само гражданское общество, то по крайней мере почти все необходимые его основы, за исключением разве что полностью свободной и независимой прессы и частной собственности.

Наконец, не стоит забывать, что Советский Союз был чрезвычайно разнообразной страной не только в смысле природных просторов и богатств, но и в социально-этническом и историческом плане. Он состоял не только из 15 союзных республик, фактически — самобытных стран, но ещё из многих национальных автономий, а его население — из почти двухсот народов и народностей. Каждый — со своей верой, традициями, в том числе и политическими, и традициями местного самоуправления, с разным сроком пребывания в составе единого государства, а значит, и с разной исторической памятью и разным отношением ко многим политическим событиям самой советской истории.

Если поездки за рубеж для большинства советских граждан были невозможны, то уж по своей собственной-то стране перемещаться никому не возбранялось, а очень многие советские люди, особенно представители интеллигенции, были весьма мобильны.

В ходе этих поездок люди видели совершенно разные не только образы и стили жизни, присущие разным народам, но и разные политические или, во всяком случае, социально-политические уклады. Три республики Прибалтики, среди коренного населения которых весьма очевидно сохранялась нелюбовь к советской власти, а часто — и к русским, представляли один тип общества, а кавказские или среднеазиатские — совершенно противоположный, с сильнейшими клановыми традициями, почти поголовным соблюдением мусульманских обычаев (даже и без посещения мечетей), почти средневековым типом отношений между людьми раз-

398

ного должностного и имущественного положения, со специфическим отношением к женщинам и специфическими же отношениями между молодыми и старыми.

А ведь были ещё Западная Украина, с нескрываемой нелюбовью многих её жителей к русским и СССР, насквозь католическая и униатская, были буддистские Калмыкия, Бурятия и Тува.

Словом, Советский Союз представлял собой целый мир, внутри которого официальный коммунизм или даже реальный социализм нигде не проявлялись единообразно и так, как того требовали учебники и партийные руководители. В иных местах у просвещённых и образованных москвичей или ленинградцев складывалось впечатление, что никакого социализма здесь нет вовсе, а люди живут под легальной партийной опекой по своим, ещё вполне досоветским и уж точно не советским правилам и традициям, не очень-то это скрывая и тем более не очень от этого страдая.

Нужно было быть совсем не наблюдательным или очень мало интересоваться окружающим миром, чтобы не видеть и не замечать всего этого. И нужно было быть абсолютно инертным интеллектуально или безразличным социально, чтобы не обращать на это внимания, не анализировать эти обстоятельства реальной жизни, не осмысливать критически этот разнообразный социальный, а в общем-то, и политический жизненный опыт. Но советские люди, хотя бы в силу своей образованности, во всяком случае, большинство из них, такими апатичными, безразличными и некритичными не могли быть и не были.

Другое дело, что абсолютное большинство из них никогда не поднимали вопросы, связанные с этим опытом, публично и официально. А если поднимали, то эти вопросы блокировались в системе средств массовой информации, всецело подчинённой коммунистической партии.

Таким образом, разрыв между реальной картиной мира внутри СССР и за его пределами и картиной официальной, с которой вынуждены были солидаризироваться все граждане Советского Союза, был очень и очень велик. Безусловно, это также было характернейшей чертой советского общества и основой для существенного расхождения обыденной и официальной морали, для возникновения общественного и политического цинизма и почти повального недоверия к власти как таковой и к словам, от нее исходящим.

399

Между тем, коль скоро мы коснулись проблем морали, сама по себе официальная советская мораль была не только не плоха, а, напротив, великолепна, ибо прямо восходила к фундаментальным христианским моральным ценностям. Это легко видно при знакомстве с официальным советским этическим кодексом, который, кстати, был сформулирован в рамках программных документов КПСС и весьма активно пропагандировался.

Проблема заключалась не в том, что официальные моральные основания коммунистической идеологии и советского общества оказались плохи или чрезмерно идеологизированы. Этого как раз не было. Проблема состояла в том, что разрыв между реальной жизнью и её описанием в официальных документах того периода разрушал доверие не только к самим этим документам, но и к тому, что целью партии, и особенно её отдельных, но наиболее видных членов, является реализация положений этого кодекса в жизнь. Или даже, что ещё печальнее, подрывалось доверие к самим этим этическим нормам, которые воспринимались либо как нереальные (ведь в жизни-то они чаще всего не соблюдаются), либо как неприемлемые для следования им, ибо все остальные живут иначе и ты лишь проиграешь от использования такой морали, либо, что ещё ужаснее, как антинормы, как то, что предлагается властью народу, чтобы обмануть его, тогда как сама власть живёт по настоящим жизненным правилам, ведущим к успеху, а они прямо противоположны декларируемым.

Цинизм, порождаемый такой ситуацией, конечно, был гигантским фактором, приводившим ко все большей и большей эрозии как самой общественной морали, так и советского общества в целом. Что позже откликнулось и безобразными межнациональными столкновениями, и яростью и полным безрассудством в свержении власти партийного руководства без оглядки на то, что разрушение партии в системе Государство-Партия непременно приведёт и к крушению самого государства. Позже, когда СССР уже был ликвидирован, общественный цинизм 70-80-х годов откликнулся общенациональным моральным кризисом 90-х годов, из которого наше общество не вышло и до сих пор.

400

Империя добра

Суммируя, я бы выделил пять важных (возможно, главных, если рассматривать СССР не просто как государство, а как субцивилизационное образование, к чему я склоняюсь) причин крушения СССР.

Страна вступила в стадию общества массового потребления, а экономическая политика государства не могла эффективно отвечать на запросы такого общества.

Моральная и идейная догматика опаснейшим образом и всё больше и больше расходилась с реалиями обыденной жизни страны вообще и с жизнью наиболее развитых западных стран в частности.

Высочайший уровень образованности и очень хорошая информированность советского общества ставили его в тупик при попытке рационально объяснить все наблюдаемые противоречия. Следствием этого стал почти всеохватывающий общественный цинизм и отношение к советской (коммунистической) политической власти как к какому-то абсолютному (хотя и неизбежному, как тогда большинству казалось) злу.

Мощный средний класс стремился к своему идейному и политическому конституированию, но не находил в советских политических институтах ответа на эти запросы. Отрицание института частной собственности в обществе массового потребления и при наличии многомиллионного среднего класса само по себе было духовной, идеологической и политической катастрофой, вылившейся затем в катастрофу

политическую.

Государственно-политические субъекты, которые сыграли ключевую роль при разрыве единой страны на части, были созданы и выпестованы в лоне самого СССР. При обрушении верховной союзной власти они неизбежно должны были начать действовать по собственной политической логике (государственная независимость от России), что и случилось.

Таким образом, Советский Союз обрушился не потому, что он был ужасным, плохим или злым («империя зла»), а потому, что он создал такое общество, которое в своих материальных, идейных и политических запросах переросло упрощённую официальную идеологию и устаревшую систему управ-

401

ления страной. То есть Советский Союз рухнул не от зла, заключённого в нём (хотя было и оно), а от добра, которое он производил со всей мощью своей сверхдержавности, но от добра, которое советское руководство добром не считало или даже не совсем понимало, с чем оно имеет дело.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Опасения одних и надежды других на то, что в результате распада СССР и анархии 90-х годов Россия навсегда выбыла из числа ключевых игроков мировой истории, не оправдались.

Хотя сегодня довольно популярна точка зрения, что эпоха сверхдержав ушла в прошлое, а мировой баланс сил сместился в сторону многополюсности, я рискну с этим не согласиться. На мой взгляд, пока мир находится в стадии перехода от ялтинско-потсдамско-хельсинкской системы глобального доминирования двух сверхдержав, одной из которых была Россия-СССР, к будущей, пока ещё не раскрывшейся до конца и, будем надеяться, более демократичной, многополюсной структуре.

Новый старый баланс сил

90-е годы XX века стали периодом временного и, в общем-то, даже тогда неполного выпадения России из привычной системы геополитического баланса. Безусловно, это была точка бифуркации в современной истории. Если бы Россия исчезла вовсе, вот тогда можно было бы говорить (если бы не помешал грохот грандиозной битвы за российские территории) о совершенно новом повороте всемирной истории. Но этого не случилось. Правда, на десяток лет возник геостратегический вакуум, заполнить который постарались самые мощные субъекты мировой политики — как традиционные, так и новые. Но в итоге, поскольку возрождение России, начавшееся с приходом к власти в нашей стране Владимира Путина, протекало довольно стремительно, очень скоро фактически восстановился почти классический для мира баланс сил, на вершине которого находится немногочисленная группа сверхдержав, а именно: США, Евросоюз (но ни одно из западноевропейских государств в отдельности), Рос-

402

сия, Китай и Индия, а также некий внесистемный геополитический субъект (сетевая сверхдержава), который весьма условно можно назвать «международный терроризм», а точнее можно было бы охарактеризовать как «радикальный антизападный исламский интернационал».

Сейчас в мою задачу не входит подробный разбор этой «новой» расстановки геополитических сил, ибо главный предмет моего анализа в этой статье — феномен возрождения России. Однако именно в контексте данной статьи было бы уместным сделать несколько замечаний.

Новая расстановка сил отличается от прежней двумя существенными параметрами. Во-первых, уходом от двухсверхдержавности. Во-вторых, выходом из-под системного контроля каждой из двух бывших сверхдержав того, что составляет существенную часть современного «международного терроризма».

Наилучшим для себя образом ситуацией временного геополитического вакуума воспользовались действующие весьма осторожно и осмотрительно, но целеустремленно Индия и особенно Китай.

То же самое можно сказать и о субъекте «международный терроризм», но, естественно, наше отношение к этому не может быть аналогичным.

Наихудшим для себя и, увы, для всего мира образом в 90-е годы действовали Евросоюз и особенно США (их агрессия против Югославии и расчленение Сербии — гигантская, возможно, роковая, но так до сих пор и не осознанная Западом ошибка, из разряда тех, что больше, чем преступление, ошибка, последствия которой в полной мере ещё проявятся в недалёком будущем). В частности, США и Евросоюз, фактически объединённые блоком НАТО, вели принципиально неправильную и даже внешне не совсем пристойную политику по отношению к России.

Правда, США на короткое время приобрели титул мегадержавы. В эйфории этой мегадержавности и в состоянии радостного похмелья после реальной победы в холодной войне Вашингтон совершил ещё целый ряд ошибок (самая показательная — это, конечно, агрессия против Ирака), фактически растеряв все серьезные стратегические выгоды от своей победы. Победа над «коммунизмом», таким образом, обернулось поражением (пока ещё тактическим) от куда бо-

403

лее жестокого и гораздо менее понятного и хуже известного Западу врага — «международного терроризма». Теперь ясно, что амбиции США остаться то ли глобальным лидером, то ли мировым гегемоном обречены на провал, а потому возрождение России всем тем, которые считают себя представителями евроатлантической (христианской) цивилизации, надо бы приветствовать.

В связи с этим — последнее замечание: я предпочёл назвать данную статью «Возрождение России», а не «Реванш России», как часто этот процесс и феномен называют на Западе.

Может быть, я чрезмерно чувствителен, но всё-таки, поскольку слово «реванш» в русском и не только русском политическом лексиконе имеет помимо нейтрально политического ещё и негативно-

исторический оттенок, надеюсь, читатели простят мне этот пуризм.

Теперь вернусь собственно к России.

А что такое Россия?

Нынешний 2006 год — это год 15-летия окончательного распада и юридической ликвидации СССР.

15-летний период, по мнению некоторых учёных, — это самый короткий исторический цикл, в рамках которого происходят и проявляются, пусть в не до конца завершённом виде, значимые исторические тенденции.

Поскольку усиление позиций России практически по всем параметрам (по иным незначительно, но по другим — очень существенно) за последние 15 лет, без сомнения, произошло, можно предположить, что это как раз и есть проявление фундаментальной тенденции возрождения России. Тенденции, для окончательного закрепления которой понадобится ещё не менее 10-15 лет. Если, конечно, что-либо не пресечёт её развития.

(Замечу в скобках, что лично я считаю реперной точкой для данного процесса 2017 год — по известным причинам символический для истории России, а главной проблемой, стоящей на пути укрепления этой тенденции, вызовы отнюдь не политические — что внешние, что внутренние, — а вызов демографический.)

404

Для понимания феномена возрождения России, а главное — основных направлений и составляющих этого возрождения, важно прежде всего определить то, что мы подразумеваем под понятием «Россия».

Очень часто и в досужих рассуждениях, и даже в политическом анализе понимание нашей страны по тем или иным причинам примитивизируется, сводясь примерно к такому набору характеристик: очень (или даже чрезмерно) большая страна, не вполне европейская или даже полуазиатская (по крайней мере по неукоренённости демократических традиций), с чрезмерно развитым государственным инстинктом, мощным бюрократическим началом и имперскими амбициями. Таков типичный западноевропейский и североамериканский взгляд на Россию.

Не стану отрицать, что во всех этих поверхностных (и в метафизическом, и в историческом, и в политическом смыслах) характеристиках много справедливого, но всё-таки внешнее здесь принимается за суть.

Я исхожу из другого понимания России (кстати, включающего всё отмеченное выше), гораздо более объёмного и, как мне представляется, более точного. Коротко, без аргументов и пояснений, изложу его.

Россия — один из двух исторических (а ныне трёх) центров Евроатлантической (христианской) цивилизации, к каковым также относятся Западная Европа и США (самый молодой центр).

Но Россия, а также Западная Европа и США — не просто географические центры Евроатлантической цивилизации, а её субъекты, находящиеся в постоянном взаимодействии друг с другом и с внешним по отношению к этой цивилизации миром, состоящим и из других цивилизаций.

Три субъекта нашей (Евроатлантической) цивилизации настолько активны, что находятся в постоянной конкуренции-сотрудничестве друг с другом. Причём конкуренция часто перерастала в войны, а вот сотрудничество никогда не было стабильным и исторически длительным — во всяком случае, в сферах собственно политической и идеологической. Видимо, конфессиональный разлом (между западным и восточным христианством) по фундаментальности своей может соперничать с цивилизационным сродством (единством).

405

Более того, все три субъекта нашей цивилизации настолько сложны и активны, что по сути они представляют собой не просто три части одного целого, но три субцивилизации. С одной стороны, это сильно усложняло европейскую историю, но зато, с другой стороны, способствовало её более стремительному, в сравнении с цивилизацией китайской или исламской, развитию, то есть — цивилизационному лидерству Евроатлантической цивилизации в мире, которое мы наблюдали последние пять веков.

К сожалению, внутренняя конкуренция России и Западной Европы (позднее к этому присоединились и США, более близкие, конечно, к Западной Европе) приводила к их соперничеству не только внутри нашей цивилизации, но и во внешнем по отношению к нам мире. Так называемая холодная война со множеством вполне горячих войн и конфликтов между Западом и СССР-Россией в пространстве того, что тогда называлось третьим миром, — самое масштабное, но далеко не единственное проявление этого.

Внешняя экспансия западноевропейского субъекта нашей цивилизации по определённым причинам (в первую очередь из-за его исторического старшинства и агрессивного прозелитизма Католической церкви) распространялась не только за пределы Европы, но и на восток внутри неё, то есть против России. При этом, всегда будучи инициатором антироссийской экспансии, западноевропейский субъект приучил себя обвинять в экспансионизме именно Россию, воспитав в себе устойчивое недоверие к нашей стране и устойчивый, хоть и немотивированный, страх перед ней. Может быть, только русский коммунизм, идейно рождённый именно в Западной Европе, является единственным основанием для такого страха. Но на фоне многовековой истории экспансионизма Западной Европы сравнительно недавняя русская коммунистическая экспансия была лишь эпизодом.

Страх (часто искусственно подогреваемый) оказался настолько велик, что после распада СССР

Запад (и в лице Евросоюза, и в лице США) продолжал бороться с Россией, своим цивилизационным союзником, а не с внешними врагами. Причём до сих пор фанатерия Запада по отношению к России остается такой высокой, что вопреки здравому смыслу, исторической реальности и инстинкту самовывживания ей

406

даже отказывают в звании «европейской» страны. И именно на Западе, а не в Африке или Азии.

Между тем как раз Россия принесла европейские ценности и европейскую религию в Центральную Азию, и в когда-то азиатскую Сибирь, и на Дальний Восток, реально расширив европейское цивилизационное пространство вплоть до западных берегов Тихого океана.

Существование России в виде субъекта Европейской цивилизации, постоянно противостоящего, причём не по собственной инициативе, её западноевропейскому субъекту, а не только внеевропейским цивилизациям, и сформировало из неё самостоятельный субцивилизационный субъект, развивающийся по собственным, в том числе и собственным политическим, законам.

Формально большую часть своей последней полутысячелетней истории Россия была империей (юридически она была провозглашена таковой в начале XVIII века), а фактически — союзом восточноевропейских, кавказских, среднеазиатских и сибирских стран и народов под государственным управлением России.

Московское государство (до Петра Великого), Российская (царская) империя и Советский Союз — это одно и то же, но с разными политическими режимами, цивилизационное и исторически целое, а именно — один из трёх субъектов Евро-атлантической цивилизации в своих естественных границах, изменение которых есть изменение границ не России собственно, а именно границ Евроатлантической цивилизации. Ибо только Россия за века доминирования на этих территориях приобрела исторический опыт сохранения их в рамках нашей общей цивилизации.

Претензии Евросоюза или США на управление (в явной или неявной форме) Кавказом или Центральной (Средней) Азией, Украиной или Белоруссией по недалековидности своей равны тому, как если бы Россия претендовала на управление югом Европы или Центральной Америкой. Эффект может быть только один — эти территории, особенно те, которые примыкают к странам, принадлежащим к иным цивилизациям, рано или поздно отпадут не только от России, но и от Евроатлантической цивилизации вообще.

Выполняя свою историческую и цивилизационную миссию конкретно для себя, но в целом и сущностно — для всей

407

Евроатлантической цивилизации, Россия не может отказаться от исторически «закреплённых за ней» ходом развития этой цивилизации территорий. Она может их потерять — но не отказаться по доброй воле.

Нынешняя Российская Федерация — лишь часть, пусть и большая, исторической Большой России, каковая, собственно, и является субъектом европейской и мировой политики. Принимать за этот субъект нынешнюю РФ в её местах абсолютно неестественных границах политически и исторически неправильно и недалековидно, хотя многим хочется именно этого.

То есть Россия есть один из трёх субъектов Евроатлантической цивилизации. Де-юре она представлена сегодня государством Российская Федерация, но фактически по-прежнему располагает на канонической территории своего исторического доминирования, то есть примерно в границах СССР или Российской империи.

Я понимаю, что такой подход может многим не нравиться или может ущемлять самолюбие элит и даже народов некоторых государств современной Европы и Центральной Азии, но такова историческая, цивилизационная и геополитическая реальность.

Между прочим, подтверждением приведённых аргументов является тот факт, что на Европейском континенте, если проигнорировать навязчивое и излишнее присутствие США, остались только два субъекта международного сообщества — Евросоюз и Россия (или Российский Союз, именно так я предпочитаю называть Большую Россию). Никаких других субъектов не осталось (если не брать островную Великобританию, являющуюся фактически сателлитом США).

По сути, вся разница между Евросоюзом и Российским Союзом (или Россией, или Восточноевропейским союзом) только в том, что идея единства и централизма в противовес раздробленности и обособленности разных государств и народов на востоке Европы, то есть в России, вышла на историческую арену раньше и из-за этого в несколько более жёстких политических формах, чем на западе Европы, создавшем современный Евросоюз. Тут не грех заметить, что на востоке Европа завершается не границами России, а Уральскими горами, а следовательно, Евросоюз фактически является Западно-Центральноевропейским союзом по набору стран,

408

или просто Западноевропейским союзом — по реальным географическим параметрам.

Распад СССР и последовавшее десятилетие анархии на его территории были, следовательно, не только распадом Большой России и анархией среди её элит и народов, а распадом и анархией половины Европы, половины Европейской цивилизации, крушением её естественных и канонических внешних и внутренних границ.

В первую очередь сама Россия ответственна за то, что это произошло (хотя истины ради надо

признать, что многие на Западе способствовали этому). И естественно, Россия же, коль скоро в ней сохранился импульс своей собственной государственной и общеевропейской цивилизационной ответственности, приступила к возрождению того, что распалось и погрузилось в безвластие и анархическую безответственность.

Категорический императив

Инстинкт самовывживания присущ не только отдельным людям или отдельно взятым народам, но и цивилизационным общностям, каковой, как я пытался показать, является Россия. Тут либо ты погибаешь, но тогда уже до конца, до полного исчезновения. Либо не погибаешь, то есть возрождаешься, вновь достигаешь своих естественных границ (политически, экономически, морально, духовно, географически).

В возрождении нельзя остановиться на полпути. Как нельзя быть немножко беременной, как нельзя быть долго полуживым (далее либо смерть, либо выздоровление), так и нельзя возродиться наполовину или на четверть — даже если этого кому-то хочется или кажется целесообразным. У истории и цивилизаций — своя целесообразность. Эта целесообразность не вчера зародилась и пресекается не по желанию отдельных политиков или стран.

Не возродиться для России значило одно — умереть до конца, вообще исчезнуть с лица Европы и мира. Именно поэтому и я считаю, что возрождение России было категорическим императивом её новейшей истории, а следовательно — и категорическим императивом, интуитивно ощущаемым или рационально отрефлексируемым, для её политиче-

409

ских лидеров, ее политического класса, всех ее политиков, включая оппозиционных, помимо тех, естественно, которые связали своё будущее и материальное благополучие с распадом и исчезновением нашей страны. Тем более понятно, что возрождение России стало и категорическим императивом для её народов, для России как нации русских и других её коренных народов, — и стало этим императивом сразу же, как только распад Большой России (СССР) случился, то есть ещё раньше, чем над реализацией этого императива задумались раздираемые эгоистическими инстинктами и занятые дележом собственности бывшие советские элиты и новые олигархические кланы.

Даже в политике разрушителя Большой России Ельцина наблюдались и стихийные, и сознательные проявления этого категорического императива. Что же говорить о Владимире Путине, сознательно сделавшем сохранение целостности России и возрождение её мощи целью своей политики.

Лично я о том, что цель его политики именно такова, писал еще в конце 1999-го и начале 2000 годов, то есть тогда, когда весь мир и значительная часть политического класса России гадали над вопросом: «Кто есть мистер Путин?»

Из чего состоит возрождение России?

Восстановлению и возрождению подлежало, естественно, всё фундаментальное, что было разрушено (точнее — полуразрушено), но с учётом новых условий рыночной экономики и демократического политического устройства, а также с учётом максимальной оптимизации новой конструкции, то есть освобождения её от явно избыточных или явно устаревших элементов. Эта оптимальность, в частности, предусматривала полный отказ от восстановления чего-либо, включая бывшие территориальные приобретения, даже очевидно русские (например, Крым или север Казахстана), военным путём.

К завершению правления Ельцина Россия находилась отнюдь не в расцвете демократических свобод и принципов экономического либерализма, как думают и даже утверждают некоторые и на Западе, и у нас в стране, а в более чем плачевном состоянии.

410

Она уже несколько лет не контролировала часть своей территории — Республику Чечню на Северном Кавказе, при этом фактически продолжала содержать сепаратистско-анархо-криминальный режим власти чеченских и зарубежных полевых командиров, а проще говоря — платя ему дань. Причём не только в виде денег, но и в виде своих собственных граждан, которых захватывали в рабство (в прямом смысле этого слова) те, кого на Западе называли то ли инсургентами, то ли борцами за независимость Чечни.

Эта ситуация была катастрофической во всём, в том числе и в своей перспективе отторжения от России других частей её территории. То есть России грозил второй после 1991 года территориальный распад. Надо думать, окончательный, если бы он случился.

Государственная власть была почти полностью деморализована и фактически не справлялась с большей частью своих прямых обязанностей как по защите целостности страны, так и по обеспечению безопасности её граждан — в Чечне абсолютно, за её пределами — относительно.

Подавляющая часть населения бедствовала или нищенствовала. Национальные богатства контролировала узкая группа олигархических кланов, выводившая значительную часть получаемых от продажи нефти и других природных ресурсов денег за пределы страны. Даже мизерные на тот момент зарплаты и пенсии не выплачивались месяцами и годами. Разгул преступности был беспрецедентным для всей истории страны.

Олигархические группы контролировали не только всю экономику, но и саму политическую власть, смещая и назначая министров и иных высших чиновников, решая, кого сделать президентом или главой правительства, а кого и близко не подпускать к этим постам.

Государственный долг исчислялся более чем сотней миллиардов долларов. Государственный бюджет был хронически дефицитным. Руководство экономикой страны фактически осуществлялось из-за

рубежа— бюджеты писались под диктовку Международного валютного фонда и там же утверждались ранее, чем в российском парламенте.

Многие забыли, что описываемый ныне на Западе как светоч демократии тогдашний президент Борис Ельцин летом и осенью 1999 года западными же СМИ (пролистайте подшивки газет того периода) характеризовался как глава абсолют-

411

но коррумпированной физической и политической «семьи». То есть морального авторитета у российской власти того периода не существовало ни в самой стране, ни за рубежом.

Владимир Путин, которому Ельцин и его «семья» передали власть исключительно из-за страха за своё будущее, действуя сначала как премьер-министр и главнокомандующий де-факто (началась вторая чеченская кампания), а затем и как президент России, целенаправленно решал (и довольно скоро решил) три ключевые на тот момент задачи: снял угрозу территориального распада страны (военная победа над террористическим сепаратизмом в Чечне), консолидировал власть (для поднятия её авторитета из той грязи, в которой он валялся в последние годы и особенно месяцы правления Ельцина, а главное — для восстановления её минимальной дееспособности), навёл элементарный порядок в управлении государством, в частности — за счёт возвращения государственной власти, приватизированной при Ельцине и при посредстве Ельцина олигархическими кланами, самому государству.

Это было только начало — создание минимально необходимой базы для попытки возрождения России. Далее началось само возрождение, не законченное до сих пор, но целенаправленно Путиным и его командой реализуемое (не без внутренних интриг, противоречий и замешанных на эгоистических инстинктах войн за политическое влияние и передел собственности).

Путин восстановил международную субъектность России, не доведя её, конечно, до того уровня, который был у нашей страны в годы существования СССР, но, во всяком случае, подняв эту субъектность (то есть самостоятельность внешней политики) до уровня таких держав, как Великобритания, Германия, Франция, а по некоторым направлениям и выше — до уровня международной субъектности Евросоюза и Китая.

Путин вновь сделал Россию политическим и цивилизационным центром постсоветского пространства, восстановил авторитет нашей страны в глазах большинства граждан всех государств, родившихся из Советского Союза и выпестовавших свою современную государственность в его лоне.

Политика Путина позволила минимизировать третирование русского и русскоязычного населения, не по своей воле оставшегося из-за распада СССР за официальными границами России, националистически настроенными элитами но-

412

вых независимых государств. Между прочим, это — минимальным счётом — 25 миллионов человек, то есть население средней западноевропейской страны.

Путин политически жёстко подавил всё ещё тлеющие остатки регионального сепаратизма внутри России, реформировав верхнюю палату российского парламента и выведя оттуда так называемых региональных баронов — официальных глав территорий, входящих в состав России. Это было не слишком демократическое и по процедуре, и по сути решение, но оно практически окончательно ликвидировало субъективные предпосылки распада страны.

Не уничтожив до конца сложившуюся при Ельцине систему российского олигархата, Путин тем не менее вырвал из её рук всю политическую власть в стране, а также, реализуя политику кнута и пряника, расчленил олигархический монолит, противостоящий одновременно и государству, и населению, на лояльных новой власти (им оставили накопленную собственность, но заставили платить налоги) и нелояльных (их максимально лишили собственности и вынудили покинуть страну либо политически репрессировали).

Сконцентрировав контроль над национальными богатствами страны в руках государства либо лояльных ему бизнес-групп, Кремль восстановил элементарную экономическую справедливость: погасил копившиеся задолженности по зарплатам и пенсиям, а также существенно поднял их от того постыдно нищенского уровня, каковым он был при Ельцине.

Конечно, в реализации этой задачи Путину очень помогли значительно выросшие к этому времени цены на нефть, но можно не сомневаться, что при Ельцине и этот рост не дал бы ничего существенного основной массе населения.

Владимир Путин попытался, не во всём успешно, но и не во всём безуспешно, восстановить боеспособность российских Вооружённых сил, а также заставил российскую правоохранительную систему, фактически работавшую при Ельцине не на государство и тем более не на общество, а на те же олигархические кланы, а часто и просто на организованную преступность, постепенно (хоть и медленно) начать возвращаться к исполнению своих конституционных функций.

Собрав рычаги политического, административного, а часто и собственно экономического управления экономикой в руках государства, Путин, воспользовавшись благоприятной

413

ценовой конъюнктурой, в несколько раз увеличил золотовалютные запасы страны, погасил весь доставшийся только России государственный долг бывшего СССР, добился сначала бездефицитности, а затем и профицитности государственного бюджета страны, а на основе этого — создал многомиллиардный Стабилизационный фонд на случай резкого падения цен на нефть на мировых рынках.

Путин начал создавать то, чего не было даже у СССР, несмотря на то что он был не только одной из двух мировых сверхдержав, но и обладал второй по масштабам экономикой мира, — российские транснациональные корпорации (ТНК), то есть дополнительные к государственным рычаги воздействия России и на мировую экономику, и на мировую политику.

Наконец, Владимир Путин вернул авторитет и популярность у населения хотя бы одному (пока одному) институту власти в России — институту президентства. А также приступил к осторожному формулированию национальной идеологии и рассчитанной на десятилетия национальной стратегии. Она получила (пока неофициальное) наименование «суверенная демократия».

Вокруг этой концепции, горячим сторонником и в меру моих скромных сил одним из описателей которой я являюсь, ведется ожесточённая полемика как внутри страны, так и за рубежом. В принципе в этой статье было бы уместным изложить её хотя бы в самых общих чертах, но сейчас я ограничусь констатацией самого главного, а именно того, что имеет прямое отношение к теме данной статьи.

Концепция «суверенной демократии» предполагает, что в мире абсолютное большинство государств и народов лишь формально считаются независимыми, и только немногие из них — самые мощные по основным показателям и самые смелые идейно и политически — обладают реальным или хотя бы максимально возможным суверенитетом, то есть строят свою внешнюю и внутреннюю политику исходя из собственного понимания своих национальных интересов, не подчиняясь интересам иных равновеликих и даже больших субъектов международной политики. А если эти чужие интересы входят в противоречие с собственными интересами страны, исповедующей идеологию «суверенной демократии», то и активно противостоят таким интересам.

414

Разумеется, при этом не могут игнорироваться общие интересы всего мирового сообщества, а также интересы малых и слабых стран и народов. Но и эта коллективная ответственность имеет своим истоком не чьё-либо принуждение, а исключительно собственный (суверенный) моральный или политический долг.

Короче говоря, Россия Путина, а точнее и правильнее — Россия при Путине, — заявила: вновь, как и всегда, а не как в смутные 90-е годы прошедшего века, наша страна будет сама решать, что, как и где ей делать, вступая с другими мировыми игроками исключительно в партнёрские, не основанные ни на каком подчинении отношения.

Применительно к проблеме российской демократии (которую я считаю пока ещё по-прежнему протодемократией в смеси с квазидемократией) — то же самое. Здесь Россия будет строить такую демократическую систему и такими темпами, которые сама для себя определяет — исходя как из общепризнанных демократических принципов, так и из национальных особенностей исторического и политического генезиса нашей страны.

То есть Россия отныне вновь не признает никаких арбитров над собой, особенно арбитров, которые сами себя на эту роль выдвигают.

Те, которые в команде Путина и среди его политических союзников эту идеологию разделяют, считают, что она не противоречит фундаментальным национальным интересам других стран и народов, ибо исключает не только гегемонию кого-либо над Россией, но и гегемонию над кем-либо России.

Что означает возрождение России для других?

Я прекрасно понимаю, что возрождение России (возрождение мощи и суверенности России) пугает или смущает многих, прежде всего в Европе. Я даже понимаю (но не оправдываю) этот испуг или это смущение.

Но, во-первых, я также знаю, что ещё большее число стран в мире в целом возрождение России радует. Хотя бы потому, что они видят в этом противовес чрезмерному влиянию других ключевых мировых игроков, но особенно — чрезмерному влиянию США, а потенциально — и Китая.

415

А во-вторых, испуганным и смущённым всё равно придётся считаться с этой реальностью, ибо, как я уже отмечал, выбора у России нет: не возродившись, она исчезнет. И ещё неизвестно, хорошо ли это будет именно для тех, которые особо боятся и особо сопротивляются возрождению России.

Например, для меня является совершенно очевидным то, что именно Россия защищает с востока границы и безопасность Евросоюза и НАТО. И в случае исчезновения России как мощного государства именно с этой стороны Евросоюз и НАТО подвергнутся такой атаке, которой они не выдержат. В связи с этим Брюсселю стоило бы критически взглянуть на поведение своих граничащих с Россией территорий и сидящих в них правительств, постоянно испытывающих терпение Москвы своими историческими фобиями и неудовлетворёнными когда-то имперскими инстинктами. Ведь в том, что в своё время Россия стала крупнейшей континентальной империей, можно винить её. Но в том, что такими империями не стали они сами, нужно винить их собственные элиты и их собственных властителей соответствующих исторических эпох.

Итак, Россия (в своих собственных национальных интересах и в интересах, как мне представляется, остального мира) претендует оставаться одним из ключевых игроков, одним из немногих (раз всем или даже многим это не дано) максимально суверенных (самостоятельных) субъектов мировой политики в системе многополюсного мира.

А для этого она должна возродить свою совокупную мощь исключительно до тех пределов, которые позволяют этого добиться даже в том случае, если этому будут сопротивляться другие. Что это означает конкретно? Отвечая на этот вопрос, я максимально отоюду от того, что провозглашает президент Путин.

Может быть, потому, что он иначе понимает эту проблему. Может быть, потому, что не считает нужным или возможным говорить то, что скажу я.

Россия претендует на своё цивилизационное, политическое и военное (в смысле обеспечения национальной и коллективной безопасности) лидерство на постсоветском пространстве, которое может быть реализовано в разных вариантах, но только не насильственным путём. Не исключено создание на части постсоветского пространства нового союзного государства во главе с Россией (фактически такое

416

государство уже есть — это Союзное государство Беларусь-Россия, но речь может пойти и о расширении числа его членов).

Обязательно создание военного союза из числа стран, ранее входивших в СССР. И он уже создан — это Организация Договора о коллективной безопасности. Но и эта структура может быть расширена.

Россия хотела бы, чтобы между НАТО и ОДКБ был заключён искренний, а не формальный договор о солидарной военной ответственности за безопасность на всём пространстве Европы и принадлежащей России части Азии.

Безусловно, Россия желает вернуться в число главных экономических игроков мира, а для этого ей нужен соответствующий по объёму общий рынок, в рамках которого проживало бы никак не менее 200-300 миллионов человек.

Кроме того, Россия будет всеми силами стремиться превратить рубль не только в коллективную валюту экономического союза, который сложится вокруг неё, но и в одну из мировых валют наряду с долларом США, евро и юанем. Совершенно исключено вхождение России в какую-либо чужую валютную систему.

Россия продолжит добиваться воссоединения самой большой на сегодня разделённой нации Европы — русских. Это воссоединение, также относящееся к числу императивных интенций российской политики, не обязательно должно реализоваться в форме присоединения к нынешней Российской Федерации территорий других стран с преобладающим русским населением. В нынешних реалиях оптимальнее было бы воспользоваться вариантом создания такого союза независимых государств (условно говоря, по модели Евросоюза), в рамках которого это воссоединение произошло бы без изменения государственных границ. Однако в случае передачи исторически русских территорий вопреки воле проживающего на них русского населения под суверенитет каких-либо иных, а особенно недружественных России военных или политических блоков и союзов вопрос о воссоединении русской нации может встать и в брутальной политической форме.

Являясь главным гарантом территориальной целостности фактически всех государств на постсоветском пространстве, Россия не возьмёт на себя обязательство поддерживать эти гарантии в случае, если какое-либо государство будет прово-

417

дить политику, прямо противоречащую интересам России, русского населения или иных народов, исторически относящих себя к России, пусть и оказавшихся сегодня за её официальными границами.

При реализации таких сценариев военные действия со стороны России можно исключить (если, конечно, не будет физической угрозы выживанию тех или иных народов), но ясно, что воспользоваться формулой «пожертвовать территорией — спасти народ» Россия будет вправе и непременно воспользуется.

Являясь единственным и исторически естественным союзообразующим государством на востоке Европы, Россия не может отбросить от себя это качество (кстати, один из главных показателей наличия потенциала максимальной суверенности), ибо оно есть качество не только для себя, но и для других. И эти «другие» не простят и не позволят России снять с себя ответственность за их судьбу. Даже в момент распада СССР (Большой России) многие территории, находившиеся за пределами РФ, прямо и недвусмысленно заявили, что не признают этого распада и останутся с Россией вопреки желанию тех, которые растаскивали СССР на части. Эти народы выступили за союз с Россией с оружием в руках, причём тогда, когда, по сути, сама Россия от них отказалась. Это народы Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, фактически входящие — и исключительно по собственной воле — в формально не структурированный, но исторически сохранившийся Российский союз. Совершенно очевидно, что если России суждено возродиться, то этот союз будет не только крепнуть, но и расширяться. В каких формах и в каких границах — отдельный вопрос.

Россия выдвинула концепцию «суверенной демократии» в первую очередь для себя, но считает, что это универсальная концепция и ею могли бы воспользоваться и другие страны мира. Причём чем больше, тем лучше. Следовательно, «идеологическое» наступление Москвы в мире будет развиваться в этом (но не только в этом) направлении, а потому неизбежно вступит (уже вступило) в мягкую конфронтацию с американской (да и западноевропейской, но пассивной в отличие от washingtonской агрессивности) доктриной «экспорта демократии».

418

При этом ещё раз напоминаю о цивилизационном сродстве Западноевропейского союза, Российского союза и Североамериканского союза, о чём я уже писал не только в этой статье, но и в нескольких более ранних публикациях как в российских, так и в западных изданиях. И в связи с этим, на мой взгляд, возрождение России (и вот здесь наиболее глубоко и явственно пролегает отличие «русского возрождения» от «русского реванша» в негативной транскрипции), особенно когда оно достигнет уровня, который уже невозможно будет игнорировать даже самым твердолобым политикам и экспертам Запада, неизбежно приведёт к тому, что Россия предложит Евросоюзу и США заключить договор об образовании

военно-политического союза, а возможно — и о создании Евроатлантической конфедерации с общим парламентом и правительством. Во всяком случае, лично я только в этой перспективе вижу возможность сохранения в целостности нашей общей Евроатлантической цивилизации, тем более — если мы не хотим утратить её лидерство (или хотя бы не деградацию) в этом мире к концу нашего века.

А может, это просто реванш?

По-моему, всё сказанное ранее означает, что нынешнее возрождение России, во-первых, не угрожает никому на Европейском континенте, и во-вторых, выгодно всем, кто искренне желает сохранения целостности и самобытности (это принципиально) европейской (христианской) цивилизации.

Ничего даже отдалённо напоминающего примитивный политический, а тем более военный реванш в этом варианте развития событий я не могу разглядеть, рассматривая его как изнутри, так и со стороны, извне. Хотя, конечно, в моей способности взглянуть на изложенные тезисы со стороны каждый вправе усомниться.

Словом, я прихожу к выводу, который подтверждается и моими многочисленными контактами с экспертами и политиками из стран Евросоюза и НАТО: вопрос о благотворности либо опасности возрождения России для всех стран, её окружающих и с ней так или иначе взаимодействующих, особенно в Европе, есть вопрос не логики, а веры и исторической памяти. И никто никому здесь ничего доказать не может.

419

Я и не пытался это сделать. Я лишь постарался предельно честно раскрыть суть феномена возрождения России так, как я его вижу и понимаю.

Надеюсь, что в нынешней или завтрашней Западной Европе найдутся политические гении, которые даже вопреки застарелым комплексам не только проникнутся идеей единства европейской цивилизации во всей её полноте, как когда-то это произошло по отношению к западной географической части этой цивилизации, но и реализуют такую идею. Но если даже они не найдутся, Россия всё равно будет идти путём своего возрождения. И верность этому пути — первое фундаментальное требование, которое мы должны предъявлять будущему президенту России. Второе требование очевидно — эффективность.

420

Чертёж Суркова

Аппаратчик и политехнолог становится политическим мыслителем, чтобы найти будущее для России

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС, №1 (25), ЯНВАРЬ 2007

Зададимся простым вопросом: кто из живущих сегодня и присутствующих в зоне публичного общественного внимания и влияния людей думает о будущем России и строит более или менее конкретные проекты этого будущего? Причём когда я говорю о будущем, то имею в виду перспективу не ближайших трёх-четырёх (избирательный цикл) или восьми-десяти (пребывание у власти той или иной группировки) лет, то есть не конъюнктурно-эгоистическое будущее, а будущее, так сказать, альтруистическое, будущее — не являющееся всего лишь механическим продолжением настоящего и интересов текущего настоящего, то есть будущее в точном смысле этого слова. Будущее не тактическое, не оперативное (политическое), а будущее стратегическое. Цивилизационное будущее. Большое будущее.

То, что проблема этого Большого будущего является для России наиострейшей и куда более важной, чем сумма всех тактических и оперативных проблем, доказывать — за очевидностью — не стану. Не удержусь лишь от упоминания о всё продолжающемся процессе депопуляции, а проще — вымирания населения страны, что, по сути, обесмысливает любую текущую политическую и общественную деятельность в России.

Казалось бы, в соответствии с остротой и важностью проблемы будущего для нашей страны число известных людей, публично размышляющих на данную тему, должно множиться день ото дня, а публичные дискуссии на сей счёт не прекращаться ни на мгновение — и в первую очередь на телевидении. Однако ни того, ни другого мы не видим.

421

ФОН И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Из действительно известных и реально влиятельных лиц, то есть тех, которые могут интеллектуально и психологически мобилизовать нацию на решение проблемы (или хотя бы на попытку такого решения), не без труда можно вспомнить не более десятка имен. Здесь я игнорирую энергию и масштабы обсуждения этой проблемы в глубине общества — среди профанов, графоманов, самодеятельных «философов» и просто «обеспокоенных граждан», заедаемых повседневной суетой и заботами. Например, я сам много пишу и говорю на эту тему, однако эффект от этого в силу моего социального статуса, который многим кажется высоким, всё равно ничтожен. В равной мере, но по прямо противоположной причине я не беру в расчёт и участие в прогнозировании и программировании будущего России её нынешнего президента Владимира Пугина. Эффект от его слов, безусловно, велик, но должностное обременение выводит его — в контексте данной статьи — из числа интересующих меня персонажей. В их общий ряд он встанет, когда покинет президентский пост, но если останется публичным политиком.

За этим кому-то, возможно, покажущимся странным исключением первым, конечно, нужно назвать

Александра Солженицына, к сожалению, в силу преклонного возраста уже редко колеблющего своим голосом инертный океан общественного мнения.

Вторым я назвал бы *Александра Проханова*, страстно и увлеченно предлагающего свой проект Пятой Империи и соединяющего в отличие от других белую и красную линии отечественной истории. Но Проханов, увы, в последнее время, несмотря на литературную плодовитость, превратился скорее в светский, даже с гламурным отблеском, персонаж, утеряв основательность полулегального мыслителя-державника.

Следующий в списке — *Александр Дугин*, апостол современного русского евразийства. Разрабатывая и предлагая последние десять лет евразийский проект в качестве идеологии для России, Дугин, однако, добился скорее собственной известности, чем отклика общества на свои идеи. И это несмотря на то, что, в общем-то, евразийство внешне представляется наиболее естественным для такой страны, как Россия, национальным мегапроектом.

422

Давно и весьма активно выступает с различными концептуальными проектами для России *Юрий Лужков*. То ли в силу их эклектизма, то ли в силу авторитарности и бюрократического статуса их автора все эти предложения никакого воздействия на общественную мысль не оказывают.

В последнее время всё чаще заявляет свои претензии на формулирование национальной доктрины неосоциалистического толка *Сергей Миронов*, но пока она носит чересчур общий и чрезмерно утопический характер.

Митрополит Смоленский и Калининградский *Кирилл* является фактически единственным церковным деятелем, практикующим в сфере публичной общественной мысли. Его представления о будущем России сводятся к тому, что можно назвать либо православным социализмом, либо модернизированным консерватизмом.

Идеологически к нему примыкает менее известный широкой публике *Владимир Якунин*, возглавляющий не только «Российские железные дороги», но и Фонд Андрея Первозванного.

Анатолий Чубайс, однажды провозгласивший идею либеральной империи, больше к этому предложению не возвращался. Надо думать, не только по конъюнктурным причинам, но и потому, что как минимум одна такая империя — а именно США — уже существует, и этот образ в политической своей ипостаси не вызывает большого вдохновения даже у русских либералов, совершенно иссякших интеллектуально.

Вот, пожалуй, и все (да простят меня те, кого я невольно или вольно забыл, а следовательно, обидел), кто в персональном качестве развивают и декларируют какие-либо проекты будущего России и для России. И среди них, заметим, лишь один профессиональный философ.

Партийная, то есть организованная и готовая к действию в общенациональных масштабах, мысль никакой надежды для России пока не даёт. Весь русский либерализм последних двух десятилетий был полностью заёмным, а в последние годы и вовсе свёлся исключительно к антикремлёвским выпадам.

Коммунисты России, кроме идеи державности, которую и так разделяют почти все, тоже ничего нового не предлагают. Русский анти- и альтерглобализм слаб и широко известных лидеров не имеет. Русский национализм, теоретически поч-

423

ти вставший на ноги, тоже не имеет ни одного более или менее известного и авторитетного лидера, к тому же постоянно придавливается властью, чрезвычайно его пугающей.

Вот на этом достаточно безрадостном идейном фоне, в условиях продолжающегося в России глубочайшего морального кризиса и при установке на искусственное выращивание многопартийной системы стали появляться политические и политико-философские тексты Владислава Суркова. Последний из них (см. журнал «Эксперт», №43/06), во-первых, является более или менее систематизированной квинтэссенцией всех предыдущих; во-вторых, в своём названии содержит прямое упоминание будущего; в-третьих, раскрывает понимание автором введённой им в, как принято сейчас выражаться, политический дискурс концепции суверенной демократии как политической философии для сегодняшней России — если она, то есть Россия, желает иметь это самое будущее.

ПОЧЕМУ СУРКОВ НЕ ЗАХОТЕЛ ОСТАВАТЬСЯ ПЧЕЛОЙ

Совершенно ясно, что сочинение политических доктрин в служебные обязанности Владислава Суркова не входит. Однако доктрину суверенной демократии он всё-таки сочинил и, смею утверждать, не столько из любви к вольному философствованию, для чего его повседневная работа создаёт много поводов, но чему оставляет слишком мало времени, сколько из соображений весьма прагматических. Но не приземлённо-прагматических (надо было создать доктринальную базу для «Единой России» — вот он её и создал), а возвышенно-прагматических. Эти соображения в своё время хорошо описал Ленин, утверждавший, что тот, кто приступает к решению многочисленных конкретных вопросов, не решив прежде главных общих вопросов, будет в своей практической деятельности постоянно на эти общие вопросы наткаться и, не имея на них ответов, в конечном итоге не решит толком ни одного конкретного вопроса.

Или, если кому-то не нравится Ленин, напомним утверждение Маркса, согласно которому самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что, приступая к строительству здания, имеет в голове хотя бы самый общий план этого здания. Так вот, несколько раз попробовав действовать

424

как самая хорошая пчела и убедившись, что всякий раз соты получаются либо кривые, либо худые, Владислав Сурков решил действовать пусть как плохой, но архитектор.

Соображения, которые я изложил выше, на мой взгляд, необходимо если и не рассматривать как смягчающие обстоятельства при разборе последнего текста Владислава Суркова, то, во всяком случае, хорошо бы иметь в виду. Если у кого-то есть лучший чертёж для будущего России, то надо обсудить и его. Чертёж же самого Суркова — я имею в виду доктрину суверенной демократии — лично мне (и я об этом не раз писал и говорил) представляется весьма удачным. Что не мешает поговорить и о его недостатках, а также о том, чего в этом чертеже не хватает. Разумеется, достоинства стоит упомянуть также — не приличия ради, а для полноты и объёмности картины.

БЛЕСК СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Поскольку я много писал о суверенной демократии и даже, так получилось, впервые привёл — не претендуя на авторство, ибо знал, кому это авторство принадлежит, — данный термин в отечественных СМИ, то не стану здесь подробно раскрывать своё понимание этой концепции, отсылая заинтересованных читателей к соответствующим публикациям. Однако должен специально отметить главное, на мой взгляд, достоинство концепции суверенной демократии как основы и прообраза современной национальной идеологии России.

Эта концепция объясняет необходимость и неизбежность существования России в качестве максимально независимого от внешних источников влияния субъекта глобальной и одновременно евроатлантической цивилизации. И ещё концепция суверенной демократии совершенно правильно фиксирует независимость и самостоятельность (самодержавность) России и русских как нации в качестве абсолютной политической, гражданской и даже нравственной ценности нашей (русской, российской) цивилизации в целом и каждого из её представителей в отдельности. Причём эта ценность, в отличие от того, что мы видим у большинства других народов и стран, базируется исключительно на позитивной, а не негативной основе. То есть русский суверенитет предполагает не освобождение от зависимости от кого-либо и уж

425

тем более не смену одной зависимости на другую, а постоянное пребывание в состоянии полной и абсолютной самостоятельности, свободного выбора путей внешнего и особенно внутреннего развития.

В этом смысле представляется вполне корректным и во многом удачным определение суверенной демократии, которое даёт Владислав Сурков в своей последней статье, а именно: это такой «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем её многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, её образующими».

Пожалуй, главный недостаток этой формулировки состоит в том, что сам автор предложенной концепции, носящей, безусловно, черты цивилизационного проекта, в данном случае трактует её в очень узком, сугубо политическом смысле. Впрочем, если ознакомиться с полным текстом статьи, то легко заметить — Сурков держит в уме оба смысла суверенной демократии, иногда, впрочем, смешивая их: и широкий цивилизационный, и узкий политический.

КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР

Далее я последовательно пройду по тексту статьи Владислава Суркова — с тем чтобы отметить её, на мой взгляд, самые существенные недостатки или упущения. Это — главная моя цель. Развернутая апологетика данного текста не входит в мои намерения, ибо, во-первых, свою приверженность идее и концепции суверенной демократии я уже продекларировал, а для совершенствования этой концепции, и это — во-вторых, нужны не столько похвалы, сколько критика.

Начну с названия статьи — «Национализация будущего». Конечно, оно неудачно и по форме, и по сути. Разъяснение автора, данное в сноске, что под нацией он понимает «сверхэтническую совокупность всех граждан страны», дела не меняет. В заголовке всё равно содержится даже не двусмысленность, а трёхсмысленность. Если даже первый смысл тот, который предлагается автором (но лишь в сноске), то второй — от национализации как экспроприации в пользу всего

426

общества (допустим, что здесь Сурков специально подпустил ироничный каламбур, — но зачем?). Третий смысл — от наиболее очевидно прочитываемого национализма. Есть, кстати, и четвёртый смысл, если вспомнить о размножении национальных государств в последние полвека. Можно найти и пятый. Это формальные претензии.

А вот и неформальная. На мой взгляд, национальные (в политическом смысле) государственные образования постепенно отмирают (временно укрепляясь перед гибелью), уступая место цивилизационным. Межцивилизационным будет, как мне кажется, и будущее официальное мироустройство. И никакой «евронации» (её Сурков упоминает в своей статье ниже) не возникнет, как нет её и сейчас, даже в рамках Евросоюза. А вот европейская (христианская) цивилизация (пока ещё) есть и имеет шансы — при правильном поведении Запада — выжить.

Начиная свою статью (раздел «Предположение»), Владислав Сурков оперирует двумя понятиями — «свобода» и «справедливость», не разъясняя своего понимания ни того, ни другого. Потому, видимо, что ориентируется на общеупотребительную трактовку этих терминов. Но этого в столь амбициозном тексте недостаточно. Как и их соединения без расшифровки в красивой формуле: Россия должна быть «свободна в справедливо устроенном мире».

Если со «свободой» ещё более или менее ясно, то «справедливость» — чрезвычайно многообразное

и максимально неопределённое понятие, трактуемое в разных философских и политических теориях порой прямо противоположным образом. Совершенно неясно, возможен ли «справедливо устроенный мир» даже теоретически, не то что практически, тем более «справедливо устроенный» для всех. На мой-то взгляд, концепция суверенной демократии ценна, в частности, тем, что позволяет России выжить и процветать как раз в «несправедливо устроенном мире», а иного в ближайшей (столетней) перспективе и не просматривается (что, в частности, подтверждается и последующими высказываниями самого Суркова).

Наконец, финальное утверждение этого раздела статьи: России предстоит доказать, «что о свободе и справедливости можно и должно думать и говорить по-русски», — прямо ложно. Применительно к свободе (в западном понимании) —

427

безусловно, но вот о справедливости русская общественная мысль говорит с момента своего возникновения — поэтому здесь ей ничего не нужно доказывать (кроме своего понимания справедливости, разумеется). И именно в понимании справедливости Россия более всего, может быть, расходится с Западом (да и Запад уже не един в понимании справедливости — сошлюсь на свежий пример реакции США и стран Евросоюза на казнь Саддама Хусейна).

Ещё один, чисто политический аспект проблемы справедливости. Россия — большая, очень большая страна. И только в таком виде способна себя ощущать (то есть — жить). Между тем Запад, с которым у нас и ведутся главные идеологические споры, в том числе и по поводу справедливости, состоит как из примерно сопоставимых с Россией по совокупности основных показателей развития стран (великих держав), так и из множества гораздо меньших, но не менее активных социально и идеологически. Например, в маленькой Голландии начинается многое из того, что потом становится нормой для всего Евросоюза. И очевидно, что малые страны Запада идентичные по форме и сути действия России и «своих» великих держав рассматривают с точки зрения справедливости-несправедливости прямо противоположным образом (яркие примеры — военные акции в Афганистане России-СССР и НАТО или вопрос о признании независимости Косово и Абхазии или Южной Осетии).

В связи с этим отмечу, что по-прежнему, по крайней мере в международной практике, нет никаких «всеевропейских ценностей» (это выражение употребляет Владислав Сурков в своей статье, не желая, видимо, пользоваться дискредитировавшим себя в нашем общественном мнении термином «общеевропейские ценности»).

Словом, если и далее в своём идеологическом проектировании Сурков намерен использовать понятие «справедливость» (а как без него в России?), то ему прежде необходимо прояснить свою позицию на сей счёт. И тут не обойтись, даже при переходе на западный политический лексикон, без синонимичного русского термина «правда», вовсе не используемого в статье.

В разделе «Дополнение» автор пишет: «Краткими определениями суверенной демократии способны служить почти буквальные переводы этого термина на старомодный («само-

428

державие народа») и современный («правление свободных людей») русский язык». В этом утверждении, на мой взгляд, как минимум две неточности.

Я — один из тех, кто предложил использовать как русский аналог термина «суверенная демократия» русское (в том числе — исторически-русское) «самодержавное самоуправление», где «суверенитет» есть «самодержавие», или (менее монархическое) «самостояние» (вспомним пушкинское: «Самостоянье человека — залог величия его»), а «демократия» — «самоуправление» (народа). Это точнее и полнее, чем «самодержавие народа», не различающее внешнюю и внутреннюю субъектность, точнее — вообще игнорирующее международный аспект проблемы.

Что касается «современного» «правления свободных людей», то что же здесь современного? Разве это не принцип демократии ещё античного полиса (где жили и рабы, а правила исключительно свободные граждане) или республиканского Рима? Современная демократия (по крайней мере с введением всеобщего избирательного права) как раз уравнила в претензиях на правление «свободных» и «несвободных», реакцией на что, кстати, и стало появление современных форм манипуляции электоральным поведением прежде всего «несвободных». А на выборах в местные органы власти в Евросоюзе современная демократия даже уравнила в правах ненатурализовавшихся иммигрантов с гражданами европейских стран.

«Правление свободных людей» — либо неточная формулировка, либо эвфемизм для современного аристократизма (пусть только «элитизма» или — демократичнее? — меритократии). Кстати, именно эту проблему полностью обходит в своей статье Владислав Сурков. Тем более о ней не упоминает ни один современный политический деятель России. А, например, авторы «Русской доктрины» прямо заявляют, что их план общественно-государственного устройства России строится на принципах демократии, аристократизма и авторитаризма, в частности, и потому, что нигде и никогда в чистом виде демократического правления не было, нет и быть не может.

Я понимаю, что представителям официальной власти России приходится сегодня постоянно оправдываться перед Западом в чистоте своих демократических идей и планов, что

429

сделать невозможно, ибо чистоты такой нет на практике и не может быть в теории. Ну так перед Западом сколько ни оправдывайся, он всё равно нам не поверит — именно в этом пункте, в недоверии к России и боязни её, его кретинизм почти беспределен. Не лучше ли некоторые вещи не только делать смелее, но и определять откровеннее, честнее? В конечном итоге не доверие Запада нужно завоевать

российской власти, а доверие собственного населения. Во-первых, этого будет достаточно и для конкуренции с Западом. А во-вторых, от собственного населения что скроешь рассуждениями о всеобщей демократии и свободных людях?

Поэтому я совершенно не согласен с последними словами Суркова в следующем пассаже: «В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо». Как может быть «по тону приемлемо» то, что «по природе свободно»? Да никак в большинстве случаев! Запад погряз в пучине политикорректности, однако там всё-таки сохраняют право за сотней-другой интеллектуалов и даже за некоторыми политиками называть вещи своими именами. «Приемлемо по тону» можно и должно объясняться в любви, но и то лишь в случае, если рассчитываешь на взаимность, каковой нам от Запада пока ждать не приходится. А в политике тон должен соответствовать остроте проблемы и по крайней мере не быть ниже тона оппонента или конкурента — иное воспринимается как слабость или лживая изворотливость.

Дефицит честности на фоне постоянных рассуждений о демократии, свободе печати и гражданских правах сегодня настолько громаден как раз на Западе, что быть просто максимально честным (но в разумных пределах, чтобы твоей честностью не воспользовались оппоненты и прямые враги) — это уже в лучшую сторону выделиться в сравнении с другими. И это ещё только внешний выигрыш — главное-то в том, что честная постановка проблемы есть предпосылка её успешного решения.

В одной из сносок к тексту статьи Владислав Сурков справедливо отмечает, что «Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской сущностью её культуры». Но далее продолжает: «Не было никакого поражения» (в холодной войне). Как же не было? Было,

430

причём сильнейшее (государство распалось, идеология порушилась, общественная мораль практически исчезла: раз нет государства, то всё позволено; об экономических и других последствиях уже и не говорю). И «введение демократии» «больше дерзостью, чем расчётом», по остроумному и точному выражению Суркова, фактически стало вторым (причём внутренним) фронтом в той холодной войне против России. Зачем же скрывать очевидное?

Вернусь вслед за автором «Национализации будущего» (кстати, не точнее ли было бы — «Суверенизации будущего») к проблемам собственно демократии. Владислав Сурков пишет (и это одна из принципиальных для него позиций): «Дизайн последних социальных моделей явно направлен к смягчению политических режимов, росту роли интеллектуального превосходства и информационного обмена, опутыванию властных иерархий саморегулируемыми сетями, короче — к демократии».

Прежде всего обратим внимание на то, что Сурков говорит о «дизайне последних социальных моделей», а не об их сущности. То есть он прямо указывает на то, что по сути-то демократического приращения в новейших социальных моделях и политических системах (разумеется, западного образца и помёта) в сравнении с прошлыми нет — демократизируется лишь дизайн, внешний облик. Но и о демократизации «дизайна» можно говорить лишь с точки зрения современного наблюдателя, сравнивающего нынешние политические режимы Запада и многих стран Востока с античными и средневековыми деспотиями или европейским тоталитаризмом первой половины XX века (итальянским, немецким, советским). Интеллектуальное превосходство играло свою роль во все времена, но даже и в наше время не всегда является гарантией успеха (на чьей стороне интеллектуальное превосходство в сегодняшней иракской ситуации? По всем формальным признакам — на стороне США. А где же победа?).

Саморегулируемые сети всегда опутывали властные иерархии (когда-то и налоги собирались не штатными чиновниками, а профессионально подготовленными «физическими лицами») — просто тогда такие структуры не называли сетями. И самыми крупными такими сетями были, конечно, религиозные и церковные организации. Например, именно они занимались и в эпоху Античности, и в Средневековье, и поз-

431

же — в иных странах вплоть до XIX-XX веков, образованием, здравоохранением, общественным призрением, наукой, не говоря уже о надзоре за общественной нравственностью. А вооружённые наёмники — разве это не типичные сетевые структуры, которым поручалось такое сугубо государственное дело, как национальная безопасность?! Какие современные неправительственные сетевые структуры могут похвастаться тем, что им так доверяет демократическое государство начала XXI века?

Словом, взаимодействие иерархий и сетей — не новация нашего времени, а извечно сосуществующие формы организации общественного и государственного порядка. Равно как авторитаризм и демократия — две равнозначимые и всегда взаимодополняющие формы управления как простыми, так и сложными системами. И в этом смысле, я бы сказал, демократии в современном Евросоюзе не больше, чем в муравейнике, а авторитаризма в сегодняшних США не меньше, чем в... даже не рискую приводить сравнение. Вот дизайн действительно разный. А главное, на мой взгляд, разное отношение к соплеменникам (соотечественникам, согражданам) и иностранцам, иноверцам, иностранцам, особенно к тем, с кем находишься в оппозиции-конкуренции. Так что истинный демократизм надо бы измерять не по внутреннему (внутрисистемному) поведению страны-нации-государства, а по проявлениям их внешней активности. Что, конечно, не отменяет очевидного различия между тираническим правлением, авторитарным и собственно демократическим.

Поэтому главный разговор о внутривластном устройстве России и её внешней политике мы должны вести всё-таки не с точки зрения дизайна, а с выявления сущности, эффективно поддерживающей жизнеспособность страны и общества.

Поэтому же наиболее адекватным представляется мне вроде бы случайно, в скобках, брошенное Сурковым определение «демократического порядка» — «целостность многообразия». А не демократическая, как и любая иная, монотонность — добавил бы я.

Внешнюю миссию российской суверенной демократии Владислав Сурков видит в том, чтобы «быть на стороне сообщества суверенных демократий (и свободного рынка) — против каких бы то ни было глобальных диктатур (и монопо-

432

лий)». Совершенно согласен, но с двумя уточнениями, одно из которых частично и в ином месте содержится в тексте самого Суркова. Первое уточнение таково: не все страны и нации претендуют на максимальную, а тем более полную суверенность, а иные и не могут на это претендовать (объективных показаний не хватает) — это есть у Суркова.

А из этого следует, что, пестуя свой полный суверенитет, Россия неизбежно противопоставляет себя тем, кто на это не претендует или не способен, то есть по отношению к ним выглядит как гегемон, хотя бы региональный. И неизбежно же ведет главную игру с иными «полными суверенами», то есть ещё больше «пренебрегает» малыми глобального мира сего. И отсюда второе уточнение: максимальным суверенитетом не может обладать отдельно взятая страна (разве что ненадолго), а только та страна, которая способна создать союз (непритворную иерархию) стран и возглавить его (стать лидером иерархии). То есть: чтобы бороться против глобальных диктатур и монополий, нужно стать по крайней мере одной из глобальных монополий и возглавить одну из глобальных иерархий — возвысить свой суверенитет над целым рядом чужих суверенитетов.

Поэтому высшим проявлением суверенитета я считаю даже не возможность абсолютной внутренней самодержавности (см. современный Китай), а способность к образованию вокруг себя и во главе с собой максимально непритворных союзов. Исторически Россия, безусловно, всегда была и до сих пор остаётся союзообразующей страной (пусть сейчас к ней открыто изъявляют желание присоединиться только три-четыре небольшие территории, но зато с готовностью бороться за это с оружием в руках). Вот по поводу чего в конечном итоге идёт конкуренция, а точнее — борьба на постсоветском пространстве. А энергоресурсы и транзитные коридоры и уж тем более демократии и стабильность — всё это не более чем тактические или оперативные цели и поводы. Я это к тому, что, претендуя на суверенную демократию, Россия не может, как утверждает Владислав Сурков, ставить своей целью «не выпасть из Европы, держаться Запада». По крайней мере до тех пор, пока Запад не считает Россию Европой и видит в ней конкурента, а не союзника себе. С 1985 года Россия сделала столько подарков Западу, что если и были у неё грехи перед ним, то искупила она их стократно. Однако и этого всё

433

мало! Как же «держаться» руки не дающего, а берущего? Разве что на коленях? Но тогда ни о какой суверенной демократии и речь вести нельзя. Нереально, да и не позволят.

Сурков то свержромантично, то чрезвычайно трезво препарирует суть Евросоюза: «Речь идёт либо о становлении устойчивой ассоциации суверенных государств (ассоциация суверенных государств неустойчива по определению. — *В. Т.*), либо (в самых смелых мечтах) о синтезе мультиэтнической евронации и её, так сказать, всесоюзном суверенитете, какими бы политкорректными эвфемизмами он ни обозначался (именно об этом речь и идёт. — *В. Т.*)».

Романтизм (всё-таки очень странный под пером Суркова, национального политтехнолога №1 и одновременно обитателя Кремля) приводит его к такому выводу: «Наднациональные и межгосударственные структуры разрастаются отнюдь не в ущерб «полноте независимости». Им делегируется не власть, как мерещится многим, а полномочия и функции. Право же делегировать (а значит, и отзывать), то есть собственно власть, остается национально-государственной». Это только в самом начале — а потом достигается точка невозврата (власти), вернуться за которую можно только в условиях глубочайшего системного кризиса «наднациональных и межгосударственных», то есть союзных, структур (как это было в пору наращивания союзными республиками собственного суверенитета за счёт слабеющего Центра в 1990-1991 годах).

А вот даже ещё более романтическое: «Образ государства, рассредоточенный из дворцов и крепостей по присутственным местам, избирательным участкам и телеэкранам, демократизируется. Массовые действия являются в большей степени итогом обсуждения и убеждения, чем принуждения». Об «образе государства», то есть его «дизайне», мы уже говорили. «Присутственные места» — это просто вынесенные за пределы дворцов и крепостей их функциональные отростки: не может же президент современной большой страны сам судить и рядить своих подданных (на срок отведённой избирательным законом легислатуры) в собственном дворце, как какой-нибудь европейский князь или герцог времен феодальной раздробленности. А как можно в чём-либо одном убедить десятки миллионов людей (избирателей), известно разве что Иисусу Христу и пророку Мухаммеду. Ну и, конечно,

434

кремлёвским небожителям «манипулирование путём упрощения» — более подходящее определение, чем «обсуждение и убеждение». Или: «упрощение» есть форма «обсуждения», а «манипулирование» — метод «убеждения». И дело не в том, что это плохо (в отличие от «хорошего» обсуждения в узком дискуссионном клубе), а в том, что иначе управление массами не-воз-мож-но. Не только из Кремля, но и из washingtonского Белого дома, из брюссельских и страсбургских дворцов Евросоюза.

Конечно, Владиславу Суркову это известно не хуже, чем мне. И я совсем не понимаю, зачем данные пассажи появились в его статье.

Тем более что вслед за ними следует абсолютно правильное и чеканное: «Что касается России, прочное иновластие здесь немыслимо»; для российского общества «суверенитет — гражданская ценность». «Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России. Так же как и центр власти над её настоящим и будущим».

Первые два утверждения заслуживают многих страниц — но не доказательств только (их в избытке), а развития и, я бы сказал, декламации.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Пожалуй, если я и дальше буду столь подробно разбирать статью Владислава Суркова, читатели не доберутся до конца моей статьи. Поэтому далее — галопом.

«Желательно, чтобы поднятая Президентом идея сбережения народа была расслышана обществом в полном объёме...» Конечно, следовало сослаться на автора и идеи, и самой формулы Александра Солженицына, тем более что Владимир Путин в своём последнем президентском послании артикулировал это имя и именно в этой связи чётко и определённо.

«Впервые за тысячу лет наше общество так свободно». В целом, может быть, и так. А в отдельных своих частях? И потом — «свободно» или атомизировано? Вакуум, безусловно, свободнее вещества, но его «свобода» есть лишь пространство для заполнения чем-то. А так ведь мы и как популяция вакуумизируемся. Значит ли это, что освобождаемся? От будущего — точно.

435

О сегодняшней России: «Усложнение реальности». А многие, и не без серьёзной аргументации, говорят о прямо противоположном — о варваризации, то есть упрощении. Впрочем, в сравнении со стерильностью застоя варваризация, конечно, усложнение. Но всё-таки слишком примитивное.

«Национальная солидарность на основе общих ценностей свободы, справедливости и материального благополучия». Солидарность на основе материального благополучия не есть солидарность. Более того — материальное благополучие, скорее, разделяет, чем объединяет (не в смысле потребительского рынка, а именно в смысле солидарности сверх благотворительности). Поэтому и существует вопрос о справедливости, то есть о том, как, в частности, разделить малое среди многих; чем и при каких обстоятельствах должно жертвовать; жертвовать ли своим ради чужого либо чужим ради своего?

«Первые шаги российской свободы обнадеживают». Прямо скажем, не очень. Путинская «полусвобода» обнадеживает больше — я это утверждаю без всякой иронии.

«Творческое сословие свободных людей как ведущий слой нации». Опять: это всё-таки аристократия, меритократия, новая бюрократия? Как в это творческое сословие попасть? Собственными только усилиями? Или государство поможет (создаст «социальные лифты»)? А по благу по-прежнему тоже можно?

Раздел «Русские» трактует национальные и межнациональные проблемы России в целом правильно, но слишком общо и политкорректно, излишне пропагандистски. Я бы настаивал на том, что национализмы вообще, в том числе и собственно русский, отменить или запретить нельзя. Просто (но сделать это сложно) нужно выстроить иерархию объективно и субъективно наличествующих в России национализмов — совершенно по подобию той иерархии, о которой я говорил, касаясь имманентной исторической способности России к образованию внешних союзов и лидерству в них. Вот и в данном случае речь должна идти о «союзе национализмов», но только ещё более сплочённом, чем любой внешний союз.

Последнее из моих галопирующих замечаний обращено к начальным абзацам статьи Суркова. Несмотря на хорошо известные претензии к то ли российской, то ли кремлёвской

436

«доморощенности» концепции суверенной демократии, а потому её «ущербности» (мифической), неискренности (сильно преувеличенной) или спекулятивности (в общем-то, всякая концепция спекулятивна, но данная — на порядки менее, чем ельцинская мимикрия под Запад или бессмысленные выкладки о том, что как бы легко было в России создать процветающую экономику, кабы не нефть и газ, тем более что исходят эти выкладки от тех, кто от своих нефтяных и газовых доходов отказаться не хочет), несмотря на всё это и другие упрёки суверенной демократии и её автору, не стоит выводить её родословную ни из слов госсекретаря США от 1994 года (тем более, что относятся они если и к демократиям, то очень быстро отдавшим или обменявшим свой суверенитет), ни даже из слов председателя Европейской комиссии от 2004 года. Термины, может быть, и совпадают. Может быть, даже всплыли они из подсознания в сознание от читанного когда-то, но смысл обрели существенно иной. И самоуничижение тут паче гордыни.

Тем более что сам автор статьи справедливо декларирует: «Нужно утвердить собственные позиции в философском, социо- и политологическом дискурсах Запада». Не Запада, правда, только, а в дискурсах всей евроатлантической цивилизации, а прежде всего — в самих себе, в своих собственных дискурсах.

Не видя особых достижений в реализации этой цели, политтехнолог, аппаратчик и, конечно, давно уже политик Владислав Сурков взялся за дело сам. И оправдываться здесь не в чем и не перед кем. Путь не был заказан никому — разве что информационный ресурс у данного автора больше, но, положила руку на сердце, разве в данном случае он им злоупотреблял?

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ УТОЧНЕНИЕ

Последние слова статьи Владислава Суркова (за ними, правда, следует постскрипtum) таковы: «Мы обязаны... проложить России путь наверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих

историю».

«Наверху», причём «на самом верху», Россия находится как минимум последние 500 лет (когда считанные годы, когда — как сейчас — пара десятилетий падения не в счёт, хотя

437

нынешнее, безусловно, подзатянулось). В сообществе «креативных наций, направляющих историю», — не менее того же срока. И «креатива, направляющего историю», у России порой было даже с лишком. А вот проложить «путь в будущее» России, безусловно, сегодня необходимо. Тут тревога справедливая и нешуточная. И императив сформулирован верно.

Чертёж Суркова, может быть, местами и запутан, в том числе в смешении оперативного и стратегического, но в основном своём абрисе точен. Этого не признать нельзя. Значит, с ним, с чертежом, можно и нужно работать. Другого-то, если быть честным, пока не имеем.

438

Раздел 5. КАЗУС ПУТИНА. АНТИЕЛЬЦИН

439

Вся правда о Путине

Для тех, кто считает, что «мы его не знаем»

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 16.02.2000

Редакция «НГ», и так не страдающая от недостатка материалов, сейчас буквально завалена статьями на тему «Кто вы, товарищ (господин — в случае наличия у автора некоторых симпатий к и. о. президента) Путин?»

Лично я уже устал слушать рассуждения о том, что «мы Путина не знаем».

Во-первых, чаще других об этом говорят люди, которые лучше других знают Путина (политики) или уже обладают достаточной информацией, чтобы его знать (политологи).

Например, могу ли я считать, что Евгений Примаков, утверждающий, что «мы» мало знаем о Путине, вполне искренен? Ведь пока Примаков был премьер-министром, Путин работал директором ФСБ. А до того Евгений Максимович контактировал с ним в качестве главы российского МИДа — оба были министрами «со звездочкой», президентскими министрами. Чего же более?

Если «мы» не знаем Путина, то пусть Евгений Максимович нас просветит. Он — не знать Путина не может.

Или Юрий Лужков, тоже заявивший во всеуслышание, что Путин — для него нечто вроде НЛО. Сам же за два дня до этого уфологического заявления чуть ли не два часа с Путиным беседовал, до того — привечал его на своей инаугурации, до того боролся с ним, как и со всей прочей кремлевской камарильей, всю осень. Не знал, с кем боролся? А еще сокровенная информация лужковских агентов (а ведь каждый крупный политик у нас имеет свою сеть агентов в Кремле, в Белом доме, даже в более укромных местах). И всё не знает?

440

Нам, простым москвичам, мэру столицы и шефу «Отечества» должен бы рассказать всю правду о Путине, коль скоро мы, простые, сдуру и от незнания можем за него проголосовать. А Юрий Михайлович от нас ждет правды.

Это какую же правду я, например, могу о Путине рассказать Лужкову или Примакову?

Конечно, все наверху о Путине всё знают. Ну не всё — главное. Не знают только одного — что, может быть, для них и есть самое главное? — как Путин поступит лично с ними после 26 марта. Это знание, конечно, дорогого стоит, но к всенародной правде о Путине оно имеет малое отношение.

Абсурдность затянувшихся рассуждений о Путине как о некоей «терра инкогнита» почувствовал даже Евгений Киселев, сам приложивший немало усилий на создание и раздувание этого мифа.

Словно Беллинсгаузен и Лазарев, открывшие Антарктиду, он в воскресных «Итогах» поделился с телезрителями своими первыми впечатлениями об увиденном им где-то на горизонте кусочке белого континента.

Хватит. Надоело.

Если того, что говорит и делает ВВП, кому-то недостаточно, я объясняю для самых бестолковых, что такое этот ВВП и что он будет делать после 26 марта.

Информации для этого более чем достаточно. Более чем.

И интерпретировать ее легко. Как и о большинстве других политиков — с нашим-то опытом «краткого курса ельцинизма»!

Конечно, не всё, о чем сегодня говорит Путин, завтра он будет делать. Как и тот же Юрий Лужков. Стань Лужков президентом, не взялся же бы он штурмовать Перекоп и давать независимость Чечне. Но, с другой стороны, ясно, что ОРТ у Березовского отобрал бы, Доренко оттуда выгнал, поставил бы вместо него Хинштейна — сделал бы, словом, сплошной ТВ-Центр.

Но вернусь к Путину.

Что мы о нем уже знаем? Немало.

Он выходец из КГБ-ФСБ. Молод. Работоспособен. Трудился вместе с либерал-радикалами. Как политик и функционер сформировался не в советское время, даже не в перестройку — в период ельцинских реформ.

Он жестче, чем мягкий генерал Бордюжа, за что и получил его место секретаря Совета безопасности.

441

Он назван Ельциным преемником — более того, Ельцин фактически в его пользу отказался от власти. Кандидатура Путина была одобрена Семейей.

Он жестко, несмотря на нарастающую критику, провел операцию в Чечне.

Он сказал, что террористов будет мочить даже в сортире, хотя это не эстетично и, судя по всему, есть нарушение права террористов на свободное справление нужды.

Он сто раз повторил, что вопрос целостности России не обсуждается. И уже десятки раз повторил

слова о своей приверженности рыночным реформам, правам человека и гражданским свободам.

Кроме того, он обнародовал свою большую и весьма показательную статью.

Я могу перечислять еще десятки примеров вполне определенных слов и дел Путина. Но и сказанного хватит — любой легко вспомнит остальное.

Теперь — что такое Путин? Ответ главный, вбирающий в себя всё остальное: Путин — государственный, или державник. Всё иное в нем, включая знание немецкого языка, катание на горных лыжах, посещение церкви, дочек, играющих на скрипке, встреч с Михалковым-Кончаловским и Гергиевым и прочая и прочая, — второстепенное.

Что будет делать Путин после 26 марта?

Он будет делать всё, что будет полезно с его точки зрения для укрепления России как государства и как нации. Всё. Этой главной цели будет подчинена вся его деятельность.

Но он будет делать это «всё» не просто по собственному хотению, а:

1) исходя из реальных возможностей России (если чеченских террористов можно добить, то будем их добивать, а с Советом Европы — менее значимая проблема, разберемся — не в смысле «мочения» — потом);

2) исходя из того, что эффективно сегодня для укрепления России как государства и нации: если эффективна либеральная экономика — будет либеральная; если выяснится, что эффективнее мобилизационная — будет мобилизационная;

3) исходя из реальных условий, в которых существует сегодня Россия в мире, и правил игры, принятых в этом мире: открытость границ, Интернет, глобализация, гражданские свободы, права человека, свободные СМИ и т. п. Путин зна-

442

ет, что железного занавеса давно нет и воссоздать его невозможно; что властного ресурса на введение диктатуры ради отложенной демократии в стране просто нет;

4) наконец, исходя из того простого постулата, что «правила игры» в мире создают сильные, а выполнять их заставляют слабых. Сами же сильные в случае нужды (угрозы своим интересам) эти правила нарушают. Иногда беспардонно — врубая для прикрытия пропаганду на всю мощь (Косово), иногда скрытно, иногда, что особенно модно сейчас, точно. На сей случай (нарушения «правил игры») есть и специальное правило. Собственно, я его уже сформулировал: для того чтобы нарушать «правила игры», нужно быть сильным или (примечание первое и оно же последнее) казаться сильным.

Что здесь неясного? Какая «терра инкогнита»?

Может быть, вам нужны конкретные ответы на совсем уж конкретные вопросы?

Можно и конкретные.

Попытается ли Путин освободиться от пут Семьи и олигархов?

Непременно.

Будет ли нарушать права журналистов?

Не будет. Если только это не зарубежный журналист без документов, вступающий в контакт с врагом, в результате чего солдаты армии России выглядят не как освободители (на своей территории), а как ищащие ада.

Почему в этом случае Путин будет действовать так? По той простой причине, что целостность России для него есть условие сохранения России и государства в ней, есть необходимое условие для того, чтобы в этой России была свобода слова. Свобода слова без России Путину не нужна. Нужна только вместе с Россией.

И по второй, еще более простой, но не менее важной причине: потому что солдаты на смерть за свободу слова не пойдут (а войны без смертей не бывает — это не Путин придумал). А пойдут они на смерть (и генералы их — даже под осуждающими взорами матерей — пошлют на возможную смерть) — за Родину и за жизнь своих семей. В любой стране мира, а не только в России.

Что здесь непонятного?

На днях я слышал (или читал) рассуждения одного журналиста об аморальности российских властей в истории с Ба-

443

бицким, что не ново. Ново было то, что этот журналист тут же дал эталонный, как ему казалось, пример обратного свойства — пример сверхгуманизма. Естественно, американский. Пример был такой: фильм Спилберга «Спасти рядового Райана», где, как известно, американцы проводят спецоперацию по спасению солдата потому, что он — единственный сын у своих родителей, американцев же. Журналист-гуманист даже не заметил, что его пример, мало того что сравнивает киносказку с реальной жизнью (у нас вообще «гуманисты» знают Америку только по кинофильмам) — этот пример, напротив, свидетельствует в пользу Путина или тех, кто в наших реальных условиях делом Бабицкого занимался. Они тоже спасали российских солдат для страны и для их родителей, жертвуя всем остальным. Фильм Спилберга ведь не называется «Спасти журналиста Райана». И уж тем более не «Спасти русского журналиста Райана».

Я знаю, почему четыре гиганта мысли и столпа русской демократии (Чубайс, Касьянов, Кириенко, Титов) стушевались в Давосе, когда из зала прозвучал вопрос: «Кто такой Путин? Чистый ли он лист и кто будет на этом листе писать?» Не потому, что они не знают, кто такой Путин. Они постеснялись сказать правду. И еще им показалось, что их не поймут. А также им почудилось, что ВВП не понравится, если о нем скажут правду.

Я не стесняюсь. Мне не кажется, что меня не поймут, — я знаю, что многие не захотят понять. Мне всё равно, понравится или нет ВВП то, что я написал.

Две ремарки в конце.

Первая. Владимир Путин — очевидно, современный русский политик западного толка, то есть он ценит силу и знает, когда общественным мнением можно пренебречь, а когда нельзя.

Вторая. А что бы сделали (даже в фильме Спилберга) американцы с теми, кто отрезал бы голову американскому солдату Райану? Может, тогда и сюжет фильма был бы другой?

Что вам еще сказать о Владимире Путине?

По-моему, вполне достаточно, чтобы каждый мог осознанно принять решение, голосовать за него или нет.

444

Разговор Голиафа с Левиафаном

Блеск и нищета политической философии Владимира Путина

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 11.07.2000

Выступив с речью, представляющей президентское послание Федеральному собранию на 2000 год, Владимир Путин фактически изложил в самом сжатом виде свою политическую философию на весь срок своего правления, а не только на 2000 год.

В самой этой философии нет ничего нового для тех, кто хотя мало-мальски внимательно следил за словами и делами Путина, начиная с момента назначения его главой правительства, а то, что слышал и видел, анализировал хоть в какой-то мере объективно — не обольщаясь и не толкуя заведомо предвзято.

Кажется, вопрос «Кто такой Путин?» должен быть снят даже самыми непонятливыми.

Сначала суммирую самые принципиальные, на мой взгляд, пункты этой философии, используя, в частности, некоторые определения из своих предыдущих статей, посвященных ВВП.

А затем попробую показать блеск и нищету этой философии, ибо она отмечена и тем и другим, причем не только по причине объективной однобокости всякой политической философии, но и потому, что ряд существенных моментов, в нее заложенных или в ней проигнорированных, и создает ту политическую напряженность, которая сопровождает движение по палатам парламента путинской «федеральной реформы».

«ГОСУДАРСТВО РОССИЯ»

Достаточно определенно, хоть и слишком лапидарно, квинтэссенция путинской философии

445

выражена в придуманном, надо думать, им самим рабочем названии послания — «Государство Россия». Более развернуто это выглядит так (причем не примерно так, а точно так), как я расшифрую ниже.

Возрождение России как великой страны, сильного государства (державы) и процветающей нации.

Эта цель первична — все остальное вторично, принимается, если способствует ее реализации.

Из прошлого отвергается только то, что не работает на заявленную цель, и отвергается не по идеологическим или моральным, а по сугубо прагматическим причинам. Коммунистическая экономика — потому, что она не выдержала конкуренции с рыночной. Советская система — потому, что она потребует отказа от демократии, к которой привыкли люди, особенно элиты, да и сам Путин, а также потому, что она не предотвратила распада страны. Ельцинский анархо-олигархизм — потому, что он не обеспечил процветания страны, поставил Россию в зависимость от Запада, не гарантирует целостности территории и лишает центральную власть смысла существования.

Но и глумления над прошлым (ни царистским, ни советским, ни ельцинским) не будет — всё это этапы истории страны, скорее всего, объективно неизбежные. Путин жестко раскритиковал ельцинское десятилетие, но не осмелел, а даже оправдал, хотя, видимо, и не вполне искренне.

Жизнь мира есть жесткая борьба (в том числе и в виде сотрудничества) за выживание и процветание собственных народов. Слабые проигрывают, слабых не уважают (а оттого они проигрывают еще быстрее и вернее) и подчиняют себе более сильные.

Размер территории есть первый, визуально очевидный показатель силы или слабости.

Путин очень коротко остановился на проблеме Чечни и исключительно — в этом аспекте. Ибо все остальные узлы чеченской проблемы для него вторичны и третичны. Но вопрос территории — вне обсуждения, ибо без территории нет страны.

Так же, как нет страны без народа, без населения. Первой из проблем, которой коснулся (причем гораздо подробнее и эмоциональнее, чем даже Чечни) в своем выступлении Путин, стала именно депопуляция России. Процесс этот идет

446

не первый год. Но до Путина ни Ельцин, ни кто-либо другой из первых лиц государства никогда не осмеливался коснуться этой темы.

Ключ к возрождению и процветанию страны — рыночная экономика, сильное (в смысле эффективности) государство, определяющее приоритеты развития, контролирующее и корректирующее это развитие, и демократия и гражданское общество в пределах, не мешающих достижению главной цели.

Политика есть не самодеятельность масс, а тем более каких-то отдельных территорий или экономических субъектов, соприкасающихся с политикой, а дело государственное. Вот откуда возникают не

раз уже повторенная мысль о необходимости создания партий и (в предположительной форме) идея о выдвижении исключительно ими кандидатов на пост президента.

Все должны сотрудничать с государством, и никто — противостоять ему.

Государство понимается Путиным (как президентом, выходящим из спецслужб и патриотом русско-советской заправки) не как сонм чиновников, а как синоним страны, ее символ, ее вождь, показатель ее благополучия. Если государство благополучно, то благополучна и страна. Следовательно, добившись благополучия государства (включая эффективность деятельности аппарата) — добьешься благополучия страны в целом.

Свободы — разрешено всё, что не противоречит закону, если (второе условие) не противостоит реализации главной цели.

Если СМИ свободны от цензуры государства, то они должны быть свободны от целенаправленной цензуры (или политического управления) других субъектов, особенно если это ведет к такой их деятельности, которая государством (иногда — населением) воспринимается как антигосударственная.

«Нулевой вариант» (в собственности и политической активности) соблюдается де-факто, но при трех условиях, каждое из которых обязательно: 1) если он не противоречит реализации главной цели; 2) если управление собственностью эффективно; 3) если держатель собственности лоялен государству как собственник и как политик.

447

Наконец, последнее (не проартикулированное Путиным, но подразумеваемое): Левиафан (государственная бюрократия) должна подчиниться Голиафу (президенту). Почему? Потому что президент — помазанник народа. И еще потому, что если будет наоборот, то разнонаправленная и эгоистическая активность бюрократии разорвет страну. В этом смысле Путин отделяет бюрократию от государства. Более того — он противопоставляет их.

ПУТИН КАК ГЕГЕЛЬЯНЕЦ И ПУШКИНИСТ

Путин хочет построить идеальное государство, в котором будут воплощены и через деятельность которого будут реализовываться все основные интересы нации и страны.

Будет государство — будет страна — будет нация — будут счастливы и обеспечены люди этой страны.

Не может быть счастливых и обеспеченных людей (по крайней мере этой национальности, то есть в данном контексте — россиян, а не русских только), если не будет нации, а ее не может быть без страны, а ее — без государства, которое единственное охраняет всё, что внутри него, от покушений со стороны и изнутри.

Государство для Путина есть цепной пес нации и страны, следовательно, и цепной пес демократии и рынка, если страна выбрала эти формы политического и экономического устройства.

Кроме того, Путин, как и Пушкин, считает, что правительство (то есть центральная власть) самый большой европеец в России и в смысле демократичности, и в смысле осознания, формулирования и реализации интересов нации.

* * *

Всё в политической философии Путина логично, но не всё убедительно, в том числе и в реальностях сегодняшней России. Эту неубедительность многие чувствуют, некоторые — критикуют, некоторые — прямо клеймят.

Путин судит по прецеденту: из демократического хаоса в России родилась не демократия, а что-то иное; рука рынка автоматически не столько укрепила, сколько разрушила экономику страны; и так далее.

Следовательно, нужна всё-таки управляемая (но не манипулятивная) демократия. Следовательно, рукой рынка долж-

448

на руководить голова. Причем одна, а не десять и не сотня. А одна голова — это власть (по-путински — государство).

Кроме того, Путин знает, насколько активно вмешивается государство во все сферы жизни на Западе (и тем более — даже в процветающих странах Востока).

Критики Путина исходят из двух главных посылок, тоже реальных. Во-первых, они считают, что коль скоро они сумели добиться процветания в рамках ельцинской системы, то есть без сильного государства, то это могут сделать и другие. Следовательно — в принципе система верна, лишь разбалансирована. Во-вторых, они считают себя большими европейцами, чем Путин и уж тем более чем какое-то государство.

Путин им возражает (прямо в своей речи): но ведь это государство (то, ельцинское) развратило нацию и разорило страну и людей. В силу своей слабости, неэффективности. Поэтому надо устранить эту помеху (слабость, неэффективность). Следующее возражение он не высказал, но, безусловно, имеет в виду: вы стали богаты и счастливы от государства, от его щедрот, а у других такой возможности не было и уже не будет. Следовательно, ваш пример — другим не наука.

Словом, как всегда в России, — правы все. А счастья всё нет.

БЛЕСК ФИЛОСОФИИ ПУТИНА

Путин, в отличие от Ельцина, четко осознает во всей их остроте главные проблемы, стоящие перед Россией. Он также видит и все противоречия и провалы ельцинского периода.

Путин предельно целеустремлен. Он полон решимости вывести Россию из кризиса во что бы то ни

стало — апатии и сибаритству «эпохи Ельцина» приходит конец.

Путин правильно ориентируется в изъянах сложившегося при Ельцине государственного устройства и стремится использовать имеющийся у него на ближайший год кредит доверия избирателей для исправления ошибок в форсированном режиме.

Путин продемонстрировал, что обязательства, возникшие у него перед теми, кто поддерживал его во время избирательной кампании, не абсолютны. Они заканчиваются там и тогда —

449

да, где и когда прекращается эффективная работа или проявляется нелояльность стратегической линии президента.

Путин категорично подтверждает свою верность основным принципам демократии, делая (неявно) лишь единственную оговорку: если их реализация не противоречит возрождению мощи и благополучия России.

Путин правильно определяет и важнейшую прикладную цель своего президентства — овладеть Левиафаном бюрократии. С одной стороны — подчинить его воле государства, то есть центральной власти. С другой стороны — обеспечить ее, бюрократию, легальными доходами высокого уровня, дабы не вводить в иску corruption и иметь моральное право за коррупцию карать.

Наконец, Путин, безусловно, стоит за воплощение в жизнь радикальной рыночной реформы, дабы раз и навсегда решить проблемы экономики в стране.

НИЩЕТА ТОЙ ЖЕ ФИЛОСОФИИ

Путина сейчас (и в связи с его посланием Федеральному собранию) критикуют в основном конъюнктурно. Например, те, кто уговаривал его вступить в переговоры с Масхадовым, не одобряют его выбора в качестве главы Чечни Кадырова, который был одним из полевых командиров в прошлую войну.

Или: Путин недоволен «антигосударственной политикой» некоторых СМИ, но то, что он определяет как «антигосударственная политика», говорит Евгений Киселев, есть политика как раз государственная — просто президент со своими эфэсбэшными мозгами этого не понимает.

И еще говорят Путину: как несправедливо намерение выселить губернаторов из Совета Федерации — кто лучше их может представлять интересы территорий, кто лучше их способен здоровым консерватизмом смикшировать сумасшедшие шараханья Думы и Кремля? Между тем предложенная Путиным достаточно фантазмагоричная (а фантазмагоричность заложена ельцинской Конституцией, словечком «формирует», введенным в нее) новая схема формирования Совета Федерации как раз и открывает путь в верхнюю палату парламента нынешним губернаторам, после того как они перестанут таковыми быть. И все, увлеченные борьбой

450

с «диктатурой Путина», как-то сразу забыли о недавних собственных филиппиках по адресу «диктатур губернаторов». А ведь когда одни диктаторы борются с другим, надо смотреть глубже банального уровня: дескать, 89 диктаторов — это плюрализм и демократия, а один диктатор — диктатура.

Между тем, у путинской политической философии есть реальные изъяны. Наиболее четко на них указал в своем открытом письме президенту Борис Березовский — сенаторы осмелели лишь после этого письма.

Однако и Березовский не столп истины. Есть такие изъяны путинской политической философии (и в речи на представлении президентского послания они проявились отчетливо), которые, если я не ошибаюсь, пока публично еще не отмечались.

Прежде всего, о самой политической реформе, задуманной Путиным. По смыслу и основным направлениям она и позитивна, и логична, и реально нацелена на исправление изъянов ельцинской модели государственного устройства.

Но реформу можно проводить революционно, меняя законы и Конституцию, что, как правило, создает напряженность по крайней мере в элите, а можно под сурдинку, путем поправок и мягких корректировок, что не подтачивает политическую стабильность. Второй путь чаще оказывается эффективнее.

Далее. Справедливо говоря о необходимости усиления (или повышении эффективности) государства, Путин, как я уже отмечал, видит в своем сознании некое идеальное государство, одновременно и эффективное, и справедливое, и гуманное. Но такие государства бывают лишь в схемах или мечтах и никогда в жизни. Идеальное государство, тем более в России, построить нельзя. И не нужно эту цель ставить. Тем более что для одних (бюрократии) это отдает утопизмом, а для других (демократов) — тоталитаризмом.

Вообще нужно быть осторожнее с терминами и словами. Особенно когда их произносит президент, а не глава, например, ФСБ. Понятно отношение Путина к «некоторым СМИ», но совсем необязательно, более того — противопоказано высказывать это отношение вслух. Президент должен только хвалить прессу, только хвалить. Это правило, практически не знающее исключений.

Это по форме. А по сути — пресса действительно имеет право писать всё, что считает нужным. Это может создавать

451

власти и даже стране проблемы, но суммарно пользы от свободы слова гораздо больше, чем от ее ограничения.

Путин, судя по всему, понимает разницу между обществом вообще и гражданским обществом, а

также между гражданским обществом и официальными демократическими институтами (парламент, выборы, политические свободы и проч.). Но, кажется, он не понимает или не хочет понимать, что и губернаторы, и олигархи лишь одной своей половиной являются субъектами политики, частично нелегитимными, частично излишне автономными от центральной власти, частично подменяющими эту власть. Но другой своей половиной и губернаторы, и олигархи — представители, более того — активные члены как раз гражданского общества, то есть общества, живущего на одной территории с государством, но не зависящие от него в повседневной, неполитической жизни. Совершенно понятно, что сотрудники «Медиа-МОСТа», чье материальное благополучие зависит в первую очередь не от Кремля, а от Гусинского, считают покушение на его свободу покушением и на свою свободу. Другое дело, что этим сотрудникам нужно понимать, что если сам Гусинский и «Медиа-МОСТ» в целом претендуют на роль субъектов политики, то их частная жизнь (и тем более работа) попадает в зависимость от политической борьбы.

Ясно также, что губернаторы, требующие демократии для себя, не хотят дать ее тем, кто живет на территориях, где они царствуют, давя и третируя и так-то не выращенное государством местное самоуправление. Поэтому олигархическая и губернаторская автономии суть квазигражданское общество, но иного, кроме низовой заброшенности людей, которые не зависят от государства просто потому, что оно ими не интересуется, у нас нет.

Путин ничего не сказал ни на сей раз, ни до того, как он и его идеальное государство собираются формировать настоящее гражданское общество, члены которого под именем «народ», видимо, воспринимаются Путиным как его самый надежный союзник. Но пока это союзник лишь на основе отрицания «прелестей» ельцинского периода, не более.

Конечно, и олигархов, и губернаторов надо поставить на место. Но зачем же массово терять их как союзников? Бесспорно, значительная часть из них притворными союзниками президента останутся, но ведь реформы нужно не толь-

452

ко провести через Федеральное собрание, но и реализовать. И тут-то «идеальное государство» Путина вынуждено будет столкнуться с вполне реальными Бюрократией, Губернаторами и Олигархами, которых «идеалами» не убедишь и не победишь.

Путин провозгласил замечательную цель — борьба за выживание нации, обозначив опасность — депопуляция страны. Но как эта борьба будет вестись? Построением эффективного государства? От этого дети не рождаются.

Провозгласив такую цель и не изложив (а ведь это могло бы стать настоящей сенсацией) государственную программу повышения рождаемости, Путин продемонстрировал декларативность, если даже не голую идеологизированность, своего предложения.

Для быстрого возрождения величия России Путин предлагает создание инструмента — эффективного государства. Но, во-первых, это инструмент необходимый, но недостаточный. Во-вторых, обожествляя этот инструмент и абсолютизируя его достоинства, президент рискует целых два срока увлеченно совершенствовать этот инструмент, так и не добившись его искомой идеальности. А реальная политика будет проводиться обычными методами.

* * *

Выступая в Кремле со своим президентским посланием перед виднейшими представителями российского Левиафана, Голиаф-Путин, безусловно, помимо всего прочего, еще раз попытался зафиксировать новую границу власти президента. Это нормально для нового человека в Кремле. На его месте так поступил бы каждый.

Дело теперь за малым. Перевести политическую философию в политическую практику. Самое пристрастное отношение к ней Путин себе обеспечил. Можно не сомневаться — всякое лыко будет поставлено ему в строку.

И это нормально. Блеск политической философии Путина от этого не померкнет, а нищета — снивелируется или даже исчезнет. А победят всё равно те идеи, на которые отзовется общество. Не исключая даже и губернаторов.

453

Режим Путина и Россия (1)

Антиельцинизм как догма и как творческое учение

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 13.09.2000

В определенных политических кругах Москвы, назовем их близкими к либеральным и демократическим, висит какое-то тяжелое и одновременно ироническое недоумение. Дескать, что-то идет не так, не в ту сторону, не к тем целям, не теми методами.

Всё это напоминает досаду озабоченного многими делами человека, который, выйдя без зонта на улицу и попав в дождь, чертыхается: «Но ведь прогноз погоды был хороший! И поясницу у тещи не ломило! Почему, черт побери, всё так плохо, сыро, неясно?»

Кто его заставлял верить синоптикам, да еще всем подряд? Почему тещина поясница надежнее логики и здравого смысла? Отчего не выглянул накануне в окно — небо-то уже было затянуто облаками.

Сегодняшний дождь (а для кого-то, напротив, солнце) — следствие, причем неизбежное, того, что

ему предшествовало. И погода завтрашняя тоже будет не той, какой хочется или, наоборот, какой лучше бы не было. Она будет такой, какая только и может быть в сложившихся политических (простите, климатических) условиях.

Сиюминутно анализируя ситуацию с верховной властью России — можно испытывать недоумение и раздражение. Но стоит обернуться назад — сразу станет ясно, как мы дошли до жизни такой.

Другое дело, как эту «такую» жизнь оценивать, как к ней относиться, пытаться ли ей противостоять, или просто плыть по течению, или возводить плотины на самых опасных поворотах течения.

454

В этом, а не в оценке нынешнего положения дел — гражданский и политический выбор каждого.

МЫ В СЕРЕДИНЕ, А НЕ В КОНЦЕ ПРОЦЕССА

Процесс, собственно, развивался так.

Вот четыре этапа, спрямляя тенденции и отбрасывая нюансы, ельцинского правления.

1991—1993 годы. Одни делили власть, другие — брали собственность.

1994—1996 годы. Те, кому удалось получить всю власть, обратили свои взоры к собственности. Но оказалось, что многое, самое сладкое, уже в чьих-то руках. Собственность, то есть и финансовые ресурсы страны, оказались не в руках власти. А она у нас хоть и новая, да со старыми привычками: привыкла распоряжаться деньгами всей страны.

Оказавшись в действительно новой для себя ситуации, власть приуныла, ибо поняла, что попала в ловушку собственных реформ, проведенных так, что и у нее самой денег не осталось, и у народа, у которого деньги взять легко (налогами или вообще конфискационно). Власть осознала, что оказалась и без финансов, и без социальной опоры. А на носу — выборы, где у нее, власти, без денег и избирателей шансов никаких.

1996 год. Власть от безысходности начала готовиться к государственному перевороту и отмене выборов.

Но собственники оказались более конструктивными. Они предложили власти сохранить ее (и себя, разумеется) без потрясений, соблюдая приличия. В обмен на еще большую собственность.

1996—2000 годы. Собственники, достигнув успеха на выборах, ощутили свою силу. Они (с помощью СМИ — это важно) сделали то, что не могла власть и не хотел народ (другое дело, что коммунистов народ хотел еще меньше).

Поэтому собственники, особенно видя дряхлость Ельцина, повысили ставку. Они захотели не только собственности, но и власти.

В результате — как символы удовлетворения этого желания — Чубайс возглавил президентскую администрацию, а Потанин стал первым вице-премьером правительства. Более конкретные дела решались на уровне залоговых аукционов.

455

Однако рутинное управление государством (власть) — это не то же самое, что рутинное управление собственностью. Оказалось, что это наука и профессия.

Как науку это управление нужно было знать, а как профессию — повседневно справлять. Как за профессию за власть мало платили, к тому же чиновничий аппарат был слишком вязок и специфичен для собственников, привыкших получать много и быстро (чиновник же клюет по зернышку), принимать решения и добиваться их исполнения стремительно — без всяких там парламентов, прокуратур и счетных палат.

И чиновник в конце концов вновь победил собственника, хоть и питался с руки последнего. Победил во всём, кроме влияния на президента и его семью.

К тому же власть всё равно оставалась крупнейшим собственником, только на порядки менее эффективным, чем собственник частный. И поэтому была по-прежнему привлекательной для собственника.

Но не прямо, ибо собственник понял, что он умеет управлять предприятиями и людьми на них, но не народом. Кроме как посредством СМИ — это владельцы СМИ и, напротив, те, кто СМИ не владел, поняли хорошо.

Однако тут вновь — вот проклятая демократия! — замаячили на горизонте выборы.

Власть в целом (бюрократия) выборов не боялась, ибо она, бюрократия, бессмертна. А вот конкретные носители власти, особенно верховной, опять заволновались, ибо дело, как было принято говорить в СССР, запахло керосином.

Собственникам вновь пришлось мобилизоваться, ибо они прекрасно понимали, что новая власть в случае чего с такой же легкостью отберет собственность, как когда-то ее раздавала.

Поэтому все вели себя по-разному. Народ — спокойно ждал выборов. Ельцин — искал всего лишь одного человека, который бы не перечеркнул его, Ельцина, как физическую и политическую фигуру.

А собственники вели себя и более активно, и более разнообразно. Тем более что в их среде по определению царил конкуренция.

Чубайс, например, памятуя, что государство — всё равно самый крупный собственник, решил перебраться в РАО

456

«ЕЭС России», где собственность просто помножена на власть.

Другие собственники стали создавать партии и предвыборные движения, подбирая кандидатов в президенты. Ибо знали уже, что формально должна всё-таки быть наверху какая-то публичная политическая фигура.

Но, поскольку из партий, к тому же не существующих в реальности, каши не сварить, политическое размежевание (в смысле мы за Юрия Михайловича, а мы за Владимира Владимировича) прошло не по линии партий, идеологий и даже личных симпатий, а по линии двух самых мощных реальных механизмов побуждения к голосованию — вокруг партии НТВ и партии ОРТ.

На НТВ и ОРТ, как на шампуры, нанизались и партии, и политики, и губернаторы (машинисты местных голосовальных машин), и журналисты.

Партия НТВ, Гусинский были более консервативны. Они выбрали Примакова, человека, с которым находились в прямой идеологической конфронтации, например, по оценке акции НАТО против Югославии. Но за Примаковым маячил Лужков, а это уже лучше.

Березовский, как всегда, был радикальнее. К Примакову и Лужкову он испытывал классовое недоверие, чувствовал в них что-то оппортунистическое. Да и не любили они его, хотя Гусинского почему-то любили. Душа политика — потемки.

Березовский (точнее — его партия) искали дольше, но зато лучше. Нашли — Путина. Что немаловажно — он подходил и по критериям лояльности Ельцину лично (лично — подчеркнем это).

Времени оставалось мало, а потому кандидат должен был стать еще и героем. В чем проявить героизм? В борьбе с коррупцией или в борьбе с мятежной и изрядно всем надоевшей Чечней.

Коррупцию в России за три месяца не победишь, да и не олигаршье это дело (а обе партии сплошь олигархические). А вот Чечню — можно.

Говорят, что Березовский и партия ОРТ боролись не за конституционный порядок в Чечне, а за Путина как своего кандидата.

Во многом это справедливо. Как и то, что и партия НТВ, и Гусинский в этом же смысле боролись не за права мирных

457

чеченцев, а против кандидата Путина и за кандидатов Примакова и Лужкова.

Отдельно взятые мелкие политики и крупные журналисты могли быть сколь угодно искренними, но результирующая линия оказывалась именно такой.

То есть действительно решался вопрос власти в стране и как естественное его для сегодняшней России продолжение — вопрос собственности. Другое дело, что попутно одна из партий победно решила и проблему Чечни. Так как эта проблема для избирателей страны оказалась даже более существенной, чем вопрос собственности для собственников, победили те, кто понял, что нужно народу, а не только им самим.

Так Путин стал президентом.

И если бы мы находились в конце процесса передела власти и собственности в России, на этом бы наша история и остановилась. Наступила бы искомая и предлагавшаяся публично Евгением Примаковым стабилизация.

Избиратель жаждал, однако, не стабилизации, а прорыва — как на чеченском фронте, так и на многих других. Народ жаждал прыжка России из переходного периода в какую-то новую реальность.

Проблема Путина (для других) оказалась в том, что избиратель, общество в целом, включая в какой-то степени и олигархов, ждали от него не объявления «эпохи Ельцина» царством божьим на Земле, а выхода из этого царства куда глаза глядят.

Путин это понял. Тем более что та же самая мысль сидела и в его голове.

КАЗУС ПУТИНА

Путину предлагалось достроить ельцинский режим, усовершенствовать его.

Но он не мог это сделать именно потому, что нельзя ничего построить, находясь на середине реки. Надо пристать к какому-то берегу.

Путин пристал к идейно близкому ему берегу государственности (а иной человек и не сумел бы начать в Чечне делать то, что начал Путин).

458

Просчет с Путиным состоял в следующем:

- 1) Путин не завяз в Чечне, а, в общем-то, довел дело до конца (в определенном смысле, конечно);
- 2) его не назначали секретарем Совета безопасности, как Лебедя в 1996 году, а избрали президентом страны. Не тем, кого снимают, а тем, кто сам снимает;
- 3) Путин оказался, в отличие от Ельцина, человеком с собственными, а не только заимствованными идеями в голове. И к тому же молодым;
- 4) старые корпоративные связи Путина оказались сильнее, чем новые, те, которыми он оброс в Кремле. Ибо та, старая корпорация — это Система, а новая корпорация — это еще не сварившийся до конца бульон. Данное обстоятельство позволило Путину стремительно сформировать рядом с не его правительством — свое: в виде Совета Безопасности, а затем и семи федеральных наместников;
- 5) Путин, осознающий, что попал он в Кремль случайно, увидел в этой случайности и некий исторический промысел, некую свыше возложенную на него миссию — спасти Россию (а даже, как многие отмечают, да и сам Путин об этом говорил публично, еще шире: спасти Европу от нашествия агрессивной части ислама);
- 6) Путин во всем оказался противоположностью Ельцина (почему и победил тех, кто представлялся иными ипостасями БН), а по идеологии — так прямо Антиельциным. И этот свой антиельцинизм, сопровождающийся лояльностью лично Ельцину, что часто бывает в истории, Путин был обречен проявлять.

ОРГАНИЧЕСКИЙ ПОЛИТИК

Путин решил уничтожить ельцинский олигархический режим в принципе, создав вместо него единую олигархию-государство, соединив ее с рыночной экономикой.

Все сопротивляющиеся должны быть, согласно этой модели, разгромлены. И соответствующий процесс пошел. Совершенно естественный для той России, какой ее Ельцин передал Путину. Здесь Путин действительно не творец истории, а ее объективное орудие.

Во всей чеченской эпопее Путина — это уже субъективно — читались эти, и только эти, содержание и форма его

459

действий. Здесь Путин — органический политик. Он делает то, что хочет сам и что в большинстве своем жаждет страна сегодня, после 8 лет ельцинизма.

В каком-то смысле политика Путина — это каток истории.

Но сровняет ли он вообще российское политическое поле или проложит на нем некие магистрали, оставив в неизменности уже возникший демократический пейзаж, — это вопрос.

Каждый на этот вопрос отвечает сам. Я — скорее оптимист, чем пессимист.

Хотя, конечно, до конца еще не ясно, будет ли Путин следовать антиельцинизму как догме или разовьет его как творческое учение, не убивающее всё в практике своего предшественника.

460

Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?

Сегодня ещё второе, а послезавтра уже третье

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 31.12.2000

Кажется, все возможные банальности, соответствующие переходу человечества в целом и каждого из нас в отдельности в третье тысячелетие, уже написаны и произнесены. Тем не менее, и мне приходится проходить через этот иску — без финально-предновогодней статьи не обойтись.

Попробую, однако, взглянуть на грядущий переход России через вековые Альпы с высоты птичьего, это чтобы не выразиться совсем уж нескромно, полета.

Россия переходит в третье тысячелетие так и не познавшей себя до конца — одни за правое дело, другие за левое, а вместе — все кружатся на месте (извините за стихи). В головах у большинства либо сумбур, либо смиренная усталость.

Между тем, последние 15 лет, начиная от горбачевского Апреля 1985-го, дают нам, по сути, полную парадигму всех реально уже случившихся и соответственно единственно возможных в будущем сценариев развития страны. Даже только ельцинские 9 лет заключают в себе весь фундаментальный цикл традиционного российского исторического круговорота: начав как революционер и реформатор, БН закончил застоём, почти равным брежневскому.

И всегда так у нас. Черного российского кобеля не отмоешь добела. Если это и банальность, то, извините, не моя, но гениальная.

Все наши реформы всегда имели главным итогом либо развал страны, либо гниение, начинавшееся непременно сверху.

Но сказанное не означает, что повода для оптимизма нет.

461

Он есть, если только научиться, наконец, смотреть на жизнь (человека, России, человечества) трезво.

Большевики были романтиками — оттого и выродились в надзирателей ГУЛАГа. Они верили в идеального человека, который не пьет, не ворует, общечеловеческие ценности (мировую революцию и всеобщее равенство) ставит выше материального благополучия своей семьи.

Утопия коммунизма рухнула от соприкосновения с жизнью, а не с испорченным сознанием самих большевиков. Они были такими же людьми, как и те, кого пытались переделать, такими же нормальными, с пороками, данными человеку от природы, а не приобретенными от чтения книжек Маркса.

Молодые реформаторы 90-х тоже рассчитывали на идеального буржуазного человека, который под воздействием железной руки рынка будет идеально работать и идеально платить налоги. И эта антикоммунистическая утопия, как и коммунистическая ранее, подобно «лодке любви» Маяковского, разбилась о быт.

Каков урок или каковы уроки русского конца века, заучив которые мы можем рискнуть вступить в двадцать первый?

Главный урок, на мой взгляд, таков: второе у нас тысячелетие на дворе или третье — это не важно.

Человек и человечество созданы такими, каковы они давно уже нам известны.

Единственное мыслящее существо в мире животных, существо, размышляющее о смысле жизни и создающее этические теории, массово убивало, убивает и будет убивать себе подобных. Более того, частью своей мысли постоянно совершенствует орудия убийства. Так было в первом тысячелетии (и до оно), так было во втором, так будет и в третьем.

Эгоизм и альтруизм — две неразрывные ипостаси человека и человечества.

Народы и страны борются друг против друга, как и всегда боролись. И просто конкуренция

сменяется войнами.

Политики ответственны за победу своей страны, своего народа — это главный императив их деятельности. За победу им прощаются грехи. Поражение не оправдывается ни доблестью, ни альтруизмом.

Выживание и процветание стран и наций имеет предпосылкой отнюдь не мораль (либо мораль включает целесообразную аморальность), а ум, хитрость, силу и волю к выжи-

462

ванию (пассионарность — по Гумилёву). Более других грешившие, но преуспевшие в культивировании этих четырех качеств процветают. Голый альтруист погибает, затоптанный толпой вооруженных эгоистов.

Ныне это называется политическим прагматизмом.

Владимир Путин — прагматик. Он пассионарен. В этом его сила и его шансы на успех. Сумеет ли он заразить своей пассионарностью всю Россию, весь ее бюрократический аппарат, всё ее уставшее от прозябания население? Не знаю.

Но именно такой лидер нужен стране.

Пусть он сделает пять шагов, из них четыре ошибочных. В этом больше надежды, чем в тех, кто не делает ни одного шага.

Путин совершает много ошибок. Совершит, видимо, еще больше. Не в правильности действий его миссия, а в действиях как противоположности бездействия. И разумеется, в верности вектора — основного направления этих действий. А вектор правильный — либо страна и нация живы, либо они мертвы (или вскоре будут мертвы).

Не в морали, к сожалению, дело. Если только в ней, то не возродились бы после свержения «коммунистического тоталитаризма» отнюдь не при коммунистах родившиеся наркомания, преступность, порнография, насилие, культивируемые и пропагандируемые — кем же? — свободными СМИ России, а не только наркобаронами и содержателями притонов.

Воля, ум, хитрость и сила, помноженные на ответственность за выживание и благополучие своей нации и своей страны, но в сожительство, пусть конкурентном, с другими нациями и странами — вот что нужно России в третьем тысячелетии.

В Путине даже на инстинктивном уровне всё это присутствует. И в этом смысле он то, что нужно России. Под любым гимном и флагом. Но с этой единственно соответствующей реалиям жизни идеологией.

Вот и всё. Такова история, а иной нам никто не даст. И дело самой России — остаться в истории в третьем тысячелетии или, оплакивая собственную греховность, исчезнуть, освободив место для не менее грешных, но более жизнестойких.

Р. С. Тому, кто увидит в написанном проповедь имморализма, скажу, что тогда самым гуманным государством мира до сих пор и с начала истории человечества был Советский Союз.

463

Большая статья о Путине и о России

А также об истинной сути некоторых треволнений последних дней

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 31.01.2001

Что будет дальше? Этот вопрос всё чаще и чаще задают друг другу разные люди в Москве — по крайней мере, в кругу тех, с кем я общаюсь.

Раз есть вопрос, должны быть и ответы. Но прежде чем отвечать на этот вопрос, важно отметить, что вопрос возникает тогда, когда исчезает ясность. В данном случае — ясность с тем, чего хочет и куда движется Владимир Путин.

Кажется, Кремль тоже осознает проблемы, создаваемые этой неясностью. Свидетельство тому — активность, проявленная в последние дни Кремлем в «деле Бородина» и «деле НТВ». Но и понимание, и активность сами по себе ясности не создают. Лучшее доказательство — случай с НТВ. Например, после встречи с Путиным, состоявшейся 29 января, ряд участников этой встречи со стороны НТВ утверждают, что президент то ли не против продажи части акций (какой, кстати — 5 процентов или 50? — Это не только разные цифры, но и разное качество) господину Тернеру, то ли прямо за это.

Между тем из письма Путина Тернеру явствует только следующее: ВВП утверждает, что он за свободу СМИ и приветствует иностранные инвестиции в России. Даже косвенно это не свидетельствует о готовности Путина хотя бы для отвода глаз, ради красного словца согласиться с тем, чтобы хоть в какой-то значимой степени одна из крупнейших российских телекомпаний оказалась под контролем американского телемагната и владельца CNN, в критические момен-

464

ты всегда играющей на стороне Белого дома, отнюдь не московского.

Никогда не поверю, что Путин даст негласное добро на такую сделку. Либо просто с 29 января президента в России подменили.

Конечно, многое объясняется тем, что НТВ пропагандистски и тактически опять обыграло Кремль — профессионалы всё-таки. Но ведь и пропаганда не всемогуща, если ей противостоит хоть и жесткая, но четко заявленная позиция. А еще лучше линия, последовательно и целенаправленно проводимая.

Этого, как мне довелось уже писать на прошлой неделе, нет. Временами нет абсолютно.

Так и возникает совершенно естественно совершенно естественный вопрос: а что дальше?

Чтобы понять, что может быть дальше, проанализируем еще раз, что было допрежь того.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПУТИНСКОГО РЕЖИМА

Сначала был Советский Союз. Горбачев, пытаясь модернизировать и реформировать его, ввел гласность и начала рыночной экономики.

В не приспособленном ни к тому, ни к другому государстве деструктивные процессы стремительно превзошли по объему конструктивно-реформаторские, и страна развалилась.

Стихийный революционер Ельцин, утвердив собственную власть, установил анархо-демократический режим, постепенно трансформировавшийся в анархо-олигархический.

В силу того, что власть и собственность всегда находились в России в кровном родстве, а в советское время и просто совпадали, чиновники, сохранившие в своих руках рычаги раздачи собственности, остались главным и самым эффективным классом России (правлящим классом), а главный чиновник (президент) стал главным политиком, то есть центром принятия решений по переделу власти-собственности.

Далее пост главного чиновника — главного политика перешел к Владимиру Путину.

Поработав сначала в КГБ (до и в момент развала Союза), затем в питерской мэрии (стихийный передел собственности), затем в Москве в Администрации президента (период

465

управляемого передела собственности), в ФСБ (директором) и уже во главе Администрации президента и премьер-министром (период управляемой передачи власти), Владимир Путин, конечно, является одним из лучших знатоков всех главных тайн российской жизни и политики.

Например, очевидно, что Владимир Путин реально представляет себе масштабы криминализации и власти, и собственности в России. Более того — знает такое, о чем Ельцину, дабы не опечалить его, сам же Путин, видимо, даже и не докладывал.

Оказавшись в Кремле, Путин стал думать, что с этим знанием делать.

СОДЕРЖАНИЕ РЕЖИМА (1)

Делать можно было, собственно, всего две вещи.

Во-первых, продвигать хорошие законы, ожидая, когда они заработают, а те, кто им должен подчиняться, начнут это делать, устав от собственного и чужого беспредела.

Во-вторых, репрессировать всех, кто что-либо нарушает, дабы остальные стали законопослушны.

Первый путь, как видел Путин, с одной стороны, был бы долговат; во всяком случае, даже четырех, не то что двух президентских сроков не хватило бы. С другой стороны, движению по этому пути активно препятствовали (в том числе и через демократические, парламентские, институты) те, кого он должен был цивилизовать. С третьей стороны, не было гарантий, что не только сам Путин, но и Россия в целом доживут до конца шествия всех по этому пути.

Утопичность второго пути была еще более очевидной: репрессировать пришлось бы всех, кроме бомжей, новорожденных и пенсионеров.

Путин решил проводить политику, сочетающую преимущества обоих путей. И хорошие законы принимать, и власть, направленную против всевластия столичных и региональных олигархов, укреплять, и демократией (дабы она не управлялась олигархами) управлять, и репрессировать самых несговорчивых, обложив сговорчивых оброком.

Вроде бы всё логично: компромиссы, сочетание жестких и гибких методов, не всегда демократическое продвижение к демократии, не рушащее рынок, но и не уничтожающее стра-

466

ну. На деле это обернулось, помимо прочего (то бишь положительного), объявлением войны слишком многим, в том числе и тем, кто уже привык только побеждать.

По-своему это тоже был «нулевой вариант», который предлагал Борис Березовский, но «нулевой вариант» с позиции силы, а не равенства Высоких договаривающихся сторон.

Видимо, и не без оснований, Путин понимал, что он-то подпишет более мягкий «нулевой вариант» один, а с другой стороны его должны подписать по крайней мере несколько тысяч человек. И они всегда смогут проконтролировать, как Путин выполняет этот договор, а он их — нет.

Прав Путин или нет, сказать трудно, но, слишком хорошо зная жизнь и нравы российского закулисья (во власти и в экономике), он решил опереться в своей деятельности на те механизмы, в эффективности которых был больше, чем в других, уверен: МВД, ФСБ, прокуратуру.

Знающий, по крайней мере, азы рыночной экономики, Путин, как я предполагаю, исходил еще из одного: из объективной несправедливости упреков западных олигархов российским.

Западные, особенно американские, олигархи (и политологи) спрашивают: чем плохи олигархи российские? И сами отвечают: наши прадеды, тоже порядочные кровопийцы, хоть и грабили других, всё-таки вкладывали деньги в свою страну. А вот русские — вывозят их за границу.

Когда грабили прадедушки нынешних американских олигархов, не было ни открытости границ, ни транснациональных финансовых групп, ни многого другого, что обеспечивает сегодня легкость перетекания капиталов. В тех условиях вкладывание капиталов в собственную страну было не столько доброй волей и патриотизмом, сколько неизбежностью. Накапливаемый капитал автоматически концентрировался в своей стране, обеспечивая благосостояние основной части ее населения, а затем уже уходил за рубеж, причем не как «увод», а как экспансия, умножение богатств страны собственной за счет других.

Современный российский капитализм стал на ноги в условиях таких международных соблазнов, что

не согрешить на стороне могли бы, наверное, только такие стоики, которые и к деньгам-то равнодушны по природе своей.

Словом, Путин понимал, что без некоторой доли «насилия» и в отсутствие больших внутренних соблазнов гарему современного русского капитала нужен некий евнух.

467

Евнухом была назначена Генпрокуратура РФ (не только, впрочем, она одна, но это — один из наиболее интересующих нас моментов).

Любит ли евнух гарем?

Недавно я купил книжку «Гарем турецкого султана», но прочитать ее, естественно, не успел. Поэтому я не знаю, любит ли, даже платонически, евнух наложниц султана, но в нашей ситуации такой любви в принципе не наблюдается.

С чем это связано — вопрос отдельный, но ясно, что в качестве инструмента давления Генпрокуратура выбрана верно. К взаимоотношениям прокуратуры и некоторых новых институтов российского общества я еще вернусь, а пока перейду к другому.

Путин, безусловно, выходец из спецслужб. Он верит как в могущество некоторых закулисных сделок, так и в силу аналогичной закулисной контригры. И в самом деле, часто действия по алгоритму «контрзаговор против заговора» и эффективны, и порой — на порядок — более эффективны, чем публичная политика, чем публичная контригра.

Но, во-первых, далеко не всегда. А во-вторых, «теория заговоров» и соответствующих «контрзаговоров» не может заменить эффективную публичную политику. Может лишь дополнить ее. В нужном месте и в нужное время создать решающий перевес сил. Сыграть решающую роль в кризисной ситуации. Не более того.

Спецслужбы, вообще репрессивный аппарат, в руках государства, президента в том числе, — это всё равно самонаводящееся оружие, если только оно не наводится на цель государством и публично.

Публично сегодня это оружие нацелено на реализацию довольно абстрактно поставленных целей: «диктатура закона» и «наведение порядка». Но всё общество наблюдает, в какие конкретно цели это оружие бьет. Сколь точно и точно. С какой избирательностью. И корректировать огонь нужно постоянно.

Как? Публичной политикой, только ею.

С очевидностью грядет либо реформа (в том числе и кадровая) правительства, либо вообще его отставка и формирование правительства нового. Помимо того, что этот шаг должен стать актом экономического выбора и кадрового выбора — должны прийти люди, которые умеют принимать ре-

468

шения и отвечать за них, формирование нового правительства должно стать и актом политического выбора. В том числе и по линии минимизации закулисных методов при максимизации публичных.

Тут важно учесть несколько моментов.

Первый. Проблема криминализации общества и власти никогда не снимается лишь наполнением исполнительных структур выходцами из спецслужб. Спецслужбы хороши только тогда, когда они спецслужбы.

Второй. Последовательность действий порой даже важнее их точности (абсолютно точных решений в политике не бывает). Зачем было начинать жесткую реформу Совета Федерации, разумно лишая губернаторов неприкосновенности, чтобы затем не только фактически вернуть им эту неприкосновенность через увеличение числа сроков пребывания в должности, но и продлив ее в некоторых случаях даже и за срок легитимности самого нынешнего президента?

Третье. Реформы, политические в том числе, и другие акции власти должны снимать противоречия в обществе, а не нагнетать их. В последнее время, безусловно, идет нагнетание неоклассовой ненависти к богатым. Получается это случайно, не по воле Путина, а из сложения ряда как бы стихийно совпадающих акций. Но градус этой ненависти местами явно повышается.

Ненависть — неконструктивное чувство, даже когда она справедлива. Должны быть включены механизмы ограничения этой ненависти.

Олигархические группы, я не раз об этом писал, как нелегитимные центры власти было необходимо разрушить. Но нельзя забывать, что, помимо прочего, вокруг олигархических групп и в лоне их сформировались некоторые существенные элементы не только рыночной экономики, но и гражданского общества. Снизу-то гражданскому обществу у нас расти тяжело — денег нет у простых граждан, чиновничество, соединившее в себе худшие качества социалистического с худшими качествами капиталистического, давит на низы общества. Ведь теперь не то что давеча: в партком не пожалуешься, а на взятку денег нет.

Сейчас пишется текст очередного президентского послания Федеральному собранию. Это слова. Но грядущая правительственная реформа — это дела. Каждое назначение, каж-

469

дое имя будет демонстрировать истинные цели и качество президентской политики.

КОМПЛЕКСЫ ПРОКУРАТУРЫ ПРОТИВ ФАНАБЕРИИ НТВ

Я всегда выступал против того, чтобы журналисты предлагали себя обществу как единственные носители истины и единственно честные люди в России.

Коллизия с НТВ, полная грустных ощущений конца этой телекомпании, о многом позволяет судить, если только набраться смелости хотя бы кое о чем власти и прессе говорить друг с другом откровенно, а не

только на публику.

В одной из передач «Глас народа» в конце прошлого года я слушал, как адвокаты «Медиа-МОСТа» в прямом эфире «размазывают по стене» уже не аргументы сотрудников прокуратуры, а самих прокуроров. После эфира я спросил у адвокатов: зачем вы это делаете? Разве не понимаете, чем это обернется для вас же, для ваших «подзащитных»? Разве не знаете, что слушающие вас сейчас прокуроры думают не о весомости ваших юридических аргументов, а о том, как вы (пусть не в данном случае) защищаете заведомых преступников, цепляясь лишь к проколам следствия, о механизмах получения вами гонораров, намного превышающих легальные выплаты?

Я не только увидел полное непонимание, но услышал яростное неприятие этой точки зрения. Один из адвокатов мне даже сказал, что нет лучшего способа выиграть дело, чем доказать неполноценность прокурора.

Плоды, в частности и этой позиции, теперь пожинает НТВ. Я ни разу не слышал публично, по телевидению, например, чтобы прокуроры унижали адвокатуру как институт и конкретных адвокатов как личностей. Но множество раз видел и слышал противоположное. Это профессионально корректно? Это цивилизованно? Это умно, наконец?

Да, у прокуроров не лучшие с точки зрения «рынка и демократии» комплексы. Но они многое знают и многое могут рассказать. Комплексы прокуратуры сошлись в схватке с фанаберией НТВ, и прокуратура стала эту фанаберию крушить. Позиция за позицией.

Доказала, что НТВ не преуспевающее экономическое предприятие, а должник. А ведь создан был прямо противоположный имидж.

470

Показала, хоть и с использованием некоторых некорректных приемов, что сотрудники НТВ получают, при долгах компании, несколько больше, чем кому-то хотелось бы признавать. Это дело приватное? А счета дочерей Ельцина, о которых так много рассказывало НТВ летом 1999 года, — дело не приватное?

Не могу признать умным человека, размахивающего оружием, которое легко оборачивается против него самого.

Не в честности здесь дело. И не в том, что прокурор — чиновник, а журналист — нет.

При нынешней мощи СМИ, при том, что это реальная четвертая власть, гласность в оплате журналистов, на мой взгляд, не менее принципиальна, чем гласность в оплате чиновников.

Нельзя, будучи вовлеченными во все современные процессы, идущие в России, в том числе и политические, как отрицать очевидное (в частности свое реальное участие в политической борьбе), так и постоянно твердить: мы самые честные, только мы говорим правду, мы самые неподкупные. И при этом постоянно обвинять в нечестности, лживости и купленности всех остальных (включая многих коллег). Рано или поздно кто-то проверит.

Разве я за то, чтобы не рассказывать о взятках, которые берут прокуроры, в СМИ? Конечно, нет.

Но ведь нет же более закрытой темы для наших СМИ, чем экономика самих СМИ. Если только не бьешь конкурента. И любая попытка власти заглянуть на эту территорию вызывает только одно: крик о зажиме свободы слова.

Все мы — дети одного времени, сегодняшнего. Все мы вынуждены жить по его законам — как писаным, так и неписаным. Прессе нельзя дать устав: не суди, да не судима будешь! Судить и рядить (не в юридическом смысле) — ее миссия, ее профессиональная и политическая обязанность. Но при этом надо хотя бы ощущать (хоть наедине с самим собой) меру своей сопричастности к тому, что судишь.

Я понимаю, что легкие победы расхолаживают, создают ощущение всеисилия и неподсудности у журналистов. А не то же ли у власти? Чем она в этом случае хуже или лучше, чем журналисты?

Не раскрывать свои язвы должна пресса, но, по крайней мере, учиться на ошибках власти, дабы иметь не только право, но и возможность учить власть.

471

Всякая власть, наша в особенности, местами и временами глупа до неприличия.

С нескрываемым удовольствием смотрел и слушал я, как журналисты НТВ, вернувшиеся от Путина, свели на нет весь запрограммированный кем-то в Кремле позитив (для президента) от этой встречи. Классная работа, хоть и простая: тот, кто молчит, проигрывает, кто комментирует — побеждает. Но пропагандистская победа — не полная победа. По большому счету — это и не победа вовсе. Победить в аудитории — еще не значит победить в жизни.

В пересказе сотрудников НТВ настоящее ошеломление и даже возмущение у них вызвало утверждение Путина о том, что НТВ работает по «инструктажу» Гусинского. Нет, утверждал Евгений Киселев, мы только единомышленники.

Почти два года назад, весной 1999-го, тогдашний английский посол в Москве Эндрю Вуд пригласил на обед четырех, если не ошибаюсь, главных редакторов. Среди них и Евгения Киселева, и меня. Разговор, естественно, шел о политике. Евгений Алексеевич, помню, бросил фразу, что вот есть такие СМИ, например «Независимая газета», которые критикуют Григория Явлинского. Ну да, дескать, понятно, почему они его критикуют — заказ хозяина. Я достаточно резко попытался опровергнуть это утверждение, но, разумеется, Евгения Алексеевича не убедил.

При выходе из посольства всё-таки задал я Евгению Киселеву вопрос в лоб: «Евгений Алексеевич, — спрашиваю, — вы всерьез думаете, что Березовский мне позвонил, дал инструкции по Явлинскому и я

написал эти статьи о нем?»

— Ну зачем же так грубо, — ответил мне Киселев, — есть другие методы: кое-что объяснить, высказать о Явлинском свое мнение...

Я, прекрасно зная, что ни в тот момент, ни несколько месяцев, если не лет до того (примерно так с 1996 года) я с Березовским о Явлинском не говорил вообще, спросил:

— А вы что, знаете, о чем мы говорим с Березовским? На что получил такой ответ Евгения Алексеевича:

— Я знаю жизнь...

Лучше всего, как известно, человек знает свою собственную жизнь.

Не из злорадства вспомнил я тот разговор, хотя и позлорадствовать есть повод. Уж слишком тот наш диалог похож

472

на то, что сказал Путин Евгению Киселеву два дня назад. Евгения Алексеевича слова Путина удивили и даже возмутили. А может быть, Путин тоже просто «знает жизнь»? Или думает, что знает, как тогда, два года назад, думал Евгений Алексеевич.

СОДЕРЖАНИЕ РЕЖИМА (2)

Хорошо, что наша власть, в отличие от Юрия Владимировича Андропова, уже имеет право говорить, что она знает страну, которой руководит. Даже знает механизмы оплаты журналистов. Будем надеяться, что и механизмы оплаты прокуроров.

Но от знания жизни до умения эту жизнь менять, не ограничиваясь арбитражем в борьбе комплексов одних с фанаберией других, — дистанция большая.

И борьба эта по большому счету периферийная, привлекающая внимание в силу специфических причин.

А вот азарт, проявленный в этой борьбе властью, — в мирных бы целях.

Что там у нас с Госсоветом? Что с новым Советом Федерации? Что с Лукашенко Александром Григорьевичем, главой союзного нам государства? Поддержит его Москва на выборах или нет? Что с судебной реформой? Много еще разных вопросов без ясных ответов.

Заговоры заговорами, но без политики тоже не обойтись. Полезная в государстве вещь. На нелюбви к олигархам и прежнему режиму долго не протянешь. Это как цены на нефть. Сегодня высокие, а через месяц — упадут.

Президент, конечно, в ответе за всё. Но если и за кадры на НТВ, то дойдут ли руки до других проблем? И даже кадров?

Я не закончил рассказ о внутреннем содержании нынешнего режима. А сказать осталось что. Не исключаю, что самое главное.

Вновь, чтобы быть предельно точным, пройдуся по всему по порядку. Отталкиваясь от событий последних дней.

Есть правда, которую в равной степени не любят признавать ни Кремль, ни НТВ.

Кремль борется с Гусинским не как с носителем свободы слова, но и не как с бизнесменом только.

Кремль борется с Гусинским как с субъектом враждебной интересам России политики, проводящим к тому же на вну-

473

тироссийском политическом (информационном, в первую очередь) поле интересы другой страны. США.

Кто хочет упрекнуть Кремль в антиамериканизме, может это сделать. Но, строго говоря, бороться с гегемонией гипердержавы незачем — все этим в меру сил и возможностей занимаются.

Политика, однако, вещь юридически неподсудная — отсюда и более или менее успешные попытки обнаружить «экономические преступления» Гусинского.

Но сам по себе Гусинский, несмотря на свои международные связи, уже не опасен. Опасно то, что в его руках НТВ — самая идеологически дисциплинированная — это знают все, кто что-либо знает — журналистская структура в Москве.

Поэтому Кремль и борется с НТВ, пытаясь одновременно отделить Гусинского и остальных владельцев НТВ и его высшее руководство от просто журналистов НТВ.

Есть основания у Кремля так смотреть на НТВ и на Гусинского? Есть.

Производит ли при этом НТВ, помимо собственно пропаганды, продукт под названием «свобода слова»? Производит.

Пойдем дальше.

Несмотря на то, что борьба против НТВ не является борьбой против свободы слова, а лишь борьбой против некоторых слов, она создает полное ощущение угрозы этой свободе. Тем более что затрагивает интересы отдельных журналистов. В первую очередь — из-за методов борьбы.

Являются ли эти методы характерными для нынешнего режима? Да. Почему? Во многом из-за того, что так привычнее и эффективнее.

В чем опасность? В том, что привычное становится еще привычнее, а эффективность заманивает всё глубже.

И вот тут я перехожу к самому главному. Управляемая демократия — это не контролируемая полностью демократия. Это лишь время от времени авторитарно корректируемая демократия: то есть чтобы

вора не выбрали губернатором — да. А если все кандидаты на пост губернатора не воры, то пусть решает народ.

Грань тонкая, но она есть. Есть теоретически, а есть ли в • жизни? Далеко не всегда.

Некоторые элементы ныне складывающейся государственной структуры очень напоминают режим корпоратив-

474

ного государства. Но одна из разновидностей корпоративного государства носит неприятное название «фашизм». Мы еще далеки от того, чтобы дойти здесь до предела разумного, но стихийные попытки налицо.

Где предел? Один из них — выборность глав регионов. Если она будет ликвидирована (а об этом, увы, говорят) — предел будет перейден.

Как отделить губернаторов от собственности — громадная проблема для нынешней власти. Заменой выборности назначением этого не добьешься, а вот к корпоративному государству резко приблизишься.

При выводе страны из кризиса, куда ее, в частности, завела и ельцинская анархия, рискованные шаги возможны. Невозможны лишь ошибки, особенно роковые.

Кремль рискует. Внимание: опасность перед нами!

* * *

Сказанное выше не означает, что содержание режима исчерпывается описанной опасностью (лишь одной из нескольких на древе сценариев). Но о других, более положительных, тенденциях я писал немало. Надо обозначить и эту.

475

Публичный политик № 1

Маленькое добавление к «Большой статье»

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 02.02.2001

В довольно активной дискуссии, которая развернулась вокруг моей *«Большой статьи о Путине и о России»* (первым, естественно, откликнулся Интернет, но было и много звонков, а теперь пошли и письма), содержится множество интересных замечаний и идей. Хватает и критики, а равно — нелестных для автора оценок.

Я не имею никакой физической возможности, но не желая, на всё это отреагировать, ибо и сами-то статьи пишу урывками, в редкие свободные часы.

Однако по одной линии возникшей дискуссии не высказаться не могу, ибо это — абсолютно принципиальный вопрос в оценке и анализе поведения российской власти вообще и политики Владимира Путина конкретно.

В «Большой статье» и в предшествовавшей ей статье «Плохая неделя» я указывал на множющийся, на мой взгляд, ряд вопросов, на которые Владимир Путин ни словом, ни делом не дает ответов.

С этим в принципе согласны большинство как моих сторонников, так и оппонентов. Радикальное расхождение в другом.

Одни говорят: да, Третьяков прав, Путин не дает ясных ответов — и это плохо.

Другие, соглашаясь со мной в первой части утверждения, оценивают этот факт прямо противоположным образом: да, Путин не дает ясных ответов на многие вопросы — но это и хорошо, он правильно делает, так как тем самым либо отстраняется от непопулярных решений, либо

476

скрывает от своих оппонентов и противников свои истинные намерения.

Мне смешно слышать и ряд упреков в том, что я просто не понимаю, чего хочет президент, не знаю ответа на вопрос «Who is mr. Putin?». Ибо еще год назад, когда впервые в Давосе публично прозвучал этот вопрос и российские политики постеснялись или не смогли на него ответить, в статье *«Вся правда о Путине»* я написал, что Путин — это политик, категорическим императивом для которого является возрождение величия России как страны, нации и государства, а его экономическим выбором является рынок и политическим — демократия, хотя и не совсем такая, какая рождалась (или вырождалась) при Ельцине.

Но какой бы демократии ни был привержен Путин, он не может здесь придумать ничего нового — все варианты и под-варианты уже известны человечеству.

Так вот, в условиях демократии, даже ограниченной по объективным причинам, президент страны обязан проводить ясную по целям и методам публичную политику. Скрытые, закулисные действия и даже абсолютно секретные контракции, противостоящие реальным негласным действиям противников, оппонентов и врагов, неизбежны для каждого крупного политика в любой стране, и возможны, и полезны.

Но невозможен, вреден и, в конечном итоге, опасен отказ от ясных и публично провозглашенных целей, ясных и публичных оценок событий, ясной и публичной реакции на любые общественно значимые вопросы.

Сам ли президент провозглашает эти цели, дает оценки, отвечает на вопросы или это делают иногда и другие, специально им на то уполномоченные лица, — это дело техники, тактики, политических традиций,

дипломатических условностей.

Однако избранный всем народом (хотя и только частью избирателей) президент демократической или строящей демократию страны не должен и не имеет права быть ни божеством, волю которого излагают, причем часто весьма противоречиво, оракулы, ни таинственным вождем, который, отстраняясь от спорных или острых тем, загадочно улыбается, ожидая, кто и как поймет его улыбку.

477

Президент демократического государства — это прежде всего публичный политик № 1 страны, а не лазутчик № 1 в стане врагов. Он обязан сообщать народу, что он думает о том, что волнует народ.

Если проблема находится ниже уровня официального статуса президента или выше уровня его компетентности (некоторые специальные вопросы), общество должно узнавать государственную позицию по этой проблеме от одного из высших чиновников, ответственность которого подтверждается также и известным всем доверием к нему президента.

Правильных слов «сильное государство», «величие России», «территориальная целостность», «диктатура закона», «порядок», «рынок», «демократия», «свобода слова» и т. п. уже недостаточно.

Во-первых, они столь же правильны, сколь и банальны.

Во-вторых, жизнь не описывается только этими, слишком общими, понятиями.

В-третьих, даже в рамках этих понятий может быть и всегда наблюдается множество разных, порой противоположных методов действия.

Народ нуждается не в указаниях, что делать, а в понимании, что собирается делать президент. Путать следы, сбивать с толку, постоянно забрасывать «пробные шары» и прочие подобные методы не могут входить в главный арсенал главного публичного политика. Тем более, когда он ведет разговор со своим народом (а с ним президент обязан говорить постоянно), а не с врагами.

Поэтому те, кто считает, что демонстрация неясности позиций Путина по некоторым важным вопросам есть эффективная политическая игра, являются либо доморощенными (то есть непрофессиональными) чекистами, либо недемократами в худшем, а не лучшем смысле этого слова.

Сказанное не означает, что позиции Путина абсолютно неясны, что он вообще не делает четких заявлений, что он всегда скрывает свои намерения и цели. Например, в истории с государственным гимном Путин не темнил, не юлил, не отделялся намеками, и это — правильная, честная и эффективная политика, хотя она многим и не нравилась. То же, кстати, продемонстрировал в свое время Путин и в совсем уж остром вопросе о целях и методах решения чеченской проблемы.

478

Президент не должен становиться телекомментатором событий — это очевидно. Его ясная активность должна больше проявляться в делах, чем в словах. И это правильно. Всё это в сумме и есть внятная публичная политика, лишающая, правда, многих удовольствия коллекционировать и трактовать намеки и слухи.

По-моему, всё-таки очевидно и то, что волнующих сегодня общество (пусть и в скрытой форме) вопросов становится гораздо больше, чем публично и ясно заявленных по ним позиций президента.

479

Why do we need mr. Putin? (1)

Президентские выборы: год спустя, за три года до

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 23.03.2001

«Who is mr. Putin?» (Кто такой г-н Путин?) — над этим вопросом, заданным американской журналисткой год и два месяца назад в Давосе, возможно, кто-то еще ломает голову — есть, говорят, такие тугодумы.

Однако сегодня, год спустя после того, как этот г-н Путин выиграл президентские выборы в России, гораздо интереснее и важнее ответить на вопрос: зачем нам г-н Путин? (Why do we need mr. Putin?) Что он может сделать для страны, работая в должности президента президентской республики под названием Российская Федерация? Что способен (а что не способен) сделать? Что способен сделать вообще, а что — в оставшиеся три года до новых выборов? В этой связи предстоит в первом приближении ответить и на такой вопрос: стоит ли голосовать за него в марте 2004 года?

Для ответа на эти вопросы, небезынтересные, надо думать, и для зарубежных стран, придется заглянуть в год, прошедший с 26 марта 2000-го.

ГОД СПУСТЯ (РЕТРОСПЕКТИВА)

Если учесть тот масштаб хаоса, развала и анархии в стране, который Путин как президент наследовал от Бориса Ельцина, сделано за год немало.

Успешно завершена общевоинсковая военная операция в Чечне. Несмотря на все остающиеся, крайне серьезные и по определению затяжные коллизии, связанные с Чечней, ряд фундаментальных проблем практически снят:

480

- 1) восстановлена территориальная целостность России;
- 2) в значительной (но далеко не в полной) мере восстановлено доверие Вооруженных сил и спецслужб к власти;

3) сама проблема Чечни выведена на периферию общественного сознания (но не политики).

Реализована первичная политическая реформа — из анархо-олигархического режима Россия переведена в режим управляемой (бюрократией) демократии.

Восстановлена (в значительной степени) управляемость страной в собственно управленческом и законодательном смысле: минимизированы правовая чересполосица и «бархатный» региональный сепаратизм. Сделаны первые робкие попытки (изредка удачные) разбюрокрачивания экономики и (еще реже успешные) попытки разбюрокрачивания самой бюрократии.

Поставлены под политический контроль государства (еще не нации) претендовавшие ранее на абсолютно независимую от интересов страны политическую субъектность финансовые группировки (олигархи).

Обеспечена лояльность, то есть в определенной степени и конструктивность, Думы, Совета Федерации, Федерального собрания в целом.

Не порушена ни одна из политических свобод, и в чем-то повышен уровень обеспечения основных гражданских прав.

Наблюдаются определенные экономические успехи (не без благоприятного воздействия высоких цен на нефть). Реализуется достаточно либеральная налоговая реформа. Сделаны попытки перевести вектор активности естественных монополий с обслуживания эгоистических интересов их менеджеров (а фактически — негласных владельцев) на обслуживание интересов страны в целом.

Отчасти решены некоторые (самые горячие) социальные проблемы. Под решение других разрабатываются соответствующие реформаторские планы.

Восстановлена (через принятие смешанной государственной символики) историческая преемственность современной России не только по отношению к мифологизированной царской России, но и к еще живому для многих советскому периоду.

Исторический нигилизм перестал быть официальной, хоть и официально не провозглашенной идеологической доктриной страны.

481

У России вновь возникла внешняя политика. Пока еще не вполне адекватная суровым реалиям геостратегического доминирования США, но всё-таки политика. Определены реальные внешнеполитические угрозы.

Публично поставлены (пока еще только поставлены) некоторые из фундаментальных в своей остроте проблем, о которых даже боялись заикаться при Ельцине официальные лица: проблемы депопуляции, русского языка, русских как разделенной нации, геополитической судьбы Сибири и Дальнего Востока, вписывания в процесс глобализации, утечки «серого вещества», проблема выживания России как целокупность всех перечисленных (и иных) проблем.

Путин неплохо (по крайней мере активно) вписался в круг мировых (кроме президента США) лидеров.

Сохранен уникально высокий персональный рейтинг президента внутри страны.

Этот список можно было бы множить (точнее — дробить на составляющие). Но и сказанного достаточно, чтобы высоко, очень высоко оценить первый год президентства Путина, особенно если вспомнить, что еще два года назад, то есть в марте 1999 года, и сам Путин, и никто другой не подозревали, что человек по фамилии Путин станет не то что президентом России, а даже и просто видным публичным политиком.

Однако буквально каждое из приведенных выше в качестве позитива действий Путина можно уязвить или существенно умалить ошибками, провалами, побочными негативными последствиями, уродливостью (реформа Совета Федерации), нерешительностью, отступлениями назад, иногда безобразно глубокими отступлениями. В словах даже самых брутальных, самых неискренних, самых циничных, самых ангажированных критиков Путина содержится та или иная доля основательности.

Но задумаемся, что призван был сделать Путин в первый год своего президентства? Сделать он должен был следующее.

Животных (либеральные русские социал-дарвинисты меня поймут, а остальные — простят), включая хищников и пресмыкающихся, выпущенных горбачевской перестройкой и особенно ельцинской анархией из клеток зоопарка и пожиравших несколько лет подряд на улицах города друг друга, а

482

заодно и мирных граждан, не загонять назад в клетки, а расселить в предназначенные им рынком, демократией и национальными интересами природно-экологические ниши.

От вольницы — к воле, от воли — к свободе. Вот, по большому счету, лозунг первого года путинского президентства.

В каком-то смысле это, конечно, попятное движение, создающее ощущение сползания к авторитаризму. Реальные же проявления авторитаризма, не столь уж и малочисленные, сегодня ничуть не более часты, чем при Ельцине. Только в системе ельцинского режима их сподручнее было бы определять советским политическим термином «волюнтаризм руководства».

WHO IS MR. PUTIN?

Всё-таки придется еще раз ответить на этот вопрос, тем более что по итогам первого года его президентства мы можем теперь дать описание, основанное на опыте не только позитивной, но и негативной составляющей реального образа политика Путина.

В позитивной составляющей я бы выделил четыре главных аспекта.

Первый. Владимир Путин — это президент России, видящий свою миссию в возрождении величия России во всех его, величия, существенных компонентах — как страны, государства и нации. Причем величия в рамках рыночной экономики, демократической системы и материального благополучия населения, ибо всё это суть основные гаранты конкурентоспособности страны в условиях глобального соревнования не только за лидерство, но и, взглянем правде в глаза, за выживание. Именно в этом смысле Путин абсолютно справедливо утверждает, что либо Россия будет великой, либо ее не будет вовсе.

Второй аспект имеет отношение к феномену сохранения беспрецедентно высокого рейтинга (популярности) Путина в народе. Путин по-прежнему пользуется объективно выгодным для него контрастом между ним и Ельциным лично, а также между его политикой (действовать, строить) и ельцинской (бездействовать, разрушать). Судя по всему, запас прочности этого контраста настолько велик (очень уж запал в душу «дорогим россиянам» образ автора этого обращения

483

к «электорату»), что на одном нем Путин сможет ехать еще год, а то и два.

Третий аспект позитивного образа Путина тоже зиждется на сравнении (контрасте). Но это сравнение не столь оптимистично, как в случае с Ельциным. Путин не имеет соперников. Наша политическая система абсолютно не способна рождать равновеликих Главному начальнику конкурентов. Наша оппозиция, что слева, что справа, умеет критиковать власть, но не умеет с ней конкурировать. Отчасти это ущербность нашей недоделанной и управляемой демократии, отчасти — ущербность оппозиции, переходящая в ее отсутствие (реальное, а не номинальное). Конечно, это еще и наследие генетического цезаризма русской системы власти (что в авторитарном, что в демократическом варианте), а также патерналистской ментальности страны, населения, избирателей, следовательно — и представителей оппозиции (Ельцин, надо признать, на восходящей линии своей оппозиционности Горбачеву инстинктивно отверг эту ментальность).

Четвертый аспект позитивного образа Путина внешне совпадает с первым: деятельность. Но только внешне. Ельцин (при власти) ведь тоже временами был активен до умопомрачения, правда, главным образом, когда дело касалось защиты его личной власти.

Путин не только деятелен (в отличие от позднего Ельцина). Он делает то, что нужно стране. Не всегда так, как нужно, но всегда берется за то, что нужно. Это, конечно, тоже вдохновляет народ на поддержку президента и даже на прощение ему ошибок.

* * *

Слава богу, мы не на политических похоронах Путина и даже не на его юбилее. Поэтому самое время сказать и о довольно многочисленных недостатках политики президента Путина, и о личных его недостатках как политика. Существенных недостатках, пока еще не перекрывающих его, Путина, и ее, политики Путина, достоинств, но за быстротечностью времени (через год надо начинать готовиться к предвыборной кампании 2004 года, а через два — начинать и саму кампанию) чреватых поражением. Не на выборах (это дело второе, к тому же по большому счету — его личное дело). Чреватых поражением того хорошего, что Путин начал в России и что в России началось при Путине.

484

Why do we need mr. Putin? (2)

От проекта «Путин» к проекту «Россия»

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 24.03.2001

Зачем нам, России, господин Путин? Продолжая рассуждения на эту тему, напомним, что в целом итог деятельности первого года президентства Владимира Путина я определяю сугубо положительно.

Однако и отрицательных черт в поведении и действиях президента проявилось достаточно. Какая-то их часть может быть отнесена на его неопытность как публичного политика, да еще в статусе главы государства. Какая-то — на комплексы, связанные со спецификой первой профессии. Какая-то относится к числу личных качеств, в том числе и таких, которые неважны, незаметны или нейтральны в обыденной жизни или на средних постах, но бросаются в глаза и мешают эффективной политике при работе в президентской должности.

Неопытность проходит и, безусловно, пройдет. Поручкой тому предыдущий стремительный карьерный рост Владимира Путина — на пустом месте такой рост развиваться не мог.

От прежних, сугубо специальных, привычек придется постепенно избавляться. Даже несмотря на очевидный популистский эффект демонстрации брутальности в поведении, тем более что направлена эта брутальность не на всех, кто этого заслуживает.

Человеческие слабости, имеющиеся у всех, могут быть компенсированы лишь очевидными успехами деятельности на президентском посту (что, собственно, в настоящее время и происходит).

Я, разумеется, не намерен делать полномасштабный обзор «недостатков» Путина, тем бо-

485

лее чисто личных. Коснусь только того, что, на мой взгляд, значимо политически.

СУММА НЕДОСТАТКОВ

Главными недостатками политики Путина, проявившимися за год его президентства, я считаю

следующие.

Во-первых, Владимир Путин, что, кстати, он сам отметил в своем последнем интервью главным редакторам четырех российских газет, не нашел рецепта победы над отечественной бюрократией. А ведь некоторые из составляющих этого рецепта давно известны, и требуется лишь политическая воля для их реализации.

Кстати, то, что, по-моему, впервые президент обозначил борьбу с бюрократией (в злокачественной ее части) как важнейший приоритет — это само по себе беспрецедентно.

Во-вторых, президент, на мой взгляд, целеустремленно действуя там, где он уверен в своей правоте, излишне мягок там, где он не знает, как решить ту или иную проблему. С одной стороны, в этом случае он не хочет (видимо, по провозглашенной им логике «президент отвечает за всё») полностью передавать ответственность тем, кто, собственно, и должен отвечать за такое решение. С другой стороны — он слишком снисходителен к ошибкам тех, кто ему симпатичен, верен или тем более находится с ним в приятельских или дружеских отношениях. Жесткость и даже временами наблюдаемый бонапартизм Путина далеко не абсолютны. Он вовсе не напоминает того «железного» чекиста, образ которого ему приписывают. Мне даже кажется, что в некоторых случаях Путин опасно уступчив.

Конечно, Путин боится ошибиться. И прежде всего потому, что понимает, как велика сегодня цена ошибки в России. Но его попытки во всем разобраться самому (что я, кстати, видел во время встречи президента с главными редакторами 13 января, когда Владимир Путин вникал в такие нюансы излагаемых ему проблем, которыми должны бы заниматься его многочисленные министры и помощники) — эти попытки часто иррациональны с точки зрения приоритетов президентской ответственности.

В-третьих, что вытекает из «во-вторых», Путин почему-то не решается расставаться с откровенно слабыми сотрудниками-

486

ми — даже если они не являются крупными политическими фигурами. А власть в этом плане должна быть не только жестка, но и жестока: сантименты и нерешительность обходятся, в конечном счете, очень дорого.

В-четвертых, что, безусловно, ведет и к нерешительности кадровой политики Путина, президент до сих пор не сумел подвинуть свою команду на разработку реального и инструментального плана или, как сейчас говорят, проекта «модернизации России». Многочисленные либеральные и псевдолиберальные проекты, к которым Путин тяготеет прагматически, либо банально очевидны, либо утопичны (то есть неграмотны), либо корпоративно ангажированны. Этим планам Путин, естественно, интуитивно не доверяет.

Консервативные проекты, к которым Путин неравнодушен психологически, пугают Путина своим очевидным реваншизмом.

Но в совокупности всё это означает пока только то, что Путин не имеет не только продуманной и развернутой программы политических и экономических реформ (кроме очевидных их направлений), но и такой важнейшей, а в чем-то и решающей ее составляющей, как кадровая политика. Если не считать под таковой, что, конечно, слишком узко, опору на верных друзей и раздачу губернаторам олигархам, а там, где не хватает олигархов, — военным.

Наконец, многих, меня в том числе, настораживает отношение Владимира Путина к народу. Он, кажется, слишком идеализирует его патриархальность и начальстволюбие, а кроме того — довольно цинично видит в нем скорее материал для реформ, чем их движущую силу. Полнейшее игнорирование (не на словах, а на деле) развития местного самоуправления — материальной основы гражданского общества, — кажется, стало нормой. Даже в советские времена местное самоуправление было масштабней и влиятельней.

Увлечение идеей реформ только сверху, а отсюда и использование административных рычагов взамен политических, политических взамен судебных и экономических — опасное увлечение. По крайней мере, если это увлечение чрезмерно.

Часто решение наиболее сложных проблем нужно начинать бюрократически (что в данном случае означает — политически). Создание министерства местного самоуправления и министерства реформ стало бы первым и эффективным

487

шагом к выработке реальных проектов в этих областях. В иных случаях ведомственная бюрократия топтит любую работающую, а потому опасную для нее идею.

Почему до сих пор не разработана реформа правительства — совсем непонятно. Точнее — совсем понятно. Ее разработка поручена тем, кого предстоит реформировать.

Мне кажется, что Путин (как бывший директор ФСБ) слишком хорошо знает внутреннюю жизнь нашей бюрократии, а потому — боится ее. Здесь бы не помешала толика дилетантского авантюризма.

ВЫБОРЫ: ГОД СПУСТЯ

Я совсем не считаю прошедший (первый президентский) год потерянным для России. Сделать больше, конечно, было возможно, но вряд ли намного.

Важно, какие уроки извлек Владимир Путин из этого года. Если это было утаптыванием стартовой площадки — всё нормально. Если просто первым годом президентского четырехлетия — тогда плохо. Это мы должны понять по содержанию послания президента Федеральному собранию, по действиям Путина весной—осенью этого года.

Почему президент не пошел на предлагавшийся ему проект роспуска Думы? Если потому, что понимает, что пока ему не с чем выйти к обществу, прося его об еще большей, чем сейчас, политической поддержке, — это нормально. Если ищет, с чем выйти, — это хорошо. Если найдет — блестяще.

Сама по себе идея роспуска Думы была чисто спекулятивной, ибо политическая технология не может заменить политику. Она может лишь усилить ее или ослабить политику оппозиции — но ослаблять-то было нечего.

Ей-богу, сейчас нет времени на политические спекуляции. Проект «Путин» давно завершился успехом. Выжимать из него 150% успеха вместо 100 — бессмыслица. А запустить с помощью успеха проекта «Путин» успешный проект «Россия» — вот достойная и исторически, и прагматически задача, вот в чем миссия президента.

СТОИТ ЛИ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ПУТИНА В 2004 ГОДУ?

Исходя из результатов первого года путинского президентства, конечно, стоит. Даже бесспорно стоит.

488

Но впереди еще три года, причем ближайший — решающий. Если мы будем наблюдать лишь растягивание во времени проекта «Путин», в убедительности которого уже никого не надо убеждать, то придется искать другого фаворита, если даже это малоперспективно. Хотя бы ради благой и конструктивной идеи альтернативности.

26 марта 2002 года итоги выборов 2004 года будут, по сути, predetermined. У Путина отличные шансы. Но не ради же этого он сменил Ельцина на развалинах страны.

Зачем нам Путин? Да просто для того, чтобы сделать то, что нужно сделать. Путин нам нужен как инструмент нормальных и эффективных реформ. Опытный образец инструмента оказался неплох. Пора испытать его в настоящем деле.

489

Императивы Путина

Управляемая демократия и неуправляемый авторитаризм

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, №45, 5-11.11.2003

Как в норме происходит смена первого лица во власти — монарха, генсека, президента, премьер-министра (в парламентских республиках)? Вслед за старым первым лицом в отставку уходят (или отправляются) все члены правительства, вся администрация (личный кабинет) прежнего главы высшего властного органа — это почти закон. Кроме того, часто такая же, вполне предсказуемая и никого не удивляющая судьба ждет руководителей спецслужб, высших руководителей Вооруженных Сил, государственных (там, где они есть) бизнес-структур и даже первых лиц дипломатических миссий страны за рубежом.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ НОРМЫ

Так происходит в демократиях, точно так же — при авторитарных и даже деспотических режимах. Так было и в России: при царях, при императорах, при большевиках. Так, естественно, случилось и при переходе власти от Горбачева к Ельцину.

Но с 1991 года мы живем, мягко выражаясь, в аномальном (анормальном) периоде нашей истории. Назовем его самым приличным из известных всем определений — переходный период.

Власть от Ельцина к Путину перешла не по политической норме, не по политической традиции. Мы все это заметили, но не зафиксировали свое особое внимание на аномальности передачи власти, так как самого неприятного, того, чего мы более всего опасались, не случилось, и передача власти произошла совершенно мирным

490

и внешне, да во многом и содержательно, демократическим путем.

Человек Семьи, выбор Семьи — это же было самым главным обвинением, бросаемым Путину в первую очередь теми (хотя и не только ими), кто с весны 1999 года, но особенно осенью 99-го, разоблачал Семью и Путина как один политический клан. Кстати, именно эти люди сегодня в первых рядах тех, кто клеймит Путина за отход от политики Ельцина, то есть от политики той Семьи, «заграничные счета» которой они демонстрировали в свое время в прямом эфире.

Тогда же, а точнее весной 2000 года, как главное доказательство несамостоятельности Путина приводили как раз то, что он не сменил главу президентской администрации и почти не тронул состав правительства. Более того, с интересом ждали 26 марта 2001 года, затем 26 марта 2002-го — реальных или виртуальных сроков, начиная с которых Путину уже «разрешалось» менять команду. И всякий раз, когда этого не случалось, в словах комментаторов звучало разочарование.

Почему Путин не менял ключевых игроков ельцинской команды (точнее — почти не менял, ибо на силовые министерства — МО и МВД — он всё-таки поставил своих людей, а шеф ФСБ Николай Патрушев и так был его человеком) — тема отдельного разговора. Отмечу только то, с чего начал. Это было отклонение от всех норм и всех традиций политики. И рано или поздно норма должна была быть восстановлена.

Предполагалось, что это произойдет после избрания Путина президентом на второй срок. И уж

точно — после думских выборов. Но случилось, как мы теперь видим, раньше. Политически — существенно раньше. Почему?

МЕЖДУ ПРОХАНОВЫМ И БЕРЕЗОВСКИМ

К 2003 году Путин пришел с двойным политическим клеймом. «Продолжатель дела Ельцина» (Зюганов, Проханов) и «предатель дела Ельцина» (Березовский). Странно. Впрочем, еще более странно то, что хулитель Ельцина Проханов и поклонник Ельцина Березовский слились в экстазе нелюбви к Путину. Впрочем, не странно. Обоих не удовлетворяло, что Путин продолжал быть полу-Ельциным. Просто одному хотелось, чтобы из этого сочетания отпала хотя бы вторая часть, а другому — чтоб первая.

491

Радикальная смена команды — главный способ удовлетворить желание и Проханова, и Березовского. Вернее говоря, либо Проханова, либо Березовского. Ибо к 2003 году стало ясно, что полуудовлетворять-полунеудовлетворять далее обоих антагонистов, обе половины российского общества, в основном состоящего из Прохановых и березовских, далее не удастся. Нужно делать выбор.

Но поскольку никто до конца точно не мог спрогнозировать, какой выбор сделает Путин (ибо в своих действиях и словах он крайне амбивалентен), поскольку каждый боялся, что Путин сделает другой выбор, постольку и началась борьба одновременно и за президента (чтобы сделал нужный выбор), и против президента (чтобы не сделал ненужный выбор).

Путин свой выбор оттягивал. Поначалу это устраивало всех, но стали катастрофически стремительно приближаться парламентские выборы. А это означало, что при всей якобы эфемерности современного русского парламентаризма в декабре выбор сделает само российское общество, а Путин может присоединиться к этому выбору. И реальные политические игроки раньше большинства хитроумных политологов, весь 2002 год и даже весной 2003-го всё твердивших о неважности декабрьских выборов, поняли: чья-то, но не ясно чья победа на думских выборах определит выбор Путина, а значит, и их, игроков, судьбу. Ставки подскочили до заоблачных высот. В результате случилось всё то, что мы наблюдали в 2003 году и апофеозом чего стало заключение Михаила Ходорковского в узилище.

ВСЁ БЫЛО ЯСНО ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД

Должен признать, что мое авторское тщеславие вполне удовлетворено тем, что именно после моей статьи от 13 января 2000 года *«Диагноз: управляемая демократия»* это определение закрепилось в политическом, политологическом и журналистском лексиконе как наиболее точное и популярное определение существующего в России политического режима. Статья была написана сразу же после изощрённо-добровольного ухода Бориса Ельцина с поста президента и передачи им высшей власти в России из рук в руки Владимиру Путину и почти за три месяца до того, как Путин легитимизировал этот акт своей победой на президентских выборах 26 марта 2000 года. Это принципиальный момент — режим

492

управляемой демократии во всех своих существенных чертах сложился до того, как Путин был избран президентом. То есть Путин действовал в рамках уже созданной политической конструкции, состоявшей из управляемой демократии Центра и неуправляемого авторитаризма олигархов.

Теперь позволю себе привести специально для читателя «ЛП» отрывок из той своей статьи, во-первых, потому, что многое из написанного тогда стало еще более актуальным сегодня, а во-вторых, в «Диагнозе» дан анализ самого механизма воспроизводства одной и той же модели политической борьбы в России на протяжении всего XX века. А это позволяет спрогнозировать и дальнейший ход событий.

Прошу обратить внимание читателя на полное определение того политического режима, который сложился в России к концу правления Ельцина.

ДИАГНОЗ: УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Я наконец назову то, во что мы уже давно, а не только что вошли. Это не диктатура, не деспотия. Это авторитарно-протодемократический тип власти, существующий в форме президентской республики и в виде номенклатурно-бюрократического, слабофедерального, местами квазидемократического и сильно коррумпированного государства. Двумя словами я всё это вместе называю так: управляемая демократия.

В 1917 году большевики во главе с Лениным берут власть, имея собственный демократический лозунг «Вся власть Советам!», но не могут проигнорировать и не менее популярный в обществе лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Выборы в Учредительное собрание большевики, однако, проигрывают: у них нет большинства.

Что делает Ленин? Правильно. Незаконно распускает Учредительное собрание, а затем, подавляя сопротивление (в том числе и вооруженное) его сторонников, переходит к революционному террору.

В виде Советов в стране возникает управляемая демократия. Реальной, однако, демократия остается в партии, в частности — на съездах партии.

К власти приходит Сталин. При нем управляемая демократия в виде Советов становится квазидемократией, но в партии демократия остается. Тогда Сталин доведенным им до со-

493

вершенства методом «Главное не как голосуют, а как считают голоса» превращает внутрипартийную демократию в управляемую. А затем с помощью террора и ее трансформирует в квазидемократию. Еще один цикл истории российского парламентаризма завершен.

К власти приходит Горбачев. Основной лозунг — одемокрачивание партии (возвращение к «ленинским нормам»), но главное вновь — «Вся власть Советам!» (подразумевается — а не КПСС).

Горбачев не сумел и не успел одемократить партию, зато «Всю власть Советам» практически дал. В

результате его зажали в клещи и свергли совместно недемократичная часть КПСС (ГКЧП) и переродившаяся в охлократию интеллигенция власть Советов во главе с Ельциным.

Горбачев не смог перейти к управляемой демократии.

Воцарился Ельцин — лидер демократически-охлократического движения, существовавшего в рамках Советов. И перед Ельциным, как до того перед Сталиным, а до него — перед Лениным и до них — перед Николаем II, встала всё та же проблема: парламентская демократия (царские Думы, Учредительное собрание, Советы, партийные съезды) мешает управлять тому человеку, который наделен высшей исполнительной властью в стране. Особенно если они (Советы, съезды партии) имеют право этого человека снять с должности.

И Ельцин делает, лишь пару лет честно поборовшись с неуправляемой демократией, что? Правильно. То же, что царь с Думами, Ленин с Учредилкой, Сталин с Советами и съездами партии (Горбачев вот не решился — и проиграл).

Но дальше Ельцин совершает нечто новое в российской политической истории. Он делает шаг не в сторону диктатуры или деспотии. Он назначает выборы в Думу — в новый парламент. Имея целью (сознательной или подсознательной) установление управляемой демократии.

В 1996 году, на президентских выборах, управляемость нашей демократии была продемонстрирована во всей красе. Проблема оказалась в другом: Ельцин... плохо управлял страной.

Но демократического импульса не погасил, к деспотии не свернул. Несмотря на то, что сконструированная им управляемая демократия захотела его же и свергнуть (через процедуру импичмента).

494

И вот Ельцин, на излете своей власти, наткнулся на Путина...

Путин (вместе с Ельциным) разумно решил продлить жизнь управляемой демократии по крайней мере еще на один срок.

Почему? Эгоистические мотивы, конечно, присутствовали. Но главное — опасение, разумное, обоснованное, что отход от управляемой демократии вернет страну к охлократии (через изменение Конституции), к демократии неуправляемой, к анархии.

Управляемая демократия — это когда голосует народ, а люди, находящиеся у власти, чуть-чуть выбор народа корректируют. В чью пользу? В свою, разумеется.

ПРОЕКТ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Этот проект родился по многим, часто прямо противоположным мотивам многих политических игроков, исповедующих более чем расходящиеся взгляды. Но об идеологиях мало кто думал, а потому его эклектика не смущала авторов и исполнителей проекта. Подход был сугубо инструментальным. Нужен механизм для гарантированного проведения той линии, которую правящий класс будет проводить после выборов.

А кто будет главным в правящем классе? Это мы решим потом. Вернее, это решится по ходу подготовки и проведения выборов в нашей аппаратной борьбе. Власть будет у «Единой России», «Единая Россия» — в наших руках. Путин, естественно, не сможет проигнорировать столь мощный механизм и тех, кто им управляет.

Но мешали коммунисты. Без допинга победить их нельзя. Допинг один — путинский рейтинг.

Проект «Единая Россия» содержательно напоминал центризм, какового, что очевидно, в стране Прохановых и березовских не существует, и фактически всего лишь фиксировал статус-кво.

И Путин уже весной это почувствовал. Статус-кво своей неопределенностью перестал его удовлетворять. На всякий случай, чтобы выиграть время и не сделать себя заложником не вполне очевидной ситуации, Путин дал добро на самостоятельные действия паре-тройке более мелких фигур. Кстати, выиграв от этого — карта пошла сама. Например, Анатолий

495

Чубайс вдруг предложил свой вариант центризма — как альтернативу центризма «Единой России». Либеральный империализм. В расшифровке — смесь Березовского с Прохановым.

УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЗНОСИЛАСЬ

В управляемой демократии крайне важны две вещи. Центр управления и целеполагание. Ибо по сути своей управляемая демократия есть переходный от чего-то к чему-то режим. То есть он предполагает выбор, для которого Путин, как мы выяснили, вполне созрел.

Но проблемы возникли и с центром управления (он не един, что мы знали и до аналитической записки Глеба Павловского, но ее публикация сняла табу с публичных рассуждений на эту тему), и тем более с целеполаганием. Как мы тоже уже выяснили, Путина тянули в прямо противоположные стороны — в сторону Березовского и в сторону Проханова.

Короче говоря, наши политические разночинцы управляемую демократию, сильную именно своей цельностью, единством воли, до срока изнашивали, ибо гоняли ее в прямо противоположных направлениях. Этим занимались все: Кремль во всех своих фракциях, ЮКОС, другие бизнес-группы, силовики, правые, левые, регионалы и т. д.

Система управляемой демократии, позволяющая административно корректировать волеизъявление избирателей и формально независимых институтов общества, как мы видели, в нашей российской истории чаще всего использовалась для того, чтобы через подчинение демократических процедур единой воле начальства установить власть одного лица или одной группировки и ликвидировать демократию вообще, оставляя лишь ее формальные институты. Но это не значит, что эта система не может использоваться для

реализации прямо противоположной цели. Для сохранения демократии и создания нормальной системы сменяемости власти. На этот путь мы уже вступили.

Радикальный шаг здесь сделал, как это ни странно, Ельцин. Разогнав парламент под названием Верховный Совет, он учредил парламент под названием Федеральное собрание. Ельцин выбирал меньшее из двух зол для себя. Мало кто помнит, но, ликвидируя своим указом № 1400 Верховный Совет, Ельцин обещал провести не только выборы в новый пар-

496

ламент, но и досрочные президентские выборы летом 1994 года. Но, естественно, последнего не сделал. Тем более что результат думских выборов 1993 года показал, что никаких шансов на переизбрание у самого Ельцина нет.

Тем не менее исторический шаг был сделан. Государственная Дума возникла и конституировалась в политическом сознании и общества, и правящего класса как необходимый институт политической системы страны, за влияние на который нужно бороться, а не просто игнорировать или тем более ликвидировать его.

Конституирование Думы, выборы половины депутатов которой проводятся по партийным спискам, стимулировало процесс партстроительства. Крайне ущербный, но тем не менее.

Как дальше бы в оптимуме должна была функционировать система управляемой демократии?

Очень просто. Центральная власть внимательно следит за процессами демократического волеизъявления на местах, и там, где с помощью демократических процедур к власти могут прийти опасные для нации или самой демократии силы, например, уголовные элементы, выборы «корректируются». Кстати, примеры такого рода мы при Ельцине видели. Вспомним знаменитую эпопею борьбы г-на Климентьева за кресло мэра Нижнего Новгорода. И это не единичный случай.

Однако постепенно возобладал другой принцип определения задач, которые должна решать управляемая демократия. С помощью ее механизмов стали устраняться не те, кто опасен для нации и самой демократии, а те, кто оспаривал власть или собственность тех в Центре и в регионах, кому эти власть и собственность уже принадлежали. С помощью управляемой демократии стали преграждать дорогу во власть не криминалу (как раз ему в этом перестали мешать), не тем, кто представляет угрозу для нации, а просто политическим конкурентам и конкурентам в бизнесе. Последнее стало особенно актуальным, так как именно в 1994-1997 годах развернулся самый масштабный со времен большевистской национализации раздел собственности одной из богатейших стран мира (а по природным ресурсам — самой богатой).

Режим управляемой демократии окончательно был установлен в России теми, кто находился у власти и получил крупную собственность в ней в 1994-1997 годах.

497

Именно эти люди, половина из которых, а в центральных органах и более половины, именовала себя либералами и демократами, пресекли ход нормально-демократического развития России. Их сокровенным лозунгом было: «Там, где нет нашей собственности и нашей власти, — демократия, там, где наша собственность (или собственность, которая нас интересует) и наша власть есть, авторитаризм». И именно в эти годы под почти полный контроль тех, кто с этим лозунгом шел, а это был весь правящий и владетельный класс, были поставлены правоохранительные органы, судебная система и СМИ страны.

Кремлю позволено было оставаться лишь сюзереном вассальных группировок, полномочным решать арбитражные споры между вассалами, но отнюдь не вмешиваться в дела подконтрольных вассалам территорий (если даже это были целые субъекты Федерации) и тем более в дела полученной ими собственности.

Так в России сложился новый феодализм, прикрываемый многочисленными публичными рассуждениями о свободе слова, демократии и прочих соответствующих духу и моде времени гражданских правах.

Но феодальный строй, строго говоря, не нуждается ни в какой демократии, даже управляемой. Он автоматически тяготеет к авторитаризму. Ибо, с одной стороны, вассалы хотят подчиняться (даже как третьей инстанции) только тому сюзерену, которого они сами выбрали. А с другой, сюзерен (президент, центральная власть) не должен быть намного могущественнее и богаче вассалов — иначе он превратит вассалов в просто более богатых, чем другие, своих холопов.

Олигархи и их сводные братья региональные бароны были заинтересованы в максимальном ослаблении президентской власти и в пребывании во главе ее зависимой от них и достаточно слабой фигуры.

Позже родился антидемократический «демократический проект» превращения России из президентской республики в парламентскую, дабы сформированные олигархами депутатские фракции в буквальном смысле выбирали вассалом сюзерена.

Утверждают, что ЮКОС осознанно готовился к реализации этого плана.

Эта ситуация автоматически приводила к тому, что центральная власть, президент вынуждены были сопротивлять-

498

ся, то есть проявлять авторитарные тенденции. Авторитаризм Путина лишь на 10 процентов есть его личный авторитаризм, а на 90 процентов — неизбежный авторитаризм сюзерена, который, не стремясь он к абсолютной власти монарха, неизбежно будет либо съеден, либо свергнут, либо подавлен объединенной волей своих вассалов.

Ельцинская система сдержек и противовесов была не формой демократии, а формой защиты личной

власти сюзерена от алчности вассалов. Поскольку эта система создавалась не в XVII или XVIII веке, а в конце XX, она приняла вид управляемой демократии — политкорректной для эпохи модернизма изоморфозы конституционной монархии (см. текст Конституции РФ 1993 года).

ФЕОДАЛИЗМ ПОСТРОЕН. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Отречение от престола Ельцина в пользу Путина есть абсолютно точная политическая аналогия отречению Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича. Передать власть одному из своих «сыновей» — Чубайсу, Гайдару, Немцову, как почти открыто сказал Ельцин в своем недавнем интервью «Московским новостям», он хотел бы, но не мог. Не из-за того, что они, как цесаревич Алексей, слишком юны и слабы здоровьем, а потому, что «на выборах их не поддержали бы». Всё-таки у нас хоть управляемая, но демократия. Всё-таки наступил канун XXI века — совсем игнорировать мнение народа не модно, а главное — опасно.

Путин, по счастью, в отличие от Михаила Александровича, полномочия главы государства на себя возложил. И нового 1917 года во всех его прелестях (от февраля до разгона Учредительного собрания) мы не увидели. Возможно, просто потому, что уже имели все эти прелести в 1990-1993 годах. Здесь — полнейшая аналогия: абсолютно все события 1917-го в этот период в России повторились. Однако несколько укрепив с помощью управляемой демократии государственную (но не свою личную) власть и порядок, Путин не смог и не мог решить два главных вопроса, нерешенность которых, как я уже неоднократно писал, по-прежнему оставляет Россию в состоянии холодной (латентной) гражданской войны. Вопрос о власти и вопрос о собственности. Почему не мог?

Управляемая демократия — как переходный политический режим — позволяет это сделать при наличии, как уже отме-

499

чалось, единства воли и единства цели хотя бы правящего класса. А в современных условиях желательно (а чаще всего и обязательно) к этому добавить единство того и другого с волей и целями общества.

А этого не было.

Не един был не то что правящий класс — не един был даже Кремль! Ни в своей воле, ни в своих целях.

Есть безусловное единство воли Путина и воли народа. Свидетельство тому — знаменитый высокий рейтинг президента. Но из рейтинга политику не сделаешь, как не сваришь и кашу из топора. Нужно еще много что добавить. На рейтинг чья-либо политика может опереться, но до того ее нужно заиметь. Политику, консолидирующую интересы всех значимых сил общества и всех главных политических игроков, или, как сейчас модно выражаться, акторов. А как раз такую политику и не смог создать Путин за первый срок своего правления. Мы все и он сам заинтересованы в том, чтобы такая политика возникла до следующей смены власти в стране, то есть до 2008 года.

ИМПЕРАТИВЫ ПУТИНА

Управляемая демократия без единства политической воли и единства политических целей автоматически превращается либо в олигократию (1993-1999 годы), либо в охлократию или анархию — 1990-1993 годы, либо в авторитаризм. Какового мы по-прежнему не имеем. Даже и при Путине, хотя его многие, особенно в последний год, в этом обвиняют.

Жажду авторитаризма. Зову его: «Авторитаризм, ау, где ты?!» Нет ответа.

Дело в том, что по многим причинам авторитаризм центральной власти сегодня в России невозможен. Вот на региональном уровне и на уровне олигополий, то есть на уровне вассалов, он и возможен, и реально существует: авторитаризм Башкортостана и «Газпрома», Свердловской области и ЮКОСа, Чечни и РАО «ЕЭС». Его нет только в Центре, в Кремле, у центральной власти. Как бы она ни хотела. Есть авторитарные поползновения, направленные против власти вассалов, но это авторитаризм, не управляющий неуправляемым авторитаризмом главных игроков!

Вот парадокс современной российской политической системы: ее демократизм поддерживается многообразием не-

500

управляемых авторитаризмов олигархов и губернаторов, но эти же игроки не дают ни центральной власти, ни обществу в целом сделать шаг к настоящей демократии, да и к государственному авторитаризму на федеральном уровне.

Государственный авторитаризм центральной власти блокируется сознательной волей вассалов и пассивным неприятием общества. Потому он и есть авторитаризм не управляющий. Пример тому — знаменитая вертикаль власти, очень стремительно переходящая в пунктир (иногда — уже на уровне правительства и некоторых федеральных органов, а уж на губернаторском уровне — точно).

А переход к настоящей демократии блокируется в первую очередь вассалами (олигархами и губернаторами), их клиентелой в бюрократическом аппарате (коррупция) и лишь в последнюю очередь лично Путиным. Конечно, им тоже. Но потому, что президент (я рассматриваю Путина как политическую функцию, а не как конкретного человека) знает, что если вдруг он своим личным распоряжением введет в стране полную, абсолютную и самооценную демократию, то это будет иметь одно из трех последствий:

1) реализацию этой демократии заблокируют бюрократы и вассалы, и президент потеряет поддержку и тех, и других, его свергнут как раз те, кто громче всего демократии требует; если же этот барьер, что почти невероятно, будет преодолен, то к власти в стране придут:

2) либо левые силы, которые уж точно посадят в тюрьму Ходорковского (и не только его) и начнут новый передел собственности, чего Россия не выдержит;

3) либо криминальные структуры, взлелеянные, кстати, и олигархами.

Вот та ловушка, в которой оказался Путин. В которой на его месте оказался бы любой. И старых методов решения проблемы нет. Хилый авторитаризм Центра бессилён перед совокупным неуправляемым авторитаризмом вассалов. Механизм управляемой демократии, отданный на распыл всем, кто оказался при власти и собственности, не позволяет ни управлять системой, ни демократизировать ее. Он лишь позволяет продлить шаткий статус-кво, возможно, привести к победе на выборах новую партию власти (то есть партию вассалов) и оказаться в еще большей зависимости от них. И вплоть до 2008 года решать те же проблемы, что и в первой легислатуре, да еще думать об очередной операции «Наследник».

501

Опереться же прямо на народ, двинув его против олигархов, чем, кстати, грозил в свое время от имени Кремля Глеб Павловский, это значит развязать новую горячую гражданскую войну.

КТО ВЫБИРАЕТ КОСТЮМ?

Управляемая демократия устала и перестала быть эффективной. В сторону авторитаризма более двух шагов сделать не дадут, да и сил нет. В сторону полновесной демократии идти опасно и боязно.

Но нового ничего не придумашь. Единственный рецепт — консолидация общества и всех субъектов российской политики под знаменем либо общей идеи (что сложнее всего), либо единой воли (что кажется легче, но только на первый взгляд). А лучше — консолидация под знаменем общей идеи вокруг единой воли.

Для этого нужна сама единая воля и, следовательно, абсолютно неизбежен кадровый переворот (или, как говорили два-три года назад — кадровая революция). И он начался — вопрос лишь в масштабах. А масштабы, судя по первому шагу, будут значительные.

Ясно, что Путин не верит большинству олигархов ельцинского призыва или, во всяком случае, предпочитает разговаривать с ними с позиции силы. В целом это понятно и даже разумно. Но сила должна быть оформлена: команда, идея (публично оглашенные условия общественного договора), согласие общества и основных или большей части игроков (причем согласие искреннее, а не спекулятивное) с этими условиями (обязательствами каждого перед всеми и всех перед каждым), механизм реализации, которым, кстати, может быть только та же управляемая демократия. Но в оптимальном, а не в нынешнем своем варианте.

Политический режим, унаследованный Путиным от Ельцина, изрядно нынешнему президенту надоел (да и обветшал, даже будучи перелицованным). Путин хочет сам выбрать новый костюм в своем гардеробе. Заглядывает в него — а там всё костюмы, закупленные аппаратом. Надо звать нового портного. И звать самому.

502

Либеральный консерватор

Владимир Путин в 50 лет и в роли президента

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 07.10.2002

Карьера Владимира Владимировича Путина — самая стремительная и самая блестящая, учитывая достигнутый результат, из всех известных нам перемещений в политическом классе России с момента начала горбачевских реформ, то есть за последние 17 лет.

В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В XX веке, после падения монархии, Россией (РСФСР, СССР, РСФСР, РФ), исключая переходные фигуры, руководили: Владимир Ульянов-Ленин, Иосиф Джугашвили-Сталин (профессиональные революционеры), Никита Хрущев, Леонид Брежнев (профессиональные аппаратчики), Юрий Андропов (профессиональный сотрудник органов госбезопасности), Михаил Горбачев, Борис Ельцин (профессиональные аппаратчики), Владимир Путин (профессиональный сотрудник органов госбезопасности).

Всех их, за исключением Леонида Брежнева, смело можно называть реформаторами (не касаясь, естественно, сущности и методов их реформаторской деятельности). XX век в России — это, безусловно, беспрецедентный по плотности событий период сменяющих друг друга войн, революций и реформ.

Владимир Путин стал президентом (главой) страны в возрасте 47 с небольшим лет. Так же, как и Владимир Ленин. Таким образом, Путин вместе с Лениным — самые молодые в истории России XX века руководители государства, если не считать императора Николая II и вести отсчет

503

правления Сталина не со дня смерти Ленина, а с конца 20-х годов, когда Сталин наконец установил свое единовластие.

В любом случае с Путиным окончательно пресекается геронтократическая тенденция в российской политике второй половины XX века, нарушенная приходом к власти Горбачева (в возрасте 54 лет), но чуть было не возобновившаяся, если бы президентом России после Ельцина стал, как намечалось одной из противоборствующих в 1999 году группировок, Евгений Примаков.

Определение «второй», может быть, самое характерное для фигуры второго президента России.

Владимир Путин — второй после Юрия Андропова выходец из органов госбезопасности глава страны.

Вслед за Лениным Путин второй руководитель России, который свободно говорит и читает на иностранном языке (Ленин, правда, знал несколько иностранных языков).

Путин — второй после Николая Романова глава государства, родившийся и выросший не в провинции, а в столичном городе, пусть только во второй столице, которой был с 1918 года Петроград-Ленинград-Санкт-Петербург.

Путин — второй после Бориса Ельцина глава государства, избранный на свой пост населением страны. Он также второй глава государства, срок правления которого не только оговорен Конституцией, но и, скорее всего, будет реально ограничен конституционной нормой.

Путин — третий за историю России XX века юрист, возглавивший государство. До него это были его тезка Ленин и Михаил Горбачев (впрочем, еще и Александр Керенский, если брать в расчет и тех, кто совсем недолго и почти формально возглавлял государство).

Чем Путин не отличается от практически всех своих предшественников, так это тем, что на вершине власти он оказался неожиданно для общества. После гибели монархии конкретное имя каждого нового правителя России до момента его воцарения было загадкой для населения страны. Исключениями, да и то с оговорками, можно считать Сталина, Хрущева и Ельцина, которые в той или иной степени публично и довольно долго боролись за власть, постепенно становясь фигурами, которых общество узнавало как преемников предшествующего властителя. Впрочем, у Путина тоже был такой период, но только очень короткий — всего несколько месяцев.

504

Но вот чем совершенно точно уникален Владимир Путин в ряду своих предшественников, так это тем, что он не шел к высшей власти осознанно и долго. Стремительная карьера Путина не знает аналогов в истории России XX века. В этом она, безусловно, революционна. Несколько утрируя, можно сказать, что Путин сначала получил власть, а лишь затем должен был ее завоевывать. Это — признак либо династического, либо революционного (или контрреволюционного) механизма получения власти.

В случае президентства Владимира Путина мы имеем симбиоз того и другого.

Словом, второй президент России как политическая фигура и как человеческий тип есть сумма основных властно-психологических характеристик всех своих предшественников на посту главы Российского государства в XX веке. И это, надо думать, не случайно.

Кстати, об определении «второй». Если Путин, как и положено по Конституции, уйдет с поста президента в 2008 году, он и здесь станет вторым (после Бориса Ельцина), кто в истории России XX, а теперь уже и XXI века, покинет вершину власти в стране не в результате смерти (Ленин, Сталин, Брежнев, Андропов, Черненко) или государственного переворота (Николай II, Керенский, Хрущев, Горбачев), а по закону и добровольно.

Если случится именно так, то Путин, закрепив едва наметившуюся, абсолютно новую, только с конца XX века нарождавшуюся у нас тенденцию, одним лишь этим сделает колоссально много для России — сразу укрепит нашу демократию десятикратно.

Впрочем, об этом, точнее о Путине после 2008 года, стоит сказать несколько слов специально.

ПУТИН ПОСЛЕ 2008-го

Молодость Путина, которую он ощущает и осознает как позитивный политический фактор (помнится, с год назад во время выступления в какой-то студенческой аудитории он даже сам отметил, что далеко не стар), эта молодость (не в биологическом смысле, конечно) делает уникальным для обозримой истории России и его уход с поста президента в 2008 году. Весной 2008-го ему будет всего 55 с половиной лет.

505

А это и физически, и особенно политически вполне дееспособный возраст.

Впервые политик в таком возрасте покинет высший пост в России, причем, повторюсь, не будучи смещенным и изгнанным из Кремля в результате государственного переворота. В условиях стабильной демократии это означает, что Путин не канет в политическое небытие объективно, а субъективно будет способен еще раз взять не меньшую политическую высоту.

Человек, который получает контракт на исполнение какой-либо работы на конкретный срок (а Путин не раз говорил, что он нанят обществом на выполнение обязанностей президента), сколь бы трудолюбив и увлечен своим делом он ни был, не может не думать, чем займется после отставки, если его контракт истекает гораздо ранее пенсионного возраста.

Собственный бизнес? Это не занятие для далеко не старого русского политика, вкусившего высшей власти.

Участие в бизнесе других? Быть подчиненным своих бывших подчиненных? То есть, теряя имя, участвовать в сомнительных сделках (а для иных у нас политиков не нанимают)? Конечно, Путин не выберет ни первого, ни второго.

После 2008 года перед Путиным открываются три стези, по каждой из которых, правда, первые шаги необходимо сделать, еще находясь в Кремле. Если Путин пока не озабочился этим, то, конечно же, вынужден будет озабочиться сразу после ближайших президентских выборов.

Первая стезя — сугубо международная. Стать должностным лицом высшего уровня на мировой арене. Ясно, что всемирные организации не подходят — американцы никогда не допустят туда гражданина

России в качестве первого лица. Остается Европа. Тоже, в общем-то, сомнительно, но как рабочая гипотеза рассматриваться может. Для этого нужно «немного» — вступить в Евросоюз. Несмотря на почти фантастичность гипотезы, предвижу форсирование попыток юридической интеграции России в объединенную Европу с весны 2004 года.

Вторая стезя, естественно, ведет к президентству в едином государстве Россия-Белоруссия, для чего нужно создать это государство де-юре и де-факто.

Третья стезя раздваивается на две переплетающиеся дорожки. Мы часто говорим о выборах 2008 года и даже начи-

506

наем прикидывать, кто будет президентом после Путина, то есть в период от 2008-го до 2012 года. А вот кто угнездится в Кремле в 2012-м? К весне 2012 года Владимиру Путину будет всего лишь 59 лет, что не является препятствием для борьбы за пост президента.

Для реализации этой возможности, равно как и для того, чтобы оставаться реально значимой фигурой в российской политике после 2008 года, Путину, естественно, нужна социально-политическая опора, то есть партия. Она, безусловно, будет создана или найдена из числа тех, кто перейдет пятипроцентный барьер на ближайших думских выборах.

Цели этой партии (в интересующем нас ракурсе): стать партией № 1 на думских выборах 2007 года; далее — привести к победе на президентских выборах 2008-го креатуру Путина, которую, в зависимости от обстоятельств, партия Путина либо оставит в Кремле, либо сменит в 2012 году, вернув своего лидера в уже знакомый ему кабинет.

Этот последний сценарий — самый реальный. Ради него стоит работать всей молодой (еще более молодой, чем сам шеф) команде Путина. И, кстати, этот сценарий не исключает и не отменяет усилий по реализации белорусского сценария.

Я практически исключаю возможность того, чтобы Путин, сколько бы ни намекали на это его присные, дал добро на изменение Конституции и удлинение сроков действия президентского мандата как «точечную» корректировку Основного Закона — даже через референдум. Ибо выглядеть это будет вызывающе антидемократично. И не только выглядеть. Масштабная же конституционная реформа, в рамках которой увеличение сроков президентской легислатуры пройдет в пакете, дело сложное и неочевидно полезное. Всё-таки опасно слишком скоро от даты принятия менять, даже в лучшую сторону, Конституцию. Текст получить лучше можно, но стабильность в стране может непредсказуемо, в том числе и для инициаторов процесса, поколебаться.

Что будет «после Ельцина», волновало всех, а что будет делать «после» сам Ельцин — очень немногих. В случае с Путиным ситуация, в силу его возраста, иная. Что будет делать Путин «после» — значимый вопрос, причем значимый уже для сегодняшней политической жизни. Его не обсуждают публично, но это не значит, что кто-то о нем не думает.

507

Кроме того, вопрос этот актуализируется буквально с каждым месяцем. Через полтора года об этом будут говорить на каждом политическом углу, но тот, кто задумается на сей счет раньше других, сможет правильно построить свою долгосрочную стратегию. Что, впрочем, экзотическая штука в нашей политике.

Я начал разговор о юбиляре, если отбросить вступительные главы этой статьи, «с конца», с того, чем обычно портреты политических деятелей заканчивают — с будущего Путина, не ради оригинальности только. Одно дело, когда политик, достигший вершины власти, видит в этом финал своей карьеры, уходящий либо в старость, либо в смерть, а другое дело, когда это всего лишь рубеж.

Путину в Кремле сегодня нужен успех. Не только потому, что, как всякий homo faber, он хочет делать свое дело лучше других (особенно лучше двух предшественников), но и потому, что его собственное будущее отнюдь не ограничивается достигнутым. Фактически его будущее — всё за рубежами 2008 года. И этого будущего очень и очень много.

Как Путин идет к своему будущему? Ждет ли его искомый успех?

Собственно, именно об этом есть смысл говорить в связи с пятидесятилетием человека, занимающего президентский пост в России. Иначе, в зависимости от отношения к юбиляру, лучше ограничиться прочувствованной поздравительной телеграммой или суровым молчанием.

ПУТИН И РОССИЯ

Категорическим императивом всей внутренней и внешней политики Путина, безусловно, является возрождение величия России как максимально значимого и активного субъекта мировой политики.

Производимые Путиным тактические маневры, включающие вынужденное (с его точки зрения) отступление по тем или иным направлениям (в Центральной Азии, например), не должны заслонять эту стратегическую цель путинской политики.

Поскольку на пути достижения этой цели стоит такая немалая проблема, как сохранение целостности и самостоятельности России вообще, Путин готов жертвовать менее

508

значимыми ценностями, если даже в глазах других эти ценности абсолютны.

Сначала Путина интересует, сохранится ли Россия и будет ли она самостоятельной и влиятельной, а лишь затем — какой политический режим будет в ней существовать.

Конечно, Путин предпочитает демократию авторитаризму, но только в тех случаях, когда демократия более эффективна как средство возрождения России. Точно такое же отношение у него и к

рынку.

ПУТИН И ИСТОРИЯ

Знаменитая фраза Путина, сказанная им в связи с решением вернуть официальный статус мелодии советского гимна, «возможно, мы с народом ошибаемся», означает, что Путин считает всю историю России, включая и советский период, единой и не подлежащей третируемости с позиций сегодняшнего дня. В общем-то это называется патриотизмом.

ПУТИН И НАРОД

Эта же фраза, сказанная по конкретному поводу, означает также, что Путин не считает народ главным и единственным делателем истории. Более того, считая народ скорее пассивным (в отличие от элит), чем активным субъектом исторического процесса — иначе он не дал бы уничтожить Советский Союз, Путин относится к народу с почтением. Почтением деятельного сына к промотавшему свое состояние отцу.

Если малая часть народа имеет и много хлеба, и новомодные зрелища, если какая-то часть народа (столичная интеллигенция) имеет мало хлеба, но много заменяющей ей всё остальное зрелищ, то Путин — из того самого почтения — хочет дать большей части народа, не имеющей или почти не имеющей хлеба, хотя бы зрелище. То зрелище, которое эта часть народа жаждет.

Почтение к народу смешивается у Путина не с презрением (как у «новых русских», у вечно старой и вечной новой бюрократии и у вечно молодящейся столичной интеллигенции), а... пожалуй, с жалостью и недоверием. Промотавший свое состояние отец, несмотря на прошлую мощь и грозность, становится похож на великовозрастного ребенка, состарившегося недоросля. Отсюда — путинский патернализм. Каче-

509

ство, соглашусь, не вполне демократическое. Но об отношении Путина к демократии — речь впереди.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Путин есть либеральный консерватор. Что в реалиях России означает: быть либеральнее народа и консервативнее либеральной элиты. В жизни это называется: сидеть на двух стульях. В политике — прагматизм. То есть ты не сидишь одновременно и там, и там, а вынужден, в зависимости от обстоятельств, всё время перескакивать со стула на стул.

ПУТИН И ВОЖДИЗМ

Конкретная история России (история XX века в особенности) заставляет Путина быть вождём (еще одна не слишком демократическая черта). Мундир вождя по-прежнему висит в главном кремлевском кабинете, и каждый вновь в него входящий глава Российского государства имеет соблазн этот мундир время от времени надевать.

Зачем нужен вождь России? А затем, зачем он был нужен на протяжении всего XX века.

Во-первых, чтобы ставить конкретные цели нашей самой православной, самой утопичной, самой романтической, самой маниловской стране мира. Стране, где перекур любят больше работы — не потому, что работа трудна, а потому что во время перекура интереснее, потому что обсуждение проектов привлекательней, чем изготовление деталей.

Грубо говоря, вождь нужен России там, где не работает (по какой-то причине) рынок или нет смысла существования.

Но это далеко не всё.

Во-вторых, вождь нужен России для того, чтобы умерять аппетиты российской бюрократии, вечно обкрадывающей свой народ.

Наконец, в новых условиях мундир вождя понадобился и для того, чтобы ограничивать эгоизм отечественной бизнес-элиты, которая из двух основных классов российского общества — народа и бюрократии — предпочла заключить «общественный договор» с бюрократией.

Словом, вождь в России — это замена отсутствующих там, где они отсутствуют, смысла жизни, гражданской солидарности и единства действий.

510

Больше демократии, кричат Путину! Выдави из себя вождя!

Думаю, он и не прочь бы это сделать. Но как только снимает мундир вождя — плоть обретают воспоминания о судьбе Горбачева и СССР.

ПУТИН И БЮРОКРАТИЯ

Управляемость государственной машине (после анархизма ельцинских времен) Путин вернул. Но бюрократию, главную проблему всех русских правителей, так и не победил, точнее — не заставил работать на общество. О русскую бюрократию разбивались все наши реформы. Генерального сражения не дал ей и Путин, не совершил, например, кадровую революцию. А в позиционной войне бюрократия всегда искусней. Именно она — в рамках этой позиционной войны — натягивает на своего противника мундир вождя, прося не избирать себя, а назначать. И заодно выторговывает шантажом и угрозами третьи, четвертые сроки пребывания во власти (раз уж демократия и приходится избираться).

ПУТИН И ОЛИГАРХИ

Ладно бы только бюрократия — дело для России привычное. Но ведь народились еще олигархи, ставшие третьей силой в государстве. Путин урезал их власть в Москве — они пошли в регионы. Вся хлипкая партийная система, еще как-то работающая в Москве (но не в городе Москва), то есть на федеральном уровне, в провинции, в регионах просто рухнула, не успев создаться. Нет в России политической жизни в форме борьбы партий практически во всех регионах, особенно сырьевых. Там есть

политическая жизнь лишь как форма публичного сосуществования и борьбы бизнес-групп.

Из провинции олигархии идут на Москву, опираясь теперь не только на столичную интеллигенцию и собственные деньги, но и на избирателей провинции, то есть на народ.

Что есть у Путина, кроме его президентского статуса, чем можно сопротивляться против этого второго пришествия олигархов в российскую власть?

Всего три орудия. Генпрокуратура, предусмотрительно отобранные у олигархов СМИ и... КП РФ.

511

ПУТИН И КОММУНИСТЫ

Одобрённая Путиным, но неудачная попытка разрушения КП РФ имела одно незапланированное последствие. Единственная дееспособная партия России, кажется, начала обновляться. Политический эффект от этого может оказаться весьма интересным. Например, таким, что КП РФ может стать естественным союзником Путина, единственным реальным посредником между ним и народом — особенно если Путин станет проигрывать войну олигархам и бюрократии. Считать «Единую Россию» путинской партией весьма преждевременно. «Партия власти» и есть партия власти, то есть ее анонимных, а не конкретных носителей. Это партия бюрократической массы.

ПУТИН И УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Поскольку самое распространенное определение сегодняшнего (путинского) политического режима — управляемая демократия, а вошло это определение у нас в обиход после (так уж случилось) публикации 13 января 2000 года (то есть еще до выборов, на которых Путин победил) моей статьи *«Диагноз: управляемая демократия»*, не могу не сказать и об этом.

Да, в России управляемая демократия. Да, Путин сознательно работает ее инструментами.

Но что есть управляемая демократия? Это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом. Разве это не то, что есть во всякой демократической стране? (Вопрос о том, где и в какой обстановке термин «управляемая демократия» стал использоваться впервые, тема отдельного разговора.)

Почему Путин, не декларируя, естественно, этого, действует в рамках управляемой демократии? Потому что, во-первых, правящий класс России сегодня — это бюрократия, переплетенная с олигархией, и их суммарный эгоистический инстинкт превосходит физические возможности страны по производству товаров, обмениваемых на доллары.

Во-вторых, потому что в регионах, как я уже отмечал, объединенный финансово-административный ресурс олигар-

512

хии и бюрократии позволяет обеспечивать любые нужные им результаты выборов.

В-третьих, потому что в отсутствие нормальных партий даже на федеральном, не говоря уже о региональном, уровне центральная власть не может в случае расхождения своих интересов с интересами правящего класса опереться на народ или правоохранительные органы. Ибо и народ, и правоохранительные органы сегодня находятся в прямой материальной и физической зависимости от бюрократических структур и олигархических кланов. Мне известен случай, когда один из лидеров одной олигархической группы сказал весьма высокопоставленному представителю федеральной власти: в этот регион можете не соваться — там мы у нас суд не выиграете.

В-четвертых, потому что это только кажется нашим либералам (иногда их называют правыми), что если бы в России установилась не управляемая, а полномасштабная (где она есть?) демократия, они бы сохранили свою власть и собственность. Нет, власть тут же перешла бы к коммунистам, сомнений в этом нет никаких. И инстинктивно наши либералы не раз это признавали. Последний случай: либералы сыграли свою скрипку в разыгранной по нотам управляемой демократии партии, когда помогли своими голосами запретить коммунистам проводить намеченный ими референдум.

Да, в России еще нет стабильной системы элитарных плюралистических форм демократического участия, то есть того, что есть на Западе. По двум причинам (и не Путин их создал): во-первых, потому что наши элиты ведут между собою борьбу не за участие, а за полный контроль над властью; во-вторых, потому что элиты у нас сами по себе, а общество — само по себе.

На нынешнем этапе управляемая демократия не позволяет: 1) элитам пожрать друг друга; 2) одной из них — полностью (тотально) подчинить себе власть и общество; 3) народу — свергнуть (демократическим путем) власть нынешних элит и отобрать у них собственность. В этом смысле управляемая демократия в России есть механизм восполнения функций отсутствующего в стране общенационального Общественного договора.

Кремль, центральная власть забрали рычаги управляемой демократии себе, чтобы они не достались не народу, а эли-

513

там. Ибо элиты и народ, еще более, чем народ и власть, отчуждены друг от друга. Да что там, они просто ненавидят друг друга.

В этом как раз Путин прав.

А не прав он в том, что в своем патернализме не готов построить систему реального самоуправления и постоянно потакает бюрократии, когда она подталкивает его к всасыванию этого самоуправления в критикуемую ею же «вертикаль власти».

Впрочем, одно из объяснений того, почему Путин не стимулирует рост реального самоуправления,

для меня очевидно. Он просто опасается, что в нынешних условиях местное самоуправление станет формой легализации пока еще неформальной власти преступных группировок по всей территории России. И в этом своем опасении Путин тоже прав. Если крупные преступники вполне успешно претендуют на власть через систему региональных и городских выборов, которые хоть как-то, но контролируются и корректируются федеральной властью, то естественно предположить, что местное самоуправление будет тотально захвачено низовыми криминальными элементами.

ПУТИН И ЕЛЬЦИН

Насколько Путин зависим от Ельцина сегодня? Это одна из самых больших маленьких загадок сегодняшней российской политики. Разгадку знают очень немногие, но ясно, что это зависимость не лично от Ельцина, а от того, что справедливо называют «семьей Ельцина», то есть одной из олигархических группировок, правда, знающей больше других. Зависимость ограниченная.

Когда ушедший в отставку Ельцин неожиданно собирается «на работу» в Кремль — это воспринимается с юмором. Когда видеокассету с каким-нибудь странным заявлением Ельцина доставляют к эфиру на телестудию — показ кассеты решительно пресекается. Но когда одной из причин торможения создания единого государства Россия-Белоруссия становится, насколько мне известно, желание Бориса Ельцина (и, надо думать, его «семьи») стать президентом этого государства, зависимость ощущается отчетливо.

Утончается ли эта зависимость со временем? Ответ мы узнаем после президентских выборов 2004 года.

514

ПУТИН И ДРУГИЕ ПОЛИТИКИ

Одна из интереснейших составляющих феномена Путина — это то, как он своим появлением обрушил всю персональную иерархическую пирамиду российской политики. Рухнули все, включая Евгения Примакова и Геннадия Зюганова. О более слабых фигурах и говорить не приходится.

Объяснение этого факта — тема отдельной статьи, но восстановить эту иерархию до сих пор не удается: Путин по-прежнему парит над ее развалинами в гордом одиночестве.

Это, конечно, плохо. Плохо, потому что расслабляет центральную власть. Плохо, потому что демонстрирует ущербность самых ярких представителей нашей политической элиты. Плохо, потому что у Путина нет серьезного политического оппонента, то есть общество отучается от и так вяло приживающейся у нас альтернативности. Плохо, ибо именно в таких условиях объективно усиливаются элементы вождизма.

Но почему же альтернативы Путину не появляются? Наиболее общий ответ таков: в России дефицит и идей, и людей. Путин, безусловно, интеллектual, но очевидно не гений. И его интеллекта хватает, чтобы все самые ценные и интересные идеи, циркулирующие в политическом классе, забирать себе. Большого этот класс сгенерировать не может, пережевывая в основном интеллектуальные зады западноевропейской либеральной мысли двадцатилетней давности.

Более того, Путин порой в одиночку наносит нокаутирующие интеллектуальные удары всем лучшим умам русского либерализма. Так случилось после террористической атаки на США в 2001 году. Одним своим звонком Джорджу Бушу Путин поверг наземь всё руководство СПС и «Яблока», вместе взятых.

Я не утверждаю, что слова и действия Путина каждодневно и радикально превосходят слова и действия всех остальных политиков России. На мой взгляд, и у него случаются резкие и необъяснимые провалы. Самый показательный — знаменитое объяснение правомерности прихода США в Грузию: если можно в Центральную Азию, то почему нельзя на Кавказ?

ПУТИН И США

Это тема необъятная и во многом тоже загадочная. Мне не раз приходилось писать и говорить, что внешняя политика

515

Путина слишком зашифрована. То ли потому, что он боится, что его не поймут. То ли он знает что-то такое, что большинство окружающих, включая профессионалов, не знают.

Податливость Путина, временами поразительную, американскому гегемонизму, лично я объясняю не мифическими, как мне кажется, договоренностями о разделе сфер ответственности и влияния между Россией и США, а чекистским алгоритмом действия, инстинктом разведчика.

Конечно же, Путин не может не видеть и не понимать опасности американского гегемонизма, глубины американского эгоизма и того, что никакого возрождения сильной России, что недемократической, что демократической, США не нужно. Поэтому он не может не рассматривать США как потенциального противника, причем более сильного. Как в этих условиях может больше всего преуспеть разведчик, работая в интересах своей Родины? Только одним способом — внедрившись в центр системы управления противника, занять в этом центре максимально высокий пост. Что это значит? То, что максимум чужих секретов ты можешь получить только при условии максимально эффективного служения тому, чьими секретами хочешь овладеть.

Публичный вариант этой тактики — навязать свое союзничество потенциальному сопернику, заставляя его если и не решать твои проблемы, то хотя бы учитывать твои интересы.

В любом случае абсолютно ясно одно: сегодня лично Владимир Путин — свой человек на Западе и даже в США. Это не означает, что страна, возглавляемая Путиным, то есть Россия, является своей на том же Западе и тем более в США. Конвертировать отношение Запада к себе лично в отношение Запада к России

Путин пока не сумел.

СТИЛЬ РАБОТЫ

Путин, безусловно, любит свою работу и относится к ней крайне ответственно.

Если он уверен, что знает, как нужно решать ту или иную проблему, то действует крайне решительно. Доказательств этому немало: Чечня (особенно осенью 1999 года), реформа Совета Федерации, борьба с Гусинским и Березовским, контакты с Ким Чен Иром (несмотря на иронию и насмешки ли-

516

беральных СМИ), та же поддержка американцев в операции против талибов и т. д.

Но если он не знает точного ответа на вопрос, а знать всё невозможно, его действия противоречивы или просто отсутствуют. И это случалось не раз: ситуация вокруг реформы Правительства, вроде бы действующего успешно, но вроде бы не так, как хотелось бы; эпопея с реформированием РАО «ЕЭС России» по Чубайсу; проблема Белоруссии; военная реформа и т. д.

Вполне очевидно, что в собственно политике Путин чувствует себя гораздо увереннее, чем в экономике. Что, впрочем, и неудивительно для президента, ибо эта должность больше политическая. Правда, сегодня в России вопросы экономики едва ли не важнее чисто политических проблем.

ПУТИН И КАДРЫ

В кадровых решениях, и это, пожалуй, самая большая проблема Путина как президента, он предпочитает людей, которым доверяет, профессионалам. Поскольку круг его личных знакомых и друзей — это в основном юристы, именно это направление он обновил кадрами наиболее радикально и во многом успешно. В остальном же — провалов больше, чем успехов, а точнее — на своих местах остались прежние, ельцинские кадры, лишь слегка разбавленные путинскими людьми, причем далеко не всегда удачно.

Выросший в лоне системы госбезопасности, а потому много знающий о скелетах в шкафах всех представителей правящего класса, Путин, очевидно, не доверяет элите. Но только из ее среды можно рекрутировать новые руководящие кадры. Результат — кадрового обновления, особенно в последний год, практически не происходит. Между тем рецепта тут только два, и смешивать их нельзя: либо ты увольняешь всех чужих, вне зависимости от квалификации, и ставишь всех своих (но такой кадровый резервуар «своих» может дать только собственная партия), либо вообще забываешь о категории «свой — чужой», а назначаешь только лучших профессионалов в данной сфере.

Сейчас же Путин явно делает работу за многих своих подчиненных, вникая в такие тонкости, которыми не должен заниматься президент. Отчасти — это демонстрация патернализма, но только отчасти.

517

ХАРАКТЕР (НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ)

В чем-то Путин крайне закрыт, но временами произносит удивительно откровенные тексты. Так было осенью 1999 года, когда журналисты допекли его вопросами о целесообразности новой военной кампании в Чечне — знаменитая фраза «мочить в сортире». Когда родственники погибших подводников «Курска» засыпали президента в общем-то безосновательными упреками на встрече в Видяево, Путин фактически, не произнося фамилии, сказал, что разваливали-то флот не при нем, а при прежнем президенте.

После наводнения на юге России Путин бросил представителю РАО «ЕЭС России»: «Вы самые умные или самые циничные?» и попросил назвать зарплаты руководителей РАО. (В конечном итоге, но некоторое время спустя, Анатолий Чубайс цифры назвал, однако зарплаты оказались на удивление маленькими, но Путин почему-то больше к этому вопросу не возвращался.)

Путин, несмотря на свою раскованную, временами даже очень раскованную речь и умение отвечать, казалось бы, на все вопросы, не любит касаться некоторых тем, по разным причинам ему неприятных. Это тот же «Курск», это потери в Чечне, это олигархи, это некоторые действия Генпрокуратуры. Если такие вопросы ему задаются, он либо отшучивается, причем не всегда удачно, либо отвечает кратко и резко, даже агрессивно по отношению к тому, кто неприятный вопрос задал.

Словом, если Путин как бывший разведчик и умеет скрывать свои эмоции, то либо не слишком хорошо, либо эмоций у него слишком много для президента — иные вырываются наружу.

УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ: БАЛАНС

Я писал в начале этой статьи, что Путину нужен успех. Не только в сегодняшнем деле отправления обязанностей президента России, которую он очевидно глубоко любит и искренне хочет возродить, но и для будущего, собственного будущего.

Что ж, без всякой лести можно сказать, что, конечно же, президентство Путина успешно и по сути, и в историческом

518

контексте. Какой он получил страну — известно. Хуже положение дел в ней не стало точно. Ни по одному направлению, в том числе и в смысле наличия демократических свобод, ибо назвать более свободным общество времен Ельцина может только человек, не знакомый с политологией вообще. Вседозволенность это всё-таки не свобода, а если и свобода, то только для самых сильных. Лучше при Путине стало очень многое.

В целом Россия осени 2002 года на порядок жизнеспособнее России осени, а тем более весны 1999 года. Путинское лидерство по-прежнему развивается по восходящей, тогда как у его предшественников Горбачева (после 1989 года) и Ельцина (после 1993 года) катилось вниз. И это при том, что Путин находится у власти фактически уже три года. Ельцин к этому времени уже был дискредитирован как политик, у Горбачева — забуксовали все реформы, правда, в старой, советской парадигме власти.

В персональном политическом плане Путин тоже успешнее своих предшественников. Ельцин как реальная альтернатива Горбачеву возник спустя четыре года после прихода того к власти, но фактически гораздо раньше, с 87-го. Но Михаил Сергеевич был более неосмотрителен в этом плане, чем Борис Николаевич, альтернативы которому стали возникать с начала 93-го года одна за другой: Руцкой, Хасбулатов, Черномырдин, Чубайс, Лужков, Примаков. Просто Ельцин подрубал соперников под корень — сразу, как они или элита всерьез задумывались о том, что время смены лидера пришло. Затянул Ельцин только с первой парой из этого списка, но зато и разобрался, опомнившись, танками.

Путину альтернативы до сих пор не появилось и, видимо, не появится до ближайших президентских выборов. Это, конечно, свидетельство успешной деятельности.

50 ЛЕТ

Встретить свое пятидесятилетие в главном кабинете Кремля, во главе великой, по крайней мере в прошлом, но и не без надежд на будущее, страны; входя в десятку, если не пятерку, самых влиятельных политиков мира; с такой популярностью в народе и при в общем-то довольно прилично (в сравнении с предшествующими годами) идущих делах; имея практиче-

519

ски абсолютную гарантию победы на ближайших президентских выборах — если это не жизненный и профессиональный успех, то пусть об этом скажут гениальные писатели, каковых сейчас нет, либо анахореты, наверное, существующие, но мы вряд ли их поймем.

Карьера большого политика, впрочем, не может считаться окончательно успешной до того дня, пока он не уйдет на покой. Владимиру Путину до этого далеко. Так что каждый может пожелать ему того, что хочет. Не стоит, однако, забывать, что успех твоего соседа, даже если ты его любишь, это всего лишь его успех. А успех президента твоей страны, даже если ты его не любишь, это неизбежно и твой успех.

520

Инаугурационное

На второе восшествие Владимира Путина на пост президента России

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 29.04.2004

Вот уже пятый год Владимир Путин действует на авансцене российской политики. Все его деяния — и успешные, и провальные — открыты для всеобщего обозрения, а соответственно, и для осмысления и оценок. И тем не менее до сих пор всё раздаются и раздаются недоуменные голоса: почему у Путина такой высокий рейтинг? Почему ни одна катастрофа, ни один провал, ни одна трагедия, ни один теракт (а всего этого за последние четыре года случилось немало) не то что не снижает, но даже не колеблет этого рейтинга? Почему очевидно усилившаяся, особенно на федеральных телеканалах, всеохватная и всё больше панегирически лобовая пропрезидентская пропаганда, прямо ассоциирующаяся с тем, что многие помнят по брежневским временам (скорее, все-таки, по горбачевским, периода 1985-1988 годов), не отталкивает население от Владимира Путина, а напротив — лишь укрепляет его светлый образ?

Почему, наконец, остающиеся до сих пор по существу нерешенными все главные проблемы страны, знание или ощущение чего, безусловно, присутствует в обществе, не заставляют десятки миллионов людей разочаровываться в Путине и его политике, а наоборот, побуждают верить в него или, по крайней мере, смотреть на президента с надеждой.

Социологи так прямо и говорят: Путин — это президент надежды. Его политику и многие конкретные шаги население оценивает критически, во всяком случае, не поддерживает на те 70-80 процентов, которым равен его персональный

521

рейтинг. Но при этом всё равно надеется, что он решит проблемы страны, в том числе и те, которые касаются лично каждого из опрашиваемых.

А НА КОГО ЕЩЕ НАДЕЯТЬСЯ?

Легче всего объяснить такое отношение к Путину с помощью упрощенного, но не совсем далекого от реальности политологического силлогизма.

От чего или от кого зависит будущее каждого из граждан России сегодня, когда легче описать, какие общественные и собственно юридические (писанные) законы не действуют, чем те, что действуют?

Будущее каждого зависит: от самого себя, от судьбы, по-разному называемой, и от власти.

На самого себя сегодня мало кто надеется — во всяком случае из тех, кем управляют и кто зависит от воли других, а таковых абсолютное большинство. Надеяться на судьбу можно, но основания для веры в успех при этом оказываются какими-то слишком зыбкими. Остается надежда на власть. Кстати, для России последних столетий, а последнего двадцатилетия определенно (это уже собственный, а не исторический опыт), власть — это и есть самое точное определение судьбы. Решила власть — разрушила страну. Решила — уничтожила все накопления. Решила — позакрывала предприятия, лишив людей привычного заработка. Ну и так далее.

Понять обычному человеку, что это не власть, а история, непреклонные законы развития общества, в конечном итоге — сами люди, возжелавшие свободы и в потоках ее захлебнувшиеся, невозможно. Не может обычный человек, если только он не истово верующий во что-либо, мыслить себя как игрушку столь абстрактных и эфемерных сил. Вот соседи, сослуживцы, родственники, начальник на работе, районное или

городское начальство — это да. Это то, что на нашу жизнь влияет. И конечно, судьба — общий, не зависящий от тебя и твоего ближнего окружения ход событий, определяемый, однако, самой конкретной из всех абстрактных категорий — властью.

От нее, от власти, надо ждать самых больших напастей, самых подлых ударов. Но зато и самых больших подарков. Если вдруг, по собственной прихоти или услышав жалобы народа, власть станет на время умной и доброй.

522

А что есть власть? Настоящая, большая, способная быть доброй и умной. Это, конечно, не местное начальство, кондово-алчное, цинично-бессердечное, знакомое в каждом повороте своей лжи. Нет, это не власть. Власть — то, перед чем эти местные владыки сами трясутся. Это Москва. Это Кремль. Это президент.

Это именно президент, потому что власть едина и неделима. Правительство — это, конечно, тоже власть. Но их там слишком много. И еще они, члены правительства, постоянно меняются. Власть не может быть столь суетливо меняемой — это непривычно, а потому опасно. Даже президентов (настоящая власть) сколько раз меняли в последние годы — столько и потрясений.

Парламент, Государственная Дума — этих еще больше. Это тоже не власть. И надеяться на него, на парламент, смешно.

Высокий рейтинг Владимира Путина — это есть всегда объективно высокий рейтинг центральной власти в России, если она не совершает очевидных и больших глупостей или преступлений, если она хоть сколь-нибудь заботится о благе народа и не погрязает в безделье.

И, соответственно, власть, не являющаяся властью распада и безнадёжности, всегда является властью надежды. А президент, то есть воплощенная и персонифицированная власть, — президентом надежды.

Высокий рейтинг Путина и надежды, связанные с ним, возникли сразу, как только Путин появился на публичной арене — молодой, решительный, делающий дело (тогда — в Чечне) на фоне старого, дряхлеющего, ничего не делающего Ельцина. А в 1990-91-х Ельцин, как казалось, тоже делающий дело и борющийся за интересы народа, был президентом надежды на фоне потерявшего контроль над страной Горбачева. А до того и сам молодой Горбачев — на фоне раз за разом умиравших престарелых генсеков — был лидером надежды и имел запредельный рейтинг доверия у населения.

Пока ты в Кремле, пока ты успешен и пока, соответственно, не появилась альтернатива тебе, глава государства в России всегда будет иметь высокий рейтинг, и всегда надежды на него будут превышать оценку реально совершенного им.

ЗАКОН ПРЕЕМНИКА

Если тот, кто есть в Кремле, успешен, России не нужен альтернативный политик — это не мое мнение, а доминирующее

523

в общественном сознании убеждение. Да и возникнуть такому политик у неоткуда, ибо постоянно действующих и отлаженных механизмов (партий и настоящей публичной политики), производящих альтернативы, в России до сих пор нет.

Парадокс, пока являющийся законом для России, состоит в том, что если Владимир Путин останется успешным президентом и во второй срок своей легислатуры, то к 2008 году у нас не появится политик, который мог бы объективно, а не по схеме «наследник» претендовать на лидерство в стране, опираясь на народные симпатии. Чем успешнее будет Путин действовать в ближайшие годы, что, с одной стороны, и нужно обществу, тем меньше шансов на появление альтернативной ему политической фигуры, что, с другой стороны, отвратительно, ибо подрывает саму основу демократических выборов. Действие этого закона мы повсеместно видим сейчас на губернаторских выборах.

Даже когда местным избирателям уже физиологически обрыдли их областные, краевые и республиканские начальники, нигде на смену им не приходят альтернативные публичные политики. Только либо «наследники», либо специально подготовленные ставленники Москвы (центральной власти), либо, когда процесс оказывается максимально демократическим (точнее стихийным), — случайные люди (как, например, Евдокимов на Алтае), часто — из криминальной среды. Ибо она — единственно организованная, помимо центральной и местной властей и еще крупных бизнес-групп, сила в стране.

Вообще важно понять, что в России до сих пор только эти четыре силы (центральная власть, региональная власть, крупнейшие бизнес-группы и оргпреступность) являются субъектами политического процесса. До последнего времени был и пятый субъект — КПРФ, единственная настоящая партия России. Не случайно, что она одна могла оспаривать власть Кремля на федеральных выборах (до 2003 года) и конкурировать с властью региональной (региональной бюрократией), бизнес-группами и криминалом на выборах региональных. Но 7 декабря 2003 года нанесло по КПРФ удар такой силы, что пока неясно, как скоро и в каких масштабах КПРФ возродится.

Так что как бы случайно брошенное Владимиром Путиным 12 февраля сего года замечание о необходимости по-

524

иска преемника есть, увы, не прихоть Кремля и не дань его самодержавным комплексам, а пока еще государственная и общественная обязанность центральной власти, ее политическая ответственность перед нацией.

Можно, конечно, не искать преемника. Но тогда до 2007 года надо успеть — ни много ни мало — создать пару-тройку настоящих партий.

Что легче? Ответ очевиден.

Итак, для любого лидера России пока не стоит вопрос о том, как ему быть настолько успешным, чтобы альтернативный политик, претендующий на власть, не появился или, появившись, проиграл.

Вопрос существенно иной: как просто оставаться успешным (или казаться таким)? Правильный ответ на этот вопрос исключает в принципе появление альтернативы и автоматически обеспечивает тому, кто такой ответ дает, высочайший рейтинг доверия среди населения.

Как это удастся Путину, особенно сейчас, когда воспоминания о Ельцине всё больше и больше стираются, когда груз собственных ошибок и провалов нынешнего президента должен бы клонить (но не клонит) его рейтинг к земле?

Об этом стоит поговорить подробнее.

ПУТИН В ТЕЛЕВИЗОРЕ

Но сначала о том, почему безудержно панегирическая телепропаганда образа действующего президента и назойливо частое его присутствие на телеэкране не приводят к усталости общества от Владимира Путина. Хотя, казалось бы, такая усталость давно должна наступить.

Всё очень просто — даже если отрешиться от успешности Путина как президента, хотя в данном случае эта успешность тоже работает.

Те, кто морщатся от слишком частого появления Путина на экране и от чрезмерной благостности президентского телеимиджа, просто забывают, что уже довольно давно политика в России (как и в других «цивилизованных странах») функционирует не только по законам собственно политики, но и по законам массовой культуры и шоу-бизнеса.

И в этом смысле любой более или менее известный политик — это, как сейчас выражаются, «звезда», а точнее «телезвезда». Собственно без такой телезвездности современной

525

политики и особенно современных политиков на Западе (а мы в этом смысле давно уже Запад) нет вообще.

Путин — суперзвезда. А суперзвезда и должна появляться на телеэкране не только чаще других, но и вообще так часто, как только возможно.

Мало уже кто может сказать, что сегодня поет Пугачева и о чем она, почем. Но каждодневное обязательное появление «Аллы» на экране фиксирует статус суперзвезды вне зависимости от качества и содержания ее песен.

Ни один музыкальный критик (я имею в виду, естественно, масскультную музыку) не задается вопросом: а зачем Киркоров каждодневно торчит в телевизоре? Ответ очевиден. Если бы он (или Пугачева) перестали, как сейчас принято выражаться, светиться на экране, то очень скоро они пали бы до уровня просто звезд, а затем и вообще исчезли из сознания публики.

Главное в шоу-бизнесе — появляться не тогда, когда есть что сказать публике (многие в этом случае вообще не появлялись бы, но до такого счастья мы не доживем), а появляться гораздо чаще, чем другие. Причем другие тоже должны непременно быть, но в дозах, не создающих опасности главным звездам, держащим монополию в данном жанре.

То же самое и современный политический бизнес. Лидер, исчезающий на недели и месяцы, чтобы «не надоесть нации», сегодня это просто не лидер. В лучшем случае заговорят о его болезни. В худшем его не будут воспринимать всерьез.

Российские региональные бароны стремятся контролировать хотя бы по одному телеканалу не столько для того, чтобы громить в любое время дня и ночи своих конкурентов. Конкурентов и не будет, если главная звезда на региональном телевидении — это ты. Находясь даже в Москве, это очень легко проверить, взглянув на передачи канала ТВЦ.

Меня поражают язвительные прогнозы некоторых политологов: дескать, если телепропаганда Путина в таких масштабах будет продолжаться и далее, он просто надоеет стране. Умные и современные люди, а в этом плане мыслят стереотипами, да еще брежневской эпохи.

Очевидно, что Кремль совершенно целенаправленно использует механизмы массовой культуры для поддержания статуса Владимира Путина как политической суперзвезды. А его, Кремль, и два главных телеканала пытаются обвинить в том, что они чуть ли не вредят президенту.

526

Поскольку создание двух-трех полноценных партий в России дело долгое и не исключено, что на нынешнем этапе бесперспективное, то хочу дать простой, но эффективный рецепт того, как к 2007 году выпестовать десяток более или менее полноценных (по крайней мере, внешне) публичных политиков.

Это с легкостью могут исполнить два человека — Константин Эрнст (Первый канал) и Олег Добродеев (ВГТРК, канал «Россия»). Им достаточно запустить по принципиально уже разработанной технологии «Фабрики звезд» и «Народного артиста» два новых телепроекта — «Фабрика политиков» и «Народный политик».

Уверяю, что в случае принятия моего предложения кого бы Кремль ни выдвинул в качестве преемника на выборы 2008 года, победить ему будет непросто — слишком сильные конкуренты из этих политических телефабрик бросятся на бой с ним. Кстати, прошу считать это официальной заявкой обоим телеруководителям, подтверждающей мои авторские права на саму идею и на обе программы, под какими

бы названиями они ни вышли — сценарную разработку готов выслать по первому требованию.

ПРОФЕССИЯ: ПРЕЗИДЕНТ

Не только в среде мирных обывателей, но даже и в головах многих политиков, политологов и журналистов бытует совершенно фантастическое представление о том, что президент, стоит ему захотеть, может всё. И, следовательно, проблема состоит в том, что президент (в данном случае Владимир Путин) что-либо хорошее и полезное для страны сделать не хочет. Или (мягкий вариант) не знает, что нужно сделать, чтобы было хорошо. А знал бы, то непременно сделал.

Нет ничего более далекого от реальности, чем эта убежденность в том, что начальник, а уж тем более президент, может всё. Впрочем, это почти всеобщее заблуждение легко объясняется тем, что большинство людей сами никогда не были начальниками.

Конечно, и закон о влиянии отдельных личностей на ход общественного развития тоже существует, но по сути это закон исключений, а не нормы. А закон нормы, то есть фундаментальный закон, гласит: начальник может только то, что позволят ему подчиненные.

527

Этот закон лапидарен в формулировке, но сущностно весьма сложен. Один отдельно взятый подчиненный не ровня начальнику, но все они в совокупности, особенно в больших иерархиях, даже превышают его по силе. Конечно, начальник может снять любого подчиненного. Но для того чтобы снять именно того, кто тормозит дело, нужно знать, кто тормозит. А поди разыщи его в глубинах подчиненного тебе аппарата. А чем больше начальник, тем больше у него подчиненных. Вроде бы — показатель силы. На самом деле — мера бессилия.

А ведь кадровое оружие — возможность снимать и назначать — одно из самых мощных и эффективных в боевом арсенале начальника. Однако и оно, будучи примененным неправильно или неточно (а это случается очень часто), не дает ничего.

Я не буду раскрывать далее в общем-то хорошо всем известную систему борьбы начальника с его подчиненными, лишь еще раз обращаю внимание читателей на то, что, став президентом, Владимир Путин оказался практически один на один с сотнями тысяч сплоченных аппаратным искусством и корпоративными и бизнес-интересами чиновников. Только главнейших из них, которыми ему нужно руководить фактически лично, больше сотни: члены правительства, руководство парламента, силовые министры, высший генералитет, собственная администрация, руководители различных центральных ведомств, губернаторы самых важных регионов, наконец, так называемые олигархи.

Я легко себе представляю, как Путин, исполненный, возможно, самых благих намерений и умных планов, оказавшись в главном кабинете Кремля, отдал первые десять распоряжений, выполнение каждого из которых сдвинуло бы Россию на несколько лет вперед. И через некоторое время понял, что все десять его распоряжений в лучшем случае просто не выполнены, а в худшем — выполнены прямо противоположным образом. И когда президент попытался выяснить, кто и почему проигнорировал распоряжения главы государства, не смог обнаружить не то что концов, но даже начал этих концов.

Вряд ли это было именно так, но по сути иначе быть не могло.

Я даже имею подтверждение этому от самого президента. В начале 2001 года у меня вышла статья, в которой, в част-

528

ности, указывалось на опасность создания в России корпоративного государства. При встрече Владимир Путин мне сказал: «О каком корпоративном государстве вы говорите! Элементарной управляемости страной нет».

НЕИЗБЕЖНОСТЬ АВТОРИТАРИЗМА

Что в этих условиях сделал бы на месте Путина любой другой, оказавшийся в кресле президента? Каждый легко ответит на этот вопрос сам, я же напомним, что к моменту прихода Путина к власти на российской политической сцене действовали следующие главные субъекты или, как сейчас модно выражаться, акторы:

центральная власть,
региональная власть,
олигархи (крупнейшие бизнес-группы),
оргпреступность,
КПРФ.

Взаимоотношения между этими акторами были сложными. Возьмем эти взаимоотношения в несколько утрированном виде.

Региональная бюрократия, олигархи, оргпреступность и КПРФ — все работали на ослабление либо подчинение себе центральной власти. И только КПРФ как легально существующая партия имела на это законные основания. И лишь КПРФ действовала в этой борьбе, используя более или менее демократические методы и процедуры. Все остальные акторы были и глубоко авторитарны внутри себя, и уж конечно не демократическими средствами воевали с конкурентами (друг с другом) и с центральной властью.

Более того, четыре нижних в приведенном списке субъекта находились в корпоративных отношениях, в том числе и отстроенных против центральной власти, друг с другом. Например, КПРФ и региональная власть (не вся, конечно). Или региональная власть (тоже, надеюсь, не вся) и криминал. И разумеется, всюду, где можно, оргпреступность проникала в бизнес, в том числе и крупный.

Наконец и сама центральная власть, не будучи монолитной и безгрешной, смыкалась фактически в

борьбе против самой себя с крупным бизнесом, региональными баронами, в том числе и сепаратистски настроенными, и даже с оргпре-

529

ступностью. А вот от КПрФ пыталась держаться подальше, хотя и вынуждена была сотрудничать с отдельными ее членами. Но это как раз не предосудительное сотрудничество — как всякое сотрудничество с легальной, пусть и оппозиционной партией в рамках республиканского строя.

И последнее, что здесь нужно заметить. Центральная власть, вырисовывающаяся в этой системе в виде исключительно или почти исключительно положительного героя, в реальности являла собой еще и бюрократию в худшем смысле этого слова, то есть управляющую силу, максимально игнорирующую интересы общества — по крайней мере до того предела, за которым может последовать общенациональный социальный взрыв.

Но иного механизма управления страной, кроме как центральная власть и бюрократия, ни у какого главы государства нет.

Если отбросить всякого рода нюансы и политические пристрастия, то мы увидим, что все действия Владимира Путина как президента страны после того, как он получил власть, были абсолютно логичны и неизбежны. Он последовательно и методично разрушал, ослаблял или уничтожал всех крупнейших альтернативных центральной власти политических акторов как угрозу единству управления страной и ее единству вообще. Причем действовал Путин, как правило, авторитарно, ибо демократическими методами, если только не считать таковым народную революцию, столь мощных авторитарных противников победить нельзя.

Начал Путин с самых легких, но и самых политически активных соперников центральной власти — с олигархов, особенно тех двоих, что фактически монополизировали информационное пространство страны, а следовательно, могли в современных условиях нанести публичное поражение самому президенту. И с глав региональной власти — ликвидация Совета Федерации как органа контроля губернаторов над действиями центральной власти, Кремля.

В деструктивной части действия Путина по этим двум направлениям были эффективны. В конструктивной — весьма неоднозначны, а порой и откровенно слабы. Наиболее яркий пример — новая конструкция Совета Федерации. Но деструктивная цель, как во всякой войне, доминировала (и справедливо) над конструктивной.

530

Далее наступила очередь КПрФ. Ее ослабили в два приема. Сначала за счет объединения «Единства» и ОВР с сателлитами в предыдущей Думе, а затем — в ходе предвыборной кампании в Думу нынешнюю.

Довольно спорный вопрос, нужно ли было тратить столько усилий для разгрома КПрФ, но, видимо, логика была простая. Создать реальную и мощную провластную некоммунистическую партию просто невозможно. Поэтому нужно, создав хотя бы фантом такой партии, расчленив электорат коммунистов. Так возникли «Единая Россия» (первая часть задачи) и блок «Родина» (вторая часть).

Что же касается оргпреступности, то, естественно, этот полностью нелегально действующий субъект российской политики ни в один, ни в два, ни даже в пять приемов не уничтожить. Здесь, соответственно, и успехов меньше всего. Да и борьба серьезная по сути не начиналась.

На кого мог положиться Путин в этой борьбе одновременно на четырех фронтах с учетом коллаборационизма самой центральной власти? На тех, кто достался в наследство от Ельцина, — лишь в борьбе с КПрФ. Во всем же остальном — только на своих людей, на лично преданных, пусть менее опытных, чем старожилы кремлевской политики ельцинского периода.

По этой причине и потянулись в Москву питерские юристы, питерские чекисты, питерские экономисты. И еще генералы чеченской войны, ибо чеченская кампания — это по сути место рождения Путина как публичного политика, и его главный до сих пор политический успех, и полигон, на котором была испытана система методов его политических действий.

А система эта такова. Громко и публично обозначить зло, с которым президент собирается бороться, или цель, которую он хочет достигнуть. Далее — публичное же обозначение тех, кто препятствует искоренению зла или достижению цели. Далее — сообщение о бескомпромиссности борьбы («будем мочить в сортире»). Затем, естественно, «мочение» тех, кто не сложил оружие. Капитулировавшим — более или менее приемлемые условия сдачи.

На войне все спрямленнее. В мирной политике приходится и отступать, и лавировать, и выжидать момент, когда созреют условия для решающего удара. Эти политические ма-

531

невры президента мы видели на протяжении всего первого четырехлетия его пребывания в Кремле.

Вспомним, что еще совсем недавно Путин, уже давно окруженный всеми своими питерскими силовиками, юристами и даже экономистами, имеющий право отправить премьер-министра в отставку фактически одним росчерком пера, в ответ на свое требование радикальной реформы правительства получил публичный ответ Михаила Касьянова: радикальной реформы не будет — будет тонкая настройка.

Несмотря на свой пресловутый высокий рейтинг, практически не менявшийся все четыре года, лишь к самому концу своего первого срока правления, консолидировав под своей президентской дланью губернаторов, посадив в сизо самого богатого человека страны и разгромив коммунистов, Путин смог продемонстрировать, что отныне только он начальник в России. И ответить наконец на реплику Михаила

Касьянова о «тонкой настройке» — отправить премьер-министра, фактически поставленного на этот пост Ельциным, в отставку.

А ТЕПЕРЬ О РЕЙТИНГЕ

Фиксируемый всеми социологическими опросами высокий уровень доверия населения страны Владимиру Путину складывается из позитивного отношения к делам и словам президента.

При этом неизбежно подсознательное сравнение дел и слов нынешнего президента, с одной стороны, с опытом предшествующего правителя, чьи дела и слова еще живы в памяти людей, а с другой стороны — с неким идеалом, с желанным образом президента — главного начальника России.

Понятно, что политика Бориса Ельцина являет для абсолютного большинства граждан страны такой фон, на котором Владимир Путин выглядит весьма и весьма позитивно.

В качестве же идеального образца, к которому общественное сознание примеряет действующего президента, всегда выступают не умозрительные политические конструкции, на которые ориентируются политологи и иные крайне рационально мыслящие особы, а конкретные исторические фигуры. Точнее, их мифологизированные, но всё-таки опирающиеся на реальность образы. Даже не заглядывая в архивы соответствующих социологических опросов, я с увереннос-

532

тью могу сказать, что это Петр I (Великий), Екатерина II (Великая же) и Иосиф Сталин.

Что объединяет эти три весьма противоречивые и неоднозначные, в том числе и по плодам их деятельности, фигуры — западника Петра, космополитку Екатерину и славянофила Сталина?

Победоносность, всевластие, длительность правления и рост могущества и территорий России за годы этого правления. Не случайно, что определение «Великий» фактически официально закрепилось за двумя из них, да и Иосиф Сталин, безусловно, получил бы такое поименование, если бы это было возможно в XX веке в светском и не монархическом государстве.

Таким образом, Владимиру Путину, если бы он сознательно стремился иметь тот высокий рейтинг доверия, который у него сложился сначала почти стихийно, нужно было бы ориентироваться на эти образцы. Что, впрочем, с какого-то момента и стало практической задачей кремлевской администрации.

Нужно было демонстрировать всевластие, в первую очередь проявляющееся в покорении не столько народа, сколько многочисленных начальников, считающихся в России вполне серьезно едва ли не большим злом, чем даже вполне мифологическое ныне «татаро-монгольское иго» или еще реально памятная многим «немецкая оккупация».

Победоносность лучше всего, естественно, проявляется в военных победах, но в наше время еще и в международном авторитете лидера. Ну и в победах при одолении самых острых проблем, терзающих общество и страну.

Рост могущества и территорий, а равно длительность правления как критерии успешности правителя в пояснениях не нуждаются. Вопрос состоит в том, что в сегодняшней политической реальности России соответствует этим критериям.

Надо думать, что рост могущества — это экономические успехи и укрепление военной безопасности. Территориальный рост пока невозможен, но по крайней мере нужно было приостановить распад страны, шедший при двух предыдущих президентах — Горбачеве и Ельцине.

Аналог длительности правления в условиях демократических норм ограничения срока пребывания у власти — это со-

533

жаление общества об уходе данного президента даже и в законный срок, вполне искренние просьбы об отказе от конституционной догматики ради сохранения в Кремле того, чье правление обществу нравится.

Очевидно, что в случае дальнейшей успешности путинского президентства такие просьбы, причем не только притворные и эгоистически-расчетливые, но и совершенно душевно и политически искренние будут нарастать как снежный ком.

Насколько деятельность Владимира Путина соответствовала этим «великим критериям»? Судя по его рейтингу, в значительной степени.

Были успешные дела, а там, где их не доставало (а не доставало часто) или и не могло доставать объективно, имелись правильные слова. Дела и слова, нравящиеся народу, обществу.

Я коротко разберу всего два таких дела и отдельно скажу о путинских словах.

ЧЕЧНЯ И ХОДОРКОВСКИЙ

Любое общество, а уж российское тем более, не ждет, чтобы пришедший к власти новый глава государства решил все существующие проблемы страны. Но вот решения самых кричащих проблем — этого общество не просто ждет, но жаждет.

Чечня и была для российского общества одной из двух-трех таких самых кричащих проблем на протяжении почти всех 90-х годов. Всё, что воспринималось как угрозы для России в целом и каждого из ее граждан в отдельности, как в фокусе собиралось в проблеме Чечни: распад страны, слабость армии и спецслужб, преступность, терроризм, политическое бессилие руководства, продажность и коррумпированность правящего класса, униженность перед внешним миром и глубочайшее падение в собственных глазах и т. д.

Тому, кто избавил бы Россию от всего этого ужаса, не меркнувшего даже на фоне еще не забытой трагедии распада СССР, просто суждено было стать любимцем народа.

Избавил Путин. Теперь, кстати, это очевидно даже для тех, кто и два, и тем более три года назад

говорил, что действия Путина в Чечне полностью неправильны. Ведь нельзя не признать, что сегодня и психологически, и сущностно

534

проблема Чечни переместилась во второй ряд вызовов для России.

Короче говоря, на примере Чечни Владимир Путин продемонстрировал свою способность делать дело и быть победителем.

Причем делать такое дело, которое казалось уже безнадежным, и быть победителем над тем, что победить почти невозможно.

Может быть, и есть народы, которые останутся равнодушными к лидеру, способному на такое, но русский народ к ним не относится.

В первое президентство Путина было немало таких побед, пусть менее ярких внешне, но крайне чувствительных именно для рядовых граждан. Например, прекращение невыплат зарплат и пенсий. Одно это для десятков миллионов людей стало не меньшей победой Путина, чем Чечня.

Так до конца и неясно, что же послужило главной причиной ареста Ходорковского, но сделать лучшего дела для народа и одержать большей победы в его глазах президент не мог. Особенно накануне выборов.

В понятии «нефтяной олигарх», справедливо или несправедливо — другой вопрос, для большей части общества сосредоточилось всё зло мира, все причины бед простых людей (избирателей). Политик, поднявший руку на олигарха, да еще наказавший его, есть сегодня безусловный спаситель Отечества.

Об этом, кстати, стоило бы помнить г-ну Березовскому, своими нападка на Путина лишь укреплявшему веру российских избирателей в президента.

СЛОВА

Всех дел не переделаешь, да и бюрократия не даст. А кроме не сделанных дел есть еще и прямые провалы, и проблемы, о которых все говорят, но к решению которых власть не только не подступалась, но, судя по всему, даже и не знает, как подступиться: всеохватная преступность и не менее всеохватная коррупция; полнейшее всевластие бюрократии, и не снисшедшее в советские времена; детская беспризорность; позорно массовое нищенство; вымирание страны; окружение России натовскими и американскими военными базами и т. п.

535

Отсутствие реально значимых дел в решении всех этих не то что кричащих, а прямо вопиющих проблем эффективный политик должен уметь заменить либо имитацией активности, либо правильными словами.

Во-первых, для многих слово — то же дело.

Во-вторых, слово есть начало дела.

В-третьих, слово есть не сокрытие проблемы, а по крайней мере, признание ее наличия. Не многие политики, находящиеся во власти, способны и на это. Яркий пример — Ельцин, просто не замечавший большинства проблем, которые волновали общество.

Наконец, в-четвертых, слово есть боль о проблеме, переживание ее, что в каком-то смысле для масс населения не менее важно, чем ее решение. Например, оппозиционные политики, не имея возможности решать проблемы, набирают популярность тем, что громко и с болью в душе об этих проблемах говорят.

Путин лишил российскую оппозицию (в первую очередь коммунистов, но и либералов тоже) этого преимущества, к которому они привыкли за годы ельцинского правления, когда, несмотря на внешний демократизм, Ельцин вообще не признавал существования большинства проблем, волнующих людей. И уж тем более не говорил о них с болью и состраданием.

Путин, несмотря на свой чрезмерно жаргонизированный язык, я бы сказал, виртуозно владеет политикой слова, проникающего в души простых людей. Ельцин не умел, да и не желал этого, хотя его речь была куда ближе к народной, чем речь Путина. Несмотря на любовь последнего к рискованной, спецслужбистской и блатной лексике — знаменитое «мочить в сортире» лучшее, но не единственное тому доказательство, было и «сопли жевать» и многое другое, неведомое Ельцину. Но Ельцин, в отличие от Путина, слишком долго, практически всю жизнь, был начальником. Сентиментальным, как многие начальники, он бывал часто, а вот искренне человеческим — лишь дважды. На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года, на котором подвергся экзекуции (и на предшествующем пленуме Московского горкома КПСС), и в своей прощальной речи 31 декабря 1999 года, когда попросил прощения у людей. Я, впрочем, в искренность этой просьбы тоже не верю, но по форме она была. Путин, проведенный в начальниках меньшую половину жизни (всего лишь 13 лет из пятидесяти), несмотря на гораздо большую внешнюю жест-

536

кость, по сути оказался гораздо более, извините за эти слова, добрым, человеческим и простым, чем Ельцин. Этого не может не чувствовать народ, избиратель, массы.

Я бы сказал, что Путин, видимо, не специально, но весьма виртуозно пользуется своей искренностью, и у него есть несколько чаще всего употребляемых приемов политики слова.

Прежде всего это уже упоминавшаяся мною откровенность — признание реальности существования той или иной проблемы. Это совсем простой прием, но им крайне редко пользуются политики, находящиеся во власти. Уже в первый год своего президентства Путин публично заявил, что в стране существует проблема всевластия бюрократии, острейший демографический кризис, опасность отторжения от России Сибири и Дальнего Востока. Ничего нового Путин этим не открыл, но до него (при Ельцине) на таком и

даже на более низком уровне эти проблемы вообще не упоминались. И сейчас для их решения мало что сделано, но населению не может не нравиться, что власть их по крайней мере не скрывает.

Позже Путин заговорил и о бедности, о коррупции, о запредельном уровне преступности, о детской беспризорности и о многом другом. В том числе о несправедливости сверхдоходов богатых, когда народ бедствует, — известная реплика о слишком высоких зарплатах руководителей РАО «ЕЭС России». Вряд ли с того момента зарработки были понижены, но этой репликой Путин солидаризировался с народом.

Напомню его слова, произнесенные при возвращении гимна на музыку Александрова: «Возможно, мы с народом ошибаемся». Если это и популизм, то крайне рафинированный.

Апофеозом путинской откровенности я бы назвал его признание в том, что если по-настоящему работать на посту президента, то за 8 лет (два срока) можно сойти с ума. Правда, эта откровенность была использована весьма специфично — для объяснения того, почему Путин не собирается изменять срок президентского правления. Тут задействован и другой прием путинской логики (абсурдизация ситуации), о чем — ниже.

Кстати, в словах, как и в делах, Путин всегда одновременно отвечает на запросы сразу многих социальных групп, иногда групп с прямо противоположными интересами. Наиболее показательна в этом смысле история с государственной символикой: царский герб для одних, имперский флаг — для других, гимн Александрова и красное знамя в Вооруженных

537

Силах — для третьих. Почти все выступления Путина построены по этому принципу.

Он одновременно и западник, и славянофил, и либерал, и государственник, и демократ, и авторитар, и противник восстановления СССР, и империалист.

В 1999 году я уже сравнивал Путина с пылесосом, всосавшим все самые серьезные и популярные лозунги и правых, и левых. А позже писал, что Геннадию Зюганову ради сохранения результатов КПрФ на выборах стоило бы не клеймить лично Путина за антинародную политику, ибо ни по лозунгам, ни по многим действиям она антинародной не является и уж во всяком случае не кажется таковой как раз самому народу.

У Путина есть более изощренный, чем Геннадий Зюганов, критик — писатель Александр Проханов. Есть такие и в либеральном лагере. Против таких критиков, точнее против их доводов, как правило, неопровержимых в силу фундаментальности сути этих доводов и brutality формы, в которых они преподносятся, президент действует не менее изощренным и brutalным оружием — аргументами, либо основанными на игре смыслами, либо просто абсурдными.

Когда Путина спросили, не волнует ли его то, что американцы начинают размещение своих военных в Грузии, он ответил так: если в Центральной Азии можно, то почему нельзя в Грузии. И уточнять, а почему, собственно, можно в Центральной Азии, никто не стал, столь абсурдным (или абсурдистским) был ответ.

Кто-то из западных журналистов упрекнул Путина в том, что при нем в России уменьшилась демократия. Путин заявил: она не могла уменьшиться, так как ее никогда в России не было. Что, между прочим, в общем-то верно, но вопрос предполагал более узкую трактовку термина «демократия».

Из этой же серии и знаменитый сверхлаконичный ответ на вопрос о том, что случилось с подлодкой «Курск», — «Утонула».

Сама откровенность Путина порой имеет вызывающе резкую форму, как правило, облакаемую в жаргонизмы или недалекую от них профессиональную лексику спецслужб. Все помнят, что, заняв ключевую позицию в государстве, он прямо под телекамеры на собрании сотрудников ФСБ заявил, что задание по внедрению в руководство страны выполнено. Либералы чуть не попадали со стульев от такого неприкры-

538

того цинизма. Но тогда Путин был в хорошем расположении духа и с его стороны это была скорее всего словесная провокация.

Гораздо чаще он переходит на резкости, когда вопрос ему не нравится и он не хочет или не может на него отвечать откровенно. Не помню уж точно, по какому поводу, но, кажется, в ответ на вопрос о коррупции в рядах высших чиновников Путин потребовал: «Имена, адреса, явки!» Знаменитое предложение приехать в Москву и сделать обрезание, чтобы уже ничего не выросло, последовало, естественно, в ответ на вопрос о Чечне западного журналиста. Совершенно очевидно, что что-то подобное Путин хотел бы сказать кому-то из западных политиков, возможно, очень высокопоставленному, но президентский статус не позволил. Разрядка произошла на журналисте, подвернувшемся под руку с неприятным и надоевшим вопросом.

Кстати, на западных журналистах Путин срывается гораздо чаще, чем на русских. Думаю, как раз по той причине, что не всё, что хотел бы, он может сказать в лицо некоторым западным политикам. А внутри России ему с этим проще. Собственно, о российских политиках президент частенько отзывался весьма нелюбезно, правда, не называя их имен. Последний пример этого — объяснение отказа участвовать в предвыборных дебатах с остальными кандидатами в президенты.

Но при этом Путин удивительно легко находит общий язык с простыми людьми. В этом ему помогает не раз уже упоминавшаяся мною откровенность, а также самоирония. Ею он пользуется, по моим наблюдениям, исключительно в беседах с простыми людьми и никогда, что понятно, в разговорах со своими непосредственными подчиненными. При встречах с последними он, наоборот, скорее иронизирует по

поводу них, начальников для всех остальных. И это, естественно, тоже нравится простым людям.

В свое время мне приходилось писать, что разговор в Видяево с родственниками моряков, погибших на «Курске», был проведен Путиным исключительно проникновенно, с неподдельным сочувствием и предельно искренно — так, как только и нужно было говорить с этими людьми. Правда, при этом Путин умудрился избежать какой-либо критики руководства Военно-морского флота. Что можно, глядя с разных позиций, рассматривать и как абсолютно правильный, и совершенно неправильный ход.

539

При всём этом Путину удается в разговорах с подчиненными и особенно простыми людьми не подавлять в них желание и саму возможность спорить и не соглашаться с собой. Правда, у большинства его собеседников всё-таки очевидно возникает восхищение-оцепенение, даже если они отваживаются на полемику с президентом.

Но, может быть, главный из приемов словесной политики Путина — это использование аргументов, основанных на здравом смысле. Против них, как правило, невозможно возражать, а простым людям это тем более близко. Я бы даже сказал, что 95 процентов аргументации Путина относится к этому разряду, а оставшиеся пять (по самым деликатным проблемам) — это абсурдистские аргументы.

Но те, кто помнит 38 снайперов Ельцина, проглатывают эти пять процентов, тем более что понимают: за ельцинскими снайперами стояла просто дезинформация президента со стороны подчиненных, в которую верил сам Ельцин, а за путинским абсурдом — объективная невозможность откровенности по данному поводу.

КАК ПОБЕДИТЬ ПУТИНА ?

В принципе это невозможно. По крайней мере до тех пор, пока дела в стране идут более или менее нормально — даже если и без радикальных улучшений.

Не случайно избиратели Владимира Путина рассредоточены среди симпатизантов всех партий — от КПРФ до СПС.

Есть, однако, один шанс. И шанс этот как раз в слове, ибо делом ни один оппозиционер не может соперничать с действующим президентом, причем успешно (в целом) действующим.

Шанс в слове, точнее — в идее. Ведь гармоничная эклектичность путинской идеологии-фразеологии все-таки не породила до сих пор того, что принято называть национальной идеей. А в такой книжной, такой словесной, такой идеофильской стране, как Россия, правильно найденная идея (и лозунг на ее основе) может буквально вознести политика к вершинам власти. Ельцину, например, хватило только лозунга (даже без идеи) борьбы с привилегиями, чтобы эту власть получить.

Но такую идею еще надо найти.

А если это (на ближайший срок) идея борьбы с олигархами, то ее Путин уже забрал себе.

540

Выбор Путина как выбор России

Всё еще демократия или уже авторитаризм?

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 16, 17.09. 2004

ЧАСТЬ I

Предложенная Владимиром Путиным радикальная политическая реформа, в отличие от многих других новаций последнего времени, не оставила равнодушным практически никого в кругах, так или иначе связанных с политикой как в России, так и за ее пределами.

По масштабам политических изменений, которая эта реформа — в случае ее реализации — привнесет в общество и государственное устройство России, она сопоставима с ликвидацией Съезда народных депутатов и введением Конституции 1993 года, осуществленных Борисом Ельциным. А до сих пор именно эти два события были главными фундаментальными политическими вехами в наиновейшей, то есть после распада СССР, истории России.

Правы те (как критики, так и сторонники данной реформы), кто утверждает, что после реализации предложений нынешнего президента политическая жизнь страны кардинально изменится. Но дискуссионным остается вопрос: изменится в лучшую или в худшую сторону?

О событиях такого масштаба нужно либо говорить честно и откровенно, либо вообще никак. Просто ангажироваться в пропутинскую или в антипутинскую пропаганду, развернувшуюся в связи с предложениями президента, по большому счету бессмысленно. То есть текущий, практический смысл, конечно, есть. Присоединись к певцам реформы — можешь получить соответствующий дивиденд внутри страны, отпить лишний глоток из властного административного или финансового ресурса. Солидаризируешься с хулиателями ре-

541

формы — улучшишь свой имидж в западном политическом сообществе, который при определенных обстоятельствах легко конвертируется в статусную ренту.

В общем-то и то, и другое — движение по пути наименьшего сопротивления.

Хотелось бы в меру своих сил профессионально, человечески и гражданственно пойти третьим путем, то есть взглянуть на предложения Путина и не глазами его подчиненных, и не сквозь оптику западных как идеальных, так и спекулятивных представлений о демократии, а с позиции реальной современной политической истории России и реальных национальных интересов нашей страны и нации.

Эта позиция тоже уязвима в публичной полемике, где более всего приветствуются выкрики либо за (неважно, сколь убедительные и честные), либо против (неважно, сколько реально значимые и тоже честные). Но иначе неинтересно, да и не нужно в данной конкретной дискуссии участвовать.

Credo

Сразу, чтоб не туманить свою позицию, хочу зафиксировать в предельно лапидарной форме свою оценку предложенной Владимиром Путиным политической реформы.

1. Это есть безусловный шаг назад от приближения к идеальной модели демократии.
2. Это есть шаг безусловно вынужденный и безусловно связанный с опасением потерять нечто большее, чем демократию в России, а именно — саму Россию.
3. Эффективность этого шага не предопределена и не гарантирована.
4. Неэффективность чисто демократического (если таковой — в смысле чистоты — вообще есть) сценария решения стоящих перед Россией проблем и брошенных ей сегодня вызовов, увы, можно считать доказанной, причем не теоретическим, а самым убедительным — эмпирическим путем.

А теперь — более подробно, хотя и всё равно достаточно бегло, ибо ситуация слишком многогранна, о том же самом.

Что оставим за скобками

Прежде всего — западный опыт. Почему?

В последние дни очень часто можно слышать такой, внешне крайне убедительный аргумент: США тоже пережили чудовищную по масштабам террористическую атаку 11 сентября

542

2001 года, однако после этого они не отменили выборность губернаторов, сумев не допустить повторение подобных и даже гораздо меньших терактов. Всё в этом сравнении вопиет о его абсолютной некорректности, прежде всего научной. Укажу на главное.

Совершенно несопоставимы как история США и России, так и их политическая история, и уж тем более история демократий в этих двух странах.

Географическое (а отсюда и геополитическое) положение США абсолютно уникально и несоизмеримо более выгодно, чем положение России. Два океана; всего две граничащих страны, одна из которых — предельно лояльная Канада, а другая — гораздо более слабая и не амбициозная Мексика; удаленность на тысячи километров от всех до сих пор известных истории театров военных действий — всё это в совокупности делают Соединенные Штаты, даже при их масштабах, сопоставимых с российскими, естественной крепостью, почти не нуждающейся в дополнительной обороне. Тем не менее американцы эту оборону, да еще вынесенную на те же тысячи километров от своих стен, всё-таки имеют, постоянно укрепляют и совершенствуют.

Более выгодным в военном и геостратегическом отношении, чем нынешнее американское, было бы расположение только на Луне. Соединенные Штаты невозможно победить военным путем. И на 80 процентов это не их заслуга, а объективная характеристика их местоположения на земном шаре.

У России — прямо противоположная ситуация, хотя и ее до сих пор никому не удавалось победить военным путем.

Но сейчас речь идет о партизанских, или сетевых войнах, перед которыми Россия объективно гораздо более уязвима, чем США.

Доказательство тому (и это третий аспект некорректности сравнения США после 11 сентября и России после 4 сентября) — тот самый международный терроризм (термин общепринят, феномен до конца неясен и тем более ясно не описан), который смог нанести по США удар только извне, а в России уже закрепился внутри, на Северном Кавказе, отвоевал себе там пусть не тотально оккупированный, но плацдарм.

Можно только предполагать, каким бы трансформациям подверглась система политической демократии в США, если бы международный терроризм, хотя бы и в дисперсных формах, занял бы плацдарм во Флориде или Техасе.

В Европе (нерусской) нет вообще ни одной страны, схожей по основным своим географическим, историческим и

543

всем иным характеристикам с Россией. Поэтому и сравнивать нельзя.

Евросоюз в целом только сформировался как аналогичное России пока еще протогосударство. И какие испытания ждут его (и его демократические институты) впереди — сказать никто с точностью не может. (Но думаю, что непростые, и гораздо раньше, чем это многим кажется.)

Суммарно: США как демократия гораздо старше России, а Евросоюз как континентальное сверхгосударство гораздо младше России, чтобы сегодня сравнивать реакцию этих стран на одну и ту же угрозу по методу прямой аналогии.

И если уж сравнение с какой-то страной нужно, то я его дам. Но фактически единственный раз в этой статье, ибо развивать его полновесно нет возможности.

Реформы, предложенные Владимиром Путиным, есть переход России от западного сценария развития (точнее, от предложенного Западом, ибо сам Запад шел не совсем так, как предлагает России, главное — медленнее в сотни раз) к китайскому: меньше демократии — больше рынка, но главное — не разваливать и не дать уничтожить страну.

Мне всегда смешно слышать, как иронизируют по поводу особого пути России те, кто, как правило,

даже на работу ездит иначе, чем большинство своих сограждан и, кстати, большинство своих коллег на Западе, то есть на автомашинах с мигалками.

Общий путь у всех только на помойку или в могилу, а к чему-то более конструктивному у каждого своя дорога, хоть и едиными законами предначертанная.

Разом демократию в России построить можно — если только кому-то удастся разом же отобрать у всех чиновников страны (кроме президента и членов правительства) служебные автомашины со спецсигналами. На этом, грубо говоря, и сломалась резвая (по инфантильности своей) русская демократия. Ельцин пришел к власти под единственным лозунгом — борьбы с привилегиями. Но за время своего правления он лишь присовокупил к советским привилегиям правящего класса массу сословных. Отказался только от одной — продуктовых пайков. К этому казусу я еще вернусь.

В чём я точно согласен с Путиным

В журналистике (в отличие от науки) считается неприличным прибегать к самоцитированию, но всё-таки (в очередной раз) рискну.

544

Еще до первого избрания Путина президентом и сразу после того в ряде своих статей я неоднократно отмечал, что для Владимира Путина как политика высшей ценностью и категорическим императивом является сохранение России, а уж приоритетом второго ранга — демократия в этой стране. То есть, конечно, важно, чтобы в России была демократия, но цель ее построения, укрепления, совершенствования и приближения к брюссельским или вашингтонским образцам обесмысливается, если Россию как страну и нацию сохранить не удастся.

Кто и строительством чего (демократии или деспотии) будет заниматься на территории бывшей России, если сама Россия и русские исчезнут? Этот вопрос, возможно, чисто теоретически тоже волнует Путина. Но практически как глава государства, как определенный народом (пусть с подсказки правящего класса, точнее даже — правящего клана) лидер нации он (и в этом я с ним абсолютно согласен) должен думать прежде всего и даже помимо всего о сохранении России.

Понимают это какие-либо страны Запада или Востока, их лидеры, их эксперты, их политики или нет, хотят понимать или не желают, не понимают или делают вид, что не понимают, вопрос о сохранении России (не только целостности ее, а ее вообще) являлся самым главным, острым и актуальным все последние 15 лет (лишь временами в этот период он чуть терял остроту). В 1991 году Россия распалась в первый раз (но не впервые в XX веке), получив к тому же для оставшейся территории совершенно неестественные и многократно более незащищенные и уязвимые (и большие по протяженности!) в военном отношении границы.

Кто разжег и как (по глупости или, напротив, осознанно умно) пожар в Чечне — тема отдельная, но для любого объективного человека, а тем более русского, ясно, что Чечня — это плацдарм для дальнейшего раскола и уничтожения России.

Стоят ли за этим террористы, исламисты, пантюркисты, империалисты, марсиане или хоть часть самих русских, — неважно. Русское общество и русская власть должны были этому сопротивляться, даже если бы шансов на победу не было вовсе.

Делала это русская власть умно или глупо, демократично или заскорузло-кондово, подворовывая у своего народа и своей армии или бескорыстно, — крайне важно, но в глобальном и историческом масштабе непринципиально.

545

Да, русские разрушили Грозный (который, между прочим, сами и построили), ну так они и Москву сожгли, оставляя ее Наполеону. И сожгли бы еще раз, если бы вынуждены были оставить Гитлеру. У русских не картезианский ум, они не умеют сначала сдать без боя и в неприкосновенности столицу (Париж, например) врагу, а затем называть себя победителями. Им нужно либо проиграть, либо победить. Это не потому, что русские лучше других. Это потому, что такой их сделала русская история.

Возможно, и она конечна. Даже скорее всего конечна. Но не сейчас! Это и есть категорический императив Русского государства, русской нации и русской власти, живущих друг с другом далеко не в мире и спокойствии (и корень зла здесь — в русской власти, конечно).

Короче говоря, Владимир Путин абсолютно прав, утверждая, что сегодня (и чудовищный теракт в Беслане самое апокалиптическое, но далеко не единственное тому подтверждение), что России кем-то (может быть, марсианами или просто безжалостной историей) объявлена тотальная война на уничтожение. Глубочайший кризис национальной безопасности, наложившийся на глубочайший политический кризис (в этом суть Бесланского холокоста), с неизбежностью поставил перед Путиным, слабый он президент или сильный, вопрос о необходимости принятия чрезвычайных мер по ликвидации и того и другого.

Обоснованность упреков

Упреки реформам, предложенным Путиным, совершенно обоснованы, если даже официально сам Кремль не хочет их принимать и признавать. Политическая квинтэссенция этих реформ — отмена выборности глав субъектов Федерации и замена смешанной системы выборов пропорциональной (по партийным спискам).

Действительно, эта реформа (точнее говоря, один из ее пунктов — отмена выборов губернаторов, ибо переход от смешанной к чисто пропорциональной системе выборов шагом назад от демократии нельзя назвать вовсе) имеет следствием:

— выход за пределы конституционного поля если и не по букве, то по духу;

— трансформацию страны из федерации в унитарное государство;

546

— ограничение сферы действия демократических выборных процедур и переход от непосредственной демократии (на региональном уровне) к плебисцитарной, то есть наименее демократичной форме демократического устройства.

И в этом смысле данная реформа есть шаг назад в демократическом развитии, если брать его не в историческом (всякий раз довольно запутанном) варианте, а как главу из учебника политологии.

Но я солидарен с Путиным в том, что сначала и прежде всего мы (он в первую голову) обязаны сохранить страну и нацию, а затем (желательно параллельно с тем) сохранить в России демократию.

В этой связи встает вопрос о целесообразности и соразмерности предложений Путина стоящим перед страной и нацией задачам, а именно:

1. Позволят ли эти меры сохранить страну и нацию, выполнить эту императивную (на этом настаиваю) для любого президента задачу?

2. Можно ли, сохранив страну и нацию, сохранить в стране и для нации демократию?

3. (Этот вопрос не задается, а он не менее существен, чем второй.) Можно ли, добиваясь первого и второго, не уронить и так скандально низкий уровень материального благополучия основной части населения? Ибо зачем нам страна, где бедность и нищета стали нормой; зачем нам демократия, если более чем половине населения нет дела — и справедливо — до всех архитектурных изысков здания европейских свобод и прав человека, ибо нечего есть и нельзя уберечься от разгула преступности, даже и без всякого терроризма?

4. Можно ли было избрать другой путь, более (условно говоря) демократичный, но дающий тот же результат?

5. Принесет ли выбранный сценарий нужный эффект уже не теоретически, а практически — в реальном его исполнении?

Попытаюсь ответить последовательно на все эти пять стоящих перед Россией и ее народом, перед Русской Демократией, в конце концов, вопросов, разобрав все существенные плюсы и минусы предложений президента.

ЧАСТЬ 2

В первой части статьи я попытался, помимо прочего, показать, что окончательно осознанный обществом и властью

547

только после Беслана кризис национальной безопасности России наложился на сильнейший и давно развивающийся (в том числе и под внешней оболочкой стабильности) политический кризис, который официальные лица предпочитают называть кризисом управляемости. Два эти кризиса усугубляют друг друга: чем больше террористических атак, тем больше неуправляемости; чем больше неуправляемости, тем больше возможностей для действий террористов.

Вопрос стоит так: оптимальны ли предложенные президентом политические реформы для того, чтобы вывести Россию из обоих этих кризисов, не порушив при этом основные институты демократии?

Наша демократия

Она отвратительна, а точнее говоря, до сих пор она является скорее псевдodemократией, квазидемократией, парадемократией, но отнюдь не демократией ни в классическом, ни в современном смысле этого слова.

Почему мы не сумели построить более или менее нормальную демократию? Тому есть много объяснений, но они уведут нас в сторону от основной темы. Поэтому сейчас меня интересует скорее не история болезни, а собственно диагноз.

Большинство современных развитых демократий являются, во-первых, представительными (население голосует, а правят от его лица избранные им президенты и парламентарии), во-вторых, элитарными. То есть народные избранники являются народными лишь по формальному источнику, давшему им власть, но не по своему составу или происхождению. По своему составу это представители элит.

В дурных качествах российских элит и видят многие российские же политологи первоисток всех бед нашей демократии.

Итак, политическими процессами в России (и на Западе) занимаются представители элит. Они есть главные активисты российской политики.

Однажды мне уже приходилось писать, кто конкретно стал главными субъектами российской политики в 90-е годы. Это: центральная власть, региональная власть, олигархи (крупнейшие бизнес-группы), КПРФ и оргпреступность. Народ (простые избиратели) был допущен к политическим процессам, во-первых, исключительно во время выборов, во-вторых, только на условиях той агитации, которые выдавали ему российские

548

СМИ (в первую очередь телевидение), принадлежавшие либо власти (центральной или региональной), либо олигархам.

Главные задачи, которые решали основные субъекты российской политики в 90-е годы, состояли в следующем: а) сохранить или захватить власть; б) захватить и сохранить собственность; в) не допустить до власти самый мощный, опирающийся на относительное большинство населения политический субъект — КПРФ.

Этому отводилось 90 процентов времени и усилий. Лишь оставшиеся десять тратились на решение общенациональных и государственных задач.

Соответственно этим интересам складывалась и конструктивно, и практически система политического устройства — ровно настолько демократическая, чтобы иметь возможность властвовать и приобретать собственность самим, ровно настолько недемократическая, чтобы власть не получили коммунисты, а собственность — конкуренты.

Эту конструкцию мы и получили к началу нового века. Плюрализм конкурирующих за власть и собственность конкретных субъектов придавал этой конструкции видимость демократичности.

Напоминающие партии (кроме КПРФ) субъекты, плававшие на поверхности политического процесса, довольно быстро были финансово поработаны либо олигархическими, либо властными структурами.

Выборы в Думу

Переход от смешанной системы выборов (выборы и по одномандатным округам, и по партийным спискам), взятой на вооружение исключительно для того, чтобы КПРФ не получила в Думе абсолютное большинство, к выборам только по партийным спискам не является признаком ухода от демократии и в теории, и на практике. Ибо абсолютное большинство одномандатников на выборах всех четырех Дум были лишь выставленными партийными, властными или олигархическими структурами кандидатами, которые сразу же после победы на выборах записывались в соответствующие партийные фракции. Правда, несколько более внимательно относящимися, если хотели, к запросам конкретных избирателей. Но не обязательно, ибо никакого реального механизма отзыва депутатов не было и нет до сих пор. Переход к выборам только по партийным спискам положения дел здесь фактиче-

549

ски не меняет, но имеет претензию на то, чтобы в стране наконец возникли *новые* общенациональные партии, скрепляющие снизу доверху общество и страну помимо официальных государственных скреп. Цель более чем благородная.

Однако остается вопрос: а возможно ли сегодня вообще и в России в частности создание новых общенациональных партий? Не является ли эта цель просто утопической?

Крайне дискуссионный вопрос.

Губернаторы как проблема

Главы субъектов Федерации (упрощенно — губернаторы), чья выборность фактически отменяется новым предложением президента, составляли всё последнее время не меньшую проблему для центральной власти, чем олигархи и оргпреступность.

Отказ от их выборности прямым народным голосованием, безусловно, является шагом назад от классической, да и современной моделей демократии.

При этом важно констатировать то, что практически никто из демократически избранных губернаторов, президентов и глав администрации не правил на своих территориях демократически. Более того, во многих субъектах Федерации они установили прямо деспотические или авторитарные режимы, на фоне которых центральная власть могла бы показаться идеалом демократии. Главы регионов и их команды стали одним из главных тормозов развития демократических процессов и обновления элит в России.

Почти никто из губернаторов не допускал развития демократии на муниципальном уровне, тем более — местного самоуправления. Зато все они участвовали, прямо или косвенно, лично или через родственников и подставных лиц, в разделе собственности на вверенных им территориях, не подпуская к этой собственности ни конкурентов, ни тем более народ. Почти все главы субъектов Федерации создавали исключительно подконтрольные себе региональные парламенты и подминали под себя региональные СМИ. Долгое время они фактически контролировали все региональные силовые структуры и спецслужбы, включая и те, что входили в систему МВД и ФСБ. И уж конечно — суды.

Новые фигуры, приходящие к власти в субъектах Федерации, если они не были продавлены административным ресурсом Центра, были прямыми ставленниками либо общефе-

550

деральных, либо региональных олигархических групп или даже преступных группировок. В ряде регионов, где соотношение между конкурирующими структурами подобного рода было примерно одинаково, с помощью механизма демократических выборов на самые высокие посты избирались и вовсе неадекватные фигуры.

Подкуп избирателей и использование административного (вплоть до силового) ресурса стали нормой, а не исключением региональных избирательных кампаний.

Почти никто из глав регионов не только не хотел, да и не мог покинуть свой пост, ибо, во-первых, многие из них не успели (или не сумели) расплатиться собственностью по обязательствам финансирующих их приход к власти групп, а во-вторых, уход с поста почти автоматически открывал бы серию уголовных дел, прежде всего связанных с переделом той же самой собственности.

В этих условиях сохранение власти любым путем стало смыслом жизни и деятельности многих глав регионов, а если все поводы для сохранения этой власти исчерпывались, то они готовили и продвигали себе на замену представителей своих же властно-собственнических кланов или просто родственников.

Одновременно многие шантажировали Кремль, отказывавший им в поддержке, национальными и межнациональными взрывами на своих территориях. И Кремль очень часто вынужден был отступать, ибо понимал, что в их руках есть все ресурсы для того, чтобы такое устроить.

Короче говоря, демократически избранные главы субъектов Федерации не были проводниками демократии на своих территориях, в корне душили любое проявление оппозиционности, приватизировали большую часть региональной собственности и перераспределяли в пользу своих клиентов (а часто и хозяев) финансовые потоки, идущие из Центра.

Справедливости ради надо признать, что в отдельные моменты (но, как правило, в обмен на собственность и сокрытие своих грехов) главы субъектов Федерации приглушали региональный или национальный сепаратизм, что помогло не разрушить Россию в начале 90-х годов и в ходе первой чеченской кампании.

Главы субъектов Федерации — одна из самых больших политических проблем современной России. Вот причина, по которой Путин решил самым радикальным образом лишить их легитимности, основанной на прямом волеизъявлении

551

избирателей. Подспудная, не произносимая публично мотивировка (впрочем, Валентина Матвиенко проговорила): знаем мы, как это волеизъявление формируется.

Данная проблема, между прочим, имеет прямое отношение к борьбе с терроризмом, особенно в некоторых регионах, в первую очередь северокавказских, но не только. И прямое же отношение к борьбе с оргпреступностью, слишком основательно вошедшей во власть именно на региональном уровне, и коррупцией.

Я абсолютно согласен, что подавление деспотизма, полной неподотчетности избирателям и направленной против федеральной власти активности региональных властно-владельческих кланов являлось и является одной из самых приоритетных задач Кремля.

Вопрос в том, не создаст ли новая система назначения региональных лидеров Москвой больше проблем, чем решит.

В этом смысле наиболее неясны следующие моменты. Чем гарантируется то, что назначенцы будут более демократичны, чем прежние «народные избранники»? На какие силы (кроме Москвы) они будут опираться в своих регионах, если новых региональных элит им никто не даст, а старые будут руководствоваться указаниями прежних хозяев? Продуман ли механизм формирования новых региональных элит? На кого будет теперь направляться протест народных масс в случае крупных катастроф или экономических провалов в регионах — только на Москву? Наконец, если снижение легитимности глав субъектов Федерации в обычных обстоятельствах блокирует спонтанные проявления сепаратизма, то как этот же фактор скажется в обстоятельствах форс-мажорных, например, в случае внезапного оставления своего поста (или иных сходных случаев) президентом страны, избранным прямым голосованием? Премьер-министр, заступающий на его место по Конституции, в глазах региональных парламентов столь же легитимным не будет. Не вышлют ли тогда некоторые региональные законодательные собрания «ставленников Москвы» за пределы своих территорий и не изберут ли других?

Федерация или унитарное государство?

Тоже крайне дискуссионный вопрос. Многие склоняются к тому, что унитарная форма государства в настоящих усло-

552

виях гораздо предпочтительнее для России, включая и ее так называемые национальные регионы. Но многие ли считают так (или решатся произнести это вслух) в самих национальных регионах? Сохранить вид Федерации при фактическом назначении из Москвы глав ее субъектов будет крайне затруднительно. Не получится ли, что главы краев и областей, назначенные по новой системе, окажутся менее легитимными, чем президенты некоторых республик, если население этих республик откажется переходить на новую систему? В этом случае Федерация вновь станет опасно асимметричной.

Плебисцитарная демократия

Как уже отмечалось в первой части статьи, предложенная Владимиром Путиным система более всего напоминает плебисцитарную демократию, то есть самую недемократичную форму демократии. Это уже проблема, ибо исключительно как отступление назад от «настоящей демократии» предшествующего этапа этот шаг будет рассматриваться и уже рассматривается и на Западе (в тонкости, за исключением нескольких десятков неангажированных экспертов, там никто вдаваться не будет), и многими у нас.

Плебисцитарная демократия, упрощенно говоря, основана на том, что избранного прямым всенародным голосованием и обязательно харизматического главу государства общество наделяет самыми широкими властными полномочиями, выходящими за рамки демократических условностей. Просто потому, что общество устало от груза нерешенных проблем и произвола бюрократии, который, как это общество понимает, не остановить никакими демократическими процедурами, ибо и эти процедуры бюрократия (или олигархи, или преступность) использует против народа.

При этом для реализации всей позитивной программы такого харизматического лидера требуется достаточно длительный срок, в нашем случае явно выходящий за пределы 2008 года. Кроме того, обществу потребуются зримые и частые доказательства положительных результатов такого правления.

Наконец, возвращение из плебисцитарной демократии в «нормальную» всегда крайне затруднительно и редко проходит без эксцессов.

553

Общественная палата

Самый неясный пункт путинского плана, ставящий прежде всего вопрос о роли парламента в

фактически новом политическом режиме, который должен возникнуть в стране.

Юридические проблемы

То, что Конституция России далека от совершенства, скроена во многом на скорую руку подогнана под политические задачи власти периода 1993 года и уже во многом расходится с реальными политическими процессами в стране, в том числе и самыми объективными, это очевидно. Но всё-таки она есть, и вопрос о ее изменении, который, несмотря на все эти несовершенства, до сих пор фактически консенсусно ни одна из политических сил или фигур не ставила, может теперь возникнуть. А кроме того, есть ведь и конституции республик в составе Российской Федерации.

План есть, но изложен не весь

Множество весьма острых вопросов, возникающих при знакомстве с планом политических реформ, изложенным Владимиром Путиным, показывает как минимум следующее:

- президент взваливает на себя слишком большую ответственность, что может быть мотивировано, конечно, не властолюбием, а только чрезвычайностью вызовов, брошенных стране;
- но далеко не всеми эти вызовы воспринимаются с той же серьезностью, что и самим президентом;
- изложен не весь план политических реформ, а лишь его часть, ибо не предложено достаточного набора мер, компенсирующих убытие демократических процедур, по крайней мере, в столь очевидном пункте, как ликвидация прямых выборов глав регионов; кроме того, не объяснено, откуда и столь стремительно возьмется новая элита, способная на всей территории страны, а не только при голосовании в Думе руководствоваться новыми установками президента.

Компенсирующие меры

Их, как мне представляется, должно быть довольно много, и я уверен, что их полный список президенту нужно изложить.

554

Со своей стороны, я вижу в качестве части этих мер (далеко не всех) следующее:

- возвращение Думе части изъятых у нее функций, прежде всего в сфере публичной политики;
- переход к выборности членов Совета Федерации прямым голосованием в регионах;
- де бюрократизация выборов в региональные собрания, прекращение третирования не экстремистских оппозиционных сил и политиков в регионах;
- всемернейшее укрепление реального местного самоуправления;
- выведение судебной системы из-под фактического административного контроля региональных руководителей, что старых, что новых;
- конституирование Общественной палаты, функции которой еще надо прояснить, в статусе, никак не принижающем статус Думы и Совета Федерации, и, естественно, не в виде органа, собирающего записных членов всех и всяческих советов, одобряющих все, что им ни предложат;
- прекращение дошедшей до опасного предела деполитизации федеральных телеканалов.

Ответы на вопросы

В конце первой части этой статьи я поставил пять вопросов, обещав дать на них ответы. В сущности, я это уже сделал в разных местах данного текста, но, чтобы не создавалось впечатления манкирования своим обещанием, приведу эти ответы в предельно краткой и ясной форме.

1. Позволят ли меры, предложенные президентом, сохранить страну и нацию перед лицом угрозы международного терроризма и глубокого политического кризиса? Да, если будут дополнены рядом иных мер и проработаны с учетом всех возникающих сомнений и имеющихся неясностей.

2. Можно ли, сохранив страну и нацию, сохранить в стране демократию? Да, с той лишь оговоркой, что фактически эту демократию у нас нужно строить заново и растить снизу.

3. Можно ли, добиваясь первого и второго, не уронить и так скандально низкий уровень материального благополучия населения? Да, причем не только можно, но и необходимо, ибо в конечном итоге только бедность и нищета, воспринимаемые как прямое следствие реформ 90-х годов, и отворачи-

555

ли большинство населения и от реформ, и от любых реформаторов, и от демократии.

4. Можно ли было избрать другой, более демократический путь, чем тот, что предложен президентом Путиным, но дающий тот же результат? Не знаю, тут очень много сомнений и неясностей. Ясность только в одном: нельзя дальше идти ни путем 90-х годов, ни путем умеренной корректировки того, что было в 90-х. В остальном — нужна общенациональная экспертная дискуссия.

5. Принесет ли выбранный сценарий нужный эффект уже не теоретически, а практически — в реальном исполнении? Самый трудный вопрос. Не могу дать однозначного ответа. Но знаю, что и Путин лично, и вся страна очень рискуют, если в реальности ответ будет отрицательный.

Заключительные замечания

Новая кавказская политика, разработка которой долгое время, кстати, блокировалась как раз региональными элитами Северного Кавказа, на сей раз должна быть предельно точной и исключительно эффективной. Ибо лимит времени для безынициативности России в этом регионе уже исчерпан. Владимир Путин, собственно, и сам сказал это в несколько иных выражениях в своем выступлении 13 сентября.

За скобками остался вопрос о новом курсе внешней политики России в сложившихся условиях. Здесь я по-прежнему остаюсь при своем устоявшемся мнении, что целый ряд своих внутренних проблем России невозможно решить без реинтеграции по обновленной модели значительной части постсоветского

пространства. Решительной реинтеграции. Радикальной.

Последнее. Что-то очень важное Владимир Путин в своем выступлении 13 сентября недоговорил. Что-то, что он собирается сказать или сделать в ближайшее время.

Эта смысловая лакуна, лично мною ощущаемая, должна быть заполнена. Тогда и удастся точно ответить на вопрос из подзаголовка этой статьи, волнующий, конечно, не всех, но очень и очень многих: всё еще демократия или уже авторитаризм?

556

Нужен ли нам Путин после 2008 года?

Если да, то какой и при каких условиях

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС, №5, 6 (29, 30), МАЙ, июнь 2005

ЧАСТЬ I

«Как ты думаешь, он останется?» Вот вопрос, который в последнее время всё чаще задают мне и многим другим людям, занимающимся политической аналитикой. Расшифровки вопрос не требует. Вопросающий уверен, что я или кто-то другой, чьим мнением на сей счет он интересуется, прекрасно поймет, о ком и о чем идет речь.

Но ведь гораздо более важен не этот вопрос — наше гипертрофированное представление о якобы абсолютном всеиии власти в России выводит его на первый план. Ведь и с философской, и с политической точек зрения, и исходя из национальных интересов страны надо прежде всего задать другой вопрос: а нужен ли нам, гражданам России, Владимир Путин как лидер страны и нации и после истечения, согласно действующей Конституции, его президентских полномочий в начале 2008 года? Ответив утвердительно или отрицательно на этот вопрос, должно и можно переходить к обсуждению тайных или явных желаний и намерений властных группировок.

Итак, нужен ли нам Путин после 2008 года?

Дело техники

Начну всё-таки с более простого — с техники оставления Путина у власти. Потому что именно это интересует сегодня публику, хотя интерес этот несколько, на мой взгляд, запоздалый и в основном неправильно мотивированный. Негласно предполагается и публично обсуждается чисто эгоистический мотив реализации сценари-

557

ев продления правления Путина — собственнические интересы властвующей группировки, почти гарантированно теряющей с уходом нынешнего президента из Кремля не только властные, но и имущественные позиции. Утверждать, что этот мотив отсутствует вовсе, значит не только погрешить против истины, но и просто рассмешить знающих людей. Однако кроме корпоративного эгоизма нынешней власти наблюдается в ее действиях и нечто, что, с одной стороны, объективно не может не проявляться в поведении всякой более или менее рациональной власти, а с другой — то, что эта власть всё-таки достаточно последовательно, хоть и с поправками на этот самый эгоизм, субъективно реализует. Речь идет об отстаивании пусть не слишком четко сформулированных и даже не до конца сформированных национальных интересов России.

Для прояснения сказанного позволю себе процитировать в сильно ужатом виде, две (следующие ниже) главы из своей большой статьи «*Бремя всевластия*», опубликованной в «Российской газете» сразу после думских выборов 2003 года и посвященной не столько тактическому, сколько стратегическому анализу результатов того голосования. Там были разобраны и технология, и — главное — мотивация возникновения проблемы продления власти Владимира Путина за пределами 2008 года. Вот эти главы под их оригинальными заголовками.

Недореформированная Россия

Совершенно очевидно, что при всех успехах первого путинского четырехлетия за второе он не сможет и не успеет решить фундаментальные проблемы, которые стоят перед Россией сегодня. Преемник в России — это всегда смена курса (так происходит не только с 1917 года, но фактически от Петра Великого). Наша Россия (при всей моей любви к ней) — перманентно недоделанная (изящнее — недореформированная) страна, поэтому столь понятно подсознательное стремление правящего класса всякий раз длить до бесконечности пребывание на высшем посту того, кто его занимает.

Как оставить Путина у власти?

Есть пять наиболее целесообразных и реальных сценариев решения этой задачи, и сегодня (напоминаю, это опубли-

558

ковано 11 декабря 2003 года. — *В.Т.*) трудно сказать, какой из них будет выбран.

Первый сценарий. Через референдум внести поправку в Конституцию, увеличивающую срок пребывания президента у власти с четырех лет до семи-восьми. При нынешней популярности Путина и отсутствии хоть какой-то альтернативной фигуры это наиболее простой способ, но он создает прецедент изменения Конституции, чего многие боятся, да и сам президент уже успел отвергнуть.

Второй сценарий. Он хорошо известен, ибо описывался еще в ельцинские времена и связан с созданием нового Союзного государства (России и Белоруссии или в более крупном масштабе).

Третий сценарий. Превращение де-факто или даже де-юре России из президентской республики в

парламентскую. По этому сценарию Путин передает президентскую власть своему человеку, который не сопротивляется тому, чтобы реальная власть в стране перешла к главе правительства, которым становится Путин. Такое продление власти в принципе можно осуществить и без изменения Конституции.

Четвертый сценарий — более жесткий вариант третьего. Россия остается президентской республикой, но только президент (что требует изменения Конституции) избирается не прямым всенародным голосованием, а парламентом. Этот сценарий маловероятен, ибо слишком недемократичен.

Пятый сценарий, коротко говоря, сводится к следующему. В ходе второго срока президентства Путин начинает «официально» возглавлять партию власти. Эта партия приводит к власти в 2008 году слабого и неамбициозного политика, но формирует сильное правительство во главе с Путиным. К выборам 2012 года (тогда ему будет лишь 59 лет) глава правительства становится главным кандидатом на пост президента, а Конституция России не запрещает повторного избрания на президентский пост после перерыва.

Хороший ли Путин президент?

Как мы видим, фактически все называемые ныне сценарии продления власти Путина за пределы 2008 года давно известны, что и понятно — они основываются на реалиях российского законодательства и особенностях российской

559

политической практики. Я еще вернусь к возможности и целесообразности воплощения в жизнь того или иного из перечисленных сценариев в оставшееся до выборов 2008 года время — с учетом изменений, произошедших с конца года 2003-го. А теперь всё-таки обратимся к самому важному в свете данной темы вопросу.

Прелюдией к ответу на него должно быть прояснение ситуации с качеством исполнения президентских функций Владимиром Путиным за то время, что он занимает главный кабинет в Кремле.

Если судить по публикациям в центральной российской прессе, беря ее в совокупности всех значимых изданий, то, несмотря на обвинения в том, что Кремль ее контролирует и цензурирует, а также вообще всячески ограничивает свободу ее самовыражения, мы увидим самые противоположные оценки: от положительных до негативных и прямо обличительных. Главные телеканалы, безусловно, в основном действуют в рамках апологетики путинского курса и конкретных действий президента, что, впрочем, распространяется только на штатных сотрудников этих каналов, но отнюдь не на всех приглашаемых экспертов. Критика же положения в стране, критика «этой власти» без упоминания самого Путина, но явно подразумевающая, что это «его власть», фактически повсеместна. Во всяком случае, в выступлениях (весьма многочисленных) всякого рода «деятели культуры», писателей (из числа тех, что давно уже больше выступают по телевизору, чем пишут) и т. п. Кроме того, фактически оппозиционен политике Путина канал РЕН-ТВ. То же самое можно сказать и об НТВ, оппозиционность которого не повсеместна, но вполне ощутима, хоть и выражается, как правило, не в прямой критике Кремля или лично Путина, а в иронии или даже примитивном ёрничанье по адресу и того, и другого. Фактически оппозиционны и телекомпании, ведущие вещание на третьем канале, правда, эта оппозиционность никогда не распространяется лично на Путина, а всегда — на правительство и значительную часть президентской команды. То есть если анализировать сумму информации, оценок и мнений, передаваемых по главным телеканалам страны, то говорить о благобно-положительной оценке если не самого Путина, то по крайней мере его политического курса во многих составляющих не приходится.

560

Словом, много свободы и плюрализма в наших СМИ или мало, но сделать на основе суммы их выступлений вывод об исключительно и повсеместно положительной оценке того, что сделал Путин за годы президентства, нельзя. Во всяком случае, трудно предположить, что если завтра Путин объявит о желании сохранить власть и после 2008 года, то все или подавляющее большинство наших центральных (общеземельных) СМИ, работающих в них журналистов и выступающих в них экспертов и иного рода лидеров общественного мнения начнут безоглядно хвалить и приветствовать это решение. Более того, думаю, что поток критических и прямо отрицательных мнений будет очень и очень солидным.

Есть, однако, еще пресловутый «президентский рейтинг», который, во-первых, несмотря на постепенное снижение, остается очень высоким, а во-вторых, значительно превосходит аналогичные показатели доверия избирателей к какой-либо другой политической фигуре в стране. В общем и целом нельзя отрицать, что рядовой избиратель, который так или иначе и делает погоду на общенациональных выборах, качество работы Путина как президента оценивает положительно или даже радикально положительно. А это всё-таки мнение народа, в конечном итоге — самое важное в политике.

Политическое и политизированное сообщество (включающее всех активистов медиаполитики) субъективно и пристрастно по-своему, просто общество (или просто избиратель) — по-своему. Есть ли более объективный показатель, позволяющий оценить качество работы Путина как президента? Конечно, есть. Это сравнение состояния страны, в котором он принял Россию из рук Ельцина, с тем состоянием, в котором она находится сейчас. При соблюдении минимальной объективности абсурдно утверждать, что по совокупности показателей (при всех нынешних проблемах) Россия 1999 года находилась в лучшей форме, чем она же образца года 2005-го. При Ельцине было хуже, при Путине стало лучше (в некоторых сферах — гораздо лучше) — это, собственно, и есть синтетическая и универсальная оценка исполнения последним президентских функций.

Другое дело, что это, так сказать, ретроспективная оценка, оценка, основанная на сравнении

настоящего с прошлым, но без учета проблем, которые возникли или обострились при власти Путина и в полной мере проявят себя в близком или

561

более отдаленном будущем. О будущем, о возможностях Путина вновь стать «президентом надежды», а не только «президентом стабильности» (нынешний статус) мы, безусловно, еще поговорим, но при всей проблемности этого будущего нельзя же полностью игнорировать то, что Путину удалось сделать, ориентируясь лишь на провалы и неудачи.

Таким образом, можно спорить, сделал ли Путин свою работу, если воспользоваться привычными нам с советских времен оценками, удовлетворительно, хорошо или отлично, но то, что он не сделал ее плохо, а кроме того, сделал лучше, чем два предыдущих президента, бесспорно.

А кстати, почему Путин не сделал свою работу отлично? И почему сделал много ошибок и много неправильного? Это тоже существенные вопросы.

В чём причина ошибок и провалов Путина?

Не буду разбирать сейчас сами ошибки, ибо то, что одним кажется успехом власти, другие определяют как провал и чуть ли не как преступление (типичнейший пример — политика Кремля на чеченском направлении). Однако само наличие ошибок, причем часто грубейших, и провалов, порой почти катастрофических, сомнения не вызывает. Правда, удивительно то, что очень часто не только далекие от политики люди, но и активнейшие комментаторы политических событий всё, определяемое ими как ошибочные или провальные решения путинской администрации, объясняют исключительно тремя причинами — злой волей, некомпетентностью и желанием захватить чужую собственность.

Не знаю, как насчет злой воли, ибо тут мы переходим в сферу если и не иррационального, то по крайней мере психологического, но некомпетентности, безусловно, у путинской команды хватает. Отрицать использование отдельными членами этой команды властных и административных возможностей для перераспределения в свою пользу финансовых и материальных ресурсов невозможно. Тут, правда, не совсем ясно, чем же в худшую сторону путинская команда отличается от команды Ельцина, при котором якобы процветали демократия, экономические свободы и справедливость.

Однако вернемся к ошибкам и провалам Путина и его людей.

562

Итак, часть этих ошибок — безусловное следствие некомпетентных решений.

Другая часть мотивирована чисто эгоистическими инстинктами, заставляющими принимать решения, противоречащие национальным интересам. Замечу, что это может касаться далеко не только вопросов собственности. Возможно, собственность здесь вообще не самое главное. Обществу ведь в конце концов всё равно, кто конкретно владеет той или иной собственностью. Ему важно то, насколько эффективно она используется, выполняет ли собственник обязательства перед окружающими и государством, не нарушаются ли законы в процессе перераспределения собственности и т. п.

Часть ошибок сделаны потому, что их (или каких-то других) нельзя было не совершить.

Еще одна часть стала неизбежным следствием выбора определенного идеологического и политического курса. Если бы курс был избран другой, то ошибки и провалы тоже были бы, но, скорее всего, противоположного характера.

Если брать лично президента как главу государства, то необходимо признать, что огромное число ошибок, в том числе и ассоциирующихся с самим Путиным, сделаны фактически предшествующей (ельцинской) администрацией, но проявили они себя в полной мере лишь в последующий период, и нынешняя власть просто не успела их исправить. Или не сумела.

Кроме того, никакого авторитаризма в чистом виде у нас нет. Как нет пока, естественно, и чистой демократии (кстати, что это такое в современном мире?). Но, во всяком случае, в России достаточно демократии или анархизма для того, чтобы множество фактически не подконтрольных президенту людей и структур, сколь бы ни были сильны его личные авторитарные замашки, вполне самостоятельно делали огромное количество ошибок, аккумулирующихся в конечном итоге в общефедеральные провалы.

Если вспомнить, что президент России есть фактический глава всей системы исполнительной власти в государстве, то тут же придется признать, что эта система являет собой гигантский бюрократический аппарат, распластанный по территории еще более гигантской страны. И этот бюрократический аппарат способен, руководствуясь собственными, не подконтрольными никакому Кремлю и никакому президенту

563

инстинктами и интересами, сам принимать решения о том, выполнять или не выполнять решения Путина, а если выполнять, то в какой мере. Именно бюрократия была и до сих пор остается правящим классом России, и никто, в том числе и Путин, не сумел пока подчинить этот класс своей воле. Фактически Путин сам признал это в соответствующих пассажах о бюрократии и чиновничестве в своем последнем послании Федеральному Собранию. Что есть личные ошибки и провалы Путина, а что — великой и ужасной российской бюрократии, правящей страной как минимум последние три века? Кто способен это определить?

Кадровые ошибки президента, возможно, самые загадочные. Обычно всё сводят к массовому приходу во власть вслед за Путиным так называемых питерцев и чекистов. Это, конечно, бросается в глаза и, наверное, может вызывать недоумение и раздражение. Здесь, однако, возникает закономерный вопрос: а как вообще новый начальник, придя к руководству какой-либо очень большой структурой, до него находящейся в плачевном состоянии, то есть так называемый кризисный менеджер, формирует

руководящую команду? Принципа всего два: оставляются лучшие кадры из прежних руководителей (как правило, меньшинство) и приводятся те, с кем в прежние годы работал новый начальник, кого он лучше знает и кому больше доверяет (чаще всего таких большинство). Именно так Путин и действовал. Именно так действовал бы на его месте любой другой, в том числе и те, кто критикует Путина за кадровую политику. Иначе не бывает.

Другое дело, что в государственной власти при смене главы государства через процедуру демократических выборов действует еще принцип раздачи ключевых постов и sinecur не просто старым знакомым и сослуживцам, а партийным кадрам или выдвиженцам, как сейчас выражаются, аффилированным с партией, которую представляет победитель, профсоюзных, политических, молодежных, исследовательских и даже бизнес-структур. Но, во-первых, российская Конституция 1993 года в этой, как и в некоторых других частях, подогнанная под желания Ельцина, не накладывает совершенно никаких ограничений в смысле кадровых назначений на вновь избранного президента (и это очень существенный ее дефект). А во-вторых, у нас фактически нет партийной системы, и если даже считать «Единую Россию» пропутин-

564

ской партией, то очевидно, что и в 2000 году, и в 2004 году на президентских выборах Путин побеждал не благодаря поддержке «Единой России» (в 2000-м это еще было «Единство»). Наоборот, электоральные успехи «Единства» в 1999 году и «Единой России» в 2003-м были производным от разрекламированной телевидением близости этих квазипартий к Путину.

Сказанное не означает, что я, например, в восторге от всех или даже большинства кадровых назначений президента. Но, повторюсь, на его месте так же действовал бы любой иной. И даже пережим с питерскими и чекистами, то есть с теми, многих из которых Путин действительно, видимо, выбрал по принципу личной преданности в ущерб профессионализму, вполне понятен и, в общем-то, был неизбежен. Нельзя забывать, что Ельцин вместе с властью передал Путину и целую группу несменяемых аж до конца первого срока президентства министров, включая главу кабинета Михаила Касьянова. Естественно, что Путину, в тот момент фактически всё еще новичку в большой политике, важно было уравновесить, а желательно и перевесить кадровое наследство Семьи. В подобной ситуации любой политический лидер такого уровня вынужден делать ставку в первую голову на «своих людей», игнорируя возможные изъяны в их профессиональных качествах.

Есть еще одна причина кадровых просчетов и провалов путинской администрации. Суть ее в том, что кого и за что снять в Кремле, как правило, хорошо знают. Проблема в том, что не знают, кого назначить. Особенно остро эта проблема стоит, например, в плане смены глав некоторых регионов, и в первую очередь — глав республик в составе Федерации. В целом надо признать, что в России до сих пор нет не только эффективной и продуманной, а тем более узаконенной или с учетом демократических процедур естественным путем сложившейся общегосударственной кадровой политики. Фактически у нас нет никакой кадровой ни системы, ни политики. Есть лишь кадровые назначения. Частью удачные, частью случайные, частью замешанные на корпоративных, а то и прямо коррупционных связях. Частью — вообще непонятные:

Наконец, говоря о причинах ошибок и провалов в политике Путина, нельзя не упомянуть фактор времени. Шести лет,

565

которые Путин руководит Россией, да еще с учетом того, в каком состоянии она ему досталась, да еще с учетом всех перечисленных выше факторов и с учетом идейного кризиса, безусловно, царящего в нашем обществе, этих шести лет очевидно недостаточно для того, чтобы не только решить главные проблемы, стоящие перед страной и буквально вопиющие о своей остроте и неотложности, но даже просто минимизировать число ошибок и провалов.

О демократичности и честности

Всё сказанное в предыдущем, изрядно затянувшемся (ибо и ошибок много, и причин их появления немало) разделе статьи — не оправдание Путина и его политики, а лишь объяснение некоторых обстоятельств ее появления и проявления. Хотя я не раз и без всякой уклончивости писал, что в целом политику Путина поддерживаю, моим претензиям и ко многим конкретным действиям нынешнего президента, и к его политической линии в целом несть числа. Некоторые из этих претензий весьма принципиальны. О них я скажу в специальном разделе статьи, который так и будет называться — «Главные недостатки политики Путина». Сейчас же пора перейти к аргументации того, почему я считаю, вполне осознавая, сколь внешне недемократично это выглядит, что продолжение пребывания Владимира Путина на посту главы государства не только целесообразно, но даже более того — при определенных условиях отвечает национальным интересам России.

При этом я исхожу из трех принципиальных соображений.

Первое — демократический алгоритм передачи высшей государственной власти в России фактически не сложился и одновременно его нельзя считать эффективным, то есть максимально отвечающим интересам страны. Следовательно, мы обязаны воспользоваться имеющимся пока временем, прежде чем нынешняя система не затвердеет в виде традиции, для того чтобы усовершенствовать этот алгоритм.

Второе — Россия должна оставаться президентской республикой, в обозримом будущем форма парламентской республики ей категорически противопоказана, а потому всё, что касается института президентства в нашей стране, не может

566

и не должно быть догмой, даже конституционной, по крайней мере до тех пор, пока мы не найдем оптимальной формулы этой догмы.

Третье соображение — лицемерие в политике, конечно, весьма распространено и часто весьма эффективно, но всё-таки в некоторых, самых главных вопросах внутренней политики и политического реформаторства, тем более такого радикального, которое сегодня переживает Россия, честность и предпочтительнее, и эффективнее.

Совершенно ясно, что если в 2008 году Владимир Путин не будет, как предполагается нынешней Конституцией и как он сам не раз заявлял, претендовать на продление своего пребывания на посту главы России, в чем бы, что весьма существенно, большинство избирателей ему не отказали, то главным и скорее всего самым удачливым претендентом на этот пост станет тот, кого, по примеру операции «Наследник» 1999 — 2000 годов, сам же Путин с группой ближайших сподвижников определят.

Конечно, демократия — это процедуры (одно из определений). Но и от содержательной части демократии нельзя отказываться, причем отказываться исключительно ради соблюдения ее формы. Ответом себе честно и беспристрастно: что демократичнее — избрать конкретно Владимира Путина третий раз президентом России, если этого реально желает абсолютное большинство избирателей и если на прямых и демократично организованных альтернативных выборах эти избиратели за Путина проголосуют, или позволить тому же Путину самому подобрать себе преемника, причем, что понятно, с совершенно не гарантированным (а кто тут что-либо может гарантировать?) результатом?

Еще одно важное замечание. В принципе я, конечно, стою за самое жесткое соблюдение действующей Конституции и за не менее жесткое соблюдение принципа сменяемости при занятии высших постов в государстве. Также я являюсь сторонником принципа политической и юридической ответственности высших лиц государства, даже получивших посты путем реализации всеобщего избирательного права (при сохранении института неприкосновенности этих лиц, но не абсолютной и ограниченной во времени). Однако всё это опять же не должно превращаться в догмы, мешающие снятию политических конфликтов и развитию страны.

567

Например, когда весной 1999 года в Думе был инициирован процесс вынесения импичмента президенту Ельцину и самую активную роль в этом процессе после коммунистов играла партия «Яблоко», я, при всём своем крайне негативном отношении к Ельцину и его политике, выступил с самой жесткой и, возможно, даже грубой по форме критикой этой партии, за которую и за лидера которой до той поры постоянно голосовал на всех выборах. Тем самым, кстати, совершенно и окончательно испортив до того дружеские отношения с Григорием Явлинским, который решил, о чем мне сам сказал, что эти статьи я писал по заданию Березовского. Не слишком оригинальная, надо признать, гипотеза.

Логика же моя была такова. До проведения очередных президентских выборов остается год. Ельцин, судя по целому ряду признаков, готов их проводить и не собирается что-либо менять, дабы вновь остаться в Кремле. То есть всё идет к тому, что через год впервые за всю историю России (может быть, исключая 1613 год) высшая власть в ней будет передана законным и демократическим путем, а не по принципу династического преемства и не в результате госпереворота, революции или смерти предыдущего лидера. Ельцин — неудачный президент, но через год он всё-таки уйдет из власти. Если же попытаться реализовать идею импичмента (чего в принципе Ельцин заслуживал, правда, не по всем пунктам, которые ему тогда вменялись в вину), то стоящая за Ельциным группировка пойдет буквально на всё, чтобы этого не допустить, а потому о демократическом и легитимном переходе власти к новому лицу придется забыть. И это еще самое малое, что нам в этом случае грозило. Таким образом, объективная политическая целесообразность требовала не допустить проведения импичмента.

Вывод прост и очевиден: не страна для демократии, а демократия для страны — тем более для страны, которая совершенно явно, хоть и галсами, в сторону демократии движется.

В нынешней же ситуации интересы России как нации и страны и, кстати, интересы развития демократии в этой стране требуют продления пребывания Владимира Путина на высшем властном посту еще на один (подчеркиваю — только на один) срок. Если, конечно, к началу 2008 года в России не появится сильная и ответственная политическая фигура, обладающая и качествами президента, и высокой популярностью среди масс избирателей.

568

Зачем нам Путин?

Первый ответ состоит как раз в том, что, к сожалению, новой политической фигуры соответствующих статей и альтернативной Путину как единственному на сегодняшний день образцу успешного российского президента, не наблюдается и не предвидится. Еще полтора года назад (см. цитировавшуюся выше мою статью) я был уверен, что такая фигура непременно появится. Даже не одна, а две-три. Увы, состояние нашей политической системы, нашего политического сообщества и нашей политической элиты таково, что я, написавший в свое время немало статей, в которых утверждалось, что «альтернатива всегда есть», вынужден признать, что на нынешний момент это правило у нас в силу целого ряда причин не действует. Разумеется, я имею в виду не вообще людей, достойных стать президентом России, а тех, кто сочетает это качество (вполне распространенное, например, среди некоторых моих знакомых) с избирабельностью (или электоральностью?) — да простятся мне эти неологизмы, если это неологизмы.

Причем я говорю об объективном показателе этой самой избираемости, а не о том, каким этот показатель может быть в результате возгонки с помощью административного и информационного ресурсов. Ведь последнее возможно только при реализации операции «Наследник-2».

Несколько слов о возможных кандидатах в президенты России — как «стихийно возникших», так и «наследниках».

Альтернативы ?

Всех тех, кто уже проявил себя в качестве кандидатов в президенты России на предшествующих выборах, я отмечаю скопом. Это — несмотря на различия в возрасте — уходящее, а часто и ушедшее политическое поколение России. И по своим качествам, и, на мой взгляд, по рациональному и иррациональному отношению к ним избирателей.

Из новичков можно и нужно назвать лишь три фамилии: *Касьянов*, *Рогозин* и *Иванов* (здесь — с именем Сергей). Объективно, по уровню популярности у избирателей, ни один из них президентом избран быть не может. Даже некоторые из старожилов президентских выборов способны их легко обойти по числу поданных голосов.

569

Михаил Касьянов просто не публичный политик. Дмитрий Рогозин — политик безусловно публичный, со значительным потенциалом, но в силу ряда причин, о которых я сейчас говорить не буду, не сможет — без общедоверительного административного ресурса — быть раскручен до необходимых рейтинговых высот. То есть проходимость его возможна только по схеме наследника, но для этого, что для данной схемы в условиях России принципиально, нужно сначала быть назначенным Путиным главой правительства. Чего, конечно, не случится.

Вот Сергей Иванов, и по давно циркулирующим слухам, и по своим кондициям, премьер-министром стать может. Кроме того, он единственный из всех наших членов правительства и вообще высших должностных лиц, кроме разве что еще генерального прокурора Владимира Устинова, но в данном контексте речь о нем, естественно, не идет, позволяет себе делать политические заявления и комментарии, далеко выходящие за пределы его непосредственной должностной компетенции и заступающие на площадки других аналогичных ему по рангу должностных лиц. Это очень верный показатель того, что на премьерскую должность Сергея Иванова, возможно, готовят.

Больше, собственно, и назвать пока некого. Ни как наследников, ни как «вольных» серьезных кандидатов.

Правда, все вспоминают случай самого Путина и говорят: в России можно в последний момент вынуть любого человека из кармана президентской шинели и затем с помощью телевидения превратить в популярную фигуру. Вообще-то большое заблуждение думать, что такие штуки проходят в нашей стране дважды кряду и с гарантированным успехом. Россия 2008 года не будет такой же, какой была в 1999-м. Да и сегодня она уже не такая. Кроме того, в 1999 году у никому не известного Путина были не только пост премьера и колоссальный административно-информационный ресурс. Этого всё равно недостаточно. Еще была вторая чеченская кампания, в которой он себя прекрасно и именно так, как ждали десятки миллионов избирателей, проявил. Вряд ли будущему премьеру «повезет» с чем-то подобным для возможности быстрого и мощного самопроявления.

Кстати, сценарий сохранения Путина во главе России по схеме «новый слабый президент — сильный премьер Пу-

570

тин» (без соответствующего изменения Конституции) весьма сомнителен по результату. До того, как кто-то окажется в главном кабинете Кремля, он может давать любые обещания, причем совершенно искренне, но как этот человек поведет себя, реально оказавшись в этом кабинете? Вкус к власти приходит порой прямо вместе с властью. Я уже не говорю о принципиальных политических разногласиях, которые могут возникнуть между двумя ранее близкими друзьями. Не затевать же в самом деле эту и так весьма рискованную политическую и аппаратную операцию для того, чтобы посадить в кресло президента России чистую марионетку. Это совсем последнее дело. Да и опасное до чрезвычайности.

Теоретически нельзя исключить появление на нашей политической сцене такой альтернативы Путину, каким в конце 80-х оказался Ельцин для Горбачева. Но практически это крайне маловероятно. Во-первых, ситуация, к счастью, не та. Во-вторых, еще раз отмечу, что мало что в политике повторяется столь буквально на таком коротком историческом отрезке. В-третьих, «цветные революции», конечно, ныне вроде как в моде, но ведь Россия действительно уже пережила такую революцию как раз в конце 80-х — 91-м годах. И с какой стати у нас должен произойти этот исторический дубль?

Вернусь, однако, к иным причинам, по которым нам нужен Владимир Путин. Часть из них я по ходу рассуждений назвал ранее. Теперь перейду к остальным.

Явление политической философии

Глава России, особенно в условиях нынешнего времени, смутного не только социально и политически, но и идейно, должен обладать ясной и стройной политической философией. Идеино-политическая эклектика, характерная для наших известных политиков и наблюдавшаяся до сих пор в словах и делах и Путина, вроде бы наконец сменилась пусть пока абрисом, контуром, наброском такой политической философии, появившейся в последнем президентском послании Федеральному Собранию.

Имя этого наброска философии — суверенная демократия в России. Ключевые понятия — не *Православие*, *Державничество*, *Народность*, как предсказывали многие из либеральных критиков Путина, а

плохо, хотя многое в этой формуле еще требует и прояснения, и разработки, и конкретизации.

Пока политическая философия Владимира Путина проговорена весьма тезисно, с пропусками некоторых существенных составляющих (случайно или специально сокрытыми), не до конца стратегически продумана, почти совершенно не проработана инструментально, но всё-таки уже достаточно привлекательна и потенциально плодотворна.

Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. В течение трех столетий Россия развивалась вместе с другими европейскими народами и культурно, и политически, и общественно-граждански, в чем-то отставая, но в чем-то и опережая страны и народы «классической», то есть Западной, Европы.

Россия (русские) — одна из древнейших наций Европы, имеющая тысячелетнюю историю государственности.

Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникающая в ней самая ценность, равнозначимая в российском общественном сознании еще двум ценностям — свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости.

Советский период — не «черная дыра» в истории России, а Советский Союз не был «империей зла», скорее наоборот — это Путин говорит не прямо, а косвенно: крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, для российского народа оно стало настоящей драмой (перечисляются все основные составляющие этой драмы вплоть до хасавюртовской капитуляции и интервенции терроризма). Солдаты Великой Отечественной войны (то есть советские солдаты) — это солдаты свободы, которую они принесли не только своей стране, но и миру, избавив его от человеконенавистнической идеологии и тирании.

Молодая (новая) российская демократия является продолжением российской государственности, а не ее крахом.

От советской системы по собственному выбору и желанию Россия перешла к новому этапу развития — строительству одновременно демократического (свободного), суверенного и справедливого общества и государства. И они, российское

572

общество и государство, сами будут определять сроки, этапы, условия и формы этого развития.

Суверенная (и справедливая) демократия России — вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в послании, но фактически его пронизывающая.

Слово «свобода», как правило, без дополнительных уточнений, в путинском тексте употребляется либо раздельно, либо даже слитно сразу в двух смыслах: как свобода человека внутри российского общества и как свобода (суверенность, независимость, самодержавность) России в мире, в том числе и перед лицом других крупных и крупнейших стран.

Современное российское общество должно быть свободным (открытым) как внутри себя, так и вовне, не теряя при этом ни самости, ни целостности территории.

Более того, цивилизаторская миссия российской нации как европейской на Евразийском континенте должна быть продолжена. Это, на мой взгляд, важнейший, хоть в данном послании и слишком скороговоркой произнесенный исторический и стратегический (в том числе и прогностический) тезис, прозвучавший из уст Владимира Путина.

Мы — свободная нация. Путин утверждает главный принцип внешней и внутренней суверенности России в самой афористичной форме.

Но реализация этой свободы возможна лишь в том случае, если мы будем сильными и успешными. Ни того, ни другого пока в достаточной степени не наблюдается. Это — следствие сложного хода исторического развития России и, в частности, событий конца 80 — 90-х годов XX века, приведших, помимо прочих бед, к деградации всех государственных и общественных институтов страны.

Политика стабилизации (первые годы путинского президентства вплоть до нынешнего) была реакцией на все эти беды и проблемы. Эта политика себя оправдала, но к настоящему времени исчерпала свои позитивные ресурсы. Необходим новый курс — курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления Российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдельным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека.

Одно из главных препятствий на пути такого развития государства и общества — значительная часть российского чи-

573

новничества, понимающего государственную службу как разновидность личного и государственного бизнеса.

Простое решение этой проблемы невозможно, ибо тогда верх возьмет бюрократическая реакция. Путин не расшифровывает этот тезис, но, очевидно, имеет в виду две вещи. А именно то, что механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны — опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как естественную (хоть и почти никогда не ориентированную демократически) хранительницу государства на государственный переворот,

ликвидирующий достигнутый уровень свободы. Речь, следовательно, идет о возможности реинкарнации на новом этапе ГКЧП образца 1991 года как реакции на стремительно развивавшийся тогда под знаменем демократии и либерализма распад страны и общества.

Далее Путин решительно заявляет, что не позволит передать страну в руки неэффективной, да еще и коррумпированной бюрократии. Неясно, хватит ли у него на это сил (пока не хватало), но и одно намерение, публичная его декларация чрезвычайно ценны.

Конечно, Путин еще раз фиксирует приоритет либерального подхода в развитии экономики, но при сохранении командных и владетельных высот государства (как представителя общества) в некоторых стратегически важных для безопасности страны (в том числе сырьевой и инфраструктурной) отраслях и сферах.

Очерчивая политические реформы (новую демократизацию), Путин ставит пока очень скромные цели, еще раз объясняя (не прямо) эту скромность тем, что с учетом исторической, геополитической и иной специфики Россия сама будет определять сроки и условия демократизации.

Несмотря на эту скромность, некоторые предложения Путина звучат почти сенсационно: плюрализация телевизионных СМИ, законодательное введение института парламентского расследования и пр. Впрочем, главной сенсацией окажется то, если всё это будет реализовано.

Принципиальнейший (с моей точки зрения) момент — обращение президента к демографической проблеме. О ней он не говорил очень давно. И сейчас сказал еще слишком общо, неконкретно и поставив опять же весьма скромную цель —

574

стабилизация численности населения. Но тут, думаю, он опирался на слишком робкие, оппортунистические рецепты наших демографов. Тем не менее, сам факт обращения президента к этой проблеме фундаментально значим.

Наконец, в финальной части послания Владимир Путин говорит о необходимости возрождения нравственности в российском обществе, беря за образцы ее уровень и в царской России, и в Советском Союзе.

Этим, с одной стороны, еще раз абсолютно правильно фиксируется идея непрерывности российской истории, а с другой, — в политическую философию России, предлагаемую обществу, вводится абсолютно необходимая, но полностью игнорировавшаяся все последние 15 лет ее составляющая — этическая.

В недрах президентской администрации на седьмом году правления Владимира Путина наконец-то родился не конъюнктурно-прагматический, а философско-политический текст. Значит, осмысление с нами происходящего и грядущего ощущается президентом не только как абстрактно-стратегическая, но уже и как неотложно злободневная миссия власти. Это — самоценно. Это — доказательство того, что Кремль вернулся к пониманию бесценной истины, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Это — успех всех тех, кто не давал последние годы власти заикнуться на переделах собственности и абстрактных рассуждениях о величии России. Это — высшая политическая заявка на право продолжать свое лидерство в России.

И на эту заявку мы должны среагировать. То ли отвергнув ее — если есть лучшие проекты политической философии для России, если есть лучшие претенденты на руководство страной в рамках этой или другой, своей, но не менее привлекательной философии. То ли согласившись.

Выбор ведь за нами. Если, конечно, мы не попытаемся его избежать. По причине привычного недоверия ко всему, исходящему от власти. Из-за лени, апатии, усталости. И т. п.

Иначе выбор сделают за нас. Кто-то. Та же бюрократия. Возможно, сам Путин. А должно быть наоборот.

ЧАСТЬ 2

В первой части статьи я попытался обосновать несколько в общем-то простых умозаключений, некоторые из них,

575

правда, не настолько банальны, чтобы совсем остаться незамеченными.

Первое. Несмотря на всем известные конституционные препятствия (сценарии обхода которых, впрочем, тоже хорошо известны и описаны), честнее, ответственнее и в конечном итоге демократичнее не проводить выборы из десятка заведомо слабых и не слишком популярных у нации кандидатов и не ждать, что операция «Наследник-2» (или «Преемник-2») будет столь же удачной, как и первая.

Второе. Президент Владимир Путин, несмотря на все возможные и во многом справедливые претензии к его правлению, безусловно, успешный президент. И главное доказательство тому — сравнение результатов его правления с итогами пребывания у власти двух предыдущих руководителей страны.

Третье. Мы не имеем, в том числе и из-за весьма слабой публичности действий нашей власти, точного представления о причинах провалов и ошибок политики Путина. Достаточно очевидным, однако, представляется факт обусловленности по крайней мере некоторых действий или бездействия Путина теми ограничениями, которые сумели наложить на своего преемника, передавая ему власть, президент Ельцин и связанные с ним люди.

Четвертое. Полностью или в значительной мере освободившись от этих ограничений к началу второго срока своего правления, Владимир Путин в последнем президентском послании наконец-то сформулировал абрис своей политической философии, пока еще не слишком определенной и дающей лишь один, скорее охранительный, чем креативный принцип стратегии развития России, а именно принцип

суверенной демократии, то есть права и намерения России строить свое будущее исходя из обстоятельств и условий собственной истории.

Пятое. Россия остается недореформированной страной. И на сегодняшний день, в том числе и из-за того, что реформы, проводимые Владимиром Путиным, частично неясны, частично противоречивы, частично неудачны, частично обратимы, а главное — ясно и определено как стратегия национального развития так и не заявлены, нет никаких гарантий, что следующий президент, особенно если он окажется слабой политической фигурой (а иных пока даже на гори-

576

зонте не просматривается), сможет не то что завершить эти реформы или нащупать новую необходимую стратегию развития России, но хотя бы сохранить в стране стабильность и в целом поступательный курс ее движения в довольно тревожное будущее, переполненное, как, впрочем, и настоящее, весьма серьезными вызовами и угрозами.

Четыре главные угрозы, актуальные уже сегодня, таковы (этого нет в первой части данной статьи, но они описаны в моей статье *«Бесхребетная Россия»*):

- угроза распада страны или отторжения от нее территорий;
- угроза депопуляции, а попросту говоря, вымирания населения;
- угроза дальнейшего углубления морального кризиса, проникновения организованной преступности во власть, холодной гражданской войны и неэффективного управления;
- угроза окончательной потери Россией полноценной международной и даже внутренней суверенности.

Очевидно, что в конечном итоге реализация любой из этих угроз приведет к тому, что развитие событий сведется к более или менее стремительному распаду страны. То есть первая угроза вбирает в себя все остальные и не может быть ликвидирована сама по себе «простыми» и однозначными средствами, например, исключительно поддержанием высокого уровня обороноспособности и сохранением мощных стратегических сил ядерного сдерживания.

Новый президент России должен суметь создать условия для минимизации, а еще лучше ликвидации всех этих (и многих иных, более частных) угроз — это главное к нему требование. Причем положение страны сейчас таково, что мы не можем себе позволить ошибиться в его выборе, понадеявшись, например, на то, что в случае ошибки еще через четыре года или восемь лет процесс демократических выборов непременно позволит нам эту ошибку исправить. Ни четырех, ни тем более восьми лет в запасе у нас нет. И это императив, которым необходимо руководствоваться. Этот императив, фактически императив сжимания с каждым новым днем срока, отведенного России для принятия решения о том, собирается ли она выжить, а если да, то как, отводит на второй план все остальные соображения, тем более соображения политкорректности в соблюдении статей и пунктов во многом весьма неудачной Конституции.

577

Главные ошибки Путина

Объективности ради следовало бы перечислить и главные достижения Владимира Путина, но для краткости всю комплиментарную часть я решил опустить. Да и вообще это не в духе дня — хвалить нынешнего президента.

Отранжировать по значимости главные ошибки (и недостатки) политики Путина крайне тяжело, поэтому в своем перечне никакой системы придерживаться не буду. Но выделить постараюсь действительно главное, не останавливаясь на мелочах, которые в масштабах такой страны, как Россия, тоже могут оказаться существенными.

Итак, я бы выделил следующее.

Путин так и не сумел решить проблему российской бюрократии (в чем, собственно говоря, и сам признался в последнем своем послании Федеральному Собранию). Суть этой проблемы состоит в том, что бюрократия как была, так и остается единственным правящим классом России. Она не делится и не собирается делиться своей властью ни с кем (тем более с каким-то там народом), за исключением владетельного класса, то есть класса крупных и сверхкрупных собственников, с которым она частично вновь, как до 1917 года, слилась. Административная рента, то есть доходы чиновников, получаемые ими — нелегально и противозаконно — сверх официальных зарплат, по объемам своим, безусловно, огромна. Но главное даже не в этом, а в том, что наша бюрократия при этом чрезвычайно неэффективна и обслуживает в основном собственные интересы, которые, по понятным причинам, далеко не всегда совпадают с общенациональными интересами, а очень часто им и противоречат.

Извинительным моментом здесь является то, что эту проблему не мог решить до сих пор ни один российский лидер, за исключением прямых диктаторов (Петр Великий, Иосиф Сталин), которые, впрочем, тоже ограничивали власть бюрократии исключительно репрессивными методами и только на срок собственного деспотического правления.

Хуже, что политическая и экономическая стабилизация — безусловные и очевидные достижения путинской политики, — почти сняв проблему безвластия и анархии, царивших при Ельцине, вновь вернули мощь бюрократического бремени в России. Мне даже показалось, что в какой-то момент

578

Владимир Путин, осознав, что противостоять этому невозможно, проникся идеей создания идеального государства как оптимально действующей бюрократической машины. Но, естественно, это оказалось утопией, еще менее достижимой, чем ограничение власти бюрократии.

То, что Путин фактически отступил перед данной проблемой, доказывает, на мой взгляд, еще одна ошибка нынешнего президента, на свершение которой он, конечно же, пошел сознательно. Я имею в виду отказ не от выборности глав субъектов Федерации, а отказ от ограничения сроков их пребывания у власти. Мотивы продления Кремлем срока полномочий абсолютного большинства глав регионов в каждом отдельном случае понятны. Но в целом ситуация непонятна и необъяснима. Ее негативные последствия, на мой взгляд, многократно превосходят те отдельные и, как правило, спекулятивно раздуваемые тактические или оперативные проблемы, которые центральной власти пришлось бы решать в случае замены некоторых фигур, стоящих во главе отдельных республик в составе РФ.

Еще менее объяснимым представляется мне то, что до сих пор Кремлем не сформулирована ясная и однозначная стратегия национального развития России на более или менее долгосрочную перспективу. Не представляло и до сих пор не представляет никакого труда собрать три-четыре альтернативно ориентированных группы экспертов (не только, разумеется, политологов), которые получили бы государственный заказ на разработку идеологически близких им вариантов такой стратегии.

Сколько бы ни насмехались над попытками привнести какую-то национальную идею в современную политическую практику России, эти насмешки не могут умалить необходимости обретения такой идеи. Самое главное, что никто не требует от Кремля или лично от Путина сделать определенный идеологический выбор в кратчайшие сроки. Речь всего лишь о том, чтобы потратить минимальные в масштабах российского бюджета средства на интеллектуальную деятельность трех-четырех экспертных групп в течение года-двух, максимум трех лет.

А далее достаточно, используя сотую часть ресурса нашего телевидения, расходуемого сегодня на развлечения и отвлечение людей от политики, дать обществу в целом и ин-

579

теллектуальной элите в частности возможность свободно обсуждать не бессодержательные и противоположно толкуемые слова «демократия», «рынок», «либерализм», «консерватизм», «национализм», «державничество», «права человека», «международный терроризм» и т. п., а законченные теоретически и инструментально проработанные концепции.

Кстати, побочным, но не самым бесполезным результатом таких дискуссий могло бы стать рождение партийных идеологий, на основе которых, не исключено, рано или поздно выстроились бы и партии. Сегодня же мы имеем прямо противоположный опыт, когда многочисленные квазипартийные структуры, большинство которых бесплодны даже как электоральные машины, не могут извергнуть из своего чрева ничего, хотя бы отдаленно напоминающего какую-то идеологию.

Но всё-таки оптимальный вариант требовал бы того, чтобы стратегия национального развития была Владимиром Путиным сформулирована. Тем более что в отдельных его действиях и словах контуры такой стратегии отчетливо просматриваются. Правда, другие его слова и действия ставят под сомнение осознанность или неслучайность первых.

Очень большой ошибкой Владимира Путина я считаю практически полное игнорирование, кроме упоминания в отдельных выступлениях, проблемы депопуляции, а точнее и откровеннее говоря, вымирания России.

Еще три конкретных провала или ошибки, не требующих долгих пояснений.

Запредельная, а порой просто алогичная и бессмысленная закрытость власти.

Отсутствие (при наличии гигантских финансовых резервов) набора из хотя бы четырех-пяти общенациональных экономических программ, решающих одновременно проблемы занятости, экономического роста и развития инновационных технологий.

Поразительная терпимость по отношению к очевидно неправильным кадровым решениям, в том числе и собственным.

Безусловно, переполнена провалами, ошибками и невнятистями, кстати, и кадровыми, политика на постсоветском пространстве. Я до сих пор не могу понять, как Владимир

580

Путин, о чекистских комплексах которого много говорят и пишут, мог довериться господину Кучме, сделавшему сначала всё, чтобы была загублена идея Единого экономического пространства, а затем подбившему Кремль на априори проигрышную игру на президентских выборах на Украине. И это при том, что любой мало-мальски смыслящий в украинской политике эксперт сказал бы, что действовать можно было только по одной логике: послушай Кучму и сделай наоборот.

Вообще на постсоветском пространстве Кремлю нужно менять нашу политику кардинально. Все эти «цветные революции» заострили данную проблему (в смысле невнятности российской политики) до предела, а кризис Евросоюза, связанный с переходом им своих естественных границ роста, открывает перед Россией новые и, по существу, беспредельные возможности для маневра.

И еще два пункта. Первый: несмотря на неоднократно провозглашенную цель преодоления бедности и достигнутые здесь скромные успехи, всё-таки скандально-неприличным и политически опасным остается разрыв между уровнем дохода беднейших и сверхобеспеченных слоев населения. Все столь популярные сегодня рассуждения о социальной справедливости вообще и о справедливости как особой ценности российской цивилизации конкретно в этих условиях в лучшем случае повисают в воздухе, в худшем — порождают то, что однажды было названо гроздьями гнева, но в любом случае вызывают улыбку, циничную или печальную, в зависимости от того, чью очередную тираду об этой самой справедливости мы в данный момент выслушиваем.

Наконец, последнее, что необходимо отметить, — многочисленные возвраты назад, часто мало чем мотивированные, и невнятица в проведении политических реформ, действительно порой создающие впечатление отступления от демократической тенденции развития. Вообще проблема конкретной демократической конструкции, подходящей для условий России, — это отдельная тема, но то, что и на этом направлении общество в каждый данный момент должно ощущать не потери, а приобретения, сомнения не вызывает. Как создать не только эффект этого, но и возродить процесс реальной демократизации, я опишу ниже — в том месте, где буду говорить о реверсивной демократизации.

581

Константы 2007 - 2008 годов

Итак, какой представляется исходя из сегодняшних тенденций ситуация в России на конец 2007-го — начало 2008 годов?

Если не случится каких-то грандиозных потрясений или изменений, на выборах в Государственную Думу семипроцентный барьер преодолеют всего три партии. Это «Единая Россия» (с результатом в 35-40%), КПРФ (видимо, не более 20%) и «Родина» (10-12%). Традиционный электорат ЛДПР, скорее всего, будет частично отобран «Родиной», и партия Жириновского покинет парламентские ряды. Так называемые правые (СПС) пока никаких перспектив прохождения в Думу не имеют, и ощущения, что эта тенденция изменится, тоже нет. «Яблоко», на каждых последующих выборах показывающее худший результат, чем на предыдущих, тоже останется за пределами Думы. Создание новой либеральной партии, которая может хотя бы теоретически преодолеть семипроцентный барьер, вообще, а в оставшееся время тем более, представляется совершенно фантастическим. Прежде всего потому, что нет лидера, вокруг которого такая партия могла бы возникнуть и сплотиться.

Персональный политический расклад будет не менее определенным и скудным. Владимир Путин со своим по-прежнему высоким рейтингом, далеко выводящим его за пределы популярности (а точнее, непопулярности) других политиков. Геннадий Зюганов (менять которого на посту лидера КПРФ до думских выборов теперь уже бессмысленно), не способный составить какую-либо реальную конкуренцию представителю партии власти на выборах президентских. Дмитрий Rogozin, способный показать на президентских выборах второй, но никак не первый результат. И выдвинутый Кремлем через «Единую Россию» преемник или наследник Путина, каковым, скорее всего, опять окажется тот, кто будет к тому времени занимать пост главы правительства. В менее реалистичном сценарии — председателя Государственной Думы.

Появление внесистемной фигуры типа той, каковой стал Ельцин в середине горбачевского правления, то есть стихийного народного вождя, лидера улицы представляется крайне маловероятным. Во всяком случае, я никаких показаний к этому не вижу, несмотря на то, что некоторые эксперты, и

582

особенно некоторые либеральные политики (незначительного статуса и веса), предрекают России свою «цветную революцию».

Если, впрочем, предположить, что такой лидер появится—в ходе раскручивания революции или вне ее, — он всё равно ломает любые сценарии, ибо против харизматического лидера общенационального протеста никаких, кроме запрещенных, приемов политической борьбы нет. Победа такому лидеру будет обеспечена волей масс, а эта воля (если она наличествует) сильнее всех политтехнологий и телевизионных манипуляций.

Изменение сроков правления нынешнего главы государства через изменение Конституции по совокупности обстоятельств и, в частности, в силу многократных заверений Путина, что он на это не пойдет, кажется крайне маловероятным, хотя к этому варианту я еще вернусь.

Сценарий продвижения в президенты преемника Путина при назначении последнего главой правительства как формального (к тому времени) или неформального лидера победившей на думских выборах «Единой России» чреват многими политическими осложнениями и в нынешней конституционной конструкции не гарантирует никому ровным счетом ничего. Зато дестабилизировать политическую ситуацию этот сценарий способен стремительно.

Превращение России из президентской республики в парламентскую (что тоже требует изменения Конституции) и нереально, и — при отсутствии полноценных партий — вредно и опасно. Да и при их наличии (с этим, кажется, согласны почти все) не отвечает специфике России.

Таким образом, наиболее реальный вариант оставления Путина у высшей власти в стране, если, конечно, он сам того желает, — сценарий создания нового государства (Россия — Белоруссия или шире). Но понятно, что тут далеко не всё будет зависеть исключительно от воли Москвы и Кремля.

Поскольку я уже вполне определенно заявил, что в принципе в сложившихся обстоятельствах мне представляется весьма целесообразным всё-таки продлить срок нахождения Владимира Путина во главе нашего государства, то одновременно честных, эффективных и демократичных сценариев всего два. Изменение конституционного срока (еще на одну, возможно — пятилетнюю легислатуру) нахождения на посту

583

президента России (для Путина и всех последующих президентов) через совершенно официальную, публично и откровенно мотивированную процедуру корректировки Конституции. Либо избрание Путина главой вновь созданного российско-белорусского государства.

И теперь, конечно, необходимо перейти к описанию качеств, которые должен проявить нынешний

президент России, для того чтобы политический класс страны и нация в целом осознанно пошли на такой шаг, представляя все имиджевые потери, которые понесет Россия (прежде всего на Западе), приняв названное решение. Во-первых, принять это решение в принципе наша страна вправе. Во-вторых, принять его, на мой взгляд, целесообразно и даже необходимо. В-третьих, оно не является чем-то экстраординарным или скандальным, ибо и в практике вполне развитых и успешных западных демократий исполнение обязанностей главы государства или правительства (в парламентских республиках) в течение трех сроков или 14-15 лет достаточно распространено. При сохранении, естественно, демократической процедуры подтверждения подобного нахождения у власти.

По сути, речь идет лишь об исправлении дефекта нынешней Конституции России, дефекта, малозначимого для уже сложившейся политической системы, но крайне серьезного для переходного периода, тем более в России, где реформы (эволюционные изменения) традиционно требуют априори большего срока для завершения, чем в меньших по масштабам странах. Аномальным и опасным было бы введение более чем 15-летнего срока пребывания президента России у власти или единократного его избрания сразу на более чем 10-летний срок. Вот этого допустить действительно нельзя.

Какой Путин и при каких условиях?

Вообще-то речь идет не исключительно о Путине, а о любом политике, который способен проявить качества, нужные сегодня нации. О Владимире же Путине приходится говорить только потому, что на сегодняшний день более удачных кандидатур-2008 не просматривается и стоит вопрос о том, как бы в слепом следовании дефектной конституционной норме и в эфемерной попытке заменить неясным и не гарантированным «лучшим» нынешнее «хорошее» нам всем

584

не потерять страну и шанс довести реформы в ней до более или менее вразумительного конца.

Условия

Первым условием является отсутствие сильной альтернативной фигуры, сопоставимой с Путиным по популярности, то есть такой фигуры, которая смогла бы реально выиграть президентские выборы в случае участия в них нынешнего президента. Ибо появление такой фигуры будет означать, что комбинация с устранением упомянутого мною дефекта нашей Конституции проводится не в интересах нации, а в интересах сохранения у власти конкретного лица.

Конечно, оценки того, насколько реальным конкурентом Путину является этот пока гипотетический кандидат, должны быть максимально объективными и не основываться лишь на субъективных определениях экспертов и самого кандидата. Впрочем, грамотные и корректно проведенные опросы нескольких авторитетных социологических служб позволяют получить достаточно точный ответ на этот вопрос.

Вторым условием является тоже уже упомянутый мною момент: корректировка конституционной нормы проводится лишь абсолютно открытым и, естественно, конституционным же путем, а также ограничивается разумным удлинением срока пребывания президента России у власти. Практически это может означать следующее:

— три срока подряд пребывания на посту президента по четыре или пять лет каждый, причем новый срок конкретно для Путина будет последним;

— два срока подряд пребывания президента у власти по семь лет каждый, причем конкретно Путину добавляется возможность (с подтверждением его кандидатуры через выборы) находиться на посту президента еще три года.

Предпочтительнее первый вариант.

Иных условий для изменения данного конституционного дефекта (который всё равно нуждается в исправлении) ввиду возможности участия Владимира Путина в третьих подряд президентских выборах я не вижу.

Другое дело, если данную конституционную норму менять на более целесообразную, вводя ее в действие только с мо-

585

мента избрания нового президента России при неучастии самого Владимира Путина в этих выборах. Тогда никаких проблем с дополнительными условиями вообще не возникает.

В случае создания нового объединенного государства, а именно и в первую очередь реального союзного государства Россия — Белоруссия, за что лично я горячо выступаю и считаю такой шаг одной из главных составляющих необходимой нам национальной стратегии, выгодной и белорусскому народу (с чем он, разумеется, сам должен согласиться), условия для того, чтобы Владимир Путин через выборы и в борьбе с другими кандидатами занял пост главы такого государства на срок и на условиях, определенных Конституцией нового государства, появляются автоматически.

Чего мы ждём от Путина?

Теперь о том, что должен сделать сам Владимир Путин, чтобы, если он того желает, нация приняла осознанный выбор его права (и обязанности, между прочим), оформленного открыто и законно, оставаться президентом еще на один срок. Здесь позиций несколько больше.

Во-первых, Владимир Путин должен сформулировать ту самую долгосрочную стратегию национального развития, о которой, в частности и я, столько говорят и пишут, но которой до сих пор нет. Ибо дополнительный срок дается Владимиру Путину не просто для сохранения политической стабильности в стране и не просто потому, что нация не видит лучшего кандидата (то есть по негативным основаниям), а

по основаниям позитивным — нынешний президент предлагает стратегию национального развития, в которой общество нуждается и которую непременно нужно начать реализовывать.

Во-вторых, в данной стратегии должны быть ясно и откровенно сформулированы все существенные угрозы и вызовы, перед которыми оказалась Россия. Время формулировок, гласящих, что «врагов у нас нет», «прямых военных угроз тоже» и тому подобного, прошло. Кроме того, в этом же документе должны быть перечислены реальные и потенциальные враги и союзники России.

В-третьих, Владимир Путин должен сформулировать, какова конечная цель проводимой под его руководством политической реформы, к построению какого политического режима и в какие сроки эта реформа ведет.

586

В-четвертых, нынешнему президенту необходимо наконец внести ясность относительно своей партийной принадлежности. Либо он вступает в наиболее близкую ему «Единую Россию», либо и третий срок остается внепартийным национальным лидером, что должно автоматически дистанцировать «Единую Россию» от него и Кремля, а его — от «Единой России».

В-пятых, Владимир Путин должен конкретно и недвусмысленно сформулировать свои намерения относительно возможности (или отказа от этого) воссоздания единого союзного государства, включающего часть стран постсоветского пространства, огласить предполагаемую им концепцию такого государства, назвать возможных участников нового союза, а также, естественно, внести ясность в перспективы создания и формы союзного российско-белорусского государства, если дело, по его мнению, ограничивается пока только этим.

В-шестых, президент должен высказаться по проблеме, вообще никогда им прямо не упоминавшейся, а именно — о русских как разделенной нации, о перспективах и возможных планах их воссоединения в рамках одного государства.

В-седьмых, Владимир Путин должен предложить концепцию Общественного договора для России и механизм принятия такого договора в целях окончательного примирения нации, ликвидации продолжающейся холодной гражданской войны в России (деления на красных и белых, коммунистов и антикоммунистов), в том числе и ликвидации эксцессов и коллизий, порожденных этой холодной гражданской войной в условиях приватизации и передела собственности.

В-восьмых, президент должен сформулировать ясные параметры своей кадровой политики, ибо, конечно, не может продолжаться та вакханалия безответственности, безнаказанности и кулуарных назначений, в которой мы живем до сих пор. Последнее важно и на перспективу, ибо кадры, назначенные президентом в третий срок его пребывания у власти, не должны иметь ту свободу определения политического выбора за народ, которую они имели и имеют до сих пор.

В-девятых, президент должен обнародовать конкретные политические и экономические цели, которые он ставит перед собой и сформированным им правительством на третий срок, а также критерии оценки работы правительства, от-

587

дельных ключевых министров, руководителей спецслужб и обстоятельства, служащие поводом для их безоговорочной отставки.

В-десятых, и это последний пункт кажущейся мне необходимой президентской программы испрошения у нации права на дополнительный срок правления: Владимир Путин должен заявить о плане того, что я называю планом реверсивной демократизации, о которой уже упоминал и которой отведу два последних раздела данной статьи.

Реверсивная демократизация

Реверсивная демократизация есть процесс постепенного «размораживания» политических процессов и гражданских инициатив, отчасти свернутых в годы правления Владимира Путина. В последнем послании Федеральному Собранию президент, на мой взгляд, близко, местами очень близко подошел к тому, чтобы предложить обществу нечто подобное тому, что я имею в виду, но всё-таки ключевых и главных слов не сказал. Поэтому я и изложу то, как я вижу план реверсивной демократизации и как (по форме) этот план мог бы преподнести обществу сам президент, более подробно.

Сам факт реверсивной демократизации и начало ее реализации должны быть публично аргументированы и поданы как этап заранее спланированной стратегии, восходящей еще к первому сроку президентства.

Мотивы обращения к провозглашению реверсивной демократизации, очевидно, следующие.

В ходе первого президентского срока требовалось решить ряд крайне острых проблем, так как нерешенность некоторых из них, помимо прочего, прямо угрожала безопасности государства, общества и отдельных его граждан. Простое перечисление этих проблем (причем далеко не всех), как легко заметить, показывает, что их решение с неизбежностью требовало некоторого ограничения гражданских прав, свобод и принципов демократии. Вот неполный список таких проблем:

— угроза отторжения части территории России и проведение в связи с этим военной антитеррористической операции в Чечне;

— массовое вхождение во властные органы представителей организованной преступности, в том числе и в первую очередь — через процедуру демократических выборов;

588

— использование многими владельцами частных средств информации подконтрольных им

журналистских структур для проведения антигосударственной и антинациональной политики, фактически — для подготовки свержения высших должностных лиц страны или абсолютного и неконституционного контроля над их деятельностью;

— общая слабость государственной власти, общественная анархия, коррумпированность правоохранительных и судебных органов, неспособность государства к выполнению самых элементарных своих обязанностей (в частности, выплаты зарплат и пенсий), массовое уклонение от выплаты налогов и т. п.;

— разочарование абсолютного большинства граждан в самой идее демократии, неверие в то, что демократически функционирующие политические и государственные структуры действуют в интересах народа в целом и отдельных людей в частности, что совокупно выражалось в требовании «наведения порядка»;

— региональная самостийность отдельных субъектов Федерации, доходящая до таких пределов, что в некоторых регионах России фактически действовали законы и правила, ущемляющие права и свободы граждан в гораздо большей степени, чем это позволяла себе даже не очень демократически действовавшая федеральная власть. Конституирование деспотических, авторитарных, клановых и предельно коррумпированных режимов на региональном уровне;

— общий экономический упадок, не позволявший реально обеспечивать не то что высшие гражданские права и свободы, но и элементарные социальные права, а именно — право на жизнь, личную безопасность, минимальное медицинское обслуживание и т. п.

В совокупности своей нерешенность этих и других аналогичных проблем грозила настолько массовыми выступлениями граждан, что для их подавления потребовались бы самые жесткие репрессивные меры (на что у власти не хватило бы сил и воли), а при реальном развертывании таких выступлений наиболее предсказуемым сценарием дальнейшего хода событий стал бы полномасштабный общественный и политический хаос, распад страны либо установление диктатуры.

В связи со всем сказанным была продумана и практически реализована политика лимитированного и выборочного

589

ограничения некоторых гражданских прав и свобод, так сказать, «подмораживания общественной и политической демократии», не являющаяся, однако, самоценной и не предусматривающая ее развития на стратегическую глубину. Сразу же предполагалось, что как только острота перечисленных выше проблем будет хотя бы частично (даже не полностью) снята, государственная политика будет вновь сориентирована на постепенное (не обвальное) возвращение на путь наращивания демократических свобод, гражданских и политических прав. Таким образом, реверсивная демократизация сразу же была заложена в стратегию общественного развития России, а процесс «подмораживания» предполагал свою конечность и неперенный переход к обратному процессу постепенного, но последовательного «размораживания».

Несмотря на то что вполне ясно прогнозировалась весьма острая критическая реакция на «подмораживание» как внутри страны (что было неприятно), так и из-за рубежа (что вообще-то гораздо меньше волновало власть), из тактических соображений было решено не предавать гласности этот стратегический замысел.

К настоящему моменту можно признать свершившимися два факта:

- во-первых, в связи со снятием остроты большинства перечисленных выше проблем политика «подмораживания» может считаться исчерпавшей себя;
- во-вторых, эта политика набрала определенную инерцию и для ее сворачивания потребуются дополнительные усилия.

Некоторые практические шаги по развертыванию реверсивной демократизации

1. Ограничение срока пребывания на посту глав регионов с момента первого назначения шестью годами.
2. Возвращение к выборности глав субъектов Федерации, в случае если к такому решению придет парламент, в 2017 году.
3. Разработка закона об оппозиции.
4. Предложение Общественной палате в качестве основного направления ее работы выработку текста Общественного договора для России.

590

5. Переход к выборности членов Совета Федерации путем прямых выборов в соответствующих субъектах Федерации.
6. Учреждение на всех телеканалах, включая государственные, Наблюдательных советов.
7. Создание Общественного телевидения на базе одного из государственных телеканалов.
8. Законодательный запрет для любых органов власти на владение любыми печатными СМИ. Вводится немедленно специальным законом, реализуется в течение ближайших двух лет.
9. Запрет для любых органов власти, кроме федеральной власти, на владение телевизионными каналами. Вводится с 2010 года. Федеральная власть имеет право владеть не более чем двумя общенациональными общеполитическими каналами, причем Наблюдательный совет одного из этих каналов формируется из числа лиц, выдвинутых как минимум всеми партиями, имеющими самостоятельные фракции в Государственной Думе.
10. Введение института парламентского расследования — первоначально по ограниченному составу

проблем (уже предложено президентом).

11. Свертывание системы должностных привилегий до самого узкого списка и для крайне ограниченного, оговоренного специальным законом состава должностных лиц.

12. Государственная программа стимулирования роста профсоюзных организаций, в том числе для госслужащих и военнослужащих.

13. Демократизация законодательства о проведении митингов и демонстраций.

14. Разработка государственной программы радикального укрепления независимости судебной системы как от государственного вмешательства, так и от воздействия бизнес-структур.

15. Введение ограничений на показ зарубежной кино- и телепродукции на телевидении и в кинопрокате (квотирование).

16. Разумное, но радикальное ограничение демонстрации сцен насилия по телевидению.

17. Стимулирование развертывания российских правозащитных организаций при запрете любых форм их финансирования из-за рубежа.

591

18. Возвращение еженедельных аналитических программ на все государственные телеканалы.

19. Создание общенациональной системы молодежных парламентов, функционирующих в качестве консультативных органов при президенте, главах субъектов Федерации и главах муниципальных образований.

20. Отказ от планов назначения мэров городов.

21. Всемерное укрепление и максимальная демократизация местного самоуправления, увеличение объемов его финансирования за счет местных налогов.

22. Разработка закона о пределах политтехнологической деятельности в России, включающего, помимо прочего, запрет на деятельность любых зарубежных политтехнологических структур на территории РФ.

23. Усиление борьбы с авторитарно организованными религиозными и иными неформальными организациями.

24. Запрет на ношение военной формы любыми не находящимися на военной или приравненной к ней службе — в том числе и для частных охранных предприятий.

25. Вводится практика составления ежегодных докладов о состоянии прав и свобод граждан и функционировании демократических институтов в различных субъектах Федерации.

Программа реверсивной демократизации объявляется предельно широкой, ее реализация максимально растянута во времени — до 15 лет. Демократизация проводится в поэтапном режиме, однако президент должен указать, какие пункты этой программы будут им выполнены в срок лично его нахождения у власти.

Президент провозглашает себя гарантом этого процесса, ежегодно выступая по этому вопросу перед Государственной Думой и в ее здании.

592

Раздел 6. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ И В СВОЁМ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОКРУЖЕНИИ

593

Чечня, Белоруссия, НАТО, Украина

Азимуты российской геополитики

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 21-24.05.1997

Самопишущее перо Бориса Ельцина наполнено чернилами. Он встал на ударную вахту подписания договоров. С Чечней уже есть. С Белоруссией и НАТО — на сносях. С Украиной — еще не родила, но, по расчету по моему, должна родить.

Такое впечатление, что, подготовку кто-либо близкий к президенту договоры с фараоном Древнего Египта или с президентом всех марсиан, Борис Ельцин подмахнет и эти трактаты. Такая договорная активность пугает, ибо даже хорошие бумаги никогда не заменят хорошей политики. Тем более, когда возникает ощущение, что бумажным барьером хотят отгородиться от реальных проблем. И всё-таки нынешний ажиотаж подписаний, охвативший Москву, не бессмыслен, не бессодержателен. Однако не всё в этом потоке сознания равнозначно. Поток стоит разбить на части, выделить внутри него доброкачественные и злокачественные струи. Но предварительно необходимо сделать несколько общих замечаний.

1. НАСТУПАЯ НА ЗАПАД, ОТСТУПАТЬ НА ВОСТОК

Первое. Один из смыслов большой геополитической игры России, никогда не провозглашаемый вслух ни официальными политиками, ни тем более дипломатами, но всегда подразумеваемый, предельно однозначен: Россия сегодня является государством с искусственными границами (это в равной степени относится и к соответ-

594

ствующим соседним государствам, но мы говорим о России). Главное следствие этого: искусственное тяготеет к превращению в естественное, причем естественность эта может возникать и путем наращивания территорий, и путем их утраты. Два наиболее ярких примера: для России было бы естественным и утратить Калининградскую область, и нарастить Крым и левобережную Украину. Если бы это было возможно сделать одновременно и гарантированно, то проблемы бы не возникло. Но одновременно это сделать нельзя. Вопрос в том, какой процесс начнется раньше. Распад СССР начался с, казалось бы, самого естественного (на самом деле, правда, это не совсем так) — с отделения Прибалтики. Но затем легко отвалились и «не естественные» для отделения части.

Второе. Даже временная утрата контроля над территорией в наше время чревата очень и очень серьезными последствиями. Приведу пример «от противного». Николай I начал строить железные дороги в Российской империи с отличающейся от западноевропейского стандарта колесей. Подумаешь, простые железки, положенные по прихоти самодержца несколько шире (дабы иноземные войска не проникли по этой колее внутрь страны). Однако оказалось, что даже в век танков и ракет эти железки держат единство бывшего советского пространства крепче договоров и союзов.

Но технологии в конце XX века меняются быстро. В принципе сегодня в малых странах (но не в России) «железки» можно поменять за пять—десять лет. То есть утрата даже на пять—десять лет контроля над территорией может ныне изъять эту территорию навсегда (а в XVIII или XIX веке можно было вернуть и через 50—100 лет). Наиболее важными сегодня «железками» являются компьютерные системы и системы электронной связи, стандарты вооружений, системы контроля над воздушным пространством, электронные СМИ и, конечно, валюта, стандарты образования и язык. Теперь важно не столько формальное доминирование на территории, сколько реальный, пусть и неофициальный, контроль над этими системами.

Третье. Подписанию договора с НАТО предшествовало «историческое» провозглашение Москвой и Пекином идеи многополюсного мира. То есть банальности, не известной ныне разве что американцам (да и то не всем). Чем руководствовался Китай — отдельный вопрос, а Россия — явно же-

595

лением продемонстрировать свою потенциальную возможность найти стратегического союзника на Востоке, если Запад не будет сговорчив. Но Запад сговорчивым не оказался. О Китае он подумает потом (экономически, кстати, задумался давно и преуспел в своих раздумьях и делах куда больше России). Сейчас Запад решает раз и навсегда для себя проблему России, а не Китая. Короче, США не испугались Китая, ибо не намерены лишаться статуса единственной сверхдержавы, а Западная Европа от Китая, во-первых, далеко, во-вторых, их разделяет как раз Россия (грубо говоря, это просто означает, что в Западной Европе меньше людей, мечтающих об окончательном развале России).

Суммарно эти три фактора довольно однозначно задают сегодня алгоритм для определения доброкачественных и злокачественных тенденций в российской политике: откуда ушел — туда уже не вернешься; теряешь малое — потеряешь и большое; малый маневр в рамках большой политики возможен, а большой маневр в рамках малой политики — крах. Китай, Индия, Иран — потенциальные опоры России, но лишь при успешной политике на Западе.

Короче говоря, речь идет о трех принципиально разных сценариях для России:

1. Стать предпольем Запада в его борьбе с Востоком.
2. Стать предпольем Востока в его борьбе с Западом.
3. Стать (остаться) самостоятельным полюсом большого геополитического расклада.

Учитывая нынешнее состояние России, ее стратегию, политику и тактику конца XX — начала XXI века, можно сформулировать только так: *Наступая на Запад, отступать на Восток*.

Попробуйте в любой иной последовательности переставить эти слова, и вы увидите, что никакой иной политики сегодня для России быть не может. «Наступать на Запад, наступать на Восток» — сил не хватит. «Отступая на Западе, наступать на Восток» — добьют в спину. И т. д.

В рамках именно этой стратегии попробуем взглянуть на четыре точки приложения кремлевской дипломатии мая с. г. (Грозный, Минск, Париж, Киев).

2. МИР НА ЮГЕ, РЫВОК ВПЕРЕД НА ЗАПАДЕ

Договор между Россией и Чечней оказался если не идеальным, то оптимальным с точки зрения сегодняшних интере-

596

сов России в нынешней ситуации (идеальным он был бы в том случае, если бы в нем остались лишь название и статьи 3, 4 и 5). И дело тут, видимо, не столько в искусстве Рыбкина и Березовского, если именно они — главные авторы текста с российской стороны, сколько в том, что, оказывается, Чеченскую Республику Ичкерия, несмотря на обращение к ней в договоре как к Высокой договаривающейся стороне, что характерно прежде всего для межгосударственных соглашений, считать государством нельзя. Такого государства просто еще нет (это не значит, что оно не может возникнуть). И это несмотря на то, что именно в вооруженной борьбе с метрополией, как правило, новые государства и рождаются. У чеченцев пока не получилось.

Что зафиксировали договор и производные от него соглашения между правительствами и центральными банками в Москве и Грозном? Отсутствие войны и желания ее продолжать. Отсутствие признания Россией Чечни самостоятельным государством — есть лишь некоторые признаки самостоятельной территории в составе России. Полную экономическую и финансовую зависимость Чечни от России. Таким образом, нет пока решения проблемы Чечни для России, но нет и проблемы Чечни вне России, то есть нет:

- 1) официального изменения территории РФ в сторону уменьшения;
- 2) территории или государства, находящегося в состоянии войны с Россией;
- 3) нового государства на границе с Россией.

Более того, через временное (пока) развязывание чеченского узла Россия реально реализовала на маленьком, но крайне болезненном участке своего геополитического пространства стратегию «Наступать на Запад, отступать на Восток». Как только прекращение войны было зафиксировано официально, выяснилось, что, несмотря на все свои прегрешения, Россия — это часть Запада (наступление), а Чечня — нет. И дело не только в суде шариата, захвате заложников и содержании их как невольников для продажи и прочих нормах жизни нынешней Чечни. Дело в той логике, по которой, судя по, например, заявлению президента Ингушетии Аушева, чеченцы собираются общаться с внешним миром (начиная, естественно, с России — но Запад-то за этим следит). Вот слова Аушева из его интервью «ЛГ»: «Если построят трубо-

597

провод в обход Чечни, то я вам даю гарантию — он будет постоянно взрываться». Независимость Чечни — это одно, а подрыв трубопровода, проходящего по территории другого государства (от которого Чечня будет независима) — это уже полномасштабный государственный терроризм, для Запада неприемлемый в принципе. С такими замашками в субъекты международного права не лезут.

Другое дело, что в Чечне Россия еще не отступила на Восток, то есть не начала проводить эффективную экономическую политику, которая, конечно, состоит не в создании свободной экономической зоны в Ингушетии или в Чечне, а в создании такой зоны рядом с Ингушетией и Чечней, на собственно русской территории (по китайской модели Шеньжень—Гонконг).

Итак, договор с Чечней (в том виде, каков он есть) можно, нужно и должно было подписывать.

Еще меньше сомнений по союзному договору с Белоруссией. Каков Лукашенко как человеческий и политический тип — не имеет значения. Масхадов вообще воевал против России.

Какой сейчас строй (экономический и политический) в Белоруссии — не важно. В Чечне — суд шариата, плохо контролируемые вооруженные отряды и экономический беспредел. Но это не мешает Москве настаивать на принадлежности Чечни России. Поэтому более чем слабо выглядит единственный существенный аргумент части нынешней московской правящей элиты: мы Белоруссию не контролируем, а потому не хотим с ней соединяться. Нужда будет — законтролируете. Будет успех экономических реформ — никакой Лукашенко не победит на выборах, не будет успеха — Зюганов или Лебедь победят и без всякого Лукашенко, и без всяких выборов.

Короче говоря, по формуле «Наступай на Запад, отступай на Восток» воссоединение с Белоруссией на любых условиях является категорическим императивом российской политики. Тем более что это воссоединение автоматически включает в себя обе части формулы. Наступление на Запад очевидно. Отступление же на Восток есть в данном случае отдаление в этом направлении Москвы от западной границы Союза. Я уже не говорю о единственном с 1991 года шаге по реальному наращиванию территории Большой России.

Конечно, недурно было бы дополнить наступление на Запад через Белоруссию не только территориальным, но и экономическим отступлением на Восток (включая юг Кавказа). Здесь важны и Армения, и Киргизия, и особенно Казахстан. При всем моем уважении к Нурсултану Назарбаеву и согласии со многими его идеями относительно беспомощности СНГ вообще, я не могу принять тезиса об опасности форсированного объединения с Белоруссией.

Итак, за договор с Чечней Ельцину ставим пятерку с маленьким минусом, за договор с Белоруссией — поставим пять с плюсом.

3. ШАГ НА ЗАПАД, ПОЛТОРА НА ВОСТОК

Основополагающий Акт, который Россия, с одной стороны, и все страны НАТО в свою очередь, с другой стороны, собираются подписать 27 мая в Париже, — штука достаточно экзотическая и эзотерическая. Экзотическая, поскольку одно государство, являющееся в военном смысле как бы правопреемником целого блока, вступает в практически договорные отношения с продолжающей существовать противостоявшей когда-то Варшавскому договору НАТО. Эзотеричность Акта в том, что его текст представляет собой некий черный ящик, на входе которого благие (искренние и неискренние) намерения с обеих сторон, внутри — поддающиеся различным трактовкам формулы, на выходе — малопонятная пока система действий по исполнению одних статей и неисполнению других.

С загадочной вещью неизвестно как и обходиться. Выбросить жалко — вдруг пригодится. Если не выбрасывать, то не создаст ли она России новых проблем в и так уже тесном евроатлантическом пространстве организаций и договоров, большая часть из которых теперь не российского изготовления?

Здесь, кстати, первый положительный симптом для России. Из общеполитических трактатов, действующих сейчас на территории Европы, к хельсинкскому Заключительному акту совместного западно-советского (российского) производства добавится еще один того же происхождения.

Помимо этого отмечу, что без договора с Чечней и без союзного договора с Белоруссией подготовить максималь-

но приемлемый для России договор с НАТО не удалось бы, ибо провал на чеченском и белорусском направлениях явно обозначил бы для Запада большую, нежели теперь, ослабленность России.

На днях в узком кругу Евгений Примаков очень убедительно доказывал всю выгодность Основополагающего Акта для России, а также отсутствие в нем существенных уступок со стороны Москвы Западу. Настолько убежденно, что я даже вынужден был задать вопрос: а есть ли тогда чем похвастаться госпоже Олбрайт перед своими конгрессменами? Евгений Примаков ответил обтекаемо.

Я не специалист-международник, дабы провести экспертизу лежащего передо мной текста. Но я придерживаюсь всё той же геополитической доктрины для нынешней России: «Наступай на Запад, отступай на Восток». Основополагающий Акт, безусловно, в негативном географическом, политическом и военном смысле фиксирует наше абсолютно вынужденное отступление на Восток. Правда, не бегство (оно было раньше), но отступление. Однако и элементы наступления на Запад в идее и конкретных формулировках Акта содержатся. По существу, Россия вступает в договорные отношения с третьим из ключевых институтов современной политической конструкции Европы. Первый институт (экономико-политический) — Евросоюз, с ним отношения установлены. Второй (гуманитарный) — Парламентская ассамблея Совета Европы. Сюда Россия вообще входит. Третий (безопасность) — НАТО. Игнорировать эту конструкцию бессмысленно.

Теоретически абсолютно бесспорна позиция, которой придерживаюсь и я: расширение НАТО не признается и не может быть признано Россией правильным шагом, следовательно, нельзя освящать даже косвенно своей подписью это решение. Максимальные привилегии для России никакой дипломатической ловкостью вырвать на основе главной уступки не удастся. Что же соглашаться на привилегии существенные, но всё-таки не максимальные?

Однако определенное равноправие одной России и всего могущественного блока в конструкции Акта содержится. Более того, им признается особая европейская, геополитическая и военная роль России, которая в каком-то смысле получает в НАТО, не будучи членом этой организации, голос (пусть полуголос), по некоторым вопросам более весомый,

чем голоса самих членов НАТО. Это конструкция, чертежи которой утверждены Россией и по которой можно — при умелой реализации проекта — политически въехать на Запад на белом коне.

Итак, подписывать России этот договор с НАТО или нет? Думаю, что теперь всё-таки да. Надо признать, что Москве удалось достаточно помучить Запад своей придиричностью — он многое вынужден был терпеть (разумеется, русское ядерное оружие заставляло). Эти треволения Запада как-то отодвинули для него на второй план собственно его проблему расширения НАТО (бюрократическую, военную, политическую). То же — и для стран, мечтающих о вхождении в Североатлантический альянс. Еще раз напомню одно из золотых правил политики: если сам не можешь решить проблему, постарайся переложить ее на головы оппонентов, пусть это станет их проблемой. Время настало: проблему расширения НАТО надо вернуть из Москвы туда, где она родилась — действительным членам НАТО, членам-корреспондентам и кандидатам в последние. Пусть теперь помучаются они. А мы — посмотрим. От Бреста. Правда, есть еще Киев.

4. В КИЕВЕ НАДО ОСТАНОВИТЬСЯ

Украинский вопрос в российской политике, пожалуй, самый запутанный. Главные камни преткновения — Крым, Севастополь, судьба Черноморского флота. Но это всё-таки внешний слой камней, под ним — мощная глыба исторического недоумения России: от кого другого, но от тебя, Украина, такой прыти я не ожидала. И не менее мощная скала украинского антимоскальского государственнического национализма: сделаем всё, чтобы не было по желанию Москвы.

Что делать России? Заигрывать с самым большим обломившимся куском страны? Или проявлять неуступчивость, ожидая, когда русское и русскоязычное население Украины станет не только электоральной, легко попадающей на предвыборные обещания-обманки, но и реальной политической силой? Обязательно станет, но когда? Политику-то нужно делать сегодня, завтра, каждый день. А тут еще максимальная ставка в геополитической игре Запада: Россия без Украины — это, конечно, тоже Россия (всё узнаваемо), но всё-таки инвалид: без одной руки или ноги. И из черноморско-среди-

601

земноморского бассейна Россия выбита Украиной накрепко. Сам бог велел Западу не пожалеть сил и средств на продление разрыва, на его расширение.

Строго говоря, реальное воссоединение Украины с Россией представляется мне исключительно в виде фантастического сценария: на очередных президентских выборах в России побеждает гарный хлопец, на Украине — гарна дивчина. Затем они женятся. Однако боюсь, что самые изощренные оптимисты не рассчитывают на такой сценарий.

Согласно доктрине «Наступай на Запад, отступай на Восток», казалось бы, России ничего другого не остается, как всё-таки лестью, уступками, льготами — чем угодно заманить Киев обратно в свои объятия. Но Киев не Минск. Киеву чем больше лести, тем слаще ее отвергнуть, чем больше предпочтений, тем больше аппетит будет разыгрываться. Киеву надо дать попробовать всё до конца: обожжется — так сам вернется. Ну, а не обожжется — прощай! Не побоюсь крепкого словца: Украину нельзя ни уговорить, ни заставить. Ее можно только обмануть. Не зря и в песне поется, прямо как руководство к действию: «Ты ж мене пидманула...»

Лично я подтолкнул бы Украину в спину — в руки Запада. То есть зафиксировал бы в спокойном договоре (без слов о вечной дружбе и братстве) всю суровую для России политическую реальность (это ваше, а это наше), включая и все спорные или потенциально спорные, а потому суровые для Украины проблемы. По схеме: Крым ваш, а деньги, что должны России, — наши. Отдайте быстро, в срок, мы у других берем — что ж вам-то ссужать. Севастополь ваш — мы свой Черноморский флот будем уводить вместе с полагающейся ему инфраструктурой. Демонтируем ли ее или продадим с аукциона — наше дело. Я, конечно, огрубляю, но принцип должен быть такой. Это очень отрезвляет.

Поэтому и договор с Украиной, о содержании которого известно меньше, чем о договоре с НАТО (а подписать намечено на одной неделе), должен бы быть предельно определенным, по формуле: полный и безоговорочный раздел имущества, возврат долгов, границу — на замок. Как полагается между нормальными независимыми государствами, не входящими друг с другом ни в какие союзы и сообщества. А как же то, что Украина входит в СНГ? Да входит она в него последнее время или выходит? По-моему, скорее, последнее.

602

Конечно, не забудьте, хлопцы, что у вас там полтора-два десятка миллионов чистых русских. Можете учить их хоть украинскому языку, хоть английскому, но это наши соотечественники, отличающиеся, как вы нам убедительно доказали, от украинцев. Посему следить за соблюдением их прав, свобод будем строго — сами, через разные там ОБСЕ, ПАСЕ и прочие солидные организации.

Конечно, такой договор не назовешь договором о мире и дружбе, хотя войны и ненависти он совсем не предполагает. Но бумага будет честная и крайне для России выгодная, а Украину — ни в чем не ущемляющая. Подозреваю, однако, что работа над текстом идет в прямо противоположном направлении: четкие, но честные формулировки меняют на обтекаемые, чтобы было возможно подписать, а потом еще и облобызаться. Решение Бориса Ельцина вывести за скобки договора спорную проблему ЧФ абсолютно верно (хотя вроде бы она всё-таки в договоре пока остается). Но логично тогда вывести за скобки и все остальные спорные проблемы. И останется примерно то же, что в договоре Москвы с Грозным: пять статей, из которых три говорят, что этот договор является основой для всех следующих, что составлен он на русском и украинском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, и что вступает договор в силу после ратификации его парламентами (в случае с Чечней — с момента подписания). И — всё.

С Украиной мы имеем классический случай того, что России в целях наступления на этом направлении на Запад нужно продемонстрировать полную и решительную готовность отступить на Восток. Иной по формуле и содержанию договор с Киевом я бы на месте Бориса Ельцина не подписывал. И с другой стороны, нельзя же все договоры подряд подписывать — надо бы когда-то и остановиться. Хотя бы на время.

А государственный визит на Украину президенту России совершить, конечно, нужно. В намеченные сроки. Так, как, к примеру, в Москве недавно побывал с государственным визитом король Испании. Никаких договоров не подписывали, и ничего — мир не рухнул.

Спешка нужна при ловле блох. А Украина не блоха. Хоть и быстро прыгает. Из стороны в сторону.

603

Прекрасен их союз?

Большая Европа и малая Россия

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, № 19, 19-25.05. 2003

Случившееся 1 мая расширение Европейского союза — событие действительно историческое. И заслуживающее гораздо более фундаментального, чем это пока наблюдалось в наших СМИ, анализа.

Это событие историческое не только для самого Евросоюза, но и для России, а может быть, даже скорее для России, чем для ЕС. Пока же ощущение такое, что сколь пассивно мы как нация, как общество встретили распад Большой России (Советского Союза), столь же инертно и безразлично отнеслись мы и к почти окончательному формированию на нашем континенте крупнейшего (по некоторым показателям едва ли не первого в мире) субъекта геополитики и геоэкономики.

Евросоюз увеличился сразу на 10 членов, но в большинстве своём, за исключением Польши, это средние и малые государства, не делающие погоды ни в экономике, ни в политике континента. Однако цивилизационно классическая романо-германская, католическая и протестантская Европа приобрела более естественные и законченные очертания. И хотя ожидается включение в ЕС ещё нескольких стран, в первую очередь Румынии, Болгарии и наиболее проблемной с точки зрения европейскости Турции, процесс явно близится к завершению. Это первое, особо значимое для России, хотя и не только для неё, следствие первомайского расширения ЕС.

Три других следствия касаются России непосредственно, я бы сказал — физически. Во-пер-

вых, не только сама Россия (масштабнее, чем раньше), но и сфера её жизненных интересов, а именно такие крупнейшие страны СНГ, как Украина и Белоруссия, получили границу с Евросоюзом. В этой связи, во-вторых, какой-либо «санитарный кордон» между ЕС (или в ином названии — Западом) и постсоветским пространством исчезает. В-третьих, несколько сотен тысяч русских, не меняя своего места жительства, то есть никуда не эмигрируя, становятся гражданами или жителями ЕС.

Таким образом, проблема русских как разделённой нации (крупнейшей, кстати, на сегодня разделённой нации в Европе) из постсоветской или эсэньговской становится проблемой либо общеевропейской, либо российско-европейской. Стоит вдуматься в эти три следствия, чтобы понять, что ни экономические проблемы расширения ЕС, ни даже вооруженческие проблемы расширения НАТО не сравнимы для России с тем, что перечислено выше.

Романо Проди, один из главных евролидеров последних лет, не случайно ведь сразу после 1 мая заявил, что Евросоюз достиг или почти достиг своих естественных границ и что он, Проди, не видит перспективы включения в ЕС Украины и тем более Белоруссии. Точка зрения Проди не закон, и найдётся немало тех, кто попытается её оспорить и словом, и делом и в самом ЕС, и, например, на Украине, но показательно, что эта позиция представителя одной из самых европейских стран — Италии. Более того, страны, где рождались и собственно европейско-средиземноморская (то есть морская) цивилизация, и её правовые основы.

Первомайское (и самое радикальное) расширение Европы окончательно продемонстрировало историческую изжитость двух мифов, когда-то идейно оправдывавших экспансию России на запад и на юго-запад. Это мифы православного и славянского единства.

Простая география, а также цивилизационные привычки и история внешнеполитического доминирования Германии, Великобритании и Франции на Балтике, в Центральной и Южной, включая Балканы, Европе сделали своё дело. Экономические и политические успехи объединённой Европы последних десятилетий это дело довершили. Неман и Днестр вновь стали пограничными реками Большой Европы и Большой России.

605

Разница, правда, в том, что если Большая Европа (Евросоюз) последние 15 лет занималась планомерным возделыванием своей части континента, включая её восточные окраины, то Большая Россия в тот же период уходила и со своих неканонических территорий (Восточная Германия, Венгрия, Чехия и пр.), и даже с канонических, превращаясь в малую.

Евросоюз ширился и крепчал, Россия сужалась и мельчала.

Геополитический и собственно политический вакуум заполняли, естественно, США. Где с помощью НАТО, где непосредственно госдеповской дипломатией и активностью американских бизнес-игроков.

Но, несмотря на всю сверхмощь современной Америки, держать под контролем всё европейское и евразийское пространство, куда не захочет, опасаясь саморазрушения, прийти всерьёз и надолго Евросоюз и куда не умеет вернуться Россия, Вашингтону вряд ли под силу. Слишком глобальную игру он затеял, слишком во многих точках мира создал свои форпосты, требующие обороны от современной, крайне диверсифицированной партизанской активности, отнюдь не только военной и террористической. Гипердержава начинает уставать.

Расширившийся 1 мая Евросоюз поставил перед Россией исторический вопрос, чёткого ответа на который она всё последнее время в открытой форме не давала, пытаясь, между прочим, улизнуть и от собственной геостратегической ответственности: а вы-то, русские, будете восстанавливать Большую Россию, будете наконец воссоздавать Российский Союз?

России срочно необходима новая, смелая, эффектная и эффективная политика на постсоветском

пространстве. Конечно, американцы будут ей сопротивляться, но, думаю, скорее по инерции, чем целенаправленно. Скорее из-за привычки видеть наше отступление, чем желая его. А Евросоюз и вообще будет только рад, если у Москвы появится активная политика на постсоветском пространстве. Важно лишь проводить эту новую российскую политику так, чтобы демократические процедуры максимально соблюдались, чтобы революции роз никого не отводили от Москвы, а наоборот — приближали к ней.

Российские политики слишком вяло отнеслись к первому майскому событию в ЕС. Конечно, привычнее выйти на ули-

606

цы Москвы во главе своих карликовых партийных колон. Вроде бы активность обозначить, а скорее — отвлечься от традиционного началомайского ничегонеделания.

Спорить с внутренней политикой Владимира Путина сегодня бессмысленно — во всяком случае, лозунгами. А вот во внешней политике время радикальных перемен обозначено самим первым майским расширением Евросоюза. Тут появляется вариативность.

Считается, что внешняя политика Владимира Путина безальтернативна, ибо в целом она правильна.

Правильного много — это бесспорно. Но и очень многое остаётся неясным. Похоже, Владимир Путин хочет, используя свои хорошие личные отношения с лидерами крупнейших европейских стран, добиться для России каких-то особых отношений с Евросоюзом. Обычно говорят о четырёх единых пространствах между ЕС и Россией: финансовом, энергетическом, образовательном и визовом. Всё это очень недурно, однако не снимает проблему того самого политического и геополитического вакуума, который на постсоветском пространстве должен быть кем-то заполнен.

Вариантов немного. Евросоюз, который вряд ли пойдёт на восток дальше Балкан — в конце концов у Европы есть ещё Средиземноморье. США пока могут заполнить своей мощью всё, но иракский опыт показывает, что отныне это создаёт больше проблем, чем решает. Третий вариант — Россия. И четвёртый — кто-то иной. И вряд ли более цивилизованный (наконец это слово уместно), чем США или ЕС. Так что выбора у России просто нет.

Но ей надо перестать действовать по слишком уж одновременно и смешному, и порочному сценарию прежних лет, последний розыгрыш которого мы наблюдали в Аджарии: когда Москве достаются беглые диктаторы, а другим — территории, над которыми эти диктаторы не без поддержки России властвовали. Пора перейти к более осмысленной игре — в первую очередь в Белоруссии и на Украине. Тем более что за нас её никто играть не будет. Если только против нас.

Убийство Ахмада Кадырова хорошо доказывает это на примере Кавказа — эпицентра геостратегических коллизий современной России, индикатора её реальной силы и слабости.

Если бы на первом майских демонстрациях в Москве несли лозунг «Друзья, прекрасен ваш Союз!», это было бы серьёз-

607

ной и достойной реакцией русских политиков на историческое событие, случившееся в тот день.

Но главное всё равно не в этом поздравлении Большой Европе, а в вопросе, обращённом к себе: их Союз прекрасен — а наш? И есть ли он вообще.

608

Зачем нам СНГ?

Нам, России, и всем остальным в Содружестве и вне его

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, №30, 28.07-3.08.2003

Представим себе, что председатель Еврокомиссии или Европарламента сделал бы следующее заявление: «Мы подошли к определённой рубежу в развитии Европейского союза. По сути, мы находимся перед альтернативой. Либо мы добьёмся качественного укрепления ЕС, создадим на его базе реально работающую влиятельную в мире региональную структуру, либо нас неизбежно ждёт «размывание» этого геополитического пространства и, как следствие, окончательное падение интереса к работе в ЕС среди его государств-участников».

Понятно, что нынешним лидерам Евросоюза ничего подобного в голову прийти не может. Но представим, что это всё-таки случилось.

Как бы отреагировали пресса и политические круги на такое заявление?

Ясно, что такая декларация стала бы сенсацией № 1, она неделями не сходила бы с первых полос европейских газет, а все телеканалы именно с неё начинали бы выпуски новостей. И ни один более или менее крупный политик, ни один уважающий себя и авторитетный в политических сферах эксперт не удержался бы от того, чтобы не прокомментировать такое скандально-сенсационное утверждение.

Между тем, когда 19 июля сего года Владимир Путин произнёс именно те слова, которые я только что процитировал, но, естественно, вместо слов «Евросоюз» и «ЕС» в них упоминалось СНГ, это не только не стало сенсацией и не имело никакого общественного и политического резонанса, но даже не все наши газеты вынесли эту новость на первые полосы. А те, кто вынес, сделали это, уверен, из-за пиетета перед президентом, а не перед СНГ.

609

Итак, зафиксируем медицинский, как сейчас принято выражаться, факт.

Заявление президента России о том, что дела в СНГ идут настолько плохо, что эта организация

может просто-напросто развалиться, никого не взволновало. Что свидетельствует как минимум ещё о двух аналогичных фактах. Это известие никого не удивило, то есть все и так готовы к такому развитию событий. А кроме того, подобный сценарий никого не печалит, не удручает, никому не кажется опасным.

Может быть, СНГ для России и других стран, входящих в эту организацию, действительно как чемодан без ручки, нести который неудобно, а бросить — жалко? Да и не жалко даже, а просто мы по своей слабохарактерности, отдаваясь привычке, которая, как известно, вторая натура, тащим этот никому не нужный чемодан, вместо того, чтобы просто бросить его на дорогу, а самим бодро идти дальше, вперёд — к блистающим там вершинам подлинной независимости и благополучия?

Стоит разобраться, что же такое СНГ не в своём неясном юридическом статусе, не в своих далеко не всегда содружественных связях, не в своём весьма проблематичном будущем, а в реальности. Что такое СНГ для каждой из входящих в него стран, многие из которых спят и видят, как бы записаться в другие, более процветающие региональные как политические и экономические, так и военно-политические организации.

Если наиболее полно ответить на эти вопросы, то станет ясно, нужно ли нести этот чемодан, выгодно ли его нести и куда его надо нести.

Сначала проигнорируем интересы России, точнее её прямые интересы и только её интересы, и взглянем на смысл существования СНГ с точки зрения интересов других, кроме России, членов этой организации народов, проживающих на территории стран, входящих в Содружество.

Если бы вдруг СНГ не стало, то, несмотря на все удручающие недостатки и пороки этой организации, с разной степенью, но всегда очень большой, вероятности случилось бы следующее.

Образовался бы политический вакуум на гигантском пространстве, отделяющем Россию от Евросоюза и ряда как мощных, так и нестабильных азиатских государств. Этот ва-

610

куум стремительно бросились бы заполнять все самые активные игроки сегодняшней международной политики, в том числе и террористические организации.

Результатом этого стало бы несколько крупномасштабных вооружённых конфликтов или даже войн.

Ряд стран из числа тех, кого не посчитают нужным срочно принять в свои ряды НАТО и Евросоюз, либо распадутся, либо будут включены в состав других государств.

Наверняка возобновятся вооружённые конфликты вокруг четырёх ныне существующих на пространстве СНГ непризнанных государств — Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. В эти конфликты будут втянуты шесть из 12 стран исчезнувшего Содружества.

В кратчайшие сроки будут смещены официальные лидеры ряда стран и далеко не всюду удастся выдержать сценарий бархатной революции. То есть начнутся гражданские войны.

Правящие элиты в тех странах, которые всё-таки сохраняют свою независимость, сменяются почти повсеместно (причём часть представителей прежних элит либо окажется в тюрьмах, либо будут вынуждены бежать из своих стран). Соответственно начнётся новый передел собственности, сопровождаемый всеми прелестями, сопутствующими этому процессу.

Ясно, что вся тяжесть этого грандиозного передела границ, власти и собственности ляжет на плечи простых людей, которые сегодня хоть и не купаются в достатке, но по крайней мере по большей части не умирают с голода и не проливают кровь.

Столь же очевидно, что ни о каком свободном и безвизовом перемещении по пространству бывшего СНГ не будет и речи. Однако новые потоки беженцев кинутся спасаться в те страны, откуда ведут происхождение их семьи.

Казалось бы, меньше всего от исчезновения СНГ пострадает Россия. Если иметь в виду Россию как государство, то это так — его исчезновение маловероятно, ибо легитимность этого государства подтверждена более чем тысячелетней историей.

Но это чисто теоретически. Ибо всё будет происходить непосредственно в граничащих с Россией странах, ибо именно к нам хлынут основные потоки беженцев (причём не только русских) и ибо Россия будет неизбежно втянута сразу в несколько вооружённых конфликтов и на своих южных, и отчасти на западных рубежах.

611

Кроме того, Россия потеряет контроль над ситуацией фактически по всей южной линии своих границ, кроме китайской и, скорее всего, вынуждена будет вооружённым путём защищать свои территории на Северном Кавказе.

Не станем также забывать, что более или менее сносно (но далеко не безоблачно) существованию в «ближнем зарубежье» русских, что и позволяет российской внешней политике фактически игнорировать эту проблему, придёт конец.

Короче говоря, о политической стабильности, экономическом росте и постепенном выращивании демократии России придётся забыть, а две военные операции против мятежа в Чечне покажутся на фоне происходящего пикниками, веселье которых было омрачено небольшим дождём.

СНГ как продолжение Советского Союза и Российской империи и как современная реальность обеспечивает ни много ни мало стабильность на всём постсоветском пространстве (а значит, между прочим, и на Востоке Европы, и в восточной части евроатлантической цивилизации), а также существование по крайней мере 11 государств, входящих в Содружество. И главным гарантом всего этого, включая

независимость и само существование всех постсоветских государств, является та самая «имперская Россия», от «уз» которой так стремятся освободиться некоторые части элит многих стран СНГ.

Однако и у самой России на этом пространстве есть интересы, причём отнюдь не высосанные из пальца в Кремле или в клубах русских националистов, а в буквальном смысле жизненные. Интересы стратегические, оперативные и тактические. В сферах геополитики, просто политики, военной, гуманитарной и лишь в последнюю очередь — в сфере экономической.

Распад СССР привёл к тому, что почти все страны, появившиеся на постсоветском пространстве, получили территории большие, чем те, с которыми они когда-то входили в состав Российской империи. Кроме самой России. Но дело не в потере квадратных километров земли — её и сегодня у России больше, чем у кого бы то ни было. Дело в том, что были утеряны некоторые естественные рубежи, обеспечивающие военно-стратегическую безопасность страны. Наиболее яркие примеры — утрата полномасштабной морской границы

612

на Чёрном море и вообще контроля над черноморским бассейном и тысячекилометровое (!) отнесение западной границы в глубь территории нашей страны. И это лишь два примера. От большинства государств при таких потерях не осталось бы и следа.

К счастью, наши предки создали Россию с таким запасом прочности, что удалось вынести и это, однако стратегические потери на то и стратегические, что их нельзя компенсировать даже сотней тактических приобретений (каковых пока, к сожалению, нет).

Взамен всех своих стратегических потерь Россия приобрела только один стратегический выигрыш. А именно: сегодня России действительно нет военной угрозы как с Запада, так и со стороны США, хотя НАТО по-прежнему почему-то в основном ориентировано на восток, а не на юг.

Итак, в целях сохранения целостности и безопасности всей своей территории, всех живущих на этой территории народов, а также ради обеспечения прав 20 миллионов русских, не по своему желанию оказавшихся за пределами Родины, России необходимо обеспечить либо глубокую и на большую перспективу стабильность постсоветского пространства, причём при условии лояльности новых независимых государств к себе и соблюдении прав русских и русскоязычных граждан в этих государствах, либо там, где это возможно, на новой основе восстановить единство традиционного, геостратегически безопасного в силу своей естественности канонического пространства Большой России (то есть Российской империи/Советского Союза), целям чего (и не только в интересах России, как я уже отмечал) сегодня и служит СНГ, являющееся, однако, лишь переходным, или, как сейчас говорят, транзитным, межгосударственным образованием.

Исходя из этого логически вырисовываются объективные условия и цели, в которых и ради реализации которых должна естественным путём сложиться политика Москвы на постсоветском пространстве.

Эти условия и цели в самом общем виде следующие:

- постсоветское пространство есть сфера естественных жизненных как стратегических, так и любых иных интересов России;
- потеря этого пространства будет означать для России дестабилизацию по периметру всех её границ и потерю не-

613

многих на сегодня реальных и потенциальных союзников, а иных пока не предвидится, ибо:

— для США и Евросоюза Россия, сколько сегодня ни говорили бы в Вашингтоне и Брюсселе о стратегическом партнёрстве или союзничестве с Москвой, по-прежнему остаётся союзницей по вызову. Для США — в их антиисламистской активности и для уравнивания ЕС и Китая, для ЕС — в диверсификации источников сырья вообще и энергосырья в особенности;

— Евросоюз и особенно США не собираются давать России карт-бланш на действия в постсоветском пространстве, хотя и опасаются хаотизации этого пространства при упадке роли Москвы; более того, Вашингтон и Брюссель сами наращивают и будут наращивать свою активность в этом регионе;

— отменить или даже ограничить эту активность Россия не в силах;

— но Россия, до сих пор имеющая в совокупности больше, чем кто-либо, рычагов воздействия на все страны постсоветского пространства (включая и Балтию), может (и должна) противостоять американской активности, конкурировать с ней и проводить свои интересы несмотря на эту активность;

— стратегическая цель России на постсоветском пространстве может быть только одна, и эта цель — взамен или наряду с СНГ — воссоединение в наиболее естественной, но неизбыточной конфигурации Большой России, включающей все геостратегически ключевые точки, обеспечивающие стабильность и безопасность данного пространства. Ядром этого образования должен стать Российский Союз, конфедеративно или федеративно объединяющий в одно государство несколько ключевых стран региона. Помимо России, по крайней мере ещё по одной на Западе, на Кавказе и в Центрально-Азиатском субрегионе.

Это — императив. Между прочим, как с точки зрения России, так и ради сохранения баланса сил на планете, а также актуальнейших интересов остальных стран СНГ и стратегических интересов Евросоюза и США.

614

Что России нужно от США?

Как добиться стратегического союза с Америкой, если такой союз нужен нам и ей
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, №39, 24-30.09. 2003

В преддверии визита Владимира Путина в США реанимировалась время от времени затухающая дискуссия о том, какой должна быть политика Москвы в отношении единственной сверхдержавы современного мира. Строго говоря, это второй по важности вопрос для современной России. Правда, ясный ответ на него может быть получен после того, как наша страна ответит на первый вопрос: а какими должны быть сама Россия и ее политика вообще? Ответы: сильная, великая, демократическая и рыночная — как слишком банальные не принимаются. Но сейчас первый вопрос я оставлю за скобками, перейдя сразу ко второму.

Ни одна ныне существующая страна не может игнорировать факт существования США и их глобального гегемонизма как целенаправленной долговременной политики Вашингтона и в значительной степени реальности. Между тем в России (не только в ней) мы такое игнорирование наблюдаем, ибо реактивные действия в ответ на те или иные шаги США не могут считаться полноценной и всесторонне продуманной политикой, разработанной и на тактическую, и на оперативную, и на стратегическую глубину.

АКСИОМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Выработка американского направления российской политики, с одной стороны, облегчается отсечением очевидно неприемлемых сценариев (глобального конкурентирования, например), но, с другой стороны, крайне затрудняется неопреде-

615

ленностью ответов на некоторые фундаментальные вопросы будущего развития мира вообще, евроатлантической цивилизации в частности и России конкретно. Эту неопределенность многие авторы весьма разработанных проектов внешней политики России на американском направлении предпочитают не замечать, а точнее, подменять простым экстраполированием на будущее (как правило, говорят о ближайших 50 годах) нынешнего положения дел. Почти все (кроме самых отъявленных антиамериканистов) исходят из того, что, во-первых, США в обозримом будущем будут оставаться внутренне теми же самыми Соединенными Штатами, какие мы знаем сегодня, а во-вторых, их глобальному превосходству над всеми остальными по отдельности и даже вместе никто и ничто не сможет бросить вызов, во всяком случае, успешный. Эти допущения, никем в общем-то не доказанные, но почему-то считающиеся очевидными, ведут к фундаментальным последствиям: сценарии отношений России с США, позиционируемые как трезвые, реалистические, прагматические и инструментальные, во-первых, являются сугубо приспособленческими; во-вторых, не оставляют никакой возможности для стратегического маневра Москвы в случае изменения сегодняшнего положения дел; в-третьих, могут вообще оказаться, мягко говоря, контрпродуктивными.

Есть еще несколько допущений, столь же недоказанных, которые, как правило, причем даже вопреки очевидным фактам, делаются сторонниками так называемой прагматической (а реально — утопической) линии взаимоотношений России и США. Это следующие допущения: США не будут стремиться к дальнейшему ослаблению России; Вашингтон готов, при определенных условиях, взять Россию в свои стратегические союзники — нам важно лишь отобрать из этих условий те, что не противоречат интересам России (при этом не указывается, а что делать с теми, что противоречат, и откажутся ли от них американцы); США искренни в изложении целей и даже средств своей политики; их экспансионизм не будет распространяться на государства и страны, которые являются (с точки зрения Вашингтона) демократическими.

Короче говоря, так называемые прагматики и реалисты смотрят на современный мир как на застывший и неизменный, остановившийся в своем развитии во всем, кроме тех-

616

нологий. Политическая история умерла — отныне будет развиваться лишь история человечества в целом (при доминировании США) и история науки и техники. Изменения на политической карте мира возможны, но они, во всяком случае, не будут касаться самих США и остальных западных (демократических) государств и всех тех, кого США признают своим союзником. Последнее допущение является редко публично оглашаемым главным резонансом т. н. прагматического подхода к внешней политике России: якобы только в союзе с США Россия сможет сохранить свою территорию.

Такого сектантского, мертвого, статичного, антиисторического взгляда на международные отношения мы не видели, пожалуй, с тех времен, когда русские большевики мечтали о победе пролетарской революции во всемирном масштабе.

Так называемые прагматики, конечно же, не могут не видеть всех проблем и противоречий современного мира, а также угроз, перед которыми стоит Россия. По сути, единственный предлагаемый ими рецепт решения этих проблем и ликвидации этих угроз — спрятаться на максимально выгодных для себя (для России) условиях за спину США, коль скоро никого сильнее их в сегодняшнем мире нет. Это, конечно, прагматизм, но прагматизм тактический — эффективный сегодня, завтра он может оказаться и бесполезным, и даже вредным.

И это прагматизм утрированный. Последнее проявляется в том, что из списка сегодняшних внешнеполитических угроз для России (да и для всего евроатлантического мира) тактические прагматики, оставляя в этом списке и международный терроризм, и распространение оружия массового уничтожения, и

даже (в секретной части списка) ислам и Китай, вычеркивают сам американский гегемонизм. И это несмотря на то, что совсем недавно советский гегемонизм, хотя ему был противовес, такой угрозой многими странами мира признавался. Почему два гегемонизма — это угроза, а один — нет, понять трудно.

12 сентября в «Известиях» опубликована крайне интересная и продуманная статья «Договор о стратегической дружбе» Никиты Иванова и Владимира Фролова (оба автора носят титул советников замруководителя администрации президента РФ по внешней политике), в которой — со всеми

617

перечисленными мною допущениями — излагается подробнейший план реализации одного из вариантов линии тактических прагматиков на американском направлении. В статье много весьма полезных предложений, но в целом рекомендуемый в ней сценарий представляется утопическим и в своей конечной цели (заключение «Стратегического договора» или «Договора о дружбе» с США) — что фактически признают сами авторы, и даже в промежуточной — получение Россией от Вашингтона статуса «ключевого союзника — не члена НАТО» или еще более высокого статуса «стратегического союзника — не члена НАТО».

Вопрос не в том, что к получению таких статусов не надо стремиться. Вопрос в том, как, на каких условиях к этому надо стремиться. И в том, стоит ли это стремление сделать центральной линией российской внешней политики.

Авторы статьи, весьма логично излагая всю мотивировку и последовательность предлагаемой ими линии, оставляют совершенно без комментариев одну из ими же излагаемых четырех главных целей американской политики, к которой предлагают России присоединиться. А именно: стремление США (далее цитирую) «Контролировать развитие других великих держав... и сделать главным их вектором поддержку либерального миропорядка». Это не единственный, но самый яркий логический провал в статье Никиты Иванова и Владимира Фролова.

Нельзя не согласиться с этими авторами, когда они пишут, что «формируемый США либеральный миропорядок, базирующийся на ценностях открытой рыночной экономики, демократии и прав человека и подкрепляемый военным доминированием, не противоречит интересам России» — хотя и здесь возможен ряд оговорок. Но как при этом быть с «контролем развития других великих держав», то есть и России тоже, со стороны Вашингтона? Что это за контроль, в каких формах и в каком объеме? И кто поручится за безгрешность контролера? За отсутствие ошибок при исполнении им как контрольных функций, так и функций формирования той политики, которая ведет к «либеральному миропорядку»? Разве контролируемый (то есть подчиненный) имеет право и возможность оспаривать действия контролера (то есть

618

начальника)? Кроме того, контроль необходим тогда, когда есть опасения в отклонении от генеральной линии (то есть при относительной свободе действий подконтрольного). А значит, возникает и набор санкций для тех, кто что-то сделал не так. Разве это не есть потеря суверенитета?

Если создается мировое правительство — вопрос другой. Нас может интересовать, сколько и каких портфелей получит в нем Россия. А если мировое правительство не создается, то признание такого контроля есть просто отдача себя под власть правительства американского. И это теоретически (а видимо, и практически) не исключено, но зачем тогда говорить о: 1) внешней политике России — она (национальная внешняя политика) просто исчезает; 2) стратегическом союзнчестве, которое может предполагать разве что взаимный контроль, но никак не односторонний.

Я, возможно, еще вернусь к некоторым положениям текста Никиты Иванова и Владимира Фролова, а сейчас отмечу то, что, на мой взгляд, приводит этих и других авторов аналогичных предложений к формулированию весьма прагматичной тактики внешнеполитического курса России по отношению к США, но тактики, не имеющей никакой не то что стратегической, но даже и оперативной перспективы. Это — обратная логика, которую я изложу в нескольких утрированном виде.

Не умея или не рискуя сформулировать сначала собственно внешнеполитический курс России (и не находя его в жизни), такие авторы берут весьма разработанную внешнеполитическую доктрину США в ее бумажном изложении. Находят в этой доктрине пункты, совпадающие с некоторыми внешними интересами России (игнорируя несовпадающие). А далее — конструируют набор мер, которые должна предпринять Россия, дабы заинтересовать США в стратегическом партнерстве с собой. На то, чтобы уложиться в интересы США, и расходуется весь реальный внешнеполитический потенциал нашей страны, объективно меньший, чем у американцев. И, естественно, ничего не остается для реализации или защиты тех интересов России, которые в систему американских интересов не вписываются. Меньшее поглощается большим.

619

МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ

Сначала определимся, какие внешние угрозы актуальны для России? На мой взгляд, главных угроз семь. Часть из них аналогичны тем, что не без основания беспокоят и США (и ряд других стран). Но есть и те, по поводу которых США могут не беспокоиться, а для России они более чем остры.

1. Распространение оружия массового уничтожения (ОМУ).
2. Международный терроризм.
3. Деятельность зарубежных производителей наркотиков. Эти три угрозы являются общими для России и США.
4. Отторжение от России некоторых ее северокавказских территорий.

5. Отторжение дальневосточных или даже сибирских территорий (более отдаленная в перспективе, чем четвертая, угроза).

Аналогичных угроз для США, занимающих исключительно выгодное географическое положение, в настоящее время и даже в длительной перспективе в практическом плане не просматривается.

6. Политическая и даже военная дестабилизация ряда режимов, граничащих с Россией. Угроза, также отсутствующая для США.

7. Глобальный гегемонизм США. Угроза, которая существует для всех, кроме самих американцев.

УГРОЗА №7

Если с первыми шестью угрозами всё более или менее ясно, то седьмая, когда ее упоминаешь, у многих в России вызывает раздражение. Не знаю, насколько искреннее.

А ведь даже некоторые американцы сегодня задумались о неоднозначных последствиях для самих США их гегемонизма, назови его хоть мировым лидерством, хоть как. И правильно задумались. Полуглобальный гегемонизм России под именем СССР стал одной из главных причин распада страны, от которого она не может оправиться до сих пор (и возможно, процесс не закончен). Так что и американцам есть о чем тревожиться.

620

Почему же России, равно как и другим странам — а России даже более, чем им, по причине, о которой я скажу специально, — нужно стесняться называть эту угрозу, анализировать ее, думать об ее предотвращении? Может ли это обидеть США? Наверное, как обижали Советский Союз разговоры и публикации о том, что его гегемонизм несет угрозу тем или иным странам. Но на что же еще могут рассчитывать самые сильные, причем самые сильные не только в экономическом, но и в военном плане? На неискреннее молчание и подбострастное поддакивание? А разве это не является подтверждением страха перед ними, то есть подтверждением ощущения угрозы?

Действительно, ряд стран, более слабых, чем США, не считают американский глобальный гегемонизм угрозой для себя. Великобритания, например. Или Канада. Или Израиль. Или Австралия. Ряд западноевропейских стран (хотя тут уже можно делать оговорки, ибо дискуссии об американском сверхгегемонизме там ведутся). Случай с Великобританией совершенно особый, но и Россия — случай особый.

Начиная, по крайней мере, с Ивана III, а это вторая половина XV века, с Ивана IV (Грозного) определенно Россия практически непрерывно (за кратким исключением Смутного времени) на протяжении целых пяти веков была абсолютно самостоятельным субъектом мировой политики, причем начиная с XVIII века субъектом, вошедшим в складывавшийся тогда клуб великих держав, а половину XX века — еще и одной из двух сверхдержав, паритетно контролировавших практически весь земной шар. И все эти пять веков Россия только набирала и земель, и международной субъектности.

Крах и распад СССР (то есть России — просто смешны утверждения о том, что современная Россия — это какая-то новая страна или новое государство) и как следствие этого — катастрофическая потеря значительной части нашей международной субъектности, проще говоря — суверенности, являются сильнейшей фрустрацией для русской нации как нации вообще и как нации политической. И еще большая фрустрация — попадание впервые за пять столетий самодержавной самостоятельности в ситуацию, когда власти другого государства могут фактически заставлять Россию что-то делать, а что-то не делать, в том числе и во внутренней политике. Это просто не может не восприниматься как угроза, как опасность.

621

Страны, столетиями или десятилетиями не имевшие реального суверенитета, не боятся потерять то, чего у них не было, не опасаются отдать Евросоюзу или США то, что им не принадлежало. Для России это совершенно необычная ситуация. И угроза. Хотя бы потому, что так жить она не умеет — привычки нет.

Так что если кому-то в угрозе № 7, названной мною (и не только мною, естественно) глобальным гегемонизмом США, не нравится название, то можно ее переименовать в равную по значению (ведь дело не в США, может быть, через полвека их сменит в этой роли Китай) угрозу потери традиционной международной субъектности России.

Разобравшись с угрозами, можно переходить к условиям вступления с США в отношения «ключевого» и «стратегического» союзничества. Если, конечно, сами американцы этого захотят и если не выставят неприемлемых для России условий. Но прежде чем изучать американские условия, надо бы скалькулировать свои.

ЧТО НУЖНО РОССИИ ОТ США ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СТАТЬ ИХ СТРАТЕГИЧЕСКИМ СОЮЗНИКОМ?

Прежде всего, разумеется, ликвидации или минимизации внешних угроз. С них и начну. Ибо это и есть условия вступления в союз с США, сам по себе чреватый возникновением некоторых новых угроз.

1,2,3. Первые три условия ясны и не вызывают дискуссий: это совместная и учитывающая интересы обеих стран борьба с распространением ОМУ; против международного терроризма, с зарубежным и международным наркобизнесом.

Далее уже сложнее или, иначе, деликатнее.

4. Укрепление гарантий целостности России в регионе Северного Кавказа. А для этого — признание кавказского региона зоной особых национальных интересов России и в этой связи (коль мы союзники) уход США с Кавказа.

5. Укрепление гарантий (в том числе и военных) целостности России на Дальнем Востоке.

6. В связи с угрозами № 5 и 6 — признание всего постсоветского пространства зоной стратегических национальных интересов России и, естественно, зоной ее особой союзнической ответственности. Это очень важно. Если на постсо-

622

ветском пространстве (СНГ) Вашингтон препятствует реализации каких-либо интересов России, разговор о нашем стратегическом союзе либо бессмыслен, либо притворен.

Теперь мы подошли к угрозе № 7, которую США могут и не признавать угрозой, но России нет никакого резона отказываться от своей позиции, даже не огласив ее перед партнером. Седьмое условие (в ответ на седьмую угрозу, вбирающую в себя целый комплекс составляющих) не может быть сформулировано в одном пункте. Поэтому их несколько:

7. Союзничество исключает подчинение, поэтому (а также в силу ряда других причин) императивом является признание трехсубъектности евроатлантической цивилизации как единого целого — в лице США, Евросоюза и России как равных субъектов-союзников.

8. Признание права на объединение в союзном государстве с Россией тех стран СНГ, которые этого пожелают.

9. Безусловное использование силы союзниками по евро-атлантической цивилизации (Евроатлантическому пакту) только для отражения внешней агрессии против одного из союзников, а в иных случаях — лишь на договорной и консенсусной основе. В случае отсутствия консенсуса — каждый из трех субъектов имеет право на самостоятельные действия, но под собственную ответственность при критическом или благожелательном нейтралитете остальных союзников.

И далее я назвал бы еще три условия, которые можно считать техническими, хотя обычно и их заносят в концептуальные.

10. Взаимный отказ от рассматривания друг друга в качестве потенциальных противников как в ракетно-ядерном конфликте, так и в обычной войне.

11. Снятие всех экономических барьеров, установленных друг против друга, кроме протекционистских мер, необходимых для поддержания развития тех или иных отраслей национальной экономики.

12. Выработка совместной программы реформирования ООН и трансформации ее в мировые парламент и правительство, а до того — признание и уважение нынешнего статуса ООН.

Эти 12 условий, пожалуй, исчерпывают или почти исчерпывают то, что действительно должно волновать Россию во взаимоотношениях с США и как с государством вообще, и

623

как с единственной на сегодня гипердержавой, и как с державой, союзником и партнером которой Россия хочет быть.

По сути — это всего лишь несколько скорректированная для России и некоторых новых реалий современного мира система союзнических отношений между США и европейскими странами в рамках НАТО.

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СРОДСТВО

Короче говоря, в случае России стратегическое союзничество с США должно основываться на признании и документальной фиксации цивилизационного сродства США, России и Евросоюза и как следствии этого — на разделении ответственности за положение дел на, так сказать, канонических территориях единой евроатлантической цивилизации между тремя ее главными субъектами. При таком подходе действительно исчезнет проблема гегемонизма, но не исчезает фактор лидерства и тех преимуществ или даже привилегий, которые у лидера (или лидеров) возникают.

Все остальные, очень часто выдвигаемые сегодня на первый план проблемы — энергодиалог России и Запада, включая США; инвестиции в российскую экономику; раздел рынков продажи оружия; охрана окружающей среды; борьба со СПИДом (которая всякий раз почему-то выносится в число чуть ли не главных приоритетов наших отношений с США) и т. п., — превратятся в действительно технические, то есть решаемые соответствующими специалистами, представляющими союзников.

ОБРАТНЫЙ ХОД

Я не исключаю того, что ныне Россия объективно, а главное — субъективно (имею в виду состояние ее элит) находится не в том положении, когда она решится или когда ей позволят говорить с США таким образом, как я предлагаю.

Что ж, возможен и обратный ход переговоров: с позиции слабого (а не равного). Мы готовы подчиняться, но тогда продиктуйте ваши условия плюс к нашим неизбежным, к каковым относятся собственно только два: территориальная целостность России в нынешних границах и сохранение у власти нынешних элит теми методами, которые реализуемы

624

в нынешней России. Ну и, конечно, плюс ваши вложения в развитие российской экономики, дабы поднять благосостояние населения до нижевропейского уровня, чтобы антиамериканизм в российском обществе не возрастал, а уменьшался.

Или другой, более приличный вариант, о котором я уже упоминал: Россия не против, чтобы США самостоятельно сформировали мировое правительство, и готова подчиняться его решениям. Нас интересует только, какие портфели и сколько получают представители России.

Может, и это выход. Во всяком случае, он честнее и последовательней, чем постоянные разговоры о

том, как бы нам стать союзниками (да еще стратегическими) США и при этом поменьше союзнических обязательств на себя взвалить. В наивной вере, что американцы нам это позволят.

И лучше, чем совсем уж бессмысленные шарахання от сначала абсолютно верного несогласия с политикой США по конкретному вопросу, а затем, когда американцы зайдут в тупик, до бескорыстной или даже себе в ущерб помощи им в поисках выхода из этого тупика. Ведь нельзя же считать корыстью очередное обещание отменить бессмертную, как американский эгоизм, поправку Джексона—Вэнника. Я имею в виду, в частности, появившиеся сейчас пробные шары с намеками на то, что Россия может (в случае соответствующего решения ООН) послать своих военных в Ирак, ибо никто не заинтересован в дальнейшем обострении ситуации в этой стране. Даже и за прямую плату в 10-20-30 млрд. долларов этого делать нельзя. Ввиду угрозы поссориться с арабскими странами, увеличить масштабы исламского терроризма на своей собственной территории и потерять несколько десятков российских военных убитыми.

Хуже нет роли, чем стать оккупантами, даже не став завоевателями.

ПОВЕРХ РАСКОЛА

Схема, предложенная мною, естественно, может быть названа в лучшем случае утопической, в худшем — непрофессиональной.

Что касается утопизма, то я исхожу из двух фундаментальных посылок. Первая: в переломные и кризисные времена

625

оптимальные решения достаются не из учебников, а создаются заново. Вторая: приспособиться к новому лучше всего можно, лишь приняв участие в его создании, причем активное участие.

О непрофессионализме. Безусловно, что последние годы внешней политикой России занимаются вполне высокочеловеческие профессионалы. Что же им всё это время мешало договориться с США (или Евросоюзом) о чем-то большем, чем то, что диктуется всё еще значительным объективным весом и ролью России в мире? Две причины. Конечно же, раскол внутри российских элит (в том числе и по вопросу о взаимоотношениях с США). Но главное: отсутствие позиции, покрывающей эти разногласия. Разногласия ведь будут существовать еще долго, да и в более стабильных, чем российское, обществах такие разногласия есть. В тех же США. Что не мешает этой и многим другим странам, обладающим куда меньшими, чем Россия, ресурсами, проводить крайне целеустремленную внешнюю политику. Да, большинству из этих стран не нужно решать проблему сохранения или удержания своей международной субъектности. Но это не значит, что данную проблему, раз кому-то она представляется нерешаемой или несущественной, надо просто отбросить. Тем более что и не удастся.

Позиция, покрывающая разногласия элит даже и в международных делах, вырабатывается не дипломатами и не международниками широкого или узкого профиля. Она берется из четко выверенных стратегических национальных интересов, отказ от соблюдения которых ведет к гибели страны от ударов (не только военных) извне. А национальные интересы определяются не международниками.

И вообще внешняя политика слишком важное дело, чтобы отдавать ее в руки только дипломатов.

Надежда на то, что став союзниками США на их условиях, то есть фактически подчиненными, мы далее будем корректировать политику Вашингтона в наших интересах, эфемерна. Корректировать эту политику будут только американские избиратели и американские элиты, а не мы. Не эфемерно, хотя и трудно, сначала договориться об условиях союзничества, отвечающих и нашим интересам (а не получится, значит, придется жить так: несоюзник — не обязательно враг), а уж затем вступить в союз.

626

Мы всё спорим, что нам сделать с Россией, чтобы встроиться в глобальную и сверхактивную дипломатию США. А не полезнее ли задуматься, что нам нужно от США, чтобы угрозы, нависшие над Россией, отпали? И если американцы готовы и способны это дать — тогда и вступать в переговоры по механизмам и деталям союзничества.

625

Гипотеза о большом треугольнике

Россия, Китай и Индия как возможные геополитические союзники

Политический класс, № 10, октябрь 2005

Во время второго срока президентства Владимира Путина у России стала наконец появляться осмысленная и стратегически заостренная (пока не могу сказать, что стратегически продуманная) внешняя политика. Мне, как одному из критиков Кремля времен президента Ельцина и первых лет путинского правления как раз за отсутствие какой-либо внятной внешней политики, одно это представляется громадным шагом вперед от безыдейности и беспринципности 90-х годов.

Содержание внешнеполитического курса сегодняшней России заслуживает отдельного и обстоятельного разговора. Тем более, что этот курс, превратно многими понимаемый и трактуемый, вызывает яростную критику и вне России, и даже внутри нее самой. В том числе и со стороны тех, кто в принципе является сторонником Владимира Путина. Не ставя перед собой задачи подробно описать и всесторонне проанализировать только что вышедшую из стадии эмбриона новую внешнюю политику России, я, однако, должен в контексте проблематики данной статьи хотя бы обозначить некоторые существенные составляющие этой политики. Для меня они очевидны, но тратить время и место для

обоснования этой, возможно, не очевидной для других «очевидности» я не буду, ибо это слишком далеко уведет нас от основной темы статьи.

СЕГОДНЯШНИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Итак, внешняя политика России в современном ее состоянии преследует следующие опера-

628

тивные цели, достижение которых со временем позволит осознать, сформулировать и реализовать не вполне ясную еще стратегическую линию:

- сохранение максимально возможного объема суверенности России и постоянное и неуклонное наращивание этой суверенности;
- налаживание и поддержание неконфронтационных, а по возможности и партнерских отношений со всеми главными субъектами мировой политики, не впадая в зависимость ни от одного из них;
- сохранение максимального невооруженного контроля над канонической территорией своей исторической ответственности, то есть над так называемым постсоветским пространством;
- сдерживание экспансии основных глобальных игроков (США, ЕС, Китая, объединения исламских стран) на территории и интересы друг друга с тем, чтобы возможный конфликт этих игроков не заставил всё еще ослабленную Россию делать выбор в чью-либо пользу;
- определение методом проб и ошибок, то есть чисто экспериментальным путем, своих искренних, а не конъюнктурных стратегических союзников и соответственно конкурентов и противников;
- восстановление своего политического влияния и присутствия во внешнем мире до уровня, в какой-то степени приближающегося к тому, чем когда-то в этом смысле располагала Большая Россия (то есть СССР).

МЕРЦАЮЩИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Предложение инициировать создание геостратегического треугольника Китай-Индия-Россия в последние годы стало в определенных политических кругах Москвы почти банальным. Круги эти отличаются либо врожденным, либо благоприобретенным (на опыте тех же 90-х годов) скепсисом по поводу искренности публично демонстрируемых многими лидерами Запада симпатий по отношению к Москве. Судя по всему, и на самом Западе почувствовали, что эта идея может воплотиться во что-то реальное, и, соответственно, задумались о последствиях складывания такого союза для себя.

Принято считать, что идея построения треугольника Китай-Индия-Россия принадлежит Евгению Примакову и по-

629

явилась она тогда, когда академик Примаков занимал пост премьер-министра (конец 1998 — начало 1999 года), а оформилась как некоторая практика уже во времена Путина. Между тем я слышал предложение о создании такого треугольника еще в середине 90-х годов из уст Андрея Кокошина, известного американиста, специалиста по проблемам разоружения, а в тот период еще и первого заместителя министра обороны России. Публично тогда Андрей Кокошин эту идею не провозглашал (ибо это вряд ли понравилось бы американцам, а следовательно, при официальном статусе г-на Кокошина, — и президенту Ельцину). Но в кругу доверенных лиц он подробно ее излагал, впрочем, всегда называя этот треугольник «мерцающим», то есть предполагая, что этот сценарий может быть и не реализован по разным причинам, в том числе и потому, что не вполне ясны перспективы самой России в системе такой политической геометрии. Но работать в этом направлении (на всякий случай) г-н Кокошин предлагал непременно.

Я здесь не оспариваю приоритет Евгения Примакова, если он действительно принадлежит ему. Тем более что Андрей Кокошин и Евгений Примаков давно и хорошо знакомы и, возможно, первый произносил то, что второй предлагал. Существенно то, что сама идея совсем не нова и будоражила умы русских экспертов, озабоченных отступлением России по всем направлениям международной политики, еще с ельцинских времен.

Для легализации этой идеи понадобилось не столько время, сколько приостановка, как раз благодаря политике Путина, внешнеполитического отступления России и некоторое восстановление ее внутренней, а значит, и внешней мощи.

Несмотря на то, что сегодня гипотеза о большом геостратегическом союзе России, Китая и Индии известна и популярна в некоторых кругах, многие, в том числе и, скажем так, непрозападноориентированные российские аналитики и политики, относятся к ней со скепсисом или критически. К аргументам скептиков и критиков я вернусь. Тем более что сам отношусь к числу скептиков. Однако нельзя не признать, что сама эта концепция, воспринимаемая мною пока как гипотеза о возможной реализации Россией соответствующей политики, находит подтверждение в некоторых практических шагах Кремля на внешней арене. Так что вполне может сло-

630

житься впечатление, что президент Путин и военно-политический истеблишмент России приняли принципиальное решение о реализации этой теории, неофициально переведя ее в разряд геополитической доктрины.

Российско-китайские августовские маневры «Мирная миссия— 2005», беспрецедентное по масштабу участие российских военных в учениях на иностранной территории со времен распада СССР, и вообще первые в истории двух стран, — одно из ярчайших и зримых подтверждений превращения теории в действующую доктрину.

Осенью состоялись более скромные по масштабам российско-индийские учения. А кроме того, в Москве начала циркулировать информация о том, что в скором времени могут состояться уже трехсторонние российско-китайско-индийские маневры.

Незадолго до проведения «Мирной миссии— 2005» Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), самыми крупными участниками которой являются Китай и Россия (и в которую Индия недавно вошла как наблюдатель), организация, включающая помимо этих стран почти все государства бывшей советской Средней Азии, в том числе и такие большие, как Казахстан и Узбекистан, потребовала от США определиться со сроком вывода американских военных с баз, временно предоставленных Вашингтону в Средней Азии для проведения антиталибской операции. Чуть позже Узбекистан, чей президент Ислам Каримов явно согласовал свой демарш с Москвой и Пекином, перешел от слов к делу и потребовал от американцев в течение 180 дней покинуть авиабазу в Ханабаде.

Наращивание поставок современного российского вооружения в Индию и Китай — фактор постоянного раздражения на Западе. Почему-то Вашингтон, снабжающий своим оружием половину мира, воспринимает российскую активность в этой сфере не как естественную для российского ВПК, целенаправленно вытесняемого американскими и западноевропейскими поставщиками оружия отовсюду, откуда можно, в том числе и путем политического давления на тех, кто хотел бы русское оружие приобрести, а как антиамериканскую линию Москвы на оснащение современным оружием потенциальных геополитических соперников США, в первую очередь — Китая.

Исходя, в частности, из этих фактов, допустим, что построение треугольника, по крайней мере со стороны Рос-

631

сии, началось. Повторяю, я не считаю, что это действительно так, но для упрощения анализа примем эту гипотезу за аксиому. Тогда стоит разобрать, какие конкретные цели преследует Москва при реализации этой доктрины, а также может ли эта доктрина быть реализована в контексте истории российско-китайских и российско-индийских отношений (не забыв и китайско-индийские отношения) и какие реальные, а не мифические последствия для Москвы может иметь целенаправленное движение по этому пути.

ПРОРЫВ ИЗ «КОЛЬЦА ДРУЗЕЙ»

Самая очевидная составляющая геополитической линии Москвы состоит, как я отмечал, в сохранении и наращивании своей внутренней и внешней суверенности, то есть попытка остаться в кругу глобальных игроков, имеющих возможность в одиночку проводить независимую политику на внешней арене. Сегодня к таким игрокам относят без всяких ограничений США и Китай (последний, однако, ведет себя осторожно, реализуя глобальные амбиции лишь в Азиатско-Тихоокеанском регионе). С некоторыми оговорками к короткому списку субъектов с максимальным объемом суверенитета причисляют Индию и Евросоюз в целом. Россия пока стоит рангом ниже, но смириться с этим не хочет и не может хотя бы по трем причинам.

Во-первых, в силу исторической привычки быть сверхдержавой.

Во-вторых, потому, что такую гигантскую территорию, которой располагает Россия, невозможно сохранить за собой, находясь в зависимости от кого-либо.

В-третьих, колоссальные природные богатства России предположительно являются причиной постоянного соблазна для разных внешних сил, желающих воспользоваться нынешней слабостью Москвы.

Пока эта слабость до конца не преодолена, Москве необходимо компенсировать дефицит собственной силы за счет союза с каким-либо из главных мировых игроков, а лучше — за счет хороших, если и не союзных отношений с каждым из них.

Парадокс ситуации состоит, однако, в том, что действия некоторых из этих игроков реально ущемляют националь-

632

ные интересы России. Ведь она фактически окружена кольцом главных субъектов мировой политики и в этом смысле действительно является, по крайней мере географически, центром мира. Евросоюз с запада, США с востока, Китай с юго-востока (все три субъекта имеют либо сухопутные, либо морские границы с Россией) и Индия, единственная, не имеющая таких границ, с юга. С юга же непосредственно к России прилегают государства, на территории которых или через территорию которых активно действует такой неструктурированный субъект нынешней мировой политики, как исламский терроризм.

За исключением Индии, глобальные игроки находятся в стадии очевидной экспансии, причем направления этой экспансии, как правило, обращены именно в сторону России. Евросоюз наступает с запада, США — с запада и юга (стимулируя так называемые цветные революции на постсоветском пространстве и закрепляя свое военное присутствие на Большом Ближнем Востоке). С юга же действуют исламские террористы.

Китай, о потенциальных (некоторые считают, что реальных) территориальных претензиях которого к России в Москве не забывают, сейчас, безусловно, озабочен не ими, а восстановлением своей юрисдикции над Тайванем. Индия — единственное исключение в этом смысле. Ни теоретических, ни практических планов приближения к российским границам у нее нет.

Словом, цивилизационно родственная именно Евросоюзу и США, Россия видит именно со стороны этих глобальных субъектов наиболее активное движение по пространству своих непосредственных

жизненных интересов, что не только нарушает традиционный геополитический баланс в Евразии, но автоматически блокирует возможности восстановления исторического статуса России.

Экспансионизм США и Евросоюза Москве непонятен. Сама Россия, что совершенно очевидно, не является сегодня страной, угрожающей безопасности США и ЕС или стремящейся вывести из зоны их влияния какие-либо страны и территории. Если же Евросоюз и США искренни в своих заявлениях о стратегическом партнерстве с Россией, о дружбе с ней, то почему этому партнеру и другу не доверяют, почему видят в нем лишь альтернативного Ближнему Востоку по-

633

ставщика энергоресурсов, почему целенаправленно и планомерно пытаются сузить круг лояльных Москве режимов в Восточной Европе, в Средней Азии и на Кавказе, почему закрывают глаза на дискриминацию русских жителей и русского языка в странах Балтии, Молдове, на Украине, почему в любом проявлении активности России и на постсоветском пространстве видят угрозу, почему осуждают якобы методы, а фактически саму борьбу России за свою территориальную целостность на Кавказе?

Надо признать, и в Москве это прекрасно понимают, хотя и не все и не всегда говорят об этом публично, что пока никакого искреннего партнерства и союзничества между Россией и Евросоюзом и США не наблюдается. Формально находясь (если исключить исламский терроризм) в «кольце друзей», Россия именно со стороны некоторых из них испытывает максимальное политическое давление, жесточайшую, порой явно несправедливую критику, нелояльное отношение к своей борьбе за сохранение территориальной целостности, постоянные упреки в неоимпериализме (и это со стороны явно империалистически действующих США и постоянно расширяющего свою территорию Евросоюза), авторитаризме и вообще во всех смертных грехах. Совершенно ясно, что чисто психологически из такого «кольца друзей» хочется вырваться, а политически возникают дополнительные стимулы для развития более масштабных контактов с теми, кто, во-первых, не учит тебя постоянно ведению твоих внутренних дел, а во-вторых, шире использует весь твой потенциал, а не только энергетический.

Наконец, упомяну, возможно, два главных фактора. Индия, в отличие от США и Евросоюза, не противодействует реализации политики России на постсоветском пространстве, а Пекин не менее Москвы озабочен наращиванием присутствия американских военных в Средней Азии, которая непосредственно граничит с ним. Кроме того, стремительное приближение вооруженных форпостов США к Китаю с запада, то есть со стороны государств, когда-то являвшихся азиатскими республиками в составе Советского Союза, создает потенциальную опасность спровоцированного или неспровоцированного военного конфликта между Китаем и США фактически в южном подбрюлье России. О негативных последствиях такого конфликта для региона в целом и для России в частности догадаться легко.

634

МОСКВА - ПЕКИН

Критики сближения России и Китая, и особенно продажи Китаю современного российского оружия, приводят ряд совершенно очевидных и хорошо известных аргументов. Полуторамиллиардный по численности населения Китай буквально нависает с юга над малозаселенными русскими Сибирью и Дальним Востоком. Несмотря на все последние урегулирования пограничных вопросов между Россией и Китаем (в основном за счет уступок со стороны первой), Пекин, строго говоря, так и не отказался официально, определенно и категорически от своих «исторических претензий» на Сибирь. Поставляя оружие в Китай, Россия фактически вооружает армию, которой в любой момент может быть дана команда на возвращение «северных территорий». Ну и так далее.

Нельзя не признать, что это очень существенные аргументы. Но, строго говоря, в этом случае у Москвы нет выбора. Его не оставляет совместная граница протяженностью в несколько тысяч километров. Если говорить совсем уж жестким языком, вторым фактором, исключающим этот выбор, является поведение Америки. «Умиротворить» ее экспансионизм на постсоветском пространстве и вообще на Среднем Востоке Москве не по силам. Вашингтон просто не обращает внимания на увещевания российской столицы. Тем более что и во всех остальных делах США требуют от России фактически лишь подчинения своим решениям, в лучшем случае — пассивного непротивления им. «Умиротворение» Китая путем развития широких контактов с ним, в том числе и военных, возможно, не лучшая политика, но она по крайней мере отодвигающая перспективу возможного конфликта на более или менее отдаленное будущее.

В конце концов, если сами американцы считают, что к середине нашего века Китай станет по совокупной мощи сопоставим с США, то есть новой второй сверхдержавой мира, то почему Россия должна портить отношения с ним, а не с Вашингтоном, мегавеличие которого к тому времени может начать уходить в прошлое? Пусть это циничный расчет, но кто же учит всех нас сегодня этому цинизму — разве не сами США?

Допустим, Россия прислушается к Вашингтону и свернет все военные поставки в Китай до минимума. Что она полу-

635

чит взамен от американцев? Вряд ли даже денежную компенсацию за потерянную выгоду.

Как ни сложна, деликатна и обоюдоостра проблема российских военных поставок Китаю, именно эти поставки, в которых Пекин нуждается, создают возможности Москве для сегодняшнего и будущего геополитических маневров в системе многополюсного, а не американоцентричного мира. Тем более, что уж Китай-то американцам точно под свой контроль поставить не удастся. В конечном итоге, раз США так озабочены будущей военной мощью и агрессивностью Пекина, то зачем сами своими многомиллиардными

инвестициями помогают ему стремительно поднимать экономику? Направили бы половину из них в Россию, и ее экономический рост восстановил бы баланс сил между Китаем и Россией. Предложили бы Москве стремительно и вне рамок обычных формальностей вступить в ведомый Вашингтоном блок НАТО, в частности с тем, чтобы вся мощь этого блока, усиленного Россией, гарантировала неприкосновенность русской границы на юго-востоке. Но ничего подобного не происходит. Может быть, американцам просто не нужна сильная Россия или целостная Россия? Не в том смысле, что Вашингтон стремится сам расчленить ее, а в том смысле, что в случае и в момент проявления «агрессивности» Китая лучше канализировать эту агрессию в направлении русской Сибири, чем в иных направлениях.

Вообще я считаю, что геополитически и геостратегически, если отбросить энергетический фактор, Россия интересна сегодня для США только как страна, контролирующая богатейшую Сибирь — с тем, чтобы та не досталась Китаю.

Суммарно усиление военных контактов России с Китаем, если отбросить как слишком романтические чисто коммерческие выгоды этих контактов для обеих сторон и как слишком неопределенные — выгоды по взаимному укреплению собственной безопасности, есть прямое производное от политики Вашингтона и по отношению к Москве, и по отношению к Пекину.

МОСКВА-ДЕЛИ

Россия проводит не такую уж прямолинейно-неосмотрительную политику, как это трактуют главные обличители

636

российско-китайского военного сближения. Ведь родившаяся в российской столице концепция предусматривает не создание оси Москва-Пекин, которую можно было бы назвать антиамериканской, если бы она не была на 70-80% реакцией на поведение самой Америки, а строительство треугольника Москва-Пекин-Дели.

Военные поставки из России в Индию тоже вызывают раздражение Вашингтона, хотя уж эту-то страну в антиамериканизме заподозрить трудно.

В отношениях же Москвы и Дели теневых пятен нет вообще. Более того, пожалуй, из всех крупных и крупнейших стран именно Россия и Индия демонстрируют из ряда вон выходящую бесконфликтность взаимодействия за весь период контактов этих стран друг с другом. Почти экзотически выглядит на этом фоне хорошо известный всем факт серьезной проработки большевиками, пришедшими в 1917 году к власти в нашей стране, плана военного похода на Индию для установления и в этой крупнейшей стране Востока советского режима. Как считают, главным сторонником этого «броска к Индийскому океану» для освобождения местного пролетариата и развития революции в Азии был Лев Троцкий. По здравом размышлении руководители большевиков от этой идеи отказались. А ведь их энтузиазм и пассионарность, а равно и их популярность среди беднейших слоев населения Востока тогда были таковы, что если бы они на этот поход решились, то, вполне вероятно, могли бы добиться успеха. Ведь ни баллистических ракет, ни стратегических бомбардировщиков, ни авианосцев тогда не было. И если бы такой поход случился и завершился победоносно, то, надо думать, история человечества пошла бы существенно иным путем.

Поскольку между Россией и Индией нет противоречий, но таковые есть между Индией и Китаем, построение треугольника из всех трех гигантских стран есть не только не опасная и не авантюристическая, а как раз напротив — очень конструктивная и продуманная идея. Безусловно, способная в случае полномасштабной реализации создать очень сбалансированную систему силовых и политических сдержек и противовесов как в Азии конкретно, так и на Евразийском материке в целом. А следовательно, поскольку это крупнейшая по территории и населению часть земной суши, то и на планете. Правда, создание такого треугольника сковывает свобо-

637

ду волюнтаризма и гегемонизма США, ну так многие считают, что это к лучшему. В том числе и для самих Соединенных Штатов, которые завязли в Ираке, и никто не может предсказать, как и когда они из него выберутся.

Создание стратегического треугольника Москва-Пекин-Дели, скорее всего, не приведет к стремительному росту демократических режимов в Азии, нестабильность которых будет прямо пропорциональна их декоративной либеральности, но зато обеспечит мир и стабильность в этом регионе, минимизирует выплески исламского и любого другого экстремизма и тем более терроризма, а тем самым откроет возможности для постепенного и органического дрейфа авторитарных и полуавторитарных азиатских стран к демократии с восточным лицом.

В ЧЕМ ВЫГОДА ДЛЯ МОСКВЫ?

Собственно, обо всех выигрышах для России при реализации доктрины Большого стратегического треугольника я сказал. Акцентирую в заключение данной статьи лишь несколько принципиальных моментов.

Будучи сегодня потенциально или реально слабее каждого из главных субъектов глобальной политики, не собираясь ни конфликтовать с ними, ни возрождать свою мощь за их счет, при этом имея все основания полагать, что как раз за ее счет кое-кто перевесит могущество других стремится, Россия и получает дополнительную свободу маневра, и усиливает свой геополитический вес и геополитическое значение своей политики. Ибо без союзнических отношений с Москвой ни один из этих игроков не может уравновесить доминирование остальных.

Потенциалы США, Евросоюза, Китая или Индии являются необходимым условием лидерства

каждой из этих стран либо в мире вообще, либо в соответствующем регионе, а союзнический потенциал России — достаточное условие такого лидерства. Но ведь Москва не торгует этим потенциалом (не возьмете вы, отдам Китаю), а предлагает его всем в равной степени и одновременно. Упрощенно говоря, Россия стремится быть союзником всех главных конкурирующих, а потенциально и конфликтующих глобальных игроков. Как минимум для того, чтобы выиграть время для восстановле-

638

ния необходимого ей для собственной безопасности потенциала. Как максимум — для того, чтобы и в ближайшем будущем, и в будущем отдаленном не дать возможным противникам вцепиться в горло друг другу ни вблизи ее границ, ни вдали от них.

ГИПОТЕЗА ИЛИ АКСИОМА ?

Избежав роли «младшего партнера большой Америки», в одежды и грим которой Россию усиленно и последовательно загоняли московские либералы, а также как либералы, так и консерваторы из западных столиц, наша страна незаметно для себя может оказаться в такой же роли, но уже при Китае. Эта опасность в Москве осознается. Поэтому я считаю, что Россия будет крайне осторожно и осмотрительно идти по пути конструирования Большого треугольника, всякий раз оставляя себе возможности для отхода назад, если амбиции и претензии других его сторон станут чрезмерными. Так что доктрина Большого треугольника носит, скорее, оперативный, чем стратегический характер.

Кроме того, у США и Евросоюза на руках все карты для того, чтобы вернуть себе симпатии Москвы, но, конечно, не для проведения антикитайской политики, а для того, чтобы на восточном направлении Россия вынужденно не зашла слишком далеко. Цена вопроса очень проста, ясна и естественна. И об этом я писал неоднократно. Это — постсоветское пространство и судьбы миллионов русских людей в некоторых странах этого пространства. Политическое, а порой фактически и географическое выталкивание России из этого пространства, стимулирование создания санитарных кордонов между Россией и «Западом», между Россией и «Европой», молчаливое или не очень поощрение непристойных антирусских настроений и действий разных мелких и средних стран с «перманентно ограниченным суверенитетом» — крупнейшая политическая, я бы даже сказал, психиатрическая ошибка «Европы» и США сегодня. Избавиться от нее так легко. Особенно тем, кто значительную часть своей истории собственным суверенитетом всё-таки обладал. Но этого всё не происходит и не происходит.

639

Тлеющая «Европа»

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 10.11. 2005

Вот и пришло наше время злорадствовать и давать западным странам глупые советы. Или умные, но такие, что воспользоваться ими нельзя. Предыдущий мой текст в этой колонке назывался «Тлеющий Кавказ». Теперь настало время поговорить о тлеющей, а местами и горящей (в буквальном смысле слова) «Европе» (то есть Евросоюзе).

Сначала был Лондон, в котором английские граждане не собственно английского происхождения взорвали несколько вагонов метро и автобус. Теперь Париж (да уже и не один Париж, ибо эскалация насилия продолжается), где французские граждане не собственно французского происхождения устраивают ночные поджоги и погромы.

Вольно было англичанам и французам критиковать Россию за плохую политику на Кавказе и негуманные методы ведения боевых действий против сепаратистов и террористов. Ведь просвещенные и далеко ушедшие вперед Великобритания и Франция — это давно уже цивилизованные государства, свободные от имперских комплексов, прекрасно обеспечивающие достойный уровень жизни иммигрантов, блюдущие их права и свободы, не позволяющие себе никакого ущемления их достоинства и тем более избегающие какой-либо избирательной репрессивной политики по отношению к гражданам некоренной национальности. И вообще в Великобритании и Франции не существует (любимый тезис наших западофилов) понятия национальность, а есть лишь гражданство — француз

640

или британец. (Или в случае с Великобританией всё-таки англичанин? Тут российские западофилы и еврооптимисты немного путаются.) А скоро и вообще будет просто — европеец как гражданство и новая историческая общность европейский народ как этнос.

Другое дело «нецивилизованная Россия». Она ведь по-прежнему империя, по-прежнему угнетает всех нерусских, в ней нарастают антисемитизм, национализм и шовинизм. И вот-вот грянет фашизм.

Ну, относительно антисемитизма спор вести, тем более с французами, не будем. А вот об имперских комплексах поспорить стоит. Если еще не всё ясно. Может быть, Франция и Великобритания и не считают себя империями, да, кажется, североафриканцы и пакистанцы, да и вообще мусульмане иного мнения. В том числе и те, что уже живут в самих метрополиях этих якобы несуществующих империй.

Нельзя перестать быть империей, просто предоставив независимость бывшим колониям, но продолжая контролировать в этих «суверенных государствах» политические процессы и финансовые системы, перенося туда вредные производства, эксплуатируя дешевую местную рабочую силу, оставляя в этих государствах франкофонную или англоязычную систему образования, пестуя и лелея в местных элитах и народных массах светлый образ процветающих «бывших» имперских столиц, набирая для этих столиц и других городов в метрополиях мусорщиков, водителей такси, мелких торговцев, сантехников и

водопроводчиков.

Не всякая страна становится империей, но всякая, ставшая империей на более или менее значимый исторический срок, остается империей навечно.

Конечно, взрывы в лондонском транспорте и погромы во французских городах это не только международный терроризм (в первом случае очевидно, во втором — пока еще не очевидно), но и антиколониальная борьба, ведущаяся не в заморских джунглях, пустынях и горах, а в самих метрополиях, куда переселены, пусть по собственному желанию, пусть опекаемые социальными службами, миллионы и миллионы представителей колониальных народов. Которым, кстати, было обещано или казалось, что теперь-то, в новые времена, под сенью всемогущего института защиты прав и свобод человека, уж в Лондоне и Париже точно им будет гарантирован

641

равный с «представителями титульной нации» уровень жизни и общественный статус.

Но так не бывает. Конечно, западные общества демократичны, но от этого они не перестают оставаться иерархическими. Кто-то всегда наверху, кто-то всегда внизу. Это закон, это норма. И никакими правами человека и гражданина этого не исправишь. Да и терпимость западных обществ к «иногородцам» сильно преувеличена их пропагандой и нормами пресловутой политкорректности.

Итак, настало наше время злорадствовать и давать глупые или умно-невыполнимые советы политикам и журналистам Парижа и Лондона. Но почему-то желания и зуда такого не возникает. Может быть, потому, что сами мы сыты по горло таким злорадством и такими советами по ведению Москвой дел на Кавказе, в постсоветских государствах. Злорадством и советами, исходившими из западных столиц.

Есть всё-таки вещи, существование которых надо признать, корректно это или некорректно. Просто потому, что это правда.

Признать то, что столкновение цивилизаций не миф и не грозящая угроза, а реальность. Что сегодня в конфликте, а кое-где и в прямой конфронтации находятся цивилизации христианская и исламская. В Ираке, например.

Признать, что не надо навязывать христианские ценности и европейские институты исламским обществам и государствам. Ни мирным путем, ни тем более немирным.

Но признать и то, что на территориях христианских стран надо жить по цивилизационным законам этих стран, не теша себя игрушками типа мультикультурности, каковая есть лишь внешне облагороженная система атомизации и сегрегации в обществе.

Признать, что, отказавшись от упоминания христианства как цивилизационной основы Евросоюза, более того — вообще от упоминания христианства в Европейской конституции, европейские политики и эксперты не просто отказались от своей истории и своих предков, но и совершили несусветную глупость, собственными руками продемонстрировав всему миру, что Европа может и не быть христианской. Конечно, может. Но только это будет уже не Европа.

Надо признать, что никто не гарантировал цивилизационного лидерства Европы, которое наблюдалось на про-

642

тяжении последних пяти веков, в будущем. Особенно если «Европа», а точнее Евросоюз, отречется от собственных исторических корней, оставив лишь надстройку в виде демократических процедур и института прав человека, если ЕС будет «интегрировать» в себя десятки миллионов неевропейцев, которые, конечно, не хуже европейцев, а просто другие. Ибо и в человеческой расе, ради ее выживания хотя бы, должны сохраняться разделенное разнообразие, а не бессистемно или тем более иерархически сепарированная эклектика.

Надо признать, что, придушив почти до смерти внутри себя христианскую коммунистическую идею и оставив только христианский же либерализм, европейская цивилизация, во-первых, лишила себя того естественного дуализма, который и является единственным двигателем развития, а во-вторых, создала интеллектуальный и идейный вакуум, который стал стремительно заполняться «заморским» исламом. Тем более что и носителей этой энергичной идеи в «Европе» более чем достаточно, и эзовский мультикультурализм создал всю необходимую инфраструктуру для этой идеологии.

Признать, что сохранение собственной цивилизационной идентичности невозможно без жертв. Не человеческих, конечно, непременно, но материальных и политических — точно. И если уж ты пригласил в гости бывшего колониального родственника, то долго держать его (тем более миллионы таких родственников) в положении бедных, простите за каламбур, родственников не удастся. Делить надо всё — власть в том числе.

Много еще что необходимо честно признать. Например, то, что стабильность (не абсолютная, конечно) Российской империи (под разными ее названиями, включая и СССР, и РФ) поддерживалась, в частности, тем, что колониальные элиты чаще всего моментально включались в элиту имперскую (советскую, федеральную), тем, что простое население многих «колоний» жило не только не хуже, а часто даже лучше, чем простое население метрополии (к Кавказу это относится на 100 процентов).

Признать, что абсолютное большинство граждан-мусульман России хотят жить в России, ибо, несмотря на гораздо менее дееспособный институт прав и свобод в нашей стране, фактической расовой и этнической сегрегации в России нет.

643

Если «Европа» не извлечет уроков из событий лета 2005 года в Лондоне и осени 2005 года в

Париже, то ЕС и «Европе» придет конец. Революция 68-го в Париже не разрушила европейскую цивилизацию, так как ее участники со временем не могли не влиться в интеллектуальный и правящий класс Франции. А мятеж 2005-го для выходцев из стран Магриба такой перспективы не открывает. Им нужно либо возвращаться на свою «историческую родину», к чему они явно не предрасположены, либо просто взять власть в свои руки. Всю власть.

644

Естественная роль

Тезисы о председательстве России в «Большой восьмерке»

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 12.01.2006

На шестой год президентства Владимира Путина судьба приготовила ему большое, но приятное испытание — Россия стала председателем в «большой восьмерке», неформальном клубе стран — лидеров западного мира, маяков рыночной экономики и передовиков демократии.

Когда-то (совсем недавно) Россия, называвшаяся тогда Советский Союз, противостояла всем этим странам, вместе взятым, а теперь на целый год, как положено по регламенту клуба, приобретает формальный статус «лидера этих лидеров». Согласимся, событие совершенно беспрецедентное, заслуживающее самого пристального внимания и беспристрастного анализа.

Я не могу отнести себя к специалистам по внутреннему механизму функционирования «большой восьмерки», но, как верно заметил один из величайших русских философов (хоть и иронистов) Козьма Прутков, всякий специалист подобен флюсу — суждения его односторонни. А у феномена «Россия — председатель G-8» достаточно интересных и поучительных аспектов, доступных для интерпретации и не с узкопрофессиональных позиций. Этих аспектов столько, что, как всегда, когда многое нужно уложить в малый объем, воспользуюсь жанром тезисов.

1. Начну с персоналий. G-8 — это не только клуб стран-лидеров, но и клуб лидеров стран-лидеров. Президент Путин заступает на свой новый пост (от имени страны, которую возглавляет) на пике своей президентской карьеры, в расцвете политических сил и популярности у населения

645

России, завершив фактически самый успешный год своего президентства, год, принесший России максимум экономического преуспевания, политической стабильности и внешнеполитических достижений за все 14 лет со времен распада СССР. Из всех остальных президентов и премьер-министров, представляющих свои страны в «большой восьмерке», суммой аналогичных достижений в глазах своих наций могут похвастаться немногие.

2. Вместе с тем в прессе и политических кругах западных стран, входящих в G-8, политика президента Путина устойчиво трактуется как авторитарная или близкая к тому, нацеленная на свертывание демократических и рыночных свобод, грешащая неоимпериализмом, поддержкой антизападных и деспотических режимов на постсоветском пространстве и вне его. Не лучший имидж (в данном случае не важно, справедлив он или нет) для председательства в клубе «ведущих рыночных демократий».

3. Эти имиджевые характеристики в совокупности со слабостью российской экономики (во многом преувеличенной) служат предлогом для того, чтобы регулярно ставить под вопрос если не формальное, то по крайней мере моральное и политическое право России вообще и Владимира Путина в частности председательствовать в G-8. Вот барьер, причем очень высокий барьер, который президенту России предстоит в текущем году преодолеть — перепрыгнуть его с легкостью не удастся.

4. Когда-то существовало устойчивое мнение, что «большая семерка» (с названием «большая восьмерка» многие так и не свыклись или не хотят свыкаться) является прообразом будущего мирового правительства или даже фактическим мировым правительством. Особенно ввиду упадка ООН. Теперь ясно, что это не совсем так или совсем не так. По крайней мере потому, что подросли новые экономические гиганты (Китай, Индия, Бразилия), без участия которых мировое правительство не признает таковым половина мира. А также потому, что для легитимации постфактум своей оккупации Ирака США вынуждены были «вернуться» в ООН. И еще потому, что антиамериканизм в мире, особенно в некоторых его регионах, нарастает, а именно США считаются реальным и постоянным председателем G - 7/8, идеологом этого клуба.

646

С учетом этого участие России в данном квазимировом квазиправительстве скорее выгодно остальным членам «восьмерки», чем невыгодно. Более того, в каком-то смысле Россия представляет в G-8, правда, только политически, не только свои интересы, но и интересы всех стран, которые не готовы полностью и всегда идти в фарватере политики Вашингтона. Это выигрышная позиция в положении России внутри «восьмерки».

5. Будущее мироустройство не вполне ясно. Не совсем понятно, какие геополитические амбиции пробудятся в Китае после того, как он окончательно превратится во вторую или даже в первую экономику мира и нарастит свою военную мощь. И в этом смысле присутствие России в «восьмерке» выгодно США и западноевропейским странам не менее, чем самой России. Тем более что однозначно в будущем можно прогнозировать только одно — Вашингтон уже достиг пика своего глобального могущества, и, продлившись еще какое-то время, оно неизбежно будет угасать.

6. Будущее мироустройство не вполне ясно, но подспудно оно уже начинает складываться. И нынешние глобальные игроки, к числу которых, несмотря ни на что, по-прежнему относится Россия, ведут

где традиционно грубую, где изощренно тонкую игру за сохранение своих позиций, по возможности за укрепление их, за право создавать конструкцию будущего мира. Ситуация предельно неясна прежде всего в том, кто и для кого является искренним и могущественным союзником во всех этих интригах. Россия сегодня не мировая сверхдержава, но и, безусловно, не враг никому, а потому как союзник представляет несомненный интерес для всех, кроме тех, кто от рождения угнетен комплексом антирусских фобий.

7. Россия сегодня не мировая сверхдержава, каким был Советский Союз, но по-прежнему одна из глобальных держав, сохранивших многие качества сверхдержавности: гигантскую территорию, громадные природные ресурсы, ядерное оружие, космические технологии, научный потенциал, атомные технологии и энергетические ресурсы, военную промышленность, активно работающую на экспорт, симпатии тех, кто не склонен во всём подчиняться американцам,

647

причем в разных уголках мира, вплоть до Латинской Америки, самовозобновляющийся интеграционный потенциал на постсоветском пространстве, место постоянного члена Совета Безопасности ООН. И во всех этих смыслах Россия — более чем естественный и необходимый член «большой восьмерки».

8. Многие на Западе упорно не признают Россию западной и даже просто европейской страной. Между тем даже с присутствием Японии G-8 — это клуб крупнейших именно западных держав (и демократий). Отсутствие в нем России ослабило бы Запад не столько политически (политически он еще достаточно силен и конкурентоспособен и без России), сколько цивилизационно. По сути Россия — это последний цивилизационный ресурс Запада.

9. Помимо многих вещей, в настоящее время недостающих России для того, чтобы восстановить свой статус одной из глобальных сверхдержав (например, «маленькая экономика», неконвертируемый рубль, слабая банковская система), ей не хватает еще двух важнейших в реалиях глобального рынка и колоссальной международной бюрократии атрибутов сверхдержавности и даже просто державности, которыми, кстати, сегодня располагают многие куда меньшие, чем Россия, страны. А именно: собственных транснациональных корпораций (они есть, например, у Голландии, Финляндии, Швеции) и интегрированных в международный правящий класс элит (не путать с прожигателями в международном масштабе жизни и денег). Именно по этим параметрам Россия безусловно и определено выпадает из ряда других членов «большой восьмерки», даже в сфере сырьевого и энергетического бизнеса, где объективно наши возможности громадны. Усилия администрации Путина, направленные на выращивание собственных ТНК хотя бы из двух-трех российских нефтяных и газовых компаний, в этом смысле можно только приветствовать.

10. Нет, я совершенно не вижу причин для того, чтобы Россия должна была перед кем-либо оправдываться по поводу своей роли председателя «большой восьмерки». Другое дело, что сторонникам «политической дедовщины», которых, как оказывается, немало на Западе, можно откровенно и пу-

648

блично напомнить, что учрежденная ими же G - 7/8 не казарма, а Россия — не новобранец ни в мировой политике, ни даже в мировой экономике, ни тем более в евроатлантической цивилизации.

649

Русская Азия

МОСКОВСКИЕ новости, № 7,03-09.03. 2006

Как известно, довольно устойчивым и распространенным сегодня является мнение, что к середине XXI века центр мировой политики постепенно переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Безусловно являясь азиатско-тихоокеанской супердержавой, Россия столь же безусловно должна обзавестись и самостоятельной внешнеполитической азиатско-тихоокеанской стратегией. Но разговор обо всём АТР и интересах России в нем слишком обширен, чтобы уложить его в одну статью. Поэтому я и хочу сегодня сосредоточиться на специфической части гигантского АТР, непосредственно прилегающей к нынешним границам РФ, части, которую и можно и нужно называть Русской Азией, что, впрочем, не умаляет прав и интересов народов, проживающих на этой территории, и стран, на ней расположенных. Страны эти по преимуществу являются бывшими союзными республиками в составе СССР или частями бывшего Туркестанского края в составе Российской империи.

Прежде чем обратиться к основным стратегическим национальным интересам России в этом регионе, необходимо указать на несколько моментов, характеризующих сегодняшнее, состояние и положение нашей страны как в международном плане вообще, так и в свете актуальной проблематики региона Русской Азии в частности.

Возродив за годы правления Путина значительную часть своей былой внешней и внутренней субъектности, Россия отныне является не

650

просто самым большим осколком бывшей мировой сверхдержавы СССР, не всего лишь одной из региональных сверхдержав Евразии, а (по совокупности характеристик) мировой державой второго ранга, имеющей перспективы возвращения себе и статуса глобальной сверхдержавности в ряду пятёрки, к остальным членам которой относятся США, Китай, ЕС и Индия.

Без России вновь нельзя или, по крайней мере, крайне трудно решить большинство проблем если и

не в мире вообще, то в субрегионе Европа—Азия—Африка определенно.

Судя по всему, России уготована, если она с ней справится, особая роль в бурно развивающемся конфликте христианской и исламской цивилизаций.

Принятая Кремлем доктрина «суверенной демократии» исключает вхождение России в качестве подчиненного члена в какие-либо международные коалиции, а, напротив, предполагает создание собственной коалиции на канонических пространствах своего исторического присутствия и влияния, в том числе и в Центральной Азии.

Нынешние границы Российской Федерации являются неестественными или, во всяком случае, ощущаются таковыми большинством политического класса страны — прежде всего с точки зрения того, что они не обеспечивают достаточный уровень безопасности для России. И эта недостаточность должна быть компенсирована. По крайней мере — прочнейшим военно-политическим союзом с рядом близлежащих стран.

В регионе Центральной Азии по-прежнему наличествует геополитический вакуум, за заполнение которого конкурирует большинство из ныне существующих глобальных игроков. Победа в этой конкуренции любого из них, если это только не будет Россия, очевидно, ухудшит все внешнеполитические позиции (от экономических и демографических до военных) нашей страны не только в этом регионе, но и в целом.

Из этих объективно существующих предпосылок, а также иных объективных и субъективных обстоятельств естественным путем возникает целый ряд стратегических (или, как минимум, оперативных) интересов России в регионе Русской Азии. Я перечислю лишь несколько, на мой взгляд, наиболее очевидных.

651

Восстановление максимального (в современных формах) влияния России на практически всё пространство данного региона с целью прежде всего недопущения доминирования здесь либо какой-либо безответственной политической силы, либо некомпетентных в проблемах данного региона мировых игроков, либо тех, кто доминированием в Центральной Азии попытается нарастить свой глобальный вес ради победы, в том числе и военной, над другими мировыми игроками.

Недопущение внутрирегиональных войн, которые могут дестабилизировать весь этот регион, непосредственно примыкающий к границам РФ.

Недопущение неуправляемого падения существующих в регионе режимов вне зависимости от степени и уровня их демократизма или, напротив, авторитаризма.

Гарантированное соблюдение интересов и прав миллионов русских, проживающих в странах Центральной Азии.

Укрепление экономических позиций России и в перспективе создание здесь рублевой валютной зоны, ибо в ином случае российский рубль не имеет шансов сохраниться как самостоятельная национальная валюта, что приведет к потере страной экономического суверенитета.

Прекращение или хотя бы минимизация наркотрафика из Афганистана, тем более что с этой задачей не справляются США и силы НАТО, осуществляющие оккупацию части афганской территории.

Недопущение переноса очагов межконфессионального и межрелигиозного противостояния в данный регион и прилегающие к нему страны, особенно с учетом опасности либо стремительного вынужденного бегства военных соединений НАТО и США из Афганистана и особенно Ирака, либо, напротив, расширения военной экспансии США в Центральную Азию и близлежащие страны и регионы (например, в Иран или на Кавказ).

Недопущение слома исторически сложившейся, в том числе благодаря присутствию здесь России (как в имперские, так и в советские времена), традиции секулярности политической власти и политических режимов Центральной Азии.

652

Сохранение русского языка как, по крайней мере, одного из главных языков межгосударственного и межнационального общения в регионе. Максимальное участие в регулировании специфических местных проблем и возможных в связи с этим конфликтов, например, проблемы внутрирегионального водного баланса.

Ограничусь этим перечнем стратегических интересов России в регионе Русской Азии, но замечу в конце, что реализация этих интересов:

во-первых, не требует непременно создания единого с Россией государства, включающего не то что все, но даже некоторые страны данного региона, однако не исключает создание такого государства при открыто и демократически проявленной воле народов этих стран;

во-вторых, исключает какую-либо военную экспансию России в страны данного региона, кроме случаев прямой военной экспансии третьих стран или третьих сил в ПА;

в-третьих, предполагает создание и укрепление военно-политического и экономического союзов из стран региона, добровольно принявших решение об участии в таких союзах;

в-четвертых, предполагает активное сопротивление попыткам любых третьих стран нарушить существующий в регионе хрупкий статус-кво, а также возможным попыткам каких-либо стран данного региона использовать третьи страны в целях обрушения этого статус-кво в свою пользу или в пользу любого из мировых игроков, представленных как отдельными государствами, так и неформализованными субъектами мировой политики;

наконец, в-пятых, предполагает теснейшее сотрудничество со всеми субъектами мировой и региональной политики, как конкурирующими с Россией, так и конфликтующими с ней (но не в данном регионе), поддерживающими сложившийся баланс сил в Центральной Азии и к югу и западу от нее, а также учитывающими естественные стратегические интересы России, права и интересы русских граждан стран ЦА и иных народов, оказавшихся в результате распада СССР разделенными, если какая-то из частей этих разделенных народов проживает на территории нынешней России.

653

Всё перечисленное, в конечном итоге, означает, что Москва не только не может позволить себе проявить безответственность и недалекость в своей политике в регионе Русской Азии, но и обязана сопротивляться безответственной политике любых других стран и сил, если данная политика, под какими бы лозунгами она ни проводилась, создает угрозу стабильности, плавной демократизации ЦА и соблюдению стратегических интересов России в данном регионе.

654

Наш домашний «диктатор», или Суверенные неконформисты

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, № 10, 23-30.03. 2006

С одной стороны, довольно забавно наблюдать, как цивилизованный, законопослушный и выступающий за невмешательство во внутренние дела других стран Запад пытается дестабилизировать Белоруссию и раздуть всё так и не раздувающийся пожар антилукашенковской революции в этой суверенной стране.

С другой стороны, это довольно странно. Во Франции второй раз за последние полгода полыхают массовые беспорядки. В США — демонстрации протеста против войны в Ираке, а правительство продолжает ее вести, несмотря на мнение значительной, если не большей, части населения. В Великобритании — коррупционный скандал в правящей партии. Рейтинги президента США и премьер-министра Великобритании пали до минимальных величин (но всё-таки больше, чем результат «лидера белорусской оппозиции» на выборах, если даже умножить последний на три или четыре). Евросоюз только-только выбрался из карикатурного скандала, едва не приведшего к обострению и так непростых отношений Западной Европы с исламским миром. Готовится расчленение Сербии — отделение от нее Косово. Между прочим, несмотря на мнение самих сербов. В цитадели евроатлантической юстиции, Гаагском трибунале, один за другим умирают подсудимые: один кончает жизнь самоубийством, другой — то ли просто умирает от того, что ему не разрешили лечиться (есть, оказывается, суд погуманнее Басманного), то ли, если был здоров, кем-то отравленный. В балтийских странах, членах ЕС и НАТО, по-прежнему поклоняются эсэсовским ле-

655

гионерам и разгоняют демонстрации антифашистов, не числя в гражданах до трети коренных жителей. Еще не до конца высохли чернила на отчетах западных наблюдателей, признавших демократическими и прозрачными выборы в Афганистане и Ираке (между прочим, в условиях оккупации, что само по себе есть бесспорное свидетельство их демократичности). При этом если примерно точно известно, сколько погибло военнослужащих оккупационных американских и европейских войск в Ираке (несколько тысяч), то счет погибших за годы оккупации иракцев ведется приблизительно, на глазок — просто десятками тысяч.

Разве не стоит сначала разобраться хотя бы с частью этих проблем, многие из которых напрямую касаются и собственно демократии, и прав человека (включая права на жизнь), и прав отдельно взятых народов на юридически подведомственных ЕС, США и НАТО территориях, а также на территориях стран, не входящих ни в ЕС, ни в США, ни в НАТО, но самочинно поставленных Брюсселем и Вашингтоном под свою опеку, а уж затем политически «обустраивать» Белоруссию, которая вообще-то об этом никого не просила и явно сама способна справиться со своими проблемами?

С третьей стороны, всё это не только забавно и странно, но и страшно. А вдруг раздуют-таки пожар «революции», несмотря на полную негорючесть материала? Спровоцируют власти (очевидная первая оперативная цель) на насилие, на кровопролитие? Добьются, что в результате пятого или шестого тура «законных и демократических» выборов человек, даже по самым комплиментарным оценкам, буквально высосанным из пальца, представляющий интересы не более четверти населения Беларуси, не имеющий ни малейшего опыта управления страной, не способный без зарубежной помощи вывести на площадь и десять тысяч человек, станет президентом?

Конечно, Беларусь не Франция или Великобритания, не Голландия или Швеция — ее не жалко. Ей можно подsunуть и такого президента — так сказать, президента подавляющего меньшинства. Но всё-таки — гуманно ли это? Демократично ли? Прилично ли, наконец?

Провели «революцию» в Грузии — до сих пор не знают, с учетом на какой уровень коррупции надо субсидировать местную власть, чтобы не рухнула. Провели на Украине — «оранжевые» за год провалились в глазах населения на столь-

656

ко, на сколько ненавистный Кучма проваливался два полных президентских срока. Организовали в Киргизии — получили хаос и потерю контроля центральной власти над значительной частью территории страны. Теперь попробуем, просто в хаос или в настоящую гражданскую войну можно погрузить

Белоруссию, кстати, находящуюся в центре Европы?

Если это ответственная политика, то что же тогда есть абсолютная безответственность? Если это трезвая политика, то что же тогда есть безумие? Если это невмешательство во внутренние дела, то что же тогда вмешательство — операция спецслужб по ликвидации президента чужой страны, не менее?

Я вполне понимаю, что порядки, царящие в Белоруссии, могут кому-то не нравиться, причем не нравиться сильно. Еще лучше я понимаю, что не хочется, чтобы Белоруссия соединилась с Россией (кстати, не факт, что это произойдет). Не грех испытывать эти чувства и иметь такие желания. Но уверен, что и грех, и ошибка, и преступление ради удовлетворения этих своих желаний и минимизации своих отрицательных эмоций бросать на распыл целую страну, к тому же не свою, а чужую. Страну со вполне дееспособной властью, пусть гораздо более авторитарной, чем французская или немецкая. Страну с весьма пристойным уровнем материального благополучия населения. Страну, не покушающуюся на чужие территории, не навязывающую своего образа жизни другим, не устраивающую ни революций, ни контрреволюций, ни госпереворотов в сопредельных государствах.

Грехов у нынешней белорусской власти много. Некоторые из этих грехов просто безобразны. Демократии западноевропейского образца в Белоруссии действительно не построено, да и не видит в этом своей главной цели президент Лукашенко. Последнее, впрочем, не означает, что полуавторитарный лукашенковский режим в сторону всё большего и большего демократизма постепенно не эволюционирует.

Но кто объявил чемпионат мира по скорости внедрения демократии — ООН? Кто сказал, что аутсайдеров этого чемпионата (кстати, разве позади Белоруссии не бегут еще десятки и десятки отстающих?) можно приговаривать к расстрелу? Кто и кому дал право выносить приговор? Приговор, смысл которого в том, чтобы пусть даже ради полноценной демократии уничтожить гражданский мир и спокойствие в целой стране?

Да, Александр Лукашенко не демократ (хотя абсолютное большинство населения Белоруссии на выборах прогало-

657

вало за него — и это есть факт, причем проголосовало добровольно, по собственному желанию). Да, Александр Лукашенко — авторитарный руководитель. Если хотите, я даже готов признать, что Александр Лукашенко — диктатор (хотя, конечно, это большое преувеличение). Но, во-первых, дайте оценить его «диктатуру» самим белорусам — у вас нет права подменять их решение вашим. Во-вторых, большая часть Европы пришла к демократии через диктатуры, одни раньше, другие позже. В-третьих, повторюсь, займитесь своими проблемами — белорусы к вам в подмандатную территорию и колониальный народ не нанимались. В-четвертых, скажу самое крамольное, это наш диктатор. И мы, Россия, его в обиду не дадим. Не ради него, а ради Белоруссии, которая сама с Лукашенко как он того заслуживает разберется. А мы будем помогать. Демократизировать его, корректировать, критиковать (более, чем Лукашенко, российская пресса и российские политики никого из своих реальных союзников не критикуют), уговаривать, готовить ему смену и прочая и прочая.

Но сместить Лукашенко и тем самым свергнуть соседнюю, дружественную и реально союзную нам страну в хаос или гражданскую войну Россия позволить не может. И, конечно, не позволит. И пойдет на самый жесткий конфликт с любой силой, которая попытается вопреки воле самих граждан Белоруссии Александра Лукашенко свергнуть. Свергнуть путем ли классического госпереворота, путем ли квазидемократической псевдореволюции, путем ли спецоперации, путем ли оккупации. Здесь сомнений быть не должно.

Итак, у Александра Лукашенко полно грехов (впрочем, ненамного больше, чем у большинства современных политических лидеров). Но, конечно, он не единственный диктатор в мире, если даже считать его диктатором. Он, безусловно, один из десятков, пожалуй, сотни авторитарных лидеров, возглавляющих сегодня политические режимы разных государств мира. И в этом смысле Александр Лукашенко — фигура отнюдь не эксклюзивная, не экзотическая, не из ряда вон выходящая, не подлежащая каким-то международным и тем более просто иностранным репрессиям. Авторитаризм Александра Лукашенко вполне банален для половины официальных руководителей стран, являющихся членами ООН.

Чем же тогда этот банальный авторитаризм Лукашенко так раздражает Запад и особенно США, которые имеют в друзьях, подручных, союзниках и просто деловых партне-

658

рах куда больших деспотов, диктаторов и автократов? Тем, как я уже отметил, что Лукашенко гипотетически может привести Беларусь к созданию полноценного союзного государства с Россией. Но есть и вторая причина. Беларусь, несмотря на свои небольшие размеры, при Лукашенко демонстрирует максимально возможную для такой страны самостоятельность внутреннего и внешнего поведения. Беларусь при Лукашенко является одной из немногих максимально суверенных не по титулу, а в реальности стран мира.

Страны с таким объемом реально демонстрируемого суверенитета, как Белоруссия, сегодня во всем мире можно пересчитать по пальцам двух рук. Белоруссия сегодня суверенна примерно в той же мере, как США и Китай. Она даже более суверенна, чем Россия, хотя и находится под эгидой суверенитета последней.

Это, конечно, не может не раздражать страну, ощущающую себя хозяином всех остальных стран, а также десятки других, обладающих большей мощью, чем Белоруссия, более демократических внутри себя, но вынужденных прогибаться под тяжелой дланью мирового гегемона. Почему нам нельзя, а Белоруссии можно? Почему мы не смеем, а Минск, а «какой-то там» Лукашенко смеет?

Белоруссия сегодня — это политический нонконформист, политический еретик, политический диссидент. Страна, не желающая подчиняться установленному другими, без учета ее мнения и ее интересов, порядку.

В Европе нас таких, политических нонконформистов и еретиков, осталось всего двое — Россия и Беларусь. И именно поэтому мы, Россия, Беларусь, с Лукашенко или без него, никогда не сдадим. Если только сами граждане Беларуси не откажутся от России. А если сдадим, то предадим и их, и себя.

Когда-нибудь позже я расскажу и о том, что Россия жестко и определенно должна отсечь и отринуть из политики Лукашенко. Но, конечно, не сегодня.

Сегодня добавлю лишь одно. Лично я, в своем нынешнем состоянии и со своими нынешними ощущениями, не хотел бы жить под властью режима Александра Лукашенко. Но еще меньше я хотел бы, чтобы его отправил в отставку кто-либо, кроме большинства самого белорусского общества.

659

Россия — Украина: разорванный договор

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №21, 09-15.06. 2006

Есть факты актуальные. Есть факты исторические. И есть выводы из них. Рассмотрим и то, и другое, и третье по порядку.

Факты актуальные. Полтора года назад в третьем, не предусмотренном конституцией Украины туре выборов, под силовым давлением своих сторонников, при политическом и дипломатическом давлении США и Евросоюза, вопреки воле половины избирателей Украины, живущих прежде всего на востоке и юге этой страны, Виктор Ющенко стал президентом. Всё это было названо демократической революцией.

Менее чем за год своего президентства Виктор Ющенко потерял и ту поддержку, которую на конец 2004 года имел, что было окончательно зафиксировано поражением его партии на парламентских выборах 26 марта с. г., когда ющенковская «Наша Украина» получила лишь третий результат, уступив и «Регионам Украины» Виктора Януковича, и Блоку Юлии Тимошенко, которая, строго говоря, была настоящим лидером «оранжевой революции» и благодаря которой Ющенко получил свой президентский пост.

С начала этого года Украина из президентско-парламентской республики превратилась в парламентско-президентскую. Если и ранее важнейшие решения, особенно внешнеполитические, президент Украины не мог принимать без согласия Верховной рады, то теперь это невозможно в принципе.

За прошедшие после выборов два с половиной месяца политических сил и воли Ющенко не хватило на то, чтобы создать не то что пра-

660

вляющую парламентскую коалицию, но вообще хотя бы какую-то коалицию. Верховная рада собралась лишь на два своих заседания, общий хронометраж которых — менее часа! Конституционный суд не действует. Текущей политикой руководит правительство, дважды отправленное в отставку. Страна находится в глубочайшем внутривластном кризисе, все высшие институты власти, кроме президента (?), либо недееспособны, либо нелегитимны, а сам президент имеет меньшую поддержку населения, чем оба его конкурента.

Украина расколота на две части, причем расколота и политически, и этнически. Карты этих расколов совпадают, что означает только одно — противостояние это фундаментальное, тактическими маневрами (но и на них Ющенко не способен, что доказывается неумением президента создать парламентскую коалицию) его не преодолеть.

Более того, все полтора года своей «плодотворной деятельности» на посту президента Украины, принесших, кстати, ухудшение экономических показателей, Виктор Ющенко этот раскол целенаправленно расширял, доводя до логического конца начатые его предшественниками вытеснение русского языка и вообще дерусификацию жизни и тем более политики на Украине.

В результате Ющенко, как будто сам стремившийся стать президентом лишь половины Украины, то есть Украины только украинской, Украины без русских, оказался президентом без Украины вообще, президентом расщелины между двумя Украинами, у каждой из которых есть свой лидер. Партия Ющенко не может войти в коалицию с лидером западной и отчасти центральной Украины Тимошенко, ибо тогда он будет отодвинут Юлией Владимировной на задворки большой украинской политики. Но Ющенко не решается создать коалицию и с партией лидера юго-востока Украины Януковичем, так как и в этом случае его ждет та же участь. Тут еще нужно отметить, что на парламентскую, а, следовательно, и правительственную коалицию с Януковичем (а это наиболее логично, ибо тогда проблема создания большинства в Верховной раде легко решается) Ющенко, судя по всему, не получил разрешения от тех, вопреки чьей воле он поступить не может, а именно: Вашингтона и Брюсселя (причем Брюсселя не столько как столицы ЕС, сколько как столицы НАТО).

661

И вот, чтобы продлить свое политическое существование, Виктор Ющенко и подотчетные ему и уже дважды отправленные в отставку министры обороны и иностранных дел в качестве компенсации за несогласие сделать премьер-министром Юлию Тимошенко форсируют юридические и практические процедуры вступления Украины в НАТО, а точнее, передачи в пользу НАТО части суверенитета Украины.

При этом законодательство страны четко фиксирует внеблоковый статус Украины и разрешает размещение иностранных войск на ее территории только с согласия Верховной рады.

А вот очень небольшой (он мог бы быть гораздо шире) список фактов исторических.

Выйдя из состава СССР в 1991 году, Украина имела территорию, в четыре-пять раз превышающую ту, с которой она вошла в состав России в 1654 году.

Все эти новые земли были получены Украиной во время ее нахождения в составе Российской империи и СССР исключительно благодаря воле центральных органов власти России. Из-за безответственности российского руководства, желавшего в конце 1991 года побыстрее лишиться власти президента СССР Михаила Горбачева, в составе Украины остались Крым и Севастополь, чего не ожидал и во что первоначально не поверил даже тогдашний украинский президент Леонид Кравчук.

Сразу же после получения независимости киевские власти начали реализовывать полномасштабную и целенаправленную политику дерусификации, в результате которой, помимо прочего, официальная численность русских на Украине снизилась в полтора раза.

В Крыму, на одной из основных русских территорий в составе Украины, киевские власти даже потворствовали развитию крымско-татарского национализма, ибо он, по их мнению, ослаблял пророссийские настроения в Крыму.

Между тем Россия все эти годы (начиная с 1991-го) вела себя крайне ответственно. Будучи способной легко, всего лишь одним официальным заявлением, исходящим из Кремля, дестабилизировать ситуацию и вызвать всплеск мощных сепаратистских настроений в любом из государств СНГ и Балтии, включая (и в первую очередь включая) Украину, Москва этого не делала. Несмотря, кстати, на то, что многие полити-

662

ческие силы как в самой России, так и на Украине этого просили и даже требовали.

При этом руководство России, начиная с 1991 года и до сих пор, ни разу не поднимало ни на официальном, ни на неофициальном уровнях вопрос о разделенности русской нации и не ставило своей целью ни в ближайшее время, ни в исторической перспективе воссоединение этой крупнейшей разделенной нации современной Европы. Хотя от того, что Россия ни эту проблему, ни эту цель не упоминала и не ставила, ни то, ни другое исчезнуть не могло.

Десятки стран и десятки правительств во все времена, в том числе и в новейшее время, вообще закладывали цель воссоединения нации в основу своей политики. Так что поведение России в этом вопросе было скорее исключением, причем благоприятным для Украины, чем правилом.

Почему этот вопрос не ставился? Не только потому, что Россия времен президента Ельцина была ослабленной и во многом проводила политику, противоречащую ее собственным национальным интересам. При Путине Россия резко усилилась, ее внешняя политика стала приобретать черты действительно национальной. Однако и за шесть лет президентства Путина, даже несмотря на явное усиление антироссийской и антирусской составляющих во внешней и внутренней политике Киева как при Кучме, так и особенно при Ющенко, вопрос о разделенности русской нации Москвой ни разу не то что не поднимался, но даже и просто упомянут не был. Так почему же?

На мой взгляд, дело не в том, что этот вопрос Москву не волнует. И тем более не в том, что он не существует. И не в том, что Россия не собирается его решать.

Дело в том, что до сих пор Россия считала этот вопрос решенным. Пусть не лучшим, но всё-таки более или менее приемлемым образом. Решенным в том смысле, что дружественной Украине и братскому украинскому народу Россия согласилась передать суверенитет над историческими русскими землями, никогда до вхождения в состав России Украине не принадлежавшими, и над частью русской нации. В рамках СНГ, при безвизовом пересечении границ, при невхождении Украины в какие-либо военные союзы не с Россией (типа НАТО) и межгосударственные образования (типа ЕС), при условии неразмещения на территории Украины ино-

663

странных военных баз, при, наконец, развитии интеграционных связей между двумя странами. При соблюдении этих условий Москва даже была готова (что, к сожалению, и делала) закрывать глаза на нарушение прав русских и русскоязычных на Украине, оправдывая эти нарушения неизбежными издержками становления молодого украинского государства. Кстати, последнему, а именно тому, что Москва на все эти безобразия глаза закрывала, способствовала и определенная пассивность самого русского населения Украины, его неспособность (или нежелание?) жесткими политическими методами собственные интересы отстаивать.

Последняя предвыборная кампания на Украине и совсем свежие события, связанные с массовыми и активными протестами русских жителей Крыма против десантирования на полуостров американских военных и американской военной техники, показывают, что период этого пассивного непротивления злу завершился.

Но вернусь к фундаментальной проблеме исторического согласия России считать вопрос о разделенности русской нации решенным. Это согласие, как я отметил выше, не было безусловным. Напротив, соблюдение соответствующих условий было и остается единственной гарантией того, что Москва не изменит свой взгляд на этот вопрос.

И что же мы имеем? Власти Украины вопреки воле русских граждан этой страны (да и вопреки воле вообще большинства населения, что показывают все опросы) хотят передать добровольно уступленный Украине Россией суверенитет над русскими землями в составе Украины и русскими гражданами Украины Вашингтону или Брюсселю, НАТО или ЕС. Именно это и делают, причем игнорируя законы самой

Украины, ее нынешний президент и назначенные им министры.

Таким образом, неписанный, но оттого не менее фундаментальный исторический договор между Москвой и Киевом можно считать разорванным по инициативе и реальными действиями украинской стороны, а конкретно: президента Ющенко и его министров Тарасюка (МИД) и Гриценко (МО). А до того этот договор опять же украинской стороной многократно нарушался.

За отказом от выполнения договора одной из сторон с неизбежностью должны последовать действия другой стороны

664

по защите своих национальных интересов, соблюдение которых в какой-то степени гарантировалось этим договором.

Это факты исторические. А теперь выводы. Их совсем мало, и они более чем очевидны.

Русское население Украины перешло к активному сопротивлению той линии нынешнего киевского руководства, которая явственно ведет к форсированной передаче суверенитета над русскими территориями в составе Украины под суверенитет иностранных государств.

Нет никаких признаков того, что украинское руководство при президенте Ющенко приостановит реализацию этой линии. Более того, складывается впечатление, что президент Ющенко имеет перед кем-то обязательства довести ее до точки невозврата за тот недолгий срок, который ему осталось возглавлять украинское государство.

Следовательно, становится очевидным, что официальный Киев, вопреки мнению большинства населения Украины и точно — вопреки мнению русских граждан Украины, разорвал негласный договор с Россией о добровольной передаче последней русских земель в составе Украины под суверенитет украинского государства.

В связи с этим Россия обязана поставить официально и публично вопрос о разделенности русской нации перед мировым сообществом и конкретно перед Украиной, перед нашими партнерами и союзниками, а главное, внести этот вопрос в качестве приоритетного в повестку дня своей политики в ее тактических, оперативных и стратегических составляющих.

А далее — пусть делают выводы народы Украины, и украинский, и русский, и остальные, пусть делают выводы и ее политики.

665

Москве пора дать ответ Абхазии, Южной Осетии и Приднестровью

МОСКОВСКИЕ новости, №40, 20-26.10.2006

Народы Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, не без поддержки России, но главным образом благодаря собственной политической воле вот уже 15 лет сохраняют и совершенствуют свою не признанную пока никем независимость.

Обстоятельства обретения этой независимости хорошо известны — перечислять их не буду.

Так же хорошо известно, что в последние месяцы политическая, а отчасти и военная ситуация вокруг этих трех непризнанных государств обострилась. И это обострение, а также ряд других факторов, которых сейчас я тоже касаться не буду, заставляют Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье ставить сегодня перед Россией вопрос о признании их независимости открыто, громко и без учета каких-либо дипломатических условностей.

Политические элиты всех трех государств прекрасно понимают, что, идя на это, они создают большие трудности Москве, которая предпочла бы протянуть нынешний статус-кво еще на несколько лет, дабы дожидаться более благоприятного момента для принятия решения. Например, момента фактического отчленения решением США, НАТО и Евросоюза Косово от Сербии.

В этом месте можно, конечно, порассуждать о том, по какому моральному, историческому или собственно юридическому праву США, НАТО и ЕС, презентующие себя миру оплотами демократии и справедливости, расчленяют независимое государство Сербия, чужую территорию, а, на-

666

пример, не территорию государств, входящих в эти блоки и империи, — Франции (Корсика), Испании (Баскония), Великобритания (Северная Ирландия). Но делать это бессмысленно, ибо главный ответ ясен: по собственной прихоти и по праву сильного; затем, чтобы окончательно подчинить своей воле последний потенциальный (уже даже не реальный) оплот сопротивления западной экспансии на Балканах, последний очаг потенциальной политической независимости и последнего потенциального союзника России на этом полуострове. Всё здесь настолько ясно и настолько империалистически эгоистично, что даже участвовать в дискуссиях с западниками по поводу Косово постыдно.

Поэтому ссылаться на то, что Запад неминуемо сделает с Косово, в качестве прецедента для определения судеб Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, на мой взгляд, и бесперспективно, и бессмысленно, и просто ниже своего достоинства (хотя дипломатические резоны в фиксации такого прецедента, безусловно, наличествуют). Россия сегодня уже достаточно вновь (после провала 90-х) сильна, чтобы принять ясное и определенное официальное решение по вопросу о независимости трех дружественных себе государств и их народов безотносительно к какому-либо прецеденту. Более того, именно готовность и способность России принять такое решение послужит для всех окружающих и для нее самой (что еще важнее) доказательством того, что наша страна вновь обрела минимально необходимый для ее нормального существования и дальнейшего развития внутренний и внешний суверенитет. Я уже не

говорю о том, что такое решение, будучи выраженным в ясной и официальной форме, определит наконец судьбу народов, которые именно от России ждут смелого и ответственного ответа на главный для себя вопрос. Ибо ни от кого другого такого ответа им ждать не приходится.

Если Россия скажет «да», то вслед за этим рано или поздно дадут положительный ответ и другие. Если Россия своего «да» произнести не осмелится, то этим маленьким народам более надеяться не на кого. Кроме, конечно, как на самих себя.

Все дипломатические проблемы и имиджевые потери (прежде всего на Западе, но не только), которые вызовет признание Москвой независимости Абхазии, Южной Осетии

667

и Приднестровья, очевидны и предсказуемы. Первым, конечно, всплывет жупел «русского империализма и реваншизма». Но разве сейчас этот жупел убран в запасники тайной и явной дипломатии Запада? А ведь будут и фундаментальные позитивные последствия официального признания Россией того, что от нее ждут, причем далеко не только народы этих трех государств. Впрочем, об этих позитивных последствиях как-нибудь в другой раз. Сейчас — о главном, а именно о том, как, когда и в какой конкретной форме нужно ответить на обращение народов и парламентов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья.

Как известно, главной юридической проблемой в данном вопросе является то, что в свое время Москва официально признала территориальную целостность Грузии и Молдовы в границах, очерченных для этих когда-то союзных республик в составе СССР верховной властью Советского Союза. В дальнейшем Россия многократно, хотя и не излишне часто, подтверждала эту позицию.

Отказаться от нее сейчас, после того как пятнадцать лет подряд Москва вынуждена была эту позицию подтверждать (даже несмотря на то, что никакой территориальной целостности Грузии и Молдовы в реальности не наблюдалось), представляется затруднительным в формально-дипломатическом плане. И хотя сущностно никаких затруднений для признания белого белым или того, что с восходом солнца завершается ночь и начинается утро, нет, дипломатические проблемы надо минимизировать. И это, на мой взгляд, можно сделать. А для этого российский парламент должен принять, а российский президент подписать закон следующего содержания (принципиальные позиции, без технических деталей):

1. Россия обязуется в неотложном порядке (указывается точный срок) подготовить все необходимые документы для официального признания государственной независимости Абхазии, Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республики в их нынешних границах.

2. Время признания независимости данных государств Россией откладывается до того момента, пока в результате переговоров между данными государствами и Республикой Грузия и Республикой Молдова путем взаимных уступок стороны не достигнут ясно и демократически выраженного с обеих сто-

668

рон официального отказа Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья от просьбы о признании их независимости. В этом случае вопрос о признании отпадет сам собой.

3. Если же такие переговоры из-за нежелания какой-либо из сторон проводиться не будут или, состоявшись, не приведут в течение 6 месяцев к удовлетворяющему обе стороны компромиссу, Россия признает государственную независимость Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья.

4. В случае, если Грузия начнет военные действия на территории или против населения Абхазии и Южной Осетии, а Молдавия — на территории или против населения Приднестровья, Россия моментально признает независимость этих государств.

5. Аналогичным образом поступит Россия и в случае начала военных действий на территории или против населения Абхазии, Южной Осетии или Приднестровья со стороны любых других стран.

6. В качестве компромисса Россия предлагает Грузии и Молдове добровольно признать независимость Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в границах их территорий. Со своей стороны в качестве жеста доброй воли Россия обязуется в этом случае выплатить Грузии и Молдове для покрытия расходов на обустройство соответствующих границ по 1 миллиарду долларов за каждый случай официального признания независимости данных государств.

Возможно, требует уточнения (продления) срок проведения новых переговоров, но, конечно, он не может быть неразумно длинным или вообще бесконечным.

Время пришло — Россия способна и должна дать ясный официальный ответ на вопрос, стоящий в ее повестке дня вот уже 15 лет. Для того чтобы тянуть двусмысленность положения с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем далее, вновь ограничиваясь обтекаемыми заявлениями Госдумы и пустопорожними резолюциями, не осталось никаких резонов. Моральных в том числе.

669

Встречи в верхах и низкие истины

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №46, 01-07.11. 2006

Одно из самых популярных словечек последних дней — саммит. Первоначальное английское «верх», «вершина» со временем стало означать встречу глав государств или правительств, или просто встречу в верхах. В этом значении слово «саммит» и вошло в русский язык еще в советскую эпоху.

Так вот, в последние семь дней в Европе саммит на саммите сидел и саммитом погонял. Сначала встреча в Хельсинки лидеров Евросоюза и России. Затем практически одновременно — саммиты СНГ в Минске и НАТО в Риге. Такая саммитовая (верхушечная) активность неизбежно привлекает внимание и к

самим мероприятиям, и к субъектам этой активности. (Кстати, прямо накануне этих трех, извините за монотонность, саммитов была еще встреча в верхах в рамках организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Ханое, но ею как не имеющей прямого отношения к европейским делам можно пренебречь.)

Что это за субъекты? США, НАТО, Евросоюз, СНГ и Россия — меня, естественно, интересуют не персоналии, а те, кого они представляют, то есть собственно субъекты международной активности, а главное, особенности их сегодняшних взаимоотношений друг с другом, то есть «низкие истины» реальной политики.

Сразу заметим, что в данном списке представлены как организации (союзы государств), так и отдельные страны, а именно и только США и Россия. И это не случайно. Просто как США, так и Россия (благодаря мегадержавности первых и

670

несмотря на неполную сверхдержавность второй) примерно равны по потенциалу своего международного влияния целым межгосударственным образованиям, даже тем, в которые они формально входят. Это принципиальная и фундаментальная константа современной международной политики.

США: КОМПЛЕКС ГЕГЕМОФИЛИИ

США любят гегемонизм, но, естественно, только свой. Однако эта любовь зла, ибо гегемонизм — бремя не только для тех, кто под контролем или влиянием гегемона находится, но и для самого гегемона. Русской политике это известно хорошо и давно: тяжела ты, шапка Мономаха, — сказано было задолго до создания США. Вашингтон усваивает эту премудрость только сейчас.

Взявшись контролировать всё и вся на Земле — и мир, и войны, и стабильность, и хаос, и береговую линию восточной Балтики, и нефтеносный Ирак, американцы очень скоро почувствовали, что сил на всё даже у них, оказывается, не хватает.

Открытие, достойное увенчания Нобелевской премией мира, но, как мне кажется, никто из вершителей нынешней американской политики на нее претендовать не будет. Возможно, потому, что слишком легко обнаружить имена тех, кто предупреждал об этом Вашингтон несколько раньше, чем данная формула была выведена самими американскими политическими алхимиками.

Короче говоря, теперь США уговаривают своих западноевропейских союзников подбросить солдат в Афганистан и не убегать так стремительно из Ирака. Западные европейцы, немного стыдясь того, что не откликаются на просьбу оказавшихся в трудном положении американцев, которые как-никак целых полвека прикрывали своим ядерным зонтиком и натуральными солдатскими телами Западную Европу от «злой» коммунистической России, тем не менее стоят до последнего.

Более сговорчивы натовские новобранцы: то одна страна добавит роту велосипедистов, то другая эскадрон легкой кавалерии. Но им деваться некуда — одной независимостью сыт не будешь. Да и сладость имперских походов хочется вкусить.

671

Американцы же, видимо, не слишком веря в атлантическую солидарность и в знания афганской местности польскими и латышскими горными стрелками, активнее заговорили о ценности отношений с Россией. Подождем, что будет дальше.

«ЕВРОПА» (НАТО - ЕВРОСОЮЗ): ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖАДНОСТЬ, «ЕВРОПЕЙСКАЯ» ФАНАБЕРИЯ И ПРИВЫЧКА К ГЕДОНИЗМУ

Если отбросить нюансы, то Евросоюз и НАТО можно рассматривать как единое целое. К одному из нюансов можно в данном случае отнести и то, что США в НАТО входят.

Когда распался СССР, Евросоюз с НАТО решили утилизировать всё, что вышло из-под контроля России. Рушит это хорошо сбалансированную на тот момент архитектуру этих организаций или нет, в расчет не принималось. Главное, то, что выпало из рук русских, надо забрать. Впрочем, западноевропейцев, которые называют себя европейцами, можно понять: на этом принципе их внешняя политика строилась веками — грех было не воспользоваться случаем.

Всё бы было хорошо (или не очень, но геополитическая алчность сильнее здравого смысла), да американцы залезли сначала в Афганистан, а потом и в Ирак. И напомнили младшим партнерам об атлантической солидарности, которая действительно порой довольно живо проявляет себя: когда, например, расчленили Югославию, затем бомбили Сербию (гуманитарными, согласно европейской просвещенческой традиции, бомбардировками), затем опять членили — теперь уже только Сербию.

Но Афганистан и Ирак оказались не Югославией. Тут нужно было воевать всерьез. А западноевропейцы за пять последних десятилетий привыкли жить в комфорте и мире, в условиях массового потребления, в рассуждениях об общечеловеческих ценностях. Словом, в мире гедонизма. Всерьез воевать не хотелось.

Кроме того, западноевропейцы (простите, европейцы) считают себя умнее всех остальных, даже и американцев (которые, в свою очередь, считают себя умнее всех остальных, но именно в этом пункте западноевропейцы с Вашингтоном не согласны), и уж точно умнее всех остальных неевропейцев, к которым относятся все, кто не живет в Европе, а также

672

те, кто в Европе живет, но всё равно не являются европейцами. В первую очередь это, конечно, русские.

Геополитическая жадность «европейцев», помноженная на их фанатерию и привычку к гедонизму, и привела к тому, что они стали наступать не на территории своих потенциальных противников, а на сферы влияния и даже территории своего единственного реального и естественного союзника, то есть России. Ведь так легко было защищать свой гедонизм — без крови и пота.

Теперь, когда американцы настойчиво (но без особой надежды) напоминают Брюсселю, Парижу и Берлину об атлантической солидарности и требуют посылки не только латышских, но и, например, немецких стрелков в Афганистан, «Европа» начала зондировать почву в Москве: а не возьмет ли теперь Россия с некоторыми своими союзниками ответственность за стабилизацию Афганистана.

То есть, не взяв еще у американцев всю полноту этой ответственности, привыкшая к материальному и гуманитарному комфорту «Европа» сразу пытается спихнуть эту ответственность на Россию. При этом «Европа» продолжает считать русских неевропейцами, продолжает осуждать «советскую агрессию в Афганистан», ставит Москве условия, как та должна распоряжаться своим газом и своими трубопроводами, ужасается от энергетической зависимости от России, прикладывает все силы к тому, чтобы Германия и Россия не образовали энергетический коммерческий союз (не закончилась, знать, и внутренняя западноевропейская политическая борьба), продолжает разрывать постсоветское пространство и не устает клеймить Москву за ее имперские (реваншистские) амбиции, авторитаризм, недемократизм и всё то, за что всегда клеймила Россию. Единственная новация здесь — разделение ролей: белой демагогией о стратегическом партнерстве с Россией занимаются лидеры Западной Европы, а грязная работа по разоблачению России поручена (или дозволена) официальным лицам и политикам восточных провинций ЕС и НАТО.

Будь моя воля, я давно бы проверил искренность «Европы», предложив НАТО заключить с Россией или с ОДКБ (Организацией Договора о коллективной безопасности) договор о стратегическом и полномасштабном военном союзе, предполагающем, что обе организации являются военными

673

гарантами безопасности границ друг друга. Чтобы в случае нападения, например, на русский Дальний Восток НАТО бросило на его защиту и свои войска, а мы, русские, в случае чего защитили бы пляжи и курорты европейского Средиземноморья.

Хотелось бы мне послушать, какие объяснения приведет Брюссель, отказываясь (а иного быть не может) от этого предложения.

Не понимаю, почему Кремль не делает такого предложения. Может быть, ждет, когда число избирателей-мусульман в странах Евросоюза вырастет процентов до тридцати?

СНГ: ЭГОИЗМ ЭЛИТ

К своему 15-летию СНГ пришлось многократно обсмеянным и даже оплеванным, однако обе свои миссии исполнившим. Цивилизационно постсоветское пространство сохранено. Центробежные тенденции максимально ослабили, центростремительные — максимально возможно возросли.

При этом надо учитывать и еще три фактора. Первый: почти повсеместное разочарование в когда-то непоколебимом, несмотря на предупреждения Ильфа и Петрова, догмате «Запад нам поможет, причем безвозмездно». Второй: Россия свела свое экономическое донорство по отношению к независимым от нее республикам до более или менее разумного минимума. Третий: Россия окрепла и даже вернула себе статус сверхдержавы, причем не регионального, как многие хотели, а по крайней мере полуглобального масштаба.

И хотя вновь ясно, что в Европе теперь существуют только два геополитических субъекта и только два субъекта собственно европейской политики — Евросоюз — НАТО и Россия, а следовательно, на востоке Европы единственным союзообразующим центром является Москва (а не Киев или Варшава), эгоизм постсоветских элит (в том числе и российских) не позволяет стремительно (но при этом — умно) воссоздать Российский, или, если это приятнее для уха и глаза, Восточноевропейский союз.

То, что такой союз рано или поздно вновь возникнет (собственно, эмбрионально он уже возник — и как раз в лоне СНГ), сомнения у меня нет. Надеюсь, раньше, чем лопнет раздувшийся до неуправляемости и потерявший свою цивили-

674

лизационную идентичность Евросоюз. Последнего мы, русские и так сказать европейские неевропейцы, не желаем. Ибо, во-первых, не видим ничего хорошего в том, что к бардаку, наблюдающемуся на восточноевропейском пространстве, добавится еще и бардак на пространстве западноевропейском. Во-вторых, потому что на желаем смерти европейской цивилизации, естественной частью которой являемся, то есть нашей цивилизации. Да и в очередной раз спасать своими ресурсами и своими жизнями Западную Европу не хотелось бы. Мы ведь тоже вступили в общество массового потребления и даже равнодушны к общечеловеческим ценностям, а значит — вполне приобщились к европейскому гедонизму и эгоизму.

РОССИЯ: ИМПЕРАТИВ ВЫЖИДАНИЯ

Перед лицом естественных и неестественных заблуждений и колебаний, а также игры эгоистических инстинктов и амбиций США, Евросоюза, НАТО и СНГ (без России) самой России остается только одно — выжидать. Чем она в последнее время не без успеха и занимается, параллельно наращивая свою мощь, решая свои внутренние проблемы, в том числе главную из них — демографическую.

Ждать, ждать и еще раз ждать — вот он, императив российской внешней политики сегодня. Это подтвердила и прошедшая саммитовая неделя, в рамках которой Путин в целом эту линию выдержал.

675

Диссидент Путин

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №6, 16-22.02. 2007

Мюнхенская речь Владимира Путина вызвала интеллектуальное и политическое сотрясение застойного болота правящего класса Запада. Почему? Ведь действительно Путин не сказал ничего нового в сравнении с тем, что почти весь прошлый год говорил он сам (начиная, по крайней мере, с экспромта о «товарище Волке, который кушает и никого не слушает» в прошлогоднем президентском послании), и того, что так или иначе обсуждается интеллектуальным классом Запада.

Может быть, дело в том, что Путин, соблюдая драматургическое единство места и времени, сконцентрировал весь набор своих мыслей и суждений по поводу лицемерия и безумства «товарища Волка» в одном тексте и произнесенного не с кремлевской кафедры перед собственным аппаратом, а с мюнхенской колокольни перед сливками сливок как раз самого западного правящего класса? И — публично!

Да, конечно. Одно дело — вяло и время от времени отбихиваться от западных обвинений и поучений, а другое дело — бросить прямо в лицо правящей элите «золотого миллиарда» «железный стих, облитый горечью и злостью». (Между прочим, отмечу, что мюнхенское выступление Путина было предельно ритмизировано и по литературной форме является свободным стихом, наиболее пригодным для публичной декламации, для публичной проповеди и отповеди.) Так говорят еретики и диссиденты, революционеры и миссионеры.

676

Но главное всё-таки не в этом. В наш век всепубличной гласности мир слышал и не такое. Но помимо этой гласности есть еще и законы политкорректности, особенно номенклатурной политкорректности (разумеется, я имею в виду Номенклатуру глобального правящего класса, Номенклатуру свободного западного мира). А эта политкорректность есть абсолютная копия советской публичной однопартийной риторики.

Путин допущен и официально кооптирован в Политбюро Центрального Комитета Партии глобальной власти. В своем кругу, на закрытых заседаниях этого Политбюро (встречи «Большой восьмерки», например), он может говорить своим коллегам по высшему, хоть и не конституционному, органу власти, почти что угодно: указывая им на допущенные перегибы и мелкие недостатки в работе. Но публично, на весь народ, обвинять товарищей по ПБ в проведении неправильной политической линии — это уже вызов Системе, злобное диссидентство, недопустимое инакомыслие, от которого шаг до недопустимого инакодействия. А ведь он не человек с площади, не какой-нибудь «литературный власовец» или попавший под влияние жены «политически незрелый физик», а «наш человек». Мы ему доверяли, а он, оказывается, находясь на высших партийных постах за спиной партии готовил нож, чтобы воткнуть его в спину этой партии, ее демократическому ЦК, ее бушевскому Политбюро!

И ладно бы он еще был самым старым членом нашего Политбюро, имел бы такие же заслуги перед всепобеждающим учением демократизма-либерализма, как остальные проверенные и показавшие себя в боях за демократию на фронтах глобальной войны члены нашего руководства! Нет, он всего лишь руководитель огромной, но провинции Западного (да и Западного ли до конца, еще не ясно) мира, совсем недавно и во многом авансом принятый в наши ряды. Надо бы сидеть скромно, учиться у старших товарищей, работать в русле их проверенных теорией и временем идей.

Решение Политбюро относительно поведения товарища Путина непременно должно состояться. Конечно, лучше было бы распустить всю партийную организацию, которую он возглавляет, но такое в настоящий исторический момент вряд ли возможно (реплика одного из членов ПБ: «В 90-е годы надо было это делать, сейчас уже поздно!»). Поэтому на-

до вывести товарища Путина из состава Политбюро и снять его с поста руководителя российской партийной организации. Кстати, у них там скоро и очередная отчетно-выборная конференция (реплика: «Только через год! Надо бы раньше решить этот вопрос. А то он еще много дров наломает!») Реплика председательствующего: «Подумаем. Посоветуемся с товарищами из органов — что у них там есть на товарища Путина»).

Вот такая банальная и хорошо нам знакомая политическая коллизия.

678

Зачем Россия остаётся в ОБСЕ?

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, № 18, 11-17.05. 2007

В первый день августа 1975 года в Хельсинки, что не случайно — Финляндия тогда была по сути нейтральной страной, не входила ни в какие военно-политические блоки и, оставаясь, как тогда выражались, вполне капиталистической, имела очень хорошие отношения с СССР, — состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В нём приняли участие лидеры всех, кроме Албании, европейских государств, а также президент США и премьер-министр Канады.

Последний факт демонстрирует то, что смысл этого исторически беспрецедентного и — по названию — исключительно европейского форума состоял не просто в урегулировании многочисленных проблем Старого Света, а в историческом компромиссе между Западом и Востоком (тогда в политическом языке это слово обозначало страны так называемого социалистического лагеря во главе с Советским

Союзом), а в более узком смысле — между двумя глобальными сверхдержавами СССР и США. Без США — ведущей во всех смыслах, и прежде всего в военно-политическом смысле, страны Запада — такой компромисс был бы не возможен. Поэтому именно США, формально не являющиеся европейским государством, но через блок НАТО обеспечивавшие военную безопасность западноевропейских стран, и СССР — лидер блока восточноевропейских (социалистических) государств, в свою очередь, через Организацию Варшавского договора (ОВД) обеспечивавший военную безопасность своих союзников, стали инициаторами проведения СБСЕ, и основными разработчиками концепции

679

Заключительного акта — главного документа Общеευропейского совещания в Хельсинки.

В чём суть этой концепции? В историческом компромиссе между Западом и Востоком в целом и в частности — в окончательном, как тогда думали, по крайней мере в Москве, закреплении итогов Второй мировой войны на территории Европы.

В ЧЁМ СУТЬ ЭТОГО КОМПРОМИССА ?

Во-первых, в признании обеими сторонами, то есть и Западом, и Востоком, факта сложившейся на тот момент разделённости Европы на две политические группировки стран, контролируемые соответственно США и Советским Союзом, и — главное — в фиксации соответствующих зон политической и военной ответственности и влияния Вашингтона и Москвы.

Во-вторых, компромисс состоял в том, что стороны отказывались от дальнейшего наращивания военных сил и вооружений в обеих частях Европы с целью снижения вероятности возникновения новой войны, а также намеревались расширить экономическое и гуманитарное сотрудничество друг с другом, имея в виду, по крайней мере как цель и идеал, постепенное строительство «общеευропейского дома». Словом, Запад и Восток попытались радикально поменять парадигму своих отношений — перейти от жесткого идеологического и военно-политического противостояния к хотя бы экономическому и гуманитарному сотрудничеству.

В-третьих, компромисс предполагал признание обеими сторонами всех существующих на тот момент границ в Европе, в том числе и тех, которые до того кем-либо не признавались. В частности, это означало признание Западом правомочности существования двух немецких государств — ФРГ и ГДР, разделённых не только границей, но и тем, что они входили в разные военно-политические блоки и контролировались разными, конкурирующими друг с другом сверхдержавами. Подписав Заклучительный акт совещания в Хельсинки, США также признали юрисдикцию СССР над Эстонией, Литвой и Латвией, чего они избегали делать в предшествующие десятилетия.

680

В-чтвёртых, компромисс прямо фиксировал в документе не только принцип нерушимости границ и территориальной целостности, но и принцип невмешательства во внутренние дела других стран, то есть фактически невмешательства одного военно-политического блока во внутренние дела стран, входящих в другой блок.

Разумеется, не всё, что я сейчас описал, имеет прямое отражение в Заклучительном акте. Все внешние приличия были соблюдены — ни США, ни Советский Союз не отмечены в этом документе особо. Все участники совещания в Хельсинки ставили свои подписи под финальным документом в качестве лидеров суверенных и равноправных государств. Но конкретный исторический контекст, в рамках которого готовилось и проходило совещание в Хельсинки, позволяет легко восстановить то, что впрямую в Заклучительном акте не зафиксировано.

И вообще Заклучительный акт — уникальный документ, в некотором смысле — дипломатический шедевр периода разрядки, сменившей эпоху холодной войны в момент её высочайшего накала. Вчитайтесь в этот фактически отвергнутый сегодня политиками и забытый широкой публикой документ — и вы согласитесь со мной.

Я не буду сейчас разбирать, насколько искренними были взаимные обязательства всех тех, кто поставил свои подписи под хельсинкским документом, и насколько последующие действия тех или иных участников СБСЕ соответствовали духу и букве этих договорённостей. Важны два момента: по сути договорённости были такими, как я их описал, то есть ценность СБСЕ для всех его участников, включая Россию (называвшуюся тогда СССР), именно в этом; в целом до роспуска военной Организации Варшавского договора (февраль 1990 г.) и СССР (декабрь 1991 г.) эти договорённости обеими сторонами соблюдались.

А теперь взглянем на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), созданную в 1994 году на основе СБСЕ вроде бы в развитие заложенных ещё в Хельсинки принципов. И что же мы увидим?

Первое. Очевидно нарушена основополагающая конструкция — нет двух военно-политических блоков и двух сверхдержав, их контролирующих. Точнее говоря — один блок, а именно НАТО, остался. И США по-прежнему играют в нём

681

главную роль. А вот ОВД самораспустился, Россия не контролирует ни одно из тех государств, которые на момент подписания документа в Хельсинки входили в зону влияния и ответственности СССР. Более того, эти государства, вступив в НАТО, чему Североатлантический (устаревшее определение) альянс активно способствовал, попали в сферу влияния и под прямой военный контроль США. Паритет силы и ответственности, на основе которого и родилось СБСЕ, исчез. Напротив — возник диспаритет, причем в

ущерб одной из сторон, без которой никакого СБСЕ в принципе состояться не могло бы. И эта сторона — Россия.

Второе. Принцип нерушимости границ и территориальной целостности, прямо зафиксированный в Заключительном акте, порушен многократно, масштабно и радикально. Распался СССР, распалась Югославия, причём её основу — Сербию — США и Евросоюз пытаются расчленить и сегодня (что, в случае успеха этой операции, приведёт к увеличению территории Албании), вместо Чехословакии возникли два отдельных государства. Германия, напротив, воссоединилась, то есть один подписант Заключительного акта, влившись в другого, просто исчез.

И теперь принцип нерушимости границ — после того как он неоднократно нарушался в отношении одних стран, вновь пытаются возвести в догму (когда территории изменились так, как хотелось Западу), но вновь избирательно — Косово от Сербии почему-то отделиться можно, а Абхазии от Грузии, например, нельзя.

Третье. Принцип невмешательства во внутренние дела других государств существует лишь на бумаге, а США фактически открыто провозгласили вмешательство в дела других государств основой своей внешней политики.

НАТО провела в 1999 году прямую военную атаку на Югославию. Кроме того, НАТО осуществляет перманентную территориальную экспансию на восток, включая в свой состав всё новые и новые государства. В том числе и те, что ранее состояли в СССР, то есть в России.

Четвёртое. Можно признать, что лишь угроза военного конфликта между Западом и Востоком Европы, против чего, безусловно, были направлены хельсинкские договорённости, снята с повестки дня. Но, во-первых, точно не в результате сохранения конструкции СБСЕ— ОБСЕ. А во-вторых,

682

не забудем, что НАТО всё-таки провело войну против Югославии — в Европе, вне своей территории и не в результате нападения на одну из стран, входящих в этот блок. Так что и в этом благополучном пункте Западом нарушен один из фундаментальных принципов Хельсинки.

Пятое. В своих *«Записках о Евросоюзах»* я уже писал, что ОБСЕ является одной из организаций, посредством которых Евросоюз фактически распространил свою юрисдикцию (не полностью, разумеется, а в некоторых сферах) на страны, в ЕС не входящие. В том числе и на Россию. Между тем хельсинкские договорённости исключали это абсолютно. То, что это произошло по согласию самой России (точнее, её руководства 90-х годов), дела не меняет.

Так же, как не меняет дела и то, что с конца 80-х годов на территории Европы развивались такие исторические процессы, сдерживать которые не могли никакие формальные договоры и неформальные договорённости. Ход этих процессов, пересмотреть которые невозможно, однако, тем более подтверждает идею, в правильности которой я глубоко уверен: и формально (это я пытался показать выше), и неформально (в силу исторических трансформаций) членство России в нынешней ОБСЕ является логическим и сущностным нонсенсом. Россия (под названием СССР) была инициатором и одним из двух главных столпов совсем другой организации.

Организации, которая, во-первых, обеспечивала её, России, стратегический контроль над половиной Европы (право на это она получила в результате разгрома фашистской Германии и её сателлитов); во-вторых, организации, которая распространяла своё влияние и на восток, и на запад Европы, а не только в одном направлении, причём именно в том, которое менее всего выгодно России; в-третьих, служила сотрудничеству западноевропейских и восточноевропейских, включая саму Россию, государств, а не контролю одних над другими, тем более не чьему-либо контролю над Россией.

А нынешнее представительство дипломатов и экспертов из России в аппарате ОБСЕ и её миссий не просто смехотворно — оно унижительно и прямо дискриминационно. Как можно это терпеть, просто непонятно.

Коротко говоря, нынешняя ОБСЕ по отношению к России (и многим другим странам, в первую очередь на постсовет-

683

ском пространстве) выродилась в прямо противоположное тому, чем в 1975 году стало СБСЕ. И такое вырождение не должно не иметь последствий.

Сегодняшнее руководство России по отношению к ОБСЕ придерживается такого мнения: пользы от членства в этой организации для России нет, но вред от выхода из неё будет больше, чем продолжение членства. Кроме того, Москва надеется так перестроить работу ОБСЕ, чтобы свернуть её односторонность (в том числе и географическую, а точнее, политическую) и развернуть потенциал универсальности. Всё это представляется чистой утопией. Никакого потенциала универсальности у ОБСЕ давно нет в принципе. Доказательств тому много, и частично они мною уже приведены. Но вот ещё один конкретный пример — никаких миссий ОБСЕ в странах, входящих в НАТО или в Евросоюз, нет. И никогда не будет — просто НАТО и ЕС этого не допустят. Следовательно, об универсальности ОБСЕ можно только мечтать. Но зачем заниматься мечтами людям, находящимся на государственной службе?

Кроме того, ОБСЕ в принципе не может решать проблемы, в снятии которых заинтересована Россия.

Например, существует всем хорошо известная проблема так называемых неграждан (русских на 90 процентов) в странах Балтии. Только что мы видели, к чему приводит нерешённость этой проблемы в Эстонии (кстати, неплохо ещё бы прочитать выходящие на эстонском языке местные газеты, чтобы оценить

запредельный уровень эстонского шовинизма и русофобии эстонских националистов). Москва сейчас пытается повлиять на общественное мнение Европы, с тем, чтобы привлечь внимание к этой проблеме. Давайте предложим восстановить миссии ОБСЕ в Эстонии и Латвии — пусть ради эксперимента наш МИД внесёт такое предложение. Ответ, я думаю, будет скорый. Какой по содержанию — гадать не стоит.

Так зачем же нам оставаться в ОБСЕ?

684

Раздел 7. ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА

685

Новый европейский завет

Евроатлантическая цивилизация и стратегия её выживания

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, №52, 24-30.12. 2003

Европа и Россия. Сколько раз на дню мы слышим данное словосочетание в различных вариациях! И чаще всего даже не задумываемся о его некорректности. Точнее говоря, мы к ней привыкли и в общем-то согласны с тем, что Россия — это не Европа. В самой «Европе» тем более придерживаются такой точки зрения. И надо признать, что основания для этого есть.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, А НЕ ГЕОГРАФИЯ

Не буду вдаваться в детали, но очевидно, что даже географически Россия — это не совсем Европа: всё-таки две трети нашей территории лежат в Азии. Кроме того, когда кто-то произносит слово «Европа», вряд ли ему в голову приходят виды Софии, Белграда или Петербурга. Наверняка Лондона, Парижа или Мюнхена. И уж точно не Москвы. В сознании и подсознании европейцев, даже многих политиков, Европа меньше самой себя как географического целого — это Западная Европа плюс еще что-то.

С неевропейскостью России вроде бы всё ясно, но разве и сама Европа является более европейским образованием, чем мы? В общем-то, Россия и Европа равны в своей географической и политической неопределенности.

Например, является ли Европой Греция? Или Албания? Или Азербайджан?

Я даже не буду спрашивать, являются ли Европой центральноазиатские государства — бывшие республики СССР, ныне входящие, например, в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Или Турция — член НАТО, пре-

686

тендующая и на членство в Евросоюзе. Не странно ли, что мусульманская и немалая по размерам и численности населения Турция, большая часть территории которой лежит в Азии, при благоприятных обстоятельствах может реально войти в ЕС, а для христианской России такая возможность рассматривается как чисто теоретическая, да и то немногими?

Все эти географические странности суть не более чем политические предрассудки и политический снобизм. Ведь достаточно, например, вспомнить о Средиземноморье как субрегионе, являющемся одновременно и колыбелью европейской цивилизации, и местом перетекания Запада (Европы) в Восток и наоборот, чтобы стало понятно: Европа (и не только она одна) — это в первую очередь цивилизация, а не география.

Спор о том, является ли Россия Европой или нет, если есть еще охотники вести его (даже и те остроумцы, что оперируют термином «Азиопа»), бессмыслен, ибо ответ очевиден: Россия не только Европа, но и территориально большая ее часть, причем такая часть, которая, будучи расположена на Востоке, благодаря исключительно собственным усилиям сумела, во-первых, вестернизировать и христианизировать (то есть европеизировать) гигантские пространства от Урала до Тихого океана (и Аляску тоже, между прочим, передав ее затем другому протуберанцу Европы — США), во-вторых, фактически присоединить к Европе не только все эти сибирско-дальневосточные территории, но еще и всё пространство Средней Азии, сегодня называемой Центральной.

Если бы не эта цивилизационная миссия, добровольно реализованная Россией (под именем Московского царства, Российской империи и Советского Союза), то сегодня, в условиях того, что очень сильно напоминает конфликт цивилизаций, у Европы, точнее, у евроатлантической цивилизации было бы гораздо меньше пространства для геополитических маневров, не говоря уже о том, что в сырьевом отношении она была бы почти полностью зависима от тех, кого столь нещадно и столь долго за пределами своих границ эксплуатировала и кого теперь боится.

Итак, есть Европа и есть европейская цивилизация, ставшая двести с лишним лет назад евроатлантической. И Европа (строго говоря, Западная, или классическая Европа) лишь часть ее. Так же, как Россия и США.

687

УСТАРЕВШАЯ ЛОГИКА

Когда сегодня что в России, что в Европе, что в США рассуждают о вариантах и условиях «вхождения», либо напротив, «невхождения» России в Европу, или шире — в число «цивилизованных стран», используют стандартный подход — логику движения из прошлого в будущее.

Вот пример такого подхода.

Двадцать лет назад Россия была «тоталитарной» страной с централизованной экономикой, а потому противостояла Западу (Европе), то есть была чем-то отдельным от него: не Западом и не Европой. Теперь Россия — страна с почти демократией и рыночной экономикой, но в силу исторических причин, а также из-

за этого «почти» она еще не вошла в Европу. Завтра (в будущем), став до конца демократической и рыночной страной и попутно преодолев ряд собственных комплексов (прежде всего имперский) и чисто технических барьеров, Россия волеется в Европу.

Ущербность такого подхода я продемонстрирую серией вопросов, ответы на которые, на мой взгляд, очевидны.

Первый вопрос. Был ли «советский тоталитаризм» 60—80-х тоталитаризмом, то есть прямой противоположностью европейскому демократизму? Нет, не был. А если коснуться тоталитаризма сталинского (более раннего периода), то является ли он исключительным для Европы того периода феноменом? Тоже нет.

Второй. Был ли этот «тоталитаризм», скажем точнее — коммунизм, порождением русской философской мысли как «неевропейской»? Или Россия лишь временно сосредоточилась на своей «азиатчине», что и позволило реализовать классическую левую европейскую утопию в практике отдельного европейского государства? Думаю, именно так.

Третий. Была бы нынешняя Европа нынешней Европой без России (в том числе и вне конфликта с СССР—Россией в XX веке)? Нет.

Четвертый. Было ли разделение мира в XX веке по линии «капитализм (Европа плюс США) — коммунизм (Россия)» делением мира на Европу и Азию (или третий мир) или это было господство двух частей Европы (либеральной части и части коммунистической) над всем остальным миром? Господство через раздел этого мира на две глобальные сферы влияния? Конечно, второе.

688

Пятый. Заметила ли Европа, что в ходе этого господства (на основе некоего европейского общественного договора «Запад наш, Восток ваш») роль первого элемента (Запада) в этой глобальной паре «вражда — сотрудничество» плавно, но стремительно перетекла за океан — в США, за пределы Европы географической? Судя по всему, заметила. И это Европу «немного» тревожит.

Шестой. Если Россия откажется от своего имперского комплекса, нужно ли требовать, чтобы от аналогичного комплекса отказались, как минимум, США? Или еще и — внимание! — Евросоюз, осуществляющий сегодня, по крайней мере, цивилизационную экспансию из своего ядра — Западной Европы? Видимо, исключений быть не должно.

Теперь можно перейти к попытке формулирования правильного подхода к теме «Россия и Европа».

СОХРАНИТСЯ ЛИ ЕВРОПА К КОНЦУ XXI ВЕКА?

Итак, взглянем на сегодняшнее положение дел в мире из будущего — из конца XXI века, например.

Что должно произойти в промежутке от 2004 года до 2100-го, чтобы Европа как географическое, политическое и цивилизационное целое сохранилась, чтобы это была доброкачественная сохранность, то есть Европа осталась бы европейской по населению (в ней жили бы внуки нынешних европейцев), а уровень и качество их жизни были бы не ниже, чем у остальных народов мира?

Можно предположить, что необходимым условием для достижения этой цели является сохранение определенной суммы лидерств Европы.

В каких областях необходимо лидировать?

Экономическая — производить больше, дешевле и лучше других.

Политическая — европейская политическая модель (демократия) должна оставаться эффективнее других моделей и быть привлекательной для других стран и народов.

Научная — уметь делать то, что не умеют другие.

Моральная — необходимо демонстрировать если не преимущество, то хотя бы притягательность для других собственных кодифицированных и реальных норм поведения.

Демографическая — нужно, по крайней мере, не терять относительно других численность своего населения.

689

Информационная — европейская точка зрения должна быть если и не убедительней, то хотя бы лучше представлена в мире, чем иные.

Военная — лидерство здесь необходимо либо как снятие проблемы отсутствия лидерства в остальном (компенсаторная функция), либо как способ навязывания своего лидерства (экспансионизм), либо как возможность реальной защиты от агрессивной среды (охранительная функция). Военное лидерство, таким образом, не только полифункционально, но и амбивалентно. Оно может быть и конструктивным, и деструктивным как для тех, кто им обладает, так и тем более для других (в отличие, например, от морального или даже экономического лидерства). Думаю, операция США против Ирака очень ярко демонстрирует эту амбивалентность военного лидерства.

Теперь я рискну указать на реальное место сегодняшней Европы и отдельно США в иерархии глобального лидерства.

В чем же сейчас лидирует собственно Европа? В чем США? И где их лидерство активно оспаривается или даже отвергается значимыми мировыми силами? И каковы здесь тенденции, проявившиеся к началу XXI века?

Европа в начале XXI века является одним из экономических лидеров мира, но, во-первых, здесь с ней конкурируют, по крайней мере, США, Япония и Китай, а во-вторых, это лидерство, которое всё больше и больше воспринимается (даже в самой Европе) как в какой-то степени «лидерство за чужой счет» либо «несправедливое лидерство».

Формально число государств, устанавливающих у себя политические режимы евроатлантического (демократического) типа, растет. Но, во-первых, одновременно и всё стремительней растет число государств вообще. И из вновь созданных далеко не все демократические. Во-вторых, наличие демократических институтов совсем не равноценно собственно демократии. Являются ли демократическими государствами Пакистан, большинство латиноамериканских и африканских государств или, из вновь созданных, Узбекистан и Азербайджан? В-третьих, сама западная демократия находится в глубоком системном кризисе.

Во всяком случае, в области политической идеологии и практики, равно как в сферах морали, информации и военной, есть целые группы стран (Китай, Индия, ряд мусуль-

манских стран), которые хотя бы потенциально уже готовы оспаривать лидерство даже США, не говоря уже о лидерстве собственно Европы.

Моральная же привлекательность США и собственно Европы безусловно и давно подорвана абсолютно эгоистичным поведением по отношению к внешнему миру, в том числе полномасштабным использованием политики двойных стандартов. Антиглобалисты ведут подробный реестр этих евроатлантических грехов.

Кроме того, ясно, что свое военное лидерство США используют (причем всё чаще и чаще) не ради собственной безопасности, а ради экспансии (пусть не всегда очевидно военной), фактически ради доминирования без лидерства.

Теряя свое лидерство в мире по всем или почти всем направлениям, Европа и США не хотят отказываться от звания лидеров, что может достигаться лишь путем более или менее насильственного принижения других стран и народов, путем создания феномена «побежденных стран и народов». Несогласие с этой ролью приводит к публичному клеймению наименованием «страна-изгой». Результат — рост антиамериканизма, который еще не трансформировался в антиевропеизм, но близок к этому.

Тенденция, на мой взгляд, очевидна: собственно Европа теряет (или уже потеряла) свое лидерство почти во всём и там, где еще сохраняет его, достигает этого исключительно за счет партнерства-вассалитета с США.

Россия могла бы наблюдать за этим вполне равнодушно или даже радостно, если бы сама не являлась частью единой и родной для Европы, и для США, и для России евроатлантической цивилизации.

ТРЕХЛИКИЙ ПРЕЕМНИК

В конце 20-х годов XX века великий испанец и европеец Хосе Ортега-и-Гассет, откликаясь на исторические тенденции и интеллектуальные озабоченности того времени, писал о вырождении европейской цивилизации (под давлением освобожденных демократией масс) и о конце правления Европы в мире.

Веря в возрождение Европы (кстати, на путях европейской интеграции), временами он был весьма пессимистичен:

691

«Конец правления Европы (на Земле. — *В. Т.*) не представлялся бы столь серьезным, будь у нее преемник. Но ждать его неоткуда. Нью-Йорк и Москва не обещают ничего нового. Это фрагменты европейского завета, которые в отрыве от остального утратили смысл».

Совершенно верно, что Нью-Йорк и Москва суть фрагменты европейского завета, но свойственный Ортеге, как и многим другим западноевропейским мыслителям, западноевропоцентризм не позволял ни тогда, ни гораздо позже воспринимать европейскую цивилизацию во всём ее масштабе — в масштабе настоящего, а не суженного хотя бы и до широких границ послевоенного НАТО евроатлантизма.

Не вдаваясь в предысторию и детали, еще раз продекларирую то, о чем уже писал в статье «Что России нужно от США?» («ЛГ», №39, 2003), — трехсубъектность евроатлантической цивилизации в лице Евросоюза (когда-то Западной Европы), России и США. И эта трехсубъектность есть не благое пожелание (мое или России), не дипломатическая уловка тех, кто цивилизационно никогда в Европе не находился (но случайно в ней оказался географически), а исторический факт.

Вторая половина XX века — на сегодняшний день это безусловно высшая точка в истории правления Европы миром. И лишь в последнее десятилетие этого века (осень 1991 года — распад СССР, осень 2001 года — атака исламистских фундаменталистов на США) господство евроатлантической цивилизации на Земле стремительно пошло на спад.

Казалось бы, можно с печалью смотреть на то, что единая Европа (а историю этого единства можно вести и от античных времен, но от крещения Руси точно) большую часть своего существования немалую, а порой и основную энергию тратила на соперничество, конфронтацию и войны внутри себя. Но, с другой стороны, этот конфликтный дуализм Европы был двигателем ее внутреннего (и ускоренного по отношению к другим цивилизациям) развития. Именно он позволил Европе развиться до такой степени, что постепенно именно она стала распространять экспансию своей цивилизации на остальной мир, а не наоборот.

Таким образом — вспомним вроде бы проклятый для Европы «раздел», — именно этот раздел на Восток (Россию) и Запад (Западную и Средиземноморскую Европу) стимулировал

692

процветание и прогресс Европы на протяжении последних семи веков. Единство и борьба двух противоположных европейских начал, окончательно оформившихся в XX веке как русский (впрочем, не только русский) коммунизм и западный либерализм, одинаково рожденных в европейской школе политической мысли, делали евроатлантическую цивилизацию самой конкурентоспособной на планете!

Идейный вакуум, возникший внутри евроатлантической цивилизации вследствие непродуманного уничтожения коммунизма, не может быть заполнен ни социал-демократизмом, ни даже вроде бы набирающим силы, но всё еще слишком карнавальным антиглобализмом. То, что массово заполняет сегодня пространство, освобожденное в европейской цивилизации после краха коммунизма, есть, конечно же, ислам.

Может быть, это и неизбежно. Может быть, из этого и родится новая планетарная идеология как претеча новой глобальной (шире, чем европейская) цивилизации. Может быть... Но Европа тогда действительно исчезнет как самостоятельная цивилизация.

Разумеется, она будет сопротивляться. Иначе не бывает. Но как и где будет рождаться энергия для сопротивления и нового развития Европы, если у нее уже нет внутреннего двигателя — собственной внутрицивилизационной конкуренции?

Только признание факта трехсубъектности евроатлантической цивилизации (как законного преемника) и дальнейших действий в рамках этой модели позволит Европе XXI века (то есть Евросоюзу, России и США) сохранить и свою идентичность, и свой собственный (в рамках европейских ценностных установок) прогресс, и свое лидерство в мире.

СШЕ и США

Нынешнее политическое развитие собственно Европы, безусловно, идет в направлении того, что еще в начале XX века многие определяли как Соединенные Штаты Европы (СШЕ). Отношение к этому тогда только нарождавшемуся новому государственно-политическому феномену было разным, но в целом всё более и более позитивным.

В двухполюсной системе второй половины XX века СШЕ могли играть самостоятельную роль в отношении каждого

693

из полюсов, тяготея, естественно, к первому. Сейчас же мир упростился объективно, а субъективно (правда, уже после 11 сентября 2001 года) американский президент потребовал еще большей определенности, произнеся, видимо, сам того не подозревая, слова, которые были очень популярны в 30-е годы в сталинском СССР: «Кто не с нами, тот против нас».

На пике своего могущества, с которого в любую сторону только один путь — к утере этого могущества, США, желая максимально долго балансировать в позиции единственной мегахдержавы, нуждаются не в диссидентах или фрондерах, пусть и близких по идеологии, а в абсолютно преданных союзниках. И к Соединенным Штатам Европы отношение есть и будет только таким. Но и это положение СШЕ как верных союзников США двусмысленно. При очевидном геополитическом эгоизме американцев, при безусловно обострившемся противостоянии между Севером («золотым миллиардом») и Югом, при неизбежном наращивании противодействия политике глобализации и возникновении на базе этого рано или поздно Антиглобалистского Интернационала, с которым, конечно же, будут заигрывать европейские интеллектуалы, Соединенные Штаты Европы неминуемо окажутся между молотом США и наковальней Юга, то есть окажутся предпольем американской имперской крепости с соответствующими последствиями в случае обострения конфликта. Пока мы видим лишь авангардные бои этого будущего конфликта — в Израиле, в Турции, в Индонезии и в Чечне (последнего упорно не хотят признать западноевропейцы и американцы).

Но оторваться от США и просто сблизиться с Югом Европа не может — она перестанет быть самой собой. Не подходит классической Европе и слияние с Россией (даже путем ее включения в Евросоюз). Европа боится, что не Россия растворится в Евросоюзе, а Евросоюз в России.

В этих условиях Европа избрала странный путь размывания своей самости: с одной стороны, она всё больше и больше абсорбирует в себе неевропейское население (даже стесняясь теперь продекларировать христианские основы своей цивилизации), с другой, пользуясь ослабленностью России, расширяется путем включения в себя всё новых и новых членов, будто пытаясь наверстать «потери», понесенные ею в результате ялтинско-потсдамских договоренностей. То есть

694

борется с прошлым противником по «холодной войне» и по горячим войнам XVIII–XX веков, по сути, возрождая уже бесплодное русско-европейское противостояние прошлых столетий, противостояние за доминирование внутри евроатлантической цивилизации. Но зачем? Ведь ценность этой цивилизации Россия уже приняла (напоминаю — официально с 1975 года, а фактически — намного раньше).

Причины внутреннего недоверия в треугольнике евроатлантической цивилизации между ее субъектами США, Евросоюзом и Россией можно разбирать долго. Но какой в этом резон?

И какой резон в том, что сегодня, когда Россия безусловно отказалась от попыток какой-либо эксплуатации внутри-европейских противоречий и конфликтов, Европа и США продолжают эксплуатировать противоречия на постсоветском пространстве и антирусские настроения на нем? Разве сегодня Россия поддерживает североирландцев против Англии? Сепаратизм басков? Корсиканцев? Или левых радикалов и исламских фундаменталистов во Франции, Италии, Германии? Но почему всюду на постсоветском пространстве классическая Европа и ее институты так или иначе поддерживают всякие антирусские (антироссийские) настроения и действия? И чеченский сепаратизм. И безобразное положение с русскими негражданами в Прибалтике. И вообще всё, что действует и говорит против России в Грузии, Молдавии, на Украине — где угодно.

Почему Европа совершенно игнорирует тот факт, что русские сегодня являются крупнейшей

разделенной нацией на континенте? И по одной этой причине нуждаются скорее в поддержке, чем в противодействии?

Мы никогда не вырвемся из уз этой прошлой политики, пока все европейцы (из Европы, США и России) не поймут, что интересы выживания евроатлантической цивилизации требуют чего-то существенно большего, чем процветания только США и Евросоюза, а также бесперебойных поставок русского газа и нефти на Запад в совокупности с укреплением прозападных сил на постсоветском пространстве. Эти интересы требуют осознания единства всей, а не всей, но без России, евроатлантической цивилизации. И единственная формула этого единства: Евросоюз плюс Россия (Российский союз) плюс США.

695

СТРАТЕГИЯ ЕДИНСТВА

Но во что конкретно эта формула должна развернуться, чтобы не остаться лишь провозглашаемым, но не реализуемым лозунгом? У нас очень много говорят о снятии визовых ограничений для граждан России для поездок в страны Евросоюза. И этот чисто технический момент выдается чуть ли не за высший смысл российско-европейского единства.

Нет, Шенген не главное, а третьестепенное в единстве евроатлантической цивилизации. У царской России не было проблем с Западной Европой относительно поездок русских граждан за границу, но это не помешало начаться Первой мировой войне.

На мой взгляд, стратегия единства Евроатлантической цивилизации (ЕАЦ) перед лицом внешних и внутренних угроз и вызовов, бросаемых ей сегодня историей, должна включать в себя в общих чертах как минимум следующее:

1. Признание и документальная фиксация единства и трехсубъектности евроатлантической цивилизации путем подписания Евросоюзом, Россией и США Евроатлантической Хартии и создания Евроатлантического Союза (ЕАС). В Хартии должны быть зафиксированы главные из следующих ниже положений.

2. Признание единства евроатлантической цивилизации на основе принципов:

- христианской культурной и цивилизационной традиции;
- демократии и ответственного — в интересах всей евроатлантической цивилизации, ее отдельных стран и народов, ее граждан — использования института гражданских и демократических прав и свобод;
- отказа от силового способа разрешения внутренних (внутрицивилизационных) конфликтов и недобросовестной конкуренции во всех областях и сферах, включая идеологическую;
- признания исторического лидерства и высшей исторической ответственности трех главных субъектов евроатлантической цивилизации — Европы (Европейского союза), России (Российского Союза), Америки (Соединенных Штатов Америки), в том числе ответственности трех главных субъектов ЕАЦ за исторически вверенные им канонические территории.

696

3. Учреждение Евроатлантической Ассамблеи (предпарламента) ЕАС, работающей на постоянной основе, в числе главных задач которой будет разработка Конституции ЕАС; создание коллективных институтов, необходимых для соблюдения общих интересов «новой Европы» до принятия Евроатлантической Конституции; неизбежная ликвидация устаревших международных организаций и структур, не отвечающих интересам сообщества как единого целого и до сих пор функционирующих на ее территории.

УТОПИЯ?

Первой реакцией на подобную стратегию — и я это прекрасно понимаю — станет иронический отзыв: «Утопия!»

«Разве?» — отвечу я. Все основные международные институты современного мира были созданы 50-60 лет назад. И большинство из них, как мы видим и знаем, безнадежно устарело. Ни одна система международных институтов не просуществовала более полувека (чаще всего — менее), а после разрушения перестраивалась, причем довольно кардинально, с учетом нового баланса сил. Но случилось это всякий раз после субрегиональных или даже мировых войн. Неужели и сегодня нам нужно ждать этого стимула?

Именно страны евроатлантической цивилизации продемонстрировали свое лидерство в среде других государств, помимо прочего, через способность к интеграции. Так возникла Большая Россия (Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация). Так же — Соединенные Штаты Америки. Так же — интегрировавшись позже своих младших цивилизационных братьев (или сестер) — Европейский союз. Случайно ли это? И есть ли резон отказываться от исторической тенденции, которая до сих пор обеспечивала и сохранность трех главных субъектов евроатлантической цивилизации, и их экспансию, и их единство, пусть не всегда формально фиксировавшееся?

Впрочем, если есть иной, «менее утопичный» план решения внутренних евроатлантических проблем и конфликтов, я с удовольствием с ним ознакомлюсь. Пока же все мы знакомимся лишь с бессмысленными и бесперспективными в рамках евроатлантической цивилизации контриграми США и России вокруг Грузии, между Россией и Евросоюзом вокруг

697

Молдавии или Калининграда. И это в то время, когда и Вашингтон, и Брюссель, и Москва в один голос твердят о гигантской угрозе международного терроризма, исходящей извне евроатлантической цивилизации. Мелкие внутренние дрызги на фоне громадной (и общепризнанной) общей опасности!

Я, впрочем, уверен, что именно к созданию Евроатлантического Союза дело, в конце концов,

придет. Просто после того, как США либо надорвутся под бременем мирового господства, либо затеют для его сохранения слишком большую войну.

ПОСЛЕДНЯЯ ОГОВОРКА

Все бояться конфликта цивилизаций, а данный план вроде бы подталкивает к нему. Упрек ложный.

Цивилизационные различия очевидны, и их конфликта в глобализированном мире не избежать. Собственно, мы его уже не избежали. Но одно дело — ждать, когда этот конфликт разразится во всем своем масштабе и неизбежно приведет к отторжению от евроатлантической цивилизации части ее территорий, а другое дело — сохранив лидерство этой цивилизации, предложить всем остальным крупнейшим субъектам мировой политики новые, совместно и демократично разработанные и продуманные правила игры. Если кому-то нравится, что значительная часть европейцев и американцев радуется, когда террористы в Чечне убивают граждан России, а часть русских и европейцев (да, и европейцев) довольны, что 11 сентября 2001 года американцам показали, что они уязвимы, то мне нет.

Именно потому, что евроатлантическая цивилизация расколота внутри себя. А значит, рано или поздно будет и разрушена извне.

698

Евроатлантический союз

Новый мировой порядок и наша цивилизация

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 15.04.2004

События в Ираке, полностью спровоцированные самодержавными и, как выясняется, немотивированными действиями США, способны поставить Европу на грань конфликта с мусульманским миром. Это тем более опасно, что сама объединенная Европа демонстрирует неспособность действовать перед лицом угрозы ни как объединенная (единое целое), ни как Европа. Гвоздь проблемы состоит как раз в том, что от имени всего, что когда-то называлось Европой, а ныне должно быть названным евроатлантической цивилизацией (ЕАЦ), самозвано действуют американцы, чья территория отгорожена от всех потенциальных театров военных действий двумя океанами и тысячами километров.

Мне уже приходилось писать, что исторически и содержательно эта цивилизация является трехсубъектной и претензии США на единоличное представление ее интересов за пределами этой цивилизации являются и безосновательными, и безответственными. Тем более, что США постоянно подменяют общие интересы ЕАЦ своим собственными, минимизируя интересы собственно Европы и игнорируя интересы России.

И вообще надо бы признать, что действующий международный порядок изжил себя и должен быть заменен на новый — междивизиационный.

Сколь бы фантастичным ни показался тот сценарий, который, на мой взгляд, способен вывести ЕАЦ из тупика, в который загоняют нашу цивилизацию фанатерия США, раздвоение личности Европы и слабость России, я уверен, что рано или поздно к чему-то подобному мы непременно придем. Или просто исчезнем.

699

Стратегия выживания евроатлантической цивилизации перед лицом внешних и внутренних угроз и вызовов, бросаемых ей сегодня, должна включать в себя как минимум следующее:

1. Признание и документальную фиксацию единства и трехсубъектности евроатлантической цивилизации путем подписания Евросоюзом, Россией и США Евроатлантической хартии и создания Евроатлантического союза (ЕАС). В Хартии должны быть зафиксированы главные из следующих ниже положений.

2. Признание единства евроатлантической цивилизации на основе:

- христианской культурной и цивилизационной традиции;
- демократии и ответственного — в интересах всей евроатлантической цивилизации, ее отдельных стран и народов, ее граждан — использования института гражданских и демократических прав и свобод;
- отказа от силового способа разрешения внутренних (внутрицивилизационных) конфликтов и недобросовестной конкуренции во всех областях и сферах, включая идеологическую;
- коллективной ответственности за судьбу евроатлантической цивилизации и за сохранение ее лидерства в мире;
- признания исторического лидерства и высшей исторической ответственности трех главных субъектов евроатлантической цивилизации — Европы (Европейского союза), России (Российского союза), Америки (Соединенных Штатов Америки), — в том числе ответственности трех главных субъектов ЕАЦ за исторически вверенные им территории;
- учета исторических особенностей развития разных членов ЕАЦ и передачи ответственности за становление, развитие и функционирование демократических институтов в разных частях ЕАЦ каждому из трех главных субъектов ЕАЦ в границах их канонических территорий;
- свободной конкуренции трех главных субъектов ЕАЦ между собою при солидарных действиях за пределами ЕАЦ;
- готовности ЕАЦ к конкурентным, но добрососедским отношениям с иными цивилизациями Земли при отстаивании законных интересов и сохранности самой ЕАЦ на ее канонических территориях;

700

— коллективной обороны канонических территорий ЕАЦ от посягательств извне;
 — гарантии свободного развития иоцивилизационных территориальных образований на территории ЕАЦ, при соблюдении ими принципов, идейных и моральных норм ЕАЦ;
 — возможности вступления в ЕАЦ иных стран и территориальных образований на основе свободного волеизъявления их народов и с согласия высшего законодательного органа Евroatлантического союза.

3. Учреждение Евroatлантической Ассамблеи (предпарламента) ЕАС, работающей на постоянной основе и имеющей четыре главные задачи:

- а) разработку конституции ЕАС;
- б) выработку обязательных для всех членов ЕАС решений, касающихся проблем, затрагивающих интересы более чем одного члена ЕАЦ;
- в) создание коллективных институтов, необходимых для соблюдения общих интересов ЕАЦ до принятия Евroatлантической конституции;
- г) ликвидацию устаревших международных организаций и структур, не отвечающих интересам ЕАЦ как единого целого, но продолжающих функционировать на ее территории.

4. Депутаты Евroatлантической Ассамблеи делегируются парламентами членов ЕАС по следующим квотам:

от Евросоюза — 25 депутатов; от России (Российского союза) — 25 депутатов; от Соединенных Штатов Америки — 25 депутатов; от остальных стран ЕАС, не входящих ни в один из трех главных субъектов ЕАЦ, — по 1 депутату.

5. Любая страна ЕАС, до сих пор не входящая ни в один из трех главных субъектов ЕАЦ, имеет право путем свободного волеизъявления своего народа вступить в тот из главных субъектов, на канонической территории которого находится.

6. На территории ЕАС используются не менее трех валют — доллар США, евро и российский рубль. Использование иных (национальных) валют является законным правом соответствующего члена ЕАС.

7. Коллективные силовые действия ЕАС за пределами его канонической территории возможны лишь в том случае, ес-

701

ли за это проголосуют не менее 75 процентов депутатов Евroatлантической Ассамблеи. В ином случае каждый из трех главных субъектов ЕАЦ имеет право на применение таких действий по собственному усмотрению и собственными силами, зная, что ему гарантирован нейтралитет остальных главных субъектов и членов ЕАС, но не их прямая поддержка.

8. Территориальная целостность и национальная безопасность любого члена ЕАС гарантируются от любого нападения извне ЕАС вооруженными силами всех остальных членов ЕАС и особенно трех его главных субъектов.

9. Каноническая территория Европы (Евросоюза) — территория Европы, исключая территорию бывшего СССР, но включая территорию Эстонии, Литвы и Латвии.

Каноническая территория России (Российского союза) — территория бывшего СССР, исключая Эстонию, Литву и Латвию. В эту территорию также не должны входить территории тех центральноазиатских республик бывшего СССР, которые заявят о своем нежелании войти в ЕАС.

Каноническая территория США — США.

10. Разработка реформы ООН с учетом создания Евroatлантического союза.

702

Записки о Евросоюзах

Между нами, европейцами, говоря

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №12-14, 30.03-19.04. 2007

ЧАСТЬ I

Европейский союз торжественно отметил свое 50-летие. На его месте так поступил бы каждый. Все равнодушные к европейской истории люди не могли не поздравить граждан ЕС с этим славным юбилеем.

Ода к радости

Я, например, даже выпил за 50-летие Евросоюза отличного итальянского вина. Причем сделал это, как и полагалось в данном случае, в Берлине. Но это было мое частное, без какой-либо публичности мероприятие. Однако повод таков, что хочется кое о чем сказать и во всеуслышание.

Тем более что президент наш, то есть русский и российский (в данном случае эти слова не синонимы), Владимир Путин отметил праздник соседей своей, с одной стороны, поздравительно-пафосной, но с другой — концептуальной статьей. К поздравлениям и пафосу можно только еще раз присоединиться, а вот на концептуальную часть стоит взглянуть попристальнее. Тем более что в ней изложена исповедуемая Кремлем идеология взаимоотношений России и ЕС. Актуальность которой, в частности, связана с тем, что в конце года заканчивается срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и Евросоюзом, а переговоры по подготовке соответствующего нового документа заблокированы со стороны ЕС Польшей. Но даже когда и если Варшава сменит гнев на милость (вот он — час польской славы!

Крупнейшие державы Западной Европы потеряли по прихоти Польши междуна-
703

родную дееспособность!) и переговоры между Брюсселем и Москвой возобновятся, их исход — из-за очевидного кризиса в российско-евросовских отношениях — совершенно не ясен.

Словом, есть о чем в связи с 50-летием Европейского союза поговорить и нам в Москве. Тем более, что, строго говоря, Евросоюз в Европе на протяжении этих 50 лет был не один, как принято считать, — их было целых два. И сегодня их два — несмотря на то, что в 1991 году исчез первый по времени создания Европейский союз, официально называвшийся, как известно, несколько иначе.

Наш ЕС был первым

Интеграционные, выражаясь современным языком, проекты будоражили многие умы Европы задолго до XX века. Но не буду вспоминать Священную Римскую империю или планы Наполеона Бонапарта. Историческим фактом является то, что лидер русских большевиков Владимир Ленин не только разрабатывал теоретическую основу Соединенных Штатов Европы (правда, коммунистических), но и реализовал свой план, создав в 1922 году на обломках Российской империи Советский Союз, который и стал реально первым Европейским союзом.

Как и созданный спустя 35 лет Евросоюз-2, Советский Союз тоже не был Европейским союзом в точном географическом смысле этого слова. Несмотря на то, что в принципе Ленин хотел видеть в составе Соединенных Штатов Европы все европейские государства, объединить ему — поскольку пролетарские революции в Западной и Центральной Европе либо не состоялись, либо потерпели поражение — удалось только восточноевропейские страны и территории. Ну так и Евросоюз-2 первоначально являлся объединением лишь западноевропейских государств. Да и сегодня в него интегрированы, помимо западноевропейских, еще и центральноевропейские, но отнюдь не все европейские страны и территории.

Конечно, между восточноевропейским Советским Союзом и западноевропейским Евросоюзом-2 разница была, причем значительная. Но так то, что возникло раньше, в специфических условиях выхода из мировой и гражданской войн, революционного переворота, незрелости политических ин-

704

статутов, а потому во многом (но не во всём) — с помощью насилия, оказалось более brutальным, менее гибким, чрезвычайно идеократическим. Всё это потребовалось, видимо, в качестве компенсации за историческую преждевременность реализации на не совсем подготовленной почве западноевропейской интеграционной идеи.

Однако различия различиями, а фундаментальное теоретическое и цивилизационное сродство СССР и ЕС отрицать невозможно. Хотя, конечно, признавать это не любят ни у нас, ни особенно в самом ЕС-2.

Поверхностные утверждения, что СССР — это «азиатская сатрапия» или «тоталитарная империя», опровергаются хотя бы таким простым, но фундаментальнейшим фактом: все союзные советские конституции, начиная с первой, фиксировали право свободного выхода из ЕС-1 любой союзной страны. Этого в принципе не может быть ни в империи, ни в «сатрапии». И ведь это право в конце концов сработало, что более чем определенно доказывает его неэфмерность.

Нынешний юбилей (Евросоюз-2), как принято считать, базируется на основе общих устремлений и ценностей. Ну так таким долгое время был и СССР.

Не буду далее раздражать недовольных своими доказательствами очевидного, а просто резко приближусь к созданию Евросоюза-2. Происходило это не в безвоздушном историческом пространстве, а под прикрытием уже существовавшего «североатлантического», а реально — североамериканско-западноевропейского военно-политического блока (НАТО). Но и первый ЕС обзавелся к тому времени своим военно-политическим блоком (Организация Варшавского договора) и раздвинул свои границы гораздо дальше пределов СССР (так называемый лагерь социалистических стран со своим «Общим рынком» — Советом экономической взаимопомощи).

ЕС-2 - против ЕС-1

Итак, к началу 60-х годов Европа (если рассматривать ее исторически и географически правильно, а не по-западноевропейски только) имела два конкурирующих, но из одного исторического и теоретического корня выросших реализованных интеграционных проекта: ЕС-1 на базе СССР и его военной мощи и ЕС-2 на базе взаимосвязей политических и

705

экономических элит Франции, Германии, Италии и стран Бенилюкса и военной мощи США, введенной на европейский континент посредством НАТО.

С этого момента началось историческое соревнование двух евросоюзов, победу в котором в конечном итоге одержал ЕС-2.

В чем причины этой победы? Ряд ответов на этот вопрос давно дан, и я не буду их повторять. Ряд моментов до сих пор остается неясным. Например, что стало бы с ЕС-2, если бы в 70-х годах к власти во Франции и Италии пришли, как это вполне могло случиться, местные компартии? И почему они к власти не пришли? Почему именно в этот момент в Италии и Германии вдруг появились сверхактивные «красные террористы», чьи многочисленные и по большей части вполне бессмысленные, но страшные акции обрушили популярность левых в Западной Европе?

Отвечать на эти и другие вопросы можно долго, но это не входит в мои сегодняшние намерения. В завершение первой части «Записок о Евросоюзах» я просто фиксирую обычно игнорируемые факты.

Первый Евросоюз возник не в 1957-м, а в 1922 году.

С момента возникновения второго Евросоюза началось жесткое соревнование двух конкурирующих интеграционных проектов.

Второй интеграционный проект находился под прикрытием военной мощи США, то есть внешнего по отношению к Европе игрока, а первый опирался исключительно на внутренний (фактически — российский) военный потенциал.

Победа второго интеграционного проекта над первым, случившаяся в 1989-1991 гг., не казалась такой предопределенной, какой она представляется теперь — в исторической ретроспективе.

В 1991 году первый Евросоюз не погиб полностью, как многим показалось. Распавшись на составные части, но сохранив свое ядро и не потеряв, как теперь уже вполне отчетливо проявилось, своей цивилизационной сути и миссии, первый Евросоюз начал возрождаться.

У этого возрожденного первого Евросоюза есть всё (но не всё в достаточной мере), что делает его вполне оригинальным интеграционным объединением. Пока этот Евросоюз называется «Российская Федерация». Президент этого Евросоюза носит фамилию Путин.

706

ЧАСТЬ 2

Итак, я утверждаю, что реально первый Европейский союз возник на континенте в 1922 году под именем СССР; к 1957 году, времени возникновения Евросоюза-2, Евросоюз-1 включал в себя, помимо СССР, еще ряд восточноевропейских и центральноевропейских стран (государства так называемого социалистического лагеря); оба Евросоюза находились друг с другом в жесткой, а временами и жестокой конкуренции. Итогом и результатом этой конкуренции (не исключавшей и сотрудничества) стал распад в 1989-1991 гг. первого Евросоюза, сохранившего, однако, под именем Российской Федерации своё цивилизационное ядро.

Принципиально ещё одно. Оба Евросоюза, несмотря на весьма существенную разницу в их истории и внутренней организации, были реализацией одной и той же интеграционной идеи, рожденной в рамках одной и той же цивилизации. То есть конкуренция между ЕС-1 и ЕС-2 была внутрицивилизационной борьбой. А это такая борьба, которая, во-первых, плодотворно влияет на развитие цивилизации в целом, способствует ее развитию и прогрессу. Во-вторых, не может привести к полному уничтожению одной из конкурирующих подсистем (субцивилизаций), ибо гибель одной из частей цивилизации неминуемо ведет к исчезновению цивилизации в целом.

Следовательно, выживание обоих Евросоюзов является необходимым условием сохранения европейской цивилизации как таковой. Разумеется, это предполагает, что сами они при этом должны не работать на уничтожение друг друга, а противостоять общим для их цивилизации угрозам и вызовам.

Под уничтожением нельзя понимать только прямое физическое или военное уничтожение (попытка чего была предпринята, в частности, со стороны одной части Западной Европы, то есть будущего ЕС-2, а именно Германии под знаменем нацизма, в отношении России в начале 40-х годов). Полная унификация двух разных частей одного целого, стирание различий между правым и левым, между Западом и Востоком Европы, между ЕС-1 и ЕС-2 — это тоже уничтожение. Уничтожение той части, которая такой унификации (я бы сказал — противоестественной) со стороны другой части подвергнется.

707

Недалеким умам такая унификация (по близкой им модели) может показаться победой. Но в реальности это будет, конечно, пиррова победа, ибо сложное превратится в простое, диалектическое единство противоположностей, на котором основывалось полутысячелетнее лидерство европейской цивилизации в мире, превратится в единообразие примитива, а следовательно, победа одной части европейской цивилизации над другой станет в конечном итоге победой части над целым, то есть и над самой собой. Один и единый (унифицированный) Евросоюз станет предтечей конца и гибели Европы вообще.

Теперь мы имеем всё необходимое для того, чтобы поговорить о естественной и разумной стратегии взаимоотношений обоих Евросоюзов, а также определить принципиальную основу для выработки собственной российской политики по отношению к ЕС-2 (именуемому ныне просто Евросоюз).

Принцип этот прост и очевиден. И формулируется он так: *Вывести Россию из-под юрисдикции Евросоюза!*

К сожалению, в этом месте я вынужден прервать разбор отношений между двумя Евросоюзами, так как стремительное развитие внутривнутриполитической борьбы на Украине требует переместить наше внимание на эту критическую территорию, лежащую на перекрестье интересов России и Запада. Впрочем, это вынужденное отступление всё равно не уведет нас далеко от основной темы данных записок.

Украина: от госпереворота к военной диктатуре «оранжевых» ?

Внешне кризис на Украине разразился буквально на ровном месте. Нельзя же всерьез считать причиной событий, которые поставили под вопрос само существование этого государства в его нынешнем виде, переход десятка депутатов из одной фракции Верховной рады в другую. Тем более что и ранее такие переходы случались — причем без каких-либо существенных последствий.

События последних дней, если брать их в короткой исторической ретроспективе, являют собой начало финальной стадии борьбы элит Украины и её народа (правильнее было бы сказать — народов), а также внешних сил за будущее и само существование украинского государства и собственные интересы в рамках разных вариантов этого будущего.

708

В декабре 2004 года под давлением организованной «оранжевыми» активистами толпы и Запада

власть на Украине была передана в руки Ющенко и его номинальных сторонников, лагерь которых, однако, был разорван многими внутренними противоречиями и даже примитивными интригами. Очень скоро это проявилось в уходе Тимошенко с поста премьер-министра.

В ходе реализации сценария «оранжевой революции» был осуществлен первоначально нацеленный исключительно на борьбу с Кучмой переход к парламентской республике. И именно это сыграло злую шутку с лидерами и активистами «оранжевых», окончательно погрязших в 2005 году во внутренних распрях.

На мартовских парламентских выборах прошлого года они упустили победу — Партия регионов Виктора Януковича получила относительное большинство в Верховной раде. Даже это не отрезвило «оранжевых» — они не смогли объединиться и сформировать собственное правительство. Под угрозой политического коллапса Ющенко вынужден был пойти на назначение главой правительства Виктора Януковича.

Сам Виктор Ющенко, политик слабый, несамостоятельный и непоследовательный, боялся своей соратницы Юлии Тимошенко больше, чем «недалёкого», как ему представлялось, Януковича. Расчет был прост до примитивности: «недалекий» и не имеющий поддержки на Западе Янукович провалится, а «утонченный и умный» Ющенко с помощью Запада за это время обретет на посту президента максимальную силу и общенациональный авторитет, после чего сместит Януковича и поставит во главе правительства сильную, но зависимую от себя фигуру. Получилось прямо противоположное. «Недалёкий» Янукович полностью переиграл «умного» Ющенко, причем на всех площадках — как собственно экономической, так и во внутренней и даже во внешней политике. 2006 год — год окончательного превращения Януковича в главную политическую фигуру Украины, к тому же опирающуюся на, как минимум, половину украинского электората.

На Западе прекрасно видели, что их выдвиженец стремительно теряет все плоды организованной ради него «оранжевой революции» и что реальная и политическая власть в стране в полном, кстати, соответствии с нормами жизни парламентской республики переходит в руки премьер-министра.

709

Что было нужно Западу, то есть США, Евросоюзу и НАТО? Поскольку они ещё не решили, могут ли они без тяжелых для себя последствий «переварить» Украину с её наполовину русским населением, включив её в НАТО и ЕС, им нужно было иметь во главе Украины такую элитную группу, которая, во-первых, гарантированно сохраняла эту страну для Запада (когда он решит «проглотить» Украину), а во-вторых, гарантированно не давала бы ей вновь сблизиться с Россией. Группа Ющенко—Тарасюк—Гриценко подходила для этого идеально. Беда в том, что власть на Украине из рук этой группы утекала тем стремительнее, чем больших успехов добивалось правительство Януковича и чем активнее эта группа проводила антироссийскую и антирусскую политику.

В Вашингтоне и Брюсселе логично предположили, что ещё полгода-год такого развития событий — и Янукович сможет провести референдум о возможности вступления Украины в НАТО, который, естественно, даст неоспоримый отрицательный ответ на этот вопрос. И соответственно с Ющенко ли, с Януковичем ли, с кем угодно во главе Украина будет потеряна для Запада как следующий объект его территориальной экспансии.

С этим пониманием пришла и готовность действовать. Фигура, которая должна заменить уже слишком слабого Ющенко и уже слишком сильного Януковича, была очевидна — Юлия Тимошенко.

Сценарий понятен — с помощью роспуска Верховной рады создание на несколько месяцев ситуации управляемого хаоса на Украине, возгонка в горниле этого хаоса нового «революционного оранжевого порыва», разгон правительства Януковича и замещение его на правительство Тимошенко.

Всё это во всех своих составляющих сильно напоминает инспирированный извне государственный переворот.

Но проблема в том, что, совершив такой переворот, далее надо удерживать уже нелегитимную власть, под которой практически нет социальной опоры. А в этих условиях удерживать власть можно только с помощью военной силы (ибо бюрократической силы у Ющенко практически не осталось).

Военную диктатуру установить тоже не проблема (хотя какой из Ющенко военный диктатор? Тут, конечно, плечо должна будет подставить Юлия Тимошенко). Проблема в том, что как минимум весь юг и восток Украины, да и зна-

710

чительная часть её центральных областей такую диктатуру не поддержат. Более того, начнут ей сопротивляться. А это кровь. Неужели и на это получили от Запада мандат те, кто еще месяц назад политически стабильную и экономически растущую страну за несколько дней опрокинул в хаос?

И вторая проблема, еще более существенная. Конечно, вариант выхода из ситуации управляемого хаоса по сценарию Ющенко—Тимошенко (точнее, по сценарию тех, кто их на это вдохновил и благословил) возможен. Но крайне маловероятен. Зато гораздо более вероятен переход в условиях этого хаоса латентного до сих пор кризиса государственности Украины в открытую стадию. Проще говоря, гораздо более вероятен, если Януковичу не удастся удержать ситуацию под контролем законно избранного парламента и законно сформированного правительства, переход к гражданской войне и территориальному распаду Украины.

Всё это настолько очевидные возможные последствия развития событий, запущенных Тимошенко и Ющенко, что трудно представить, что авторы кризиса этой опасности не видят. А раз видят и продолжают действовать, значит, они к этому готовы. И к крови? И к распаду?

Учитывая то, что Москва в силу очевидных причин (и прежде всего в силу наличия на Украине не менее 15 миллионов русских) ни при каких обстоятельствах не сможет оставаться безучастной к происходящему и вынуждена будет при развитии событий по худшему сценарию вмешаться, всё это еще является гнусной и грандиозной провокацией против России.

Зачем США, НАТО и «цивилизованный и миролюбивый» Евросоюз подталкивают Украину, а следовательно, и Россию к такому развитию событий, можно гадать долго. То ли для того, чтобы под эту сурдинку (сурдинку) расчленив Сербию, то ли для того, чтобы стремительно ввести войска НАТО в Крым или, например, на Кавказ — в Грузию... То ли просто для того, чтобы «показать всему миру», что «российский неоимпериализм готов на всё»... Цели могут быть разные, но в гнусности своей — равновеликие.

А как иначе можно охарактеризовать попытку разжечь гражданскую войну в одном из крупнейших государств Европы и вовлечь в эту войну Россию? Если есть другие определения — хотелось бы их услышать.

711

ЧАСТЬ 3

Пора завершать мои «Записки о Евросоюзах», то есть об отношениях России и ЕС, а также поставить промежуточную точку в анализе того, что происходит на Украине.

Россия отдельно, Евросоюз отдельно. Сотрудничество - только равноправное

Я утверждал и утверждаю, что на европейском континенте все последние столетия, а в последние десятилетия определенно, зримо и юридически явственно функционируют только два субъекта мировой и собственно европейской политики, входящие в единую цивилизацию, а именно то, что сегодня мы называем Евросоюзом (исторически — Евросоюз-2) и Россия (исторически, под названием СССР, Евросоюз-1).

На Западе, да и среди ряда недалековидных либо антироссийски ориентированных экспертов и тех, кто ими прикидывается, принято утверждать, что СНГ и вообще постсоветское пространство (за исключением, естественно, той его части, что поглощена НАТО) деградируют, а Россия не имеет какого-либо привлекательного даже для исторических её частей, а ныне самостоятельных государств, проекта. В отличие, разумеется, от ЕС и США, которые такие проекты имеют.

Не вдаваясь в детали, заявлю, что постсоветское пространство в последние годы не только не деградирует, но весьма стремительно развивается, причем реинтеграционные тенденции и процессы на нём явственно усиливаются и углубляются. Иное дело, что эти тенденции и процессы затрагивают не всё постсоветское пространство, но — значительную, большую (с ударением на первый слог) его часть.

Безусловно, Россия не имеет сегодня ясно сформулированного и доктринально выверенного интеграционного проекта (уровня того, каковыми были коммунизм и СССР или является сегодня ЕС). Но привлекательная интеграционная идея и неявно сформулированный проект у России всё равно есть. И называется он просто — сама Россия. Исторически, цивилизационно, геополитически, психологически этот проект и эта интеграционная идея никуда не исчезли и не исчезали даже в 90-е годы — во время максимальной слабости России,

712

максимальной её зависимости от Запада, её минимальной суверенности.

В отличие от Евросоюза Россия в последние 16 лет ни разу не заявляла, что готова включить в состав себя какие-либо другие страны, народы и территории. И тем не менее всё это время, несмотря на всю слабость и неустроенность России 90-х, в её состав стремились войти и народы, и территории, и страны. Москва увиливала от этих явных и неявных, потаенных и официальных попыток вступить в неё, но и это не останавливало страждущих.

Можно сказать, что Россия вела себя крайне ответственно, не стремясь дополнительно дестабилизировать и так достаточно нестабильное постсоветское пространство, вопреки своим интересам, а главное — интересам многих народов придерживаясь принципа целостности всех образовавшихся на территории СССР государств, неизменности их, даже неестественных и исторически не оправданных, границ. А можно сказать, что Россия вела себя безответственно, так как игнорировала просьбы целых народов и стран взять их под свою защиту, включить в состав желанного им государства.

Оценки могут быть разными, но важно то, что несмотря на эту упёртую позицию официальных властей России число стремящихся вернуться в её лоно не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Это — как минимум, три так называемых непризнанных государства. Это — как минимум, три государства из числа стран СНГ. Это целые территории ещё, как минимум, трёх государств. И это — десятки народов, начиная, конечно, с русского, оставшихся в 1991 году помимо своей воли за пределами своей родины и своего государства.

Итак, такой привлекательный проект и такая привлекательная идея, несмотря на «смуту идей и людей», у России есть. И именно потому, что Россия была и остается не государством только русских и только для русских, а Восточноевропейским союзом стран, народов и территорий, объединенным единой историей и названием Россия.

А раз Россия Евросоюз (Восточный, как и нынешний официально так именуемый Евросоюз есть Евросоюз Западный), она не может находиться в подчиненном положении по отношению к другому равновеликому и равнозначному ей субъекту европейской политики и европейской цивилизации — Западному Евросоюзу (Евросоюзу-2).

713

Между тем в 90-е годы в такое подчинение в силу многих обстоятельств Россия попала.

В своей статье, посвященной 50-летию образования ЕС (ЕС-2), Владимир Путин, видимо, в силу врожденной вежливости и нежелания до времени ломать устоявшиеся стереотипы, описал в весьма благостных (иногда чрезмерных, но понятно — статья-то юбилейная, что-то вроде тоста) выражениях лишь одну линию европейской интеграции, линию, связанную с союзом западно- и центральноевропейских стран и народов, совершенно проигнорировав (дабы не портить соседям-юбилярам обедню) восточноевропейскую (российскую) интеграционную линию и историю.

При этом он, однако, логично отделил нынешний Евросоюз от России, но отделил их не в смысле изолированной сепаратности, а в смысле внутрицивилизационной «самости» в рамках цивилизационного сродства.

Однако, что интереснее всего, Владимир Путин процитировал внешне окказиональную, но по сути глубоко фундаментальную формулу стратегического единства России и ЕС: «всё, кроме институтов».

Именно так — всё, кроме институтов. И что это означает?

Это означает, что у России и Евросоюза «всё» (точнее, конечно, очень многое, всё основное) единое — а институты должны быть разные. Потому что мы, Россия, и они, Евросоюз, два абсолютно равных субъекта европейской цивилизации. И пока мы вместе не создали единые институты (например, Общеввропейский парламент, Единое европейское правительство, Общеввропейский военный союз и пр.), Евросоюз не подотчетен институтам, праву и нормам функционирования России, а Россия — институтам, праву и нормам функционирования Евросоюза.

Между тем Евросоюз (Западный) — это не просто 27 стран, в него в настоящий момент входящих, а нечто более объемное и пространное. В том-то и состояла мудрость интеграционного проекта ЕС-2, что он не ограничивался только территориальной экспансией (всё продолжающейся), а создавал вокруг себя, шире своих границ, поверх этих границ — своё субцивилизационное поле. И в 90-е годы XX века Россия в это не ею сформированное поле попала.

Совет Европы и его Парламентская ассамблея, Страсбургский суд, переформированная США и Евросоюзом Органи-

714

зация по безопасности и сотрудничеству в Европе (созданная в 1975 году совместно Западом и СССР-Россией на паритетных началах, но после распада СССР ставшая очевидно антироссийской) — всё это структуры, функционирующие по правилам и нормам ЕС-2, которым в демократическом угаре и в бездумной, как оказалось, вере в действительно общеевропейские (а не просто западноевропейские) ценности Россия добровольно подчинилась.

Дальше — больше. Теперь «европейцы», как они себя называют, требуют от России подчинения вообще всем их нормам, вплоть до, например, какой-то Энергетической хартии и каким-то протоколам к этой хартии. А когда Россия отказывается, ей указывают, причем с наглостью и снобизмом хозяина, на её, России, «энергетический империализм». Странно ещё, что от нас не требуют подчинения всем вообще юридическим нормам ЕС!

Впрочем, если кто-то поддается требованию жить по твоим законам, то почему бы и не требовать.

Вот и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (СПС), срок действия которого истекает в конце 2007 года, есть по сути сумма обязательств (хорошо, что не с очень сильной модальностью) России соответствовать (в тех или иных сферах) нормам и правилам ЕС. Но почему не наоборот?

Между прочим, один из вариантов подписания нового СПС предполагает, что это новое соглашение, если оно будет заключено и подписано, затем поступит на ратификацию в парламенты всех государств — членов ЕС. В российский парламент тоже — тут всё-таки нас в правах не поразили. Но и ещё в 27 парламентов. Представляете, какие спектакли будут по этому поводу разыграны в парламентах Польши, например, или Латвии, или Эстонии, или Румынии (мечтающей включить в свой состав Молдову)!

Сейчас наши дипломаты, хотя Польша и заблокировала переговоры по заключению нового СПС, ведут работу, чтобы избежать такой унижительной процедуры и ограничиться ратификацией в Европарламенте.

А что тут работать! Россия — такой же Евросоюз, как и ЕС-2. И имеет в своем составе 86 субъектов. Поэтому нужно просто поставить условие, что бы новое СПС прошло ратификацию в Законодательных собраниях этих 86 субъектов. И лич-

715

но я не решусь предсказать, какие условия для ратификации поставят парламенты Тывы, Чечни, Ханты-Мансийского автономного округа (эти, пожалуй, потребуют присоединения ЕС к инструкциям российского Министерства энергетики — и правильно сделают!). Да и результаты такой ратификации в парламенте Московской области могут быть весьма интересными.

Я не шучу. Я говорю вполне серьезно. Меня как гражданина России и Восточноевропейского (Российского) союза совершенно не устраивает то, что меня и моё государство заставляют жить в моём государстве по законам другого государства. Я могу сколько угодно критиковать депутатов Государственной думы, но принятые ею законы я обязан и готов исполнять. Я законов Евросоюза (поскольку я не его гражданин, но часто там бываю) готов придерживаться, находясь на его территории. Но не на своей.

Именно поэтому я и считаю, что лозунгом дня в наших взаимоотношениях с ЕС-2 является: *Вывод*

России из-под юрисдикции Евросоюза!

И в этом со мной согласны, оказывается, Романо Проди и Владимир Путин, которые солидарны в формуле «Всё, кроме институтов». Вот именно, Владимир Владимирович!

Значит ли это, что наши законы исключительно хороши и не нуждаются в усовершенствовании, а законы ЕС плохи и вообще не подходят нам?

Нет, не значит. Мы вообще, наверное, может просто перевести некоторые законы ЕС и применять у себя. Но с единственным условием. Эти законы должны быть приняты нашим парламентом и подписаны нашим президентом, то есть стать российскими законами.

Я предлагаю и считаю необходимым для России выход из всех так называемых европейских институтов, созданных без участия России, а равно из ОБСЕ, то есть — окончательное восстановление нашего суверенитета в его полном и необходимом для функционирования такого государства как Россия объёме.

Я также предлагаю заключить абсолютно равноправный договор хоть о партнерстве, хоть о сотрудничестве, хоть о союзничестве — вплоть до военного и политического, между Россией и ЕС. Более того, я предлагаю создание общеевропейского парламента, половина депутатов которого будут

716

избираться от ЕС, а половина — от России. И создание общеевропейского правительства, половину которого составят министры из стран ЕС, а половину — из России. Я даже готов на выборы общеевропейского президента — первоначально, естественно, депутатами общеевропейского парламента. Мне тем более легко всё это предлагать, ибо я знаю, что к этому не готова не Россия, а Евросоюз. Именно он не готов ни к общеевропейской (но действительно «общей», а не просто «западной») демократии, ни к строительству общеевропейского дома.

А пока ЕС к этому не готов, лично я не собираюсь испрашивать у ЕС, ПАСЕ и ОБСЕ права на избрание того или иного российского президента или на сроки пребывания его у власти. И я сожалею, что нынешняя российская власть, вопреки моему желанию, по-прежнему готова с мнением ЕС, ПАСЕ и тем более ОБСЕ на сей счет считаться. Я просто не понимаю, почему это происходит. И не хочу понимать. И не буду.

Спасибо, Польша!

Как и многие другие, узнав о том, что Польша заблокировала переговоры по разработке нового соглашения между ЕС и Россией, я произнес несколько крепких слов по адресу Варшавы.

Каюсь и винюсь — это был глупый и недалёковидный всплеск стереотипных эмоций. Извини меня, Польша!

По здравому размышлению, я должен признаться в искренней благодарности тебе за этот мудрый шаг, какие бы резоны не подвигли тебя на его совершение.

Если бы ты, Польша, не заблокировала эти переговоры, уже сейчас десятки дипломатов и бюрократов сочиняли бы (и к осени непременно сочинили) пустой и бессмысленный договор об очередном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, где Россия опять брала бы на себя обязательства «приблизить» нормы, обычаи и законы своей жизни к тому, что нравится Брюсселю. В обмен на то, что наши дипломы о высшем образовании милостиво признают в странах ЕС, а нашим гражданам, прошедшим проверку в МВД стран ЕС, позволят получать годовые шенгенские визы. И, конечно, в этот договор внесли бы много столь же высоких, сколь и необязательных слов и деклараций.

717

Спасибо, Польша, что этот бесплодный и в общем-то обманывающий всех процесс остановлен, а в отношениях между ЕС и Россией возникла пауза (надеюсь, достаточно продолжительная), которая позволяет подумать об истинном, а не спекулятивном смысле наших отношений и нашей нужности (либо ненужности — и такое не исключено на этом этапе нашего скорее соперничества, чем сотрудничества) друг другу.

И вообще Евросоюз ещё не созрел для того, чтобы пойти на искренний союз и даже только на партнерство с Россией. Польша — в отличие от других членов ЕС — не постеснялась сказать об этом вслух.

Хвала ей!

«Управляемый хаос», созданный с благословения ЕС на Украине, это блестяще демонстрирует. Украину, конечно, жалко. Ну да будем утешаться тем, что нашей, русской, вины в этом нет ни капли.

Украина: борьба до конца единого государства?

То, что сделал Ющенко, фантастично по своим последствиям. Самый отъявленный украинский националист (а именно такие люди поддерживают нынешнего президента, точнее говоря — стоящую за ним уже не в тени Юлию Тимошенко) не мог и в горячечном бреду представить, что в одночасье можно сделать такой гигантский шаг навстречу гибели украинского государства.

Дело в том, что двоевластие, фактически существующее на Украине, не висит в безвоздушном пространстве, а опирается на политический, цивилизационный, этнический, языковой и географический раскол страны. Раскол не придуманный, а реальный. Раскол, который с победой оранжевых в нынешнем противостоянии, если эта победа случится, только увеличится, ибо жителям южных и восточных регионов Украины не нужно будет объяснять, что это для них значит: полная украинизация и форсированное вытеснение русского языка из всех сфер, кроме бытовой, политическое гетто, полный разрыв отношений с Россией, выход из СНГ, появление американских военных баз, поглощение Украины структурами НАТО.

Всё это в конечном итоге чревато гражданским противостоянием, вплоть до вооруженных

столкновений, и распадом страны.

718

Украинские националисты, идущие за Тимошенко, подталкивающей в спину Ющенко, не могут этой опасности не видеть. Следовательно, они рассчитывают на силовое подавление сопротивления загнанных новыми выборами в политическое гетто граждан Украины, живущих на юге и востоке страны, а также отражающих интересы этих граждан политических и бизнес-элит.

А это — военная диктатура, причем опирающаяся на помощь, как минимум — полицейскую, извне, то есть с Запада, то есть от НАТО и США. Дальше даже страшно заглядывать в этот сценарий. Но именно в эту и только в эту сторону ведет логика развития «оранжевого управляемого кризиса».

«Оранжевые», украинские националисты всех градусов (от умеренных до самых радикальных) не способны или не хотят понять одного. Нынешняя Украина, никогда в этих границах ранее не существовавшая, является не государством украинцев, а государством украинцев и русских. У этой страны в её нынешних границах и с историей её рождения в 1991 году не один, а два государствообразующих народа — украинцы и русские. Это фундаментальнейшая константа нынешнего украинского государства и попытки игнорировать наличие этой константы, а тем более её сломать, да ещё вне рамок права, не могут привести ни к чему иному, кроме как к распаду нынешней Украины.

Кроме того, совершенно исключено, что Москва будет спокойно наблюдать за тем, как уничтожаются политические права и политическое представительство во власти самой большой за пределами России части русских, численность которых на Украине — не сотни тысяч, а миллионы (по официальным украинским переписям — 8 миллионов, в реальности — до 15). Тем более нельзя рассчитывать на нейтралитет Москвы, ибо, как я уже сказал, без западного вмешательства, а точнее — без западного военного присутствия, режим «оранжевых» никаких шансов на удержание власти (при таком отношении к русским, их языку, их интересам, их депутатам) не имеет.

Ну и что из всего этого следует?

Ни Виктор Ющенко, ни Юлия Тимошенко не решаются отвечать на этот вопрос. Более того, они даже боятся дать интервью российским СМИ, обращаясь только и исключительно к Западу, то есть туда, где публично этого вопроса не

719

зададут и где интересы русских граждан Украины никого не волнуют.

К политическому расизму Запада, в том числе «правозащитного до мозга костей» Евросоюза, проявляющемуся по отношению к русским «негражданам» в странах Балтии, мы уже привыкли. Сейчас мы увидим, как этот политический расизм будет проявлен по отношению к миллионам русских граждан Украины.

Вообще безумие Запада в последнее время начинает пугать. Разрешить Тимошенко и Ющенко ввергнуть одну из крупнейших по территории и численности населения стран Европы в гражданское противостояние, чреватое последствиями, ряд из которых я описал, это, конечно, либо безумие, либо верх политического цинизма и безответственности. Впрочем, после расчленения Югославии, а теперь уже и Сербии, удивляться нечему. Точнее — надо быть готовым и к этому.

720

Раздел 8. РАЗНОЕ, НО ВАЖНОЕ

721

Об идее разрушения мавзолея

Хоть ведайте, что вас ждёт
РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 14.06.1997

Дважды высказанная за последние несколько дней Борисом Ельциным идея ликвидации мавзолея на Красной площади и вообще всех захоронений на ней — идея, во-первых, пошлая, во-вторых, опасная. Странно, что ей дважды же публично аплодировали люди, считающие себя интеллигентами, то есть носителями знания, морали и вкуса.

Мавзолей, созданный Щусевым, — бесспорный шедевр мировой и русской, эпохи СССР, архитектуры. Разрушить подлинное произведение искусства — в этом, конечно, нет ничего оригинального по замыслу, такое не раз случалось в нашей истории, включая в первую очередь советский период. Но только разрушители произведений искусства не имеют права называться интеллигентами. Их принято со времен Древней Греции называть варварами.

Порыв уничтожить мавзолей тем более страшен сегодня, ибо современная русская архитектура не только плетется в арьергарде мировой архитектурной мысли, сформированной по крайней мере наполовину на основе проектов и идей советской (русской) архитектуры 20—30-х годов, когда и создавался мавзолей. Более того, уничтожение культового здания советской эпохи особенно циничным выглядит на фоне поточного производства новоделов и подражаний культовым зданиям эпохи досоветской. Следовательно, суть задуманного — только в политике, то есть во внекультурных, во внеисторических и внеморальных сферах жизни.

Совершенно внеисторично и обоснование идеи разрушения некрополя у Кремлевской сте-

722

ны ссылками на то, что могилы не могут находиться в публичном месте, где люди собираются на праздники. Доказывать полную абсурдность этой аргументации бессмысленно. Тот, кто знает, знает и так. Кто не знает — не знает и знать не хочет. Оспаривать отсылы к апокрифам типа завещания Ленина похоронить его рядом с матерью тоже бессмысленно. Тем более что проблема мавзолея, проблема захоронения тела Ленина и проблема некрополя у Кремлевской стены — это три разные проблемы, местами, правда, совпадающие.

Проблему мавзолея я обрисовал: разрушение архитектурного шедевра есть вещь пошлая, варварская и опасная (для развития культуры и общественной морали).

Проблема тела Ленина. Действительно, по православной христианской традиции тело должно покоем в земле (хотя и здесь есть исключения). Более того, власть имеет полное право отказаться от затрат на поддержание странного для светского государства сохранения святых и одновременно атеистических мощей. Но как только власть это сделает, судьбу тела покойного должны определять только его родственники, потомки, которые, как известно, существуют. Они не могут настаивать на захоронении на Красной площади, ибо это действительно публичное место, а захоронениями в публичных местах всегда ведают власть. Но на каком кладбище вне Красной площади — это решает семья. Власть лишь может последовательно отказывать: на Новодевичьем — нельзя, на Кунцевском — нельзя, и так до бесконечности (в рамках закона, разумеется).

Теперь о некрополе у Кремля вообще. Сейчас он не является ни градостроительной, ни исторической, ни культурной, ни культовой, ни моральной, ни даже, по большому счету, и политической проблемой. Время и традиции всё освятили. Политическая проблемность некрополя (его, так сказать, левый дух) исчезнет с течением времени полностью. Но как только кто-то примет решение о гробокопательстве, все эти проблемы возникнут.

Кремлевский некрополь интернационален, более того — интернационален в межгосударственном смысле. Нужно вообще ничего не понимать в строении современной цивилизации, чтобы предполагать, что живущие ныне родственники и государства, гражданами которых покойные или их ныне живущие родственники являлись или являются, будут спо-

723

койно наблюдать, как российские власти будут выкапывать останки сотен покойников и определять их судьбу. Или мы хотим учредить государственный похоронный комитет, который будет рассылать по всему миру, предварительно утряся юридическую и финансовую стороны проблемы, останки и прах покойных? И Сталин поедет в Грузию, Джон Рид — в США, Брежнев — на Украину, Дзержинский — в Польшу, Бела Кун — в Венгрию. И так далее и так далее. Вы что думаете, в этих странах живут варвары и они дадут глумиться над костями покойных, тем более — столь знаменитых?

А куда вы рассуете Гагарина, Жукова, Чкалова, десятки и десятки других достойнейших граждан страны, родственники которых не по своей воле отдали их тела государству, но не для глумления, а для почета?

Проблема решается только одним путем. Некрополь неприкосновенен. Тело Ленина, с согласия

родственников, хоронится в землю внутри мавзолея. А мавзолей? Это совсем просто. И нужно совсем не знать историю своей страны, чтобы не понимать, что в своем архитектурном совершенстве мавзолей есть памятник невоплотившейся идее коммунизма, коммунистической утопии, если хотите, творцам и жертвам этой утопии.

Если сломать мавзолей, мир не перевернется. А с нашей интеллигенцией — даже и нормальным людям запудрят мозги относительно целесообразности этого акта. Но не завидую тем, кто примет это решение и станет его реализовывать. В этой стране их имена будут покрыты позором. В третьем поколении не отмоются.

724

Загадка экстремизма

Почему не надо искать того, чего нет

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 15.06. 2002

Думские слушания по проекту закона об экстремизме, заминированный антисемитский плакат на подмосковном шоссе и воскресные бесчинства молодых хулиганов в центре столицы стимулировали новый виток дискуссий о сути экстремизма и эффективных мерах борьбы с ним. При этом почему-то слово «экстремизм» употребляется в основном в сочетании с определением «политический» (иногда, но гораздо реже — с определением «религиозный»). Вроде бы именно эти характеристики и делают экстремизм общественно опасным явлением. Все дискуссии и о политическом экстремизме, разворачивавшиеся в России в последние годы, к сожалению, ни на йоту не приблизили нас ни к эффективной борьбе с ним, ни даже к пониманию сути явления. Причин тому, на мой взгляд, три.

Во-первых, все «теоретики» борьбы с экстремизмом крайне тенденциозны и идеологически зашорены, а потому постоянно прибегают к двойным стандартам. Во-вторых, даже с помощью этого метода они не могут предложить сколько-нибудь убедительной трактовки понятия «экстремизм», а главное — универсальной системы признаков экстремизма, позволяющих квалифицировать его как уголовное преступление и тем самым поставить в ряд других уголовно наказуемых деяний. В-третьих — это относится уже не к идеологически ангажированным, а к добросовестным попыткам разгадать загадку экстремизма, — как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, превращаясь то в

725

брутальное инакомыслие, то в собственно уголовное преступление — чаще всего либо в терроризм, либо в обычное насилие над личностью или в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголовном кодексе) деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

И это не случайно, ибо экстремизм как общественное явление не может быть квалифицирован как преступление, так как таковым не является. Это не парадокс, а банальность. Не надо искать и разгадывать загадку экстремизма там, где ее нет. Тем более что нет и загадки вообще.

Теперь я сделаю небольшое отступление, которое тем не менее подведет нас прямо к сути проблемы. Чтобы быстро и зримо обнаружить реальные цивилизационные различия стран, нужно в первую очередь сравнивать не их конституции, не религиозные, философские или политические доктрины. Нужно сравнивать уголовные уложения (кодексы), ибо уголовный кодекс каждой достаточно развитой страны есть первый (ибо он исключительно конкретен и подробен) из трех главных сводов общественно принятых истин (а отсюда и правил, и запретов, и наказаний). Два других аналогичных свода — это, конечно, конституция и Библия (для христианских стран). Кстати, по древности своей (через систему преемственности аналогичных документов), то есть универсальности, любой УК любой европейской страны также превосходит даже Библию, не говоря уже о конституциях.

Что из этого следует? То, что если такое древнее явление, как экстремизм, до сих пор не нашло в уголовных уложениях себе места, значит, места там для него нет.

Что есть экстремизм? Это всего лишь *приверженность к крайним мерам в проведении* какой-либо идеи в жизнь. Но если эта приверженность не реализована, экстремизм есть, а преступления нет. Например, чувство нелюбви к евреям есть просто чувство (может быть, и неприличное). Слова «не люблю евреев» суть инакомыслие. Те же слова, написанные на доске и выставленные в публичном месте, суть пропаганда своего инакомыслия. Слова «Бей евреев» суть экстремизм. Те же слова, написанные на доске и выставленные в публичном месте, суть (в зависимости от обстоятельств) либо просто экстремизм, либо «подстрекательство» к соответствующему действию, а «подстрекательство» — это уже термин из УК. Однако довести факт публичной огласки таких слов до

726

соответствующего судебного приговора удастся лишь (в этом и состоят «обстоятельства»), если за подстрекательством последует действие, если будет доказан умысел — и, боюсь, тут нужно вписать еще много разных «если». Ибо как раз здесь лежит зыбкая граница, отделяющая индивидуальный или групповой экстремизм от преступления (по закону). Но как только столб, на котором укреплен доска с цитировавшейся надписью — если это даже просто «не люблю евреев», — минируется, наступает абсолютная правовая определенность: это уже либо «покушение на убийство», либо политический (а правильное — этнический) «терроризм», то есть просто преступление, которое предусмотрено УК.

Терроризм есть покушение на жизнь или здоровье людей с целью не столько убийства конкретной

личности, сколько для устрашения остальных людей, он всегда экстремален. Но экстремизм — это далеко не всегда, точнее, чаще всего — не терроризм.

Надеюсь, не нужно уточнять, но всё-таки уточню, что вся цепочка рассуждений верна, если в надписи, о которой шла речь, слово «евреев» заменить на слова «русских», «азербайджанцев», «богатых», «бедных», «женщин», «мужчин» и т. д.

Воскресные противоправные действия в центре Москвы совершенно справедливо уже квалифицированы как «массовые беспорядки» (статья из УК). Можно предположить, что не менее справедливо показ рекламного ролика, содержание которого — футбольные фанаты разбивают чужие автомобили, в толпе футбольных фанатов, находящихся рядом с чужими автомобилями, будет квалифицирован как подстрекательство к массовым беспорядкам (умышленное или нет — другой вопрос). И именно потому, что этот экстремистский (но не политически, не религиозно, не этнически, а просто общественно-экстремистский) ролик был показан в определенных обстоятельствах, имевших определенные последствия.

Словом, экстремизм как приверженность к крайним мерам действия перестает быть просто антиобщественным явлением и превращается в преступление (которое мы обязательно найдем в столь универсальном документе, как УК), как только он от идей, слов и пропаганды как распространения идей переходит к пропаганде как «возбуждению вражды», или к «подстрекательству», или к самим действиям. Принятие закона об экстремизме (или борьбе с ним) бессмысленно, а сле-

727

довательно, не нужно и даже вредно, ибо всякий закон, который не может действовать, причем действовать универсально, а не избирательно, вреден. Более того, однажды он будет оспорен в каком-то из судов высшей инстанции (сам по себе или по какому-то прецеденту) и вообще выпадет из системы права, тем самым легализуя экстремизм, делая его неподсудным даже суду общественному.

Экстремизм разного уровня свойствен многим людям, особенно если они не могут добиться желаемого общепринятыми, то есть господствующими методами. Но всё господствующее, естественно, рождает желание противостоять ему. Если силы не равны, а они, как правило, не равны, рождается то, что довольно легко квалифицировать как экстремизм. В принципе экстремистским является всякое меньшинство и, конечно, всякое большинство (ибо не дает меньшинству занять свое место). Изжить это нельзя. Запретить можно, но только тотально расширив репрессивную машину, то есть перейдя от демократии к государственному экстремизму. Короче говоря, лучшего метода борьбы с проявлениями любого общественного экстремизма, чем скрупулезное и своевременное следование существующим законам — и прежде всего, самому универсальному из них, то есть УК, — придумать нельзя. И не удастся.

728

Внимание, опасность!

Об идее преподавания курса «Православная культура» в школе

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 21.11. 2002

Немало, хотя пока еще и не слишком много шума наделало циркулярное письмо Министерства образования, которым рекомендуется ввести в школах факультативный курс «Православная культура».

Большой шум, впрочем, еще будет — когда курс начнут реально внедрять в школьную жизнь.

Причем шум возникнет неизбежно, ибо данный шаг, безусловно, станет крупнейшим, революционным (в смысле глубины потрясения) изменением системы образования в стране. Равным по мощи тому, что принесло в свое время, то есть в 1917 году, исключение Закона Божьего из числа школьных предметов.

Дело слишком серьезное, чтобы решение о таком революционном нововведении принималось одним министерством, одним правительством. Это либо дело закона, то есть Думы и Совета Федерации, либо вообще всего народа, что означает проведение соответствующего референдума.

Сразу скажу, что моя личная оценка данного нововведения — категорически отрицательная. И это несмотря на то, что содержание курса, опубликованное в ряде СМИ, показывает: курс интересен и имеет полное право на существование.

Но вне стен общеобразовательной школы. Ибо этот курс абсолютно клерикален. Я бы рискнул приложить к данному курсу известное изречение о необходимости закрытия факультета философии в Московском университете: польза от преподавания такого предмета не доказана, вред очевиден.

729

В чем же этот вред? Конечно, не в том, что дети, подростки, юноши и девушки будут знакомиться с основами православной культуры и даже изучать их. Это полезно. И даже нужно.

Вред в другом. Во многом другом.

Прежде всего, такое нововведение есть безусловное нарушение конституционных принципов светского характера нашего государства и нашего образования. А конституционные принципы должны и изменяться конституционно.

Нынешние принципы, как известно, не исключают ни существования различных религий и церквей, ни существования религиозного образования, но вне рамок общеобразовательной школы, в так называемых воскресных школах, посещение которых — воля исключительно детей и их родителей.

Ссылки авторов, инициаторов и пропагандистов идеи на то, что курс «Православная культура» и курс «Закон Божий» — суть разные вещи, не выдерживают никакой критики по определению. Тем более, если ознакомиться с писанным содержанием курса «Православная культура».

Во-первых, изложение курса «Православная культура» невозможно без изложения и преподавания самого православия.

Во-вторых, какие кадры могут преподавать такой курс? Ясно, что только или в массе своей православные священники.

В-третьих, светский курс «Православная культура» уже давно присутствует в нашей школе (даже и в советской атеистической присутствовал) — в виде преподавания истории России, то есть истории русского народа и русского государства, каковые и до революции 17-го года, и, что менее явно, но не менее реально, и после 17-го года были православными. Курс истории России дополняется в этом смысле (и не только в этом) курсом русской литературы, православной на 99 процентов, даже в своей революционности (хрестоматийный пример — «Двенадцать» Блока), даже в своей атеистичности (почти весь Горький, например, шолоховские и «Тихий Дон», и даже «Поднятая целина»). Православны и Платонов, и Солженицын, и Шукшин. Несколько менее, да и то лишь в «Мастере и Маргарите», православен Булгаков. Я уже не говорю о том, что среди изучаемых в школе великих русских поэтов православными поэтами (помимо их прочих качеств)

730

являются и Пушкин, и Лермонтов, и антиклерикальный Некрасов, и уже упоминавшийся Блок, и левый Маяковский, и уж точно Есенин, Цветаева, Ахматова. Еще более того, два крупнейших русских православных мыслителя России, творивших под личинами гениальных писателей, Лев Толстой и Федор Достоевский, слава богу, еще не вычеркнуты из школьной программы.

Что же еще нужно светскому преподавателю, желающему преподавать «Православную культуру» своей юной пастве, если он опирается на тексты таких гигантов? Разве что умения (себе самому) объяснить причины проявления антиклерикальных, богоборческих, атеистических тенденций, которые, между прочим, суть превращенные формы интереса и внимания именно к русскому православию.

Пойдем далее. Я бы не видел никаких собственно профессионально-образовательных препятствий к введению такого курса в средней школе даже в качестве обязательного, а не только факультативного предмета (что, видимо, и имеют конечной целью авторы идеи), если бы были соблюдены три совершенно необходимых условия.

Первое — курс должен называться честнее, например, «Основы и история русского православия». Второе — вести его должны исключительно светские педагоги. Но главное, третье условие — параллельно и одновременно должен быть введен в школьное образование курс «Основы и история философии». Всё-таки религиозная философия и, скажем так, естественно-научная философия, родившись почти из одного ядра, составляют две взаимодополняющие друг друга, но и конкурирующие мировоззренческие системы, два взаимодополняющих друг друга и взаимоисключающих метода познания и осмысления мира. Вводить одно, не вводя другое, в общеобразовательном учебном заведении нельзя. В специальном (в данном случае — церковном) — можно.

Но зачем в средней школе и то и другое? Разве не логичнее, не естественнее, не ответственнее, не научнее (ибо общеобразовательная школа есть не только образовательное, но и научное учреждение) расширить (а не сужать, что происходит сейчас) преподавание истории России и истории русской литературы (факультативно изучая в последнем курсе, например, «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя)?

731

За очевидностью лишь коротко коснусь в заключение того, что, несмотря на презумпцию невиновности, можно заранее квалифицировать как преступление: разбить, расчленив по конфессиональному признаку школы, классы, единые коллективы детей, детей-друзей, до введения этого курса и не подозревавших, что они — разные, разной крови, разной веры, разной культуры (!). И нигде не расчленив поровну — всюду образовывать большинство и меньшинство, всюду наплодить париев, автоматически загоняемых в «культурные резервации», озлобляя, порождая комплексы «свой — чужой», по сути — стравливая. И это в России, и так-то стране крайностей!

Чем бы ни руководствовались инициаторы идеи — благими ли намерениями возрождения единой морали и единой культурной традиции в обществе, чисто ли просветительскими соображениями или услужливым знанием о воцерковленности президента, результат будет ужасен.

Впрочем, в богатой русской фольклористике, абсолютно православной даже в своем нередком «антипоповском» злоязычии, на сей счет есть совершенно точная, будто специально для этого случая сочиненная народом-богоносцем поговорка. Остерегающая нас от тех, кого вдруг обуяло боголюбие.

732

Русский Кавказ

Большой проект решения большой проблемы

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 16.01.2003

Несмотря на многие тактические успехи на кавказском направлении внешней и внутренней политики России, стратегически современную геополитическую битву за Кавказ Москва по-прежнему

проигрывает.

То, что Москве удалось в последние месяцы перехватить инициативу в процессе политического урегулирования в Чечне, крайне важно, но кардинально ситуацию в кавказском регионе не меняет. Даже и в самой Чечне. Ведь современные демократические институты хороши всем, кроме одного: в отсутствие развитых демократических традиций власть с их помощью захватывается гораздо легче, чем путем совершения таких рискованных трюков, как госпереворот или военные действия. Причем захватывается легитимно. И захватывается теми, кто наиболее консолидирован и напорист. А это чаще всего отнюдь не сторонники тех, кто занимает командные высоты в момент проведения выборов. Демократия всегда выгодна оппозиции, а что такое оппозиция в Чечне, рассказывать не надо.

Военное присутствие «корректирует» излишества демократии, но в современных условиях даже оно не гарантирует лояльность той или иной территории Центру.

Что есть российский Кавказ сегодня?

Группа авторитарно управляемых, сильно коррумпированных дотационных территорий, сохраняющихся в составе РФ почти исключительно на основе существующего статус кво.

Что удерживает их в составе России? За малым исключением это традиция; деньги, получаемые

733

из Москвы и собственно России — официальные, преступные и от частных заработков; возможность жить фактически вне законов РФ, по своим, мягко говоря, не вполне вписывающимся в европейские нормы обычаям.

Любой сильный побудительный импульс, причем не обязательно негативистский, способен нарушить эту призрачную стабильность: волнения в Азербайджане или Грузии, появление пассионарной личности, не говоря уже о направленной дестабилизации.

Собственно Россию и население большинства северокавказских республик разделяет почти всё: религия, менталитет, образ жизни, отношение к труду, семейное право и т. д. Доходило до смешного (или, наоборот, печально-трагического): представители титульной нации России массово попадали в рабство (в буквальном смысле слова) к жителям некоторых своих окраинных территорий.

В результате мы имеем: 1) массовый выезд русских с Северного Кавказа; 2) существование федеральных силовых структур, включая армию и пограничников, фактически в условиях, схожих с нахождением на чужой территории; 3) мучительный перебор кандидатур на пост главы той или иной республики с необходимостью нарушать все законы с целью проведения лояльной Москве кандидатуры.

При нынешнем положении дел поддерживать реальную, а не мифическую лояльность Северного Кавказа Москве и реальную стабильность в этом регионе можно только двумя методами: либо действуя фактически по принципу оккупационной власти, либо закачивая в регион миллиарды долларов, специально предназначенных на разворовывание местными формальными и неформальными лидерами территорий и их многотысячной клиентурой.

Радикально изменить ситуацию может лишь масштабный проект, концептуально отличающийся от классических мер.

Борьба за Северный Кавказ бессмысленна, если не думать о Кавказе в целом. Россия, безусловно, должна вернуть себе если не власть, то контроль над всем Кавказом до береговой черты Черного моря. Кавказ един и не может принадлежать кому-то наполовину.

До Аллаха высоко, до Москвы (или даже до России) далеко — именно по этому закону живут многие на Северном Кавказе.

734

Необходимо приблизить Москву к Кавказу, создав непосредственно на его территории Центр (Столицу) Русского Кавказа. Этот Центр не должен обладать формальными функциями Столицы, но тем не менее он должен полностью доминировать над всем Кавказом.

Итак, это не власть. Это скорее корпорация, которая, однако, не занимается текущими бизнес-проектами. Это корпорация-мегаполис, который всех притягивает к себе, самый богатый и процветающий мегаполис Кавказа. Всё население региона должно зависеть от этого богатства, а потому и быть заинтересованным в его сохранении и развитии, следовательно — в стабильности и мире.

Этот Центр должен обеспечивать население региона работой, как постоянной, так и сезонной; зарплатами, в том числе и разовыми; развлечениями; отдыхом; образованием; политическим влиянием.

Новый Центр русского Кавказа также должен привлекать жителей других регионов страны прежде всего как развлекательный комплекс.

Создание русской столицы Кавказа (когда-то эти функции отправлялись Тифлисом, Баку, Владикавказом и Грозным) невозможно путем простого инвестирования в этот регион — деньги будут разворовываться и расплываться.

Чтобы этого не происходило, необходимо соблюдение ряда обязательных условий:

1) Центр должен создаваться с нуля на абсолютно неосвоенной территории — в ином случае дело сразу же поставят под свой контроль местные бюрократические, этнические и преступные кланы;

2) территориально он должен находиться в русском субъекте Федерации — Краснодарском или Ставропольском крае;

3) органы власти должны подчиняться напрямую Москве;

4) все ключевые посты должны занимать посланцы Москвы;

5) службы безопасности и правопорядка Центра ни в коем случае не должны подчиняться местной

власти;

б) центр должен иметь постоянное население не менее 400-500 тыс. человек; обеспечивать работой до 1-2 млн. жителей; привлекать в качестве посетителей — до 3-5 млн. человек.

735

Новый Центр Кавказа должен иметь развлекательные заведения, включая казино и ночные клубы; гостинично-туристические комплексы; концертные залы — в первую очередь для массовых развлечений; спортивные комплексы для престижных или приносящих большие доходы соревнований. А также площадки для производственных комплексов высоких технологий (по принципу свободной экономической зоны); учебные заведения; центр региональных СМИ (телевидение, радио, пресса); дорогостоящий городок частных владений.

По сути, это закрытый город. В том смысле, что в нем не имеет право постоянно жить никто, кроме работников данной корпорации. Все остальные делятся на две категории: посетители Центра — те, кто оставляет в нем деньги, живут только в гостиницах; сезонные и иные временные работники Центра живут в общежитиях.

Если рассматривать власть как производное от денег, богатство Центра должно обеспечить его неформальные властные функции. Ни одна столица Кавказа не должна быть крупнее или богаче Центра. Здесь должны заключаться самые крупные сделки. Здесь должны иметь свои дома самые влиятельные люди региона.

Географически Центр должен быть расположен так, чтобы иметь наилучшее транспортное сообщение с Москвой и Ростовом-на-Дону; с Сочи и Кавминводами (строительство Центра, кстати, подтолкнет развитие этих рекреационных зон, которые станут курортными филиалами Центра); Баку, Тбилиси и Ереваном.

С одной стороны, проект кажется непомерно грандиозным. С другой — предельно банальным (Лас-Вегас плюс Силиконовая долина). Но сложные политические проблемы решаются, как правило, предельно простыми способами. Однако такими, которые учитывают человеческие инстинкты и интересы.

Кавказ задыхается от безденежья и нежелания людей работать на кого-либо, кроме себя. Проект «Русский Кавказ» учитывает оба эти аспекта.

Кроме того, он представляет собой по сути «ударную стройку витрины российского капитализма». Тот, кто начнет эту стройку, а рано или поздно кто-то начнет, и будет контролировать Кавказ. Почему не Россия?

736

Порядок или Марс?

О национальных приоритетах России

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 22.01. 2004

На пике их глобального могущества Соединенным Штатам понадобилась новая Большая Мечта. Или, как модно выражаться ныне, новый Большой Проект. Президент Буш провозгласил целями американской космической стратегии создание постоянной базы на Луне и пилотируемый полет на Марс.

Если даже это и предвыборный ход, то вряд ли сама идея будет забыта после того, как осенью 2004 года американцы изберут президента. Старого или нового — неважно.

В проекте полета на Марс удачно совмещены три неизбежные цели американской политики. Во-первых, яркая демонстрация глобального лидерства США как «передового отряда человечества», а не просто самой сильной страны среди остальных двух сотен государственных образований планеты.

Во-вторых, попытка замещения образа мирового гегемона образом мирового лидера. В-третьих, желание одухотворить чем-то новым и высоким нацию, у которой после «победы демократии» в мировом масштабе (по крайней мере внешне), не осталось никаких значимых позитивных глобальных целей. Так, рутинная, а оттого не очень вдохновляющая работа по обустройству Pax Americana.

Не будучи специалистом, я не разбираю сугубо прагматические цели США — сохранение своего научно-технического лидерства, стимулирование НИОКР и собственно аэрокосмической промышленности, видимо, отчасти застоявшейся без радикально новых ориентиров.

737

Если в середине (а тем более в начале) XX века для самой постановки задачи полета в космос или на Луну требовалась гениальность, то в начале XXI для отправки человека даже на Марс нужны лишь политическая воля и экономический расчет — и никакой гениальности. Ведь теоретически не исключен вариант, что какая-нибудь очень богатая страна, обладающая свободными 30—40 миллиардами долларов, заказывает реализацию марсианского проекта под ключ (но со своими космонавтами, естественно) России или США, одному из этих двух государств на Земле, способных выполнить такой заказ.

Кстати, стоит задуматься, насколько всё-таки реальны разговоры о всё нарастающем научно-технологическом отставании России от наиболее развитых стран мира, если по-прежнему ни одна из этих стран не способна сделать в космосе то, что могут лишь наша страна и США.

Однако вернусь к гипотетическому марсианскому заказу третьей страны. Вряд ли кто его сделает, ибо в такой области, как уникальные научно-технические проекты (кроме вооруженческих), важно не столько обладание результатом, сколько процессом достижения этого результата, то есть тем, что нельзя купить — умением.

Что более всего поразило меня в реакции на заявление Буша наших экспертов, правда, не ясно, насколько корректно отраженной в российских СМИ, так это какая-то отраженная фанатерия. Дескать, Россия и сама готова послать экспедицию на Марс. Но всё как-то неясно, нечетко, несистемно. Не сделал бы Буш своего заявления, так бы и молчали.

Но ведь ученый — не комментатор чужих идей, а тот, кто выдвигает свои. Если мы можем и если нужно, то что же вы молчали раньше? Команды не было? Важного повода в виде слов президента глобальной сверхдержавы? Государственную тайну хранили?

Я ни разу не поминал в этой колонке свою программу «Что делать?», идущую по каналу «Культура». Так что одно упоминание, надеюсь, мне простится. Менее чем за три года выхода программы в ней дважды (весной позапрошлого года и осенью прошлого) обсуждались перспективы российской космической программы — и как раз в аспекте категорической необходимости (и научно-технической, и политической) реализации именно марсианского проекта. Одна из пе-

738

редач прямо так и называлась «Нужно ли русским лететь на Марс?». Отклика никакого.

Понятно, что вел передачи не Джордж Буш. И даже не президент России. Но разве только эти два человека могут ставить цели перед миром и тем более перед Россией? Когда-нибудь мы научимся ставить их сами, навязывая политикам свою волю, а не только подчиняясь им?

Бесспорно, перед Россией стоит сегодня слишком много крайне серьезных проблем, для решения которых, помимо прочего, требуется слишком много денег. И доминирующий сегодня прагматизм предполагает не амбициозное, а разумное использование этих денег. Проще говоря, на эти деньги надо навести по-прежнему абсолютно дефицитный порядок в стране, а не лететь на Марс.

Не уверен, что эти две цели несовместимы. Но уверен, что без проектов, аналогичных марсианскому, никакого порядка мы не наведем, а лишь распылим накопленные за счет высоких цен на нефть средства. Ибо и порядок нужен не сам по себе, а ради чего-то.

По расчетам российских технических специалистов, наш марсианский проект может быть реализован менее чем за треть суммы, числящейся сейчас в резервах Центробанка. Есть ли экономические расчеты того, какой экономический же эффект для российской промышленности (и науки, естественно) дало бы инвестирование государством требуемой суммы в такой проект? Или если уж поднят, наконец, вопрос о социальной и национальной ответственности российских олигархов, то почему бы им не создать марсианский консорциум и не заказать аэрокосмической промышленности России пилотируемый полет на Марс?

Всё-таки средний класс, взращенный из детей челноков, — это одно социальное качество, а из работников передовой научно-технологической сферы — существенно другое.

Несмотря на все разговоры о приоритетных общенациональных программах, которые способны и обеспечить институциональные изменения в экономике, и сохранить нашу науку, и ускорить экономический рост, и устранить наше технологическое отставание там, где оно есть, ничего конкретного ни об одной такой программе мы так и не слышали, а эффекта от них — не видели. Даже ни один мобильный телефон российской разработки никто в руках не держал.

739

Кантовское восхищение нравственным законом внутри нас и звездным небом над нами менее всего актуально сегодня для России. Нравственного закона нет безусловно. Звезды, конечно, светят, но к ним мы уже не тянемся, хотя возможность еще имеем. Но, может быть, взамен звезд, от которых мы прагматично отмахнулись, и морали, столь же непрагматичной для выживания, мы получили искомый порядок на нашей земле? Так сказать, протестантский порядок. Что-то не видно.

Жизнь людей и обществ — это всё-таки соревнование. Надеяться, что международное сотрудничество без настоящей соревновательности решит все проблемы, глупо. Присоединиться к американскому марсианскому или лунному проекту, наверное, очень прагматично. Но как-то не слишком честолюбиво, да и не в духе антимонапольного законодательства, успешно, кстати, работающего в США и практически бездействующего у нас.

У президента Путина тоже вскоре начнется предвыборная кампания. Политически ему не о чем спорить с конкурентами — силы не равны. Может, поспорят о Марсе? Или о каком другом общенациональном проекте, рождающем не только порядок, но и вдохновение нации?

740

Терроризм как оружие массового уничтожения

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 25.03. 2004; 14.07. 2005

Четыре синхронно проведенных 7 июля в Лондоне теракта вновь вывели проблему терроризма как первостепенную и для мировой политики, и для внутренней — во всяком случае, в некоторых странах, в числе которых и Россия.

Из одних только газетных публикаций, посвященных терроризму, появившихся в последние годы, можно составить не один десяток толстых томов.

И вроде бы все пишут об одном и том же и с одинаковой тревогой, однако складывается впечатление, что каждый автор всё-таки всякий раз имеет в виду нечто другое, чем его коллега, тем более — чем его оппонент, а иной раз, даже чем и он сам, но в предшествующей публикации. И дело не только в

терминологической нечеткости, хотя и это показательно. Дело в том, что «терроризмом» сегодня называют множество схожих, но не равнозначных явлений, из числа которых тот или иной эксперт, политик или террорист выбирает нужный ему набор компонентов, осуждая или оправдывая ту или иную акцию.

Вот одно из довольно удачных определений терроризма: «форма политически мотивированной деятельности, сочетающей психологический (устрашение) и физический (насильственные действия) компоненты, осуществляемые индивидуумами или малыми группами с целью побудить сообщество или государство выполнить их требования» (Дэвид Джери, Джулия Джери. Большой толковый социологический словарь; русское издание).

Получается, что ключевые слова в этом определении не «устрашение» и «насилие», а «индивиду-

741

умы и малые группы», ибо если последние слова изъять, то под определение терроризма попадает и любая война против другого государства, и даже просто полицейская операция.

Авторы словаря, вполне осознавая расплывчатость формулировки, дифференцируют разные виды терроризма — от революционного до государственного. Но делают это не очень убедительно. И та же картина — с определениями терроризма, имеющимися в других источниках.

Между тем терроризм, явление абсолютно новое в истории человечества, в силу ряда обстоятельств, в том числе и техногенных, приобрел сегодня такой размах, а главное — благодаря современным СМИ — такой масштаб воздействия на массы людей, что без жесткого и четкого отделения терроризма от схожих явлений человечество может запутаться уже не в словах, а в действиях. Что в итоге и происходит. Яркий пример — палестино-израильский конфликт, новый виток эскалации которого мы наблюдаем в последние недели и дни. Стороны обвиняют друг друга в терроризме. Но их оценки хотя бы объяснимы неизбежным в данном случае субъективизмом. А почему картезиански рассудочная Европа не может понять, кто прав, а кто неправ в своих действиях и обвинениях — израильтяне или арабы? Даже когда сталкивается с аналогичными фактами на своей территории.

Похоже, что все мы скатываемся к крайне субъективистскому определению терроризма: это насилие или устрашение угрозой насилия, направленное против граждан твоей страны, в том числе и находящихся под ружьем, если только обеими сторонами не признан факт войны между ними. Это же определение переносится на «третьи страны», но исключительно по принципу союзничества или по крайней мере симпатий по отношению к одной из сторон конфликта.

Я хочу выделить несколько моментов, которые, на мой взгляд, могли бы приблизить нас к некой одновременно и универсальной, и легитимной формулировке, позволяющей по крайней мере теоретически отойти от того циничного правила, которое повсеместно используется сегодня в реальной политике, а именно от правила, согласно которому террорист, воюющий против меня или того, кому я симпатизирую, это плохой террорист, а террорист, воюющий против других, особенно тех, кого я не люблю или к кому равнодушен, хороший террорист или даже просто повстанец.

742

Прежде всего, надо четко отделить, коль скоро пока война, как таковая, не запрещена международным правом, партизанскую войну против вооруженных сил противника, от терроризма, всегда своим непосредственным действием направленного против мирного населения. Ибо всякое (не чисто уголовное) насилие или устрашение угрозой насилия, направленные против мирного населения, есть главное в терроризме.

По этому основанию и 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, и захват театрального центра в Москве, и 11 марта в Испании, и 7 июля в Лондоне, и взрывы в автобусах и ресторанах в Израиле, и подрывы гражданских объектов на территории Чечни — всё это терроризм, ради каких бы «благих», по чьему-либо мнению, целей эти акты ни осуществлялись. И такая оценка автоматически должна быть единой и для Вашингтона, и для Москвы, и для Лондона, и для Брюсселя, и для Страсбурга, и для всех, кто желает находиться в рамках международного права. Любая иная оценка, даже построенная по логике «да, но...», должна квалифицироваться как прямая поддержка терроризма. Для официальных лиц она должна быть исключена категорически — под угрозой международной обструкции данного официального лица.

Соответственно все лица и организации, в той или иной степени причастные к организации, финансированию, подготовке и реализации таких актов (терактов), должны рассматриваться как преступники.

Эта, казалось бы очевидная, логика тем не менее постоянно нарушается.

Оправданием последнего чаще всего служат «неадекватность» мер по борьбе с терроризмом. Поскольку представления об «адекватности» и «неадекватности» весьма расплывчаты и субъективны, должен быть выработан очень четкий кодекс борьбы с терроризмом и угрозами его применения, принятый в качестве обязательного для всех международного правового акта. Причем наказания за террористическую деятельность должны быть одинаковыми на территории всех стран, а любое национальное послабление в этой части должно квалифицироваться как пособничество терроризму или укрывательство террористов.

Далее. Многие террористические группы выдвигают встречное обвинение государствам, с терроризмом борю-

743

щимся. Это обвинение в государственном терроризме. Палестинцы обвиняют в этом Израиль. К ним присоединяются многие западноевропейцы. Лидеры чеченских боевиков обвиняли и обвиняют Россию в государственном терроризме. И здесь многие западноевропейцы (и не только западно) присоединяются к

этой оценке. В государственном терроризме обвиняют и США все те, кому не нравится поведение этой страны в последнее время.

Словом, необходимы четкое и общепризнанное определение государственного терроризма и соответственно его запрет либо, напротив, изъятие этого термина из международного права и даже международного лексикона, коль скоро за государством признается право на насилие (в ограниченных законом пределах) над собственными гражданами и даже в международных масштабах при обеспечении своей безопасности.

Всё то, о чем я говорю, так или иначе присутствует в международном праве, но сегодня является очевидно неэффективным и двусмысленным.

Когда группа ведущих стран приняла для себя решение о том, что атомное, химическое и бактериологическое оружие являются угрозой для их существования, они либо ликвидировали, либо чрезвычайно ограничили, в том числе и свое собственное, право на владение этим оружием.

На мой взгляд, терроризм (безотносительно того, каким конкретно способом он реализуется, а этих способов может быть множество, в том числе и безоруженческие, например, гражданские самолеты) сегодня стал оружием массового уничтожения (ОМУ), а следовательно, и должно быть запрещен для всех — как для отдельных граждан и организаций, так и для государств.

В этом — ключ к решению проблемы терроризма. Фактически, несмотря на многочисленные вопли по поводу его угрозы, универсальной опасностью и универсальным злом он не считается. Он по-прежнему считается лишь злом для того, против кого в данный момент применяется, и лишь тем, кто от него страдает. Нет понимания того, что, как и в случае с ядерным оружием, существует возможность гарантированного террористического взаимоуничтожения или по крайней мере нанесения с помощью терроризма неприемлемого для тебя ущерба.

744

А потому остается иллюзия, что в террористической (антитеррористической) войне можно победить. Может быть, и так. Но тогда в ближайшие годы реальной и эффективной победы над терроризмом (кроме как на время и только для себя) никто не одержит.

745

Террористический рейх

Тезисы о терроризме, а также о противниках и союзниках России

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 07.09.2004

ЧАСТЬ I

Хотелось бы, конечно, составить тезисы о любви или, например, о соблюдении прав и свобод личности, в том числе и террориста. Тоже ведь человек, особенно с точки зрения европейских правозащитников и даже некоторых официальных лиц.

Но, кажется, европейское правосознание так увлеклось защитой прав личности убийц, что всё меньше думает о правах их жертв. Особенно если эти жертвы граждане не Евросоюза, а «какой-нибудь» России. Так что о любви и необходимости проветривать камеры, в которых содержатся пойманные террористы, в следующий раз. Сегодня — тезисно, ибо тема обширнейшая — о самих террористах. И о нас.

1. До сих пор высшим проявлением злодейства и бесчеловечности в европейской культуре считался фашизм. Ушедший в прошлое настолько, что кое-кому (в странах Балтии, например, членах Евросоюза, между прочим) кажется даже пристойным зафиксировать свою службу в войсках СС.

После захвата, пыток и расстрелов в Беслане террористами сотен детей, надеюсь (хотя и не уверен), современный исламский терроризм будет приравнен как высшее проявление зла и бесчеловечности к фашизму. Но проявлению, не ушедшему в прошлое, а находящемуся на восходящей линии своего развития.

2. Наконец-то на официальном уровне провозглашено, что международным терроризмом и его передовым отрядом на нашей территории, терроризмом чеченских «сепаратистов», объяв-

746

лена тотальная война против России. Кстати, идет эта война уже десять лет.

3. Если это тотальная война, то есть война на полное уничтожение объекта атаки — России, то встают вопросы о наших противниках, союзниках, готовности и способности нации противостоять и победить в этой войне, а также о способности Вооруженных Сил России во всей их совокупности вести и выиграть эту войну.

4. Кто противники? Единственная ясность для нас в этом вопросе: чеченские и иностранные боевики, действующие на территории России. Всё остальное — крайне размыто и неконкретно. Какие-то международные спонсоры, какие-то внутренние структуры, снабжающие их деньгами и оружием, какие-то страны, где эти боевики проходят подготовку и лечение, какие-то организации, обеспечивающие на Западе выступления пропагандистов тотальной войны против России и даже предоставление им политического убежища, какие-то не ясно где находящиеся штабы политического, а не собственно боевого руководства террористической войной. Где названия стран, организаций, где имена всех, а не только полевых командиров — имена высших руководителей террористического рейха?

Американцы, куда меньше нашего, даже с учетом 11 сентября 2001 года, пострадавшие от этого рейха на своей земле, давно всё это называют и соответствующе действуют.

5. Если кто-то в Европе думает, что русский солдат защищает в Чечне имперские амбиции России и рейтинг Путина или (что, видимо, тоже кое-кем не приветствуется) всего лишь Россию, то иначе как кретинизмом это назвать нельзя.

Русские солдат и генерал, плохо они действуют или хорошо тактически и оперативно, защищают на Кавказе ценности христианской цивилизации, всего евроатлантического мира и конкретно — свободу и безопасность Европы и каждой из стран Евросоюза, в который вообще-то Россия не входит.

И в фашистские времена коллаборационизма в Европе было немало, в том числе и идейного, и на ненависти к России замешанного. Что ж удивляться, что он процветает и сегодня. Только ведь и Россия по отношению к коллаборационистам (странам в целом и отдельным политикам) должна и имеет полное моральное право вести себя соответственно.

747

6. Россия, ее политики и военные, наделали массу ошибок на Кавказе, в Чечне конкретно. Но до 9 мая 1945 года, до которого еще далеко, не западноевропейцам судить русских солдат, генералов и политиков. И уж точно не тем западноевропейцам, которые погрязли в умиротворении террористического рейха. Мы сами разберем наши ошибки и накажем наших виновных, если в условиях войны сочтем нужным.

7. Тотальная война не выигрывается разгромом противника на своей территории и вытеснением его за пределы своих границ. Тотальная война выигрывается только разгромом агрессора и уничтожением на его собственной территории. Это к вопросу о стратегии данной войны с нашей стороны.

8. Готовность и способность нации (России) к сопротивлению и победе в этой войне. Теоретически с этим всё ясно, и выбора тут нет, ибо если нет готовности и способности — России не будет. Практически — множество вопросов, порой самых неясных.

9. Президент Путин очень многое сказал в своем выступлении после ужасающего теракта в Беслане. Последуют ли за словами дела?

10. О наших вооруженных силах, правоохранительных и силовых структурах. Тут многое что можно и нужно сказать. Пока, на мой взгляд, о главном. Тотальная (как и терроризм) коррупция в их низовых звеньях является важнейшим обстоятельством, обеспечивающим успех всех терактов в наших городах. И пока эта тотальная коррупция не будет уничтожена, террористы будут побеждать сначала количественно, а затем и качественно. Собственно, террористическая серия конца августа (включая 1 сентября в Беслане) и дала пример такого перехода количества в качество.

Сказанное не означает, что не нужно жесточайше ликвидировать коррупцию в верхних эшелонах силовых и правоохранительных структур.

11. О местных начальниках, не жалеющих денег для ремонта своих резиденций и нанимающих для этих работ профессиональных рабочих, зато подрывающих для ремонта школ первых встречных, тех, кто берет подешевле. Минимальное, что их должно ждать, — отставка. Минимальное.

12. О доверии к власти. Выиграть войну, тем более тотальную, если нет доверия к своей власти и своим силовым структурам, невозможно. Массированное сокрытие правды в на-

748

ше время ведет в ситуациях, подобных беслановской, только к одному — к тому, что люди начинают верить террористам больше, чем власти. Что это, как не преступление, если даже лишь глупость? Можно же наконец это понять!

Тотальная война в условиях тотальной (как бы с этим ни боролись) свободы перемещения информации — это и есть самое сложное в войнах современности.

13. В условиях войны политические и военные руководители, проигрывающие одно сражение за другим, никогда не оставляются на своих постах. На то главнокомандующему и дано право единоличного принятия кадровых решений.

14. Однако всем жестким критикам действий силовых структур после захвата детей в Беслане (всё, что было до, не имеет оправданий) я хотел бы предложить изложить сегодня публично свои подробные планы конкретных действий силовиков и политиков по освобождению заложников. Пока таких планов я не читал и не слышал. Может быть, что-то пропустил.

15. О самой элементарной составляющей гражданской позиции сегодня.

В том, что случилось в Беслане, 99 процентов вины и ответственности террористического рейха, и лишь 1 процент — России, очень неэффективно до сих пор с ним боровшейся. Но ограничиться в этой связи лишь парой фраз о том, что захват сотен детей, издевательства над ними и их убийство, это ужасно, а затем перейти к часовому разбору ошибок и провалов (если таковые были) наших спецслужб по освобождению заложников, безнравственно. А кроме того, просто непрофессионально.

16. Меня поражают, действительно поражают, слишком часто звучащие в эти дни вопросы некоторых западных коллег — политологов и журналистов. А не политика ли России в Чечне привела к захвату школы в Беслане? А не стоит ли теперь Путину сесть за стол переговоров с Масхадовым? А не наступит ли в России теперь новый тоталитаризм? И прочее в том же духе. Вопросы поражают, но отвечать нужно.

17. Вот сценарий (и иного быть не может) предоставления независимости Чечне (во главе с Масхадовым или кем-либо иным из «сепаратистов»). Первой эта ставшая тогда вновь бандитской «республика» поглотит Ингушетию. Затем — Дагестан. Начнет воевать Осетию. Это российские террито-

749

рии. Но затем будет уничтожена или распадется Грузия. Начнется война, которая охватит весь Кавказ и подожжет Юг и Центр России. С теми, кто этого не понимает, даже нет смысла говорить.

Или кто-то хочет балканизации Кавказа и начала второго распада России? Это другой вопрос. Правда, и этим людям нужно учесть, что весь террористический рейх соберется тогда на Кавказе лет на тридцать. С тем, чтобы, уничтожив Россию, взять Европу уже не с юга, а с востока.

18. В свете сказанного ясно, что Путину нужно не договариваться с Масхадовым, а окончательно убрать его и его подручных как минимум из Чечни. Кстати, в свете Бесланского холокоста действительно скандальным и постыдным для российских спецслужб (и политиков) является тот факт, что Басаев до сих пор жив. Международный терроризм и любой масштабный терроризм не победить демократическими методами.

19. Западу нужно понять, что при всём его высокомерии не только там, но и во всем мире нет практически ни одной страны, которая могла бы научить Россию «правильной» политике на Кавказе. Просто потому, что никто лучше России не знает специфики Кавказского региона и его народов, а большинство не знает об этом вообще ничего. Возможно, лишь в Англии еще сохранились (со времен Британской империи) экспертные заделы по Кавказу.

20. Сказанное не означает, что России не нужно менять, причем радикально, свою кавказскую и внешнюю, и внутреннюю политику. Одним из главных препятствий на этом так и не начатом пути являются многие северокавказские региональные начальники, постоянно понуждающие Кремль к сохранению их личной власти под предлогом того, что без их опыта и авторитета та или иная республика погрузится в хаос.

Однако опыт этих начальников давно уже сводится к искусству сохранения личной власти, причем самыми авторитарными методами, а авторитет обеспечивается лишь хвалебными статьями в нещадно контролируемой ими местной прессе.

21. Кремль опасается трогать большинство из них, боясь потерять хотя бы тот хрупкий статус-кво, который до сих пор на Кавказе сохранялся. Эту робость можно было бы оправдать, если бы за время сохранения статус-кво местны-

750

ми начальниками, засидевшимися на своих постах, была бы выработана хоть какая-то новая и инициативная политика на Кавказе. Но дело даже не дошло до того, чтобы российское МВД хотя бы имело возможность возвращать из этих республик угнанные из Москвы автомашины. А вот террористы (и чеченские, и международные), в отличие от местных «отцов народов», действительно постоянно совершенствуют и обновляют свою тактику, да и стратегию.

Проблема эта деликатная, но не стоит забывать, что народное недовольство местными руководителями рано или поздно падет на Москву, ибо только благодаря ее поддержке, пусть вынужденной, они остаются в своих креслах.

22. Последняя серия терактов в России — это крупнейший политический кризис в нашей стране за все годы президентства Владимира Путина. Кризис, который приведет к решительным изменениям в ее внешней и внутренней политике. Эти изменения не будут простыми и однозначными. Хватит ли российскому обществу сил, жесточайше наступательно борясь с терроризмом, не прогнуться самому под тяжестью этой битвы, это, в конечном итоге, вопрос веры. Я верю, что хватит. Кто-то, что нет. Но в любом случае первым в повестке дня, в том числе европейской, стоит вопрос о победе. Этот вопрос с запредельно беспощадной остротой поставлен кровью детей из Беслана.

23. Но и второй вопрос — о внутривнутриполитическом дрейфе России после Беслана — крайне важен. И только веры здесь недостаточно. Ее нужно подкреплять политическими реформами, радикальными по сути, точными по форме. Этих реформ должно быть много.

24. Категорическим императивом должны быть демократизация всех республиканских политических режимов на Кавказе и прекращение третирования местной лояльной Москве оппозиции. Это совсем не то же самое, что переговоры с Масхадовым (хотя пугать будут этим), а прямо противоположное. Одновременно, напротив, должны быть централизованы (в пределах всего региона) все силовые структуры и специальные службы, за исключением только муниципальной милиции.

25. Финансовые вливания в северокавказский регион не должны доставаться, как до сих пор, лишь местным власт-

751

ным кланам, а потому в регионе необходимо создать не подчиняющийся им центр экономического роста.

26. Скандальным фактом является то, что российский парламент не собрался (не был собран) на свое экстренное заседание сразу же после начала событий в Беслане. Хотя и понятно, что в нынешнем его состоянии практической пользы от такого собрания было бы мало, но политические приличия всё-таки надо соблюдать. А кроме того, надо бы найти нашему парламенту и более пристойное, чем ныне, место в решении проблем страны, в том числе и тех, что обнажились в Беслане.

27. Неизбежное усиление силовых структур и спецслужб, требуемое радикализацией борьбы против терроризма, требует диверсификации контроля над ними. Это может обеспечить только институт парламентского расследования. Он демократичен, не представляет (в нынешних условиях) никакой опасности для власти в целом, но лишь для отдельных ее представителей. Этот институт — очень эффективный инструмент и верификации информации, лежащей на стол президенту, и принятия им серьезных кадровых решений.

28. Этот же институт может оказаться эффективнейшим механизмом решения региональных проблем, связанных с преодолением всё возрастающего авторитаризма многих глав субъектов Федерации, в том числе и тех, которые не способны обеспечить в своих регионах снижения уровня преступности вообще и терроризма в частности.

29. Совершенно очевидно, что необходимо не только приостановить, но и запустить в прямо противоположном направлении механизм деполитизации федеральных телеканалов. Здесь мы дошли до критической точки. Представление, что таким сложным и, к сожалению, предельно неконсолидированным сегодня российским обществом можно эффективно управлять с помощью только развлекательных программ и исторической публицистики, подменяющей оперативную телеаналитику, является заблуждением, причем всё более опасным. Пора перестать загонять даже не желающих того граждан России в интеллектуальное подполье.

30. Бесспорны ли мои тезисы? С моей точки зрения, да. Но и то, что многие их оспорят, я знаю. В этой связи последний в данной двучастной статье тезис: после таких событий, как холокост в Беслане, только откровенная общенациональная

752

дискуссия может гарантировать нам, народу и народам России, определение правильных путей обеспечения нашей национальной и каждого в отдельности безопасности. То есть спасения России от поражения в той самой тотальной войне терроризма против нас, о которой совершенно справедливо заявил президент-главнокомандующий Владимир Путин 4 сентября сего года.

753

Дело и тело Ленина

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, 13.10.2005

В который раз, стихийно или кем-то инспирированная, возникла дискуссия о необходимости и возможности захоронения тела Ленина. То, что такие дискуссии периодически возникают, вполне нормально. Проблема-то действительно существует. То, что власть время от времени зондирует общественное мнение по этому вопросу, тоже не может считаться предосудительным. Раз есть проблема и общество не имеет доминирующей позиции относительно того, как эту проблему решить, разумно не действовать волюнтаристски, а узнать расклад мнений на сей счет.

Но чем плохи краткосрочные споры по любой проблеме, так это тем, что принять участие в них успевают, как правило, лишь сторонники крайних позиций — люди, стремящиеся к навязыванию обществу (а точнее, тем, кто принимает решения) собственного мнения. Между тем всякая дискуссия, прежде чем она достигнет какого-то приближения к истине, должна миновать этот пик идейного экстремизма и тем самым отринуть его.

А дискуссии о дальнейшей судьбе тела Ленина всякий раз заканчиваются на этом пике, так и не переходя в конструктивную стадию. Это, кстати, является (не обязательно, но скорее всего) показателем того, что данная проблема в общем-то не очень волнует общество, которое подспудно, без истерических криков и идеологических подстегииваний, само собой постепенно приближается к какой-то консенсусной позиции по данному вопросу. И дальновидным руководителям нуж-

754

но лишь дожидаться завершения этого процесса. Ведь то, что действительно «широкая» общественность к последней дискуссии о Ленине не присоединилась, совсем не означает, что какая-то ее значимая часть не прореагирует на резкий выход из нынешнего статус-кво.

Мне представляется, что для выхода на разумное решение данной проблемы необходимо взглянуть на эту проблему в ее объективных, а не мифических ипостасях. Их, на мой взгляд, по крайней мере, три.

Во-первых, ненормально, что тело Ленина не предано после смерти земле, как полагается по русской и православной традиции (а он был и русским, и православным, хоть и отвергшим в сознательном возрасте религию). Тут не работают ссылки на существование не захороненных (в прямом смысле слова) тел «святых» (например, в пещерах Киево-Печерской лавры). Ленин в православно-религиозном смысле не «святой», с религией боролся и т. д. В общем, эта традиция, к тому же стародавняя, к нему отношения не имеет.

Во-вторых, Ленин и его идеи являются символом веры значительной части российского (и не только российского) общества, и даже весьма мощной, к тому же представленной в парламенте страны партии. И хотя совсем не естественно, что создатель и вождь этой партии, к тому же убежденный атеист, погребен таким образом, более того — является объектом медицинских экспериментов, всё-таки нельзя не учитывать, что традиция закрепила в сознании коммунистов и им сочувствующих такое странное посмертное «существование» их вождя как норму, всякое покушение на которую воспринимается либо как кощунство, либо как политическая провокация против части населения страны.

В-третьих, Владимир Ульянов-Ленин является выдающимся политическим деятелем России и одним из самых выдающихся политических деятелей мира в XX веке, а также, что немаловажно, более того — очень и очень важно, — он был главой правительства, а фактически и главой государства в нашей стране, ее, как принято сейчас выражаться, политическим лидером. А потому любое недостойное действие над телом Ленина, вызванное глупостью, неосторожностью, благим порывом или «политической целесообразностью», нанесет сильнейший удар по России и ее истории (и без того подвергаемой нападкам

со всех сторон), по нашей нации, по на-

755

шей национальной гордости (и так весьма истончившейся). Смее уверить, что очень многие из тех, кто сегодня из-за рубежа требуют «выноса Ленина из Мавзолея» как доказательства «цивилизованности России», как только такой «вынос» (особенно в некоторых из предлагаемых вариантов) состоится, сразу же обвинят нас в новом варварстве.

Я не собираюсь в данном случае обсуждать все стороны политического лидерства Ленина. Эти исторические и политические споры естественны и должны продолжаться, но всё-таки прямого отношения к нормальному решению конкретной проблемы захоронения не имеют. Ибо в этом аспекте содержание споров снимается официальным статусом Ленина, фактическим масштабом его как политической и исторической фигуры и масштабом влияния его идей на общественную мысль человечества, а также необходимостью решить данную проблему в интересах не абстрактной истины или не менее абстрактных «человечности» или «справедливости» и уж тем более не в угоду каким-либо идейным предпочтениям, а в интересах национального согласия и конкретной человечности и справедливости. Менее всего нужно полагаться в решении данной проблемы на советы со стороны. Если Ленин и причинил зло кому-либо, а он, безусловно, причинил и зло, то народу России. И только этот народ имеет право принимать по сему поводу то или иное решение.

Изложенные выше три ипостаси «проблемы Ленина», на мой взгляд, с неизбежностью приводят лишь к одному-единственному приемлемому решению, а именно к тому, чтобы опустить тело Владимира Ульянова-Ленина в землю там, где фактически он и был похоронен после своей кончины, то есть в Мавзолее. Тем самым, естественно, прекращается доступ кого-либо к обозрению этого тела. Сам же Мавзолей, бесспорный шедевр русской и мировой архитектуры, прекрасно вписанный Щусевым в ансамбль Красной площади, построенный именно для Ленина, а не для кого-либо или чего-либо другого (каких-то музеев, например, а ведь и этот абсурд предлагается!), должен остаться в неприкосновенности как монументальное надгробие над могилой того, кому это надгробие и предназначалось. Величественное надгробие, ничего не скажешь. Но так распорядилась история! И бессмысленно ее переписывать, перекладывать, перестраивать. Ибо это история подлинная, а не сочиненная для спешно из-

756

данного конъюнктурного учебника. Дурная мода на реституцию истории скоро пройдет, а глупости, ею сделанные, к сожалению, останутся — в истории реальной.

Кстати, не хотелось бы вдаваться в детали, но всё-таки не могу не отметить нелепость такого, казалось бы, логичного предложения, как захоронение тела Ленина на Волковом кладбище Петербурга, рядом с могилой его матери. Нравится кому-либо это или нет, но поклонников Ленина в стране и за ее пределами так много, равно как и его ненавистников, что во избежание эксцессов на месте такого захоронения придется расквартировать полк внутренних войск. Если у нашего государства нет других проблем, то можно, конечно, пойти и на это. Заодно, кстати, убрав с Волкова кладбища все остальные могилы, ибо как иначе можно будет обеспечить доступ всех желающих к «новой» могиле Ленина?

Минимум движений, минимум перемещений, минимум политических подоплек — вот единственная основа правильного решения. В земле, но в Мавзолее.

Остался еще один вопрос: когда? Общий ответ я уже дал: когда общество само придет к согласию по этому вопросу. Но можно перед обществом поставить и проблему конкретного срока, связанного, естественно, не с какими-либо выборами, а с исторической предопределенностью. И тогда срок или даже конкретная дата возникают сами собой. Тело Ленина необходимо захоронить не позднее 7 ноября 2017 года. А возможно, и именно в этот день. Почему-то я уверен, что так и будет. Но если это объявить заранее, то за оставшееся время и ненужные страсти утихнут, и бессмысленных споров не будет, и консенсус по данному поводу постепенно вызреет.

А деньги, выделяемые в чьих-то головах на перемещение тела Ленина по стране, лучше бы — и как можно быстрее (но не второпях) — истратить на создание реального памятника национального примирения — Памятника всем участникам и всем жертвам Гражданской войны в России, посмертно (если нужно, то и решением высшего законодательного органа страны) простив их всех. Тем более что не нам, совершившим за последние годы не меньше преступлений, судить тех, на месте которых еще неизвестно как бы повели себя мы сами. Не судить давно умерших надо, а не грешить самим.

757

Заметки на нетрадиционно-сексуальную тему

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ, №20, 02-08.2006

Довольно долго и упорно не слишком далекими, но слишком активными «апологетами демократии» нашему обществу внушался тезис о том, что настоящая демократия это не отражение интересов большинства, а максимальный учет мнений и интересов меньшинств. То есть страна, где все меньшинства во всех своих проявлениях расцветают, как цветы под ласковым солнцем после июньского дождика, это и есть самая демократическая страна. Куда при этом деваться большинству (например, сексуальному) теоретиками и практиками этой «демократии маргиналов» не объяснялось. Ему просто разрешалось жить рядом с меньшинствами, но при двух условиях. Во-первых, не мешать цвести всем цветам. Во-вторых, помалкивать о своей примитивной философии большинства, дабы не оскорблять чувства и мысли тех, кто

«не такой, как все», а потому «лучше тех, кто как все».

В результате во многих странах Запада и в значительной степени у нас как естественные, так и не естественные интересы некоторых (заметим, всё-таки далеко не всех) меньшинств уже защищены настолько мощно, что и не снилось большинству с его традиционными интересами, а главное — что меньшинства (опять же некоторые) начали диктовать свою волю большинству и прямо репрессировать (уже не только идеологически, но порой и юридически) отдельных, слишком уж непокорных членов большинства.

Таким образом, уйдя (или уходя) от доминирования агрессивно-послушного большинства, мы оказываемся во власти агрессивно-непослушных меньшинств.

758

Наиболее яркий пример этого — фактически повсеместная теперь практика того, что права преступника защищаются лучше, чем права жертвы и свидетелей преступления. В области защиты прав сексуальных меньшинств мы движемся по тому же пути.

Я, как и многие другие, а в сумме нас, безусловно, абсолютное большинство, считаю, что это порочная (в прямом смысле), опасная и совершенно недемократичная практика. К тому же ломающая установленные Богом ли, Природой ли (кто во что верит) фундаментальные законы жизни. А поскольку сломать эти фундаментальные законы никакому меньшинству не под силу, то в результате этого богоборчества или природоборчества будет уничтожена человеческая цивилизация.

Нельзя и неприлично смеяться над физиологическими аномалиями других, чаще всего нельзя репрессировать людей за эти аномалии (хотя душевнобольных, например, репрессируют — по крайней мере, изоляцией и поражением в некоторых гражданских и политических правах; но почему бы и им не позволить проводить свои парады на улицах?). Но нельзя и аномалию выдавать за норму, более того, юридически приравнять ее к норме или даже ставить выше нормы.

Семья — это союз мужчины и женщины, одним из главных (если вообще не главным) предназначений которого является рождение детей, продолжение рода своего в частности и человеческого в целом. Поэтому никаких однополых браков и однополых семей не может быть в принципе, ибо так устроен мир. Товарищество на доверии, закрытое акционерное общество для совместного владения совместно нажитым имуществом — пожалуйста. Но, конечно, не семья.

Соответственно, никакого усыновления и удочерения таким товариществам разрешено быть не может. Тогда нужно разрешить усыновление и вообще всем кооперативам, от производственной деятельности которых дети не рождаются. То есть — вообще всем юридическим лицам — хоть Конгрессу США, хоть российской Госдуме.

Безусловно, нужно ограничивать некоторыми естественными рамками и проявление публичной и тем более политической активности представителей разных, в том числе и сексуальных, меньшинств, а равно и пропаганду их образа жизни.

759

Парадоксально, но, как говорится, факт: сначала, что абсолютно правильно, представители секс-меньшинств требовали не лезть к ним в постель. Когда общество перестало это делать, то эти представители сами вынесли свои постели на улицы и теперь требуют, чтобы их постельную жизнь остальные граждане наблюдали и приветствовали.

Ну итак далее...

Наконец, последнее в этих заметках. Собирался я опубликовать в «Московских новостях» одну статью на сей счет. Довольно жесткую, но вполне, на мой взгляд, аргументированную. И посоветовался с коллегами. И что же я услышал: ни в коем случае нельзя публиковать, мы же перессоримся со всеми (далее следовало перечисление некоторых общественных и иных учреждений и институтов в основном из сферы культуры и массмедиа) и с (далее следовал список имен и фамилий). «А как же демократия, свобода слова, свобода печати и прочие замечательные вещи?» — возопил я. — «Всё равно не стоит», — услышал в ответ. То есть Путина, например, которого называют авторитарным президентом и чуть ли не главным душителем свобод в России, те, у кого я спросил совета, клеймить не боятся, а демократичных и либеральных геев опасаются. Так чья же у нас диктатура — Путина или сексуальных меньшинств?

По страху вашему узнаю я ответ.

760

Содержание

	Введение. Как управлять Россией (теория и практика руссогогики)	5
	Раздел 0. ДВЕ ФАНТАЗИИ ВРЕМЁН РАСЦВЕТА И ЗАКАТА ЕЛЬЦИНИЗМА	
	Президент. Моя борьба.....	20
	Разговор Березовского с Путиным.....	32
	Раздел 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ: КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ	
	Двор плюс Аппарат.....	48
	1996-й. Конец России? (6).....	52
	Победа коммунистов	57
	Сталин — это наше всё.....	63
	Голиаф и Левиафан.....	67
	Власть, общество и интеллигенция в современной России	74
	Идеальное государство.....	91
	Презумпция номенклатурности	95
	Раздел 2. 1991-2007: ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИКА В ЕЁ ВАЖНЕЙШИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ	
	После путча, накануне реформы.....	100
	Государственный переворот в СССР.....	118
	Агония политического режима очевидна.....	121
	О «демократическом» лозунге «поражения собственной армии и собственного правительства»....	133
761	«Обогащайся!» и «Выживай!».....	154
	Вопрос о власти (1).....	156
	Вопрос о власти (2).....	162
	Альтернатива мифу.....	168
	Молчание элит.....	175
	Бремя всевластия.....	183
	Раздел 3.	
	МОЯ ИСТОРИЯ РОССИИ. ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОБЫТИЯХ И ПЕРСОНАЖАХ	
	Апология Горбачёва, или Эпитафия перестройке.....	198
	Первый год президента Бориса Ельцина.....	207
	Правила установки памятников.....	222
	Уроки Сталина.....	224
	Тезисы о перестройке.....	228
	Россия без истории.....	237
	Государственный недопереворот.....	241
	4 ноября. От легализации к канонизации.....	245
	Who is mister Brezhnev?.....	252
	Ельцин умер. Ельцин всё ещё жив.....	257
	Раздел 4. СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ	
	Что происходит в России и почему?.....	260
	Президентский императив: от конфронтации к партнёрству.....	274
	1996-й. Конец России? (9).....	288
	К России людей и людям России.....	292
	Развалятся ли Россия?.....	301
	Диагноз: управляемая демократия.....	315
	Россия: последний прыжок в будущее.....	322
	Бесхребетная Россия.....	335
	Суверенная демократия.....	376
	Дефицит идеологии и поиск стратегии.....	381
	Суверенная демократия как историческая судьба России.....	386
	Крушение СССР и возрождение России.....	389
	Чертёж Суркова.....	421
762	Раздел 5. КАЗУС ПУТИНА. АНТИЕЛЬЦИН	
	Вся правда о Путине.....	440
	Разговор Голиафа с Левиафаном.....	445
	Режим Путина и Россия (1).....	454
	Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?.....	461
	Большая статья о Путине и о России.....	464
	Публичный политик № 1.....	476

Why do we need mr. Putin? (1).....	480
Why do we need mr. Putin? (2).....	485
Императивы Путина.....	490
Либеральный консерватор.....	503
Инаугурационное.....	521
Выбор Путина как выбор России.....	541
Нужен ли нам Путин после 2008 года?.....	557
Раздел 6. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ И В СВОЁМ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОКРУЖЕНИИ	
Чечня, Белоруссия, НАТО, Украина	594
Прекрасен их союз?.....	604
Зачем нам СНГ?.....	609
Что России нужно от США?.....	615
Гипотеза о большом треугольнике.....	628
Тлеющая «Европа».....	640
Естественная роль.....	645
Русская Азия.....	650
Наш домашний «диктатор», или Суверенные неконформисты.....	655
Россия — Украина: разорванный договор.....	660
Москве пора дать ответ Абхазии, Южной Осетии и Приднестровью....	666
Встречи в верхах и низкие истины.....	670
Диссидент Путин.....	676
Зачем Россия остаётся в ОБСЕ?.....	679
763	
Раздел 7. ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА	
Новый европейский завет.....	686
Евроатлантический союз.....	699
Записки о Евросоюзах.....	703
Раздел 8. РАЗНОЕ, НО ВАЖНОЕ	
Об идее разрушения мавзолея.....	722
Загадка экстремизма.....	725
Внимание, опасность!.....	729
Русский Кавказ.....	733
Порядок или Марс?.....	737
Терроризм как оружие массового уничтожения.....	741
Террористический рейх.....	746
Дело и тело Ленина.....	754
Заметки на нетрадиционно-сексуальную тему.....	758

Т66

Третьяков, Виталий Товиевич. Наука быть Россией : наши национ. интересы и пути их реализации / Виталий Третьяков. — М. : Русский мир, 2007. — 768 с. — (Pro patria : историко-политологическая библиотека). — ISBN 978-5-89577-109-9.

Агентство СІР РГБ

В книге одного из ведущих русских журналистов и политических аналитиков Виталия Третьякова собраны его теоретические работы, написанные в конце XX— начале XXI века. В трудах, вошедших в издание, исследуются фундаментальные проблемы отечественной и мировой истории и политики, предлагаются стратегические, оперативные и тактические пути реализации национальных интересов России (концепция «управляемой демократии», проекты предвыборных программ для президентов России времен Бориса Ельцина и Владимира Путина, концепция трехсубъектности Евроатлантической цивилизации и др.).

По определению автора, этот сборник относится к сфере *руссогогики*, то есть науки об управлении нашей страной. Глубокие по мысли и изящные по форме тексты В.Третьякова адресованы не только призванным заниматься руссогогической деятельностью на практике (таковых единицы), но и всем тем, для кого Россия — «эта страна, этот народ, это общество» — была, есть и пребудет ценностью высшего порядка.

Знакомясь с книгой, читатели легко обнаружат, что практически вся нынешняя политика и стратегия Владимира Путина и его команды следуют в русле того, что предлагал в свое время Виталий Третьяков.

УДК 32(470+571)" 19/20" ББК 66.2(2Рос)

Pro patria: Историко-политологическая библиотека

Виталий Товиевич Третьяков. НАУКА БЫТЬ РОССИЕЙ

Наши национальные интересы

и пути их реализации

Генеральный директор *В. Е. Волков*Главный редактор *М. Д. Филин*Художник *А. Ю. Никулин*Корректор *С. А. Артамонова*Художественный редактор *Т. В. Покатов*Верстка *Е. П. Селиванова* Подписано

в печать 01.08.2007. Формат 84X108

¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная. Печ. л. 24,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 3630. ЛР

№ 071422 от 07.04.97. Издательство

ООО «Русский Мир»

125438, Москва, Онежская ул., 13, корп. 2

Тел.: 153-35-98; 456-76-33; 708-61-64

e-mail: russkij-mir@narod.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА» 610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 978-5-89577-109-9